Мария Быкова, Лариса Телятникова

Путь к золотому дракону

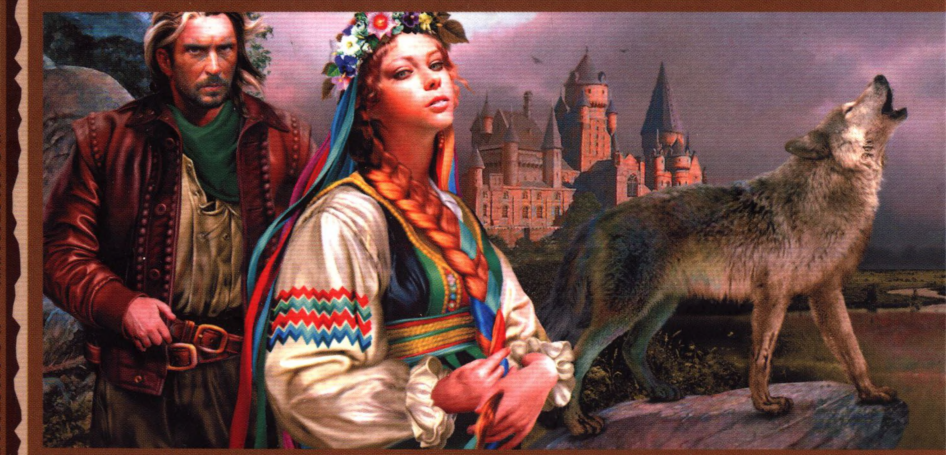

Трилогия в одном томе

- Северный Тракт
- Лестница миров
- Дракон и зеркало

Мария Быкова, Лариса Телятникова

Путь к золотому дракону

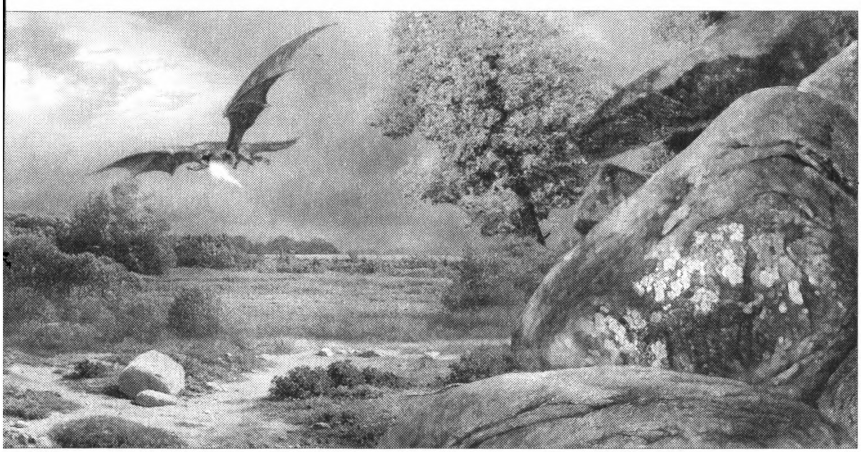

Трилогия в одном томе

- Северный Тракт
- Лестница миров
- Дракон и зеркало

Трилогия
в одном
томе

Мария Быкова, Лариса Телятникова

уть к золотому дракону

Москва, 2011

Мария Быкова, Лариса Телятникова

Трилогия в одном томе

• Северный Тракт •
• Лестница миров •
• Дракон и зеркало •

Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б95

Серия основана в 2005 году
Выпуск 112

Художник
А. Сальников

Быкова М. А., Телятникова Л. И.
Б95 Путь к золотому дракону: Северный Тракт; Лестница миров; Дракон и зеркало. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. — 604 с.: ил.
ISBN 978-5-9922-0958-7

Волкодлак, человек, полуфэйри. Нет, не то. Беглый преступник, боевой маг, адептка первого курса. Тоже не совсем так. Хорошо: Сигурд, Эгмонт, Ялька. Их путь лежит на северо-восток, в земли Серого Конунгата, под защиту золотого дракона Арры. Не сказать, чтобы им особенно этого хотелось, но куда еще податься угодившему в беду оборотню? Что ждет их там? О чем промолчал Лис из Леса? И что, мрыс эт веллер, значит этот белый слон?

А по следам беглецов уже идет ковенский отряд...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0958-7

© Быкова М. А., Телятникова Л. И., 2011
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011

Среди бесчисленных светил
Я вольно выбрал мир наш строгий.
И в этом мире полюбил
Одни веселые дороги.

Н. С. Гумилев

• Северный Тракт •

Все смешалось в доме Облонских.
Л. Н. Толстой

Это — прекрасный белый слон.
Г. Гейне

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой звучат восточные мотивы, появляются незваные гости и выясняется, что магистр Рихтер исчез как нельзя более кстати

1

В дальних пределах страны Каф, где солнечный жар превращает камень в песок, а горы — в равнины, где небо цветом подобно мечу, раскаленному добела, а каждый глоток воды ценится дороже золота, — в тех диких и странных краях, населенных, вне всякого сомнения, джиннами, джиннами и еще раз джиннами, живут все-таки и человеческие племена. Они дики, темны и воинственны; язык их резок, слова — коротки, а имена — длинны; но именно там из года в год рождаются самые сильные маги и самые зоркие предсказатели будущего.

Не без вмешательства джиннов, разумеется.

Счастье тому правителю, при дворе которого живет такой человек! Кто еще углядит змею-опасность, коварно притаившуюся в завтра? Отразить удар, который еще не нанесен, различить врага, притворяющегося другом... принц Саид долго полагал, что на этом обязанности придворного мага заканчиваются.

Но наступил день Песка.

— Этой ночью звезда, под которой родился мой господин, окажется на острие копья. — Темное лицо старого чародея было бесстрастным, будто маска из черного дерева. — Всадник спешится, и Пес, погнавшись за Птицей, догонит Деву О Трех Мечах. Господин мой, еще до захода солнца вам откроется истина.

— Что за истина, звездочет?

Предсказатель пожал плечами.

— Мне это неведомо, — просто сказал он. — Пусть мой господин подождет: истина не уйдет от него, а до захода солнца осталось не так уж и много.

Саид ждал, и ждал терпеливо; под конец ему стало казаться, что он устроил на истину засаду, будто разбойник — на купеческий караван. Но все шло своим чередом. Вот небо стало золотым, вот его залило шафрановое сияние, вот свет почти угас, вытянувшись в бледную нитку у горизонта... звезды насмешливо мигали с небес, и в какой-то момент принц, почти разуверившийся в южном чародействе, забылся сном.

И случилось то, что было предсказано.

На границе яви и сна пред ним предстало видение. Оно было *истинно*, истинно и прекрасно. От него веяло сухим жаром, горячим ветром, налетающим из пустыни, оттуда — верил народ Саида — к людям приходит Судьба. На этот раз Судьба приняла облик девы, прекрасной, как небесная воительница, желанной, как вода в летний зной, недоступной, как... как...

Впрочем, почему это недоступной?

Очнувшись, принц долго смотрел в узорчатый потолок. Снова и снова перед ним проплывал ее силуэт. Предсказатель не ошибся и уж тем более не солгал — это была истина и это была любовь. Саид сразу понял, что найдет ее даже на краю света.

Ночь он провел без сна, а наутро призвал звездочета.

— Проси чего хочешь, — сказал принц, прогоняя прочь суеверный страх. — Проси чего хочешь, но скажи, где мне ее искать!

Звездочет спокойно поклонился, не отпуская посоха:

— Пусть мой господин опишет мне ту, что явилась к нему этой ночью.

— Ты знал? Ты знал, что я увижу...

— О нет. Но, глядя на моего господина, сложно не сделать выводов. Ученик! Открой ларец и достань два рубиновых стержня... Какова та пери, что похитила разум моего господина?

— Она прекрасна! — выпалил принц, мечась по залу. — Она подобна реке, струящейся с гор, — так же чиста, весела и невинна! Глаза ее серы, как сталь клинка, стан тонок, как пальма... — Тут он вдруг замолчал и неуверенно произнес: — Нет-нет, подожди-ка... Напротив, она женственна и изящна, как статуэтки из...

Маг приподнял бровь. Пока принц терзался, он успел посмотреть, что за видение явилось будущему властителю Каф, и пришел в некоторое изумление. Действительно, девушка как будто

двоилась — и в то же время была едина. Хм... рыжая, с порывистыми движениями и глазами как морская вода? Или все-таки темноволосая, с губами как бутон розы, в ярких одеждах и позванивающих браслетах?

Принц расхаживал по комнате, мучительно описывая свой идеал. Маг чуть прищурился. Он был верен правящему дому и не желал зла будущему полноправному властителю этих земель. Звезды утверждали, что явившаяся во сне даст начало великой династии, а звезды не ошибаются и не путаются в грамматических формах. Речь шла об одной девушке. Так которая принесет счастье этой земле?

Воспоминания принца, весьма художественные, пускай и сумбурные, были записаны на первый стержень. Подсмотренное видение чародей записал на второй. И долго думал, водя над стержнями рукой, — какая же? Какая?

Он был уверен, что нашел правильный ответ. И через два часа его ученик внес в покои принца большой портрет, с которого смотрела сероглазая девушка. Она была воистину прекрасна, если не принимать во внимание неподобающе короткие волосы. Но даже это было не в силах испортить ее красоты!

Так сказал принц, и никто не стал с ним спорить: безумцев во дворце не встречалось. Да и потом, волосы не ноги, отрастут.

— Она прекрасна, — сказал Саид; не отрываясь, он смотрел на портрет, пока двор в спешном порядке собирал вещи в дорогу. — Она из благородного рода, мой друг! — К кому он обращался, никто не понял, но на всякий случай все покивали. — Без сомнения, она одарена всеми талантами. Ум и благородство запечатлены на ее прекрасном лике. Очертания фигуры радуют глаз приятностью форм... — Тут принц сделал некие волнообразные движения руками, но вдруг сообразил, что ведет себя, как подобает влюбленному, но никак не без пяти минут королю. — Мы желаем знать, где находится наша избранница! И все ли готово, чтобы мы могли нанести ей визит?

Это был самый главный и самый больной вопрос. Готово-то было уже почти все: белый слон, сотня скакунов, носилки с занавесями из тончайшего алого шелка, слуги поспешно укладывали в сундуки платья, покрывала и благовония. В сокровищнице короля были отобраны самые изысканные украшения, достойные того, чтобы Саид мог преподнести их своей возлюбленной... нет, не в качестве свадебного подарка, но в знак своего глубочайшего к ней

уважения. Ибо, как сказал поэт: «Нет лучшего друга у прелестницы, чем благородные мерцающие камни!»

— Мы выезжаем сегодня же!

Принц готов был отправиться в путь немедля, оставалось лишь узнать — куда именно. Не бывало еще такого, чтобы приказы властителя земли Каф не исполнялись в кратчайшие сроки. Но северный маг-ковенец, специалист по телепортам, еще не закончил высчитывать координаты, мысленно ругая и себя, и того, кто отвечал за распределение молодых специалистов, одним из которых он когда-то был. Платили здесь отлично, работа была непыльная, но интересная, однако магу совсем не улыбалось проектировать телепорт, когда владыка здешних земель, потеряв голову от любви, бегает вокруг с обнаженной саблей.

— Мой господин, мне нужно еще совсем немного времени! Это ведь необычный телепорт, он создается для торжественного случая, и я не могу ударить в грязь лицом перед той, чья неземная красота...

Насчет неземной красоты маг угадал очень верно — принц Саид прищурился, быстро обдумывая ситуацию.

— Ладно! — вынес он наконец свой вердикт. — Мы даем тебе время до того, как солнце коснется земли. Или тебе не придется увидеть, как оно встанет над этой землей!

Отчего-то маг, обучавшийся помимо прочего и боевым чарам, нисколько не усомнился, что так оно и будет. Дальнейшая работа потекла очень быстро и результативно.

Солнце клонилось к закату, когда к изнывавшему от любви Саиду, оттолкнув слуг с подносами, почти вбежал сияющий ковенец.

— Господин!..

— Ты нашел ее? Ты сделал все, как должно? Значит, мы можем отправляться в путь!

И тогда вдруг заговорил предсказатель. Никто не слышал, когда он успел подойти, и это было странно: звездочет был очень стар, при ходьбе он пользовался посохом, а когда спешил, дыхание его делалось тяжелым и шумным.

— Не торопитесь, государь, — сказал он, впервые обращаясь к принцу полным титулом. — Звезды говорят, что сегодня ночью не следует предпринимать путешествий и принимать важных решений, ибо одно уже принято, и оно слишком велико. Во имя той,

которую вам подарила судьба, молю вас: прислушайтесь к моим словам!

Повисло тяжелое молчание. Предсказателю доверяли. Принц смотрел то на него, то на портрет, и было видно, что его буквально разрывает на части. Однако не зря говорили, что главное, чем отличаются правители земли Каф, — это умение принимать неожиданные решения.

— Хорошо, — заявил Саид. — Мы выезжаем утром. Да будет так!

Он помолчал и добавил:

— А если за это время кто-то успеет попросить руки нашей возлюбленной, никто не помешает нам убить негодяя, осмелившегося похитить звезду наших очей!

2

Ранним утром двадцать первого изока к запертым воротам Межинградской Академии Магических Искусств приблизился человек на редкость неприметной наружности, одетый в длинный серый плащ. Ночью прошел настоящий ливень, а состояние мостовой перед Главными воротами всегда оставляло желать лучшего, — так что путь неприметного визитера представлял собой причудливую кривую, отрезки которой соединяли между собой относительно сухие островки. Прислушавшись, можно было разобрать, как он что-то бормочет себе под нос, через слово повторяя «мрыс дерр гаст!». Ничего не поделаешь: последнему двоечнику известно, что перед воротами нет места никаким посторонним чарам. В том числе левитационным и высушивающим.

Несолидно перепрыгнув через широкую лужу, отделявшую последний островок от каменного порога, незнакомец в сером плаще приложил ладонь к мокрой створке. Ворота, чуть помедлив, открылись, и маг — а кем же еще мог он быть? — зашел внутрь.

Первым, кого он увидел во дворе, был гном-завхоз: скрестив руки на груди и воинственно выставив бороду, тот сурово наблюдал за двумя адептами, разрыхлявшими участок под будущую клумбу. Адепты — светловолосые эльфы, похожие друг на друга как две капли воды, — работали слаженно, но довольно уныло, пе-

риодически бросая тоскливые взгляды на студенческий корпус. Левый эльф постоянно зевал, прикрывая рот плечом.

— Доброе утро, — официальным тоном поздоровался маг, подходя ближе. — Магистр... э-э...

— Утро доброе, — ворчливо согласился завхоз. Едва он повернулся к гостю, выпустив адептов из поля зрения, как те тут же бросили работать и застыли в одинаковых позах, опираясь на вертикально установленные грабли. — Чего это вам тут надо?

Маг не торопясь отвернул край воротника и продемонстрировал гному стальную бляху, нашитую с внутренней стороны.

— Управление внутреннего контроля КОВЕНа, магистр Цвирт. Где я могу найти директора Буковца?

...Будучи дипломированным эмпатом с весьма приличным стажем, Ирий Буковец чувствовал неприятности заблаговременно. На сей раз, однако, он пребывал в полнейшем недоумении. С одной стороны, в ближайшем будущем действительно маячили неприятности, причем весьма и весьма серьезные — они превосходили максимальное значение шкалы Ктесия-Кэкстона, что прежде считалось по определению невозможным. Но что характерно, особенного беспокойства на их счет директор не ощущал — потому что указанные неприятности очень быстро перекрывались нежданно появившимися хлопотами. Приятными хлопотами, как ни странно. Это невероятное сочетание сбивало Ирия Буковца с толку, ибо весь его предыдущий директорский опыт авторитетно утверждал, что хлопоты приятными не бывают — опять-таки по определению.

Ранним утром двадцать первого изока — совсем ранним, где-то часам к пяти — эта странная смесь двух предчувствий достигла апогея. Директор делал все, что было в его силах, чтобы немного успокоиться. Сначала он сидел за столом, перекладывая папки и свитки, переставляя чернильницы, песочные часы и прочие мелкие предметы. В итоге стол засиял просто неземным порядком. Но этого оказалось недостаточно. Тогда магистр Буковец принялся за ящики стола. Их ревизия дала вполне ощутимые результаты: магистр нашел многое из того, что считал безвозвратно утраченным, и выбросил целую кучу хлама, но, вопреки ожиданиям, успокоения это не принесло.

Буковец покормил ворона, полил пальму в кадке, еще раз покормил ворона и тщательно протер каждый листочек пальмы специальной тряпочкой. После этого он перебрал все книги в шкафу, поставил их в новом порядке и попытался покормить ворона в третий раз, но умное животное посмотрело на хозяина как-то нехорошо. Очевидно, оно собиралось присутствовать на своем стопятидесятилетнем юбилее, не прибегая к помощи магистра Дэнн.

Словом, магистр Буковец был вконец измучен неопределенностью. Вцепившись в подоконник, он тоскливо созерцал внутренний двор и всерьез подумывал, не прибраться ли там. Останавливал его только страх перед завхозом: тот, как и все гномы, не терпел посягательств на свою территорию. Потому, когда на пороге директорского кабинета серой тенью возник ковенский магистр, несчастный Буковец не испытал ничего, кроме искренней радости и облегчения. Кем бы ни был нежданный гость, он нес в себе хоть какой-то ключ к разгадке.

Магистр Цвирт — так представился ковенец — тоже изучал эмпатию, а Буковец не счел необходимым скрывать свои чувства. Оттого, видимо, Цвирт и казался сбитым с толку: радость не относилась к типичным реакциям на его появление. Директор пылко поприветствовал ковенца, подхватив под руку, самолично провел и усадил в левое кресло для посетителей, сам же встал, опершись о спинку кресла напротив. По-хорошему надлежало занять кресло за собственным столом, но усидеть на одном месте было выше его сил. Стоять худо-бедно еще получалось.

— Магистр Буковец, — вкрадчиво начал Цвирт, едва ли не с любовью рассматривая собеседника. Примерно так же нежно смотрит на заблудившегося путника не слишком голодный мантикор, прикидывая, с какой стороны можно начинать его есть. Увы, директор не желал становиться чьим-либо завтраком. Конечно, должность его была и опасна, и трудна, но оставлять Академию без присмотра в обозримом будущем он не собирался. — КОВЕНу в моем лице срочно требуется... э-э... консультация магистра... э-э... Рихтера. Скажем так, возникла некая ситуация, для разрешения которой необходимо прибегнуть к его помощи.

— Опять? — вырвалось у директора. Он еще не забыл зимнего прецедента с войной в Западных Землях. — А учебный процесс? Кто будет отвечать за качество обучения студентов — вы, магистр Цвирт?

Ковенец торопливо выставил ладони в защитном жесте.

— Нет-нет, это совсем не то, что в прошлый раз! Я всего лишь хотел бы... *побеседовать* с коллегой Рихтером. Клянусь, это не отнимет много времени!

Ворон насмешливо каркнул, косясь на Цвирта антрацитово-черным глазом.

Повисла нехорошая тишина. И, наверное, именно поэтому так отчетливо прозвучал скрип открываемой двери. Оба магистра развернулись на звук: Цвирт от неожиданности, Буковец же скорее из удивления. В отличие от ковенца он прекрасно знал, что эта дверь скрипеть не могла — хотя бы потому, что в ней не было петель. В этой двери вообще много чего не было: не было петель, не было замка, не было ручки. Было только дверное полотно и косяк. Впрочем, элементали хватало и этого минимума.

Но, взглянув на свою неожиданную посетительницу, Буковец понял: скрип не был галлюцинацией. На пороге стояла магистр Шэнди Дэнн, и не нужно было быть эмпатом экстра-класса, чтобы понять, что некромантка находится в отвратительном настроении. И не элементали было с ней спорить. Мистрис хочет, чтобы было слышно, как она заходит? Ей не нужно даже формулировать своего желания, все равно оно будет исполнено незамедлительно. Жить-то ведь хочется всем, даже элементалям!..

А если бы флуктуация пожелала предупредить этим скрипом патрона против воли Белой Дамы — сейчас бы там не было ни двери, ни элементали. Так что, как говорится, без вариантов.

— Кто-то упоминал имя коллеги Рихтера? — негромко осведомилась некромантка, закрывая за собой дверь.

Ее взгляд поочередно задержался на непосредственном руководителе, притихшем вороне — тот от греха подальше спрятал голову под крыло, изображая крепкий здоровый сон, — и наконец остановился на магистре Цвирте. Магистр явственно поежился: еще бы, даже пальма постаралась сложить листья покомпактнее, дабы занимать меньше места в пространстве. А на нее, заметим, взгляд магистра Дэнн не упал!

Четко постукивая каблуками, Белая Дама пересекла кабинет, уселась в правое кресло, заложила ногу за ногу и расправила складки на белоснежной юбке. Магистр Буковец помаячил у нее за плечом на манер ангела, после чего все же переместился на свое законное место.

— Итак, — с до боли знакомыми ласковыми интонациями спросила магистр Дэнн, — для чего это службе собственной безопасности...

— И внутреннего контроля! — по привычке добавил ковенец.

Некромантка легко постучала пальцами по столу, и Цвирт тут же смолк, подавившись последним словом. Шэнди же Дэнн продолжила, будто ее и не перебивали:

— ...потребовалось видеть коллегу Рихтера? Возможно, моя квалификация окажется достаточной, чтобы дать все необходимые консультации?

Против воли директор посочувствовал невезучему Цвирту.

— Видите ли, — осторожно заговорил тот, не отвечая ни «да», ни «нет». — Суть проблемы такова: прошлой ночью из ковенской тюрьмы исчез... хм... *постоялец*. Единственное сообщение камеры с внешним миром — это дверь, которая открывается вовнутрь. Взломать ее невозможно, потому что... — Тут он замялся и аккуратно сформулировал: — Словом, я ручаюсь, что этого сделать нельзя. Более того, через дверь постоялец камеры не покидал.

Некромантка хмыкнула.

— Так в чем же проблема? — осведомилась она. — Магическая аура строго индивидуальна, и КОВЕНу с его возможностями легче легкого выяснить, где именно находится сбежавший маг. Хотя, конечно, я вас понимаю. Очень интересно, каким образом ему удалось это сделать.

Ковенец замялся повторно:

— Понимаете... постоялец не был магом. Он был... э-э, как бы сказать по-лыкоморски... словом, он был и остается волкодлаком.

Стало совсем тихо. Чуть наклонив голову, Шэнди Дэнн пристально рассматривала собеседника.

— Вы что, с ума сошли? — вежливо спросила она минуту спустя. — Если я вас правильно понимаю, вы заключили в магическую тюрьму существо, не имеющее ни капли магического таланта. Хуже того, не подлежащее юрисдикции Лыкоморья и находящееся в подданстве Серого Конунгата! Вы хоть понимаете, что вы натворили? Никакому КОВЕНу не выстоять против золотого дракона, тем более когда он находится в своем праве!

В этот момент Ирий Буковец отчетливо понял, как конкретно выглядят ожидаемые им неприятности. Он почти въяве увидел, как разъяренный дракон доковыривает лапой то немногое, что

осталось от развалин Академии Магических Искусств. Директор затосковал еще больше, и не он один.

— Я не имею права разглашать секретные сведения! — пискнул припертый к стене, но еще не сдавшийся Цвирт. — Это был вопрос государственного значения!

— Интересно... А конунг Валери об этом знает? Хотя о чем я говорю? Дракон на то и дракон, чтобы знать все обо всем...

Пальма сотрясалась мелкой дрожью. Шэнди Дэнн смахнула с рукава несуществующую пылинку и поправила шелковый шарф, перекинутый через плечо.

— Так, значит, вы пришли, чтобы обсудить с магистром Рихтером детали торжественного приема конунга Арры? — мягко поинтересовалась она.

Чувствовалось, что Цвирт изо всех сил борется с возрастающим ужасом, но Буковец недооценил его силы. Ковенец все же нашел в себе достаточно мужества, чтобы ответить на поставленный вопрос.

— Дело в том... — Он прочистил горло. — Дело в том, многоуважаемая коллега, что нам крайне важно узнать, для чего магистру Рихтеру потребовалось заходить на территорию тюрьмы этой ночью в такой неурочный час. Далее. Как он зашел, было зафиксировано, как вышел — нет.

А вот это уже серьезно. Ни одно существо не может перемещаться бесследно — даже телепорт оставляет свои следы, причем всегда строго индивидуальные.

— Спустя некоторое время магистр Рихтер возникает из ниоткуда невдалеке от здания тюрьмы, где успешно строит телепорт. Мы проследили направление телепорта... — («Приблизительное», — хором подумали магистры Дэнн и Буковец, отлично знавшие способности коллеги Рихтера.) — ...хоть это и потребовало вмешательства особой комиссии. Но не это самое интересное. Интересно другое: по достижении конечной точки телепорта — заметим, удачном достижении — магистр Рихтер исчезает из мира живых. При этом достоверно известно, что он не умер, равно как и не переместился в другой мир. То есть получается, что он есть — и в то же время его нет.

Магистр Буковец постучал пальцами по столу. Теперь становилось понятно, почему Рихтером интересовался КОВЕН, — прецедент был весьма необычен. Директор назвал бы его уникальным, если бы две недели назад точно такой же финт не проделали

четверо адептов. Из которых трое были студентами боевого факультета.

Кажется, Белая Дама подумала о том же. Никем не останавливаемый Цвирт тем временем продолжал:

— Если учесть, что той же ночью из камеры исчез постоялец — а камера имеет только одну общую с нашим миром точку, то есть дверь, — загадочные перемещения господина Рихтера становятся вдвойне интересными. А если учесть еще и тот факт, что телепорт строился на троих... ну, в общем, вы сами понимаете. — Тут он замолчал, со вполне объяснимым опасением глядя на магистра Дэнн. — Короче говоря, я хотел бы видеть магистра Рихтера только потому, что он единственный, кто может помочь нам распутать эту головоломку.

— Я так понимаю, в этой уникальной камере сейчас гостит новый постоялец? — небрежно осведомилась Шэнди Дэнн, поглаживая подбородок. — Тот, который раньше отвечал за надежность этой самой тюрьмы?

Цвирт судорожно сглотнул — как успел *прочесть* Буковец, так оно и было, — но ответить ничего не успел. За окном раздались какие-то трубные звуки; директор обернулся было посмотреть, но тут в коридоре послышался совершенно неуместный топот, дверь распахнулась настежь, и в кабинет влетел скороход самой что ни на есть экзотической наружности.

— О светоч мудрости и опора добродетели! — с порога возвестил он, вздымая руки к небесам. — Я принес тебе самую радостную из всех радостных вестей: мой господин, владыка земли Каф, чьи богатства бесчисленны, как песчинки на дне океана, в своем несказанном величии почтил твой достойный дом, и через некоторое время ты будешь иметь счастье узреть царственный лик!

Скороход перевел дыхание, а магистры переглянулись, но в этот момент за дверью вновь послышался топот, и в кабинете стало несколько тесновато.

— Гонец от князя! — бодро сообщил юноша приятной наружности в заляпанных сапогах, протягивая Буковцу несколько помятый свиток. Подумав, он уточнил: — От князя Побегайло. Князь спешит сообщить, что в столицу, а точнее — в вашу Академию, вот-вот пожалует с неожиданным визитом принц Саид.

Князя Побегайло знали все — трудно не знать человека, возглавляющего Тайный Приказ. Директор быстро глянул на некро-

мантку, одним движением развернул свиток, но прочесть ничего не успел. За стеной Академии раздался рев, которому вторили медные трубы.

Выглянув за окно, директор узрел, как по спешно расстеленным в грязь узорчатым красным коврам во двор Академии царственно вступил кафский принц. Позади него в воротах маячил белый слон.

Буковец медленно сполз по спинке кресла.

3

Полин де Трийе снился кошмарный сон. Ей снилась соседка по комнате, из последних сил удерживающая в руках «Справочник боевого мага». Окаянная книга трепыхалась, вырывалась, щерила невесть откуда взявшиеся зубы и тянулась к несчастной алхимичке длинными когтистыми лапами. В какой-то момент Яльга демонически расхохоталась, отбросила «Справочник» в дальний угол, подскочила к Полин и начала трясти ее за плечо, приговаривая:

— Полин! Полин! Вторая хозяйка, а ну вставай немедля!

«Абзац! — подумала во сне Полин, трепыхаясь не хуже «Справочника». — Никогда больше не буду есть после шести часов!»

Еда всегда помогала Полин с честью выходить из сложных ситуаций. Девица вспомнила, что голодна, и проснулась. Перед ней полупрозрачным облачком висела элементаль, состоявшая, кажется, только из испуганных глаз и длинной ложноножки.

— Вставай давай! — потребовала флуктуация, отдергивая ложноножку. — Тут это... ой, мама, что творится! Буковец в истерике, Белая Дама аж кусается, по всей Академии ковенцы бегают!

Полин приподняла голову, поуютнее заворачиваясь в одеяло.

— Ну и что? — сонным голосом спросила она. В комнате было пусто, Яльгина кровать стояла заправленная, и на колючем казенном пледе валялось несколько свитков. — Яльга что, уже ушла, да?

— Принц приехал, — замогильным голосом возвестила элементаль.

Сперва Полин не поняла, о чем речь. Потом она зевнула и откинула одеяло, вспоминая, осталось ли в большой банке еще хоть немного джема.

— Ну и что! — повторила она, застегивая брюки. — В Академию-то зачем? К царю бы отправился или куда там еще...

Алхимичка хорошо знала жизнь и не особенно доверяла любовным романам. То есть... ну доверяла, конечно же, только ведь каждой известно, что принцев на всех не хватает. И вообще обыкновенный среднестатистический принц — зануднейшее существо лет под сорок, разговаривающее только про политику и экономику. И зачем оно нам надо?

Особенно если на другом факультете учится наследный герцог Ривендейл. Заметим, молодой, красивый и далеко не дурак!

— Ты не поняла, — еще замогильнее сказала флуктуация. Развернувшись, она ткнула ложноножкой в портрет. — Этот! Принц! Твой который, мрыс дерр гаст! С купидончиками!

Полин, которая в этот момент крутилась перед зеркалом, выронила расческу. В груди у нее что-то екнуло и забилось быстро-быстро. Нарисованный принц страстно взирал с портрета, намекая, что в жизни он даже лучше. А любить будет и вовсе до гроба.

В голове у нее мигом пронеслось несколько мыслей. «Этого не может быть!» — «Этого быть не может!» — «Зачем он сюда приехал?» — «Как он узнал, что я...» — «АЛХИМИЧКИ!» Если уж Ялька сообразила, что следует поторопиться, то все остальные девицы и подавно! Ну нет, это мой принц, никому его не отдам! А Ялька пускай себе другого нарисует!

— Вторая хозяйка, тебе, может, помочь чем?

— Есть хочу, — не оборачиваясь, ответила Полин. — Ну кафию хоть сделай.

— Я мигом! Я щас! Я уже совсем почти туточки!

Теперь нужно было решить, в чем отправляться на бал... ну, в смысле, к принцу. Как назло, надеть было нечего. Полин кинулась к шкафу, распахнула дверцы и быстро принялась перебирать наряды. Так. Это чересчур нарядное — еще подумает, что я за ним бегаю. Это слишком строгое — мне еще не тридцать лет. Может, лучше эту юбочку? Здесь такой миленький воланчик, да и ноги подчеркивает... Полин еще раз взглянула на портрет и со вздохом решила: нет, это его только отпугнет. Юбку было решено оставить на потом.

Как всегда в критические моменты, Полин думала и действовала очень быстро. Она приняла невероятно оригинальное решение — остаться в том, в чем была. Длинные свободные брюки покроя «шальвары», изящно присобранные у щиколотки, из мягко-

го струящегося материала, как нельзя лучше подчеркивали тонкую талию Полин и не менее замечательно скрывали несколько лишних миллиметров, появившихся из-за неумеренной любви к лимонному пирогу. Алхимичка расправила несуществующую складочку на кофточке, подумав, застегнула третью сверху пуговку и достала с полки шкатулку с украшениями. Так... эти браслеты, серьги с подвесками, может быть, блестюшку? — нет, блестюшка будет лишней. Пусть он поймет, что ему нужно что-нибудь ей подарить.

Полин заканчивала красить ресницы, когда материализовавшаяся флуктуация со стуком поставила на столик поднос. Оттуда пахло кафием, причем далеко не тем, какой хранился в банке у алхимички. О таком кафии она слышала, но пить его ей ни разу не доводилось. Вот ведь в столовой как подсуетились, едва узнали, что к ней принц приезжает! Кафий даже приличный нашли!

Помимо кафия на подносе имелась тарелочка с бутербродами.

— Такой принц, такой принц! — восхищенно шептала элементаль, пока Полин прихлебывала обжигающий кафий. — Высокий, красивый, а сабля-то, сабля какая! Ух, не сабля — мечта! А слон какой... ты его еще увидишь, белый-белый!

Поспешно жуя бутерброд, Полин в красках представила, как принц увозит ее в закат на белом слоне.

— Он сейчас в актовом зале, там все магистры собрались. Тебя ждут. Так что ты того, вторая хозяйка, кушай спокойно, без тебя не начнут! Может, еще бутербродиков принести?

Алхимичка молча помотала головой. Бутербродики были восхитительны, но стоило знать меру.

— Откуда такой кафий? — спросила она, когда в чашке осталось каких-то два глотка.

Элементаль пошла разноцветными волнами.

— Ну как тебе сказать... — смутилась она. — Чего ты не знаешь, за то и отвечать не придется...

Почуяв неладное, Полин напряглась, но вернуть кафий назад было уже невозможно.

— Откуда, я тебя спрашиваю?

— А чего! — взъерошилась флуктуация. — Поди, не каждый день принцы в Академию приезжают! Да и потом, у Рихтера там еще много осталось, он и не заметит...

Полин поперхнулась последним глотком, и с минуту ее заботило лишь то, как не забрызгать кофточку.

— Ну все, вторая хозяйка! Покушала? Вот и ладненько! А теперь и делом заняться можно. А то куда это годно — столько людей тебя ждут!

Девице было что сказать на этот счет, но она сдержалась. Быстро подкрасив губы, она кинула последний взгляд в зеркало. Очень удачно, что вчера вечером она нанесла на волосы эту эльфийскую масочку. За ночь они неплохо отросли, красивыми волнами ниспадая почти до лопаток. Ну, не до талии, конечно, так дайте срок...

Полин сглотнула, подмигнула своему отражению и храбро отправилась навстречу своему будущему. Каким бы оно ни было.

А алхимички пускай ищут себе другого принца.

4

Дверь в актовый зал нынче охранялась: по обеим ее сторонам стояли два борайкоса самого угрожающего вида. Бритые налысо, голые по пояс, каждый — с двумя кривыми мечами, стражники были похожи друг на друга как близнецы, а вообще-то больше всего напоминали ифритов из учебников по демонологии. Полин не то чтобы напугалась, но как-то напряглась, однако ифриты, едва завидев ее, подтянулись и заулыбались одинаковыми зверскими улыбками. Правый чуть поигрывал мышцами, левый распахнул перед девушкой тяжелую дверь.

Вздернув носик, Полин прошествовала внутрь. Подумаешь, тоже мне! Да нас после Белой Дамы уже ничем не испугаешь!

Актового зала было не узнать. Из него исчезли все стулья, сцена тоже как-то сгладилась, и Полин почувствовала себя мышью на царском обеденном столе. Между стенами бродило робкое эхо, приглушенное роскошным алым ковром. Ноги глубоко утопали в мягком ворсе. Полин порадовалась, что надела туфли без каблука.

Чуть поодаль, у окна, стояли стулья — там сидел преподавательский состав, а весь или не весь, сказать было трудно. Полин заметила белую кофточку Шэнди Дэнн и поймала серьезный взгляд своего декана. Почему-то она сразу почувствовала себя еще увереннее. «Боевой факультет, боевой факультет»... Да что такое их Рихтер рядом с госпожой Ламмерлэйк!

Но сейчас не время думать о преподавателях — из дальнего конца зала, едва ли не молитвенно простирая руки, к ней шел тот,

о ком Полин мечтала столько бессонных ночей. Даже издалека было видно, что портрет не солгал ни на пядь. Все было на месте — и рост, и стать, и лицо, и сабля (впрочем, Полин была не Ялька, сабли ее не интересовали). Дополнял картину синий плащ, небрежно переброшенный через плечо. Вот его на портрете не было, ну и что? Принцу он все равно здорово шел.

Принц приблизился к ней, и стало ясно, что вблизи он ничуть не хуже, чем издали. В глазах его пылал неземной восторг вперемешку с такой же неземной страстью; в одно мгновение Полин подхватили под руку и усадили в удобнейшее кресло, стоявшее на особом возвышении и отчего-то сильно напоминавшее трон. Девушка нервно покосилась на магистра Ламмерлэйк. Та смотрела весьма сурово, сильно напоминая отсутствующего Рихтера.

— О дарованная небом звезда наших очей! — разливался принц этаким южным соловьем.

По-лыкоморски он говорил вполне сносно, хотя и с заметным акцентом. Акцент Полин могла ему простить, насчет звезды — это она одобрила, а вот все остальное как-то насторожило. «Дарованная»? Это еще что? Кем это еще дарованная? Полин мигом простроила цепочку: дарованная — полученная даром — уцененная. Интересненько...

Неплохо было бы сразу прояснить этот вопрос, но принц смотрел на девушку таким влюбленным взглядом, что Полин невольно смягчилась. На нее никто еще так не смотрел, исключая Ривендейла, — но это было во сне и потому не считается. Ладно... послушаем, что он говорит дальше. Как там его зовут? Саид?

Имя Полин понравилось — красивое, да и запомнить легко. Принц тем временем излагал свою историю любви — краткую, судя по датам, однако весьма насыщенную. С риторикой у него было хорошо, конструкции получались весьма цветистые, а в какой-то момент его южное высочество щелкнул пальцами, дверь распахнулась и началась форменная фантасмагория.

Заиграла музыка, одновременно тягучая и ритмичная. В дверь один за другим стали входить слуги, и у каждого в руках был то футляр, то сундук. Перед Полин из ниоткуда возник огромный стол; слуга доходил до стола, опускал туда свою ношу и откидывал крышку, демонстрируя содержимое. Как правило, содержимое было золотым, но позже Полин смутно припомнила какую-то серебряную диадему. Серьги, кольца, ожерелья, браслеты... сап-

фиры, кораллы, рубины, яшма... казалось, что все это происходит во сне, причем сон ей нравился с каждой минутой все меньше. Наконец поток футляров иссяк, и Полин облегченно вздохнула. Наверное, он хочет, чтобы она поняла, как он богат и щедр, и предложит ей выбрать себе что-нибудь на память. Хотя сама она не могла представить, что из этого всего наименее ценно.

Но тут в зал внесли еще один сундук.

Саид самолично откинул крышку и достал оттуда длинную, до пола шубку из легкого меха знаменитого шоколадного оттенка. «Белкобль», — мгновенно поняла Полин. Даже у царицы нет такой шубы... Мгновением раньше девушка была уверена, что ничто не сможет ее изумить, но сейчас она молча смотрела на шубку, и перед глазами стояли строчки из учебника. «Белкобль... редчайший зверь... водится в эльфийских лесах... добыть его практически невозможно...»

Принц что-то говорил, и усилием воли Полин вслушалась в его речь — не отрывая, правда, завороженного взгляда от шубки. Так... А вот говорил он весьма интересно.

— Прими, солнце очей наших! — Принц страстно сиял пресловутыми очами и саблей. — Ты — бриллиант в нашей короне, и мы оправим тебя в золото, как подобает! О избранница наша, украшение нашего дворца, ты родишь нам сыновей, отважных и мудрых, как их отец, и дочерей, прекрасных и кротких, как ты сама! Мы станем называть тебя «Жади», что значит — желанная...

И тут Полин не выдержала. В какой-то момент она поняла, что задыхается, и медленно встала с кресла.

Значит, он уже все решил?! Она, значит, звезда его очей, солнце его короны, украшение дворца и брильянт гарема! Подаренная судьбой, надо же! Детей она ему родит! А ее он спросил, чего она хочет?!

Ишь ты, приехал, деньгами сорит, думает, она слаще морковки ничего не едала! Или у нее золота нет?! Или у нее шубы нет — пускай и не из белкоблей?!

Не на такую напал!

Короче, Полин, которая никогда не лезла за словом в карман, уже открыла рот, готовая высказать принцу все, что она о нем думает. Но в последний момент она встретилась взглядом с магистром Ламмерлэйк.

Слова брались из ниоткуда, сами собой складываясь в изящные, дипломатически выверенные фразы:

— Ваше высочество, я благодарю вас за оказанную мне честь, но я не могу принять ваших подарков. Порядочная девушка никогда не примет от малознакомого мужчины таких дорогих вещей, это неприлично. А теперь я прошу прощения, но мне нужно удалиться, чтобы приступить к занятиям.

Она развернулась, мимоходом пожалев о том, что не надела туфель на шпильках — ах, как красиво можно было бы развернуться на каблуках! Хотя ковер, ковер!.. — и с достоинством покинула зал. Принц, на которого она кинула ледяной взгляд, остался стоять с вытаращенными глазами, как тот белкобль.

Знай наших!

5

На принца было жалко смотреть. Он стоял, комкая в руках драгоценную шубу... какое там драгоценную — шуба была практически бесценна! — и неотрывно смотрел на дверь, за которой безвозвратно скрылась та, что составляла счастье и смысл всей его дальнейшей жизни. До этого момента он полагал, что знает о женщинах все. Женщины — существа нежные, кроткие, избалованные; при умелом с ними обращении они выполняют все, чего хочет их повелитель.

Но эта...

Ее нельзя просто взять и закатать в ковер, закинуть на спину коню и увезти, как это делали его предки. Это он и до того хорошо понимал. Да, она, конечно, другая, но разве он сделал что-то не так? Чем он оскорбил ее? Возможно, он подарил ей слишком мало золота? Разумеется, он должен был объяснить, что это лишь малая часть того, что он преподнесет ей перед свадьбой...

А еще... о глупец, он же не подарил ей белой кобылицы с вызолоченными копытами!

Тут принц встретился взглядом с женщиной, сидевшей ближе всех к креслу ненаглядной пери, похитившей навсегда его несчастное разбитое сердце. И еще раз обозвал себя глупцом. Вот та, кто знает все ответы на терзающие его вопросы! Кто как не она, вторая мать его ненаглядной, несравненной, прекрасной Жади, скажет ему, как он должен поступить?!

Вторая мать его пери — Эл-Вира, прекрасное имя, хотя и трудно выговорить, но он постарается! — с первого же взгляда произ-

вела на принца должное впечатление. Он ни на секунду не обманывался тем, что она женщина. Принц хорошо знал, что в иных странах женщины сражаются наравне с мужчинами, — на востоке от Каф обитал один такой народ, и Санд предпочитал видеть его союзником, а не врагом.

Воином была и сидевшая напротив.

— Скажи мне, о мудрейшая, где оступился конь моих благих побуждений? — горестно воззвал он к госпоже Ламмерлэйк.

Декан алхимического помолчала, очевидно подбирая слова.

— Когда жизнь задает мне трудные вопросы, — медленно сказала она, — ответы я ищу в сокровищнице знаний. Магистр Зирак, проводите нашего гостя в библиотеку!

Совет был воистину мудр, и принц поспешил им воспользоваться. Так он очутился во владениях некоего гнома, где и был обнаружен ближе к вечеру близнецами аунд Лиррен.

6

Стоит ли говорить, что об исчезновении Рихтера на время было забыто?

ГЛАВА ВТОРАЯ,
возвращающая читателя в прошлую ночь. В ночи идет дождь, цветет Летний Круг, некая адептка слишком много думает о сделанном накануне выборе, — а между тем Лис из Леса готов раскрыть некоторые тайны

1

Дождь потихоньку заканчивался — хотя теперь-то какая разница? Я все едино вымокла как мышь. Как педальная мышь, если использовать любимую фразочку Полин. Мокро было сверху, мокро было внизу; сапоги чавкали по размякшей земле, а высокая трава, которой порос этот холм, радостно делилась со мной своей долей дождя.

Ночь давно перевалила за середину, и до рассвета оставалось не больше двух часов. Но то ли за это стоило благодарить дождь, а

то ли прогулки по ночному Межинграду столь хорошо влияют на сонных адепток, — спать мне совершенно не хотелось. Голова работала ясно, как никогда в жизни. Я шла следом за Рихтером, за мной почти неслышно ступал волкодлак — тропинка едва угадывалась в траве, и проще было идти по одному, — и сосредоточенно обдумывала все события этой ночи.

Событий было много, ночь выдалась длинная, но все мои мысли по этому поводу прекрасно сводились к короткой фразе: «Мрыс эт веллер!» Женщина, разумеется, по умолчанию не должна находиться в хороших отношениях с логикой, но я все же привыкла, что мои действия можно проанализировать еще и с этой стороны.

Итак, что мы имеем?

Днем, во время экскурсии по ковенской тюрьме, Ялька Ясица самым нахальным образом поперлась непонятно куда. В белый свет как в монеточку, цитируя магистра Зирака. И в голову ей даже, что характерно, не пришло испугаться, остановиться — ну или хотя бы задуматься! Ковенская тюрьма, мрыс дерр гаст! Нет, я, конечно, смелая, но ни один нормальный маг в здравом рассудке не полез бы гулять по тамошним коридорам.

Это будет пункт номер раз.

Пункт номер два шел за мной, ступая след в след. Сигурд из Арры, белый волк, невесть за что заключенный в оную ковенскую тюрьму. То, что он не маг, даже мне понятно. Но что должен был сотворить не-маг, да к тому же подданный Серого Конунгата, чтобы так напугать моих несостоявшихся коллег?

И какой же, спрашивается, надо быть дурой, чтобы полезть его освобождать, не выяснив предварительно всей необходимой информации?

Самым печальным был пункт номер три — именно на нем и спотыкалась вся логика. Был он обширен, и у него имелось целых два подпункта. Подпункт первый — я прекрасно понимала все вышеизложенное и тем не менее бодро топала по размокшей тропинке. Начнись вчерашний день заново, и я ни на шаг не отступилась бы от своего решения. Потому что... потому что иначе было нельзя! Нельзя, и все. Тогда бы настоящая Ялька погибла, а на свете остался бы какой-то... суррогат. Ходящий, разговаривающий, смеющийся и колдующий. Очень страшный и очень несчастный.

Что со мной такое происходит?!

И был подпункт второй. Ладно я, которая почитай что год прожила в одной комнате с Полин, — кто его знает, вдруг нелогичность передается воздушно-капельным путем? Но Рихтер, логичный и рациональный уже по праву рождения, боевой маг и весьма неплохой эмпат, — он-то ведь услышал тот же зов, что и я!

Сигурд поскользнулся на мокрой траве, но мгновенно восстановил равновесие.

— Мрыс эт веллер! — тихо пробормотал он.

Я увидела, как вздрогнул шедший передо мной Эгмонт, — и вспомнила то звено, которое выпало из моих нынешних рассуждений. Ночь двадцать девятого снежня; сон, что являлся мне каждые четыре года. *Там* нас тоже было трое. И третьим был именно волкодлак.

Шаткая основа? О да, разумеется. Но магия сама по себе есть материя очень зыбкая. Особенно если иметь в виду нечто большее, нежели графики и чертежи, которые предлагают студентам первого курса.

Тут под ногу мне подвернулся камень, я чуть не упала и прекратила философствовать. Сделано то, что сделано. Я твердо знаю, что иначе поступить невозможно. Кем бы ни был Сигурд, он часть меня. Как и Рихтер, кстати.

Я подумала о волкодлаке, потом подумала еще раз — и в какой-то миг мироздание чуть-чуть провернулось вокруг своей оси. Первыми появились запахи, четкие и яркие, как рисунок тушью на белой эльфийской бумаге. Потом мир раскрылся, будто раковина, впуская меня внутрь. Я шла по земле и твердо знала, что она живая. Мои боги, о которых прежде я задумывалась исключительно в риторическом смысле, вдруг перестали быть отвлеченными категориями: я смотрела на небо и знала не менее твердо, что там, за облаками, меж синей небесной травы, ходит Старый Волк, отец всего живого, и никому не дано укрыться от его взгляда. И еще я ощутила тихую тоску, похожую на боль от почти зажившей раны. Туда, на северо-восток, в город, окруженный деревянной стеной!..

Как давно я там не был...

Это продолжалось не более мгновения. Я выскользнула *оттуда* обратно в себя, и все сделалось прежним. Запахи пропали, зато вернулись цвета. Интересно, почему я не заметила, как они исчезли?

Значит, вот так видят мир волкодлаки...

Мне потребовалось около минуты, чтобы прийти в себя. За это время мы спустились-таки с холма, а тропинка окончательно потерялась среди травы. Эгмонт, однако, шел по-прежнему целенаправленно.

Дождь потихоньку сошел на нет, но над Межинградом все еще погромыхивало. Я поправила сползающую куртку, вспомнила, что у меня в сумке лежит мой собственный плащ, и обозвала себя нехорошим гномийским словом. Но про экскурсы в языкознание Рихтеру было знать совсем необязательно — отдал так отдал, теперь-то что? — и я спросила совсем о другом:

— Магистр Рихтер, а долго нам еще идти?

— Нет, — не оборачиваясь, ответил он. — У вас при себе много талисманов?

Я честно попыталась вспомнить и сосчитать.

— Не очень, а что?

— Ничего. Так сложнее, но...

Я с минуту подождала объяснений, потом поняла, что их не предвидится. Ну и ладно, не слишком-то и хотелось. Я и без того была полна информацией, как стакан — молоком. Да, и есть мне тоже хотелось, не без этого.

Прошло еще минут семь или десять. Мысль о еде, единожды посетив мою голову, категорически не пожелала ее покинуть. Походило на то, что она обосновалась там всерьез и надолго. До ближайшей кормежки, скажем так. Ну что это такое, почти обиделась я, — нормальные люди, сбегая из ковенской тюрьмы, не думают... по крайней мере, не полагается им думать о том, где бы чего сожрать! Думать им полагается о врагах, которым только что прищемили хвост, о друзьях, которые прищемят оную деталь организма кому угодно, и о том, как бы к тебе самому не подступились в недобрый час с прищепкой.

На прищепках хозяйственные гномки вывешивают белье. Во дворе. Во двор выходит дверь — с кухни. А на кухне у хозяйственной гномки (читай: всякой женщины гномского племени) всегда есть какая-нибудь еда...

Я не хочу есть. Совсем не хочу. Совсем-совсем. Ой, это не я...

Мой внутренний монолог начинал принимать несколько угрожающую форму, когда трава вдруг расступилась. Перед нами открылось нечто вроде поляны — огромная площадка, которую я сначала приняла за вытоптанную. Присмотревшись же, я хотела было тихонько присвистнуть, но вовремя спохватилась. В этом

месте не стоило свистеть — равно как и издавать все прочие чрезмерно человеческие звуки[1].

Здесь росли цветы. Только цветы, и ничего более. Большей частью они были совсем мелкие, вроде варвакчи или незабудок — только незабудки всегда голубые, а эти были зелеными, яростно-изумрудными, как эльфийский государственный флаг. Но эльфы здесь совершено ни при чем.

Летний Круг; место, на котором еще недавно танцевали фэйри.

Мягко скажем, опасная территория.

— Ага, — удовлетворенно сказал Рихтер. — Я не ошибся. Яльга, не вздумайте сейчас колдовать. Сигурд, у тебя магии нет?

— Нет, — коротко подтвердил оборотень. На Круг он тоже смотрел без особого энтузиазма, и я сделала вывод: элементарные представления об опасности совпадают почти у всех народов. — Только Кольца — место чужое, у нас это любой волчонок знает.

— Я тоже знаю, хоть я и не волчонок. — Эгмонт снял с шеи какой-то талисман на длинной цепочке и, не целясь, зашвырнул его в центр Круга. Тоб беззвучно скрылся под цветами. — Яльга, у вас, если я не ошибаюсь, метки при себе нет?

— А что это такое?

— Значит, нет, — заключил он. — В таком случае отойдите на пару шагов. И ради всех богов, не лезьте под руку.

Я послушалась. Маг тем временем достал из кармана кусочек пергамента; он держал его в правой руке, а левой очень медленно и осторожно выплетал какие-то знаки. На второй минуте я поняла, что он делает, — и почти сразу же на земле слабо засияли контуры телепорта. Зеленые, разумеется; значит, простой, без подвохов. Но почему тогда так медленно? Будто адепт на практикуме...

Еще и со шпаргалкой сверяется.

Эгмонт создавал телепорт как минимум пять минут. Для боевого мага, способного почти мгновенно переместиться за сотни

[1] К человеческим звукам, т. е. присущим исключительно человеку (здесь термин употребляется в широком смысле и противопоставляется термину «фэйри», «существо»), фэйриведение традиционно причисляет смех, плач, свист, сонное дыхание и нецензурную брань. Вопрос спорный, ибо иные фэйри могут и смеяться, и плакать, но опыт показал: ученые, принимавшие эту классификацию близко к сердцу, как-то чаще возвращаются из командировок.

верст, это был невероятно длинный срок. Наконец он сделал завершающий жест и сунул пергамент обратно в карман.

— Заходите, — скомандовал магистр и непонятно добавил: — Мрыс эт веллер...

Нас выбросило из телепорта прямо в воду — на мое счастье, там было неглубоко, а вымокнуть мы и без того успели. Течение, правда, было довольно сильное, но здесь ярко светила луна, и впереди виднелся берег, отлого поднимавшийся над рекой.

— ...келленгарм! — облегченно договорил Рихтер. — Все здесь?

— Все, все, — недовольно откликнулась я, глянув на волкодлака.

Вода казалась черной, но в ней отражался лунный свет. Она медленно струилась мимо меня — чуть дальше и чуть глубже течение наверняка усиливалось. Я вспомнила, как тонула в безымянном озере, из которого меня за косу вытащил Ривендейл, и решительно побрела к берегу. Тонула я тогда недолго, но впечатлений хватило аж до нынешней ночи.

Скоро мы все оказались на берегу. С одежды текло, в сапогах булькало, но к этому мне было не привыкать. Куда интереснее другой вопрос: зачем Рихтеру понадобилось телепортировать нас в реку, если можно было взять несколькими саженями левее?

— На том берегу начинается Слепой треугольник, — пояснил Эгмонт, хотя я не успела задать своего вопроса. Он махнул рукой вперед — не назад, на реку, как сообразила я минутой спустя. На том берегу... но там же суша?

— Это остров, что ли? — первым догадался Сигурд.

— Остров... Идите за мной, и, Ялька, еще раз — без колдовства!

— Да поняла уже... — тихонечко пробормотала я, следуя за Рихтером. Очень тихонечко, потому что магистр, пускай и в бегах, пускай и официально уже совсем не магистр, — все едино фигура серьезная, а нарываться мне не хотелось.

— Я вас слишком хорошо знаю, — спокойно парировал Эгмонт. Слух у него был отличный.

Луна стояла низко, она вот-вот должна была зайти, но если рядом Треугольник, о нормальном ходе времени можно забыть. Равно как и о нормальных телепортах. Мрыс дерр гаст... мозги у меня и верно работали сейчас со скрипом, потому что я не испугалась, даже поняв, *что* имел в виду Эгмонт. Почему он потребовал, чтобы я не лезла ему под руку, когда он строил телепорт у

Круга. И почему нас выбросило из телепорта в воду... спасибо хоть не на глубину.

Могло и вообще не выбросить. Это Треугольник, а не задний двор резиденции Великого Магистра — здешние магические потоки запутаны так, как и не снилось легендарным лабиринтам южных островов. Круг Фэйри тоже искажает телепорт. Зато...

Зато ни один маг не сможет взять следа колдовства, которое было сотворено рядом с Кругом. И уже тем более ни одному магу не придет в голову искать беглецов по соседству со Слепым треугольником. Но надо было быть Рихтером, талантливым, опытным и невероятно, просто нечеловечески занудным, чтобы рискнуть и построить телепорт сюда от Межинграда. Потому что любая мелочь может стать губительной.

При таком раскладе промах на десяток саженей — вполне себе допустимая погрешность...

Мы шли совсем недолго, и я не поднимала взгляда от земли: здесь было темновато и мне совсем не хотелось пропахать местную травку носом. Но в какой-то момент перед нами легла огромная тень; я подняла глаза и увидела впереди небольшой дом. Рихтер уже стоял на крыльце. Я ждала, что он приложит к двери руку, вызовет элементаль или сделает что-нибудь в этом духе, но маг просто вытащил из кармана маленький ключ и вставил его в замок.

Петли скрипнули, но не очень громко. Дверь открывалась наружу.

— Заходите, — сказал маг, убирая ключ в карман.

Мы переглянулись с Сигурдом, и оборотень первым зашел в темный проем. Я шагнула за ним — и тут же отшатнулась, вскинув руки к вискам. Голову пронзило мгновенной болью, так, будто через нее прошла раскаленная игла.

— Яльга... а, мрыс эт веллер!.. — Рихтер, похоже, взялся выполнить за сегодня месячную норму ругательств. Он быстро шагнул внутрь, что-то зашелестело, а когда вышел наружу, в руке у него был засохший венок, сплетенный из каких-то веток и трав. По темным гроздьям я узнала рябину.

— Теперь можно? — спросила я чуть громче и выше, чем собиралась.

— Прошу прощения, — хмуро ответил он.

В голове все еще звенел отзвук исчезнувшей боли. Я вновь шагнула к порогу, и на этот раз меня ничто не остановило.

Эгмонт зашел последним и закрыл дверь. В коридоре, если это, конечно, был коридор, сразу стало очень темно. Я чувствовала, что и маг, и волкодлак находятся рядом, и слышала запах засохшей рябины, долетавший от клятого венка. Странно вообще-то. Раньше я не реагировала на такие штуки. Боги, да какой же торговец не повесит над входом в лавку парочки амулетов от фэйри? Так что одно из двух: либо эта клятва кое-что во мне изменила, либо — что более вероятно — Рихтер просто поработал над амулетом. Усовершенствовал, так сказать. Так его растак!

Эгмонт что-то произнес, и на потолке один за другим засветились маленькие огоньки. Стало светлее. Я огляделась: это и в самом деле был коридор, совсем короткий, и в каждой из его стен имелось по двери. Маг повесил венок на место — в косяке над входом для этого был вколочен специальный гвоздик.

— Это почти Треугольник, — пожал плечами Рихтер, перехватив мой взгляд. — Здесь нельзя пренебрегать защитой. Сигурд, в ту дверь.

Оборотень открыл «ту дверь», и мы вошли в комнату более пристойного размера — впрочем, просторной ее никто бы не назвал. У стены стоял небольшой квадратный стол, под ним обреталось несколько табуреток. Маг указал туда, мы с Сигурдом сели (лично я была только рада возможности куда-то приткнуться), а Рихтер вышел обратно в коридор. Я положила руки на столешницу, опустила на них голову и закрыла глаза.

День был слишком долгим. С чего же он начался?..

Я не заснула, но время как-то сжалось — когда Эгмонт опять зашел в комнату, мне показалось, что он отсутствовал всего лишь несколько секунд. Но на столе появились свечи, передо мной стояла кружка с какой-то темной жидкостью, а маг положил в центр стола небольшой кубик красно-синего цвета.

Сигурд молча посмотрел на кубик, потом перевел взгляд на Эгмонта.

— Это «свидетель», — объяснил Рихтер, доставая из-под стола табуретку. — Его применяют для того, чтобы узнать истину. А я полагаю, что нам всем хотелось бы знать друг о друге правду.

Оборотень чуть прищурился.

— Я понял, — после очень долгого молчания сказал он.

— Вряд ли, — возразил Рихтер. Я посмотрела на него; в его зрачках отражались огоньки свечей. — Я верю твоим словам, и

дело не в этом. Ты невиновен, но КОВЕН просто так никого не сажает. Значит, была причина, не зависящая от твоей воли. И если мы не хотим, чтобы Конунгат вступил в войну с Элландаром, мы должны выяснить, что это за причина. Понимаешь? Почти наверняка ты знаешь что-то, на что просто не обращаешь внимания.

— И эта штука способна такое уловить?

— Эта штука еще и не на то способна. Она настроена на полутона. Вот сейчас, кстати, и проверим... Яльга! Яльга, вы, надеюсь, еще не спите?

— Нет, — мрачно выговорила я. — Что проверять?

— Солгите что-нибудь — и увидим, какой получится эффект.

Спать мне и правда очень хотелось, мыслей в голове было не так чтобы много, и я не задумываясь ляпнула:

— Я хочу замуж за Генри Ривендейла.

Кубик возмущенно подпрыгнул, налился светом — и ЗАОРАЛ. Именно так, потому что с меня разом слетел весь сон. Я невольно отпрянула от стола и зажала уши. Кубик меж тем завывал, все наращивая громкость. Рихтер крикнул:

— Теперь правду, и быстрее!

Его голос был едва слышен за усиливающимся воем. Этак нас и в Межинграде услышат!

— Я совсем не хочу замуж за Генри Ривендейла! — поспешно заявила я. — Ну вот ни капельки!

Кубик чуть сбавил обороты, но не замолчал. По стенам метались сине-красные всполохи.

— Слушайте, студентка Ясица, — очень язвительно сказал Эгмонт, накрыв кубик ладонью, — мне совершенно все равно, каковы ваши матримониальные планы, но скажите же правду наконец! Иначе он не успокоится. Лучше бы я сам показал...

Я подумала. Вообще-то последнее утверждение я считала правдой, причем самой что ни на есть чистейшей, и пришлось поскрипеть мозгами, прежде чем я нашла более точную формулировку.

— Хм... Я вообще ни за кого замуж не хочу. Пока. А Генри очень люблю, но как... брата. Друга. Товарища, мрыс дерр гаст!

Оборотничьи ругательства весьма благотворно действуют на хрупкую магическую технику. Кубик заткнулся. Сигурд вдруг рассмеялся, и я, смутившись, опять положила голову на руки.

Замуж, не замуж... Вот спать я хочу — это точно.

— Ялька, похоже, самоустранилась, — прокомментировал это Эгмонт. — Сигурд. Расскажи, как ты попал в ковенскую тюрьму.

2

Эти несколько часов я помню довольно смутно: то неожиданно просыпалась, то вновь проваливалась в сон. Руку я, естественно, отлежала, но уходить не собиралась ни за какие коврижки. Свечи укорачивались, однако огоньки их по-прежнему оставались ровными и заостренными, как копейные острия. Кубик вел себя тихо, только иногда начинал чуть слышно подвывать; Сигурд косился на него с негодующим видом, и тогда Эгмонт задавал вопрос заново, при этом чуть изменив формулировку.

— Так, — сказал Рихтер, когда мгла за окнами уже перестала быть совсем беспросветной. Я как раз проснулась и, поняв, что намечается подытоживание, всеми силами постаралась не задремать. — Теперь поправляй меня, если я буду ошибаться. Тебя арестовали в сорок втором году, возле Сольца. Ничего не объяснили, вещи забрали все, вплоть до меча, несколько раз допрашивали, но объяснять все равно ничего не объясняли. Так?

Сигурд молча кивнул. Я покосилась на кубик — тот молчал как пристукнутый.

— За месяц до того в горах клана Анбург-шэн-аддир ты получил дар земли гномов — некий амулет.

— Не амулет это был, — устало сказал Сигурд. — Их колдун его и так и сяк — ничего выжать не смог. Просто старая вещь от первых времен. Может, кому из наших принадлежала: гномы-то сразу поняли, что работа аррская...

— У вас так ценят старые вещи? — вклинилась я.

Оборотень пожал плечами:

— Всякое в земле находят — и полезное, и так себе... Что не волшебная была штука, то я знаю наверняка — мы хоть и не маги, зато магию очень даже чуем. Но такие вот предметы положено конунгам относить. Конунгу — ему виднее. Мрыс эт веллер ан керворт! Мне ж ведь от тех гномов до Арры было ближе, чем до Сольца. Знал бы, где упал, соломки бы подстелил...

— Оставим конунга, — сказал Эгмонт: не то он уже был знаком с выражением «ан керворт», не то ему хватало классического на-

бора из двух фразеологизмов вкупе с усечениями. — Зачем ты пошел в Лыкоморье, если мог спокойно уйти домой?

Сигурд сначала не понял вопроса, потом изумился:

— А зачем бы я домой пошел, ежели меня в Лыкоморье и посылали?

Ага. Это я вовремя проснулась.

Все знали, что оборотни не любят путешествовать. На дорогах нашей весьма обширной родины можно встретить кого угодно — от эльфа-прорицателя до банковского гнома, — но оборотней за все двадцать лет я встретила только двух. Второй сейчас сидел передо мной.

— Сигурд, так вы же из своих городов почти не выезжаете! Или это не так?

— Почему же не так? Так... — Оборотень вдруг запнулся и посмотрел на меня внимательнее. — А-а, Ялька, откуда ж вам это знать! Выехать может любой, только недалеко и ненадолго. Потому как ежели дара у тебя нет, вскорости станет тебе очень плохо. Не больно, нет, но жутко одиноко. Тут словами-то и не опишешь, просто слишком. Дома ведь завсегда хорошо... Но иногда, очень-очень редко, родятся те, кто может ездить так далеко и так долго, как это надобно. Это, Ялька, дар, такой же почетный, как любой другой. К примеру, прясть, детей учить, скот лечить или что иное.

— То есть для вас странствовать — это нечто вроде ремесла?

— Нет, — терпеливо сказал оборотень. — Это дар. У каждого есть свой дар, и покуда волчата совсем маленькие, с ними работает всякий лучший в своем деле мастер. Работает и отбирает тех, в ком видит дар, сообразный своему, чтобы после, когда подрастут, смогли заниматься тем, к чему душа лежит.

Я заинтересовалась. Общественное устройство волкодлаков, очевидно, сильно отличалось от нашего.

— А если, допустим, кого определили... ну... скажем, горшки лепить, а он не хочет? Он стихи писать хочет... и прозу. Что тогда?

Сигурд подергал себя за ухо. Видно было, что он находится в полной растерянности.

— Ну, не знаю... -- выдавил он наконец. — Что-то такое я слышал, но бывает оно очень редко. Все одно ничем хорошим закончиться не может, коли человек супротив самого же себя пойдет. Да и то такое только по молодости бывает. Как повзрослеет и в ум войдет — сам поймет, что ему хорошо и что худо.

Волкодлак был явно доволен тем, что с блеском вышел из непростой ситуации.

Эгмонт потер воспаленные глаза.

— Да, это так, — подтвердил он. — Я мало знаю об оборотнях, но слышал только об одном случае, когда ваш волкодлак пошел против самого себя. Там все кончилось действительно печально. Противоречить своей сути не просто глупо, но еще и очень опасно... — Он встряхнул головой и помассировал виски. — Так, Сигурд. Тебя послали в Лыкоморье, насколько я понял, в первый раз.

— Да, — сказал оборотень с видом человека, которому надоело повторять одно и то же. — В первый раз. В Солец. Раньше я туда с отцом ездил, теперь поехал один. Я свой талант от отца унаследовал, такое редко бывает... Ну, по дороге с гномами встретился. Этот... дар получил, чтоб его! Приехал в Солец, сделал все как надо. Не в первый же раз! Этот купец — он давно с Конунгатом дело имеет, да и я знал, с которой стороны здесь морда, а с которой — хвост. Подписали договор, пошли к городскому магу. Заходим. Очередь. Дожидаемся в приемной. Маг, он занятый был, но вежливый, этого не отнимешь. «Подождите, — говорит, — минуточку, я одно дельце решу и вернусь». Он и вернуться не успел — дверь распахнулась, а оттуда эти... ковенские. С эмблемами. Человек пять, а может, больше, и у каждого по пульсару. А у меня на ножнах ремешок, да еще и печать поверх шлепнули. В волка перекидываться в одеже — тоже песня долгая. Ну и все... очнулся в камере. Забрали все, только одежу и оставили. Ни меча, ни денег, ни аррского знака, ни этой... штуки гномской. За нее особенно обидно, — мрачно добавил Сигурд. — Я ее сам добыл. В первый раз поехал, а уже такая удача! В город хотел привезти, конунгу отдать...

Кубик молчал и не отсвечивал. Оборотень говорил чистейшую правду.

— И что, на этом все и кончилось? — спросила я, пораженная нашей системой судопроизводства. — Ты так три года и просидел?

— Ага, с перерывами. На допросы водили... вежливые такие. То по одному, то парой, то по трое. Один раз привели... — Сигурд усмехнулся, — не знаю, кто это был, но его еще и охраняли. Я сперва подумал — от меня берегут, а потом понял: наоборот, это чтобы он не сбежал. Мы с ним, может, в соседних камерах сидели. Он, кстати, тоже только про штуку спрашивал.

Рихтер насторожился:

— И больше на темную магию упирал?

Оборотень кивнул.

— А как выглядел?

Сигурд немного подумал.

— Странный такой, — осторожно сказал он. — Не поймешь — не то человек, не то эльф. И пахнет странно.

«После ковенской тюрьмы чем только не запахнешь!» — философски подумала я.

— Ну, насчет запаха не знаю, — задумчиво сказал Эгмонт, — но я, кажется, понял, про кого ты говоришь. Не знал, правда, что КОВЕН до него добрался... — Я преисполнилась было к неизвестному магу симпатии (наш человек!), но Рихтер жестко добавил: — И хорошо, что добрался. Сколько веревочке ни виться...

— Предпочту, чтобы наша вилась подольше, — ехидно заметила я. Но Эгмонт не принял шутки:

— Это разные вещи, Яльга. Сейчас не до того, а потом я расскажу, это весьма полезный пример. Ковенцы — те еще перестраховщики, однако есть случаи, в которых сколько ни перестраховывайся — все одно будет мало. Последний вопрос, Сигурд... Как выглядела та штука, которую тебе подарили гномы?

— Думаешь, это из-за нее?

— Пока других вариантов нет.

— Круглая такая блямба. — Оборотень показал, какая именно, соединив большой и указательный пальцы в кружочек. — Золотая, кажется, но тут я не знаток. Тяжелая. На крышке гравировка, эльфийский такой рисунок, а сверху шарик приделан. На него ежели нажать, штука открываться должна, но не открывалась. Механизм, наверное, обветшал. Вот и все.

С минуту мы смотрели друг на друга — учитывая, что нас было трое, взгляды перемещались с одного лица на другое. Потом Эгмонт сгреб кубик и встал.

— Утро вечера мудренее. Давайте спать.

Не знаю что там насчет мудрености — спать действительно хотелось, но спать на голодный желудок в мои планы никак не входило.

— Ты, хозяин, покормил бы нас, — сказала я противным голоском, цитируя читанную давеча книжку Полин. — На голодном пайке держишь, нехорошо это.

От неожиданности Рихтер чуть не выронил кубик. Сигурд тоже уставился на меня странным взглядом, но, надобно отметить, опомнился гораздо быстрее:

— Эгмонт, там справа по коридору у тебя, часом, не кухня?

— Кухня, — мрачно ответил Рихтер, который, похоже, спать хотел гораздо больше, чем есть.

Но нас было все-таки двое, и естественные желания одержали победу над здравым смыслом.

3

За окном вроде как немного посветлело, но на этом дело застопорилось: никаких признаков рассвета, одна беззвездная муть. Мы договорились выйти в путь к полудню — времени было вполне достаточно, а я в самом деле валилась с ног от усталости.

Стоило мне сомкнуть веки, как я провалилась в сон — черный, ровный и глубокий, без сновидений. Так спят, вымотавшись до последнего предела; спят и день, и сутки, и еще немного, прерываясь исключительно ради естественных надобностей. И отдыха такой сон в первые несколько часов не приносит. Я чувствовала это и пыталась проснуться, но было тяжко, будто сверху меня придавили гранитной плитой.

Но я все-таки вывернулась из-под нее и открыла глаза. В комнате было очень темно — куда темнее, нежели когда я заснула, и потому мне не сразу удалось понять, сколько времени. Неужели я проспала весь день? Да нет, обещали же разбудить на рассвете...

И тут я услышала шаги.

Нет, *услышала* — это, наверное, неправильное слово. Они были настолько мягкими, что услышать их не смог бы самый чуткий эльф-музыкант. Я почувствовала их всем существом, ощутила тот длинный, непередаваемо сладкий миг, когда лапа опускается на землю и все становится единым целым.

Это было как с Сигурдом — я будто соскользнула вниз, на принципиально иной уровень контакта с миром. Именно соскользнула, а не поднялась: я была уверена, что он находится ниже. Он возник раньше, чем появилось зрение, обоняние и слух. И уж тем более раньше, чем первая осознанная мысль.

Но сейчас время шло, а ощущение не исчезало. Я будто раздвоилась, и пока одна моя часть чувствовала *чье-то* приближение,

вторая пыталась осмыслить его в привычных человеку понятиях. Так. Кто-то идет. Надо выйти к двери... разбудить Эгмонта?

Нет, никого будить не надо. Вас трое, но это касается исключительно тебя.

Я встала и, как была, босиком, вышла в коридор. *Кто-то* погрузился в воду, отделяющую большую сушу от маленького острова. Только сейчас я поняла, что он идет со стороны Треугольника.

Подумаем еще раз, пока у нас есть время. Может быть, все-таки стоит разбудить Сигурда или Эгмонта? С другой стороны, что может войти в этот дом? Даже если меня сюда не пропустило...

Он вышел на берег. Встряхнулся. И подошел к крыльцу.

В этот момент я почувствовала единение. Я перестала ощущать себя состоящей из двух частей, но ни одна из них не исчезла. Как бы это объяснить... похоже, если две флейты играют вразнобой. А теперь они заиграли в унисон, и голоса их слились в одно целое.

По крыльцу простучали когти. И я услышала голос — вполне человеческий, хотя не могу поручиться, что он говорил именно на человеческом языке.

— Можно? — вежливо спросили из-за двери.

Типичный вопрос для фэйри, который не может войти, пока его не пригласят. Я глянула на венок, грозно ощетинившийся рябиной, и ответила вопросом на вопрос:

— Кто там?

Дверь распахнулась. На фоне светлого прямоугольника четко вырисовалась фигура огромного лиса.

Да, это был лис — не лисица, и не спрашивайте меня, откуда я это взяла. Ростом он был с хорошего волкодава, то есть немного меньше Сигурда в его зверином обличье. Шерсть чуть светилась, и по ней пробегали золотые всполохи.

На венок он не обратил никакого внимания.

Я не испугалась — не знаю почему. Возможно, в тот момент я просто утратила способность испытывать страх, потому что бояться перед его лицом было совершенно естественно. Даже самые храбрые из нас пугаются, глядя на бушующее пламя, ревущий поток или — как вариант — на мирные зеленые долины, простирающиеся там, внизу, на расстоянии тысяч верст от той скалы, на которой вы стоите.

Словом, я не испугалась. Я стояла и смотрела, как Лис, приподнявшись на задние лапы, передней закрывает дверь. В этом не было ничего циркового, и смеяться мне почему-то не хотелось.

Хотя... это как посмотреть. «Папа пришел», — билась в голове одна-единственная развеселая мысль. Ага, папа. Родитель-кицунэ с Восточных островов явился выплатить любимой дочке алименты. И от крестьян ушел, вот шельмец... что я там еще Полин рассказывала?

Нечего было байки травить, студентка Ясица. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — писал великий поэт, солнце лыкоморской словесности...

Лис прошествовал мимо меня, и я едва сообразила прижаться к стене. По моим ногам мазнул роскошный рыжий хвост; Лис безошибочно определил отведенную мне для ночевки комнату, открыл дверь и повернул острую морду.

— Прошу вас, — галантно сказал он.

Помедлив, я прошла мимо него и переступила порог. На какое-то время Лис оказался у меня за спиной, и мне это очень не понравилось. Но я достаточно трезво оценивала свои возможности, чтобы понять: *этому* существу совершенно все равно, которой стороной я к нему стою. Если оно атакует, подобные мелочи не смогут ничего изменить.

Ситуация была довольно глупой: я вновь стояла в той же комнате, которую покинула несколько минут назад. Из щели под окном тянуло сквозняком; я смущенно потерла голую правую ногу босой левой пяткой и полезла обратно на кровать, к теплому одеялу, сбившемуся в уютный беспорядочный комок.

Лис закрыл дверь и оглядел комнату, любопытно подрагивая белесыми усами. Выбор у него был невелик: либо улечься на полу, либо пристроиться на стуле, предварительно скинув оттуда мои вещи. Но он решил проблему куда изящнее — попросту запрыгнул на мою кровать и разлегся на ней, уложив роскошный пушистый хвост между мной и стеной. Я бы сказала, что он лежит у меня в ногах, но по соотношению занимаемого нами пространства получалось, что это я сижу у него в ногах — завернувшись в одеяло и занимая значительно меньшую часть кровати.

Я незаметно потрогала лисий хвост. Шерсть была мягкая, тонкая, и пальцы слегка покалывало, будто по ним пробегали крохотные искры. Она слегка светилась, и силуэт фэйри отчетливо вы-

ступал из предрассветной тьмы. Лис глянул на меня темным круглым глазом. Я поспешно спрятала руку под одеяло.

— Тебе не тесно? — только и спросил он. — А то я подвинуться могу.

Я мотнула головой. Лис немного помолчал. Вблизи было заметно, что среди рыжей шерсти то там то сям мелькает седина. Но Лис не был ни старым, ни — тем паче — дряхлым; он был умудренным жизнью и много чего успел повидать на своем веку.

А еще — он был очень красивым.

Я смотрела на него, а он разглядывал меня — и в его глазах определенно светилось любопытство. Наконец он сказал:

— Мне, наверное, следует представиться.

Я энергично закивала. Чтобы фэйри сам, по доброй воле называл свое имя...

Лис одарил меня далеким от восхищения взглядом.

— Я не фэйри, — чуть надменно произнес он. — И боюсь, что поторопился, ибо ни в одном вашем языке не могу найти звуков, из которых мог бы сложить свое имя. Ты не говоришь по-нашему, маленькая сестра, и нехорошо будет, если ты назовешь мне твое имя, а я промолчу. Так что обойдемся без имен.

— Почему ты так меня назвал?

— Потому что ты — наша. Кое-кто сомневался, но двадцать дней назад ты побывала в моих владениях, а смертным туда ход закрыт. Мне ли этого не знать! Недоверчивые сразу смолкли, ибо у нас лгать не принято. Для того чтобы скрыть правду, существует множество куда более красивых способов...

Я и так поняла, о каких владениях идет речь, но на всякий случай быстренько сосчитала дни. Все сходилось: без малого три недели назад мы вошли в Слепой треугольник.

Все дороги сходятся нам...

— Не все, сестренка, совсем не все... — Лис чуть оскалился, что, вероятно, означало улыбку. — Но сейчас это не суть важно. Ты побывала у меня — я наношу ответный визит тебе. Эта крепостца — форпост смертных у моих границ, так что сейчас мы на нейтральной земле, не твоей и не моей.

В этом домике едва ли насчитывалось пять комнат, но Лис не ошибся, назвав его крепостью. Здесь жил магистр Эгмонт Рихтер, а его присутствие по определению превращало обыкновенный дом в укрепленный.

— Твои родичи, танцующие на холмах, полагают, что вопрос должен оставаться без ответа. Но у меня на этот счет другое мнение. Я пришел сюда, чтобы посмотреть на тебя, и вижу, что ты не знаешь куда больше, чем надлежит. Спрашивай. — Он обвил хвост вокруг лап и повторил: — Спрашивай. Быть может, кое на что я и смогу тебе ответить.

«Кое на что»... Я припомнила, что он говорил насчет сокрытия правды, и поняла: начинается очень сложная игра. Если он не захочет мне отвечать, едва ли я это пойму. Я не знала точно, кто он, но подозревала, что Лис ничуть не хуже фэйри умеет бродить по зеркальному лабиринту, где стены сложены из полуправды, а пол мощен иносказаниями и недомолвками. Что... что я хочу узнать больше всего?

— Что такое Слепой треугольник?

Только услышав собственный голос, я поняла, что спросила не то. Конечно, начинать следовало с вопроса, что за сила стянула нас с Сигурдом и Эгмонтом в единое целое и не разорвется ли когда-нибудь это кольцо. Но я, наверное, не зря училась любопытству у магистра Зирака, и перед моими глазами сама собой встала пыльная библиотечная папка.

Да это же бесценные сведения!

— Хороший вопрос. — В голосе Лиса послышались иронические нотки. — Я перед тобой — вот и ответ!

Я хмыкнула, признавая поражение, но он неожиданно добавил:

— Впрочем, чего от тебя ждать? Та из вас, что дала тебе жизнь, покинула тебя слишком рано; ты воспитывалась смертными; ты слишком юна! Где бы ты научилась задавать вопросы? Ты хочешь услышать обо мне — и ты услышишь. Но это будет долгий рассказ.

Я непроизвольно глянула за окно. Но там было все так же темно; звездная Росомаха не спешила уступать место рассветному Барсуку[1].

[1] Речь идет о традиционном эльфийском суточном круге. Перворожденные делят сутки на день и ночь, совокупно состоящие из восемнадцати часов. На каждое время суток приходится по девять часов, каждый из которых обозначается своей руной, имеет свое имя и ассоциируется со своим животным, растением, камнем и стороной света. Летом и зимой протяженность светового дня различна, и потому ночные и дневные часы отличаются друг от друга. Эльфийская система не используется за пределами их государств, но широко известна в поэзии и развлекательной литературе.

— Время младше меня, — Лис перехватил мой взгляд, — оно подчинится. Итак, сестренка, слушай и запоминай, ибо более никто тебе этого не повторит. Этой земле много времени — времени, а не лет, веков или тысячелетий. Делить время на отрезки придумали люди, а мы принимаем его как есть. Много времени назад, когда мир не знал ни одного человека, здесь жили птицы, рыбы, насекомые, звери и те, кто создал вселенную, создавая себя. Я назову их Древними Силами, потому что даже для нас они слишком стары.

— Боги? — спросила я и тут же прикусила язык. Вообще он хорошо начал: как в старых летописях, аж с сотворения мира. Мои интересы не простирались так далеко, но спорить с волшебным существом, не боящимся рябины...

Лис насмешливо дернул мордой:

— Нет, деточка, не боги. Боги пришли потом, когда мы... когда Древние Силы разрешили им это сделать. То был важный шаг, и не все соглашались его сделать. Среди нас много упрямцев; мы медленно меняемся и не желаем видеть нового. В этом наша сила и слабость. Споры длились долго, но, когда решение было принято, об этом никто не пожалел. Боги сотворили людей — Старших, я имею в виду. Ты зовешь их эльфами, гномами, волкодлаками, а боги звали своими детьми. Это было неожиданно и интересно. У нас не бывает детей; все мы были сотворены одновременно, а фэйри, твой народ, был и остается нашими братьями по крови и духу. *Младшими* братьями. Они — это мы, точно так же как земля, вода, огонь или воздух. Мы воплощаем в себе больше и большее способны породить. Дети же суть нечто иное; в них не повторяются, а отражаются, как сосна в воде. Боги были разными, разными получились и их дети; мы видим мир таким, каков он есть, а в их глазах он всякий раз получается другим. Мы получили бесконечное множество миров, отраженных в пространстве и времени. Такой игры мы раньше тоже не знали.

Но детям, как мы узнали позже, свойственно шалить и проказничать. Нужны были те, кто мог бы за ними присмотреть. Так были рождены драконы — из сердца мира, из пламени и ветра. Они были сродни и людям, и нам. В каждом воплощалась грань вселенной. И это было удивительно, о, как же это было прекрасно...

Он говорил ровным, едва не монотонным голосом, в котором угадывались даже не эмоции, а лишь намек на них, — но глаза

Лиса светились в темноте как два черных алмаза. Я слушала и вновь ощущала почти мучительное раздвоение. Одна моя часть трепетала, как лист на ветру, и слышала нечто, наполнявшее его слова подобно меду в кувшине. Зато другая — и заглушить ее не мог даже Лис — вся замирала от восторга, представляя маленькую скромную книжку со словами «Записано Я. Ясицей» на обложке. Это как же шагнет вперед магическая наука!..

— Не отвлекайся, — чуть ворчливо сказал Лис. — «Магическая наука»! Ха! Хотел бы я знать, которую часть этого мира познали твои маги! Может быть, одну миллионную? Или того меньше? Они ничего не знают даже о себе самих, даже о собственных смертных шкурках не имеют никакого понятия!

— Продолжай, — попросила я, усилием воли загнав вторую составляющую как можно глубже. Но и там она продолжала поскрипывать мысленным пером, занося в анналы каждое слово.

Глаза Лиса вновь вспыхнули небывалым светом.

— Это была прекрасная игра! — с чувством сказал он. — Боги и люди разворачивали этот мир — этот старый, изученный вдоль и поперек мир, нами же и созданный, в нас же и существующий! — и мы не могли угадать, какими красками он заиграет дальше. Да, это было весело! До тех пор, пока Те, Кто Стоит Над Нами, не открыли дорогу в наш мир Младшим людям. Приемышам, как их у нас кое-кто зовет. Они были детьми чужого солнца и чужих богов. И они принесли с собой войну.

— Получается, до Нахождения Тверди войн не было? Я слышала, северные эльфийские кланы постоянно враждуют между собой...

— Это другое, — отмахнулся Лис. — Если двое детенышей покусают друг друга в драке, это пойдет им на пользу. Умнее будут. Но с Младшими было не так. Они были не просто чужаками — они пришли туда, где для них места уже не осталось. И еще — они были совершенно другими. Их война была действительно войной, а не детской дракой под ивовым кустом. Раны, что были нанесены, не затянулись до сих пор. И тогда, в то... скажем, смутное время, были нарушены запреты. Кое-кто обвиняет нас, но мы здесь ни при чем. Вина на оборотнях, и до недавнего времени они ее искупали. Именно волкодлаки использовали страшную магию против Младших, у которых магии не было, — и мироздание покачнулось. Мы поняли, что нужно вмешаться, пока еще не поздно. Разделить правых и виноватых было нельзя, и решение

наше было простым. Мы решили уничтожить всех людей, какие есть, и пускай боги создают их заново, если будет на то их воля. Вымерзшие деревья сжигает молния, и на их месте зеленеет новая поросль.

— И что вам помешало это сделать?

— Не что. *Кто*. Вмешались Те, Кто Стоит Над Нами. У них, оказывается, были на вас другие планы. Мы были уверены в своей правоте и не собирались уступать, но силы... силы, сестренка, были неравны. В итоге мы оказались в границе той территории, которую сейчас называют Слепым треугольником. По чистой случайности это были мои земли... Мы не заперты там, о нет! Мы сами ушли в эти пределы. Пускай остальной мир живет так, как считает нужным. Мы покинули его, насколько смогли, хотя нам и горько смотреть на то, как старится наша земля.

В этот миг я вдруг *поняла* то, о чем он говорил. Схватила все, целиком, не разбивая на отдельные понятия; так, когда зажигается яркий свет, в пустой комнате не остается теней. Они и земля соотносятся почти как дух и тело. Они вечны; по природе своей они стоят над материей, но, одушевляя ее, сливаются с ней воедино. До прихода людей мир был единым; после он раскололся на две части. Обе эти части одинаково разбалансированы — в Треугольнике мир *плывет*, чувствуя на себе всю волю Древних, а все остальное медленно остывает, отдавая свое тепло бесконечной ледяной темноте. И это все только из-за того, что тысячу лет назад оборотничьи маги применили против людей волшебное оружие?

— Так было долго — долго по вашим меркам, но и для нас время потекло немного иначе. Мы не вмешивались в то, что происходило *там*, а люди — не смели нарушить наших границ. Игра продолжалась, но она становилась скучна. Прежде мир то и дело обнаруживал новую грань, а теперь, кажется, все уже было найдено. Бесконечность сжалась в точку, море вычерпали горстями. Мир остывал, и некоторые его части остывали особенно быстро. Там появлялись трещины... хотя пока лишь одна из них оказалась достаточно широкой.

— Подождите, но куда смотрят Эти, Которые Стоят Сверху?

— Не «сверху», — терпеливо поправил Лис. — Над Нами.

— Хорошо, Над Вами?

— Нет, радость моя, над *всеми* нами. И над вами в том числе. Видишь ли, они считают, что вы уже достаточно подросли, чтобы суметь справиться с этим самостоятельно.

«Все наставники одинаковы», — подумала я, вспомнив Рихтера и несостоявшуюся практику. Забросят тебя не понять куда, а ты потом выкручивайся.

— Мы решили, что этому миру наступает конец, — но мы ошиблись. Игра снова стала интересной. Однажды, совершенно случайно, в поле нашего зрения попало человеческое дитя. Самое интересное, она была из Младших. Удивительно, но она не несла в себе разрушения, которое, как правило, в той или иной степени присутствовало во всех людях. И мы решили: отчего не попробовать и не позволить ей побывать на нашей территории? На территории, где — заметь — мы полные хозяева. Там она находилась всецело в нашей власти.

У меня перехватило дыхание, когда я поняла, какой опасности подвергались Генри, Хельги и Полин. И только потому, что их сдуру перенесло вместе со мной!

— А остальных-то вы зачем впустили?

— Остальных? — Будь Лис человеком, он приподнял бы бровь. — Каких остальных?

— Ну... Генри, Полин, Хельги... если вам нужна была только я?

Лис рассмеялся.

— Это была не ты, — сказал он. — Ты появилась позже. Я говорил сейчас о...

— Мистрис Горане Бранке! — вдруг осенило меня.

— Точно. Это я, кстати, ее нашел! — Тон Лиса сменился на довольный, а я ясно вспомнила отпечаток лисьей лапы на виденном пару недель назад пергаменте.

— Мы впустили ее к себе, и она знала, на что шла. Точно так же мы впустили когда-то богов — и точно так же мы об этом не пожалели. Тебе никогда не случалось думать, что твой народ одарен беднее прочих? Эльфы прекрасны и музыкальны, гномы, как правило, отличные мастера, да вдобавок еще и сильны, волкодлаки перекидываются в зверей, а вы суть всего лишь вы...

Я пожала плечами. За последние полгода меня с завидным постоянством записывали то в полуэльфки, то в полугномки, а то во внебрачные дочери какого-нибудь вампирского лорда. А что выгляжу не так — известно же, полукровок не бывает!

Словом, комплекс расовой неполноценности — это не ко мне.

— Так вот, могу заверить — у вас есть нечто, отличающее Младших от всех остальных народов. Вы непредсказуемы. Вы заставляете игру идти быстрее. Вы будто накладываете на бытие свой ритм, и ваша жизнь, до смешного короткая, превращается в вечность. Вы можете быть очень интересными... Но дело не в этом. Ради одного человека мы не покинем наших пределов. Игра продолжалась. О Лерикас, золотом драконе из Арры, я рассказывать сейчас не буду, но и она приняла в этой игре немалое участие. Даже драконы меняются со временем, и нынешние — совсем не то же, что былые. Ну а потом появилась ты.

— И чего во мне было такого? — обреченно спросила я. Не сказать чтобы мне не льстила собственная исключительность, но есть силы, внимания которых все же... ладно, проехали. Хочется верить, внимание этих сил не причинит мне вреда.

— Ну, особенного-то в тебе много. — Лис, будто вспомнив, что он Лис, дернул ухом. — Во-первых, ты полукровка, а их всегда было очень мало. Еще в начале игры боги договорились, что дети, рожденные в смешанных браках, должны выбирать какой-то один народ. Да, были случаи, когда человек всю жизнь метался туда-сюда, но таких можно пересчитать по пальцам одной руки. Во-вторых, ты дитя фэйри, существа, для которого люди по определению всего лишь еда. Ты — сбой системы, то, чего не должно быть. Но ты есть, и это тоже весьма любопытно. А в-третьих... — Он сделал паузу, и я замерла, чувствуя, что вот сейчас мне и откроется самое важное. — Тебя, наверное, интересует, что за силы стягивают вас троих в одно? Как может быть, что ты чувствуешь Сигурда, человека другого народа, будто самого себя? И почему вы вместе суть нечто большее, чем просто сумма ваших навыков, умений и способностей?

— Да, — сказала я, потому что здесь нужен был ответ.

— Я не скажу тебе этого, — обыденно сообщил Лис.

Я испытала такое чувство, будто спокойно шла по ровной дороге и неожиданно споткнулась о высокий порог. Узнать о тайнах мироздания, об истории времен, когда и слова «история» еще не придумали, — и остановиться у той двери, открыть которую как раз и хотелось бы больше всего?

— Откроешь, — посулил Лис, одобряюще хлопнув меня по ноге. — Все двери созданы для того, чтобы их открыли, и не мне тебе об этом рассказывать. Скажу лишь одно... приоткрою тебе малую щель. Чем бы вы ни были, вы еще не *оно*. Вы — яйцо, а вы-

лупится из него что-то или нет — знают лишь Те, Кто Стоит Над Нами. Но не думай, что растворишься в вашем единстве. Человеку... да и тебе тоже никогда не понять, что означает быть тем, чем вы станете.

— Ты же говоришь не о божестве? — с нехорошими предчувствиями спросила я. Но Лис только фыркнул:

— Да нет конечно же! Человек не станет богом, и это хорошо. У игры должны быть правила, иначе она превратится в беспорядочную груду фишек... Запомни еще кое-что. Мы не ведем вас. Мы не направляем вашей воли и не пленяем души. По условиям игры вы всегда свободны в своем выборе, а мы остаемся сторонними наблюдателями. Не бойся нас; опасайся тех, что сродни нам, но не вам, — тех, что просачиваются в щели, проходят в мельчайшие дыры и властвуют над безумием. Однако же помни, — глаза его сияли, и я смотрела в них, не в силах оторвать взгляда, — помни, что они берут обманом и бегут честной схватки! Ты не знаешь своих врагов...

— Расскажи мне о них.

— Я уже рассказал довольно! Тебе пора спать; я замедлил время, но его все равно осталось немного. А мне время вернуться. Если нам всем повезет, мы еще вернемся к этому разговору. Я бы пожелал тебе удачи — да только это то же самое, что рыбу купать... Но я все равно буду держать за тебя кулаки!

Я молчала, пытаясь понять, в каких словах сообщить об этом визите Сигурду и Эгмонту. Причем желательно так, чтобы они не сочли меня свихнувшейся на нервной почве.

— Никак, — безмятежно заметил Лис. — Мое появление здесь — дань любопытству и необходимости. Само по себе оно уже нарушение правил. Так что твоим друзьям, как и моим, о нем знать совершенно не полагается...

Он подошел к двери, открыл ее и обернулся:

— Да, маленькая, я все хотел сказать... Намекни Эгмонту как специалист по магии Треугольника: на нас рябина действует исключительно возбуждающе. В смысле возбуждает аппетит. Пускай он уберет этот веник, пока к нему еще кто-нибудь в гости не заглянул!

Я кивнула, твердо уверенная, что до утра теперь не засну. А Лис аккуратно прикрыл за собой дверь, не забыв сказать напоследок:

— Провожать меня не надо, дорогу помню и так.

И, едва дверь стукнула о косяк, я провалилась в сон.

4

Поутру я проснулась удивительно легко, будто всю ночь провела под одеялом. Спать ни капельки не хотелось; я села на кровати и откинула назад растрепанные волосы. Да. Хорошие снятся сны по соседству с Треугольником. Хоть эмпатов сюда посылай — материала для диссертаций на всех хватит...

Я помнила этот сон до мельчайших подробностей, но нисколько не сомневалась, что это был именно сон. Все на свете бывает, но Лис размером с Сигурда, называющий меня сестренкой и воплощающий в себе запретный кусок земли, — явный перебор. Спишем все на хорошее воображение, бурно проведенный день и соседство со Слепым треугольником.

Солнце ярко освещало небольшую комнатку. Я встала, оделась, наскоро заплелась и стала прибирать постель. Свернула одеяло и увидела, что на простыне лежат несколько длинных жестких волосков — рыжих с проседью.

На полу валялась полуобгрызенная веточка рябины.

Я не успела сделать из этого никаких фундаментальных выводов — в дверь постучали, и Эгмонт осведомился, может ли он зайти.

— Заходите, магистр, — вежливо пригласила я, быстренько запихивая веточку поглубже под кровать. Кто его знает — вдруг решит, что это я с голодухи грызла его любимое творение под покровом ночи!

Мысль оказалась более чем своевременной. Рихтер, невыспавшийся и очень недовольный жизнью, держал в руках пресловутый венок — и вид у венка был именно такой, будто его всю ночь кто-то грыз. На волшебных свойствах это отразилось самым непосредственным образом. Я не чувствовала и тени боли.

— Я это увидел, едва проснувшись, — уведомил меня магистр. — Оно стояло на стуле рядом с моей подушкой. Мы с Сигурдом ничего не слышали, но, может быть, вы смогли что-то ощутить?

— Нет, — сказала я, вспомнив прощальные слова Лиса. — Ничего. Но... — Эгмонт смотрел как-то настороженно, я подавила желание зажмуриться и отбарабанила: — Как специалист по магии Треугольника намекаю: на местных фэйри рябина действует исключительно возбуждающе. В смысле возбуждает аппетит. Убери-

те его от греха подальше, а то еще кто-нибудь пожалует... И вообще я есть хочу. Нам же выступать скоро!

Из кухни доносилось деликатное позвякивание. Похоже, Сигурд ревизовал припасы.

5

Мы быстро позавтракали и приступили к сборам. Точнее, к сборам приступил Эгмонт — я следила за ним, наскоро перебирая свои склянки. Как выяснилось, в темноте я прихватила не совсем то, что нужно: три склянки с заживляющими настоями, одна с соком мандрагоры, основой для любого целебного зелья, одна — из запасов Полин — с зельем против перхоти и одна пустая. Она, разумеется, тоже принадлежала моей соседке, потому что только Полин могла сперва купить дорогущие духи, а после хранить пустую склянку, и все только из-за того, что склянка была полосатая: полоска красная, полоска зеленая, полоска белая.

Это могло бы послужить неплохой иллюстрацией к тезису «воровать нехорошо», но сейчас я была неспособна оценить подобные выкрутасы. Ни я, ни Рихтер не были алхимиками, и все готовые зелья ценились на вес золота. Я сердито повертела полосатую баночку, и тут Эгмонт вытащил из ящика большую бутыль какой-то темной настойки.

— Тяжелая... — пробормотал он, глядя на бутыль с тем же недовольным видом, как я — на полосатую склянку. — Перелить бы куда, да тара кончилась...

— Эта подойдет? — обрадованно спросила я.

Рихтер осмотрел баночку и молча кивнул. Из того же ящика он извлек воронку, и через некоторое время полосатая склянка заняла свое законное место.

Таким образом, у нас получалось три сумки: моя, с книгами и зельями, рихтеровская, с зельями, амулетами и мрыс его знает чем еще, и общая, с небольшим запасом еды. Плюс некоторые необходимые в дороге вещи типа спичек, котелка и одеял. Вроде бы вещей было немного, но кучка все равно внушала мне некоторую тоску, когда выяснилось, что Рихтер не просто предусмотрителен, а, можно сказать, маниакально запаслив, как пережившая голод бывалая мышь. Если бы у него нашлась сумка со встроенным пятым измерением, я ничуть бы этому не удивилась. Но у него име-

лось нечто значительно более редкое и дорогое — амулет, позволяющий все без исключения вещи, сколько бы их ни было, переправить в некий магический склад. Получалось, что сколько бы вещей мы ни захватили, нести нужно было только металлический прямоугольник, с обеих сторон покрытый замысловатой чеканкой. Зачем это Эгмонту, путешествовавшему всегда налегке, понять было невозможно, но Рихтер вскользь обмолвился, что ему это подарили, а продавать подарки как-то нехорошо.

Собрав все хозяйственные принадлежности, встрял Сигурд:

— Слышь, Эгмонт, а мы что, так и пойдем без оружия? Вам-то хорошо — вы оба маги, в случае чего заклинаниями обойдетесь, а мне с мечом посподручнее будет!

Надо полагать, Рихтер сообразил, что троица путников, из которых один — безоружный волкодлак, почти наверняка привлечет чье-нибудь пристальное внимание. Вооружив же Сигурда, можно будет этого внимания избежать. В той комнате, где они с оборотнем ночевали, имелась еще одна маленькая дверь — с очень хитрым замком, который, прежде чем открыть, надо было еще найти. За дверью же находился целый оружейный склад. Острого железа там было чуть меньше, нежели в средней оружейной лавке. Зачем это все Рихтеру, оставалось только гадать.

— Выбирай, — широким жестом показал Эгмонт, обращаясь к Сигурду, который застыл перед входом в комнатку, как ребенок — перед конфетной лавкой.

— А... а что можно? — благоговейным шепотом спросил волкодлак.

— Все, — коротко ответил Рихтер.

Я оценила. Насколько я понимаю жизнь, коллекция оружия — для мужчины это святое. Почти как жена или даже больше. Как мы успели выяснить, набора жен у Эгмонта не было, а вот коллекция оружия имелась.

Сигурда, впрочем, это не интересовало. Его вообще ничто не интересовало с той самой минуты, как он, восторженно присвистнув, взял со стойки длинный меч с черным клинком. Он рассматривал его так любовно и вместе с тем придирчиво, что я даже отвела взгляд. Это был интимный процесс, и он не нуждался в зрителях.

— Магистр Рихтер, — поинтересовалась я, — ну просто так, из чистого любопытства: зачем вам этот двуручник?

— Никакой это, Ялька, не двуручник! — тут же откликнулся Сигурд. Он уже раскопал для него ножны и быстро совместил одно с другим. — Полуторник это, а я, ежели надо, справлюсь и одной...

— Подарили, — кратко ответил Эгмонт.

Я подождала еще несколько минут и окончательно убедилась, что подробностей не воспоследует. Вообще-то у меня чесался язык узнать, что ему еще подарили: складывалось впечатление, что половину полезных вещей мой наставник получил именно таким путем. Но я же вежливая, да?

И жить мне хочется...

6

Мы покинули этот дом, когда тени были еще довольно длинны. В сарайчике, которого ночью я не заметила, лежала длинная лодка, почему-то пропахшая не сыростью, а яблоками. Она сама переплыла реку и сама отправилась в обратный путь. Эгмонт не колдовал и еще раз запретил это делать мне.

Солнце играло на воде. Я глянула последний раз на островок, потом посмотрела вперед. Перед нами стоял лес, и мрачные синеватые ели вздымали острые макушки к небу.

До Конунгата, если повезет, мы доберемся через три недели.

Если очень, очень повезет.

— Помоги нам Арведуэнн, — прошептал Сигурд, который думал о том же самом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
где журчат фонтаны, цветут розы и линяют белкобли. Здесь ведутся разговоры о высоком, создаются картины и пишутся книги; маги рассуждают о политике, долге и утке по-кафски; а студентке де Трийе ну совершенно все равно, сколько брильянтов готов подарить ей некий кафский принц

1

Магистр Цвирт внимательно оглядел домик: маленький, уютный, с высоким крыльцом и ясными окошками, незамутненными, как взгляд адепта-двоечника на экзамене. Вокруг зеленели акку-

ратно подстриженные кусты, высаженные в строго определенном порядке, кое-где виднелись клумбы, заботливо обложенные речными камушками. На клумбах цвели полосатые розы, розовые бутоны виднелись и на кустах. Слева доносилось тихое умиротворяющее журчание. Ковенец глянул туда: журчал фонтан — подлинное достижение эльфийского искусства. Маг не разбирался в скульптуре, зато отлично помнил лекции по классической литературе Перворожденных и оттого сразу понял, что за сюжет воплощен в камне и бронзе.

На изящно вырубленном куске дикого гранита сидела, подобрав босые ноги, печальная бронзовая дева. Печаль ее можно было объяснить суровым лыкоморским климатом: из одежды на деве имелось одно только короткое платьице, да и то наполовину сползшее с плеча. У ног, в специальной выемке, лежал разбитый кувшин, и из бронзового горлышка неумолчно струилась вода. Бассейн был оформлен как естественный грот, к которому вели три ступени, сделанные из лучшего гномийского мрамора.

Сама легенда была довольно проста. На праздник Весенней Воды некая дева шла от родника и несла полный кувшин. Она поскользнулась на мокрых камнях, кувшин разбился — и дева от горя сама обратилась в камень. Но и в камне была она столь печальна и прекрасна, что боги сжалились над нею. Из презренных осколков чудесным образом забила чистейшая ключевая вода.

Каменной девы с ее безразмерным кувшином никто и в глаза не видел, но легенда о ней входила в «Зеленый круг», иначе «Весеннее кольцо, сплетенное из ивовых ветвей», а если совсем уж просто — в основной цикл эльфийских поэтических преданий. Потому все менестрели наперебой спешили воспеть ее в сонетах, лэ и лирических миниатюрах. Цвирт, который дважды пересдавал экзамен по эльфийской литературе, незамедлительно вспомнил подходящее случаю четверостишие:

Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила.
Дева печально сидит, пустой держа черепок.
Чудо! Не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой;
Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.

На бронзовых плечах эльфийской прелестницы играли лучи скудеющего света. Все, на что ни падал взгляд, казалось прекрас-

ным, мирным и идиллическим, и Цвирт начинал испытывать вполне обоснованные подозрения. Уж слишком законченной была эта пейзанская картина. Не хватало разве что пчелиного гудения, которое доносилось бы с заднего двора.

Стоило ему лишь подумать об этом, как над головой раздалось гневное жужжание. Над магом возмущенно выплясывала одинокая оса. Цвирт замер. Не то чтобы он боялся ос, просто все, что он о них знал, можно было сформулировать короткой фразой: осы поодиночке не летают.

Словно в ответ на эту мысль из-за кустов вылетело черное гудящее облако. Магистр с тоской покосился на входную дверь, но не двинулся с места. Кто-то держит собак, кто-то ставит защитные заклинания, а кто-то — всего лишь заводит таких вот ос, держа их на надежной магической привязи. Рой, чуть растянувшийся в воздухе, облетел вокруг Цвирта и замер в полной боевой готовности. Маг подавил в себе малодушное желание закрыть глаза.

Вообще-то существовал определенный соблазн отгородиться от них Щитом. Но вот ведь в чем проблема: осы принадлежали учителю и вполне возможно, что они способны преодолеть еще не такую магическую преграду.

Вдруг Цвирт услышал короткий эмпо-призыв. Рой немедленно развернулся и четко, будто полк на параде, удалился восвояси. Только одна, самая подозрительная оса — возможно, та разведчица — прежде чем присоединиться к остальным, повисела напротив Цвирта еще несколько секунд.

Маг облегченно выдохнул.

Когда он поднял глаза, перед ним на дорожке стоял маленький ветхий старичок. Кажется, весь тот песок, которым посыпали дорожки, был обязан своим происхождением именно хозяину дома. Взгляд у старичка был добрым и немного рассеянным, так что Цвирт сам не понял, что именно заставило его выпрямиться, расправить плечи и втянуть живот, даром что живота как такового у него пока еще не было.

Старичок долго щурился на гостя, а после, просияв, всплеснул ручками.

— Поль, мальчик мой! — умилился он. — Вспомнил своего старого учителя? Как тебе мои пчелки?

— Хорошие... пчелки, — с некоторым усилием выговорил Цвирт. Спорить не приходилось — пчелки действительно были достойными.

— А мед какой дают! — бодро вещал старичок. — Не мед — бальзам! От всех болезней помогает, от эльфийских даже. Вот аунд Элдер не даст соврать... да где же он, аунд Элдер? А-а, в доме, я-то и забыл... вот она, старость!

Учитель Тэнгиэль подхватил Цвирта под руку, и тот всерьез напугался, что сейчас его поведут любоваться пасекой, а на пчелок между тем он насмотрелся на много лет вперед. Но учитель нацелился на дом, и это обнадеживало.

Сейчас он сам не понимал, зачем сюда явился. Визит в Академию оказался абсолютно нерезультативным — или результативным, но только со знаком «минус». Магистр Шэнди Дэнн, которую Цвирт тщательно обходил стороной все пять лет обучения, наверняка сделала из разговора с ним собственные выводы. Но если бы дело было в одной только Шэнди Дэнн!.. До определенного момента Цвирт полагал, что страшнее некромантки зверя нет, но он попросту не был еще знаком с белым слоном его новоприбывшего кафского величества. Едва скороходы успели объявить о приезде принца Саида, Буковец развил бурную деятельность — раньше Цвирт и не подозревал, что их меланхоличный директор способен на такую скорость. Ковенского эмиссара моментально припрягли к делу, и отказаться было просто невозможно: во-первых, для этого требовалось поймать директора, а Буковец был неуловим; во-вторых, Цвирт понадеялся поймать в этой мутной воде парочку упитанных рыбок. Рыбки не поймались, а работать пришлось много. К полудню ковенец твердо уверился, что вся эта суматоха, столь ловко переключившая внимание с беглого магистра на матримониально озабоченного принца, была не чем иным, как частью коварного рихтеровского плана. Принц, вынырнувший буквально из ниоткуда, внезапно и совершенно не вовремя, не оставлял места для иных объяснений.

Кое-как Цвирту удалось сбежать, но всю последующую ночь ему снились укоризненные глаза белого слона, которому вечером не вымыли ног и не отполировали бивней. Поутру, отогнав кошмарное видение подальше, магистр решил систематизировать полученную информацию. Увы, ее было так мало, что ни о какой системе и речи быть не могло. Собственно, все сводилось к одной фразе: Рихтера нет, не было и не предвидится.

Наскоро связавшись с КОВЕНом, Цвирт выяснил — волкодлак нигде не объявлялся. По идее следовало написать руководству отчет о проделанной работе, но магистр не без оснований полагал, что подробное описание повадок белого слона едва ли заинтересует Магистра Эллендара. У КОВЕНа до сих пор не было ни единой зацепки. Цвирт долго думал, что теперь делать, и от отчаяния решился на абсолютно нелогичный поступок.

Когда у него что-то не получалось, он всегда шел к учителю. А сейчас разве что-то сильно изменилось? Учитель всегда находил ошибку в вычислениях, даже если ответ совпадал с приведенной в учебнике цифрой... кроме того, учитель отлично знает этого мрыса. В смысле лучшего боевого мага Лыкоморья. Рихтер всегда считался любимым учеником Тэнгиэля — это было очень заметно, ибо учитель всегда действовал по правилу «кого люблю, того и уму-разуму учу».

Конечно, учитель Тэнгиэль сильно постарел, но в целом он остался прежним. Невысокий, бородатый, с длинным носом, вызывающим невольный вопрос, нет ли в семье этого мага гномов, он все так же излучал дружелюбие — и сейчас, и в былые времена Цвирт почти не обманывался на этот счет — и по-прежнему предпочитал обращаться к своим ученикам не иначе как «мой мальчик». В устах любого другого преподавателя это показалось бы глупо, нелепо или слащаво. Но перед Цвиртом был не любой преподаватель. Перед Цвиртом был учитель Тэнгиэль, за годы обучения в Академии выколотивший из адепта Поля Цвирта немало глупостей и пыли.

Если он не знает, где находится Рихтер, значит, этого не знает никто.

Не то чтобы Цвирт сильно хотел встретиться с исчезнувшим магистром Рихтером. Совсем наоборот — он понятия не имел, что станет делать, если обнаружит его сидящим на веранде у учителя и мирно потягивающим чай. Но Цвирту впервые досталось серьезное задание, и провал автоматически означал полный крах всей его последующей карьеры.

Пока Цвирт предавался воспоминаниям, планам и мечтам, учитель Тэнгиэль, цепко придерживая его под локоток (хватка у учителя осталась прежняя, и магистр даже не пытался освободиться), провел гостя по саду, показал — к счастью, издалека — семь ульев, на каждом из которых была изображена восьмилучевая норданская звезда, и поднялся на летнюю веранду. Там, в тени

плетеной решетки, стоял деревянный столик, на котором возлежала огромная растрепанная книга — не иначе как сборник заклинаний. Рядом на плетеном же креслице сидел унылого вида ученик в черной просторной хламиде, перехваченной в талии широким ремнем. «Станешь тут унылым!» — подумал Цвирт, которому было жарковато даже в полевой ковенской форме. Помимо хламиды безымянный пока ученик отличился и прической: волосы у него были короткие, но на левом плече лежала тоненькая длинная косичка.

На Цвирта ученик посмотрел с интересом, а на Тэнгиэля — с немой надеждой.

— Ну-с, — бодро сказал учитель, потирая сухие ладошки, — и на чем мы остановились?

Ученик тяжело вздохнул.

— Утка по-кафски, учитель, — печально поведал он. — «Взять три части кардамона и одну — мелко перемолотой василисковой чешуи...»

«Чешуя-то здесь зачем?» — ошарашенно подумал Цвирт, но вопросов благоразумно задавать не стал.

— Как ты думаешь, Поль, — немедленно поинтересовался учитель, — для чего в этом рецепте присутствует василискова чешуя?

Поль потупился. Будь Тэнгиэль один, он бы честно сказал, что не знает, но ученик смотрел на старшего собрата с нешуточной надеждой. Ясное дело: если не ответит Цвирт, отвечать придется ему — а он, похоже, отрабатывал здесь летнюю переэкзаменовку.

— Э-э... — осторожно начал Цвирт. — Вероятно, чтобы... это... лучше пропеклось!

Что еще можно делать с уткой, Цвирт попросту не представлял. Не сырой же есть, верно?

Учитель просиял:

— Поль, мальчик мой, ты обрадовал старика! Вот, вот именно!

Он так и лучился радостью, а Цвирт возносил немую мольбу небесам, чтобы его не спросили, с какой целью здесь применяется кардамон. С каждой минутой он все меньше понимал, что происходит, а уж о контроле над ситуацией даже говорить не приходилось.

Тэнгиэль отечески похлопал ученика по плечу.

— Ты, наверное, устал, мой мальчик? — ласково спросил он. — Иди, отдохни... попей чаю. На столе стоит банка с медом.

Ученика явственно передернуло. Очевидно, не только Цвирт сумел оценить местных пчелок.

— А ты, Поль? — Внимание Тэнгиэля переключилось на Цвирта, а его радушию не было конца. — Ты, вероятно, тоже проголодался с дороги? Идем-идем, давно пора обедать! А заодно мой родич покажет тебе свою картину...

Уже почти ничего не соображая, Цвирт позволил учителю отвести себя в дом. Он сам не помнил, как очутился за небольшим столом, накрытым клетчатой скатертью. Учитель бодро потчевал его всем подряд, но в какой-то момент Цвирт вдруг сообразил, что время уходит, и попытался изложить свою проблему. Однако он быстро выяснил, что стоит открыть рот, как на столе перед тобой будто по волшебству появляется новое блюдо — и все надо пробовать, а не то учитель обидится. Цвирт не желал лопнуть прямо здесь и сейчас, и с этим надо было что-то делать.

Арлаутар аунд Элдер, древний до прозрачности эльф, смотрел мимо него устремленным в вечность взглядом. Цвирт дважды оглянулся, но очень быстро зарекся это делать, потому что учитель всякий раз успевал подложить ему на тарелку добавки. Очевидно, Арлаутар видел что-то свое, недоступное простому взгляду. Не мог же он так пялиться на расшитый петушками рушник!

Молчаливый ученик притащил очередной судочек, и учитель уже потянулся снять крышку. Необходимо было срочно переключить его внимание, и Цвирт, в минуты опасности соображавший очень быстро, поспешно спросил:

— А что это за книга, учитель, — там, на веранде?

Тэнгиэль, почти дотянувшийся до крышки, вновь взмахнул руками:

— О-о, ты всегда был наблюдателен, мой мальчик! Вот если бы к твоей наблюдательности еще и капельку сообразительности!

Это было весьма в его духе. С одной стороны, он хвалил, с другой — подкалывал. Дать ложку меда и капельку яда. Все для твоей пользы, мой мальчик, только для твоей пользы!..

Цвирт поймал себя на мысли, что где-то даже жалеет несчастного Рихтера, который по долгу службы был обязан подолгу общаться с учителем Тэнгиэлем. Наверное, оттого и сбежал.

— Это не просто книга — это наброски труда всей моей жизни! Полный авторский сборник редчайших кулинарных рецептов Лыкоморья и прилегающих стран!.. В юности я желал составить

сборник рецептов со всего мира, но с возрастом стал понимать подлинный масштаб этой проблемы и реально соотносить свои желания и возможности...

Цвирт ожидал услышать о сборнике боевых чар, но все едино почти не удивился. Учитель Тэнгиэль славился своей неординарностью, плавно перетекавшей в абсолютную непредсказуемость, — она была самым страшным его оружием, ибо никто на свете не мог предугадать, что он в следующий момент сделает или скажет. Он мог вывернуть проблему наизнанку и найти решение там, где никакого решения нет и быть не может. Конечно, лучшим боевым магом Лыкоморья считался Эгмонт Рихтер, но только потому, что учитель до сих пор был вне всякой конкуренции.

Мысль о Рихтере помогла вспомнить, ради чего Цвирт, собственно, приехал. Он настороженно посмотрел на Тэнгиэля — вроде у учителя не было под руками ни кастрюльки, ни банки, ни судка — и, откашлявшись, решительно сказал:

— Учитель, все это очень интересно и познавательно, но я пришел сюда не за этим. Мне нужен ваш совет... ваш и почтенного айлэри Арлаутара.

Помянутый айлэри медленно и с достоинством перевел взгляд из вечности в реальность — то есть с рушника на Цвирта.

— Мы слушаем тебя, — негромко произнес он.

«Есть!» — с совершенно неподобающей гордостью подумал магистр. И пока у него имелась такая возможность, обрисовал ситуацию — быстро и четко, короткими фразами, чтобы не утомлять почтенных стариков. Так кратко и емко он не отчитывался даже Магистру Эллендару. Рассказывая, он заново обдумывал проблему, так и сяк прокручивая отдельные ее части.

Из ковенской тюрьмы пропал заключенный — арестованный несколько лет назад волкодлак, который спустился с Драконьего Хребта с опаснейшим амулетом в кармане. Это раз, как говаривал известный герой целой серии лубков Эрастус Неподражаемый. Поблизости обнаружены следы телепорта, выстроенного столь мастерски, что обнаружить точку выхода практически невозможно. Сейчас над этим работают эксперты, но с каждой минутой шансов становится все меньше и меньше. Это два. Заклинание Решетки зарегистрировало, что около полуночи в тюрьму зашли двое: Эгмонт Рихтер и некий незарегистрированный маг. Если верить Решетке, здания они не покидали, но обнаружить их там не смогли даже «гончие». Да и телепорт рядом с тюрьмой сооружал

подозрительно опытный маг. Это три. И, точно всего этого было мало, над тюрьмой витал четкий, удивительно яркий отпечаток ауры одного из Высоких Фэйри.

Это четыре.

А особенную прелесть ситуации придавало то, что полгода назад Рихтеру был передан на хранение другой амулет, принципом действия и степенью опасности весьма схожий с тем, из-за которого был в свое время арестован проклятый волкодлак!

Куда делся Рихтер? Кто его сопровождал? Каким образом они связаны с исчезновением волкодлака и как оно вообще могло произойти? И что, позвольте узнать, забыли здесь Старшие Существа? Цвирт с надеждой смотрел на Тэнгиэля, потому что только он мог разобраться в этом хитросплетении вопросов, которые плавно перетекали друг в друга, огибая даже намеки на возможный ответ.

Учитель сложил ладони домиком и многозначительно посмотрел на Поля через дырочку.

— Ты много выяснил, мой мальчик, — одобрительно сказал он. — В сложившейся ситуации твои действия были достаточно грамотными. Что скажешь, Арлаутар?

— Я согласен, — все так же неспешно ответствовал эльф. — Особенно меня радует установленный контакт с белым слоном.

Цвирт посмотрел на аунд Элдера, подозревая насмешку, но тот был смертельно серьезен.

— Вы смеетесь, айлэри, — почти обреченно сказал магистр.

Арлаутар приподнял тонкие брови.

— Отнюдь, — только и произнес он.

— Но я недоволен, Поль! — вмешался учитель. — Я недоволен, потому что ты снова и снова допускаешь свою старую ошибку. Пройдя весь путь, ты остановился, не сделав последнего шага! Да! Печально видеть, что я, хоть и приучил тебя видеть, не привил тебе способности рассуждать.

— Что вы имеете в виду, учитель? — выдохнул Цвирт.

— Только то, что сказал, — невозмутимо отвечал тот. — Добавлю еще кое-что: ты прав, мой мальчик, и я чувствую, что мой Эгмонт принял в событиях этой ночи немалое участие... Видна его рука. Да. Рука и стиль! А если так, ты быстро найдешь ответы, стоит тебе лишь подумать, кто такой Эгмонт и в чем его суть.

— Но...

Тэнгиэль оборвал его, приподняв руку:

— Я сказал, Поль, и прошел за тебя целых полшага. Остальное ты пройдешь сам. И запомни, что Магистр Эллендар никогда не дал бы тебе поручения, превышающего твои возможности. А теперь иди... или, быть может, ты хочешь взглянуть на картину моего друга и родича? Он ею очень гордится! Великолепное батальное полотно в лучших традициях панорамной эльфийской живописи...

— Нет-нет, — поспешно помотал головой магистр. Эльф загадочно посмотрел на него прозрачными глазами цвета морской воды, и Цвирт быстро уставился на скатерть. — Прошу меня простить, о достопочтенный айлэри, но я пока не чувствую в себе... э-э...

— Просветления... — шепнули из-за плеча. Цвирт скосил глаза — ему подсказывал давешний адепт с косичкой.

— Просветления! — ухватился маг за единственную подходящую мысль. — А засим спешу откланяться.

— Погоди, погоди, мой мальчик!

Учитель уже исчез в соседней комнатке. Было слышно, как он подтаскивает к стене табурет, вскарабкивается на него и открывает какие-то дверцы, гремя посудой. Цвирт ждал, переминаясь с ноги на ногу и избегая пересекаться взглядом с айлэри Арлаутаром. Адепту с косичкой он давно уже украдкой показал большой палец.

Наконец Тэнгиэль вернулся в обеденную комнату. Весь сияя, как новенький амулет, он вложил в руку Цвирту крошечный мешочек из красной кожи.

— Чешуя, — заговорщицким шепотом сказал он, предупреждая недоумение магистра. — Василискова чешуя, измельченная в глиняной ступке. Кто знает, Поль, мой мальчик, вдруг тебе захочется приготовить утку по рецептам земли Каф?

2

Зеленый круг погас, и Цвирт вышел из телепорта, прижимая к себе мешочек с толченой василисковой чешуей. Вокруг простирался главный столичный парк; магистр аккуратно перешагнул через невысокий заборчик, которым буквально на днях обнесли

зону для телепортации, и медленно двинулся по посыпанной мелким гравием дорожке.

На круглых клумбах, обложенных крашеным кирпичом, цвели белые розы. Магистр посмотрел на них блуждающим взглядом и неожиданно припомнил, что именно этот сорт носит замысловатое название «Верность меня обязывает». Такие цветы очень любила некая Алехандрина, которая — Поль очень на это надеялся — со временем согласится стать госпожой Цвирт, но сейчас розы ассоциировались у магистра только с учителем Тэнгиэлем.

С вредным эльфом у него ассоциировался белый слон.

Что он узнал? Да ничего, о чем можно было бы написать в докладе, который завтра — уже завтра! — надлежит подавать Совету КОВЕНа! Что случилось? Где волкодлак? Где Рихтер? Кто этот неизвестный маг... Тут Цвирт понял, что мысли его ходят по кругу, и присел на удачно подвернувшуюся скамейку.

Между клумбами носилась туда-сюда маленькая девочка в коричневой тунике. За ней с криком: «Лизабелла! Лизабелла!» — гонялась девочка постарше. Цвирт мрачно наблюдал за резвящимися детьми, чувствуя жгучую зависть к каждому, кому не придется докладывать Эллендару о полном провале доверенной миссии.

Вдруг перед его внутренним взором встало лицо учителя Тэнгиэля, и Цвирт приподнялся со скамейки, чувствуя внезапное озарение.

Суть Эгмонта Рихтера!.. А кто он еще, как не учитель? Будь он в первую очередь боевым магом, зачем ему отказываться от места в Совете? А значит... значит, проблема незарегистрированного мага решается очень просто. Это всего лишь адепт — скорее всего, адепт старшего курса. Чтобы выяснить его личность, необходимо просто поднять все списки!..

Многое осталось непонятным, и особенно магистра смущали Великие Фэйри. Но появился хоть какой-то свет в конце туннеля!.. Цвирт уже соскочил со скамейки, готовый рыть землю носом, как вдруг сообразил, что списки означают Академию, Академия — директора Буковца, а там уж и до белого слона недалеко. Но сейчас ему море было по колено. У клубка загадок, кажется, обнаружился свободный хвост, и Цвирта переполняло желание осторожненько за него потянуть. Решившись, он уверенно зашагал туда, откуда только что пришел, — на мраморную плиту, исчерченную телепортационными символами.

3

— ...И пассировать в течение двух минут. Записал?

— Да, учитель, — смиренно кивнул адепт. За неделю, проведенную в доме учителя Тэнгиэля, он узнал много разных слов, в том числе «пассировать», «бланшировать», «фуа-гра», а также заметно пополнил запас заковыристых эльфийских ругательств.

— Перепишешь вот отсюда и досюда. — Палец учителя отчеркнул расплывчатую строчку в старинной пожелтевшей тетради, оставив короткую, чуть светящуюся полосу. — А после этого, мальчик мой, возьмешь тот учебник, что лежит на шкафу. В твоем распоряжении два часа, а по истечении этого срока я проверю, как у тебя обстоят дела с призывающими чарами.

— Да, учитель, — еще смиреннее откликнулся адепт. Он уже успел уяснить, что это самая безопасная формулировка.

Тэнгиэль покивал, посопел, посмотрел, как студент выводит букву за буквой, нашептывая заклинание против клякс, и покинул веранду.

В большой комнате было очень светло — Арлаутар работал, отдернув все шторы. На массивном станке была натянута ткань — семь на восемь, восемь на семь — а на подставке, как краски у живописца, стояли одинаковые квадратные баночки, полные лучшего гномийского бисера. Арлаутар отходил на два шага назад, окидывал критическим взглядом полотно, нанизывал на иглу несколько бисерин нужного оттенка... Станок был установлен таким образом, чтобы на него не падал прямой солнечный свет, но бисер все равно лучился яркими цветами.

— Найдут или нет? — спросил эльф, не отрываясь от работы. Сейчас он работал над плащом короля Финденгейро, расцвечивая его по меньшей мере пятнадцатью оттенками красного цвета.

Тэнгиэль молча улыбнулся.

— Интересная задачка, — признал он некоторое время спустя. — Значит, из Высоких Фэйри?.. Я ждал чего-то подобного все эти двенадцать лет...

Арлаутар скептически посмотрел на последнюю пришитую бисеринку.

— Если волкодлак, значит, в игру вступят драконы. Рано или поздно, но этого не избежать... Кстати, — он резким движением

приподнял голову, — а не выпить ли нам по стаканчику? Только условие: этому твоему, с косичкой, — не наливать. Молодежь совсем разучилась пить, а ведь это один из лучших!..

— К чему ты сказал про слона? — спросил Тэнгиэль получасом и пятью стаканами медовухи позднее.

Эльф посмотрел на него, хмыкнул и долил себе еще из кувшина. Адепт с косичкой хмуро косился на них из-за книги.

— Так все-таки — к чему? — Тэнгиэль умел быть очень настойчивым.

Арлаутар аунд Элдер, его младший брат, пожал плечами:

— Слон, друг мой, никогда не случается просто так...

4

Двадцать второго изока в без малого три часа дня Полин де Трийе сидела на кровати и уныло пролистывала пятый том конспектов по технологии лекарственных форм. Экзамены надвигались неотвратимо, как песчаная буря, а магистр Ламмерлэйк ясно дала понять, что на автомат студентка де Трийе может даже не рассчитывать. И не столь важно, что первую сессию оная студентка закрыла на все пятерки, а во втором семестре работала, как... как полторы Яльги, мрыс дерр гаст!.. То есть автомат Полин, конечно, предложили, но кому нужна эта унылая четверка!

Полин было печально. Она очень надеялась на этот конкретный автомат, ибо пять экзаменов — это, знаете ли, невеликая радость летом. Дни, как назло, стояли солнечные, во дворе этак ненавязчиво журчал фонтан, а вокруг ходил довольный гном-завхоз, невесть куда засунувший свою вечную лопату. Но гулять было нельзя: совесть не позволяла, идти же в библиотеку и готовиться по-человечески оказалось решительно невозможно.

В библиотеке засел принц. Можно сказать, он там окопался.

Разведка в лице близнецов аунд Лиррен, пронюхавших все раньше всех и сунувших везде свои длинные эльфийские носы, доносила весьма странные и противоречивые сведения. Сперва говорили, что принц спешно штудирует тактические трактаты, дабы осадить Академию (Межинград, царский дворец, сердце прекрасной Полин) по всем правилам военного искусства. Потом стали

утверждать, что он учит лыкоморский язык, потому что на самом деле знает только слова «люблю» и «лыковка», а все остальное за него болтал специальный маг-говорун. Было еще мнение... ах, да много было мнений, но неужели Полин станет все это слушать?..

Она и не слушала, тщетно пытаясь сосредоточиться на технологии лекарственных форм. Портрет принца, развернутый лицом к стене, прожигал страстным взглядом обои.

...А ведь магистр Ламмерлэйк почти наверняка собиралась поставить ей автомат. Да кому же еще его ставить, если не ей? Может, в теории Полин разбирается не так ловко, как Китти, и терминами так не сыплет, зато любое зелье сварит с закрытыми глазами! А магистр всегда говорила, практика — она важнее, одними конспектами еще никто никого не вылечил[1]. Это все... это все принц этот дурацкий виноват! Свалился как снег на голову, преподаватели туда-сюда бегают, в день по четыре посольства принимаем! Ну конечно, ему-то экзамена госпоже Ламмерлэйк не надо сдавать!

Полин со злостью захлопнула конспекты и, шмыгнув носом, подперла кулачками подбородок. Принц — Саид этот, на слоне, понимаете ли! — упрямо не шел у нее из головы. Конечно, она поступила правильно, тут и думать не о чем; она не какая-нибудь там Викки, за ней и до этого разные выскочки ухаживали, уж будьте спокойны! Цену себе она знает. Но...

Но стоило вспомнить полный обожания взгляд, устремленный на нее поверх белкоблевой шубки (ах, этот белкобль... шоколадный оттенок, как в том каталоге... нет, нет, я не думаю об этом!), как Полин невольно смягчалась. На нее никто никогда так не смотрел — страстно, нежно, умоляюще... хотя, с другой стороны, взгляд почему-то казался алхимичке подозрительно знакомым.

Нахмурившись, Полин в очередной раз пыталась сообразить, где же она могла видеть подобное. Ну точно не на картинке — такого не нарисуешь. В театре? Да нет, уж больно воспоминание свежее. Может, Ялька какой фантом создала?

Ялька!

И тут Полин осенило. Она аж подпрыгнула на кровати от возмущения. Ну точно! Как же она сразу не сообразила!

[1] «Вот отравить — это да, бывало...» (Ностальгическая пометка за авторством Э. Ламмерлэйк.)

Точно таким же нежным, ласкающим и одновременно требовательным взглядом ее соседка по комнате взирала на новые амулеты, которые, как правило, покупала на следующий же день после стипендии. Полин явственно припомнила, как сияющая Ялька рассматривала свои сокровища, разве что ручек к груди не прижимая от умиления, и окончательно разозлилась. Вот я, значит, кто для него, да?

«Ну и читай там свои книжки до посинения!»

Пытаясь отвлечься, Полин схватила со стола первый попавшийся учебник. Так... «Бестиология в алхимическом аспекте». Учебник был стареньким, тоненьким и бумажным, но по нему отчего-то удивительно ловко получалось гадать — наверное, потому что написан он был весьма вольным стилем. Сейчас Полин как никогда нуждалась в совете небес. Ну-ка, страница сорок два, второй абзац сверху...

«В далеких эльфийских лесах живет зверь белкобль — хищный, зеленый, с длинным пушистым хвостом. Бегает он быстро, прыгает далеко, хвостом умеет цепляться за ветки, и никакой лучник не сумеет попасть ему стрелой в глаз. Хотя бы потому, что охотиться в эльфийских лесах — себе дороже: ведь остроухие не знают худшего преступления, чем браконьерство.

Но вернемся к белкоблю.

Шерстку молодой белкобль имеет очень жесткую, почти колючую, но говорят, что на животе у него есть полоска шириной в палец, где мех не растет. Со временем мех становится все мягче, белкобль начинает испытывать дискомфорт, и на пятьдесят третьем году жизни наступает пора линять. Белкобль чувствует это заранее, дней за пять. Он находит себе убежище, строит тайное гнездо и ложится там, свернувшись в тугой комок. Так лежит он девять дней и восемь ночей: сперва старая кожа трескается по шву, потом медленно сходит, и белкобль постепенно вылезает из нее, мокрый, несчастный и зеленый, как еловая хвоя. Пока новый мех не высохнет, он прячется в гнезде, а потом навсегда покидает его.

Странным образом сброшенная шкурка меняет цвет: со временем она становится шоколадной. Она мягка, тепла, не пропускает влаги и ветра, и за каждую шкурку платят золотом значительно больше, чем по весу. Ведь найти гнездо линяющего белкобля трудно даже опытному эльфийскому следопыту...»

Опомнившись, Полин захлопнула книжку. Нет, ну так ведь нечестно! Они что все, сговорились?

Она же так мечтала об этом! Принц, романтика, любовь с первого взгляда... Что хотите делайте, а никому не позволено так топтать нежные девичьи мечты!

Полин хлюпнула носом еще раз, потом еще и еще, но вовремя сообразила, что сейчас потечет косметика. Да и нос распухнет и покраснеет... А все этот Саид, чтоб его там!.. Приехал, перевернул все в Академии с ног на голову, загубил бесповоротно всю жизнь ни в чем не повинной девушке — и хоть бы хны! Сидит себе, понимаешь, книжки спокойно читает — нет чтобы настойчиво добиваться взаимности!

Тут Полин поняла, что окончательно запуталась. С одной стороны, принц ей был совершенно даже и не нужен, с другой же — было обидно, что Саид не делает никаких попыток загладить вину. Алхимичка сама толком не знала, чего ей хочется больше: чтобы принц возник на пороге ее комнаты с огромным букетом роз (непременно белых, да!) или провалился пропадом туда, откуда и прибыл. Вместе с белкоблевой шубой и алмазными диадемами.

Да сдались они Полин, все эти сокровища!

Тут Полин как-то вдруг четко осознала, что, начиная с самого приезда злосчастного принца, она ни разу не смогла толком поесть. Сначала было некогда (торопилась к нему, это же надо!), потом кусок в горло не лез от обиды, потом было так тоскливо, что на еду и смотреть не хотелось. Ну уж нет, от голода она точно помирать не собирается!

Этого мрысов принц уж точно не дождется!

Девушка решительно отложила учебники и замерла. Откудато от двери явственно пахло корицей. И не просто корицей, а корицей и свежими булочками. Полин развернулась на запах и восхищенно прижала ладошку к губам.

На маленьком изящном столике с медальонами по краю столешницы — точно такой же, но попроще, Полин видела у тетушки Эллис в ее кабинете — стояло блюдо с горкой восхитительных крошечных плюшек, посыпанных сахаром и корицей. За ним виднелся круглый бочок хрупкой фарфоровой чашки, а дальше исходил ароматным паром начищенный до зеркального блеска кафейник. Оттуда явственно пахло превосходным какао.

Над всей этой красотой витала элементаль, ради такого случая приобретшая и форму, и цвет, и объем. Вид у нее был патриотический: по всему телу, от носа до хвостика, пробегали полоски цветов лыкоморского флага.

— Кушать подано, — возвестила она и поинтересовалась, умильно заглядывая снизу вверх: — Подкатить?

— Подкатить, — повторила ошарашенная Полин.

Ловко орудуя ложноножками, элементаль подкатила столик к кровати. Полин присмотрелась к нему получше: право слово, это того стоило. Идеально гладкая столешница представляла собой квадратную плиту синего мрамора, испещренного светлыми прожилками; ножки у столика были сделаны в виде старинных колонн с неглубокими каннелюрами и позолоченными штуковинами у основания. Медальоны, привлекшие ее внимание с самого начала, были вырезаны из красновато-оранжевого камня, напоминавшего своими переливами закат, и чередовались с овальными камеями, выбитыми на белом и темно-сером фоне.

Столик — это, конечно, хорошо, однако мебелью сыт не будешь. В конце концов, даже если плюшки и все прочее изъяты у принца (а откуда же еще?), то это в какой-то степени справедливо. А посуду мы потом вернем обратно.

Приняв единственно верное решение, Полин сразу повеселела и надкусила первую плюшку. Элементаль быстренько налила шоколаду в чашку и заботливо поинтересовалась:

— Нравится?

— Очень, — ответила честная Полин, прожевывая предпоследний кусочек и примеряясь к следующей плюшке.

— Может, маслица подать, а, вторая хозяйка? А то я мигом!

Полин задумалась. Соблазн был велик, но после стольких дней почти что голодания следовало ограничивать себя. И потому она со вздохом ответила:

— Лучше завтра. Или сегодня за ужином.

Плюшек было в самый раз: не много и не мало. В каком-то умном журнале Полин вычитала, что переставать есть надо именно тогда, когда чувствуешь себя еще не совсем сытой. Вот и сейчас она понимала, что с удовольствием съела бы еще одну... ну ладно, две плюшки. Стало быть, она не до конца сыта, и это правильно. Да и блюдце с плюшками... тарелка... хорошо, будем честными —

блюдо — оказалось довольно маленьким, и булочки были разложены очень хитро, в соответствии с диетическими канонами.

— Поел — сердцем подобрел! — констатировала довольная элементаль.

В этот момент в дверь постучали. Полин сперва закончила доливать себе в чашечку какао и только потом сказала:

— Открыто... Кто там?

«Там» были близнецы — усталые, перемазанные землей, но донельзя возбужденные. Уже неделю они отрабатывали повинность и вскапывали для гнома-завхоза бесконечные грядки и клумбы. Гном туманно намекал, что в землю придется что-нибудь посадить, и авторитетно утверждал, что ничто так не насыщает, как овощ, посаженный своими руками. Но братья аунд Лиррен не хотели насыщаться гипотетическим овощем. По утрам, когда надлежало копать отсюда и до обеда, они желали спать, а днем, когда такая возможность подворачивалась, спать было решительно невозможно. Как же, столько дел не сделано, столько пакостей не придумано!.. И потом, можно подумать, каждый день кафские принцы в Академию приезжают!

Едва дверь приоткрылась, элементаль немедленно спрятала столик куда-то в глубины пятого измерения. Полин осталась сидеть с горячей чашкой в руке, прекрасная, сытая, но печальная. Такой ее и увидели братья аунд Лиррен.

— Привет! — сказал Эллинг.

— Яльга не появлялась? — спросил Яллинг.

— Ой, как я устал! — поведал Эллинг.

— Поесть чего-нибудь водится? — жалобно поинтересовался Яллинг.

— Уже нет, — меланхолично ответила Полин, допивая остатки какао.

— Хельги заходил? — понимающе спросил кто-то из близнецов, и довольные эльфы хором захихикали.

— Диета, — вздохнула Полин и сделала скорбное личико.

На это братьям сказать было нечего. Они одновременно плюхнулись на застонавшую Яльгину кровать, и правый заглянул под покрывало, а левый приподнял подушку.

— Чего надо? — недовольно проскрипела элементаль. — Ужо я вам!..

— Ладно, ладно, — благодушно отмахнулся Эллинг. — Яльга-то где?

— А я знаю? — пожала плечами Полин.

— Уж всяко не под кроватью прячется... — пробурчала недовольная флуктуация.

Тема Ялъги и ее загадочного исчезновения исчерпалась — все предположения на этот счет закончились еще вчера, и самой разумной была идея, что Ялъга отбыла куда-то с Рихтером, которого тоже не видать, но это как раз хорошо. Переглянувшись, близнецы перешли к тому, для чего, собственно, и явились. Перебивая друг друга и заканчивая чужие фразы, они поведали Полин, что далеко не все мужчины одинаковы, что их, можно сказать, переполняет сочувствие к младшей боевой подруге и что прямой долг каждого уважающего себя эльфа — помочь дамасели в беде.

— Мы ж ведь не какие-нибудь там... норданы! — гордо заявил Яллинг.

Полин не слишком разбиралась в эльфийских народностях и потому не смогла оценить пафоса этой фразы. Но на душе у нее все равно потеплело.

— И как там этот... как его... принц? — только чтобы поддержать беседу, осведомилась вежливая алхимичка.

— Да неплохо... — ляпнул, не подумав, Эллинг, но брат сделал ему страшные глаза и ткнул в бок локтем.

— Страдает! — авторитетно заверил он. — Очень страдает. Ну прямо кушать не может, как страдает!

Полин засветилась от восторга.

— Страдает? — переспросила она третьим бальным голоском.

— Страдает! — слаженным хором подтвердили близнецы.

Это было очень приятно. Тем более что плюшки при таком раскладе все равно пропали бы даром.

— Вот только того, Полин... — начал было Яллинг и замялся. Полин насторожилась. — Вот даже и не знаю, как тебе это сказать...

— Он, конечно, гад еще тот, — уверенно перебил Эллинг, — и от тебя, сразу видно, ну просто без ума...

— Однако же ваши алхимички времени даром не теряют. Мы, когда сюда к тебе сейчас шли... знаешь, где пальма стоит?

— Знаю, — нехорошим голосом сказала Полин. Своих однокурсниц она действительно знала хорошо. Вполне возможно, что под пальмой уже вовсю шел очередной тур кастинга на роль жены ее принца. Ее собственного принца, между прочим!

— Так вот, там были Ликки и Эрна. Мы думаем, они там и сейчас сидят, так что чего тебе говорить — сама иди да послушай. Они же как языками зацепятся, так раньше чем через час и не уйдут...

Последние слова он договаривал, уже обращаясь к спине Полин. Алхимичка, пылая праведным гневом, ринулась прочь из комнаты. В голове у нее роились тысячи планов, как заставить этих двух выскочек навсегда прибрать свои цепкие длинные лапки!

Ишь, пользуются моментом!

Негодяйки!..

5

Братья аунд Лиррен переглянулись и торжественно пожали друг другу руки.

— Дело в шляпе, — улыбаясь во весь рот, констатировал Эллинг. — Что там нам обещал Саид? Два рубина с голубиное яйцо и засадить все эти мрысовы грядки? Или рубины нам обещал визирь?

— Не-а, Саид, — довольно сказал Яллинг. — И почетное место на свадьбе, забыл?

— Точно! Тогда в шатер к нему через полчаса?

— Не-э, рано! — Яллинг сурово помотал головой. — Ты что, Полин не знаешь? Лучше перед закатом — он как раз будет добрый, аж жуть.

Эллинг извлек из кармана длинную полосу пергамента. Там под разными порядковыми номерами шли левый визирь, правый визирь, главный казначей и западный придворный маг принца. Отдельным мелким шрифтом значился директор Буковец, туманно пообещавший некие послабления на дифференцированном зачете.

Под списком была проведена жирная черта и выставлена общая сумма. Она радовала глаз и приятно грела душу.

Посмотрев на это дело, элементаль пошла мелкой смущенной рябью. Одним движением она вытащила из воздуха столик попроще, без всяких изысков и каннелюр, зато с отпотевшей бутылью, запечатанной сургучом.

— Ялле, Элле...

Ошалевшие близнецы опасливо обернулись и замерли, не поверив своим глазам. Яльгина элементаль, которую давно уже прозвали «сторожевой», с радушной улыбкой вытаскивала одно за другим блюда с яствами и с ловкостью опытной хозяйки упихивала их на стол. Последней оказалась круглая тарель с восточными сладостями, вареными в меду.

— Это... — Эллинг откашлялся. Элементаль заулыбалась еще шире. — Ты это чего? Дразнишься?

— Как можно! — оскорбилась элементаль. — Друзья старшей и младшей хозяйки, разве ж я голодного студента не понимаю?

— Понимаешь, — подтвердил Яллинг. Острым как бритва кривым кинжалом он отмахнул от окорока приличный шмат и немедленно впился в него зубами. — Ой, понимаешь... — Дальнейшее было неразборчиво, ибо вещать с полным ртом было сложно даже близнецам аунд Лиррен.

Сложив ложноручки на животе и помахивая ложноножками, флуктуация с умилением смотрела на жующих адептов.

6

Полин сама не знала, что собирается делать, но, пылая справедливой яростью человека, которого почти что обокрали, она на цыпочках подобралась к знаменитой пальме. За ее стволом могло бы спрятаться целое войско коварных алхимичек, однако, на счастье Полин, девушек там было только две. Те самые. Ликки и Эрна, чтоб их белкобли закусали!

Ладно Эрна, но у Ликки есть Хельги Ульгрем, вполне себе благородный и красивый вампир, в меру щедрый, зато хозяйственный! Все в дом, все в дом! И эта туда же — за чужими принцами увиваться! Полин мигом припомнила, как Ликки ревновала Хельги абсолютно ко всем, включая Яльгу, что было уж вовсе бессмысленно. Любая здравомыслящая девушка знала, что Яльгу Ясицу интересуют только ее разлюбезные амулеты и жуткие инкунабулы. А теперь, стало быть, Хельги ей уже не нужен! Принца ей подавай!

Кое-как Полин справилась с желанием немедленно вцепиться сопернице в крашеные лохмы и прислушалась. Точно, речь шла об ее Санде.

— Ликки, оцените — я только сегодня отрастила волосы чуть ниже талии. Говорят, у них в стране Каф не принято, чтобы у женщин волосы были короче двух локтей. Это просто неприлично, и потом, я прикупила новые башмачки с загнутыми носками, на высоком каблучке! Они делают походку такой летящей! А еще очень соблазнительно подчеркивают переход от икры к щиколотке!

Эрна выставила ножку и продемонстрировала башмачок.

— Дорогая, — промурлыкала Ликки, — мне жаль вас расстраивать, но вряд ли принцу понравится обувь, с которой камни отваливаются прямо во время ходьбы! Кроме того, сафьян, бесспорно, настоящий, а вот малахит точно поддельный. Уж я-то знаю! И потом, с вашим ростом, дорогая, высокие каблуки — это более чем неразумно. Женщина должна быть маленькой и хрупкой, чтобы ее хотелось носить на руках и защищать! Такая женщина смотрит на своего супруга снизу вверх, а мужчинам это всегда нравится, вы уж мне поверьте.

«Ах, супруга?!» — Полин была готова скрежетать зубами от ярости. Больше терпеть она не могла и возникла из ниоткуда перед двумя преступницами подобно богине возмездия... как бишь ее звали? А впрочем, какая разница!

— Дорогая, — почти прошипела Полин, обращаясь к этой змее де Моран. — Не все мужчины предпочитают маленьких собачонок. А на этот, с позволения сказать, *сафьян* не купится даже Хельги Ульгрем!

Этой стрелой она поразила сразу обеих. Эрна пошла пятнами — не иначе сафьян и вправду был поддельный, — а тонкий намек на знание привычек Хельги Ульгрема пришелся более чем не по вкусу Ликки де Моран.

— Я советую вам, — триумфально продолжала Полин, глядя прямо в глаза Ликки, — повнимательнее следить за своим имуществом, а не гоняться за чужой собственностью, иначе вы рискуете вообще остаться с носом! Неужели вы и впрямь думаете, что такая девушка, как Эрна, способна заинтересовать принца? Полагаю, ее цель более близка!

Ликки открыла было рот, но немного подумала, закрыла его и внимательно пригляделась к Эрне. Полин не стала им мешать. Ей и без этих двух драных кошек было чем заняться.

Гордо развернувшись, она прошла через пустой вестибюль и оказалась на крыльце. А Эрна-то, между прочим, не проронила ни

слова! Вполне возможно, Полин угадала ее действительные намерения — поддерживать у Ликки желание заполучить принца, а самой тем временем завлечь Хельги в свои коварные сети, вырваться из которых он уже не сможет. Преисполненная гордости за свою проницательность, Полин стала быстро спускаться с крыльца — и вдруг ее каблучок попал в щербинку. Алхимичка споткнулась и непременно бы упала; но буквально в последний момент ее подхватили сильные надежные мужские руки, и взволнованный голос произнес:

— О звезда на... о несравненная Полин! Не случилось ли непоправимого? Не позвать ли мне лекаря?

Полин снизу вверх смотрела в эти черные, как южная ночь, глаза и остро жалела, что ничего не произошло не только с ней, с ее ногой и прочими частями тела, но даже проклятый каблук остался цел. Да что же это такое: когда не надо — ломаются, когда надо — крепче кости горгульи!

Или они и впрямь костяные, как утверждал гном в той лавке?

7

Напоследок остается сказать о нескольких важных событиях, произошедших еще до заката. Близнецы аунд Лиррен посетили всех отмеченных в списке и получили все, что им пообещали, исключая единственно зачет по эмпатии, да и то дело времени. Принц Саид, как и было договорено, торжественно вручил им по рубину величиной примерно с кулак (голуби в земле Каф, видно, были немногим меньше орлов). Кроме того, близнецам подарили два кривых кинжала, а принц, прижимая обе руки к сердцу, заверил своих дорогих братьев, что первых сыновей он назовет в их честь, что его дом — их дом, а их враги — его враги. Яллинг позже говорил, что его больше бы устроила формулировка «ваш зачет — мой зачет», но так далеко принц не заходил.

Придворные, заскучавшие без дела, споро посадили на свежевскопанных грядках редчайшие луковицы тюльпанов.

Белому слону почистили бивни и омыли ноги розовой водой.

Полин согласилась принять от своего нареченного в знак его серьезных намерений сундучок золотых браслетов, сережек и колец. После очень долгих настойчивых молений белкоблевая шубка также перекочевала в комнату Полин, а принц, задыхаясь от

восторга, собственноручно застегнул на шее своей невесты замочек бесценного ожерелья, в котором было девять раз по девять алмазов редкого розового цвета.

От кобылицы Полин как-то удалось отвертеться.

— А щербинку кто подстроил? — говорила тем вечером главная элементаль замка. — Да чтобы без моего согласия, да на моем крыльце...

— Понятное дело, — солидно соглашался гном-завхоз.

Магистр Цвирт, пользуясь всеобщей суматохой, ловко миновал стоянку белого слона и беспрепятственно проник во владения магистра Зирака. Там ему предоставили списки адептов, на которых отдельным значком были помечены отсутствующие в замке. Точнее — отсутствующая.

Одна-разъединовая адептка боевого факультета.

— Яльга Ясица, — вслух прочел Поль Цвирт. — Первый курс. Да быть этого не может!

Однако же это было.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,
где магистры совещаются, герои блуждают, телепорты работают в весьма странном режиме, а крестьяне оказываются умнее всех, — и в результате ковенский госпиталь переполнен

1

— Одно меня удивляет, — задумчиво сказал Сигурд.

Дело было на третий вечер после побега; мы сидели на берегу торфяного озера, и ветер, дувший от Межинграда, прижимал к земле пламя небольшого костра. Я мрачно почесывалась, поминая недобрым словом здешних комаров, оставленные в Академии настойки и собственную алхимическую несостоятельность.

— Только одно? — У Рихтера настроение было лучше, ибо его куртку не прокусывали даже злые лесные комары.

Сигурд пожал плечами:

— Раньше перекидываться было сложнее.

Перекидываться?.. Комариный яд, очевидно, обладает некоторым отупляющим эффектом, потому что я не сразу поняла, что имелось в виду.

— В волка превращаться, — пояснил оборотень. — До того, как меня... хм... В общем, раньше это было куда сложнее, больнее и дольше. А сегодня я за какие-нибудь пять секунд...

Я заинтересовалась. Про оборотней в Лыкоморье знали очень мало, причем половина того, что знали, приходилась на красочный городской фольклор в духе: «А пасть-то у него — во, а зубищи!..» «Справочник» — и тот испытывал на этот счет некоторый информационный голод.

— В камере же ты быстро перекинулся! Или это в человека легко, а в волка труднее?

Оборотень мотнул головой:

— Одинаково — что туда, что сюда. Но камера — другое дело, там с самого начала легко было. А вот здесь... Я-то думал, выберусь — все по-прежнему станет.

— Так радуйся, что не по-прежнему.

— Я-то радуюсь, но... — Сигурд упрямо покачал головой. — Случилось что-то. Вот нюхом чую, что-то не так!

— У вас конунг сменился, — заметил молчавший до того Эгмонт. — Может, в этом дело?

И тут я опять поняла, как мало мы знаем о волкодлаках. Вроде бы магистр не произнес ничего невероятного, но будь у Сигурда сейчас в руках котелок — он бы однозначно его выронил.

— Как? — быстро спросил оборотень; прежде он говорил довольно чисто, но теперь я с трудом понимала его из-за акцента. — Откуда ты знаешь? Это действительно так?

— Об этом все знают, — пожал плечами Рихтер. — Очень громкая была история... да она не была, она и есть. Ваш новый конунг Валери выполнила какое-то пророчество и объединила Конунгат.

— Точно, — подтвердила я, спешно припоминая все, что знала из новейшей истории. — Говорят, она золотой дракон, и я слышала что-то о Королевском пути...

— Она прошла Дорогой Королей? — медленно переспросил волкодлак. Выглядел он — будто жертва того самого пыльного мешка, что водится исключительно за углом. На всякий случай я покивала, но он этого, кажется, даже не заметил. — А что с Фергюсом, прежним конунгом?

— Я не знаю наверняка, — осторожно сказал Эгмонт. — Но, по-моему, он умер.

Сигурд молча кивнул, бездумно глядя в костер. На него явно свалилось слишком много информации. Посидев так несколько секунд, он вытащил нож, отсек прядь волос и бросил ее в костер.

— Арве Фергюс, — глухо сказал он. — Он был хорошим конунгом. — Мы помолчали, и я всерьез заподозрила, что истории о магической связи между оборотнями и их властителями не имеют к пресловутому фольклору ни малейшего отношения. — Расскажите мне про эту Валери. И, может, еще что произошло...

Я уже раскрыла рот, чтобы поведать о начавшейся было войне между Лыкоморьем и Конунгатом — скорее всего, Сигурд и ее пропустил, — а еще Конунгат с Аль-Буяном давеча ссорился! — но тут Эгмонт опять вмешался, изумив на этот раз нас обоих.

— Я видел ее, — буднично сказал маг, — три года назад, когда она явилась в КОВЕН утверждать свои права.

— Ты видел нашего конунга?!

— Вы видели золотого дракона?!

«Что ж вы раньше-то молчали!» — вертелось у меня на языке.

— Тогда как раз случился ежегодный ковенский съезд, все маги были в сборе. И я в том числе. А я еще не хотел ехать! — Рихтер неожиданно рассмеялся. — Знал бы, какое будет зрелище...

— То есть? — напряженно перебил Сигурд.

— Я не про конунга... то есть и про нее тоже. Картина маслом: КОВЕН, резиденция, полный зал магов, Магистр Эллендар в мантии и с алмазным посохом — словом, полный набор. Открывается дверь, — увлекшись, Эгмонт начал жестикулировать, чего раньше я за ним как-то не замечала, — и на пороге возникает неинициированный дракон, разозленный настолько, что от него разве что дым не валит. Вся прелесть ситуации была в том, что вашей Валери было лет так шестнадцать и про свою магию она знать не знала. Я не только маг, я еще и учитель, так что такие вещи вижу наверняка. И не только я, разумеется. Согласиться с ее требованиями — политически невыгодно, оспорить их — просто страшно, потому что никто не знает, что способен сделать дракон, который себя еще драконом-то не осознал. Редкостно любопытная дилемма.

— Однако, — после паузы сказала я. Вообще-то все россказни о невероятной силе аррского конунга я считала едва ли не наполовину выдумкой, но Эгмонту не было свойственно преувеличивать. Если он говорил — значит, дело обстояло именно так.

— И как разрешили эту дилемму? — настороженно спросил волкодлак.

— КОВЕН еще стоит, — нейтрально заметила я.

Рихтер усмехнулся:

— Точно. Все удачно сложилось.

— Как ее зовут полностью? Как она выглядит?

— Ты ее что, по описанию искать собрался? — съехидничала я, но стрела пролетела мимо цели.

— Я оборотень и арран. Если я собственного конунга при встрече не узнаю...

Я заинтересовалась. Достоверной информации о Валери было разве что чуточку побольше, чем об обыкновенных волкодлаках. Слухи же, весьма противоречивые, сходились в одном: сердится она быстро, а в гневе ужасть как страшна.

— И что тогда будет? Съедят?

Оборотень изумленно глянул на меня, только что пальцем у виска не повертел.

— Нет, — помолчав, ответил он. — Но позору не оберешься.

— Она — дракон, — медленно сказал Рихтер. — И это первое, что бросается в глаза. Второе — резкий диссонанс: только что это была девчонка, даже не первокурсница, которая и десяти заклинаний, наверное, не знает, щелчок — все меняется, перед тобой уже стоит нечто... нечеловеческое. Сверхчеловеческое. Настолько древнее, что жутко становится.

Сигурд молчал — обдумывал услышанное. Я тоже пыталась представить, но единственное, чего добилась, — стаи мурашек, забегавшей между лопатками.

— А конкретнее вы не помните, магистр Рихтер?

— Не называйте меня так, — Эгмонт сразу помрачнел. — Я утратил право на это звание.

— А как мне вас тогда называть?

Он ненадолго задумался.

— По имени. Я же вас по имени называю... Конкретно — я ее прекрасно помню, но описать будет непросто. Русая. Стройная. Лицо скорее круглое... что еще? Глаза ярко-синие, но это общее для золотых драконов.

— Красивая? — уточнила я.

Эгмонт пожал плечами:

— Эльфы считают, что властитель отвечает за свой народ перед богами и оттого сам становится им сродни. По умолчанию, он

должен быть умнее, сильнее, удачливее и красивее. В нем все лучшее, что есть у народа.

— Правы остроухие, — буркнул Сигурд. — Конунг стоит между небом и землей. А если она и впрямь прошла Дорогой Королей... Мрыс эт веллер келленгарм! — Оборотень жалобно глянул на небо, будто надеясь, что оттуда спустятся двенадцать богов, готовых вернуть мироздание на привычные круги. — Пророчество выполнено, Конунгат объединен, проклятие снято... может быть, и до конца света недалеко?

— Вот уж чего не знаю, того не знаю, — серьезно сказал Рихтер.

2

Где-то с неделю мы провели в правильных романтических странствиях по правильным лыкоморским лесам. Воистину леса были правильнее не придумаешь: глухие, сумрачные и настороженные, ибо ельник, как просветил нас Сигурд, только таким и бывает. Солнце сюда пробивалось с большим трудом, под ногами мягко пружинил мох, и к концу второго дня пути я поняла, чего хочу больше всего на свете.

Больше всего на свете я хотела увидеть солнце.

Травы здесь почти не было, зато мох вымахал как на дрожжах — густой, зеленый и мохнатый (пушистым его назвать просто язык не поворачивался). Кое-где в виде исключения появлялись небольшие кустики кислицы. Вполне возможно, что это была не кислица, — в биологии вообще и ботанике в частности я разбиралась не сказать чтобы сильно хорошо.

На исходе не то шестого, не то седьмого дня — я довольно быстро сбилась со счета, только сейчас сообразив, как удобно было в этом плане студенческое расписание, — ели начали немного расступаться. Но местность от этого веселее не стала. Если раньше елки были как на подбор, толстые, прямые и высоченные («корабельные», как сдуру ляпнула я и заслужила сразу два изумленных взгляда), то сейчас они понемногу начинали мельчать и кривиться.

— Здесь болото рядом, — авторитетно заявил волкодлак.

Рихтер, выполнявший ответственную функцию хранителя карты, не менее авторитетно кивнул.

— И как мы его перейдем? — тоскливо осведомилась я. Недели странствий мне вполне хватило, чтобы понять: из нас троих один только Сигурд в полной мере осознавал, что такое Лес. Эгмонт, даром что тщательно это скрывал, был таким же горожанином, как и я.

Оборотень пожал плечами. Вообще, словам он часто предпочитал жесты, скупые, но довольно выразительные. Не знаю, все волкодлаки такие или Сигурд был исключением, но при ближайшем рассмотрении он оказался удивительно простым и удивительно надежным. Врать он, кстати, просто физически не умел, сразу краснел и начинал путаться в словах. Имелось у него и другое неоспоримое достоинство, странное для подданного Серого Конунгата, которым, ежели что, управляет женщина. Сигурд был твердо уверен, что я, будучи существом женского пола, по умолчанию слаба и ранима. Этим я под настроение беззастенчиво пользовалась.

— Основные топи — они там, на западе, — пояснил он. — А мы здесь пройдем легко, даже не заметим. Ты, Ялька, не бойся, оно не так страшно.

Ага, правильно, оно еще страшнее! На привале я достала из сумки конспекты по фэйриведению и, положив их на колени, мрачно уставилась на схему кровообращения у болотника обыкновенного. Схема была обширна, я ее к зачету-то не выучила.

Теперь есть возможность закрепить недополученные знания на практике.

Ужин готовил Сигурд. Так уж сложилось, что этим занимался, как правило, именно он. Обязанности мы поделили еще в начале дороги, но первой готовить выпало мне. Результаты готовки были плачевными; их съели, из вежливости — молча, но больше мне кашеварить никто не предлагал. Как от этой обязанности отделался Эгмонт, я так и не поняла. Похоже, он просто затаился, когда пришла его очередь, а Сигурд, уже привыкший к котелку, просто об этом не вспомнил.

Но сегодня волкодлак явно рассудил, что его норма выполнена на много ужинов вперед.

— Завтра ты готовить будешь, — непререкаемо заявил он магу.

— Завтра Яльгина очередь, — совершенно спокойно парировал тот.

Я возмущенно вскинулась. Забывчивость забывчивостью, но я почему-то тут же вспомнила, что мы идем всего только пятый

день. Моя очередь наступала каждый первый день, Сигурда — каждый второй, а назавтра именно Эгмонт обязан был выполнить долг перед родиной.

Но оборотень нашел значительно более весомый аргумент:

— То, что она нам сварит, я бы лучшему врагу не предложил! Да и она того... молодая совсем. Понятное дело, ничему еще толком не обучена. Или, — волкодлак подозрительно взглянул на Рихтера, — или вы, маги, все такие?

— Боевой маг, — с великолепной надменностью ответствовал мой магистр, — должен уметь действовать в любой ситуации. Яльга всего лишь студентка. А что касается меня лично, я умею готовить превосходную уху. Принеси рыбу — и убедишься сам.

— Я запомнила, — пригрозила я, не отрывая взгляда от конспекта.

На следующий день мы совершили переход через болото. Сигурд оказался прав — это и болотом-то назвать можно было только с натяжкой. Пара кочек и хлюпающий мох под ногами. Да, елки здесь были не чета прежним: невысокие, кривоватые, со свисающими лохмотьями серого лишайника.

Зато к вечеру мы вышли на берег небольшой реки. Мы с Сигурдом многозначительно посмотрели на мага, и оборотень ушел ловить рыбу.

Я развела костер. Эгмонт тем временем перебирал содержимое своей сумки, так что я периодически косилась в его сторону. На земле аккуратными рядами выстраивались бутылки, баночки и мешочки; количество их все росло, и, перебирай эту сумку я, все ряды давным-давно утратили бы и намек на упорядоченность. Но Рихтер был куда занудnее... то есть, прошу прощения, аккуратнее и организованнее.

Собственно, на магистра я косилась не просто так: если Сигурд вспомнил про очередность готовки, то, вполне вероятно, завтра к этому общественно-полезному делу привлекут уже меня. Готовить мне не хотелось уже потому, что оборотень делал это на порядок качественнее, да и Эгмонт, в самом деле, должен был чему-то да научиться за свои тридцать с лишним лет. Ха, да когда мне будет столько же, я, может, конфи из утки приготовить смогу, причем в походных условиях!

Рихтер составлял свой алхимический арсенал обратно в сумку, ничуть не догадываясь о моих коварных планах. Я тем временем

припоминала, что на эту тему говорила Полин. Так. Уху он, значит, варить умеет. Превосходную. Ну так от этого и спляшем.

— Эгмонт, — обращаться к нему по имени было, мягко скажем, непривычно, но «магистр Рихтер» уже успело морально устареть, — а как готовится *правильная* уха? Ну, в смысле, по всем правилам?

Тон был найден верный и тема тоже. Полин бы мной гордилась. Рихтер с готовностью заглотил наживку, а я только потом сообразила, что ему и в самом деле привычно объяснять и рассказывать, так что он играл на своем поле.

Следующие десять минут маг вещал соло — я только периодически вмешивалась, дабы направлять сей поток информации в нужное русло. Иногда я вставляла поощрительные реплики («Хм... как интересно!», «А я и не знала, что это так сложно!» и далее в том же духе). Честно говоря, в этом не было большой необходимости, просто мне хотелось применить технологию Полин в полном объеме. Чтобы интереснее было. Но Эгмонт прекрасно обошелся бы и без; он явно привык, что его слушатель поспешно конспектирует сказанное, а все вопросы следуют уже после лекции, если время останется.

— Так вы, получается, ухист со стажем, — подытожила я, поняв, что лекция все же приближается к концу.

— Кто?.. А, понятно. — Рихтер улыбнулся и покрутил в пальцах оставшуюся баночку, явно прикидывая, куда ее можно запихнуть. — Можно и так сказать.

— Так, может, вы и посуду точно так же моете? — вкрадчиво предположила я, приступая к финальной части беседы. Полин именовала это «кодой», но в моем авторском названии точно фигурировала бы губозакаточная машинка. — Давно, профессионально и с творческим подходом?

На какую-то долю секунды Эгмонт аж онемел.

— Слушайте, Ялька, но имейте же совесть! — наконец нашелся он. — Мы с Сигурдом и так взяли на себя всю готовку, а ваша роль...

Это да, как выражается наш волкодлак. Роль мою вкратце можно было выразить двумя словами загадочного древнего диалекта, весьма любимого эльфами. «Минимум миниморум» или что-то в этом духе.

— Но я слышала, что подлинный мастер обычно сам доводит дело до конца. Полагаю, что было бы преступлением готовить

столь изумительное блюдо в непрофессионально промытом котелке! И разве вы, магистр с многолетним опытом мытья лабораторных колб и пробирок, сможете доверить такой ответственный момент неопытной студентке-первокурснице? Одно дело — стряпня Сигурда, но вы...

— Так что, посуду сегодня мыть тоже мне? — возмутился Эгмонт.

Я вопросительно приподняла бровь:

— Разве я сказала «сегодня»?

Рихтер задохнулся от возмущения. Сдается, у него было не так много опыта общения с женщинами, иначе он раскусил бы меня уже давно. Все было так, как и объясняла мне Полин. Нужно запросить несоразмерно большой кусок, чтобы потом, когда ты получишь то, что тебе на самом деле было надо, это выглядело бы как победа с его и уступка с твоей стороны.

— Яльга, вы... ты... это просто нечестно!

Я смутилась. Неплохо было бы покраснеть, но до этого уровня мастерства мне было еще далековато. Потом подошла, подергала Эгмонта за рукав и сказала:

— Знаешь... наверное, я была неправа. Давай так: сегодня и завтра готовишь ты, а посуду буду мыть я. Идет?

Стоит ли говорить, что Эгмонт согласился в два счета? Правда, побухтел для порядка.

Таким образом, к возвращению Сигурда мы решили целых две проблемы. Во-первых, твердо установилось, кто готовит, а кто моет посуду. Во-вторых, мы неожиданно для обеих сторон перешли к другому стилю общения. По крайней мере, стали обращаться на «ты». С оборотнем в этом смысле у меня с самого начала не было никаких проблем, а вот скажи мне кто еще неделю назад, что я до хрипоты буду спорить с собственным деканом, кто пойдет мыть посуду...

Надо сказать, что предыдущую неделю вопрос наименования и обращения не то чтобы стоял ребром, но постоянно присутствовал. С одной стороны, после клятвы на холме мы все трое стали друг другу более чем близки. С другой же — обращаться к магистру по имени несколько... хм... непривычно. Да и вообще, обращение на «вы», весьма удобное в городе, в лесу как-то удивительно быстро становится досадной помехой. С Сигурдом, как сказано выше, никаких вопросов не возникало, но мы с Эгмонтом долго и вдумчиво ходили кругами, пытаясь решить эту проблему, а для

начала понять, решаема ли она в принципе. Я ждала, когда перейти на «ты» предложит он — как старший и по званию, и по возрасту. Он ждал, когда предложу я — по праву женщины. Сигурд, надо думать, ждал, когда два представителя весьма недальновидной расы закончат наконец пудрить друг другу мозги.

Но не зря говорят, что этикет придуман для того, чтобы отражать реальное положение дел. Нынешняя я, вероятно, немногим отличалась от той меня, что жила в Межинграде и бегала на лекции по разнообразным предметам. Зато нынешний Эгмонт был совсем не то же самое, что межинградский магистр Рихтер. Бесспорно, он остался все тем же язвой и занудой, но это был свой, практически родной человек, в отличие от застегнутого на все пуговицы магистра. Сложно было сказать, в чем именно это выражалось, — уж явно не в небритости и общей помятости. Прежний Рихтер, полагаю, жестко держал дистанцию в любом виде и в любых обстоятельствах. А этот — нет.

И мне это нравилось гораздо больше.

По крайней мере, вопрос, возникший было наутро после нашего побега, никогда больше меня не волновал.

Итак, Сигурд вернулся с рыбой, и Эгмонт в очередной раз блистательно доказал, что не бросает слов на ветер. Уха была превосходна. Я, коварно усмехаясь, вымыла котелок в реке.

Весь следующий день мы шли вдоль этой речки, и ельник понемногу сменялся сосняком. Почва под ногами становилась все тверже, мох отползал, сменяясь травой, а вечером Сигурд опять отправился за рыбой. Рихтер, ничуть не возмущаясь, приготовил уху повторно, а я подумала, что Полин все-таки была права. Есть случаи, когда заявить о своих притязаниях прямо означает сгубить все дело на корню.

Восьмой день нашего путешествия прошел по накатанной колее. Вечером, когда мы устроили привал, я ненадолго отлучилась — вернувшись же, увидела, что волкодлак обреченно подхватывает ведро и отправляется к реке за водой, а Эгмонт уже привычно потрошит рыбу.

— Только не уху! — не своим голосом завопила я.

Эгмонт малость смутился, а до меня, кажется, стало доходить.

— Слушай, надежда эльфийской кулинарии, ты что вообще готовить умеешь?

— Я же говорил, — обиженно ответил Рихтер. — Уху. Что, разве не вкусно? Сама добавки просила!

— Просила, — согласилась я. — Позавчера. Но позавчера уже прошло, а ты не говорил, что умеешь готовить *только* уху!

Обрадованный Сигурд, поняв, что ужин, возможно, чем-то разнообразят, убрал ведро с глаз подальше под кустик.

Есть хотелось. Разделанная сырая рыба вопияла. Желудок сосредоточенно внимал. И тут меня осенило:

— Слушай, можно же сделать по-другому. Сигурд, глина здесь есть?

— Есть, — настороженно ответил оборотень.

Я тем временем вспоминала, как Хельги с Генри готовили рыбу в Треугольнике.

— Тащи ее сюда. Эгмонт, все, что тебе нужно, — это посолить рыбу, замазать ее глиной и запечь в углях. А мы, пока светло, пройдемся по лесу, может, черемши наберем. Говорят, к рыбе самое то.

Черемши мы не нашли. Зато Сигурд нашел полянку грибов и куст ягод. Поскольку в грибах я ничего не смыслила, а с ягодами ошибиться сложнее, мне даны были четкие инструкции: собирать только эти вот красненькие сверху, а черненькие снизу не трогать ни за что на свете.

Именно так я и поступила.

К тому моменту, как вернулся довольный Сигурд с грибами, у меня в ведре было уже на треть набрано ягод. Еще бы — в высоту куст был больше чем я, а в обхвате больше чем три Сигурда как минимум.

У костра нас встретил голодный и недовольный Эгмонт.

Я бодро разворошила угли и вытащила рыбу. Как это удалось Рихтеру, я так и не поняла, но снаружи наш ужин сгорел, а внутри остался совершенно сырым.

После моих гастрономических достижений критиковать неудачу Эгмонта как-то язык не повернулся. Костер развели заново, на прутиках пожарили собранные хозяйственным волкодлаком грибы, мои ягоды пошли на десерт. Заметим, пошли на ура.

Вечер удался. Спать мы легли сытые и довольные, но какое-то время спустя Сигурд беспокойно заворочался, вздрогнул и опрометью побежал прочь в кусты. Следующим был Эгмонт, после чего пришла и моя очередь. В силу определенных обстоятельств нам пришлось поделить прилежащие окрестности на сектора, чтобы, так сказать, не пересекаться. Где-то перед рассветом я поняла, что пора принимать меры.

Стараясь не слишком громко шипеть сквозь зубы, я отыскала конспект с лекциями магистра Ламмерлэйк, нашла нужный рецепт, и через полчаса зелье было готово. Это были едва ли не самые длинные полчаса в моей жизни.

Магистр не зря всегда отмечала мою тягу к знаниям. Зелье подействовало, пусть я и варила его впервые в жизни. Проблемы с нижними отделами пищеварительного тракта прекратились как по волшебству. Хотя почему «как»?

Несколько минут мы наслаждались тишиной и покоем, наступившими в организмах, — но эти минуты очень быстро прошли.

Первым, по сложившейся традиции, среагировал Сигурд. Зажимая ладонями рот, он стремительно умчался по уже знакомому направлению. Я проводила его печальным взглядом и горько вздохнула. Ну не виноватая я, меня не учили варить зелья для волкодлаков!

Очень скоро выяснилось, что меня не учили варить зелья и для магистров. А еще чуть позже — что и для полукровок, похоже, тоже.

Какое-то время мы надеялись, что все само пройдет. Потом Эгмонт наконец вспомнил, что он дипломированный специалист, и предложил свои лекарские услуги. Сигурд заявил в ответ, что более из рук магов он, окромя холодной воды, ничего не возьмет, да и то еще подумать надо. И уж лучше он пойдет поищет помощи у матушки-природы. И пошел, предварительно обернувшись волком.

Это, скажу я вам, было то еще зрелище: белый волк с шерстью, свалявшейся на боках, задравший хвост торчком и поминутно отворачивающий морду то вправо, то влево, чтобы не забрызгать себе лап. Словом, ужас да и только.

Сигурд скрылся в кустах, а Эгмонт со вздохом подтянул поближе сумку, порылся, достал довольно объемистый мешочек и высыпал немного себе на ладонь. Заинтересовавшись, я пододвинулась поближе. Это оказались комочки разного размера, достаточно плотные, с резким маслянистым запахом. Я понятия не имела, что это могло быть, зато точно знала: проглотить ничего не смогу, это факт.

Рихтер отделил от общей кучки три комочка побольше, посмотрел на меня, добавил еще один маленький и сказал:

— Положи под язык и рассасывай. Подействует почти сразу. Или не подействует совсем, но хуже все равно не будет.

Это была чистейшая правда: хуже было некуда. Я покорно запихнула лекарство в рот. Рихтер тем временем ссыпал себе под язык оставшиеся восемь или десять штук лекарства.

Какое-то время я прислушивалась к ощущениям, а потом просто заснула. Первое время мне было отчаянно холодно, но вставать за плащом было выше моих сил. Потом то ли я притерпелась, то ли меня укрыл Эгмонт.

В итоге обе версии оказались ложными. Проснувшись, я поняла, что лежу, вцепившись руками и ногами в спящего волка, большого, теплого и лохматого, а на морде у него написано просто неземное блаженство. Он явно нашел свою лечебную травку.

Как мало надо, чтобы почувствовать себя счастливым...

Желудок деликатно напомнил, что утром полагается завтрак. И я поняла — жизнь продолжается.

3

В Большом зале заседаний КОВЕНа сегодня было даже несколько тесновато. Кроме членов Совета с Магистром Эллендаром во главе здесь присутствовал почти весь педагогический состав Академии Магических Искусств, в которой, как известно, работают лучшие маги Лыкоморья. Был здесь директор Буковец, как всегда нервный и печальный, была магистр Дэнн, преспокойно перебиравшая нефритовые четки, была магистр Ламмерлэйк в эльфийском платье тончайшего шелка. Присутствовали также магистры Зирак и Фенгиаруленгеддир. Словом, из старшего педагогического состава отсутствовали только двое: магистр Эгмонт Рихтер, по непонятым еще до конца причинам, и магистр Марцелл Руфин Назон, но с этим как раз все было понятно. Нельзя же оставить Академию совсем без присмотра!.. К тому же кресел и так не хватило — пришлось посылать магистра Цвирта, как младшего, в Малый зал. Так что если отсутствие магистра Назона кого-то и огорчало, так только его одного.

Помимо вышеперечисленных специалистов в зале присутствовали еще два мага высочайшей квалификации. В нарушение всех протокольных принципов оба они восседали не в знаменитых ковенских креслах, а в том, что сочли достойным (чему, заметим в скобках, был невероятно рад магистр Цвирт). Учитель покачивался в кресле-качалке, блаженно щуря глаза и греясь в лучах лет-

него солнца, а Арлаутар аунд Элдер, с одухотворенным эльфийским лицом и глядящими в вечность глазами, сидел на чем-то плетеном, воздушном и настолько хрупком, что страшно было на это «что-то» даже смотреть. Эльфа оно как-то выдерживало, но вот лишний взгляд мог оказаться роковым.

Оба ветерана магических служб благосклонно взирали на Цвирта, который, со стульями в руках, бегал из зала в зал. Некромантки — госпожи Дэнн и Бранниган — негромко переговаривались на профессиональные темы. Прислушавшись, можно было различить: «На третьи сутки... да, вяз над могилой... а руническая надпись?» Звучало невинно, но больше прислушиваться отчего-то никто не хотел. Миллендира Предсказательница вертела в пальцах бледный цветок, Эльвира Ламмерлэйк полировала ногти специальной подушечкой, а Зирак, которому Мерлин вежливо уступил свой стул, о чем-то разговаривал с ним на гномском языке.

Словом, магам было чем заняться. Магистр Эллендар внимательно оглядел собрание и ни на одном лице не увидел усиленного желания отлавливать беглого Рихтера с этой его адепткой. Оборотень — другое дело, но половина присутствующих даже не подозревала, чем именно он так опасен.

Наконец вопрос со стульями был решен. Запыхавшийся Цвирт занял свое место, и Эллендар, встав, стукнул посохом о пол. Маги и магички замолчали, дисциплинированно глядя на высокое начальство.

— Полагаю, нет необходимости еще раз напоминать, что побудило нас собраться в этом зале, — внушительно сказал Эллендар, еще раз обводя собравшихся взглядом. — Магистр Цвирт, доложите нам, как продвигается дело.

Цвирт встал и, откашлявшись, вытащил откуда-то кусочек пергамента.

— Нам удалось проследить точку выхода телепорта, который магистр Эгмонт Рихтер построил для всех вышеперечисленных лиц на площади перед тюрьмой КОВЕНа, — бодро проговорил он и сделал многозначительную паузу. Собственно, это было единственное, чем Цвирт мог гордиться, потому что другой информации со знаком «плюс» у него не было. У него вообще больше не было никакой информации, и он изо всех сил надеялся, что кто-нибудь из магов выручит его, взяв слово.

Слово взяла Шэнди Дэнн, которая, увы, зрила в корень.

— И что это нам дало, коллега? — безразлично спросила она.

Маги заинтересованно посмотрели на Цвирта.

— Увы, ничего, — со вздохом признался он. — Далее след обрывается. Но, я думаю, всем понятно, что их конечная цель — Конунгат. Поэтому во всех пяти пограничных с Конунгатом городах, включая Солец и Крайград, будут выставлены наши дозоры. Я полагаю, — осторожно уточнил Цвирт, — колле... э-э... Рихтер не рискнет пойти в горы без проводника.

— В Крайграде спокойно? — уточнил Эллендар.

Цвирт утвердительно склонил голову. Эти два пограничных городка, которые по размерам и влиятельности были не то что столичному Межинграду, а какому-нибудь Олень-городу и то не соперники, доставляли КОВЕНу немало хлопот. С первым все было понятно. Последние несколько столетий Солец усиленно боролся за статус вольного города и совершенно неожиданно сумел его получить — тамошний князь оказался настолько глуп, что согласился отдать старинные вольности взамен на энное количество денежных знаков ежегодно. По этому поводу Солец даже учредил народный праздник, День Независимости, но умные люди, едва заслышав о солецком перевороте, только головами качали. Это ж надо. платить и царю налог, и князю денежку, а всей радости — звездочка на гербе!

Умные люди опять-таки видели, что наследник глупого князя удался не в папашу. Не сегодня, так завтра он заберет власть обратно, ибо что было продано один раз, может быть продано повторно.

Но с Сольцом худо-бедно можно было договориться. А вот Крайград, так и норовивший отойти под руку Конунгата (Аррани Лерикас, правда, утверждала, что это все одно невозможно, — разве только перетащить весь город через Драконий Хребет), был печальным напоминанием о недальновидности самого КОВЕНа. Конечно, и это можно было списать на покойного Т'ари аунд Велленсдара, но Магистр Эллендар понимал, что тот и так выглядит в глазах общественности уж вовсе не вероятным злодеем практически мирового масштаба.

А если объявлять, что и это его рук дело, придется признать, что КОВЕН пошел у презренного эльфа на поводу.

Дело было четыре года тому назад, когда будущая Аррани Лерикас, в те поры никому не известная Валери даль Ками, не понять с какого перепугу забрела в этот самый Крайград. В те поры

Лыкоморье по указанию КОВЕНа (а тот, в свою очередь, по указанию Т'ари) объявило Конунгату войну. Верховный маг Крайграда, желая выслужиться перед начальством, радостно потащил будущего конунга Арры на костер. Сложно сказать, чем могла закончиться попытка сжечь золотого дракона, пусть и не осознавшего своей драконьей сущности, но ситуацию — вместе с городом — спас Рэнтар Нарроугард, выхвативший свою будущую супругу практически из языков пламени.

Все закончилось хорошо, и крайградцы даже думать забыли о несостоявшемся сожжении, когда о нем вдруг узнал Скупидонус. Для него Крайград был практически родной город, и такого позора берегун терпеть не стал. Он немедленно объявил себя оскорбленным до глубины души, и экономическая жизнь Крайграда начала чахнуть на корню.

Всем и каждому известно: гномы не сдаются. Но зато они прекрасно понимают, когда дальнейшее противодействие не просто бессмысленно, но губительно. Если говорить по-простому, в один прекрасный солнечный день в Арру прибыла делегация из Крайграда, каковая попросила незамедлительной аудиенции. Делегация была представлена крайградской гномьей диаспорой, потому как всем известно, что к ним Аррани относится доброжелательно.

На аудиенции гномы рыдали, рвали бороды в клочья и умоляли государыню не губить за-ради малых детушек. Конунг ошарашенно внимала: как полагается властителю, она давным-давно забыла про столь давний мелкий инцидент. Тогда-то и узнали, что тот маг давно уже снят и с позором изгнан из города, ради чего горожане не пожалели ни гнилых яблок, ни заморских помидоров, а одних тухлых яиц ушло не менее чем четыре дюжины.

В этот момент из сумки Скупидонуса, откуда прежде доносилось только гневное сопение, вдруг раздалось:

— Крохоборы! Яйца и те пересчитали! Ужо я вам!

И гномы недолго думая рухнули на колени.

— Встаньте немедленно, — потребовала Аррани, которая начинала понимать, кого ей надо за эту делегацию благодарить.

Гномы напрочь отказались повиноваться, и конунг повторила повеление, пригрозив, что иначе разгневается. Тогда гномы поспешили исполнить приказание, объяснив свое неповиновение тем, что стары, мол, и так быстро подниматься им сложновато. Да-

лее они были отправлены в гостевые покои, дабы великая и ужасная владычица оборотней подумала и решила, что с ними делать.

Кончилось-то все хорошо, экономику восстановили, но вот к ковенским магам в Крайграде отношение осталось весьма нехорошее. Но хитроумный магистр Цвирт отыскал способ обойти это препятствие! Было найдено трое ковенцев, у которых имелись родственники в Крайграде. Ударная троица была проинструктирована, вооружена и отправлена в Крайград к этим самым родственникам со вполне безобидным визитом. Однако даже самый милый родственный визит вряд ли мог затянуться более чем на шесть дней, не вызвав никаких подозрений. Выходило, что не сегодня-завтра их придется отзывать.

— Продолжим, — весомо сказал Магистр Эллендар, возвращая Цвирта в сегодняшний день. — Что еще было сделано вами за это время?

Цвирт, сообразивший, что последние минуты три он стоял с задумчивым видом, припоминая события новейшей истории, вздрогнул и вытянулся в струнку.

— Мы продолжаем перехватывать все телепорты, — доложил он и запнулся от удивления: красивое лицо магистра де Трийе исказила недовольная гримаса. — Телепорт, построенный из любой точки на территории Лыкоморья, замкнется на площади перед резиденцией КОВЕНа. Так сказать, с доставкой на дом. Однако Рихтер по-прежнему избегает телепортации. Эта мера еще не принесла должного эффекта, но мы смело можем предположить, что рано или поздно Рихтер попытается осуществить телепортацию, ибо ему прекрасно известно: никогда прежде КОВЕН не продлевал этой меры более чем на четыре дня. Сейчас идет восьмой.

— Вы себя недооцениваете, — резко бросила магистр де Трийе. — Эффект есть, и еще какой! Правда, боюсь, вы на него не рассчитывали. Вы плохо знаете народ, коллега Цвирт! Он очень быстро сообразил, что к чему, хоть и не без помощи наших деревенских коллег. На Межинградский госпиталь обрушился такой неиссякаемый поток больных изо всех уголков Лыкоморья, какого я не помню за всю свою профессиональную деятельность, а я этот госпиталь курирую, хвала богам, уже сорок лет! Они просто телепортируют в никуда, а выбрасывает их к нам под окна. И куда, спрашивается, мне девать очередную роженицу, когда все койки заняты и даже в коридоре некуда положить?..

За окном раздался тихий хлопок, и магистр де Трийе обреченно закрыла лицо руками.

— Только не это! — патетически взмолилась она.

Магистры переглянулись и кинулись к окнам. Цвирт, к услугам которого оказалась целая половина оконного проема, увидел, как на площади распахивается стандартный грузовой телепорт, рассчитанный, как известно, не более чем на двенадцать человек. Оттуда — госпожа де Трийе как в воду глядела — под руки вывели охающую роженицу. Вокруг нее толпилась небольшая свита: муж, родители, родители мужа, братья, две не то старших дочери, не то младших сестры и маленькая горластая собачонка. Мужики хмуро оглядывались по сторонам и сжимали в руках чупаги, женская часть сопровождения, напротив, поразевала рты.

Кроме этой процессии в телепорт каким-то чудом поместилось еще с пять-шесть увечных, которых, на счастье, никто не сопровождал. Помимо скарба увечные имели с собой несколько овец, двух истошно визжащих свиней, а последней телепорт покинула пестрая, с одним обломанным рогом корова.

— Да, — с мелодичным эльфийским акцентом констатировал аунд Элдер, который, заметим, не вставал со своего сиденья, — здесь не хватает только боевого верблюда.

— Я вас очень уважаю, айлэри, — обреченно сказала магистр де Трийе, — но умоляю, не подавайте таких идей! Верблюда мне уж точно некуда будет деть...

Она извинилась и поспешила покинуть зал Совета.

— Продолжим, — повторил Магистр Эллендар, проводив Эллис взглядом. — Это все, что вы можете нам сказать, коллега?

— Нет, — возразил Цвирт, на всякий случай глянув на свой пергамент. — Есть еще одно. Ориентировки. Я считаю, сообразно будет разослать ориентировки, чтобы каждый, случайно встретив Рихтера, Ясицу или оборотня, понял, с кем имеет дело.

И тут в разговор вступил учитель Тэнгиэль.

— Вот как, — сказал он тем самым доброжелательным тоном, от которого половину собравшихся кинуло в дрожь. — И как ты себе это представляешь, мой мальчик? Если я тебя правильно понял, Поль, ты планируешь развесить на всех площадях Лыкоморья плакаты с изображениями нашей троицы?

— Нет! — быстро отрекся Цвирт, которому эта идея все равно очень нравилась. — Разумеется, нет, учитель! Как всем известно,

каждый маг имеет строго индивидуальное магическое поле. Именно это я имел в виду, говоря об ориентировке!

— Похвально, — сказал учитель. Аунд Элдер тоже кивнул. — Но тогда у меня остается только два вопроса. Первый: как будет выглядеть магическое поле волкодлака, который, насколько мне известно, вообще не маг? И второй: как вы думаете, коллеги, насколько скоро весть о том, что мы разыскиваем оборотня, сбежавшего из ковенской тюрьмы, услышат в Арре? Нет, если кто-то из присутствующих так соскучился по Аррани Валери...

Присутствующие одновременно повернули головы к крайнему слева окну, на подоконнике которого весьма вольготно разлеглась толстая разлапистая ветка. Именно из-за нее окно никогда не закрывалось, ввиду чего заседания Совета зимой были невероятно краткими. Дерево вместе с этой и прочими ветками появилось в ковенском дворе четыре года назад, и весь Совет прекрасно помнил, кого им за это следует благодарить. Оно еще и росло — и вширь, и ввысь. Вполне возможно, что скоро резиденцию придется переносить: спиливать у этого дерева ветки не рискнул бы, наверное, даже покойный Т'ари, уж на что рисковый был человек. Да и ситуация получалась какая-то двусмысленная. Здание КОВЕНа, находящееся под сенью дерева, что было пробуждено к жизни конунгом Арры... в политике таких намеков не прощают.

— Я предлагаю другой вариант, мой мальчик. Если эти трое вместе покинули Межинград, то они и дальше не станут разделяться. Где Эгмонт и Ялька, там и Сигурд. Вполне достаточно будет ограничиться описаниями их магических полей, благо дело, в этом нет ничего невозможного. Они оба обучались в Межинградской Академии, и в архивах наверняка пылятся слепки.

На том и порешили.

4

Через полчаса Цвирт был уже в Академии. Гном-завхоз, успевший привыкнуть к его визитам, молча предоставил ему указанные слепки; правда, поиски их несколько затянулись, — но что такое два часа, когда речь идет о гноме-завхозе? Цвирт расписался в ведомости, поклялся вернуть оригинал сразу же после создания необходимого количества копий и помчался в лаборатории.

Слепки размножили и упаковали по два для экстренной ковенской рассылки.

Радость от быстро выполненной работы омрачала одна мелочь. Если слепок с магического поля Рихтера был профессионально четким, то слепок поля студентки Ясицы можно было разобрать только с большим трудом. Это вполне понятно — кто будет стараться, снимая слепок с магического поля какой-то первокурсницы? Но Цвирт все равно предпочел бы иметь слепок почетче. Впрочем, учитель Тэнгиэль был прав. Где один, там и другие. Найти бы Рихтера, а с оборотнем и адепткой справиться будет уже на порядок легче.

ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой герои наконец-то выходят из леса, причем сожалеет по этому поводу не только Сигурд, но и КОВЕН. Гномьи банки между тем в очередной раз подтверждают свое право зваться подлинным оплотом цивилизации, и журналистика успешно доказывает, что способна приносить немалую пользу

1

Позже я узнала, что вечер третьего числа грозника был богат на самые разнообразные знамения. Небо над Межинградом сплошь залило тревожное багровое сияние; по всему городу с карканьем носились вороны, неподобающе крупные, наглые и подозрительно довольные жизнью; четыре петуха в четырех концах, будто сговорившись, снесли по яйцу, причем по какому — крупному да крапчатому; а в довершение всего пестрая корова почтенного Дробна человеческим голосом предрекла скорый конец света и рост цен на ситец в горошек.

Еще позже я выяснила, что большого значения мировая общественность всему этому не придала: известное дело, такое уж место всякая столица, что ничего доброго там случиться не может. Разве что по ошибке.

Что касается меня — ничего зловещего я в тот вечер не наблюдала.

Вечером третьего числа грозника-месяца мы сидели вокруг костерка и вдумчиво ели зайца. Поймал его, разумеется, Сигурд, для такого дела сменивший ипостась; мне было очень интересно, что думают по этому поводу местные волчьи стаи, но оборотень молчал, а я пока стеснялась спрашивать.

Заяц был вкусный, но маленький.

Невысокое пламя костра длинной дрожащей полосой отражалось в озерной воде. То и дело слышался плеск: рыба здесь водилась в весьма пристойных количествах, но от одного слова «уха» мне становилось нехорошо. Здешний край можно было смело назвать Озерным — редкий вечер мы ночевали не на берегу.

Наконец заяц был доеден, и каждый занялся своими делами. Точнее, делами как таковыми занялся один Эгмонт: достав карту, он в очередной раз принялся над ней медитировать, периодически замеряя пальцами какие-то расстояния. По опыту я знала, что сейчас его лучше не отвлекать. Сигурд не мудрствуя лукаво опять превратился в волка и растянулся возле костра, положив голову на скрещенные лапы. Руки так и тянулись почесать его за ушами, но я понимала, что оборотень может и обидеться. Он же не домашняя псина в конце концов!

В качестве альтернативы я почесала собственный бок — как легко догадаться, сплошь искусанный комарьем. Солнце почти зашло, свет был только от костерка, и впереди темнела озерная вода, а позади молчал суровый лыкоморский лес. Никогда в жизни я не заходила в него так глубоко.

Нет, мне не было страшно. С Сигурдом, наверное, я пошла бы даже в тайгу (прихватив, правда, баночку средства от насекомых) — оборотни в лесу, как дома, знают каждый угол, и каждое дерево им друг. Но я все-таки была городским жителем — как, честно сказать, и Эгмонт. Мне вдруг страшно захотелось обратно в Академию — туда, где в небо упирается острый серебряный шпиль, а в фонтанчике на внутреннем дворе вода плещется от магии фэйри.

Я слишком *привыкла*. Прижилась. Этого делать нельзя, вот теперь и приходится расплачиваться. Но вдруг меня пронзила совершенно сумасшедшая мысль: а может... может, нам все-таки удастся вернуться? Ведь Сигурд действительно невиновен, и конунг защитит его. Кто, если не она?

Но от конунга Арры нас отделяли версты лыкоморской земли, поросшей густыми лесами, — да еще Драконий Хребет... Я опять вернулась мыслями к географии и, не выдержав, спросила:

— Сигри, а какое-нибудь жилье тут рядом есть?

Оборотень поднял голову с лап, и я запоздало сообразила, что он наверняка не может говорить в волчьем обличье. Но ответил мне не Сигурд, а Эгмонт, по-прежнему не отрывавший глаз от карты.

— Здесь есть целый город, до него рукой подать. Завтра к нему выйдем. Он совсем маленький, но там мы затаримся едой и, может быть, купим лошадей. Бессмысленно прятаться в лесу: скоро начнется Большой Северный Тракт.

— Завтра? — переспросила я, освежая воспоминания о севере Лыкоморья. По моим расчетам, мы должны были выйти к первому поселению только через два-три дня, и то если сильно повезет.

— Завтра, — подтвердил Рихтер. — А в двух днях от него будет другой, побольше — называется Листвяги. И туда нам точно придется завернуть, потому что там есть филиал «Ильмариненс Лериэ». Снимем деньги, чего им зря пропадать...

Я не думаю, что у гномов когда-либо зря пропадали деньги: вот пропасть просто так — это совсем другое дело! — но Эгмонт был прав, золота при себе у нас почти не было. С другой стороны, если в городе есть банк, то там наверняка найдется и отделение КОВЕНа, а попадать в лапы несостоявшимся коллегам мне отчаянно не хотелось.

— А ковенцы нас там, часом, не встретят? — спросил Сигурд. Он знать не знал, что я уже решила, будто оборотни не способны разговаривать в волчьей ипостаси. -- А то радости им будет...

— Не будет, — уверенно посулил Рихтер. — Во-первых, мы изменим внешность... я вам ее изменю. Яльга, — строгий взгляд в мою сторону, — не станет испытывать на нас свое мастерство иллюзиониста. Во-вторых, мы качественно продумаем легенду. В-третьих, — говорю же, недалеко уже Большой Тракт, а он обнесен такими заклинаниями, что проще ехать не скрываясь. Дешевле выйдет.

Он замолчал, сворачивая карту, потом присовокупил:

— Кроме того, насколько я знаю КОВЕН, сейчас они прежде всего наложили запрет на телепортацию. Это мешает нам, но и им не помогает: никакой столичный десант до этих мест пока не добе-

рется, а с парочкой местных магов я справлюсь даже при наихудшем раскладе.

«Скромный ты наш», — подумала я, поглаживая амулет против чтения мыслей.

2

Поутру, стоило нам немного отойти от стоянки, лес начал редеть, но прошло не меньше трех часов, прежде чем мы вышли на опушку, а впереди показались вросшие в землю избушки. Некоторые были уже нежилыми, и из окон выглядывала высоченная трава.

Надо думать, это были самые что ни на есть задворки — чем дальше мы шли, тем крепче становились избы, возле них стали появляться палисадники с непременными мальвами, акациями и мятой. В глубоких лужах у дороги нежились свиньи, а в зарослях бурьяна то там, то сям появлялась фигура петуха в окружении многочисленных куриц и цыплят.

На потемневших от времени скамеечках у ворот сидели местные старушки — от своих городских аналогов они отличались только тем, что у многих в руках были веретена. Нас провожали любопытными взглядами, и я даже догадывалась почему.

Утреннее накладывание иллюзии заняло добрых сорок минут, из которых на меня ушло почти полчаса, — и если бы не «Справочник», мы провозились бы куда дольше. У меня неплохая память на мелкие детали, но особенности одежды я всегда запоминала плохо, а в Даркуцких горах была лет двенадцать назад. Эгмонт с Сигурдом там вообще не бывали. Но кроме подгиньского я знала только араньенский и аллеманский — каждый на уровне «А ну подай мне вон ту кружку с молоком!». Для красивой качественной легенды этого было маловато.

Словом, сейчас я шла между Сигурдом и Эгмонтом, высоко держа голову и мрачно зыркая по сторонам черными, чуть раскосыми глазами. Мрачность давалась мне легко: самым сложным в образе даркуцкой княжны было одновременно удерживать величественную осанку и смотреть под ноги, дабы не заляпать чистеньких ботинок в местной желтой грязи. Вот уж не знаю, как справляются с этим подлинные дворянки, — может быть, просто не ходят по деревенским дорогам?

— Это не деревня, а город, — негромко сказал Эгмонт: по легенде, я не знала ни слова по-лыкоморски, так что волей-неволей пришлось обратиться к телепатии. — Он называется Подкузьминки. Мы сейчас просто идем по предместьям.

Я кивнула, стараясь скопировать великосветское движение госпожи Ламмерлэйк.

— Ялька, да ты не волнуйся так, — неожиданно сказал по-подгиньски Сигурд. Я быстро посмотрела на него; волкодлак ободряюще улыбнулся. — Все удачно выйдет... а эт-то еще что такое?

Последняя фраза относилась уже не ко мне. Поперек дороги была протянута толстая разлохмаченная веревка, на которую для какой-то надобности нацепили разноцветные лоскутки. Дальше виднелась большая куча земли — на ней возлежал тощий черный кот с белыми носочками на передних лапках. Еще дальше начиналась неровная приземистая стена не более трех локтей в высоту, сложенная из серых, грубо отесанных камней.

Рядом имелась табличка: «Городская стена, VI век». И чуть пониже, меленько: «Руины».

Возле свежевозведенных руин обедала целая компания гномов. Расстелив на земле квадратную бахромчатую скатерть и разложив на ней самую разнообразную снедь, гномы бодро хрустели свежими и солеными огурчиками, разламывали знаменитые толстые лепешки и обсуждали планы дальнейшего руинного строительства.

Нас они, кажется, не заметили. Еще бы, трапеза — для гнома это почти святое. Трудно, впрочем, найти что-то, что не было бы для гнома святым: дом, семья, интересы клана... ну и интересы самого гнома, ибо кто же обеспечит клан и семью, ежели кормилец будет голоден и несчастен?

Я незаметно покосилась на спутников. Если бы не легенда, я сама начала бы разговор — обычно я быстро находила с гномами и общий язык, и правильный тон. Но даркуцкой княжне невместно разговаривать с простолюдинами, так что я молча поджала губы.

Разговор начал Эгмонт.

— Добрый день, уважаемые, — сказал он, спокойно глядя на обедающих гномов. — Удачи вам и вашим семьям. Не откажите в любезности, подскажите — как лучше пройти в приличную корчму?

Тон был взят верный: в должной мере уважительный, но не приниженный. Неправда, что только эльфы улавливают такие

тонкости; гномы, будучи, в сущности, довольно тщеславным народом, обладают отменным чутьем на настрой собеседника. Рихтер обратился как равный к равным, и это было хорошо. Кто лучше гнома знает, какая корчма достойна считаться приличной? Кроме того, гномы весьма любопытны, и свою роль сыграла даркуцкая княжна в национальном костюме, по лицу которой, хочется верить, не было заметно, о чем она думает. Ибо думала она о чистоте ботинок.

— И вам доброго здоровья, — после минутной паузы откликнулся один из гномов. Борода у него была длиннее прочих, сидел он не на земле, а на маленьком раскладном креслице — словом, это был местный старшой, если не глава семьи. — А ну, Снорри, покажи-ка людям, что тут и как...

Я чуть не вздрогнула, но здешний Снорри — высокий для гнома, еще очень молодой, со светлыми лохматыми волосами, выбивавшимися из-под шапки, — был не более чем тезкой того гнома, с которым я проучилась без малого два семестра. Он охотно встал, отряхнул штаны от пыли и пролез под веревкой.

— Идемте, почтенные, — сказал он, бросив на меня любопытный взгляд. — Тут в обход надобно.

Мы пошли назад, к перекрестку. Гном усиленно косился в мою сторону и наконец не выдержал:

— Почтенный маг, а почтенный маг? Вы с госпожой, наверное, к градоправителю?

— Не совсем, — «неохотно» ответил Эгмонт. Я шла с видом человека, который даже не догадывается, что говорят именно о нем. — Мы держим путь в Крайград, а здесь собираемся переночевать и купить лошадей.

— А что ж вы, безлошадные, что ли? — Гном изумленно уставился на меня, я смерила его взглядом с головы до ног, презрительно фыркнула и отвернулась. Понимает его княжна или нет, но так на себя пялиться она никому не позволит.

— Чего это она? — обиженным тоном поинтересовался Снорри.

Эгмонт возвел очи горе.

— Она княжна, — устало объяснил он. — С Даркуцких гор. По-нашему ни слова не понимает... и хвала богам, что не понимает: и так хлопот не оберешься.

— С гонором панна, — поддакнул Сигурд.

Гном открыл рот, потом закрыл. Потом опять открыл, явно собираясь спросить, что я тут делаю, — но сообразил, что выйдет некрасиво, и вместо этого сообщил:

— А, так я понял! Вы, верно, телепортами скакали?

— Да, — кивнул Эгмонт. — А как почтенный...

— Как догадался? — Снорри рассмеялся. — Так вы ж не первые! КОВЕН все телепорты перекрыл, они теперь только в одну сторону работают — в Межинград, на ихний двор...

Гном вдруг замер на полуслове и смерил Рихтера подозрительным взглядом.

— Стойте-ка, — сказал он, — ежели вас в Межинград выбросило, как это вы досюдова без лошадок добрались?

Во мне все оборвалось, но Эгмонт отреагировал быстро и правильно.

— Вот же мрыс, — с чувством сказал он. — А я-то думаю, что у меня с амулетом — сломался, что ли? Сперва выкинул посреди глухого леса, а потом и вовсе телепортировать отказался...

Наверное, упоминание мрыса сыграло свою благотворную роль: Снорри расслабился и сочувственно сказал:

— То-то я гляжу, панна вся такая...

Какая именно, он уточнять не стал. Растрепанная, конечно, но нам это только на руку.

— А ты, уважаемый, не знаешь, в честь чего это все затеяли?

Снорри пожал плечами.

— Может, сбой какой, — безразлично сказал он. — Кто его знает...

Тут разговор прервался — мы вышли на новый перекресток, представляющий собой одну большую лужу с четырьмя ответвлениями. Перейти ее посуху можно было, разве что прибегнув к магии, но это не годилось. Я хотела было оглянуться, не валяется ли где какой доски, однако Сигурд решил проблему проще и изящнее. Подхватив меня на руки, он несколькими шагами пересек лужу вброд. Едва очутившись на чистом сухом месте, я одернула одежду, пренебрежительно фыркнула в сторону Сигурда и гордо отвернулась. Волкодлак обиженно посопел. Я очень надеялась, что не всерьез.

Гном молча покачал головой. Он наверняка уже просчитал, сколько денег должны были отвалить моим спутникам за обеспечение эскорта такой вздорной девицы, включая надбавку за вредность — в смысле вредность характера.

Лужа была чем-то вроде водной границы — если раньше я всерьез заботилась о сохранении чистоты своих ботинок, то теперь можно было немного расслабиться. Прямо от перекрестка начиналась мостовая, по обеим сторонам которой возвышались каменные дома. На некоторых даже имелись витые балкончики. Мы пошли быстрее. Я не переставала прислушиваться к разговору.

— Что это у вас там строится? — спрашивал Сигурд, не забывая бдительно зыркать по сторонам. — Стену, никак, решили возвести?

Гном довольно хмыкнул.

— Руину строим! — гордо поведал он. — Вон там, подалыше, к центру, стало быть, ближе, дядя мой трудится с семьей. У них работенка попроще: они развалины городища строят. Видел я на плане, городища-то того — одна фитюлька! Стена, палаты да капище...

Оборотень нахмурился:

— Зачем это?

— Ну как зачем... Для историчности. Да вы гляньте — видите, статуй между домами?

Мы глянули. В просвете между домами действительно что-то виднелось.

— Подойдем? — предложил общительный гном.

— Подойдем, — после недолгого размышления согласился Рихтер.

Мы подошли. Посреди маленькой площади — она и виднелась между домами — стояла высокая статуя белого мрамора. Она изображала воителя в старинной кольчуге; с плеч у него свисал плащ, уложенный красивыми тяжелыми складками, а на голове имелся легкий шлем с бармицей. Бармица, бесспорно, добавляла образу героизма, однако же закрывала, как и полагается, почти пол-лица. Над ней торчал внушительный нос, он же — по совместительству — был самой запоминающейся деталью памятника. На шлеме восседал солидный сизый голубь. Сразу было видно, что место это насиженное. Правой рукой в латной рукавице беломраморный витязь указывал прямиком в сторону Межинграда — не то призывал пойти и захватить, не то предлагал равняться, догнать и перегнать.

— Kto to jest? — потребовала объяснений даркуцкая княжна.

— Это, досточтимая панна, — гном, как всякий гид, понял и без перевода, — великий князь лыкоморский, каковой имел честь ро-

диться не где-нибудь, а в Подкузьминках, о чем неопровержимо свидетельствует древняя рукопись, найденная в подвале старой церкви.

Мы одновременно уставились на князя. Никакого выходца из Подкузьминок я в лыкоморской истории не припоминала, и Эгмонт с Сигурдом — тоже. Гном, взглянув на наши вытянувшиеся лица, повторил:

— Рукопись, знаете ли, свидетельствует.

— Хм, — кашлянул вежливый Эгмонт.

— Как? — изумился гном. — Ладно княжна, но вы-то, вы, господин маг, неужто вы не слышали про рукопись... про свиток...

— Что-то было, — дипломатично высказался господин маг. — Но подробностей не припомню.

Гном воспрянул духом, почуяв в нас благодарных слушателей. Последующие десять минут мы внимали весьма душераздирающей истории.

Душераздирающим в ней было практически все. И давно обвалившийся, заросший лебедой и бурьяном подземный ход, четыре года назад чудесным образом обнаруженный местными мальчишками. И подземелье, в коем искали сокровище, а обрели нечто куда более, более ценное. И сам свиток, такой замечательный, с виньетками и миниатюрами — особенно хороша та, где Ольгердовна, прекрасная жена князя, взывает к трем стихиям с резного балкончика в княжьем терему.

Свиток повествовал о нелегкой судьбе подкузьминского князя, а точнее — о его великом походе на юг, в Межинград и далее, с целью «зачерпнуть шеломом водички». Надо думать, в этих краях случилась неурочная засуха, а князюшка мучился в очередной раз похмельем. Как бы то ни было, поход оказался удачным — во многом благодаря действиям княгини Ольгердовны, знаменитой магички, запросто обращавшейся с тремя из четырех стихий. Заканчивалась вся история триумфальным возвращением князя в родные Подкузьминки — с флагами, трубами и трофейным волынщиком, захваченным в плен возле искомой воды.

Подкузьминские краеведы возликовали, но радость их была недолгой. В самом скором времени старая церковь сгорела дотла — вместе с редкой фреской на южной стене, новеньким алтарем, на который сбрасывались всем миром, и — самое страшное! — оригиналом исторического свитка. Четыре копии хранились у са-

мых зажиточных горожан, еще одну как раз накануне отнесли в ратушу.

Столичные коллеги, вызванные в Подкузьминки на радостях, явились как раз вовремя, чтобы увидеть тепленькое еще пепелище, — и немедленно попытались усомниться в подлинности сгоревшей реликвии.

Однако же «попытаться» — еще не значит «усомниться». Главным аргументом в пользу супротивников было то, что и князь, и княгиня отчего-то именовались автором сугубо по отчествам, а имена их так и остались неизвестными. Но, во-первых, любой малец знает, что обращение по отчеству — это весьма уважительно, во-вторых же, человек мог и просто запамятовать: после лыковки и не такое бывает. Известное дело!

Тот же факт, что кроме Подкузьминской Рукописи, как ее стали называть в научных кругах, таинственный князь нигде более не упоминался, говорил исключительно в пользу подкузьминской историографии. Только подумать, какое сокровище обратилось в пепел от случайной искры!..

— Это все хорошо, — сказал Сигурд, выслушав лекцию до конца. — И статуй хороший, совсем как в Межинграде. Только там конь есть, а ваш какой-то безлошадный. Непорядок!

— В Межинграде и змеюка есть, — скривился гном. — И потом, они-то свой на казенные денюжки строили, а для-ради нашего весь город скидывался!

— Вон оно что, приятель... — глубокомысленно изрек волкодлак.

Видно было, что гному есть что еще нам поведать, но впереди показалась корчма, выглядевшая и впрямь довольно прилично. Снорри уверенно направился к ней, на ходу расхваливая стряпню тети Цили.

— И рагу там взять не забудьте, — напутствовал он. — Сейчас как раз грибочки пошли, самое оно.

3

Разумеется, корчма была гномская — да и каким еще может быть заведение, приличное по меркам гнома? Мы зашли в чисто выметенную залу, где было темновато и прохладно, — после уличной жары самое то. Из-за неплотно прикрытой кухонной двери

тянулся изумительно вкусный аромат тушеных овощей. Я сглотнула. Слава всем богам, мой желудок вел себя, как подобает желудку знатной девицы, — то есть орал, но вполголоса.

— Снорри, мальчик мой! — Из-за стойки, широко раскинув руки, будто желая обнять нас всех оптом, показался невысокий гном с крепким округлым животиком и длинной темной бородой. — Как давно ты не был у нас! Нехорошо это — забывать родных дядю с тетей!

Насколько я знала жизнь и гномов, последний раз Снорри виделся с дядей максимум прошлым вечером, а куда вероятнее — сегодня утром. Гномы обнялись, и корчмарь окинул нас цепким взглядом:

— А это, никак, твои друзья? Друзья моего племянника — мои друзья!

«Особенно если платят серебром», — мысленно закончила я.

— Дядя, — серьезно сказал Снорри, указывая на меня многозначительным взглядом. Я подобралась и выдала самое княжеское выражение лица, на какое только была способна. — Эта высокородная панна — княжна с Даркуцких гор, а те, что рядом, — ее спутники. Ты уж их того... по высшему...

— Таки разве ж я не понимаю? Проходите, гости дорогие, сейчас мы мигом накормим!.. Вы не знаете, как готовит моя Циля, — да чтоб я так жил, как она готовит! Циля! Циля, ты ж только погляди, кого к нам привел наш дорогой мальчик!

Мы устроились за ближним столом. Гномка-хозяйка самолично обмахнула его чистейшей белоснежной утиркой, а корчмарь подал закуски — тонко нарезанное розовое сало, зелень и хлеб. Резать этот хлеб рука не поднималась, и правильно: резать гномский каравай — означает смертельно оскорбить хозяина.

Мне подали вилочку с костяной рукоятью, и я, мысленно костеря такую неудобную легенду, со скучающим видом подцепила полупрозрачный ломтик. Сигурд и Эгмонт, от которых не требовалось знания великосветского этикета, действовали куда решительнее. Утешало меня только звяканье кастрюлек, доносившееся с кухни, и все густеющий аромат рагу с восточными специями.

Снорри отправился обратно на руину, а гном-корчмарь устроился за стойкой и с любопытством уставился на даркуцкую княжну. Княжна приложила все усилия, чтобы не поперхнуться бутербродом.

— Какое счастье, что нам встретился ваш племянник, — сказал наблюдательный Эгмонт, быстро сообразивший, что такими темпами рискует остаться без княжны. — Это первая удача на нашем пути.

Гном вежливо удивился, Эгмонт отрезал себе еще сала (им с Сигурдом, как существам более приземленным, принесли целый шмат плюс ножик в комплекте). Далее пошло по накатанной: не зря мы так долго обсуждали легенду.

По легенде, заранее составленной на прошлом привале, выходило, что я — беглая доченька одного из влиятельных даркуцких князей. Весенней ночкой темною я покинула папенькин замок и сбежала к жениху, задиристому, но абсолютно безродному. Родитель, едва придя в себя, распорядился нанять мага, роль которого выполнял, понятно, Эгмонт. Ему предписывалось найти беглянку и вернуть ее в любящие отцовские объятия. На вопрос, с каких это пор Даркуцкий кряж переместился с юго-запада на северо-восток, отвечать надлежало так: кряж стоит, где стоял, но князь-папа рассудил, что второй раз резвую доченьку может и не отловить, так что ее самое время выдать замуж, и чем дальше, тем лучше. А что дальше от Даркуцких гор, чем Драконий Хребет? Так что везли меня в Крайград, где и собирались передать с рук на руки правильному жениху, всесторонне одобренному папашей.

Разумеется, о моих бодрых девических похождениях новому жениху знать совсем не обязательно. Потому доставить меня в Крайград нужно было точно к назначенному сроку, чтобы у будущего мужа не возникло никаких подозрений на этот счет. По-хорошему это следовало бы сделать телепортом, но — вот беда! — я категорически не переносила телепортации на большие расстояния. Из деревни в деревню — еще туда-сюда, но сразу от Даркуцких гор до Крайграда...

— Могла и помереть, и куда мне потом? Некроманта у нас в команде нет, — хладнокровно сказал Эгмонт.

Корчмарь, с любопытством слушавший «господина мага», сочувственно покивал, а после уставился на Сигурда с его двуручным мечом и искусно начарованным шрамом поперек лба.

— А это оборотень, он охранник, — Рихтер небрежно кивнул на волкодлака. — Еле уговорил его светлость, чтобы наняли. Кто знает, вдруг первый жених с дружками ночью на нас нападет, — а я что — Магистр Элландар, чтобы от них отбиваться и за девицей

следить, и все одновременно? Да и вообще, кабы знал, какая это морока, нипочем бы не согласился!

Корчмарь многозначительно указал на меня глазами.

— А она по-лыкоморски все равно не понимает, — безразлично сказал Эгмонт, одной фразой лишив меня возможности разговаривать за ужином.

Я чуть не взвыла, но вовремя смекнула, что это означает разрушить всю легенду. Вместо этого я сверкнула очами и произнесла, стараясь выдержать даркуцкое произношение:

— Pane czarownik, tyle mówié!

— Гневаться изволит, — безошибочно определил гном. — Нравная паненка.

— Еще какая! — хмыкнул Эгмонт.

— Совсем поистощала, вон, одни ребры торчат, — причитала через пять минут корчмарка, собственноручно обслуживая даркуцкую княжну со свитой.

Я ела и то и дело бросала на Эгмонта весьма недовольные взгляды, которые, по счастью, прекрасно вписывались в легенду.

— А лошадей тут нигде не купишь, — вещал тем временем гном. Как и подобает владельцу постоялого двора, он был весьма разговорчив. — Тутошние лошадки, они не то что княжон — они и простых-то дворянок отродясь не видали. А прицепится к вам один, косой такой да рыжий, — вы его, господин маг, сразу же гоните. Иноходцы у него, видишь ли! Я вас умоляю, у меня вон парочка таких иноходцев в свинарнике хрюкает...

Эгмонт терпеливо выслушал тираду об иноходцах и мимоходом спросил:

— Банка здесь, я так понимаю, тоже нет?

Хозяин только рукой махнул:

— А я вас спрашиваю, уважаемый, что тут вообще есть? Разумеется, кроме моей корчмы и княжьего статуя, — да и тот, между нами, сбоку треснутый! А за лошадками и за банком вам придется ехать в Листвяги. Хм... Есть одна мыслишка, но даже не знаю, предложить ли такое самой княжне...

— Княжне не надо, — весомо сказал Сигурд. — Княжна все равно не поймет. Предлагайте нам, почтенный, а мы подумаем.

Гном чуть подался вперед, опираясь локтями о стойку.

— Завтра из города выходит обоз, — поведал он. — Хороший обоз, богатый, а значит — с приличной охраной. Куда он идет — торговая тайна, но вам-то какая разница? Главное, что к послезав-

трему он уже будет в Листвягах. У меня там свояк конюшню держит. Если благородные господа не против, я им трех лошадок запросто одолжу... по божеской, заметим, цене, ибо я таки все понимаю. Ясное дело, княжне невместно на такой лошади разъезжать, — но в телеге того хуже выйдет, а уж пешком? Вот ведь невовремя телепорты позакрывали!..

С последним утверждением я была полностью согласна. Телепортировать на территорию Конунгата и раньше было нельзя, но я легко согласилась бы и на Драконий Хребет. Тем более что места хоженые, знакомые. Да и василисков там с прошлой осени поубавилось.

— Интересное предложение, — подумав, согласился Эгмонт. — Обоз, разумеется, идет по Северному Тракту.

— Где же ему еще идти, — пробормотал Сигурд.

— Сколько это будет стоить? — прямо спросил маг.

4

Наших совместных денежных запасов хватало как раз на дорогу до Листвяг — причем основные капиталовложения были сделаны Эгмонтом. Мне было немного неудобно, но потом я сообразила, что именно ему принадлежала идея нарядить меня даркуцкой княжной. «Просто и нахально, — сказал он тогда. — Если удача нас не покинет...»

Покинет она, как же.

Кроме того, зарплата специалиста по боевой магии в несколько раз превышает стипендию студентки первого курса. В общем, терзалась я недолго — пока не выяснилось, что сегодня в Подкузьминках ярмарочный день.

Сейчас было около двух часов пополудни, и до вечера оставалась мрысова уйма свободного времени. Заснуть не получится; телепатическая связь предназначена для коротких отчетливых сообщений, но никак не вдумчивых разговоров; а если быть совсем честной, после двенадцати дней дороги мне страшно хотелось убедиться, что в мире есть еще люди помимо Сигурда и Эгмонта.

Я настроилась на длительную полемику и даже припомнила несколько фразеологизмов на почти родном языке, но Рихтер был совершенно не расположен к дискуссиям.

— Думаешь, это будет логично? — только и спросил он. На подгиньском маг говорил довольно бегло, но с сильным акцентом, причем, что самое забавное, акцент был не западным, а лыкоморским.

— Да, — напористо заявила я. — Княжна желают развлекаться. Имеют право!

Уже по дороге на ярмарку я придумала другой аргумент:

— Заодно узнаем, где здешний маг. Так, на всякий случай, чтобы не ждать неприятностей!

Эгмонт ехидно покосился на меня:

— Скажи уж проще: на ярмарку хочется.

— Хочется! — с достоинством подтвердила я. — А тебе нет?

Слово «ярмарка» обычно вызывает сплошь приятные воспоминания: карусели, лошади в колокольчиках, баранки с маком. Но у меня оно крепко ассоциировалось с везением, работой и риском — именно в такой последовательности. Повезло, если ты сможешь показывать фокусы на ярмарке. Народ здесь веселый, может и серебрушку кинуть, а однажды — если мне только не приснилось — подвыпивший купец бросил мне целый золотой. Риск же заключался в огромном количестве конкурентов — мало того что взрослых, так вдобавок непозволительно зорких. Тот же золотой у меня махом отобрали. Тогда я еще не умела впечатывать людей в стены.

Так или иначе, но мне еще ни разу не приходилось смотреть на ярмарку глазами покупателя. Сейчас я жадно смотрела на лоточников, фокусников, карусели — и с каждой секундой понимала: что-то во мне уже ушло. Ярмарочная площадь была всего лишь ярмарочной площадью: пестрой, яркой, шумной, ругающейся, хохочущей, торгующей с рук, лотков и прилавков, облапошивающей, призывающей в свидетели разом весь божественный пантеон — уменьшенной копией любой из столичных площадей.

Может быть, я просто выросла?

— Смотри-ка! — Сигурд углядел что-то интересное и целенаправленно пробирался через толпу, отмахиваясь от предложений купить дорфенбургский пуховый платок. Мы следовали за ним, и я надеялась, что никто не знает, как именно должна вести себя княжна в площадной давке. — Так я и думал, целый выводок!

Его слова относились к самому большому прилавку, над которым развевался видавший виды городской флаг. Торговали здесь свитками, восковыми княжескими печатями, предусмотрительно

накрытыми от солнца, и солидными серыми камушками, извлеченными из-под земли в историческом центре города. Но в первую очередь тут продавали глиняные фигурки, ярко раскрашенные минеральными гномскими красками. Присмотревшись, я узнала знакомый нос, торчащий между шлемом и бармицей.

За прилавком сидела девушка весьма скучающего вида, которая только и делала, что обмахивалась сложенным вдвое пергаментным листом.

— Почем князюшка? — добродушно, но не очень политкорректно осведомился Сигурд.

— В зависимости от размера, — охотно откликнулась продавщица. — Есть большие, средние, небольшие и миниатюрные. Последние дороже.

Сигурд, уже присмотревший маленькую копию беломраморного воителя, отдернул руку.

— Есть конные, пешие, при оружии и в обычной одежде. — Руки продавщицы так и летали от одной фигурки к другой. Очевидно, все местные жители уже приобрели себе полный набор «Жизнеописание многославного князя Подкузьминского», и теперь вся надежда была только на приезжих. — Отдельно продается княжеский терем. Глина очень хорошая, из Конунгата везли...

Я сильно сомневалась, что кто-нибудь стал бы возиться с перевозкой глины — стоит только копнуть, и лепи что хочешь! — но Эгмонт все-таки купил одного конного князюшку небольшого размера. В Листвягах ожидался гномий банк, а нам не следовало выходить из образа. Княжна я или кто?

Тем более что вылепили князя весьма тщательно, даже носки у сапог были правильные, острые.

— А что он у вас без княгини-то? — полюбопытствовал напоследок волкодлак.

Девушка молча пожала плечами.

Уложив купленного князя в сумку, я потребовала купить княжне пирожок, а на худой конец — петушка на палочке. Слева как раз послышались выкрики лоточника; мы отправились на звук и в итоге долго блуждали по забитой народом площади. Выкрики неизменно доносились слева, и под конец я заподозрила лоточника в родстве с лешаками.

— Подлинная княжна, — прокомментировал Эгмонт, глядя, как я аккуратно облизываю с трудом добытого петушка.

Я встревожилась.

— Может, мне его убрать? Зачем тогда покупал?

— Да ладно... — Маг усмехнулся. — Княжна тоже человек. Идемте лучше книги посмотрим — может быть, что интересное отыщется.

Каждому адепту известно, сколько редчайших книг было найдено случайным образом, — и на таких вот ярмарках в том числе. Но нам не повезло: Эгмонт за минуту просмотрел весь магический ассортимент и не нашел ничего достойного более пристального внимания. Зато рядом, буквально на соседнем прилавке, стояли две широкие коробки, набитые пестрыми книжками самого веселого содержания. Я нагнулась над ними и быстро заметила знакомое название — оно упоминалось в одном из журналов Полин, посвященном, в виде исключения, не женским хитростям, а литературе.

— Сигурд, ты в курсе, что про вашего конунга книгу написали?

Оборотень помотал головой.

— Это что, она и есть? — заинтересованно спросил он.

— Ну, насколько я понимаю... Хочешь на иллюстрации посмотреть?

— Разумеется! Должен же я знать, как выглядит мой конунг!

— Не думаю, что художника пустили в Арру рисовать с натуры, — нейтрально заметил Эгмонт.

— Все равно, — отрезал волкодлак. — Не могли же они рисовать нашего конунга с потолка!

Но тут спор угас сам собой — я наконец вытащила книжку из плотного ряда. Мы с Сигурдом уставились на обложку как парочка упырей — на рыцаря в посеребренных доспехах, и на лице оборотня, только усугубляя сходство, медленно проявилось то самое упыриное выражение.

И видят боги, было отчего.

На переднем плане картинки была изображена высокая девица, одетая в кольчужное бикини, длинные шнурованные сапоги на шпильках и шлем с крылышками. Сей костюм демонстрировал зрителю все подробности фигуры — длиннющие ноги, бюст изрядного размера и умопомрачительную талию. Личико у девицы было смазливое и наглое, накрашенное по всем правилам высокого искусства; тени были подобраны под цвет глаз — тоже бледно-голубые. Шею обхватывала кольчужная же узенькая лента, на которой покачивался маленький прозрачный камушек — надо думать, тот самый Лиа Фаль. Ко всему прочему, девица была блон-

динкой. Светло-золотистые волосы, пышной волной выбивающиеся из-под шлема, доставали ей едва ли не до коленок.

«С такими волосами никакого плаща не надо», — малость ошарашенно подумала я.

Над повернутой вверх ладонью трепыхался голубенький пульсар.

Чуть сзади за девицей маячил какой-то тип. Внешне он больше всего напоминал помесь Сигурда со шкафом: сложение — первого, сообразительность — второго. Из-под низкого лба в упор смотрели маленькие, но крайне нехорошие глазки. На плечах у типа болталась волчья шкура; штаны у него были сшиты из того же материала, причем шерстью наружу, чтобы не перепутали. На поясе же в кожаных ножнах висели два крохотных, не иначе как столовых, кинжальчика.

Завершал картинку дракон. Был он мелковат — похоже, долго болел в детстве: впечатление усиливал непонятный оранжевый цвет чешуи, какового не положено иметь нормальному здоровому дракону. Глаза у него были большие и печальные: еще бы, ведь он лежал на земле, а в спину ему утыкивался острый каблук девицына сапога. Девица опиралась на беднягу-ящера всем весом, но тот, еще раз подтвердив мысль о перенесенной неизлечимой болезни, лежал смирно, и не думая плюнуть в обидчицу пламенем.

— Это... кто? — хрипло вопросил волкодлак, тыкая в рисованную девицу пальцем.

— О мой господин, — торговец выпрыгнул из ниоткуда, точно чертик из табакерки, — вы сделали замечательный выбор! Се есть легендарная владычица оборотней, прекрасная и коварная чародейка, погубившая злых некромантов, ужасных драконов и жутких завоевателей с Запада! Она...

— Это что, Аррани Валери? — перебила я, видя, что упыриное выражение на лице Сигурда опасно приближается к апогею.

Торговец кивнул, открыл рот, собираясь что-то вставить, — но тут вмешался уже Эгмонт:

— А это, как я понимаю, Рэнтар Два Меча?

— Вы прекрасно осведомлены, господин маг!

— Дайте мне это, — нехорошим голосом попросил Сигурд.

Я отдала, и он принялся молча листать — возможно, отыскивал прочие картинки.

Я тем временем стала рассматривать остальные книжки, скользя пальцем по гладким корешкам. Мое внимание привлекла це-

лая серия книг, оформленных в одном стиле. Это были: «Правый глаз василиска», «Левый глаз василиска», «Еще один глаз василиска», «Промежуточный глаз василиска», «Запасной глаз василиска» и «Подбитый глаз василиска». Окончательно добил меня «Глаз на хвосте василиска». Впечатляет, особенно если учесть, что хвостом василиски обычно лупят куда ни попадя.

— О госпожа, — торговец вцепился в меня не хуже помянутой твари, — у меня есть целых две новых книги из этой серии! Вы их больше ни у кого не найдете! Мгновение, одно мгновение... — Он скрылся под прилавком, а вынырнув, продемонстрировал мне две обещанные книжки. Они были совершенно одинаковыми, но с одной на меня очень знакомо и нехорошо смотрел «Брутальный глаз василиска», а с другой хитро подмигивал накрашенный по всем правилам «Кавайный глаз василиска». Даже для меня это оказалось слишком сильным впечатлением. Я молчала, не зная, что сказать, и торговец, неверно меня поняв, поспешил заполнить смысловую паузу:

— Наверное, госпожа не совсем четко представляет, что означает слово «кавайный»? Мало кто в Лыкоморье знает о существовании варваров с далеких восточных островов, но нам повезло, у нас такой начитанный автор! «Кавайный» следует понимать как «милый», «симпатичный» или, возможно, «пушистый».

Я вновь покосилась на «Глаз»: он был действительно пушист из-за невероятного обилия длинных, аккуратно прокрашенных ресничек.

Как бы то ни было, глазная серия помогла Сигурду оторваться от созерцания своего конунга в совершенно непотребном виде. Воспользовавшись этим, Эгмонт быстро оттащил нас от прилавка. Я, правда, сильно не сопротивлялась: полученный культурный шок был слишком велик.

Про Сигурда и говорить нечего: у оборотня был такой вид, будто его стукнули по голове всей коробкой с книгами.

— Идемте-ка в корчму, — устало сказал Эгмонт. — Хватит с нас розничной торговли.

5

Обоз отправлялся в дорогу очень рано: когда мы вышли на крыльцо, было еще темно. У меня слипались глаза, и все, что я за-

помнила, — это хриплые петушиные крики, очень нежная заря, едва-едва занимавшаяся над лесом, и длинная грустная морда моей лошадки.

Княжной быть все-таки хорошо — мне помогли взобраться в седло и долго сетовали, что нигде не сумели сыскать дамского седла. Но красная юбка, расшитая цветными шнурками, оказалась достаточно широкой — длины, правда, это ей не прибавило, и все желающие могли полюбоваться тем, что просматривалось между подолом и шнурованными ботинками. Просматривалось немногое. Да и наличие рядом Сигурда, мрачного до невозможности, действовало на зрителей весьма отрезвляюще. Оборотень еще не отошел от эстетического шока, полученного накануне, и с ним лучше было не связываться.

Вообще-то я неплохо ездила верхом — ромское детство, знаете ли, — но с тех пор прошло немало лет. Говорят, это умение не из тех, которые забываются, но накануне я все едино побаивалась, что одним махом разрушу всю легенду. Утром, однако, мне было не до глупых страхов. Да и лошадка попалась действительно очень смирная.

С полчасика покачавшись в седле, я пришла к выводу, что ничуть не забыла прежних навыков, после чего с чистой совестью сперва задремала, а потом и заснула. Обоз едва тащился (естественно, по меркам всадника), и я подозревала, что высокородной девице все едино не дадут свалиться с коня. Кто-нибудь да поймает.

Проснувшись, я первым делом глянула на небо. Его сплошь затягивали неровные светлые облака, но солнце — пятно слепящего света — стояло уже довольно высоко. Подкузьминки остались далеко позади, по левую руку тянулись возделанные поля, а по правую хмуро стояли вековые дубы и вязы.

Сигурд ехал рядом со мной, практически стремя в стремя. Эгмонта не было видно, но едва я начала оглядываться, как маг подъехал со стороны леса.

— Проснулась? — быстро сказал он по-подгиньски. — Ничего не чувствуешь?

Я напряглась, прислушиваясь не то к себе, не то к окружающим, но ничего интересного не уловила — разве что два охранника лениво обсуждали преимущества фламберга перед обычным мечом, разумеется, если это *твой* фламберг.

— Ничего... Что не так?

— Все в порядке, панна, — чуть поклонился Рихтер.

Я приподняла правую бровь, старательно копируя декана алхимичек, и тут же поняла, чем вызван именно такой ответ. К нам подъехал гном на высоком пони — помнится, еще один родич Снорри и по совместительству владелец обоза.

— Может, княжне чего надобно? — для порядка осведомился он.

Я прекрасно понимала, что ничего особенного княжне лучше не желать — все едино денег не хватит, — и потому, тихонько вздохнув, устремила взгляд за горизонт.

— Ясновельможная панна спрашивает: долог ли будет путь? — правильно расшифровал это Сигурд.

Гном чуть пожал плечами:

— Вестимое дело, от Подкузьминска до Листвяг полтора суток пути.

— Podkuzminsk? — заинтересовалась ясновельможная. — Chcia powiedzieé, Podkuzminki?

Эгмонт начал было переводить, но гном прекрасно понял и в оригинале.

— Как ее зовут, э? — быстро поинтересовался он, ткнув Сигурда в бок.

— Панна Ядвига, — почти молниеносно ответил Эгмонт.

— Панна Ядвига... э-э...

— Просто *панна Ядвига*, — с нажимом повторил Эгмонт. — Ее отец слишком богат и известен, чтобы лишний раз попусту повторять его имя.

Гном посмотрел на меня с возросшим уважением. Сдается мне, еще до того, как солнце пойдет на закат, Эгмонту придется не раз повторить нашу легенду перед любопытствующими.

— Тут такое дело, панна Ядвига, — солидно начал купец. Эгмонт совершенно серьезно повторил то же самое по-подгиньски. — Той же весноi, как Рукопись-то наша обретена была, народ задумался: как же так, великий князь у нас жил... твоему, панна, батюшке он, часом, не сродник?

— Э-э... — сказала панна, выслушав синхронный перевод.

— Вполне возможно, — перевел Рихтер. За последние сутки его подгиньский сделался на порядок лучше.

Родственники князья были или нет, а история оказалась совсем проста. Едва успев отыскать рукопись, разобраться в древних письменах да рассмотреть как следует каждую из картинок,

подкузьминский народ решил, что невместно великому князю происходить из каких-то там Подкузьминок. В свете вновь обретенных знаний становилось совершенно необходимым переименовать вторую столицу лыкоморского государства... ну, хотя бы в Подкузьминск. Предлагались и другие варианты: Кузьминск, Кузьмищи, Кузьмовцы или — на худой конец — Великие Подкузьмовники. Неизвестно, чем бы закончились словесные баталии между сторонниками каждой версии, но жизнь в очередной раз оказалась мудрее. Деды, коих в каждой уважающей себя семье имелось достаточно, заявили в один голос, что не потерпят такого измывательства над памятью предков. Они сами, их отцы, деды и прадеды жили и умирали в Подкузьминках, а если кто уж и родного пепелища стыдится, так позор ему!

После недолгого размышления и длительных переговоров стороны пришли к соглашению. Историческая часть города, где, по странному стечению обстоятельств, и располагались предместья (читай: деревня) сохранила исконное название Подкузьминки. Центр — с площадью, беломраморным князюшкой и двумя строительными площадками — стал именоваться, как и подобает городу: Подкузьминск.

Ехать с обозом оказалось долго, зато удобно. Нагруженные телеги тяжело тряслись по знаменитым лыкоморским дорогам, лошади шли шагом, а я покачивалась в седле. Доставшаяся мне кобыла — звали ее Соломкой — оказалась спокойной и донельзя меланхоличной. На привалах она щипала траву с трагическим видом королевы, изгнанной из дворца и только таким презренным образом спасающейся от голода.

Уже к полудню я поняла, что детский опыт — дело, бесспорно, хорошее, но практиковаться в верховой езде нужно значительно чаще. Мне повезло с лошадью, но все едино я отбила об седло все, что только можно отбить, и вдобавок стерла ноги. Очень печально было осознавать, что дома, в Академии, у меня осталось аж четыре флакона с заживляющей мазью.

Но с пешим путем было покончено. Я смутно представляла, почему мы больше не можем идти через лес — Эгмонт, раз упомянув об охранных заклинаниях, наложенных на Великий Тракт, больше о них ничего не говорил, — однако спорить со специалистом по боевой магии как-то не приходилось. По тракту — значит, по тракту; верхом — значит, верхом. Зато обоз то и дело останав-

ливался, а если бы мы ехали одни, то привала, скорее всего, не случилось бы до самого вечера.

Да — у перемещения с обозом был еще один несомненный плюс: не надо было ничего готовить, кашу нам и так принесли, причем едва ли не с поклонами. Будучи даркуцкой княжной вот уже второй день подряд, я потихоньку начинала подозревать, что Рихтер вовсю пользуется эмпатическим даром, усиленно внушая окружающим почтение к беглой княжеской дочке. Когда я спросила его прямо, маг ухмыльнулся и отошел. Подозрения усилились.

— А может, ты меня эмпатии поучишь? — поинтересовалась я, когда он вернулся. — Говорят, у тебя специализация...

— Специализация, — согласился Эгмонт. — Была. Десять лет назад. А у вас Буковец преподает, и преподает неплохо.

— Ничего себе неплохо, — возмутилась я, — два семестра отучилась — до сих пор ничего не понятно!

— Значит, плохо училась, — пожал плечами магистр. — Эмпатия — сложный предмет, даже если у тебя и есть некоторые способности. Кроме того, конкретно то заклинание, в применении которого ты меня подозреваешь, вы и так будете проходить. На пятом курсе.

На этом разговор завершился. Скоро мы отправились спать, чтобы рано утром опять двинуться в путь. Время шло, и часам к одиннадцати утра обоз уже подъезжал к Листвягам.

Если Подкузьминки были разросшейся деревней, которая для солидности обзавелась площадью и беломраморным князюшкой, то Листвяги оказались действительно городом, пускай и небольшим.

Он был окружен каменной стеной, у него имелись большие ворота, при которых обреталось несколько стражей — очень трезвых и потому довольно злых. Гнома-купца, владевшего обозом, долго мурыжили насчет въездных пошлин — ровно до тех пор, пока он не позвал другого гнома, знатока всех юридических тонкостей. Сигурд тут же заинтересовался и подъехал поближе. Как выяснилось, он хорошо знал братский народ: за какие-то семь минут гном-законовед убедительно доказал, что все бумаги в порядке, все товары сертифицированы, а за препятствие въезду законопослушных торгован по уложению такому-то городского магистрата

города Листвяг полагается такой-то штраф, в скобочках — такая-то вира, в скобочках — нужное подчеркнуть.

Стражи убоялись и поскорее пропустили нас вовнутрь. Мне досталось несколько недоумевающих взглядов, но вопросов задавать никто уже не посмел.

— Против гнома нет приема, — тихонько пробормотал Эгмонт.

— Если нет другого гнома, — закончил поговорку Сигурд.

Я вовсю оглядывалась по сторонам. Да, Листвяги были именно таким маленьким городком, каковые я во множестве наблюдала во время своих странствий по Лыкоморью. Здесь была мостовая — отродясь не чиненная, засыпанная ореховой скорлупой; здесь присутствовал фонтан — один, метко плевавшийся холодной, но чистой водой; здесь росли каштаны, и липы, и заморское дерево тополь, надменно шелестевшее серебристой листвой. Словом, все было как полагается — не больше и не меньше. Я готова была поручиться за то, что на главной площади наличествует особняк градоправителя, сложенный из розового камня и во множестве украшенный маскаронами. Обыкновенно маскароны сильно напоминали хозяина дома — разумеется, сходство было совершенно случайным.

Гном, владевший обозом, выбрал тот постоялый двор, где хозяином был его двоюродный племянник. Мы благополучно отдали лошадей, а взамен получили подробнейшие рекомендации, где и в какой лавке что лучше покупать, а в какую заходить не надо ни при каких обстоятельствах. Нам выделили комнату на жилом этаже — одну на всех, но большую, потому что Эгмонт объяснил, как сильно ему не хочется второй раз бегать за шустрой княжеской дочкой. Хозяин самолично сбегал в кладовку и притащил оттуда ширму зеленого шелку, расшитую цветными рыбками. За ширму пришлось доплатить две серебрушки. Доставка, как почтенным клиентам, обошлась нам даром.

Далее даркуцкая княжна изволила спуститься в общую залу, где ей и ее свите был подан обед. Деньги, правда, кончились еще на этапе ширмы, но нас покормили в кредит. Хозяин прекрасно понимал, что пешком мы точно никуда не пойдем — правдоподобности этому добавляла хромающая и злобно глядящая вокруг княжна, — а приличные лошади по сходной цене были только у его свояка. Вообще складывалось впечатление, что мы попали в какой-то гномский анклав. Эльфов я не заметила ни в Листвягах,

ни в Подкузьминках, а люди... ну чего их считать? Они всегда и везде умеют устроиться.

Мы переждали жару на летней веранде, в плетеных креслах. Часа в три, когда жара стала ощутимо спадать, а хозяин вот уже пятый раз прошел мимо нас, вздыхая и что-то бормоча себе под нос по поводу падения курса гномского золотого, мои нервы уже не выдержали.

— Идемте, что ли, — сказала я, провожая печального гнома взглядом.

Ежу понятно, что постоялый двор находился совсем не на главной площади. Еще с полчаса мы плутали по улочкам, довольно тенистым, но значительно более грязным, пока наконец не вышли туда, куда и хотели.

Площадь была — вполне себе площадь, не чета подкузьминской. Никакого князюшки — ни беломраморного, ни чугунного — там не имелось, зато имелась ратуша с высокой башней и хриплыми часами. К ней примыкало невысокое розовое строеньице, в котором я сразу же узнала градоправительский дом. Между квадратными окнами гостеприимно скалились гипсовые маски.

— Какая я умная, — шепотом подумала я. Эгмонт покосился, но ничего не сказал. Ну может он хоть что-то недослышать?

Здание банка «Ильмаринен Лериэ» располагалось по другую сторону от ратуши. Вид у него был неприметный, но уверенный и достойный. На окнах едва заметно искрились заклинания защиты, и это все, что я смогла увидеть и оценить. Но мало находилось дураков, предпринимавших попытку ограбить какой бы то ни было гномий банк, а уж тем более — международный «Ильмаринен Лериэ».

— И это обстоятельство очень сильно огорчает руководство банка, — негромко заметил Эгмонт. — Очень сложно в таких условиях проверить реальную степень защиты фирмы.

Окна здесь были двойные, и между стеклами я с удивлением обнаружила слой серого гравия. Возможно, это было каким-то магическим средством, и я положила, что непременно выпытаю у Эгмонта, так ли это. Сигурд отворил передо мной тяжелую дверь, и мы зашли в длинную тихую комнату.

Пахло бумагами, пылью и сургучом. В дальнем углу в деревянной рассохшейся кадке произрастала развесистая роза невиданных размеров и несказанной колючести. По всему было видно, что растение отчаялось получить от сотрудников банка хоть ка-

кую-то помощь в борьбе за выживание и каждый день стремилось прожить как последний. В итоге листья ее были величиной с ладонь Сигурда, в глубине колючек виднелся роскошный распускающийся бутон, а под густой кроной можно было спрятать среднего боевого слона. Или как минимум верблюда.

Помимо розы в комнате имелось: стол, на котором стояла корзинка с ранетками, два стула, квадратные часы со стрелками одинаковой длины; плакат «Клиент всегда прав!» и три сотрудника, из которых один был очень молодым и оттого невероятно серьезным. Он-то и начал беседу:

— Чего вам угодно, уважаемые?

«Холодного чаю», — хотела ответить я, но вовремя вспомнила, что по-лыкоморски не разговариваю.

Так начался длинный и весьма интересный разговор, привести который здесь нет никакой возможности — отчасти из-за нехватки времени, отчасти из-за уважения к тайнам финансовых гигантов Лыкоморья. Короче говоря, через сорок три с половиной минуты (от скуки я пристально следила за стрелками часов) Эгмонту выдали два мешочка серебра, которого нам едва хватало, чтобы расплатиться за лошадей, прокорм и постой. Ну... может быть, маленько бы осталось.

— Средства с вашего основного счета, уважаемый клиент, — все так же вежливо вещал молодой гном, оказавшийся главой подразделения, — мы, разумеется, предоставим к вашим услугам, причем не далее чем через три четверти часа. А дабы скрасить вынужденное ожидание, могу порекомендовать пройтись по торговым рядам. В двух кварталах отсюда имеется отличное кафе, — последнее слово он произнес с легким придыханием, — где подают отменный яблочный пирог. Такого яблочного пирога вы нигде в Листвягах не найдете! Да какое там в Листвягах, даже в самом Межинграде...

Я немедленно заподозрила, что кафе содержит какая-нибудь местная тетя Циля. Родственница банковского гнома — наверняка. Едва ли наших средств хватило бы на посещение столь нахваливаемого заведения, разве только после получения денег со второго счета. Кстати, а зачем Эгмонту два счета?

Мы вышли на улицу, и я задала ему этот вопрос — разумеется, по-подгиньски. Но кому-то чего-то не хватило — не то ему словарного запаса, не то мне знаний о банковских делах. В конце концов

маг махнул рукой, и мы отправились скрашивать ожидание, как и посоветовал почтенный банковский гном.

Для этого, бесспорно, важного дела мы выбрали торговую площадь. Ярмарки в Листвягах не было — местный князь им такого права почему-то не даровал, зато четверг считался здесь рыночным днем. Заморских тканей, специй, оружия или глиняных князюшек на местном рынке было днем с огнем не сыскать, зато бесчисленные бабки и дедки, в некоторых случаях сопровождаемые малолетними внуками, бойко торговали ягодой, грибами, молоком и прочими продуктами натурального сельского хозяйства. По периметру площади стояли более или менее респектабельные лавки, и тамошние хозяева, по преимуществу гномы, смотрели на деревенских конкурентов с изрядным презрением. Но тем было все равно.

— А вот кому пирожочков! — громко и напевно выводила какая-то торговка. — Вкусненькие домашние пирожочки, с мясом, луком, курицей и яйцом! Сладенькие пирожочки тоже есть, с творожком домашненьким, с ягодкой! Малина, земляника, ежевика! Ой, с ежевикой нетути, сбрехнула...

Обойти эти ряды было делом семи минут. Княжна задумчиво глянула на живую курицу, возмущенно хлопавшую крыльями, и сопровождающий маг быстро понял, в чем дело. За три мелких монетки он купил полный стакан лесной малины, который немедленно перекочевал в руки даркуцкой панны. Малина была просто замечательная: крупная, сладкая, очень темная и немного колючая. «Шерстистая», — подумала княжна, сбивая с ягодки травяного клопа.

Мы с Сигурдом на пару одолели этот стакан — всякий раз, передавая его оборотню, я делала морду тяпкой, и его это, кажется, изрядно веселило. В толпе нас немножко помяли, и я предложила выбраться наружу, ибо княжне как-то невместно рассекать в перекошенной кофте и со сбившимися лентами. Вообще, этот маскарад начинал мне надоедать. Я уже успела придумать добрую сотню способов, как можно было миновать пограничные города, не прибегая к подгиньскому, но на сто первом Эгмонт неожиданно вздрогнул и, коротко выругавшись, потянул меня за собой. Не дойдя нескольких шагов до желанного бортика — в центре площади, разумеется, журчал еще один фонтан, в котором я планировала умыться, — мы опять врезались в толпу, и я, ойкнув, едва успела придержать сваливающуюся ленту.

Сигурд прикрывал наше отступление. Он тоже ничего не понимал, но действовал весьма решительно.

— Что такое? — возмутилась княжна, едва у нее оказалась такая возможность.

Но Эгмонт и не подумал отвечать. Он быстро шел между рядами, огибая ведра с ягодами и разложенные прямо на земле кучки белых грибов. Я не сразу успела подстроиться под его шаг, но честно делала вид, что ничего особенного не происходит, — княжна торопится, ну и чего в этом такого?

— Нас заметили и узнали, — через некоторое время пояснил Рихтер. — Я пытаюсь оторваться... мрыс дерр гаст!

На ходу я обернулась и наметанным ромским глазом определила преследователей. Их оказалось трое, и главной была магичка лет двадцати пяти, невысокая и изящная, с профессионально жестким взглядом, по которому я сразу определила коллегу.

— Моя студентка, — подтвердил Эгмонт.

На подхвате у нее имелось двое интернов — оба казались довольно бестолковыми. Умеют мало, но энтузиазма — хоть отбавляй. От них двоих даже я ушла бы без малейшего затруднения, но магичка была куда более серьезным противником. След она, по крайней мере, держала как гончая, и я мрачно подумала, что когда она нас догонит, то вцепится ничуть не хуже.

На наше счастье, вокруг было слишком много народу, и мы могли не опасаться, что схватка начнется прямо сейчас. На свой счет я особенно не заблуждалась: Эгмонт все делал качественно, учил адептов — в том числе, и мы с Сигурдом сможем только отвлекать внимание противников. Да и интерны... они закончили пятый курс, а я даже не сдала сессии за первый.

Прилавки, лотки, связки красного лука... Мы метались по площади туда-сюда, но даже мне было ясно, что Эгмонт нас куда-то ведет. Наконец впереди показалась распахнутая дверь лавки. Внутри скучал хозяин, гном весьма почтенного вида.

— Туда! — приказал Рихтер, хотя все уже и так поняли.

Мы ввалились внутрь, и Сигурд закрыл дверь на засов. Обернувшись, Эгмонт бросил какое-то заклинание; по косяку быстро пробежала змейка зеленого пламени.

— Эй, вы что тут творите? — Гном вышел из ступора, чтобы войти в раж. — У меня тут почтенное заведение! Да я вас...

Чем он собирался испугать лучшего боевого мага Лыкоморья, так и осталось неизвестным. Эгмонт, не тратя слов, щелкнул пальцами, и гном провалился под землю. Я едва успела заметить контуры телепорта, распахнувшегося прямо у него под ногами. Рих-

тер, которому теперь никто не мог помешать, быстро прошел за прилавок, пинком открыл дверь (я сильно подозревала, что если она изначально и открывалась в другую сторону, то возражать не посмела) и скрылся в каком-то темном коридоре.

— А ты чего ждешь? — подтолкнул меня Сигурд. — Давай, Яльга, вперед!

Я последовала его совету. Уже очутившись по ту сторону прилавка, я поняла, что иллюзия развеялась, — даркуцкий костюм исчез, вместо него вновь появились старенькие штаны с рубашкой. Спасибо хоть сапоги теперь были чистые.

Коридор оказался неожиданно длинным — на вид лавка казалась куда компактнее. Здесь было темно, чуть прохладно, с потолочных балок свисали связки лука, чеснока, каких-то трав и кольца колбас. Я быстро догнала Рихтера и, вспомнив о судьбе хозяина лавки, спросила:

— Куда это ты его?

— На крыльцо, — кратко ответил Эгмонт.

— Так на телепортацию же поставлен блок?!

— Значит, на ковенское крыльцо, — отмахнулся он.

Я немедленно представила рекомое крыльцо — в моем воображении оно было высоким и с балясинками. А то когда еще бедный гном из такого захолустья в Межинград выберется? Так попутешествует за казенный счет...

Коридор кончился, впереди показалась окованная железом задняя дверь. На ней висел изрядных размеров замок с фигурно прорезанной скважиной. Я было остановилась, но Эгмонт указал на замок левой рукой, проговорил заклинание, и дужка испарилась в воздухе. Замок с лязгом обрушился на пол.

Вот только дверь не открылась.

Как и полагается магистру, Рихтер сообразил раньше всех. Он не стал предпринимать второй попытки прорваться сквозь заблокированную дверь, а я все же решила проверить свою догадку. Я начертила знак, вытащила из ухоронки свою сумку и извлекла оттуда конспект по общей магии. Сигурд, уже попытавшийся выбить дверь плечом, с удивлением наблюдал, как я поспешно пролистываю тетрадь в поисках нужной лекции. Так... Эгмонт, кажется, захватил с собой Эйлеровы стержни?

Рихтер колдовал рядом, чертя пальцами на стене какие-то знаки и нараспев бормоча явно эльфийское заклинание. Я тем временем достала из его сумки специальную палочку, зачитала по конс-

пекту чародейскую формулу и провела палочкой по двери крест-накрест.

Темный коридор озарило фиолетовое сияние. Светилась дверь, светился косяк, светились петли. Светилась стена, от которой Эгмонт отпрянул так проворно, будто оттуда вот-вот должна была высунуться змея. Пол и потолок источали синий свет, а видневшаяся позади главная дверь — красный.

— Мрыс эт веллер келленгарм! — выразил общее мнение волкодлак.

— Ан керворт, — согласилась я. Новое выражение, что бы оно ни означало, пришлось мне по вкусу.

— Предупреждать же надо! — прошипел Эгмонт, едва восстановив дыхание.

По справедливости, предупреждать нужно было тем, кто запер нас снаружи, но они отчего-то совсем не собирались этого делать. Насколько я могла судить, кто-то из тройки наверняка уже телепортировал в том же направлении, что и хозяин этой лавки. Теперь все зависело от того, сколько времени уйдет на переориентацию телепортов. Успеем мы что-то придумать или нет? Если нет, придется прорываться с боем...

Вот интересно, а Сигурда можно запихнуть в нашу ухоронку? Правда, с другой стороны, кто же его оттуда потом достанет...

Подумав о Сигурде, я вспомнила, как легко мне удалось проникнуть в его камеру, — а ведь она-то наверняка была защищена!.. Я покосилась на Эгмонта и быстренько подошла к стене, уперлась в нее ладонями, закрыла глаза и старательно представила себе внутреннее убранство банка. С гномами договориться проще, чем с ковенцами, а своих они не выдают.

Я сделала шаг, твердо уверенная, что сейчас окажусь в приемной перед изумленным банковским гномом, — и чувствительно приложилась лбом к стене.

Нас заблокировали действительно надежно. Не сработала даже моя магия, хоть она и была сродни магии фэйри.

6

Прошло чуть меньше получаса, но ничто не изменилось. Сияние не ослабевало, снаружи не доносилось ни звука, и я категорически не представляла, что можно сделать. Если на телепортацию

наложен блок; если мы не можем покинуть лавку; если скоро, очень скоро сюда пожалует ковенский отряд — то всякому ясно, что наше путешествие обретает весьма бесславный конец.

Конечно, у нас имелся Эгмонт — главная боевая единица. Но Магистр Эллендар тоже помнил об этом, и не стоило ожидать, что для нашей поимки отрядят Марцелла Руфина Назона. Если кого и ждать, так серьезных специалистов, причем скорее всего — с перехватывающими амулетами.

Оставалось только ждать, и это тяготило меня сильнее всего.

Эгмонт сидел на полу, привалившись спиной к стене, и держал в поле зрения обе двери. На полу он успел начертить восемнадцать квинтаграмм, причем некоторые были вписаны друг в друга, и меня разбирало невольное любопытство. Но сейчас было не время для расспросов. Рихтер едва не кусался, и я понимала почему — он злился на себя за то, что позволил запереть нас в этой лавке.

Один Сигурд был совершенно спокоен. Обратив внимание на то, что лавка вообще-то продуктовая, он попросил меня достать наши сумки и принялся загружаться припасами. Мешочки с крупой, импортное сухое молоко с Аль-Буяна, парочка кругов колбасы, кусок эльфийского сыра — если бы хозяин лавки предъявил нам счет, он, наверное, превысил бы годовой бюджет Академии. Я откровенно завидовала такому хладнокровию, потихоньку начиная понимать, что главной обузой нашего отряда является отнюдь не Сигурд.

— Зачем ты это делаешь?

— Затем, — отрезал оборотень. — Ежели что, потом думать будет некогда, сваливать будем.

Эгмонт, делая правой рукой какие-то дополнительные пассы, левой заканчивал чертить девятнадцатую квинтаграмму. Мне стало стыдно: все работают, одна я маюсь от неизвестности. Сумку, что ли, перебрать? Я начала выкладывать на прилавок книги и вдруг наткнулась на что-то плотное, прямоугольное и плоское, засунутое во внутренний карман.

Сейчас я почти не помнила, что той ночью запихивала в сумку, — казалось, от Академии меня отделяют месяцы, а то и годы. На ощупь прямоугольник напоминал тетрадь, и я расстегнула две пуговицы, чтобы достать ее.

Но это оказалась не тетрадь, а газета — старый, уже пожелтевший номер, давным-давно покинутый мгымбром. Зачем-то я развернула его, однако не успела прочесть и строчки.

— Ялька! — от громкого вопля вздрогнул даже Эгмонт, а Сигурд чуть не выронил из рук стеклянную бутыль с медом. Над пожелтевшей страницей висел полупрозрачный мгымбрик, с каждой секундой становившийся все плотнее и ярче.

— Где ты? Ты с Рихтером? Ты знаешь, что вас преследуют? Этот Цвирт здесь круглыми сутками пасется!.. Да ты же ничего не слышала про принца Саида! А...

— Какого принца? — кое-как вклинилась я, но меня перебил Сигурд:

— А это еще кто?

— Крендель, к вашим услугам, — церемонно поклонился мгымбрик и вновь повернулся ко мне. В лапке у него возник крошечный мнемо-амулет, больше всего напоминавший черный шарик на палочке.

— Ялька Ясица, — официально протараторил Крендель, — не могли бы вы ответить на несколько вопросов?..

Эгмонт поднял взгляд от двадцатой квинтаграммы, и Крендель замолчал. Изобразив широчайшую улыбку, мгымбр застенчиво потоптался на месте — когда исчез амулет, я даже не заметила — и поскреб лапкой воображаемый пол.

— Ой, магистр Рихтер, — скромно сказал он, — а я вас и не заметил. Э-э... богатым будете.

— Непременно, — ледяным преподавательским голосом согласился Эгмонт.

И тут до меня дошло.

— Крендель! — Я обеими руками вцепилась в газету. — Никому не говори, что ты нас видел! Пообещай, что не скажешь!

Мгымбрик оскорбился.

— Вот и молодец, — торопливо продолжала я, не обращая внимания на его праведный гнев. — Пошли мою элементаль в КОВЕН, если сможет, пусть скажет, что там происходит. Скоро они перестроят телепорты?

— Так если я никому не должен говорить, как же я скажу элементали...

— Крендель!

— Ладно, ладно... — Мгымбр померцал и исчез, а я поняла, что у меня дрожат руки. Боги, да неужели...

Сигурд похлопал меня по плечу и сел рядом — благо стульев за прилавком хватало.

— Он что, подмогнуть нам сможет?

— Не знаю, — я закрыла глаза, — ничего не знаю. Сейчас пытаюсь понять, каким образом...

— Можно связаться с учителем, — внес предложение Эгмонт. — Правда, я не уверен, что твой мгымбр способен покидать Академию...

— Он наш общий, — справедливости ради буркнула я. — Соавторский.

Спор прервало легкое потрескивание. Открыв глаза, я увидела, как ткань мироздания на мгновение разошлась, и перед нами возникла моя элементаль. Едва заметив меня, она вытянулась по стойке «смирно» и покрылась пятнами маскировочного цвета.

— Докладываю! — сообщила она, поедая меня глазами. — В КОВЕНе работы было еще минут на двадцать... а стало на три часа! — Она хихикнула, нарушая образ. — Я там кое-что подменила — пускай теперь думают. Им полезно, хе!

— Молодец, — напряженно похвалила я.

Флуктуация сдержанно засветилась, смутилась и стала осматривать местность.

— Захлопнули вас? — сочувственно сказала она, ежась от фиолетового сияния. — Да уж, точно рыбки в банке, ничего не скажешь...

Крендель привязан к газете, но элементаль спокойно путешествует вне Академии!

— Послушай! — выпалила я, скрестив все пальцы. — На тебя же не действует телепортационный запрет?

— Естественно! — хмыкнула элементаль. — Эти ваши телепорты — слишком грубая работа. Открывайте ворота, ежели вам угодно, а мне так и через дырочку удобно пролезть...

— А нас через нее ты можешь провести? — напрямую спросил Эгмонт.

Флуктуация уставилась на него большими серьезными глазами.

— Вы что, в самом деле этого хотите? — тихо спросила она.

— Можешь или нет? — повторил Эгмонт. — Я слышал, в древности люди ходили по вашим дорогам.

Она покачала головой и перевела взгляд на меня:

— А ты чего скажешь, хозяйка?

— Это очень опасно?

— А ты как думаешь? — Элементаль почесала ложноножки одну об другую. — Опасно конечно же. Может, вам с КОВЕНом

встретиться, и то лучше выйдет. Кто знает, вдруг я вас в Хох-ландию закину или еще куда...

— Да хоть в Аль-Буян! — хором сказали мы с Эгмонтом.

Сигурд опустошал гномью кассу, бормоча, что здесь все и так наверняка застраховано.

Элементаль прищурилась.

— А может и вообще никуда не вынести, — поведала она таким голосом, каким обычно говорят: «В черном-черном городе...» — И косточек не найдут! — замогильным тоном добавила флуктуация, усилив первое впечатление.

Мы с Рихтером переглянулись.

— Схватка с КОВЕНом обойдется нам дороже. В конце концов, при телепортации тоже существует изрядный риск. Сигурд, что скажешь?

— А чего тут говорить? — удивился оборотень. — Ты лучше сумку обратно запихни, а то для Яльги она тяжелая. А ты... — он попытался подобрать уважительное обращение к элементали, но не преуспел, — ты нас постарайся перебросить кудой-нибудь так на север. К Хребту Драконьему либо и вовсе к Конунгату.

— Да, — сказала я, чувствуя некоторое облегчение. Все же решать пришлось не мне. — Ты уж постарайся, хорошо?

— Хорошо... — автоматически пробормотала элементаль, но тут же взвилась: — Да какое там! Куда получится, туда и заброшу, лишь бы от КОВЕНа да от Цвирта подальше!

Я потянулась за газетой, и мгымбрик с коротким писком растворился в воздухе. Он все записал, дошло до меня. Стало быть, получится репортаж для какого-нибудь номера в отдаленном будущем. Ведь настанет же такое будущее, когда мы вернемся в Академию, а все, что сейчас происходит, станет поводом для шуток!..

Газета отправилась в сумку, а сумка — в ухоронку. Элементаль напряженно следила за моими действиями, и видно было, что она очень недовольна, но противоречить прямому приказу все же не смеет.

— Этому... Ривендейлу, может, чего передать? — буркнула она.

Я не вспоминала о Генри, Хельги, Полин и близнецах все то время, которое мы провели в лесах, и сейчас мне сделалось неловко. У них сейчас сессия, наверное... если КОВЕН не поставил всю Академию на уши. Но передавать было нечего, и я молча покачала

головой, только потом удивившись, почему флуктуация ничего не сказала о других моих друзьях.

— Ну, если вы и впрямь так решили... — Я в жизни не видывала более мрачной элементали. — В таком разе беритесь за руки — и покрепче! — и становитесь к той стене. Сейчас я вам северное направление открою и, как только увижу что пошире, сразу отмахну. А вы ушами-то не хлопайте, прыгайте!

Эгмонт, отыскав где-то тряпку, стер с пола все свои квинтаграммы, и мы выполнили, что сказано. Элементаль переместилась к противоположной стене и испытующе посмотрела на меня. Я кивнула.

Резким движением флуктуация раздернула мироздание, и нас окружила его изнанка — такая, какой ее видят элементали. В пустоте, которая в то же время была невероятно плотной, открывались и схлопывались туннели. Большинство было узкими, имелись и очень узкие, но то и дело в разных концах открывались огромные неровные дыры. Они исчезали почти мгновенно: я не успевала даже моргнуть.

Кроме дыр и пустоты, здесь не было ничего — ни света, ни тьмы. Правой ладонью я чувствовала Эгмонта, левой — Сигурда; я обернулась было посмотреть на уже покинутую комнату, когда раздался почти мучительный крик элементали:

— Да прыгайте же! Чего вы ждете?!

Прямо перед нами открывалась дыра — самая большая из всех, которые я успела увидеть. Элементаль, здесь выглядевшая как расплывчатое радужное пятно, поспешно нырнула внутрь и задержалась у края. Когда дыра начала смыкаться, она выпрямилась, всеми силами удерживая проход.

— Сквозь меня, хозяйка! Быстрее!

Здесь не было материи, здесь действовала иная физика; мы оттолкнулись от ничего и прыгнули в ничто. Дыра подергивалась, стараясь срастить края, но мы уже нырнули внутрь, пройдя через радужную дымку. Я не успела даже поблагодарить верную флуктуацию.

Навалилась темнота. Мы падали, падали через нее, проходя как нож сквозь масло, и впереди черным цветком распускалась еще большая пустота.

— Пять... шесть... семь... — шепотом считал Сигурд.

Темнота вдруг покрылась сияющими трещинами, и почти мгновенно мы провалились в яростный слепящий свет.

7

— Хватит валяться, Ялька, город рядом!

Я открыла глаза. Надо мной нависал жизнерадостный Сигурд, а еще выше виднелись сосновые ветки, сквозь которые проглядывало белое облачное небо.

— Ты как? — сглотнув, осведомилась я. Руки-ноги у меня были целы, голова не болела, да и самочувствие было вполне удовлетворительным.

— Вполне! — заверил волкодлак. Он протянул мне руку, и я после короткого колебания воспользовалась этой помощью.

Подошел Эгмонт, тоже выглядевший вполне нормально.

— Все хорошо, — не то спросил, не то резюмировал он, окинув меня взглядом. — Кажется, мы действительно на севере. Твоя элементаль — просто сокровище.

Еще бы! Она же моя.

— Интересно, ей не навредило?..

— Не должно бы. — Эгмонт вдруг улыбнулся. — Ха! Хотел бы я посмотреть, с какими лицами наши коллеги будут обыскивать лавку!..

— Идемте же, — призвал Сигурд. — Тут недалеко, а город большой, много чем пахнет.

Он не обманул. Мы шли по лесу от силы минут пятнадцать, когда между стволами замелькали просветы. Скоро лес уже остался позади, а перед нами показалась высокая надвратная башня. Вправо и влево от нее отходили прочные стены красноватого крапчатого камня. Ворота, окованные железными полосами, были закрыты, и на левой створке висело какое-то объявление, надежно прибитое за все четыре угла. Когда мы подошли поближе, стало заметно, что вид у объявления изрядно потрепанный. Проступали тщательно замытые подозрительные пятна, в двух местах пергамент был надорван, и мне отчего-то показалось, что в свое время он водил близкое знакомство с мусорной кучей.

На объявлении было криво, но отчетливо выведено: «Крайград».

— Вот и приехали к жениху, — меланхолично заметила я, рассматривая вмятину на одной из железных полос.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой звенят мечи и монеты, грустят боевые верблюды и гневаются финансисты, Марцелл Руфин Назон руководит боевыми действиями, близнецы аунд Лиррен находят весьма остроумный способ решения старинной алхимической проблемы, пыль стоит столбом, а мораль все та же — не следует доверять излишне предприимчивым эльфам

1

Летнее погожее утро уже успело выкрасить нежным светом три башни из четырех и понемногу подбиралось к последней, когда во внутренний двор Академии Магических Искусств вышли адепты аунд Лиррен. Настроение у обоих было замечательное, и на то имелось множество разнообразных причин.

Во-первых, с посевными работами было покончено. На клумбах, которые уже обнесли крепостной стеной высотой в полтора кирпича, зеленели первые всходы. Для того чтобы тюльпаны проклюнулись так быстро, потребовалось вмешательство магистра Лайквалассэ, основной специальностью которой оказалось разведение разнообразных магических трав. Близнецы пустили целых четыре слуха о том, какой узор образуется на клумбе, когда тюльпаны расцветут, и теперь сами не помнили, что там будет на самом деле.

Во-вторых, за воротами Академии (эту последнюю границу магистр Буковец защищал, что называется, грудью) шумел и волновался, как море, самый настоящий восточный базар. Подобно всем молодым эльфам, Эллинг и Яллинг страшно любили все шумное, нахальное и блестящее, а все эти слова как будто созданы для того, чтобы характеризовать царящий за воротами хаос.

Базар этот следует описать подробнее. Он возник стихийно, сам по себе, как возникают все восточные базары. Корни его прятались в тени небольшого походного шатра на тридцать четыре комнаты, где проводил дни в мечтаниях, томлениях и уроках лыкоморского языка влюбленный принц Саид. Поначалу его окружали только полосатые шатры придворных да стоял особняком синий, в золотых звездах шатер южного мага. Потом им пришлось подвинуться: слуги поспешно вкапывали золоченые столбы и

растягивали багряный шелк для шатра возлюбленной пери, буде она возжелает почтить своим присутствием счастливейшего из смертных, властителя земли Каф. А уже оттуда, почтительно обходя государев шатер, разбежались во все стороны навесы, шатерчики и обычные деревянные лотки, прикрытые тенью от широких зонтов с живописно разлохмаченными краями.

Здесь торговали едой, фруктами, кроликами, голубями, баранами и лошадьми. Здесь продавали ткани, специи, благовония, женские пояса, украшенные цепочками и монетками, полосы западного кружева и восточного шелка. Здесь покупали украшения, золотые и серебряные слитки, сено, дрова, арбы, телеги, а также ковры, карты, глиняные фигурки Саида и прекрасной Полин (последние — исключительно из-под полы и предварительно оглядевшись). Здесь зазывали, кричали, хватали за одежду и торговались за каждый медный грош; здесь дрались собаки и пели чангиры; то там то тут люди разной степени подпития видели вращающегося дервиша, но этот факт еще не был как следует подтвержден.

Сбоку, у самой веревки, ограждавшей поле для бугурта, стоял на привязи боевой верблюд. Его пытались продать уже вторую неделю, и это не лучшим образом отразилось на характере животного.

Все началось с того, что двор властителя земли Каф неожиданно осознал, что торжественный визит их господина несколько затягивается. Так отчего же не заработать монетку-другую? Все они были необычайно благородны, а благородные роды земли Каф, как гласят предания, происходят от береговых пиратов. В незапамятные времена на месте бесконечных пустынь и редких оазисов бурлил и шумел великий океан Тердис. Словом, умение считать деньги было у этих вельмож в крови.

Скинувшись понемногу, они сумели воспользоваться помощью западного мага, специалиста по телепортам. Основная часть денег ушла на взятку, и для придворных принца Саида была нарушена телепортационная блокада, которую уже вторую неделю держала половина столичных магов. Ну а открыть единожды созданный телепорт — не такое уж и сложное дело.

В столицу Лыкоморского государства широкой рекой хлынуло восточное золото. Только совместные усилия нескольких ведущих гномьих банков помогли удержать ситуацию под контролем. Ну и получить прибыль — как же без этого?

Помимо гномов отличился и младший сын дома де Максвилль, достойный Валентин. Неизвестно, как у него было с некромантией, каковую он, по слухам, учил со всем тщанием — придворные принца не успели узнать его с этой стороны, чему были несказанно рады, — однако через два дня после определения рыночного права и установления подобающих пошлин совершенно неожиданно выяснилось, кто держит на руках контрольный пакет акций. Парочку ценных бумаг приобрели и близнецы аунд Лиррен, традиционно предпочитавшие черный нал.

Несмотря на то что время было раннее, базар давно уже проснулся и вовсю торговал. Братья прошлись по рядам, придирчиво понюхали порох трех разных сортов и купили себе по лепешке с мясом, запеченной на внутренней стороне большой цилиндрической печи. Эллинг подмигнул гурии, слюбопытством высунувшейся из-за розовой занавески, Яллинг перехватил руку маленького воришки, нацелившегося на его кошелек, и показал ему парочку действенных приемов. И гурия, и юный специалист смотрели вслед братьям с немым восхищением во взгляде.

Сквозь утреннюю дымку виднелись высокие минареты, поднимавшиеся в небо с двух сторон от круглого синего купола. За считаные часы восточный маг возвел прекрасный храм с арками, нишами, витражными окнами и местом для омовения. Пять раз в день оттуда долетал голос Призывающего к Небесам, а в остальное время каждый час туда водили экскурсии — пятнадцать серебряных монет, полчаса знакомства с Востоком. Братья аунд Лиррен сходили в числе первых и смогли полюбоваться на Ликки де Моран, сверкавшую глазами из-под низко завязанного платка. Эта часть экскурсии запомнилась им лучше всего.

Близнецы прошли базар насквозь и очутились возле пограничной веревки. Направо заканчивались — или начинались, как посмотреть! — торговые ряды, налево лежало поле для бугурта. Эту идею подал Марцелл Руфин Назон, в отсутствие Рихтера вдруг припомнивший, что происходит из древнего патрицианского рода. Директор Буковец уже почти ничему не удивлялся, а Марцелл развил нешуточную деятельность. Был арендован подходящий пустырь, из реквизита театральной студии позаимствовали набор оружия, доспехов и трон, который долго обвязывали белыми и розовыми лентами. Предполагалось, что в конце недели на него воссядет избранная всеми королева Любви и Красоты. Марцелл Руфин был не только храбрым, но и умным, с принцем Сан-

дом ссориться не собирался, так что в личности королевы сомневаться не приходилось.

По понедельникам, средам и пятницам на ристалище проводились бои. Рыцари в подвязанных над коленями шоссах, витязи в обмотках, лацианцы в белых туниках и свирепые южные дикари в юбочках из перьев — все они сходились в бою стенка на стенку, и между рядами сражающихся с возбужденными воплями носился длинноволосый пират в красной бандане, увешанный цепочками и висюльками. От него изрядно пахло лыковкой — это чуяли даже зрители в задних рядах. Словом, было весело.

Далее располагались разноцветные палатки, где тоже шла торговля, но уже другого плана. Здесь продавали украшения (очень исторические, вот точно такой браслетик носила сама королева Мари-Аннет!), луки композитные и не очень, стрелы пучками и поштучно. Неподалеку можно было пострелять из лука — за одну серебрушку пятнадцать выстрелов, при покупке лука первые десять выстрелов бесплатно. Мишенями служили три мешка, подвешенные на веревках, — их презентовали как «злобного трехголового мгымбра», по этому поводу Крендель развернул нешуточную агитационную кампанию. В пятнадцати шагах от лучников стояли конкуренты — арбалетчики с отполированными до зеркального блеска прикладами. Далее продавались тканые пояса, детали доспехов, шлемы, мечи и щиты, краски для гербов и много всего прочего. Отдельно следует упомянуть легионы оловянных рыцарей, в точности изображавшие воителей, что каждый день сходились на поле. Особым спросом пользовался маленький оловянный Марцелл Руфин Назон. На одном лотке существовала целая коллекция Марцеллов: злобный Марцелл в рогатом шлеме, грызущий поганку; Марцелл в лаптях и косоворотке, с секирой в одной руке и бутылкой лыковки — в другой; Марцелл в широких шароварах, с голым торсом, с кривой саблей и боевым верблюдом наперевес; невозмутимый Марцелл в чалме верхом на крашенном в белый цвет слоне; и наконец, Марцелл в эксклюзивном доспехе, который он и носил в действительности, — в кольчужных портках и развевающемся алом плаще. Под мышкой у последнего Марцелла был зажат двуручный меч.

Коллекция шла на ура. Мастеровые гномы едва успевали отливать и раскрашивать новых Марцеллов.

Приблизившись, близнецы увидели, что между рядами слоняется бледный, невыспавшийся и весьма недовольный жизнью

Генри Ривендейл. Вампир был самым страшным кошмаром устроителей бугурта. Он критиковал все — от стихотворных текстов до оперения стрел, от правил блазонирования до длины лэнса. Хуже всего в ситуации было то, что в оружии и турнирах наследный герцог действительно разбирался лучше многих, и ответить на его выпады частенько было нечего. Только дважды с ним осмелились вступить в спор; в первый раз Генри выиграл, в пух и прах разгромив соперника, а во второй ухитрился прийти к консенсусу, невероятно обрадовался и даже пригласил противника в родовой замок. Эллинг и Яллинг попытались раскрутить его на подробности, но Генри был краток. «Приятно видеть, что кто-то разбирается в шпагах», — лаконично заметил он и больше к этой теме не возвращался.

Сегодня ему не поглянулись кольчуги. Издалека близнецы видели, как он что-то насмешливо говорит продавцу и тот понемногу начинает злиться. Эллинг подтолкнул Яллинга локтем в бок: Ривендейл в небрежной позе остался стоять перед палаткой, а торговец исчез внутри. Вернувшись, он триумфально потряс соломенным чучелом, на которое стал немедленно натягивать предмет спора.

Генри позаимствовал на соседнем прилавке длинный лук и со скучающим видом ждал, пока чучело, одетое в кольчугу, не установят на сообразном расстоянии от него. Близнецы тем временем карабкались на пригорок, чтобы увидеть действо во всех подробностях. К сожалению, ветер относил слова в сторону, зато было прекрасно видно, как Генри натянул тетиву до груди и стрела пробила чучело насквозь. Вместе с кольчугой.

— Хорошо еще Ильги нет, — резонно заметил Эллинг.

— Хорошо, что Рихтера нет, — поправил его Яллинг.

Оба были по-своему правы. Студентка Ясица, с ее расспросами и неуемным любопытством, была бы язвой пострашнее Ривендейла, ну а магистр боевой магии вряд ли стерпел бы кольчужные портки.

2

Чучело отволокли обратно в палатку — что характерно, не снимая кольчуги и не вытаскивая стрелы. Зоркий Яллинг уже углядел, что в напарниках незадачливого торговца ходит самый насто-

ящий гном. Не приходилось сомневаться, что уже на этой неделе какой-нибудь постоялый двор сменит название на «Славный стрелок» или «Стрелы Рив-э-Дейла», а сумма, полученная за право так называться и за вещественное доказательство одновременно, с лихвой покроет стоимость той несчастной кольчужки. Вот как нужно делать деньги!

У братьев аунд Лиррен были обширные планы. Они не уставали мысленно благодарить прадеда нынешнего лыкоморского государя, позволившего всем гражданам своей страны равноправно заключать и разрывать сделки. Конечно, это давало повод некоторым не самым умным людям утверждать, что их раса якобы притесняется и гномы уже захватили всю промышленность, а эльфы овладели инфраструктурами. Разумеется, это было не так. Во-первых, интересы эльфов не ограничивались инфраструктурами, а во-вторых, людей в экономике имелось очень много. Просто они были не такими заметными, и для Податного Приказа — в том числе.

А для реализации нынешних планов братьям аунд Лиррен был позарез необходим Генри Ривендейл.

Близнецы спустились с пригорка, точно подгадав тот момент, когда герцог окажется неподалеку. Благородный вампир шел в сторону Академии; был он мрачен, но доволен, причем первое объяснялось низким качеством товара, а второе — собственной проницательностью. Эллинг зашел слева, а Яллинг справа, и некоторое время они шли в почтительном молчании.

Генри выдержал не дольше минуты.

— Ну? — заинтересованно спросил он.

— А мы видели, как ты из лука стрелял! — похвастался Эллинг. — Здорово, правда, Ялле?

— Здорово, — подтвердил Яллинг. В его глазах светился почтительный восторг, и Генри мигом заподозрил неладное. — Вжик! Вжик! Стрелы аж свищут!

Увлекшись, эльф даже показал, как именно они свистели. «Не переигрывай», — одними бровями просигнализировал ему старший брат.

Слышать такое от эльфа было весьма приятно, но герцог Ривендейл недаром проучился с близнецами без малого год. У Эллинга и Яллинга всегда наготове имелся подходящий розыгрыш, и следовало быть начеку. Генри более чем хватило поединка с Ялькой, не говоря уж о ехидной песенке в ромском стиле.

— А кольчугу-то — р-раз, и готово! — продолжал Яллинг, восторженно закатывая глаза.

Было видно, что в таком вот духе эльф способен вещать, пока не надоест, — кому именно надоест, гадать не приходилось, ибо скудное терпение Ривендейла уже подходило к концу.

Тут герцог вспомнил еще кое-что и преисполнился самых черных подозрений.

— История с Ульгремом — ваших рук дело?

Близнецы переглянулись с довольным видом. Яллинг на полуслове оборвал длиннейший пассаж, все больше начинавший напоминать панегирик.

— Это с черным костюмчиком, элегантным таким? — Эллинг задумался, будто припоминая, о чем речь. — У которого еще рукава так оригинально пришиты?

— Это с лакированными туфлями в тон, которые нужно носить редко и бережно, по особо торжественным случаям? — Яллинг хихикнул, и братья хором закончили:

— Не-а! Мы про это вообще ничего не знаем!

«Не знаете вы, как же!» — мрачно подумал наследный герцог. История незадачливого Хельги вмиг облетела пол-Межинграда, и в ней издалека чувствовался стиль, присущий двум неким отпрыскам древнего эльфийского рода.

Дело обстояло следующим образом.

Несколько дней назад Ликки де Моран, признанная первая красавица курса, решила познакомить наконец Хельги со своими родителями. Вампир с готовностью ухватился за это предложение, потому что Ликки была ветрена и обидчива в той же мере, что и красива. По важности этот визит можно было смело приравнивать к царской аудиенции; Хельги полагал, что характером его девушка удалась в мать, так что ему надлежало выглядеть солидно, торжественно и респектабельно.

Хельги очень любил выглядеть солидно, торжественно и респектабельно, однако сейчас с этим были некоторые сложности. Судьбоносный визит однозначно требовал строгого черного костюма и туфель в тон — то есть именно того, чего у вампира отродясь не водилось. Идти на встречу с будущими родственниками — пока только потенциальными, но кто его знает!.. — в чужом костюме было немыслимо. Ликки, с ее удивительным чутьем на вранье, никогда бы ему этого не простила.

По ужасному стечению обстоятельств, Хельги как раз находился на финансовой мели. На прошлой неделе подряд произошло несколько торжественных событий: день рождения Хельги, на который он не пожалел ни денег, ни сил, день рождения Ликки, который тоже пришлось отметить как подобает, полгода со дня их знакомства, пять месяцев с первого свидания... Завершил эту череду празднеств воскресный поход в эльфийскую кондитерскую, заново открывшуюся в Старом городе. Там подавали любимое лакомство Ликки — трехслойный торт с фруктами, безе и марципановой крошкой, — которое, увы, тоже стоило денег.

Вампир пребывал в состоянии, очень близком к отчаянию, когда небеса, вняв его мольбам, послали ему советчика. Генри всерьез подозревал, что советчиков было двое, но официальная версия этого не сохранила.

— Хельги! — радостно сказали вампиру. — Не горюй, друг, выход есть всегда!

И коварные злодеи поведали доверчивому вампиру о существовании некоей лавочки, где их дальняя родственница, весьма достойная эльфийка, торгует приличными костюмами по скромным ценам. По описанию костюмы были так хороши, а цены — так заманчивы, что вечером того же дня Хельги Ульгрем перешагнул порог пресловутой лавки.

Через полчаса он уже перемерил весь ассортимент и пришел в восторг. Советчики ничуть не приврали: все костюмы были пошиты из хорошей ткани по отменным лекалам, а цены оказались даже ниже, чем рассчитывал знакомый со столичной жизнью вампир. Почти все, что он примерял, сидело как влитое. Хельги никак не мог решить, какой именно костюм он возьмет; у него даже мелькнула мысль купить два (все едино дешевле, чем в остальных лавках!), но на невозмутимом лице эльфийки промелькнуло изумление, которое его отрезвило. Ну зачем ему два почти одинаковых костюма?

— А у вас есть такой же, но с перламутровыми пуговицами? — для очистки совести спросил он.

— Нет, -- покачала головой хозяйка. — Знаете, почему-то не пользуется спросом.

Хельги пожал плечами:

— Странно. Я бы купил.

Эльфийка внимательно смотрела, как он поправляет лацканы, и немного хмурилась, будто пытаясь что-то понять. Потом ее лицо просветлело, и она спросила:

— Сударь, а вы, часом, не боевой маг?

— Точно, — довольно откликнулся Хельги.

— То-то я смотрю и думаю... Ну, сударь, вам-то оно, может, и пригодится. Сразу видно, предусмотрительный молодой человек...

Хельги покивал, но ничего не понял — впрочем, в общении с эльфами это практически норма. Можно подумать, что только боевые маги ходят знакомиться с родителями своих будущих невест! Всем остальным, надо полагать, достаются круглые сироты?

Определившись с костюмом, Хельги перешел к стойке с туфлями. Здесь выбор тоже был невелик, но замечательные цены с лихвой искупали небольшой ассортимент. Вампиру пришлась по душе первая же пара: отличная кожа, удобная колодка, смешная цена. Практичный Хельги покачался с пятки на носок и с носка на пятку, попрыгал, походил и остался совершенно доволен. Денег с избытком хватило на строгий галстук (других все равно не было) и на белоснежный платочек с изящной черной вышивкой. Платочек Хельги намеревался запихнуть в нагрудный карман, острым уголком вверх. Расщедрившись, хозяйка преподнесла ему подарок от заведения — белую рубашку в фирменной упаковке. Ее вампир и примерять не стал — и так понятно, что подойдет. Да и упаковали ее красиво, жалко было разворачивать.

На следующий день Хельги зачем-то решил примерить костюм еще раз — и с негодованием выяснил, что рукава пиджака пришиты на живую нитку, а рубашка и вовсе оказалась бракованной: она состояла из переда и воротничка. Пылая праведным гневом, Хельги, понесся в лавку отстаивать права потребителя. Он мчался по Межинграду с огромным пергаментным свертком, а из одежды на нем были только черные брюки с идеально проглаженными стрелками да лакированные туфли в тон.

У порога лавки вампир выяснил, что подметки протерлись до дыр. Это усугубило его негодование: а что, если подметка отвалилась бы послезавтра, во время визита? Что подумала бы о нем почтенная госпожа Ортанс де Моран? И что сказала бы Ликки?

Примерно то, что сказала бы Ликки, он и выложил владелице лавки. Та даже не пыталась его перебить, но с каждой его разгневанной репликой ее брови поднимались все выше. Под конец они совсем спрятались под челкой. Малиновый от гнева, Хельги почти выдохся и уже не знал, как еще выразить свою ярость, — только тогда эльфийка поправила шпильки, сложила руки в замок и очень выразительно сказала:

— Видите ли, молодой человек... Никогда прежде мы не получали жалоб на качество продукции, потому что вы первый наш клиент, ведущий столь активный образ жизни. — «Активный?!» — задохнулся от возмущения Хельги, но эльфийка продолжала, остановив его мягким движением руки: — Все прочие, сударь, лежат спокойно, а если вдруг и решают прогуляться, то ваши коллеги немедленно спешат положить этому конец. Вы поняли, что я имею в виду?

Хельги понял, но не поверил. Тогда эльфийка за руку вывела его на улицу и показала белую ленточку, повязанную на вывеске. День был ветреный, ленточка так и развевалась, грозя сорваться и улететь.

— Белый цвет — знак скорби, — наставительно сказала хозяйка. — У нас не принято писать на лавке «Ритуальные услуги» — это очень дурная примета. Да раньше все и так догадывались...

— Понятно, — процедил сквозь зубы вампир и поспешил ретироваться. Эльфийка, прикрывая ладонью глаза от солнца, смотрела ему вслед и только качала головой. «А соседи-то что решат!» — весело думала она. Не каждый день в лавку врываются полуголые адепты Академии Магических Искусств...

— У вампиров это что — народное? — по слухам, спросила Шэнди Дэнн, одной из первых прослышавшая об этой истории. — Сперва Ривендейл, теперь вот Ульгрем... сколько у нас там вампиров учится?

— Не суть важно, коллега, — смиренно вздохнул директор. — Только бы Рихтер вернулся — не к летней сессии, так хотя бы к зимней. А эти пусть бегают...

Но на этом история не закончилась. Хельги не был бы Хельги, если бы он не попытался повернуть все к своей выгоде. Договорившись с портным и сапожником, через день он уже имел на руках костюм с пришитыми рукавами, обувь на новехоньких подметках и был полностью готов к общению с семьей де Моран. Ликки же все равно не узнает!

Но Ликки знала все — история вмиг разнеслась по Межинграду. Хельги немедленно был учинен невероятный скандал; вампир уворачивался от кружек, тарелок, склянок с зельями и собственных подарков (последние он старался ловить, чтобы не сломались). Под конец девушка разразилась слезами и выставила Хельги за дверь, предварительно всучив ему оба заново оторванных рукава. Вампир обиделся, и отношения оказались на грани разрыва.

Возле Ликки немедленно возник Яллинг (может быть, впрочем, что не Яллинг, а Эллинг). Он улыбался, сочувственно вздыхал, открывал дверь и подавал чашку — и понемногу Ликки начинала выделять его из толпы, втихомолку прикидывая, как вписать новое свидание в исчерканный ежедневник. Хельги же тем временем извлек из неиссякаемых недр алхимического факультета какую-то Элен, коротко стриженную, с крашеными в рыжий цвет волосами, которая смотрела на него чуть приоткрыв рот и не уставала восхищаться его хозяйственностью.

Жизнь продолжалась.

3

— Но нам от тебя не того надо, — серьезно сказал Эллинг. Генри посмотрел на него: эльф выглядел собранным, деловитым, и в глазах его светилось нечто новое, суровое и чуточку мстительное. — Ты — герцог, сын герцога; может, захочешь поучаствовать в торжестве справедливости?

— Какой именно справедливости? — насторожился Ривендейл.

— А Валентин де Максвилль уже согласился... — невинным голоском сообщил Яллинг, но вампир не поддался на эту элементарную уловку.

— Еще скажи, что согласился Хельги Ульгрем!.. В чем именно проблема и что от меня требуется?

Братья переглянулись еще раз и одновременно указали на стоящее у дороги одинокое дерево. Это была могучая ива, ветви которой свисали почти до самой земли. Толстые корни выступали из почвы, и между ними у самого ствола стояла небольшая скамеечка. За серебристо-зелеными ветвями ее почти не было видно.

— Присядем? — озвучил общую мысль Яллинг. — А то в ногах правды нет!

Они сели, причем братья устроились с разных сторон от Ривендейла, и Генри понял, что чувствует военачальник, когда его армия попадает в кольцо.

— Помнишь, мы зимой сильно проигрались в карты? — начал Эллинг, по-прежнему нехорошо блестя глазами. — Пытались занимать у всех подряд, но не смогли покрыть даже трети долга?

Генри, помедлив, кивнул. У него самого тогда с деньгами было негусто, и он едва ли смог бы особенно им помочь.

— Тогда мы обратились к одному человеку... дворянину... которого все трое прекрасно знаем. Он занимается финансовыми делами — утверждает, что только для развлечения. Для развлечения, как же! — Яллинг презрительно фыркнул. — Да порядочные дворяне деньгами исключительно расплачиваются! Финансы — что за дело для дворянина! Охота, карты, куртуазия, военная служба, сопровождение сюзерена вплоть до самой кабинки с ромбиком...

— Далее, — суховато приказал Ривендейл, которому набросок идеального дворянина показался слишком уж ехидным.

— Далее, — Яллинг чуть наклонился вперед, — мы получили деньги под оговоренный процент. Через месяц нам прислали вспомоществование, да и стипендию начали выдавать... Словом, мы явились к этому... кредитору — и выяснили, что процент, оказывается, ухитрился вырасти вчетверо!

Генри присвистнул. Он был не де Максвилль, но и ему схема показалась откровенно грабительской.

— Вот-вот! — Эллинг малость успокоился и теперь опять был ехиден и многословен. — Нет, денежку-то мы заплатили... всю заплатили, до последней монетки, пол-Академии нам давало взаймы, два магистра в том числе! Но мы, Генри, не злопамятные, мы все записываем. — В подтверждение своих слов он вытащил из кармана длинную смятую полосу пергамента.

— Настало время и пробил час! — патетически возгласил Яллинг. — Будь уверен, этот прижимистый гад сто раз пожалеет, что посмел задеть своими грязными лапами наши...

— Кошельки? — усмехаясь, предположил Генри.

Повисла короткая пауза.

— Нет, — с достоинством объяснил Эллинг. — Профессиональные качества. Ты считаешь, это не повод?

Генри немного подумал. Общий знакомый был редкостной свиньей, несмотря на аристократическое происхождение. Сумма процентов, нежданно-негаданно выросшая вчетверо, поразила молодого герцога до глубины души. Он все же был вампиром, и экономность была у него в крови. Кроме того, лестно поучаствовать в одном деле с такими мастерами по творческому созданию неприятностей, как близнецы аунд Лиррен.

— Я думаю, это повод! — решительно сказал он, рубанув по скамейке ребром ладони. — Каков ваш план и какова моя роль?

Близнецы просияли. Кажется, они не до конца верили, что он согласится.

— План мы тебе сейчас расскажем, — торопливо заговорил Яллинг. — Он простой, но очень свирепый. А твоя роль только в том, чтобы делать морду ящиком, цедить слова в час по чайной ложке... ну, это ты и так... э-э...

— И так хорошо изобразишь — чай, всякого навидался, — перехватил Эллинг, бросив на младшего брата неласковый взгляд. — А вообще-то ты должен свести нас с ним на пиру и дать короткую рекламу нашему гениальному изобретению.

— И что же вы изобрели? — Генри сам не ожидал, что заинтересуется всерьез.

Близнецы скромно потупили очи.

— Да так... пустяки... — выдавил Яллинг. — Всего лишь машинку...

— Для превращения мусора в золото, — закончил его брат. — Хочешь опробовать?

Получасом позднее Генри закончил детальный осмотр гениального эльфийского изобретения. Близнецы не обманули: изобретение воистину было гениально. Самому Ривендейлу в голову не пришло бы такое решение, и он с изумлением понял, что аунд Лиррен способны быть очень опасными врагами.

Внешне машинка напоминала тумбочку. Была она невысока и коренаста, имела два отделения: одно большое, для мусора, второе — маленькое, для монет. За раз она могла выдать ровно одну золотую монету — новенькую, блестящую, с четко видимым профилем Державы Путятича. Перерыв между подходами к снаряду составлял ровно сутки. Как-никак машинка была пробным экземпляром!..

Впоследствии братья обещали повысить производительность агрегата.

Генри собственноручно засыпал совочек мусора в большой ящик и с нежностью наблюдал, как машинка заурчала и начала содрогаться в корчах. Посодрогавшись с минуту, она выплюнула в подставленную ладонь новехонький золотой. Естественно — не без злорадства подумал Генри, — монетка во всем походила на настоящую.

Месть была воистину ужасна.

4

На следующий день после этого знаменательного разговора состоялась очередная вечеринка, проходившая под девизом «исключительно для своих». Сливки столичного общества — аристократия, финансисты, богемный бомонд — собрались в одном из загородных поместий, где было принято спасаться от невыносимой жары. Жара в этот год была не такая уж и невыносимая, но не ломать же ради этого освященную веками традицию!

Ревнителем традиций и гостеприимным хозяином поместья был тот самый общий знакомец, еще не настигнутый коварной эльфийской местью. Звали его Мароу ди Бертолли, и был он выходцем из Южной Марки — следовательно, все выпады близнецов насчет подобающих и неподобающих для дворянина занятий теряли всяческий смысл.

Южная Марка, иначе — Эвксиера, крохотный клочок суши в Зеленом море, еще на заре времен поняла, что именно является главным двигателем прогресса. Сложно было этого не понять, обитая на пересечении всех торговых путей, ибо уже в те времена Зеленое море называли Кораблиной Лужей, намекая на изобилие триер, галер, кнорров и прочего водного транспорта. Из природных богатств на острове имелись горы, козы, непроходимые заросли шиповника и несколько чрезвычайно удобных бухт. Главными из них были две: Мраморная и Тихая.

Мраморная бухта была весьма гостеприимна: ее глубина и размеры позволяли принимать огромное количество кораблей практически любой осадки. Там наличествовали порт и таможня, а на ближайшей скале возвышалась круглая Дозорная Башня. Вдале-

ке извивалась городская стена, и в ясные дни из бухты было видно, как сверкает солнце на куполе Дворца Дожей.

Эвксиера конечно же была республикой.

Тихая бухта была почти полной противоположностью Мраморной. Там ничего не возвышалось, не блистало и не шумело, а если и шумело — то очень-очень недолго. На карты ее обычно не наносили, однако если бы нанесли, стало бы видно, что она имеет форму деформированной буквы Z, элементы которой отстоят друг от друга под почти прямым углом. Собственно бухтой называли нижнюю перекладину, глубоко вдававшуюся в сушу. Там никогда не бывало штормов — ветра с моря туда попросту не добирались, — и в синей, очень прозрачной воде кишмя кишела рыба.

Над Тихой бухтой не нависали сторожевые башни — ее защищала сама природа. На юге остров опоясывал горный хребет, и узкий вход в бухту закрывали поросшие лесом скалы. Не зная, где он, отыскать его было почти невозможно: как-то мимо него ровно двадцать три раза проплыл флот Аль-Буяна, посланный королем Альбертом, чтобы приструнить наконец эвксиерских пиратов. Разумеется, экспедиция кончилась ничем.

Но пиратов, как скажет вам любой эвксиерец, на острове нет. По берегам бухты селились обыкновенные рыбаки, — а плох тот рыбак, который не умеет управиться с длинным раскладным ножом! Плох тот старожил, который не поможет заблудившемуся кораблику найти правильную дорогу, и плох, в конце концов, тот хозяин, который не найдет, куда пристроить имущество с этого самого кораблика. Да и кораблик денег стоит.

Огибать южную оконечность Эвксиеры рисковал далеко не каждый. А умные люди, каковых во все времена было немного, разделяли остров на две части: Мраморную и Тихую.

Так вот, Мароу ди Бертолли появился на свет именно в Тихой.

Дворянство Эвксиеры рождалось в боях, но то были особенные бои. Бой за право иметь монополию на торговлю рабами; бой с конкурентами из Фредзигера, продававшими эмаль по вдвое более низкой цене; бой... но в истории Южной Марки подобных сражений было много. Кстати, никто уже почти и не помнил, кем был последний эвксиерский маркграф и какому сюзерену он целовал кольцо. Здесь не любили истории: она наводит патину. Эвксиерцы предпочитали блеск — тяжелый блеск золота, тонкий блеск се-

ребра, гордое сияние начищенной бронзы. И быстрый, как змеиный укус, блеск раскладных ножей.

Мароу ди Бертолли был истинным сыном своего острова. Он любил деньги, демократию и искусство в лице Златы Бржезовой, примы царского танцевального театра. Последнее плохо сочеталось с первым и постоянно требовало жертв. По меркам Эвксиеры, ди Бертолли был довольно знатен, но на Большой Земле, куда он перебрался, спасаясь от вендетты, его сперва даже не считали дворянином. Не стоит рассказывать всю историю этого человека — целиком, пожалуй, ее знали только он да банковские гномы, — но, добившись известности и богатства, он так и не смог получить одного: аристократического происхождения. И потому единственным, что он по-настоящему уважал, был набор из древности рода, благородства крови и некоторых знаков на фамильном гербе.

Генри Ривендейл располагал этим набором в полном объеме. На его гербе были изображены перелетные птицы; род Ривендейлов насчитывал уже не одно тысячелетие; и достаточно было взглянуть на то, с каким скучающе-надменным видом Генри рассматривал вино на свет, чтобы сразу же сообразить — вот он, эталон аристократизма! Ди Бертолли уважал его и побаивался, но он и думать не смел, что наследник вампирского герцога в самом деле примет его приглашение.

Меньше всего на свете наследник герцога хотел посещать чье-то загородное поместье. Он прекрасно знал, что его там ожидает, и оказался прав: в первом же зале его окружило множество девиц на выданье, по обычаю одетых в розовые платья, украшенные жасмином. Обычай этот давным-давно не соблюдался, но был возрожден исключительно для великолепного герцога, пускай пока и всего лишь наследного. Каждая из девушек была неприятно удивлена, увидев соперниц в платьях столь вызывающего оттенка. То, что Генри придет именно сюда, было, разумеется, величайшей тайной, и вызнать этот секрет каждой девушке стоило немалых усилий, в том числе и в денежном эквиваленте.

Близнецы аунд Лиррен работали не покладая рук.

Окруженный девицами, их матерями, отцами, кузинами и дуэньями, Генри Ривендейл начинал склоняться к мысли, что прорываться придется с боем. Он отставил бокал с мускателем и стал незаметно разминать пальцы. В этот момент он

услышал за спиной некоторое шевеление, и весьма почтительный голос произнес:

— Дорогой герцог, как давно мы вас не видели!

Генри обернулся. Позади, сияя бархатом, лысиной и золотой орденской цепью, стоял хозяин дома. Стоимость его костюма, включая ткань, пошив и украшения, превышала годовой бюджет небольшого горного княжества.

— Верно, мой друг, — небрежно отвечал вампир, отпивая из бокала.

Из-за широкой спины ди Бертолли выплыла Злата Бржезовая, и Генри понял, что сейчас ему придется туго. Голубые глазки знаменитой танцовщицы заблестели как две свечки, но синьор ди Бертолли был бдителен и не настолько уважал аристократию.

— Покушайте винограда, милая синьорина, — настоятельно посоветовал он. — А у нас пока исключительно мужской разговор.

Этот тезис опровергало розовое сборище, шелестящее, хихикающее и пахнущее жасмином, но умная Злата не стала спорить. Взяв с подноса бокал с золотистым вином, она медленно пошла к увитой розами арке, а хозяин дома принялся развивать заданную тему.

— Как вы редко у нас бываете, герцог! — отеческим тоном пожурил он. — Лишаете нас счастья принимать у себя потомка столь древнего рода... как говорится у эльфов... хм... — Тут он разразился длиннейшей цитатой на эльфаррине, смысл которой едва ли был ясен ему самому.

Для того чтобы выслушать ее со скучающим видом, Ривендейлу не пришлось прилагать никаких усилий. Это вышло само собой.

— Я действительно происхожу из древнего рода, — сказал он тоном, от которого на бокалах появилась легкая изморозь. — И потому мне хорошо известно, что такое долг. Мой отец, двадцатый герцог Ривендейл, отправил меня в Межинград, чтобы я постигал там суть магической науки, и потому, увы, я лишен радостей света.

Девушки хором вздохнули, трепеща веерами. Мароу ди Бертолли, кажется, пытался припомнить подходящую цитату на эльфаррине.

— Учиться, учиться и еще раз учиться! — выспренно произнес он по-лыкоморски, так и не вспомнив эльфийского первоисточника. — Вы являете подлинный пример сыновнего послушания.

Но разве достойно сына вашего отца обучаться здесь, в этом... Межинграде, когда в прекрасном Аль-Буяне к вашим услугам был бы древний Хогсфорд, оплот наук и...

Оплотом чего еще был древний Хогсфорд, слушательницы так и не узнали. Благородный Ривендейл с оскорбленным видом вскинул голову, и синьор ди Бертолли запоздало смолк.

— Надеюсь, сударь, — вкрадчиво начал Генри, демонстративно опустив ладонь на посеребренную рукоять фамильной шпаги, — вы имели в виду не то, что сказали. Двадцатый герцог Ривендейл не может ошибиться, тем более — выбирая поприще для собственного сына. Или, возможно, вы со мной не согласны?

Девицы затаили дыхание, предвкушая смертоубийство; телохранители синьора ди Бертолли задумались, в кого им, ежели что, надлежит стрелять; а сам синьор сперва замотал головой, потом, опомнившись, закивал, а потом, сам не зная что делать, только и смог отчаянно выдохнуть:

— О, mamma mia! Благороднейший герцог, я...

Помедлив, Генри убрал руку со шпаги. Девицы разочарованно присвистнули, вызвав недовольные возгласы дуэний, телохранители, напротив, мысленно вознесли хвалу небесам.

— Я вижу, вы просто не вполне владеете лыкоморским... — снисходительно обронил Ривендейл. — Это понятно. И потом, достаточно вспомнить, какие магистры преподают в нашей Академии, чтобы оценить уровень этого учебного заведения. К примеру, декан моего факультета — лучший боевой маг Лыкоморья.

Генри не стал уточнять, что за лучшим боевым магом охотится сейчас КОВЕН в полном составе, пока безрезультатно, что опять же только подтверждает уровень его мастерства.

— О мистрис Шэнди Дэнн и говорить не стоит. Ее имя и без того известно далеко за пределами обитаемого мира.

Мароу ди Бертолли побледнел, поплевал через левое плечо, не заботясь, кто там стоит, и сделал неумелый, но искренний знак от сглаза.

— А какие талантливые у нас адепты! — Генри восхищенно вздохнул.

Ди Бертолли тут же насторожился. Похоже, с талантами иных адептов он был знаком чересчур хорошо.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил он.

Генри развернулся налево, потому что правый профиль у него был более чеканным. Почти сразу его взгляд выхватил из толпы

две невероятно скромные эльфийские физиономии, одну из которых украшали квадратные очки в массивной черной оправе. Глазки за очками были очень испуганными. «Вот шельма!» — восхищенно подумал Генри Ривендейл. Вслух же он промолчал.

Ди Бертолли проследил направление его взгляда. Встретившись с ним глазами, близнецы засмущались, порозовели, а тот, что напялил очки, снял их и принялся протирать маленьким платочком подозрительной чистоты.

— Кажется, — медленно начал эвксиерец, — мне знакомы эти молодые люди. Они также учатся в Академии?

Герцог с достоинством кивнул.

— Это краса и гордость нашего факультета, — не лукавя, поведал он. — Все деньги, что присылают им из дома и что удается им заработать тяжким, поистине каторжным трудом, эти достойные молодые люди тратят не на развлечения или, хуже того, азартные игры — о нет! Они покупают исключительно книги, свитки, древние инкунабулы — все, что может являться вместилищем знаний.

Синьор ди Бертолли чуточку расслабился:

— Неужели совсем все деньги?

— Абсолютно все! — Генри патетически взмахнул дланью. — Скажу вам как другу — все свободное время они проводят во владениях магистра Зирака, сиречь в библиотеке. — Это тоже было чистейшей правдой: с тех пор, как в библиотеке обосновался принц Саид, гном даже не пытался изгнать оттуда близнецов. — И усилия их увенчались успехом! Они сумели разрешить древнейшую проблему алхимии, традиционно считавшуюся неразрешимой.

Глаза синьора ди Бертолли разом стали напоминать медные пуговицы. В алхимии он разбирался еще хуже, чем в эльфаррине, но перебивать герцога, вещающего столь страстно и вдохновенно, мог только самоубийца. Чтобы поддержать разговор, он вежливо спросил:

— Да-а?

— Я вижу ваш искренний интерес, — возрадовался Генри, — и это понятно! Еще бы: ведь до сих пор никому не удалось осуществить превращения мусора в золото!

Мароу ди Бертолли вытаращил глаза, потом спохватился и сощурился. Было видно, что его раздирают два противоположных чувства: с одной стороны, хотелось поверить, с другой — даже неучи знали, что подобные операции невозможны. Список магически

инертных материалов был не так велик, а золото всегда входило в него под первым номером.

Генри тем временем двумя пальцами выудил из внутреннего кармана тот самый золотой, что накануне выплюнула машинка, и торжественно предъявил его хозяину дома. Мароу ди Бертолли тупо уставился на профиль царя-батюшки, а Генри с интересом ожидал, когда до него дойдет.

Дошло на третьей секунде. Синьор ди Бертолли надкусил монетку, вновь уставился на миниатюрного Державу Путятича и перевел взгляд на изобретателей. Вот теперь было ясно, что живыми они от него не уйдут.

Близнецы тем временем развлекались вовсю. На вечеринку они явились в черной форме, выданной им полтора года назад гномом-завхозом. Все эти полтора года форма провалялась под кроватью, и сейчас это было очень кстати. Они краснели, заикались, не могли поддержать даже банального разговора о погоде и явно пугались малейшего женского внимания. Эллинг уронил веер одной из девиц, Яллинг сперва облил другую вином, а потом в знак извинения повел ее танцевать, где ухитрился оттоптать ей обе ноги. Для эльфа это было натуральным подвигом. Словом, они вели себя так, будто и впрямь никогда не вылезали из библиотеки, — и при этом девицы вокруг так и роились. «Вот интересно, — подумал настроившийся на философский лад Генри, — кто поймет женщину?» Близнецы и раньше пользовались достаточным успехом, но, во-первых, это было несравнимо с сегодняшними достижениями, а во-вторых, им приходилось прилагать определенные усилия.

«А Яльги бы в этой толпе девиц не было. Она совсем другая. И розовое платье она бы точно не надела. С ее-то чувством вкуса и тактом!»

Генри потряс головой. Он сам толком не понимал, что на него нашло, но в последнее время такие мысли появлялись совершенно из ниоткуда. Сейчас о Яльге Ясице не напоминало вообще ничто, а между тем Генри вспомнил ее так ярко, что мог описать и выбившуюся из косы тоненькую прядь позолоченных солнцем волос, и изящно очерченные брови, и маленькую темную родинку над верхней губой... Генри опять потряс головой. Синьор ди Бертолли смотрел на него с возрастающим испугом.

Чем дальше в прошлое отодвигалась Яльга, тем больше достоинств у нее выявлялось. Раньше она не казалась Генри и вполови-

ну такой... такой совершенной; честно сказать, раньше он считал ее внешность вполне посредственной, а теперь точно знал, что подобной ей девушки не было и нет. Кто придумал лживую поговорку, что все рыжие похожи друг на друга?

От мыслей о Яльге Генри Ривендейла спас синьор ди Бертолли. Амурные дела у него всегда стояли на втором, если не третьем плане, ибо он справедливо полагал, что женщины — это прежде всего большие расходы.

— Друг мой герцог, — зашептал он с неожиданно прорезавшимся эвксиерским акцентом. — Прошу вас последовать за мной в кабинет. Мы не можем дальше надоедать этим прелестным синьорам и в особенности синьоринам нашими скучными деловыми разговорами! Дворецкий проведет туда же ваших достойных однокурсников...

— Они учатся курсом старше, — справедливости ради отметил Генри, но ди Бертолли только махнул унизанной кольцами рукой:

— Как имена этих достойных Перворожденных?

— Не лишайте их чести самим представиться вам...

На этой фразе, самой изысканной, которую только смог придумать Ривендейл, они переступили порог хозяйского кабинета. Это была идеально квадратная комната, обставленная полностью в эвксиерском стиле: стены, обтянутые золотистой тканью, изящная мебель, над рабочим столом — панорама Мраморной бухты. Ривендейл обратил внимание на высокое окно, завершавшееся двойной аркой, — посредине стояла изящная колонна, а стекла были витражными. Кроме того, стоили внимания мраморный стол, украшенный золочеными фигурками путти, и роскошное пресс-папье в виде геральдического льва с раздвоенным хвостом.

— Прошу вас оказать мне честь... — Ди Бертолли самолично пододвинул Ривендейлу стул.

Тот сел, привычно поправив шпагу. В тот же момент в комнату вошли близнецы. От роскоши, куда им случайно довелось попасть, у братьев в буквальном смысле закружились головы. Эллинг молча хлопал глазами, оборачиваясь то к столу, то к окну, то к картине (всякий раз, когда он смотрел на пейзаж, ди Бертолли почему-то начинал нервничать). Яллинг протирал свои очки полой куртки и беспомощно хлопал ресницами. Не знай Генри, что у эльфов к двум рукам и двум ногам прилагается стопроцентное зрение, он решил бы, что бедняга-адепт не видит дальше собственного носа.

— Мои дорогие юные друзья! — Голос синьора Мароу можно было намазывать на дорогие ячменные хлебцы. — В этом кабинете собралось благороднейшее собрание: древность рода дополнена жаждой знаний, столь редким и ценным в наше время товаром!

Яллинг вздрогнул, выронил очки и закрутил головой, словно не зная, где их искать. Синьор ди Бертолли птичкой выпорхнул из кресла, осторожно подобрал очки и бережно вложил их в дрожащую руку эльфа. Яллинг поблагодарил судорожным кивком и тут же напялил очки на нос.

— Не стоит благодарности! — Эвксиерец уже уселся на место и задумался, подбирая подходящую пословицу на эльфаррине. Но тут Эллинг вновь уставился на картину и произнес:

— Какая тонкая работа! Какая изумительная игра тени и света! Как тонко подобраны краски! Ах, синьор, я понимаю, что прошу многого, но не могли бы вы позволить снять...

— Нет! — прорычал ди Бертолли, из птички махом обратившийся в тигруса, но Эллинг, будто не заметив этого, закончил:

— ...с нее копию?

Опомнившись, ди Бертолли произнес гораздо мягче:

— Что вы, мой друг! Не стоит трудов! Я распоряжусь, и вам доставят точно такую же: на что вам жалкая копия! Это будет еще один оригинал!

Яллинг и Эллинг как по команде вытаращили глаза. Столь изощренная логика даже им оказалась не под силу. На их лицах постепенно проступало самое настоящее восхищение, и Генри их понимал.

— Но вернемся к делу, — нежно напомнил эвксиерец. — Наш общий друг, благороднейший герцог Ривендейл, поведал мне о вашем чудесном изобретении...

— О котором именно? — уточнил Яллинг, глядя на ди Бертолли сквозь очки.

— О самом главном!

— О синьор, — Яллинг аж подпрыгнул, — так вам нужна дудочка, поющая на семи языках?! Элле, я же говорил, на нее непременно найдется покупатель, — а ты мне не верил!

— Нет-нет, — поспешно отрекся потенциальный полиглот, — дудочка — это в следующий раз. Я говорю о секрете превращения подручных веществ в золотые монеты!

На этот раз близнецы подпрыгнули одновременно. Яллинг вцепился в очки, Эллинг — в сиденье стула; переглянувшись, они уставились на ди Бертолли перепуганным взглядом и хором заявили:

— Да что вы, господин! Знать ничего не знаем, ведать ничего не ведаем! Какая такая машинка?

«Машинка!» Генри прямо-таки видел, как под роскошной сверкающей лысиной хозяина кабинета вертятся шестеренки. Герцог не мог солгать — такие опыты наверняка запрещены, — оба эльфа перепуганы и сболтнули лишку... А монетка-то настоящая, будто выпущенная на монетном дворе!

Или нет?

Извинившись, ди Бертолли вышел в коридор. Генри посмотрел на близнецов и увидел, как Яллинг подмигивает увеличенным очками глазом. Вслух никто ничего не сказал. Эльфы сидели, смиренно сложив ладошки на коленях, но прошло не менее минуты, когда дверь отворилась и на пороге появился Валентин де Максвилль. Близнецы опешили — Генри тоже, причем он-то как раз на самом деле. Зато некромант выглядел спокойнее удава.

Из-за спины Валентина послышался голос ди Бертолли:

— Благородный герцог, я был неправ! Только что я узнал, что в вашей Академии обучается сын Того Самого де Максвилля, и мне остается только снять шляпу и принести извинения! Разумеется, своих детей я отправлю учиться только в вашу Академию, и никуда больше!

Генри представил лицо директора Буковца и порадовался, что пока детей у эвксиерца не намечалось.

Валентин чуть поклонился, храня абсолютную невозмутимость.

— Чем могу служить, благородные господа? — очень спокойно и очень любезно спросил он.

Ди Бертолли порылся в кармане. Эллинг беспокойно наблюдал за его действиями, по-птичьи вытянув шею.

— Я попрошу вас проверить подлинность этой монеты, друг мой. — Эвксиерец подкинул тот самый надкушенный золотой и победно глянул на братьев. — Много ли времени это у вас отнимет?

— Пять секунд. — Валентин уже доставал из внутреннего кармана тоненькую серебряную пластинку. Положив ее на ладонь —

мелькнула какая-то руна, — младший сын дома де Максвиллей подул на пластинку. В воздухе над ней возник и истаял герб банка «Максвилль и К°». — Прошу вашу монету...

Синьор Мароу трепетно протянул ему золотой. Близнецы следили за тем, как монета переходит из рук в руки, и на лицах их читалось все большее отчаяние. Валентин чуть поддернул манжеты и опустил монету на середину пластинки. Ее контуры немедленно вспыхнули ярким синим сиянием.

— Монета подлинная, — ровно сообщил Валентин. При звуке его голоса сияние погасло. Он снял золотой с пластинки и уронил в подставленную руку ди Бертолли. — Что-нибудь еще?

— Пока нет, но вы останьтесь, останьтесь...

Ди Бертолли прохаживался по кабинету, бросая на близнецов голодные взгляды. Братья вздрагивали и жались друг к другу, у Ялинга от ужаса запотели очки. Генри знал, что ломать комедию эльфы могут бесконечно, и потому решил немного подстегнуть процесс.

— Мне известно, — сказал он, полируя ногти предусмотрительно захваченной подушечкой, — что мои достойные друзья собирались представить свое изобретение на ежегодной научной конференции студентов-магиков. Они с полным правом рассчитывают завоевать первое место и получить диплом...

«И полагающееся денежное вознаграждение!» — мысленно закончил ди Бертолли, возликовав. Теперь игра шла на его поле, и зрители тут были не нужны.

Он дважды позвонил в серебряный колокольчик, и на пороге кабинета, как прекрасное видение, из ниоткуда возникла Злата Бржезовая. Взгляд ее порхал с Генри на Валентина и обратно.

— Bella donna, mia dolce signorina! — страстно проворковал Мароу ди Бертолли, целуя ухоженные ручки танцовщицы. — Прошу тебя, покажи этим достойным юношам мои оранжереи — и особенно ту, где я выращиваю твои любимые апельсины!

Bella donna неожиданно цепко подхватила под руки обоих счастливцев и непреклонно увлекла прочь из кабинета. На пороге Валентин все же сумел притормозить и небрежно бросил через плечо:

— Счет за мои услуги я пришлю завтра утром. До встречи!

Но ничто не могло омрачить счастья синьора ди Бертолли.

Длилось оно ровно девятнадцать дней.

5

У машинки было множество недостатков. В день она выдавала исключительно по одной монетке; мусор требовала аккуратный, не пыльный и не мокрый, размельченный на кусочки строго определенного размера; наконец, монетки получались исключительно лыкоморские: других матриц машинка не знала. Конечно, и этого было много: триста шестьдесят пять монеток в год — это вам не баран чихнул! — однако синьор ди Бертолли планировал расширить производство.

Машинку расположили в кабинете, по правую руку от рабочего стола, и прикрыли ширмой бледно-голубого шелку. О существовании машинки знали только четверо: создатели, покупатель и пани Злата, скрыть от которой что-либо было практически невозможно. Поначалу танцовщица относилась к ней с немалым пиететом и планировала выпросить себе такую же. Но со временем стало ясно, что такой же пока не предвидится, вдобавок однажды синьор ди Бертолли был застукан на месте преступления. Он нежно поглаживал машинку — машинку! — и полным страсти голосом, чуть не задыхаясь, ворковал:

— Дорогая! Дорогая моя!

Бесспорно, машинка обошлась ему очень дорого, но это еще не повод!.. Злата припомнила, когда к ней в последний раз обращались так же искренне и страстно, и немедленно устроила скандал в лучших традициях царского музыкального театра. Но и это не помогло: синьор ди Бертолли все едино косился на агрегат с неподобающей нежностью.

Столбик золотых монет, выданных чудесным приспособлением, рос и рос. Наступил двадцатый день. Синьор ди Бертолли привычным движением засыпал приготовленный с вечера мусор в просительно распахнутое отверстие. Машинка захлопнула металлическую пасть, задергалась, заурчала на разные голоса, но в заботливо подставленную ладонь ничто не опустилось.

Урчание смолкло. Машинка продолжала подергиваться, но уже по инерции. Наконец прекратилось и подергивание. Монеты так и не возникло. Синьор ди Бертолли осторожно постучал по мусороприемнику, попытался открыть его, напрягся и немного покачал машинку из стороны в сторону. Безрезультатно.

Может быть, мусор несвеж? Синьор ди Бертолли собственноручно разодрал на мелкие клочья первый подвернувшийся под руку пергамент, загрузил его куда следует и повторил операцию.

Урчание, сотрясание, тишина. Никакой монетки!

Эвксиерец хотел было завалить машинку набок, чтобы поковыряться чем-нибудь в отверстии для монет, но побоялся испортить сложный агрегат. Выбора не оставалось: необходимо было посвятить в тайну пятого, потому что ни сам ди Бертолли, ни Злата не могли разобрать механизм по винтику и выяснить, в чем проблема. Близнецов же требовалось для начала найти.

К счастью, синьор ди Бертолли очень тщательно подходил к подбору персонала. В его поместье имелся нужный человек, и уже через три четверти часа глазам эвксиерца предстала ужасная картина.

На полу, выложенном дорогим дубовым паркетом, валялись гайки, винты, пружинки и прочие детали, а посреди этого беспорядка высилась распотрошенная машинка. Главное сокровище ди Бертолли оказалось устроено очень просто. В нем имелось ровно два отделения. Первое, занимавшее большую часть объема, было набито сухим и непыльным мусором, измельченным на сообразные частицы. Меньшее было разделено тоненькими перегородками ровно на двадцать один миниатюрный отсек. Двадцать из них пустовали, в двадцать первом наискосок застряла последняя монетка.

Эта машинка, бесспорно, могла выдать триста шестьдесят пять монет в год. Она могла выдать гораздо больше, но лишь при условии, что первое отделение будут своевременно опорожнять, а во второе — станут загружать необходимое количество монет, кратное двадцати одному.

Едва придя в себя, стараясь не расплескать ни капли благородного гнева, синьор ди Бертолли направил свои стопы прямиком в вертеп разврата, сиречь в Академию Магических Искусств. Карету ему подали почти мгновенно; слуги старались лишний раз не попадаться господину на глаза, а умница Злата закрылась в танцевальном зале, откуда слышались мягкие тяжелые прыжки.

Гремя колесами и опасно кренясь на поворотах, карета вихрем промчалась по улицам Межинграда и остановилась у веревки, ограничивавшей поле для бугурта. По зеленой травке, чудом не вытоптанной витязями, берсерками, дикарями, пиратами и Марцеллом Руфином Назоном во всех его ипостасях, бродил одино-

кий боевой верблюд. Когда синьор ди Бертолли вывалился из кареты, верблюд покосился на него с некоторой надеждой, но почтенному финансисту было не до того. Кипя гневом, он проскочил сквозь приоткрывшиеся ворота, и со всех сторон на него навалились цвета, запахи и звуки.

Восточный базар во всем своем великолепии остался неоценен синьором ди Бертолли. Но у кого повернется язык его за это осуждать? Эвксиерец прорывался по узким проходам, расталкивая зевак, отмахиваясь от предложений купить, продать, погадать и приворожить, а основной удар приходился на топавших следом телохранителей. Наконец базар закончился, и ди Бертолли, насквозь пропахший восточными благовониями, дымом, шашлыком и копченой рыбой, ворвался на территорию Академии.

В маленьком квадратном дворике журчал беломраморный фонтан, от которого доносились шепот, фырканье и взрывы смеха. Ди Бертолли зверем покосился туда, но благоразумно промолчал. Телохранители тоскливо разглядывали диспозицию. Она была, мягко скажем, не в их пользу.

Эвксиерец никогда здесь не бывал, и, будь он чуть менее зол, ему, несомненно, пришло бы в голову поостеречься этих мест, со здешними духами, элементалями, стихиариями и особенно адептами. Но сейчас почтенный финансист кипел от гнева. Не раздумывая, он шагнул к высокому крыльцу красно-белого мрамора, однако успел лишь поставить ногу на первую, самую выщербленную и истертую ступень. Дверь отворилась, и из здания вышла женщина в строгом черном платье. На плечи ее была наброшена белоснежная шаль; ди Бертолли мигом прикинул, сколько эта шаль может стоить, и понял, что перед ним не женщина, а дама.

За спиной громко и тоскливо вздохнул какой-то из телохранителей.

Изящно придерживая подол одной рукой, дама спускалась прямо к синьору ди Бертолли, который не мог оторвать взгляда от ножек, обутых в роскошные шелковые ботинки, несомненно, эльфийской работы. Об их стоимости эвксиерец старался не думать. На одно маленькое мгновение он даже забыл, для чего сюда явился, но это мгновение очень быстро прошло.

— Чем я могу вам помочь? — низким мелодичным голосом спросила дама.

Очарование очарованием, но дело превыше всего. Синьор ди Бертолли хотел знать, где прячется директор этого притона. Однако, глянув в ясные глаза своей собеседницы, он отчего-то смутился и изложил свою просьбу в замечательно вежливых выражениях.

— Вам не нужен директор, — спокойно сказала дама. — Как декан одного из факультетов, я замещаю коллегу Буковца во время его отсутствия. Итак, что случилось?

— Случилось? — брызнул слюной ди Бертолли. — Да я... Да они...

При слове «они» брови декана поползли вверх, а в глазах что-то промелькнуло.

— Прошу, — любезно предложила она, указав на изящную скамеечку возле фонтана. — Насколько я могу судить, речь пойдет о наших студентах?

Ди Бертолли подивился такой проницательности и последующие четверть часа потратил на то, чтобы кратко и емко донести до этой уважаемой дамы всю низость преступления, содеянного юными негодяями.

Юные негодяи в этот момент находились в шатре правого визиря и старательно записывали драгоценный рецепт кафия покафски, с пряностями, солью и ледяной водой, причем Эллинг записывал сам рецепт, а Яллинг — список вопросов, возникавших по мере записывания. Дама в черном — магистр Шэнди Дэнн — прекрасно знала об этом. Выслушав горестный рассказ ди Бертолли, она кивнула, легко поднялась и провела ничего не понимающего эвксиерца прямиком в вестибюль Академии.

Под сводчатым потолком гуляло эхо, болтавшее на пятнадцати языках. Из узких витражных окон лучами расходился разноцветный свет; пахло известкой, краской и гламурией, ибо не так давно здесь собрался в полном составе пятый курс алхимического факультета. На самом видном месте, посреди вестибюля, растопырилась странная конструкция, состоявшая из огромного количества деревянных планок. С двух сторон на нее были натянуты два абсолютно одинаковых свитка. «С Днем Ваганта!» — гласила ярко-красная надпись; чуть ниже были намалеваны лютня, пузатая бочка и черная академическая шапочка о длинной кисточке и четырех углах.

По краям свитки украшала затейливая восточная вязь.

Синьор ди Бертолли несколько раз оглядел первый свиток, потом обошел деревянное сооружение по широкой дуге и вперился

во второй. Он все еще ничего не понимал. Тогда магистр Дэнн щелкнула пальцами, и кто-то невидимый занудно забубнил над самым ухом синьора ди Бертолли:

— Правила проведения праздника, тако же рекомого Днем Ваганта. Распоряжение директора от, стало быть, пятого грозника нынешнего года. Какой у нас, бишь, год? А-а, мрыс с ним... Правило, стало быть, первое...

Правил было около полусотни, и ди Бертолли позже удивлялся собственному недюжинному терпению. Он смиренно выслушал все, но понял главное. Проклятый День Ваганта был возрожден из небытия по воле принца Саида, который не нашел ничего лучшего, как копаться в пыльных библиотечных свитках. Вопреки названию, праздник длился несколько недель — с пятого по двадцать первое грозника, — и все это время адептам полагалось шляться по окрестностям, распевать стихи собственного сочинения и пить лыковку в местных кабаках. Последнее светило не всем: по договоренности с администрацией наливали только тем, кто был способен попросить об этом на эрро-эльфаррине, официально признанном языке науки и поэзии. Как правило, даже истинные знатоки не могли выполнить этого условия после третьей кружки.

Но синьор ди Бертолли подпадал под другой пункт этого проклятого распоряжения. В Дни Ваганта для адепта не было более достойного занятия, нежели изобретение розыгрыша, причем чем масштабнее и наукообразнее окажется этот розыгрыш — тем выше его оценят судьи в последний день фестиваля. Победителю принц Саид обещал награду, многозначительно заявленную как «сокровище». Разумеется, Белая Дама не собиралась делиться своими мыслями с каким-то ди Бертолли, но она была уверена, что сокровище обретет разом двух хозяев.

Главное, чтобы им оказался не боевой верблюд...

— Но мои деньги! — кипятился Мароу ди Бертолли. — Мой престиж! Мой моральный ущерб! Извольте призвать ваших адептов к порядку, синьора, иначе я буду жаловаться в КОВЕН!

Синьора Дэнн изогнула бровь так, что та коснулась изящно уложенного темного локона.

— На вашем месте я не стала бы делать этого, — доброжелательно сказала она. Телохранители, уже успевшие оценить ее как соперника, немо молили всех богов, чтобы чародейка не меняла тона. — Во-первых, едва ли Саиду Кафскому понравится ваша

попытка бросить тень на Академию, где учится его невеста. Во-вторых, это огорчит *меня*. — Она отчетливо выделила последнее слово, и телохранители с трудом подавили недостойное профессионалов желание побросать арбалеты и упасть на пол лицом вниз. — В-третьих, вам это не доставит никакой выгоды. Вы весьма аккуратно обходили вопрос о том, что именно представляла собой проданная вам машинка, но я не думаю, что ковенские дознаватели ограничатся намеками и недомолвками. Мы поняли друг друга?

Синьор ди Бертолли взвесил все «за» и «против». Он был, бесспорно, оскорблен, но не видел ни малейшей возможности для мести. Генри Ривендейл — птица слишком высокого полета; эвксиерец не смел даже думать, знал ли наследный герцог, в какую авантюру оказался вовлечен. Де Максвилль конечно же чист, как перед первым причастием. А близнецов прикрывал узорчатый щит принца Саида, прилюдно объявившего их своими братьями и друзьями.

Но ничего. Когда-нибудь он уедет.

Несколько утешенный этой мыслью, Мароу ди Бертолли поклонился магистру Дэнн, скатился по выщербленным ступеням и протолкался через базар, который, кажется, сделался даже громче.

Только в карете он обнаружил, что на месте кошелька у него болтаются обрезанные концы дорогой эвксиерской тесьмы.

6

Но это случилось только двадцать первого грозника, а нам не подобает слишком сильно забегать вперед, хотя порой и хочется поведать о том, как закончилось то или иное событие. Вернемся же к пятому числу, к пяти часам пополудни, когда Ялька Ясица, Эгмонт Рихтер и Сигурд дель Арден оказались заперты в гномьей продуктовой лавке.

В это время в Межинграде как раз проходил очередной бугурт. Некоторые не особенно образованные зрители предпочитали называть его турниром, но все посвященные, едва заслышав это слово, начинали морщить нос. Особенно яростно морщил нос Марцелл Руфин Назон, в такие минуты особенно похожий на ту из

своих оловянных копий, что грызла поганку, входя в боевой фьордингский раж.

На зеленом поле, огороженном длинной веревкой, происходила общая схватка — мэле, — которую лыкоморские зрители немедленно переименовали в «стенка на стенку». С обеих сторон в битве участвовало по одному рыцарю в белом доспехе (их было видно издалека по высоким зеленым плюмажам). Остальные сражающиеся изображали у кого что получалось: лацианец в белой простыне размахивал бронзовым гладиусом, фьордингн с накладными бородами бодро орали: «Один и Фригг!» — и вторило им грозное: «Босеан!» — которое издавали три очень веселых типа в белых накидках с красными крестами. Пират в побрякушках молча носился туда-сюда, не забывая быстренько брать в плен тех, кто не успевал увернуться.

Зрители кричали, топали, аплодировали и метко швырялись яблочными огрызками.

Общая схватка понемногу входила в ту стадию, где ее уместнее было именовать общей свалкой. Обоих рыцарей уже стащили с коней, и теперь доблестные воители отмахивались мечами от яростно наскакивавших противников. Правый начинал сдавать, зато левый только-только вошел во вкус, когда точно посредине турнирного поля, в двух локтях от земли, вдруг засиял зеленым правильный шестиугольник.

Доблестные участники бугурта недаром провели столько дней невдалеке от знаменитой Академии. Народ мигом сообразил, что сейчас откроется телепорт, и, временно прекратив боевые действия, отхлынул в стороны.

На гостевых трибунах тем временем возникло нешуточное оживление. Весь старший педагогический состав во главе с директором Буковцом вскочил с мест и помчался прямо к ограничительной веревке. Лучше всех пришлось магистру Назону — он и так присутствовал на поле, щеголяя в любимых кольчужных портках. Впереди серой молнией мчался магистр Цвирт: он, как и все остальные, прекрасно понял, *кто* был автором открывающегося телепорта.

Но раньше, чем кто-либо успел добраться до середины поля, телепорт уже раскрылся, и на траву шлепнулось существо, которое никак не могло быть коллегой Рихтером. Это оказался гном весьма почтенного вида, с длинной ухоженной бородой и золотой гильдейской цепью, сейчас перекрутившейся задом наперед.

Подоспевший первым пират помог гному подняться на ноги, но тот даже не утрудил себя буркнуть что-нибудь благодарное. Первым делом он расправил бороду, потом вернул на положенное место золотой гильдейский знак, отряхнул штаны и стукнул сапогом о сапог. К этому моменту на поле подоспел магистр Цвирт.

— Экстренный ковенский эмиссар... — отрекомендовался было он, но тут гном хищно рванулся вперед, вцепился мертвой хваткой в магистровы лацканы и разразился потоком таких отборных ругательств, что схватка, еще теплившаяся в дальних уголках поля, прекратилась сама собой. Пират, соображавший быстрее всех, щелкнул какой-то из своих висюлек — она оказалась мнемо-амулетом, немедленно заработавшим на максимальной скорости.

— Я уважаемый торговец, почетный член и председатель Гильдии купцов! — Гном в ярости потряс перед лицом Цвирта зажатым в кулаке гильдейским знаком. Вновь послышались заковыристые ругательства на языке кланов Драконьего Хребта. — Да чтобы какой-то сопливый мальчишка вышвырнул меня из-за моего же прилавка, из моей же лавки, которую построил еще мой достойный прадед! Я вам устрою сладкую жизнь, вы, *втунеедцы*!

Пират восхищенно прицокнул языком. Определенно, у него имелись лингвистические наклонности.

Магистр Дэнн осторожно отодвинула несчастного магистра Цвирта, при этом пострадавший гном даже не успел заметить, как и когда он успел отцепиться от ковенца.

— Откуда вы, мейстер? — осведомилась она вежливым тоном, который однако не располагал к дальнейшим скандалам.

Гном посопел, не желая так быстро сдавать позиции.

— Листвягинцы мы, — буркнул он, избегая смотреть некромантке в глаза.

Белая Дама переглянулась с магистром Буковцом, а немного помятый магистр Цвирт быстро-быстро выбрался из толпы и исчез в неизвестном направлении.

— Понятно... — протянул Ирий Буковец.

— Что вам понятно?! — опять взорвался гном. — Да его... да этого... на клочки я его порву!

— Как я вас понимаю! — ласково пропела Эльвира Ламмерлэйк, беря гнома под руку. От нее повеяло нежным запахом гла-

мурии, и пострадавший торговец немедленно пал жертвой высокого искусства. — Вы себе и представить не можете...

Она говорила чистую правду — некстати исчезнувший Рихтер сорвал те остатки сессии, которые могли бы пережить нашествие принца с белым слоном и боевым верблюдом. Другое дело, что порвать Рихтера на клочки было технически сложно — для начала его необходимо было поймать.

— Неужели? — изумился уводимый с поля боя гном. Скоро его голос смолк в отдалении.

Магистры переглянулись. К длинному перечню преступлений беглого Эгмонта прибавились еще два: вооруженное нападение на мирного жителя и использование профессиональных навыков в личных целях.

7

В одиннадцатом часу ночи в Листвяги прибыл ударный ковенский отряд.

Телепортационные поля были взбаламучены, как морская вода после шторма, и стоило немалых трудов просчитать хотя бы приблизительный путь до Листвяг. Три предыдущих отряда один за другим почему-то оказались у подножия замка какого-то даркуцкого князя, праздновавшего в это время свадьбу младшего сына, а четвертый очутился в поместье барона Хёнгернского, где маги свели близкое знакомство с госпожой баронессой, урожденной маркизой д'Армион. Знакомство было полезно, ибо госпожа баронесса приходилась матерью нынешнему графу фон Рихтеру, но делу это, увы, не помогло.

На фоне этих событий никого уже не удивляло, почему гном, долженствовавший вылететь из телепорта на ковенской площади, вдруг очутился на поле для бугурта. Даже самые старые маги не могли припомнить, чтобы Т-пространство было настолько запутано и возбуждено. Пятый отряд просто не поверил своему счастью, когда из темноты перед ними выросла лавка, надежно запечатанная тремя заклятиями.

Автор заклятий, совсем молодая магичка, сидя спала на скамейке возле лавки. Рядом переминались с ноги на ногу два практиканта с красными от недосыпа глазами.

Лавку надлежало немедленно брать штурмом — кругом было почти безлюдно, и пострадать могла разве что отделка соседних зданий. В печальном лунном свете маги, скользя как тени, заняли ударные позиции и практически молниеносно ворвались внутрь.

Внутри было пусто, печально и темно. Сильно пахло пряностями, отчего хотелось чихать и чихать. Как и предвидел хозяин, здесь царили беспорядок и разорение. От половины всех колбас и окороков остались лишь неровно срезанные веревочки, касса была опустошена, да и прочие припасы подверглись изрядному разграблению. Наконец, злодеи захватили с собой почти что все пряности, а чего не забрали — то просто рассыпали вокруг.

— Перец-то им зачем? — жалобно воззвал в пустоту несчастный магистр Цвирт, вытирая попеременно то нос, то глаза.

Судьба была к нему жестока: ковенцу предстояло лично общаться с хозяином разграбленной лавки. «Уж лучше бы это был Рихтер!» — тоскливо подумал маг.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
в которой выясняется, что не все леса одинаково гостеприимны и не все ковенские маги одинаково вредны

1

Город моего жениха оказался шумным, большим и слегка пованивающим: на всех углах торговали жареными ребрышками непонятного происхождения, выдавая их за национальное блюдо Серого Конунгата. Сигурд только морщился; к нему зазывалы даже не подходили, с первого взгляда узнавая настоящего волкодлака. Вообще, уличная торговля здесь процветала. Прогулявшись по центральному бульвару, можно было последовательно приобрести пряник, пирожок, кулек семечек, эльфийские духи хохландского разлива, букет цветов, живого порося и платье на вырост. Но банка здесь не было, и я благословила предусмотрительность Сигурда, заботливо опустошившего кассу в той гномьей лавке. Находясь вне закона, нельзя нарушить закон, — а теперь нам свободно хватило денег на трех лошадей плюс постой в довольно приличном, пускай и без роскоши, трактире.

Впрочем, задержались мы там ненадолго. Вечером следующего дня, когда купленные лошади уже стояли в конюшне, а сумки были набиты похищенной у листвягского гнома едой, мы собрались у окна, чтобы обсудить наш дальнейший маршрут. Сигурд принес закапанный воском стакан, в котором покачивалась толстая свеча, а Эгмонт расстелил на столе карту. Я вместе с табуреткой поспешно пододвинулась поближе; света было немного, и приходилось щуриться, чтобы рассмотреть тонкие чернильные линии. В левом верхнем углу пергаментного лоскута имелся схематически начерченный компас, а прямо под ним гордо виднелись две башенки, объединенные зубчатой крепостной стеной. Над башенками висела царская корона, под башенками вилась узорная надпись: «Межинград».

Я прикусила нижнюю губу. Перед глазами вдруг ясно встала Академия, к которой я здорово успела привыкнуть за минувший год. Внутренний двор, ореховый куст, наша с Полин комната, острый, как игла, Солнечный шпиль, пронзающий вечернее небо... Странно, что я так привязалась к этому конкретному месту. Раньше за мной такого не водилось.

Но как бы то ни было — свой выбор я уже сделала. И никогда от него не отрекусь!

— Все очень просто. — Эгмонт постучал по одинокой башенке, обходящейся без стены, короны и завитушек. — Мы находимся здесь. Наша цель — вот этот городок. — Я мрачно посмотрела на другую башенку, ничем не отличавшуюся от предыдущей. — Если нам удастся туда попасть, то останется совсем немного: найти проводника и перейти через Драконий Хребет.

Сигурд смущенно хмыкнул.

— Это Солец? — спросил он, указывая на вторую башенку.

Написано было мелко, а по-лыкоморски оборотень читал не слишком хорошо. На моей памяти он был единственным, кто отлично разбирался в эльфийской грамоте и спотыкался на каждом слове в человеческой.

Эгмонт кивнул.

— Не надо проводника, — твердо сказал Сигурд. — Я здесь бывал. Пройду и на этот раз.

— Тем лучше: денег у нас немного. — Рихтер немного помолчал, глядя то на меня, то на карту. — Собственно, сейчас вопрос даже не в этом. Мы, господа, оказались в запертой мышеловке. Из этого городка есть только три дороги. Назад мы, разумеется, не

пойдем — это понятно и нам, и нашим преследователям. Две ведут вперед, причем именно туда, куда и надо. И вопрос сейчас только в том, чтобы определить, какая из них обойдется нам дороже.

Я пригляделась. От города на восток и впрямь отходило два тракта. Один, короткий, шел почти прямо, второй сильно изгибался на юг и порядочно петлял по лесу.

— Это Новый шлях, — сказал Эгмонт, указывая на второй тракт. — Там может пройти каждый, и маг в том числе. Однако он намного длиннее, и, что гораздо хуже, на нем нас наверняка ждет засада. Старый шлях куда короче. Как показала практика, летом его можно пересечь в течение одного светового дня. Более того, его очень рекомендуется пересекать именно за один световой день. Мне как-то не хочется думать, что там происходит ночью. Но беда в том, что для мага этот путь равносилен самоубийству.

— Почему? — вырвалось у меня.

Я думала, что ответит Эгмонт, но отозвался Сигурд.

— Это Старые Земли, — неохотно проговорил он. И я сразу же поняла, что пишется именно так: каждое слово с большой буквы. — Тысячу лет назад была война...

Он замолчал, хмуро глядя на карту. «Ох, что-то здесь нечисто!» — невольно отметила я.

— Речь идет об эпохе магических войн, — негромко пояснил Рихтер. — Эти места, насколько мне известно, раньше принадлежали Конунгату... до того, как граница сдвинулась за Драконий Хребет. Именно по ним пришелся магический удар, после которого в войне наступил перелом. Не знаю, что именно там произошло, да и никто, думаю, не знает. Точно известно одно: шлях за эти годы не зарос, пройти там можно. Днем, летом, пока не зашла Собачья звезда, и при условии, что во всем обозе не будет ни единого магического предмета. Талисманы, амулеты, зачарованные вещи — это все оставляют здесь. Ну и, разумеется, магам туда ход заказан.

Я облизнула губы. Смеркалось; наши окна выходили как раз на лес, грозно темневший невдалеке. По-хорошему, стоило бы испугаться, но... в воздухе суматошно носились светляки, снизу доносились голоса, пахло едой и дымом, Эгмонт и Сигурд были рядом, вот, только руку протяни...

Словом, испугаться не получалось.

— Эгмонт, а что случалось с теми, кто шел туда, не сняв амулетов?

— Не знаю, — спокойно ответил Рихтер. — Не вышел, по крайней мере, ни один.

Повисло молчание.

— Что скажешь, Сигурд? — нарушил его маг.

— Если прорываться с боем, — медленно произнес волкодлак, — то лучше уж по короткой дороге. Глядишь, и прорвемся... но мне-то что? Я все одно пройду. По-честному, решать надо вам с Яльгой — вы же ведь маги... На худой конец, я и волком обернусь, — помолчав, добавил он. — Эта земля не успела забыть, что такое Конунгат. Меня она пропустит, а вот вас...

А ведь я в принципе тоже могу попытаться! Он оборотень, это верно, — но ведь и я не человек! Если мы смогли договориться с властителем Треугольника, то уж с этим лесом, обиженным столько лет тому назад...

Кажется, Эгмонт думал о том же.

— Чего на Старом шляхе нет, так это ковенцев, — констатировал он. — В принципе существует такой вариант: мы можем разделиться. Яльга маг в той же мере, в какой она полуфэйри. У нее больше шансов на короткой дороге. Сигурд, вы двое могли бы пойти по Старому шляху, а я отправился бы... поговорить с ковенскими коллегами. Сколько можно бегать, в конце-то концов?

— Нет! — почти одновременно сказали мы.

Тут я припомнила кое-что и произнесла медовым голосом, стараясь как можно точнее скопировать слышанную полгода назад интонацию:

— Не нужно быть таким эгоистом, *дорогой*. Другим тоже хочется поразвлечься!

Сигурд непонимающе глянул на меня, Эгмонт же, как и ожидалось, сообразил очень быстро. Он рассмеялся, тряхнул головой и ехидно ответил в тон:

— Как скажешь, *дорогая*. Желание женщины для меня закон!

Я потеребила кончик косы, изображая смущение.

— Но если уж придется сражаться, — серьезно сказал маг, — я предпочел бы общего врага, чем собственных коллег. Тем более что шансов пробиться через ковенский заслон у нас почти нет. Один я бы еще попытался, но...

— Нам нельзя разделяться.

— Я знаю.

Я встала с лавки, подошла к окну и посмотрела на лес. Честно сказать, на вид он не отличался от всех других лесов, через которые мне доводилось пробираться.

— Может, все-таки удастся договориться? Слепой треугольник — он тоже считается очень опасным...

— То есть ты за короткую дорогу?

— Да, — решительно сказала я.

— Сигурд?

Волкодлак ограничился кивком.

Рихтер свернул карту и убрал ее обратно в карман.

— В таком случае мы выезжаем на рассвете.

2

Я проснулась под утро и долго лежала с закрытыми глазами, но заснуть снова так и не смогла. Снаружи шел дождь: мелкий и занудный, осенний какой-то, не слишком-то подходящий для самой середины лета. Он лениво шуршал по крыше, под полом возились мыши, а Сигурд, как всегда превратившийся на ночь в волка, то и дело скреб лапами пол. Интересно, что снится оборотням, когда они находятся во второй ипостаси?

Но к рассвету дождь перестал, небо разъяснилось. Когда мы выезжали со двора, в колеях блестели неглубокие лужи, а на востоке разгоралось бледное золотое сияние. Сумрак становился все более прозрачным, но из леса еще не долетало ни единого птичьего голоса.

Дорога, начинавшаяся от городских ворот, вела на северо-восток. Ночной дождик успел только прибить пыль — грязи почти не было, и лошади легко шли по практически сухому тракту. Небо все светлело, я окончательно проснулась и начала озираться по сторонам.

По сторонам было все то же: лес, лиственный, зеленый и довольно густой. Чувствовалось, что он стоял здесь от самого сотворения мира и собирается стоять до конца, причем конец, его усилиями, наступит не слишком-то скоро. Ничего темного, мрачного или опасного я, прислушавшись, разобрать не смогла. Зато Эгмонт ехал с образцово настороженным видом.

— Это уже Старый тракт? — подумав, решилась уточнить я.

— Старый шлях, — автоматически поправил наставник. — Нет, это просто дорога. Через полверсты от нее отходит Новый шлях, а оставшийся кусок этой дороги называется Старым.

— Тогда почему бы ковенцам не устроить засаду на перекрестке?

— Риск слишком велик. КОВЕН предпочитает не колдовать рядом со Старыми Землями.

— И правильно делает, — тихонько буркнул волкодлак.

Я посмотрела на Сигурда, потом еще раз глянула на Эгмонта и честно постаралась испугаться открывающихся перспектив. Но я плохо умела бояться того, чего пока нет; как я ни напрягала чутье, в воздухе не пахло угрозой. Напротив, становилось все светлее.

Лошади, кстати сказать, нисколько не волновались.

Через некоторое время мы и впрямь выехали к перекрестку. Новый шлях отходил от Старого широкой петлей и быстро исчезал за зарослями кустарника. Старый прямо шел на север, поднимаясь на пологий холм. Я придержала Рыжика. На самом перекрестке был вкопан высокий камень, изрядно напоминавший чье-то надгробие. Это был обыкновенный кусок гранита, серого с красноватыми прожилками, без всяких надписей, узоров или выбитых в камне фигур. Снизу его оплетала трава.

— Поляница на распутье, — прокомментировал Рихтер. — Сигурд, это...

— Да, — коротко согласился волкодлак. Помолчав, он добавил: — Его поставил Седрик дель Арра. Там дальше будет еще.

— Едем, Ялька. Время идет.

Я кивнула, толкая пятками Рыжика. Камень стоял, поднимаясь из травы, будто гадюка из болотного мха. Сравнение было удивительно точно и неприятно: между лопатками у меня немедленно пробежала стайка холодных мурашек.

Перекресток остался позади, но принципиально ничто не изменилось. Деревья, кусты, трава — все осталось прежним. Небо стремительно голубело: солнце неторопливо выбиралось из-за горизонта, заглядывая в самые темные лесные уголки. Дорога почти высохла, но листья пока блестели от росы и ночного дождя. Словом, Старый шлях ничем не отличался от Нового, разве что в лучшую сторону — отсутствием ковенской засады. Если бы не давешний камень, невесть зачем вкопанный на перекрестке стародавним конунгом волкодлаков...

— Сигурд, ты про это говорил? — вдруг спросил Эгмонт. Я быстро глянула на мага; он смотрел вперед, на дорогу, которую пересекала ровная серая линия, выложенная из обломков все того же гранита. Не к месту подумалось, что гранит наверняка везли от самого Драконьего Хребта.

Оборотень кивнул.

— Седрик был последним хорошим магом, — не к месту заявил он.

Мы переглянулись. Я еще раз посмотрела на ту часть тракта, что лежала дальше ровной серой черты. Не знаю почему, но вот сейчас мне вдруг очень захотелось поехать другим путем. Любым. Пусть там будут ковенцы, упыри, его величество король Эккехард с супругой и гномом-говоруном. Кто угодно и что угодно, но...

— Поехали, — вдруг сказала я, сама не понимая, зачем говорю. — Время не ждет. Чем быстрее проедем, тем раньше прибудем в Солец.

Рыжик совершенно спокойно перешагнул каменную черту. Он определенно не чувствовал в воздухе никакой угрозы, а каждому известно, что кони и собаки чуют нежить куда лучше любого мага, пускай и с дипломом Академии. А что уж говорить об адептке, не закончившей даже первого года обучения? Наследственное чутье — это совсем неплохо, вот только не надо путать его с предубеждением.

Врага надо бить тогда, когда он есть. Ибо вести поединки с тенью — исключительная прерогатива вампирских боевых школ.

...А каменная линия была сплошной. Осколки гранита, даром что неотшлифованные, прилегали друг к другу так плотно, что в щель нельзя было вставить и травинки. Седрик дель Арра, чародей и волкодлак... Волкодлаков эта земля не трогает...

Мы отъехали от каменной черты уже довольно далеко, когда я сообразила, что именно она мне очень напоминала. Стену. Крепостную стену, на которую смотришь с высоты птичьего полета.

Птичьего — или драконьего?

Не столь важно. Главное, что стена эта способна сдержать врага.

«Grangilerre», — думал Сигурд, покачиваясь в седле. *Grangilerre gerrian*, великая война. Никогда не понимал, почему ее называ-

ли великой. Длилась она недолго, эльфийские кланы, бывало, сражались между собой по несколько столетий. Да и для людей восемь или девять лет — не такой уж большой срок.

Только сегодня, когда оборотень увидел Серый Камень, он понял, почему той войне дали такое имя. Еще он понял — точнее, убедился очередной раз, ибо в этом-то он не сомневался никогда, — что память предков порой оживает в потомках, пускай и через века. Седрик дель Арра был конунгом, магом и поэтом, он принадлежал Вэйлезарре, а не Старому Волку, но, глядя на кое-как обтесанный кусок гранита, Сигурд будто услышал его голос. Часть конунга Арры до сих пор пребывала здесь, и именно она удерживала то, что жило вдоль этой дороги, внутри очерченных границ.

Сигурду очень не хотелось думать, чем именно заплатил за это его предок.

В лесу было очень тихо, только ветер шумел листвой. И все же оборотень чувствовал, что враг где-то рядом, — просто это очень тихий враг, который знает, что не обязательно оповещать всех о своем присутствии. Впрочем, охотник всегда старается быть тихим...

Да. А есть еще такие охотники, которые на самом деле — добыча.

Волкодлак коротко улыбнулся, глянув на темные деревья. Сейчас, когда он наконец нашел правильные слова, ему разом стало легче. Да, именно так: ошибется тот, кто примет нас за еду. В конце концов, большинство нежити смело полагало, что Сигурд — это вовремя подошедший обед. Раз за разом это убеждение оказывалось ложным.

Даже лучше, что нас принимают за дичь. Весьма неожиданно будет обнаружить у нас клыки.

Старый шлях мостили, наверное, еще гномы — это чувствовалось по тому, как ровно и ладно были уложены широкие серые плиты. За минувшую тысячу с лишним лет они почти не потрескались и уж точно не искрошились. Щели между ними оставались узкими, и в этих щелях росла невысокая темная трава.

Очень невысокая.

Эгмонт не слишком-то хорошо разбирался в ботанике, но ему уже доводилось видеть заброшенные тракты. Он знал, как быстро зарастают дороги, по которым никто не ходит. И даже гномская магия не способна этому помешать. Трава должна была быть много выше; да что там трава, за десять веков сами плиты должны были стать не более чем легендой!

Лошади аккуратно шли по плитам, и Рихтер вдруг заметил любопытную закономерность: они перешагивали трещины и щели, избегая прикасаться к траве. Ни одна не сделала попытки сжевать на ходу понравившийся цветок. В принципе Эгмонт неплохо их понимал: ему эта трава тоже не внушала никакого доверия.

«Возможно, я ошибся. Возможно, стоило поехать Новым шляхом. Еще вопрос, что хуже: ковенский отряд или здешние веселые обитатели...»

Перекресток с торчащим камнем остался далеко позади. Со всех сторон их маленький отряд окружал лес — и Эгмонт с сожалением признал, что в родословной графов фон Рихтеров нет ни единого эльфа. Темная зеленая чащоба и раньше не внушала ему никаких теплых чувств, а уж теперь, когда он напряженно ждал атаки...

«В конце концов, Сигурду здесь ничто не грозит. А я все-таки не зря получал зарплату в Академии. Одну адептку защитить уж точно сумею, особенно если учесть, что и она целый год не цветочки для гербариев сушила...»

Может, и пронесет. С Яльгиной удачей можно рассчитывать на многое. К тому же, если в отряде аррский волкодлак и полуфэйри, обитатели этого леса могут не обратить внимания на магическую составляющую. В отличие от ковенцев, которым как раз очень интересны не столько магическая составляющая, сколько аррский волкодлак и столь уникальное с научно-изыскательской точки зрения существо, как полуфэйри.

И если кого-то придется убить — так пусть это будет нечисть, а не собратья по цеху. Кроме того, если мы пройдем через этот лес, дальше можно почти не волноваться. Какой маг в здравом уме сунется в Солец, имея при себе приказ от Эллендара? Там невозможно устроить засаду, ибо писку будет столько, что услышат даже северные эльфы на своих побережьях.

«Спокойно. Ты лучший боевой маг Лыкоморья. Ты вполне в состоянии защитить себя и свою ученицу. И помочь оборотню, если у него что-то не заладится».

Я нервно сглотнула, принуждая себя расслабиться и перестать таращиться по сторонам. Ну же, Ялька, сколько можно? Бдительность — одно, трусость — совсем другое! Пока ты не слышишь ничего такого, чего стоило бы испугаться...

Да час назад ты не чувствовала ни малейшего страха!

То было час назад!

Сейчас я ощущала смутную, но все нараставшую тревогу, которая почему-то дислоцировалась у меня в животе. Ощущение было такое, будто в животе завелась живая птица и она бьет крыльями, стараясь вырваться на волю. Все было не так. Лес был слишком темным, дорога — слишком старой, Эгмонт — слишком настороженным...

А вот Сигурд, кстати, совершенно спокоен.

Тревога все нарастала. Мне начинало казаться, что впереди на дороге спит нечто большое, голодное и очень злое, причем находящееся на своей земле и в своем праве. И спит не слишком-то крепко — скорее дремлет, в любую минуту готовое проснуться. А мы везем с собой что-то вроде ярмарочного шеста, украшенного множеством колокольчиков. Дует ветер, колокольчики звенят, а голодное и злое все ближе.

И мимо нам никак не проехать.

Лес равнодушно обступал дорогу с обеих сторон. Раньше, до того как мы свернули на Старый шлях, нам изредка попадались деревья с почерневшими стволами, лишенные листвы, — те, что вымерзли, не пережив суровой лыкоморской зимы. Здесь таких не имелось. Здешние деревья были как на подбор: высокие, крепкие, с длинными ветвями, заслоняющими дневной свет. Понизу рос какой-то кустарник, густой и даже на вид колючий; я предположила, что это малина, но проверять не хотелось. Если закрыть глаза и так проехать с десяток саженей, ни за что не отличишь то место, мимо которого едешь, от того, которое уже проехал. Невольно создавалось впечатление, что мы ходим по кругу.

Ветер — и тот стих. Воцарилась тишина, нарушаемая только низким жужжанием: мимо нас то и дело пролетали какие-то жуки. Они были довольно крупными — едва ли не в полпальца длиной, — и я не без оснований опасалась, что один такой врежется мне в лоб. Или, того хуже, залетит в ухо. Но жукам на меня было начхать с самого высокого из местных дубов, они проносились туда-сюда, гудя как гномские агрегаты. Странно было, что

при таком количестве насекомых все местные листья не изъедены их потомством.

Солнце поднималось все выше, становилось жарковато. Воздух здесь был неподвижным, как в банке; пахло прелой листвой, разогревшейся на солнце корой и чем-то еще, чем всегда пахнет в глубине леса. Я давно сняла куртку, но металлические талисманы, нагревшиеся под рубашкой, все равно прилипали к коже. Перевязь с ножами, которую я все-таки невесть зачем нацепила поверх рубашки, ощутимо давила на плечи. Зато бабкин браслет не причинял никаких неприятностей.

Мы ехали, наверное, уже часов пять. Время двигалось к полудню. Странно: здесь не хотелось ни есть, ни пить. Я слышала, как тихонько переливается вода в моей фляжке, но не испытывала ни малейшего желания сделать глоток. Скорее уж немного хотелось спать. Хотелось бы, если бы не чувство тревоги, яростно лупившее крыльями у меня в животе.

Мы подъезжали все *ближе*.

Внезапно впереди раздался тихий шелест — настолько тихий, что я бы ни за что его не разобрала, если бы не ждала чего-то подобного вот уже шестой час подряд. Он приближался; Сигурд и Эгмонт быстро переглянулись, и волкодлак наполовину вытащил меч из ножен, а маг вскинул руку, готовый в любой момент ударить заклинанием. Мои серьги вдруг нагрелись и чуть завибрировали, а в следующий миг на дороге перед нами показался вихрь. Это был широкий столб мутного воздуха, бешено вращавшегося вокруг своей оси; я почему-то очень четко увидела, что вершина его не уходит в облако, а просто тает чуть ниже самых высоких веток. В нем кружились листья, камни, комья земли... вихрь шел на нас, поднимая с дороги весь мелкий мусор и обрывая листья с ветвей, меня хлестнуло по лицу бешеным порывом горячего ветра — и я сама не поняла, когда успела выхватить первый попавшийся под руку метательный нож.

Вихрь был уже совсем рядом, но время вдруг замедлилось. Я как будто проскользнула в промежуток между двумя секундами. Очень четко, как показывал Сигурд, я занесла руку и с силой метнула нож вперед.

Он исчез меж бешено кружащихся листьев, и в тот же момент по лесу разнесся громкий вопль. Вихрь мгновенно пропал — весь, вместе с грязью, листьями и камнями. Даже ветки не дрожали. Нож, испачканный в чем-то черном, лежал посреди тракта.

Все, как написано в книгах...

Я выдохнула, кое-как изобразила в воздухе Знак — не знаю, какому богу была адресована моя благодарность, — и перекинула ногу через седло. Нож следовало поднять.

— Яльга, нет! — почти крикнул Эгмонт. Я не отошла еще от опасности и потому мгновенно замерла. — Не спускайся, это может быть опасно!

Он протянул руку, быстро прошептав заклинание, — нож поднялся с земли и подлетел ко мне. Я аккуратно взяла его за рукоять, но черная дрянь уже выцветала, и через несколько секунд клинок вновь был чист.

Кони, между прочим, нисколько не испугались.

— Началось, — бесстрастно прокомментировал Сигурд.

Мы поехали дальше. Я чуть дрожала от возбуждения, мало-помалу начиная осознавать, что только что спасла жизнь всем нам троим — больше ни у кого не было метательных ножей. Сомневаюсь, что этот вихрь можно было развеять заклинанием, а уж на меч он точно плевать хотел.

Отступать было некуда, мы все это понимали. Теперь, когда чувство смутной тревоги ушло, уступив место совершенно осознанному пониманию действительности, я слышала мир гораздо лучше. И готова была поклясться, что за нашими спинами нет вообще ничего: мироздание сворачивалось как восточный ковер, двигаясь с той же скоростью, что и наши лошади. Оборачиваться не рекомендовалось, но пару раз, когда шлях делал поворот, я невольно бросала быстрый взгляд через плечо. *Там* все было прежним — и вместе с тем плавилось, как воск на огне.

Возможно, нам не стоило сюда ехать. Но вариантов уже нет. До захода солнца мы выберемся из этого леса, потому что должен же хоть кто-то из него выбраться!

Хотя бы назло ковенцам.

Опять же — если не выберемся, они будут искать нас до скончания веков. До посинения. Передавая сей благой завет из поколения в поколение. Тоже неплохо, если вдуматься. «Вот вам, гады! — как любил говаривать один мой знакомый гном. — Умру, а ногой дрыгну!»

Солнце стояло в зените, не спеша спускаться к западу. Пустое прозрачное небо казалось выцветшим от жары; я задыхалась в

стоячем воздухе, рубашка липла к телу, и оставалось лишь радоваться тому, что в этом лесу не было комаров. Иначе бы добрая их половина вилась сейчас вокруг нашего отряда. Эта жара давила на мозги и путала мысли; иногда мне казалось, что мы едем через лес вот уже который год, а дорога все не кончается.

Слева вдруг повеяло холодом. Я посмотрела туда: дорога приближалась к обрыву, по дну которого, наверное, текла небольшая речка. Склоны его почему-то были белыми.

— Мрыс эт веллер, — очень тихо сказал Эгмонт.

Я прищурилась: белое искрилось на солнце. Это...

Мы подъехали ближе, и я облизнула губы.

Это был снег. Овраг был весь засыпан снегом, — но каким-то неправильным, облепившим его стенки, и при этом продолжавшим блестеть, как будто он только что выпал. Оттуда веяло неподвижным холодом. Дорога прижималась к оврагу все теснее, вплоть до того что краешки плит, из-под которых высыпалась земля, стали нависать над отвесным склоном. С другой стороны на шлях наступала трава. Волей-неволей мы выстроились в цепочку по одному. Я ехала следом за Эгмонтом, Сигурд замыкал кавалькаду.

Мимо нас по-прежнему проносились жуки. Один из них прожужжал прямо у меня перед носом; я дернулась назад, и он с размаху влетел в воздух над оврагом. Так муха влетает в паутину.

Мы ехали довольно медленно, и я успела рассмотреть, как жук покрывается инеем. Очень скоро он стал белым, как статуэтка аль-буянского фарфора. Секунда-другая — иней исчез, а жук остался висеть, цветной и прозрачный, будто отлитый из стекла. Я невольно отвела взгляд.

Наконец овраг остался позади. Дорога вновь побежала среди кустов, и я была почти рада увидеть привычную темную зелень. Жуков сделалось вроде бы меньше.

Когда я в очередной раз глянула на солнце, оно, кажется, склонилось на несколько градусов к западу.

3

Еще полдня прошло без всяких происшествий.

Собственно, после оврага все были этому только рады. У меня, по крайней мере, долго стоял перед глазами давешний жук; нево-

льно я представляла, как мы с Рыжиком, соскользнув с дороги, висим над оврагом в весьма оригинальных позах, такие же цветные и стеклянные. Эта картинка являлась мне так настойчиво, показываясь с самых разных ракурсов, что через полчаса ее дополнила другая: Эгмонт, который, поминая мрыса и всех его родственников, аккуратно — чтобы не разбились — вытаскивает нас с конем обратно. А после везет, замотав в войлок, в Академию, где и устанавливает во внутреннем дворике. Рядом с фонтаном, ага. В назидание прочим адептам, которые так же плохо, как я (при жизни), учат: а) боевую магию; б) некромантию; в) алхимию; г) бестиологию. Ну и историю магии, чтобы волхву Легкомыслу не так обидно было. А потом братья аунд Лиррен введут традицию: погладить Рыжика и поцеловать каменную меня, чтобы мы поделились своей удачей. Мы же рыжие, у нас ее навалом.

А где-нибудь на заднем копыте Рыжику пропечатают инвентарный номерок...

Я представила, как Генри Ривендейл со скорбным лицом целует меня в лоб, и мне стало нехорошо. Нет уж, не дождетесь! Выберемся, и точка.

У меня еще три желания с близнецов не стребованы!

Словом, было тихо. Солнце, повисев дольше положенного в зените, все-таки начало понемногу скатываться на запад. Лошадиные копыта негромко стучали по каменным плитам, меня чуть потряхивало в седле, и я, кстати сказать, немного успокоилась после всех этих... картинок. Цветных и стеклянных. В конце концов, такого роскошного практикума по боевой магии точно ни у кого не было!

Один раз дорогу пересек широкий ручей, через который был переброшен мост из темных от влаги бревен. Ехать по нему было немного боязно: неизвестно, сколько лет этим несчастным бревнам, мне на них просто так-то вставать не хотелось, а уж вместе с конем тем паче. Но мы уже успели понять, что время здесь течет по-другому. Да и вариантов не было — не вплавь же перебираться, в самом-то деле!

Короче, мы переправились без происшествий. И только съезжая с моста, я поняла то, что по-хорошему следовало бы понять гораздо раньше. Эти бревна были ничем не скреплены между собой. И кто бы знал, что заставляло их висеть в воздухе, — потому что магии я там не почувствовала.

Шел уже где-то шестой час, когда мы выехали из-за очередного поворота и увидели... хм... необычное.

В этом месте дорога опять поворачивала — вправо и довольно резко. А прямо по курсу между деревьями виднелся широкий прогал, по которому легко мог бы проехать всадник. Один, а если сильно надо, то и два. Более того, если поехать прямо, мы точно успеем выбраться из леса до захода солнца: там, вдалеке, были четко видны точно такие же серые камни, которые мы пересекли сегодня утром.

Но сворачивать с тракта почему-то... не хотелось. Не хотелось, и все тут. Я посмотрела на Эгмонта, потом на Сигурда — и поняла, что мы на редкость единодушны.

— Если ехать напрямик, выберемся минут через десять, — нарушил тишину маг. — Если по шляху, то где-то через полчаса. Все равно успеваем, до заката еще несколько часов.

— Ага, — хмуро согласился Сигурд. — Если только нам это не блазнится.

Я авторитетно помотала головой как главный специалист по иллюзиям. От этих мест, конечно, можно было ждать любой подлянки, но мне почему-то казалось, что дорога, видневшаяся сквозь прогал, — самая настоящая. Только это ничего не меняло: лезть туда напрямик все едино очень не хотелось.

— Эгмонт прав, тут всей разницы минут в двадцать. Поехали лучше по тракту: целее будем.

Сигурд ничего не имел против. Рыжик тем паче.

Тракт в этом месте делал достаточно широкую петлю. Прогал остался позади, скоро лес сомкнулся плотнее прежнего, но я знала, что вот-вот будет конец дороги, и потому ехала очень бодро. Шаг за шагом, сажень за саженью... тут поворот закончился, мы выехали на финишную прямую, и я увидела, что шлях, как на эльфийских картинах, уходит в небо. В смысле, еще три сотни шагов — и лес заканчивается, а дорогу пересекает ровная широкая линия, выложенная из серого камня. Ее я почему-то разглядела особенно четко.

Но впереди тракт перегораживало упавшее дерево. А на нем сидели люди — человек десять, может, немного больше. И ясно было, что они ждут нас, причем совсем не для того чтобы получить эксклюзивное интервью у покорителей Старых Земель. И даже не для того чтобы пожелать счастливой дороги.

Будем прорываться с боем, поняла я. Волна Эллер-Минца, малый боевой пульсар, список атакующих заклинаний, которые надо подготовить к зачету. Золотая пыль в магзале; Генри Ривендейл, с которым так здорово было работать в паре.

Прорвемся...

— Ну что, Ялька, хотела боевой практики? Будет тебе сейчас практика, причем сразу и много. Такая, что и третьему курсу не снилась...

Эгмонт помолчал и добавил чуть тише и другим тоном:

— Ялька, помни, это не люди. Они могут выглядеть как люди, но у них другая реакция — они гораздо быстрее. И помни: они нас ждут, чтобы убить.

Сначала я хотела огрызнуться — мол, не маленькая, нечего меня успокаивать! Но минутой позже до меня дошло. Эгмонт не собирался успокаивать чрезмерно нервную девицу: он просто давал инструкции своей студентке. А, ладно! Василиска завалили, а это уж никак не василиски!..

Страшно, конечно. Но это здесь ни при чем.

Эгмонт был прав — на поваленном дереве сидели уж точно не люди. Но он, как все маги, очень любил говорить то, что ясно без всяких разговоров. В воздухе сильно пахло тленом — только не могильным, а сладковатым таким и душным, будто в южном лесу. От человека так никогда не пахнет, даже если человек — женщина, которая вылила на себя полсклянки эльфийских духов.

Запах был мерзкий, но Сигурд ему почти обрадовался. Кто бы только знал, как ему надоели эти магические игры! Больше всего на свете он не любил, когда от него ничто не зависело. Зато теперь предстояла драка, и оборотень мог доказать, что и он кое на что сгодится.

Узорчатый меч легко покинул ножны. Сигурд улыбнулся, чувствуя, что клинок едва ли не дрожит от нетерпения. Это был очень молодой меч, он сильно соскучился у Эгмонта и теперь всей душой рвался в схватку. Нет, хорошо все-таки, что судьба свела оборотня с магом! Ведь никуда не годится, когда меч вот так лежит себе и лежит, ожидая, когда же хозяин наконец сообразит, что против доброй стали ни один некромант не выдюжит! Хотя... этот меч магу явно не по руке. А вот Сигурду по руке, и еще как! Приедем в Арру — надо будет подобрать Эгмонту другой, да и все.

Некоторые существа встали и тоже обнажили мечи. Другие, наоборот, припали к земле, как это делают большие кошки. Но лучников не было, арбалетчиков — тоже, а за магические козни Сигурд ничуть не волновался. У него тоже в отряде маг, и не из последних. Из первых, можно сказать, вот так.

Вот вопрос — а далеко ли они прыгают? Если что, надо быть готовым принять на клинок...

«Раз — два — три — четыре...»

До пяти Сигурд досчитать не успел.

Завертелось.

Полыхнула алая вспышка, Яльга выкрикнула какое-то заклинание, тварь бросилась снизу вверх, и оборотень встретил ее мечом. Добрый клинок с готовностью рассек нежить на две части. Правильно все-таки, что в оборотничий харалуг всегда добавляют серебро...

Ага, вот уже и эти, с мечами...

Лошадей нежить не трогала. Возможно, потому что не видела. Пешему не слишком-то удобно рубиться с конником, но существа легко восполняли недостаток роста избытком скорости. Впрочем, Сигурд успевал. Он мог бы драться и еще быстрее, это был отнюдь не предел. И если эта дрянь уверена, что победит... ха, да она не знает, что такое волкодлак!

Они успевали, и Яльга в том числе. Нет, Сигурд ее, конечно, прикрывал, и Эгмонт тоже, но девица лупила заклинаниями что твой Магистр Эллендар с лубков. Попадала, правда, не так часто, ну так и твари были не лубочные. Никто из своих пока что не был ранен.

«Прорвемся», — уверенно подумал волкодлак. Численный перевес все еще был на другой стороне, он уложил всего троих, но уже сейчас было понятно, чем дело кончится. Краем глаза оборотень увидел, как Эгмонт прицельно вогнал огненный шар прямо в пасть очередной твари. Сигурд снес голову следующему существу и увернулся от другого, похоже возжелавшего отомстить за бесславную смерть товарища.

Чушь, разумеется. Какие у нежити товарищи?..

Меч, весь в крови, был абсолютно счастлив.

Драки — их только описывать долго. Скоро все кончилось, но Сигурд не сразу это сообразил и заозирался, отыскивая врага. Но все враги, какие были, лежали на дороге, только одного отшвырнуло на дерево — Яльгина работа: Эгмонт действовал аккуратнее.

Дерево, кстати, тоже пострадало: какое-то заклинание выжгло из него немалый кусок, чуть меньше ширины тракта. Теперь там легко можно было проехать верхом.

Меч был явно разочарован: он только-только успел войти во вкус. Сигурд, в общем, его понимал. Ему тоже было обидно, что все так быстро закончилось. Но в лесу было тихо, местные духи затаились, как мыши под веником, — видно, они тоже поняли, что оборотень и его меч будут им очень рады. Они не испытывали желания порадовать Сигурда с его мечом и, похоже, предпочитали сейчас радовать кого-нибудь другого. Желательно — не подданного Серого Конунгата.

Волкодлак вздохнул и тщательно вытер меч об одежду того, который лежал на дереве, — чтобы воспользоваться остальными, пришлось бы спешиться, а вот этого не хотелось. Лучше было бы иметь при себе специальную тряпочку: меч это точно заслужил. Нет, отдавать его Эгмонту было бы просто преступлением.

Ну ничего, впереди горы, а в горах чего только нет...

...Он сам не понял, зачем обернулся. Будто толкнуло что-то. Ялька, бледнея на глазах — хотя, кажется, дальше бледнеть уже было некуда, — стала выпускать поводья и медленно заваливаться набок. Сигурд мгновенно сообразил, что сейчас произойдет: Ялька вывалится из седла и упадет на дорогу. Еще он отчетливо осознал, кем она станет после этого. Маг, выпитый до самого донышка и упавший на эту землю... последующая Яльгина судьба лежала, живописно раскидав руки-ноги, на ветвях поваленного дерева.

Шпор у Сигурда не было, поэтому он по-простому сжал бока лошади коленями, посылая ее в прыжок. Бедное животное до сегодняшнего дня не подозревало о двух вещах: что хозяин все-таки скотина, причем жестокая, и что оно, животное, умеет так здорово прыгать с места, причем без разбега. Но это было уже не суть важно. Важно было другое. Сигурд успел подхватить Яльгу практически у самой земли. Это потом он понял: хорошо, что подпруга выдержала!

Ялька была... совсем никакая. Серая, тяжелая и не подающая никаких признаков жизни. Жизнью от нее почти не пахло... правда, и смертью — тоже. По-любому ее надлежало вывезти за пределы этого проклятого леса.

В седле она, ясен пень, не усидит, а держать ее — рук не хватит. Оборотень немного подумал, потом положил ее поперек седла и намотал поводья Яльгиной лошади на переднюю луку.

Интересно, где этот мрысов маг? Он-то куда смотрит?! Уч-читель, так его растак!..

Мрысов маг обнаружился неподалеку. Он тоже выглядел както подозрительно — проще говоря, зеленый он был, как после хорошей попойки. В седле, правда, худо-бедно держался. Одной рукой для верности вцепившись в поводья, другой он что-то пытался начаровать. Сигурд был не маг, но даже ему эти попытки показались на редкость бестолковыми. С каждой секундой на лице у Эгмонта все четче проступало какое-то детское, обиженное непонимание, и волкодлак вспомнил, откуда ему это знакомо. Примерно то же чувство он испытал лет двадцать назад, увидев летним вечером на небосклоне луну — это при том, что солнце еще не зашло. В те поры он был твердо уверен, что на небе полагается быть чему-то одному — либо луне, либо солнцу, а когда и то, и другое вместе...

Кстати, о солнце...

Сигурд глянул на горизонт и, не удержавшись, присвистнул. По его подсчетам, времени на то, чтобы перебить эту дрянь, ушло не более десяти минут. Однако солнце почти коснулось небостыка. Алое, круглое и неизмеримо нахальное — вот уж не думал Сигурд, что так отзовется о создании Старого Волка! — оно неумолимо катилось вниз, как будто всей душой торопилось в гостеприимно отверстую пасть Западного Змея.

Времени было мало. Из Яльги с каждым мгновением вытекала жизнь. Хуже того: Сигурд готов был поклясться, что земля под копытами его лошади едва заметно подрагивает — *что-то* торопилось перехватить их, пока они не успели пересечь проведенную Ардконунгэ[1] границу. Оборотень оценивающе посмотрел на мага и понял, что в случае неприятностей придется пробиваться в одиночку.

Одной рукой придерживая Яльгу — девица, являя редкостно вредный норов, так и норовила сползти, — другой, свободной, Сигурд взял под уздцы Рихтерова коня. Эгмонт не имел ничего против: он прикладывал все усилия к тому, чтобы остаться в седле. Волкодлак громко свистнул, и лошади побежали по дороге.

Солнце уже почти коснулось горизонта. Никогда прежде закат не казался Сигурду таким неприятным. «Раз — два — три — четы-

[1] Ардконунгэ («Владыка Знания» на грекоре) — прозвище Седрика дель Ардена, конунга Арры.

ре...» Они успевали. Яльга елозила туда-сюда, но Сигурд держал ее крепко.

Теперь не было никаких сомнений, что позади погоня. Оборотень чуял, слышал, ощущал всей кожей: То, Что В Лесу, успело сообразить, как сильно *оно* просчиталось. И теперь ударит наверняка.

Ударило бы. Если бы успело.

Потому что лошади уже перескочили через Серые камни. Их копыта глухо стукнулись о землю — гномские плиты остались на той стороне, здесь шла обыкновенная грунтовая дорога. И словно эхо, из леса донесся вопль бессильной ярости, перешедший в протяжный стон. Оборотень услышал его не ушами, а чем — он и сам не знал. То, Что В Лесу, упустило добычу. Впервые за тысячу лет.

4

Эгмонт очнулся. Лежать на голой земле было холодно и жестко; еще не оценив ситуации в полной мере, он попытался встать и едва не взвыл. Магический резерв был вычерпан до предела — напрягая все силы, он не мог отыскать в себе и капли магии.

Полное опустошение резерва. Он об этом читал, но ни разу не испытывал на собственной шкуре. Что же, авторы монографий не солгали ни на вершок — ощущения были великолепными, даже если не шевелиться. Причем худшим был тупой, нерассуждающий ужас, поднимавшийся откуда-то из глубин: а что, если это навсегда, если резерв уже никогда не восстановится?

«Восстановится, — сжав зубы, подумал он. — Резерв всегда восстанавливается...»

Так плохо ему не было ни разу. Даже после зимней сессии на третьем курсе, когда совсем еще неопытный Эгмонт впервые попробовал мандрагон, ничего не зная о свойствах этого волшебного напитка. Даже на выпускном, после поединка с Хендриком. Даже, мрыс дерр гаст, потом, за всю последующую, весьма долгую и богатую на события профессиональную жизнь.

В горле саднило. Эгмонт для проверки кашлянул — лучше бы он этого не делал — и сплюнул накопившейся во рту слюной. Слюна была горькая и желтая; по всем признакам, его недавно рвало желчью.

Этого он не помнил... впрочем, он много чего не помнил. Например, как они покинули заклятый лес. Последнее, что удалось кое-как восстановить, — Ялька соскальзывает с седла, а он пытается удержать ее телекинезом. Кажется, ничего не получилось. Дальше была сплошная темнота.

Их вытащил Сигурд. Простой волкодлак без капли магического таланта. «Если что, я успею прикрыть Яльгу и помочь оборотню...» Ага. Помог.

И тут его как молнией обожгло. Ялька!..

Если из него, дипломированного мага с приличным стажем, этот лес высосал магические силы, и только, девчонка первого года обучения пострадала куда серьезнее. И он, *дипломированный маг с приличным стажем*, даже не смог прикрыть ее! Эгмонт вдруг ясно вспомнил, что именно происходило с Яльгой на дороге; он все-таки был эмпатом и умел чувствовать такие вещи. Из нее выплескивалась жизнь, толчками, как кровь из разорванной артерии. Ладно, Сигурд вытащил нас обоих, а дальше? Ей же требуется помощь... сколько времени я вот так провалялся?!

Эгмонт рывком поднялся на колени и несколько мгновений вообще ничего не видел. Потом головокружение прошло, и он огляделся. Ялька, бледная как смерть, лежала на расстеленном плаще. Разумеется, она была без сознания. Эгмонт *потянулся* к Яльге, забыв, что резерв его пуст, но каким-то чудом все-таки расслышал, что в ней происходит. Сначала он не поверил, потом почувствовал невероятное облегчение, потом опять не поверил и попытался услышать ее еще раз.

Нет, он не ошибся. Артерию вовремя зажали. Кто, как — не суть важно, времени все равно мало. Пока что знаменитая Яльгина удача не покинула ее. В городке под названием Солец жила Ардис; во многих отношениях она была более чем средним магом, но одно умела делать превосходно. Лечить. Если они поторопятся, то у Яльги появится шанс.

Кроме того, Ардис точно не станет связываться с КОВЕНом.

Из кустов почти бесшумно вынырнул волкодлак. Выглядел он, в отличие от Яльги и самого Эгмонта, вполне жизнеспособным. Разве что изрядно голодным, расцарапанным и покусанным комарами.

— Сигурд. — Слова выговаривались с трудом, царапая и без того надорванное горло. — Сигурд, нам надо спешить. Яльге осталось жить еще минут сорок, если повезет.

Оборотень покосился на Эгмонта весьма недоверчиво. Видно было, что он сомневается в способности мага не то что удержаться в седле но и просто вскарабкаться на лошадь. В принципе он был недалек от истины.

— Подай мне мою сумку.

Сигурд подал. Эгмонт, почти не глядя, вытащил оттуда небольшую фляжку, открутил крышку и, собравшись с духом, отхлебнул ровно треть. Перехватил голодный взгляд оборотня и пробормотал:

— Извини, тебе от этого пользы не будет. Один сплошной вред.

Волкодлак явственно смутился и ткнул пальцем в сторону Яльги.

— Да я-то что? Я-то так. Может, ей... того? Глоточек?

— Того, что ей может помочь, у меня нет. А это зелье ее убьет. Два эликсира, наложившись друг на друга... — Эгмонт споткнулся, не зная, как объяснить Сигурду механизм взаимодействия двух взаимоисключающих эликсиров, но этого и не потребовалось. Оборотень понимающе кивнул, поднял Яльгу и уложил ее поперек седла, как украденную невесту.

Зелье начинало действовать. Эгмонт с третьей попытки залез в седло и даже сообразил взять под уздцы Яльгиного Рыжика. Он твердо знал, что до Ардис доедет любой ценой — и плевать, что потом, когда действие зелья пройдет, он будет беспомощнее котенка!

Он плохо помнил дом, в котором жила Ардис. Но это было нестрашно: стражники на воротах уж точно знали, где именно поселилась городская лекарка.

Когда они подъехали к воротам Ардис, город неотвратимо окутывали мягкие сумерки. В ее доме светилось одно окно — насколько помнил Эгмонт, это было окно кухни. Поверх невысокого забора оба всадника увидели, как из-под крыльца мохнатым клубком выкатилась белая собачонка. Она звонко залаяла, приседая на задние лапы.

Почти сразу же скрипнула дверь, и во двор выскочил мальчишка лет десяти — ученик, наверное. Он коротко глянул на Эгмонта с Сигурдом и распахнул ворота.

— Заноси ее в дом, — велел он оборотню, принимая у него поводья.

Сигурд кивнул и, спешившись, осторожно снял с лошади Яльгу. Он пошел к двери, а Эгмонта вдруг посетила совершенно жуткая мысль: что, если Ардис нет дома? Что может ученик там, где бессилен он сам?

Но додумать этого ужаса до конца он не успел. Дверь скрипнула вновь, и на крыльцо, на ходу вытирая руки о передник, вышла невысокая, чуть полноватая женщина. От нее пахло домом и кухней. Еще минуту назад она занималась тем, что и положено делать женщине ввечеру: готовила ужин для своей семьи.

Она посторонилась, пропуская Сигурда с Яльгой в дом. Мальчишка шел впереди, показывая, куда нести пострадавшую, и чувствовалось, что ему это не впервой.

— Добрый вечер, Ардис, — хрипло выговорил Эгмонт, прикидывая, как ему половчее сползти с лошади.

— Добрый вечер, Эгмонт, — спокойно ответила ему хозяйка. — Ты слезешь сам или тебе помочь?

— Сам, — твердо сказал маг и в доказательство своих слов кое-как спустился на землю. Мир качнуло, и Эгмонт едва успел вцепиться в переднюю луку седла.

Ни слова не говоря, Ардис взяла его под руку и провела внутрь дома.

5

Темно.

Здесь темно и холодно, пахнет не то пылью, не то мрыс знает чем. Ну понятно, почему темно: здесь нет ничего, на что можно было бы смотреть. Но холодно-то зачем?

Холодно...

Нет, нет, нет, я не хочу здесь быть, я не могу здесь оставаться! Я смогу, прорвусь, я ведь всегда могла и прорывалась... вот только подняться бы на ноги. Или хотя бы просто перевернуться на живот.

Не получается? — Ничего, еще разочек — и получится...

Почему у меня нет сил?

Почему?!

Мир содрогается снова и снова, надо мной пляшут тени — как я их вижу, если вокруг такая темнота, что темнее и представить нельзя? До чего же холодно. Будто на снегу лежу.

В Лыкоморье всегда холодно, это север...

Мир плавно уходит вниз, будто на огромных качелях. Меня накрывает чем-то теплым, и холодная темнота превращается в обычный сумрак. Там, надо мной — всего лишь натянутая стенка шатра, за которым гуляет ветер. На ветру пляшет костер, у костра звенит гитара... ах, хорошо звенит! Конэстэ рат шылало, одова нанэ ром[1].

Пытаюсь встать, но чья-то рука удерживает меня на месте.

— Лежи, — глухо, ворчливо. — Лежи, не торопись! Этот костер пока горит не для тебя. Всему свое время, Ялька!

Улыбаюсь.

— Романы яг сарэнгэ бикхэрэнгиро свэтинэла[2]*...*

— Поговори мне еще! То ромский костер...

Почему ты говоришь по-лыкоморски? Я так давно не слышала той, правильной речи...

— Молчи.

Лежу. Молчу. Слушаю. Далеко-далеко ходят кони, чуть слышно звенят уздечки... В шатре пахнет табаком и травами. Вот запах трав становится сильнее, в губы мне тычется деревянная ложка. Я пью. Какой горький...

— Еще привередничать будет! Смерть слаще была бы...

Как темно. И тепло. И спать хочется... Ходят кони, ходят, ай, по степи...

Зачем-то открываю глаза — чтобы увидеть, как неяркий огонек на миг высвечивает лицо, которого я в жизни никогда не видела. Но сразу же узнала.

И все. Дальше я уже сплю.

За ночь Сигурд просыпался раз пять или шесть — на всякий случай. Он поступал так всегда, если засыпал в человеческом обличье; волку же это было без надобности — он и так просыпался, едва почуяв приближение беды. Но в этом доме было тихо и спокойно; на много верст вокруг лежала ночная темнота, и Сигурд, хотя был, конечно, не маг, полагал, что бояться сейчас нечего. Разве что за Ялькy.

[1] У кого кровь холодная, тот не ром.

[2] Ромский костер всем бездомным светит.

Всякий раз, проснувшись, он видел огонек свечи — сперва длинной, потом короткой, потом вновь длинной. Свеча стояла на подоконнике, и язычок пламени отражался в черном стекле. Когда Сигурд впервые проснулся, рядом с подсвечником виднелся небольшой горшочек, прикрытый блюдцем. Из-под блюдца тянулся острый травяной запах. Неслышно ступая, к окну подошла лекарка. Она сняла блюдце и перелила остывший взвар из горшка в чашку. После чего осторожно приподняла Яльге голову и понемногу выпоила ей все до капли.

Потом, через несколько часов, он увидел, как Ардис, хмурясь, считала Яльге пульс. Похоже, результат ее не обрадовал. Лекарка покачала головой, вздохнула, порылась в коробке с зельями и выудила маленький, но очень тяжелый на вид пузырек. На секунду она задумалась, потом подошла к Яльге, оттянула ей веко, зачем-то вгляделась в неподвижный зрачок. После чего вновь посчитала пульс, вздохнула и откупорила пузырек. Сигурд едва не задохнулся: в пузырьке обитал весьма резкий запах, неприятный именно тем, что был слишком сильным. Даже мощным, можно так сказать.

В рот Яльге стекли три тягучие черные капли. Лекарка бережно закупорила склянку, после чего опять посчитала пульс. Судя по всему, она немного успокоилась. Запах все еще стоял в комнате, и волкодлак, не удержавшись, чихнул. Ардис обернулась.

— А ты чего не спишь, — громким шепотом заругалась она на Сигурда. — С тобой еще возиться, что ли? И так дел невпроворот! Спи!

Сигурд хотел было возразить, что он сам в состоянии решить, спать ему или нет, но веки налились свинцом, и он послушно заснул.

В последний раз он проснулся уже под утро, когда за окном начинало светлеть. Свеча — точнее, коротенький оплавленный огарок — была потушена. Ардис тоже исчезла. В неясном утреннем свете Сигурд разглядел, что Яльга укрыта большой цветастой шалью с кистями. Такие шали стоили очень дорого, их ткали горные гномы, и сносу этим шалям точно не было. Сигурд хотел привезти такую шаль матери, но выяснилось, что стоит она не меньше чем добрый меч. На тот момент денег у него не было, и Сигурд положил себе непременно накопить нужную сумму. Чтобы потом, на обратном пути, точно хватило.

И такой ценной вещи лекарка не пожалела для совершенно чужого ей человека! Сигурд преисполнился уважения к хозяйке дома и преспокойно заснул.

6

Утро началось для Эгмонта довольно поздно: солнце, по крайней мере, давно уже взошло. На соседней улице бодро орал петух, через равные промежутки времени оповещая мир о чем-то невероятно важном с его, петушиной, точки зрения. Маг чихать хотел на все точки зрения, петухов он уважал только в супе, и вообще было ему весьма нерадостно.

Резерв заполнился едва-едва на треть. Этого было мало, особенно по сравнению с нормальным положением дел, и Эгмонт мрачно подумал, что начинает понимать Эрика Веллена с его... странностями. Еще не таким странным станешь, если в твоем резерве плещется от силы ложка энергии.

Если, конечно, кому-то вздумается измерять энергию в ложках.

Впрочем, даже этого минимума хватило, чтобы понять: Яльге стало лучше. Ардис действительно была отличным лекарем — и очень хорошим человеком, потому что нигде в кодексе целителей нет пункта «обязан лечить всякого, кто завалится в твой дом в девять часов вечера».

Эгмонт закрыл глаза и, сделав усилие — раньше он обошелся бы без всяких усилий, — перешел уровнем выше, чтобы рассмотреть дом со стороны магических потоков. Так. Яркое свечение, собравшееся в пульсирующий комок, — Яльга. Болеет, но выздоравливает. Свечение на порядок бледнее — похоже, ученик Ардис. Несколько амулетов, довольно специфических... ни одного ковенского. Нет и намека на фиолетовый свет.

Интересный, кстати, вопрос, до сих пор не изученный наукой. У каждого мага свой цвет ауры, и следы он оставляет весьма характерные. Но как только этот маг отправляется куда-то по делам КОВЕНа, то же самое свечение приобретает явственный фиолетовый шлейф.

Некстати заявил о себе резерв, пустой на две трети. Вспомнив все известные ему ругательства на гномском, Эгмонт соскользнул

на нулевой уровень. Мр-рыс... да сколько же можно? Он спал целую ночь, все давным-давно должно было восстановиться!

Последнюю фразу он невольно произнес вслух, и ответ не замедлил себя ждать.

— А нечего было Лиррас Эндер глушить, — хладнокровно заявили от двери. — Вы бы еще мандрагоном заполировали.

На пороге стоял ученик Ардис; в руках у него была какая-то склянка. Эгмонт коротко глянул на юное дарование, и оно замолчало, правда независимо хмыкнув себе под нос.

— Чему вас на алхимии учили? — буркнуло оно через полминуты.

— Что мистрис Рэгмэн говорила про Яльгу?

— Много чего хорошего. — Ученик потряс склянкой, потом подышал на нее, потом опять потряс. — И нехорошего тоже, но это уже про вас. Я повторять не буду — мать вернется, сама все скажет... больно долго говорить, да и вообще. А девица ничего, к вечеру очухается.

Он еще раз встряхнул бутылек, потом вытащил пробку.

— Вот, половину сейчас отпить, вторую — через три часа. И в промежутке больше ничего не принимать.

— И что будет? — уточнил Эгмонт, рассматривая содержимое склянки. После Яльгиных зелий он с опаской относился ко всему, что нужно принимать вовнутрь и что не изготовлено алхимиком с дипломом.

— Там и поглядим, — оптимистически заявил ученик.

Ладно, рискнем. Эгмонт прикинул, где у этой склянки середина, и в два глотка выпил, что было сказано. Зелье было чуть кисловатым. Кивнув, ученик забрал у него склянку и заткнул ее пробкой. «Мать вернется, сама все скажет...» Значит, не просто ученик.

— Тебя как зовут? — спросил маг.

Тот пожал плечами:

— Артур. А вы — Рихтер, мне мать сказала.

Эгмонт кивнул. Мир вдруг начал отодвигаться, заслоняясь какой-то полупрозрачной пеленой; спустя минуту маг уже спал. Зелье и вправду было очень мощным.

Ровно через три часа он проснулся вновь. На этот раз его разбудил запах — совершенно умопомрачительный запах еды. Эгмонт не сразу понял, что именно это была за еда, но подробности его не волновали. Есть хотелось страшно — и неудивительно, по-

тому что в последний раз он ел сутки с лишним назад, в корчме по ту сторону леса.

Резерв немного пополнился — теперь в нем было чуть меньше половины.

Эгмонт сел, правда, с некоторым трудом. Похоже, вчера он несколько переоценил свои силы, решив, будто лес высосал из него только магическую энергию. А может, ученик... Артур был прав насчет Лиррас Эндер. Но раньше он гораздо быстрее отходил после этого зелья: вполне хватало трех-четырех часов.

Он переждал приступ слабости и порадовался тому, что уснул в одежде, — вчера не было сил раздеться, сегодня проблема была бы в обратном. Потом натянул сапоги, собрался с силами и встал. По возможности вертикально.

Мир уверенно шатался — вверх-вниз, вправо-влево, по диагонали. Но пол пока что был внизу, и Эгмонт успел сделать целых два шага, прежде чем уже знакомый голос возмущенно осведомился:

— Эй, вы куда собрались?

— Туда, — лаконично ответил маг. Он был всецело занят борьбой с полом.

Артур насмешливо хмыкнул.

— Сядьте, — приказал он. — Я сейчас.

Может, другое зелье принесет, с надеждой подумал Эгмонт. Для более быстрого... хм... оздоравливания.

Мальчишка вернулся через две минуты. Зелья он не принес, зато притащил какую-то весьма непотребного вида лохань. Маг посмотрел на нее, потом перевел взгляд на Артура, постаравшись, чтобы этот взгляд оказался в должной степени ледяным.

— А что? — совершенно спокойно парировал тот. — Ежели вы на полдороге свалитесь, мне вас как, за ногу тащить? Или волчару этого с огорода кликать?

— Не свалюсь, — тихо и нехорошо пообещал Эгмонт. С полминуты они смотрели друг на друга.

— Ну, как знаете, — сдал назад Артур.

Рихтер мысленно посочувствовал коллеге Ламмерлэйк: скорее всего, лет через шесть юное дарование собиралось поступать на алхимический. А если он уже сейчас такой упрямый, что будет к первому курсу?

...Туда и обратно Эгмонт добрался самостоятельно, причем так нигде и не свалился, вопреки мрачным прогнозам юного це-

лителя. Правда, его дважды облаяла белая собачка. Просто удивительно, как в таком маленьком существе помещается такой громкий лай.

Во дворе, кстати, были куры. Много кур. И все они лезли под ноги, сопровождая это возмущенным кудахтаньем.

На обратном пути он встретил Сигурда. Волкодлак, выспавшийся и довольный жизнью, шел с огорода, помахивая длинным пучком зеленого лука. Передвигаться, опираясь на оборотня, оказалось куда быстрее и надежнее.

Когда они вернулись в комнату, лохань уже исчезла. Артур весьма недовольно косился на пациента, но все свои мысли держал при себе — надо думать, Ардис успела рассказать ему, чем Эгмонт зарабатывает себе на жизнь. Зарабатывал. А спорить с преподавателем Академии, куда тебе еще поступать...

— Есть будете? — спросил он.

Эгмонт кивнул раньше, чем сообразил, что делает. Вообще-то он собирался пойти глянуть на Яльгу — отнюдь не из недоверия к профессионализму Ардис, а просто так. Но он был настолько голоден, а с кухни пахло так вкусно... В конце концов, Эгмонт больше не намеревался пить каждое зелье, которое ему подсунет мальчишка. Сколько можно валяться в постели!

Мысли были бодрыми, но резерв все еще оставался наполовину пустым. Да и не только резерв — Эгмонт прекрасно отдавал себе отчет, что не продержится в седле и часа. Мир в любой момент готов был встать на дыбы, так что, если честно, они очень вовремя встретились с Сигурдом.

Артур сходил на кухню и вернулся с миской супа и куском хлеба. Отдав Эгмонту еду, он достал из кармана уже знакомую склянку, наполненную до половины, и начал деловито ее потряхивать, изредка дыша на прозрачное стекло. «Тряси-тряси», — довольно подумал маг.

— Может, тебе это... помочь? — осведомился деликатный волкодлак.

— Вы что, сговорились? — кротко поинтересовался Эгмонт, и Сигурд замолчал.

Суп был великолепен. Алхимики обычно неплохо готовят, но Ардис готовила просто замечательно, почти так же хорошо, как лечила.

Еда кончилась куда быстрее, чем того хотелось бы Эгмонту. Он с сожалением заглянул в пустую миску и, наплевав на этикет,

досуха вытер ее оставшимся кусочком хлеба. После чего принял от Сигурда большую глиняную кружку чая.

Артур выглядел подозрительно довольным. Из осторожности Эгмонт понюхал жидкость, но ничем, кроме чая, смородинового листа и молока, от нее не пахло. Покосившись на потенциального адепта, маг с наслаждением выпил всю кружку. Жизнь потихоньку налаживалась. По-хорошему стоило бы сходить и посмотреть, как там Яльга, но всякому известно, что после сытного обеда полагается передохнуть. Вот он сейчас передохнет и пойдет... самую чуточку передохнет...

Мрыс дерр гаст!

Мальчишка уже открыто ухмылялся. Мир привычно затягивало знакомой полупрозрачной дымкой — слишком быстро, так, что, даже будь у Эгмонта силы, ему недостало бы времени, чтобы бороться. Взвыв от отчаяния, маг погрузился в теплые пучины сна.

— Так-то лучше, — удовлетворенно пробормотал Артур. Эгмонт спал, и возмущенное выражение мало-помалу исчезало с его лица. Малец повернулся к Сигурду. — Ну что, пошли теперь девицу вашу...

— Яльгу, — подсказал оборотень.

— Ну, Яльгу так Яльгу... Пошли ее кормить. Известно, одними зельями сыт не будешь.

7

Я просыпалась медленно и неохотно; если по-честному, больше всего мне хотелось завернуться в одеяло и дрыхнуть дальше, но чувство долга, видно, проснулось первым и не захотело бодрствовать в одиночестве. Не прошло и трех минут с того момента, как оно впервые постучалось мне в душу длинным зазубренным когтем, как я уже оторвалась от подушки, потирая руками лицо.

Вокруг была совершенно незнакомая комната: бревенчатые стены, невысокий потолок, окно, задернутое полотняной занавеской. Полки с книгами — некоторые из них здорово эманировали,

так что хозяин дома определенно был магом. Ковенским магом, ибо других в природе попросту нет.

Неужели нас все-таки поймали?!

Я подскочила на кровати, как укушенная. Мысли завертелись во всех возможных и невозможных направлениях, но тут послышались шаги, и в комнату быстро вошел Сигурд. Живой, здоровый, нисколько не похожий на несчастного пленника.

— Ялька, ты как? — быстро спросил он.

Я потрясла головой. Ощущение было такое, будто вчера я все же поприветствовала ею одно из тамошних деревьев.

— Не знаю, — наконец осторожно сказала я. — Живая... вроде.

— Тоже, наверное, встать хочешь? — весьма ехидно осведомились из-за Сигурдовой спины.

Я недоуменно нахмурилась; волкодлак посторонился, и ко мне подошел совершенно незнакомый пацаненок лет двенадцати, лохматый, нестриженый и весь какой-то взъерошенный, как воробей.

Я немного подумала. Имелся определенный соблазн, но рисковать не хотелось.

— Нет, лучше я пока полежу. Надежнее выйдет. Ты вообще кто?

— Хоть одна умная нашлась, — прокомментировал это пацан. — Голова болит?

Я отрицательно мотнула оной и тут же вскинула руки к вискам. Ешкин кот... От этого движения под черепной коробкой будто взорвали маленький пороховой склад. Как это оно раньше ухитрялось молчать?!

Мальчишка кивнул и достал из кармана какой-то пузырек темного стекла. Потом неуверенно глянул на меня:

— Может, все-таки потерпишь? Его на голодный желудок пить не надо бы...

— Поесть дайте, — взмолилась я. Желудок орал еще громче, чем голова: стоило упомянуть о еде, как я мигом сообразила, что проснулась именно от голода. А вовсе не от моральных терзаний.

Сигурд кивнул и вышел из комнаты. Скоро он вернулся с миской супа и ломтем серого хлеба. Отдав мне то и другое — я немедленно откусила от хлеба маленький кусочек, — оборотень опять исчез, похоже, по тому же самому маршруту. И верно: через минуту он уже протягивал мне кружку с чаем.

— Спасибо, — неразборчиво сказала я. Ни один эльфийский кулинар не мог бы приготовить более вкусного супа. Вот чай был... немного печальнее, но Сигурд исправил ситуацию, почти до половины разбавив его молоком.

— Что с нами случилось?

— Не знаю, — обрадовал меня волкодлак. — Вы с Эгмонтом аж с самой опушки такие... невеселые. Я так понял, что из вас там силы выпили, а до меня не дотянулись. Я же ведь не маг.

— А что с Эгмонтом?

— Ну, ему получше, чем тебе. Он, по крайности, без сознания не валяется...

— Зато дрянь всякую глушит, — буркнул мажонок. — Слышь, девка, скажи ему, чтобы что попало в рот не тянул! Мать всю ночь от тебя к нему бегала...

Я вопросительно глянула на Сигурда.

— Мы у мистрис Рэгмэн, — пояснил он. — Они с Эгмонтом учились на одном курсе. Она лекарка, тебя с того света вытащила. Ты, по-честному, совсем неживая была...

— Помню, — хмуро согласилась я, отдавая Сигурду чашку. В животе было тепло и уютно, голова, кажется, тоже немного успокоилась. Если ею не двигать, так и вовсе не болит.

— Вот, держи. — Пацаненок протянул мне небольшой флакончик. — Выпьешь все, маленькими глотками.

— Гадость? — настороженно спросила я, рассматривая флакон. Некстати вспомнилась Полин и ее декокты.

Мажонок ухмыльнулся.

— Гадость, гадость, — заверил он. — Пей давай, мне флакон нужен.

Я осторожно сделала глоток. Ну да, неприятно, это вам не молоко. А куда денешься? Раз, два, три... теперь немножко, совсем на донышке...

— Долго спать буду? — наугад спросила я, возвращая флакон.

— До вечера, — спокойно ответил пацан. — Часов до семи.

Я кивнула и соскользнула в лежачее положение. Заботливый оборотень укрыл меня одеялом. Тепло-то как... волнами накатывала блаженная сонная слабость, и я закрыла глаза, позволяя зелью взять над собой верх.

Засыпая, я слышала, как Сигурд, ступая почти неслышно, вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь.

— Пошли, — нарушил молчание малец. — Поесть надо. Мы хоть здоровые, но нам тоже жрать надо. У меня еще картошка неполотая стоит.

Сигурд кивнул. Огород он обследовал досконально и пришел к выводу, что хозяйка в доме правильная. В огороде все было сделано по уму. И капуста крепенькая, и огурчиков аж целых две гряды. Была там морковка, был горох, было и целое поле картошки. Оборотень отлично знал, какие силы требуется приложить, чтобы огород выглядел таким ухоженным. Мать часто любила повторять, что земля — тоже женщина и оттого требует любви, заботы, ласки и внимания. И потому сейчас, когда Артур упомянул о прополке картошки, Сигурд подумал, что малец один не справится. По-хорошему надо отплатить хозяйке добром за добро. К тому же, насколько он помнил, во дворе лежала целая груда дров, которые надлежало сначала переколоть, а после сложить в поленницу. Это уж точно не женская работа.

На кухне они действовали как-то слаженно. Артур достал из печки чугунок с супом. Чугунок был добрый: ведро не ведро, но что-то около того. Сигурд нарезал хлеб. Малец перехватил голодный взгляд оборотня и зачерпнул со дна, где была самая гуща. Потом слазил в подпол и подал Сигурду миску холодной картошки, другую — с солеными огурчиками и небольшой, но увесистый шматок сала.

Они поели и отправились на огород. Артур тоже было нацелился на тяпку, но Сигурд быстро прогнал мальца, отправив его уносить изничтоженную траву за пределы картофельного поля, поближе к заборчику. Чуть позже эта трава должна была пойти на корм свиньям — они слонялись по загончику, то и дело пытаясь просунуть пятачки в щель в заборе.

Солнце припекало, но работалось Сигурду легко, в охотку. Ему даже на какой-то миг показалось, что он дома. Вот сейчас выйдет мать, принесет квасу и скажет, какой у нее вырос сын — сильный да работящий... Но Арра была далеко, за Драконьим Хребтом. На квас рассчитывать не приходилось, впрочем, и вода, которую малец принес из дома, оказалась более чем кстати.

Сигурд закончил работу часа через два. Возле забора выросла изрядная груда травы, на которую с вожделением косились через забор обе свиньи. Оборотень удовлетворенно оглядел поле. Ска-

зать, что он совсем не устал, означало сказать неправду, но дела это не меняло. Волкодлак хотел было помочь Артуру перекидать траву свиньям, но потом передумал, поняв, что тот окончательно разобидится. Он ведь все же мужчина и хозяин в доме.

Поэтому Сигурд просто спросил, где взять топор, и пошел колоть дрова.

Какое-то время спустя Артур, видимо все-таки закончивший с травой, тоже появился во дворе и принялся складывать поленницу. Действовал он на диво ловко и умело, и Сигурд лишь несколько раз откладывал топор в сторону, чтобы показать, как складывают поленницу у них в Арре. Малец кивал, запоминая. Да, славный растет мальчишка у лекарки.

Оказывается, и у людей бывают правильные женщины. И дом содержит, и огород в порядке, и свиньи ухоженные. И сына вон какого вырастила. Нет, Яльгу оборотень считал вполне себе достойной девицей, но вот хозяйственности в ней не было ни на монетку. Хотя опять же — лет ей всего ничего, да и у кого она могла научиться?

Не у Эгмонта же.

— Слышь, Артур, — окликнул волкодлак. Малец обернулся. — Ну посадить там, прополоть — это понятно, но огород вскопать — это ж лошадь нужна! Как вы его?..

Артур смерил его настороженным взглядом. Сигурд подумал, что правильно не стал спрашивать, куда делся хозяин дома.

— Мать одного хмыря вылечила, он и вскопал. У него лошадей... — Он чиркнул рукой по горлу, показывая, что лошадей у неведомого хмыря было столько же, сколько у Яльги — книжек, считая те, что остались в Академии.

Ну, чего-то подобного Сигурд и ожидал. Надо думать, дрова достались им точно таким же образом.

Ардис вернулась в восьмом часу. К этому времени Сигурд уже покончил с дровами и натаскал воды из колодца, наполнив кадушки, фляги и одинокую бочку, вкопанную на огороде. Лекарка, бледная от усталости, молча посмотрела на аккуратную поленницу и прошла в дом. За ней следом прошмыгнул тощий серый кот с коротким, будто обрубленным, хвостом.

— Он у нас мышелов, — сказал Артур так гордо, будто сам учил кота охотиться, причем не одну ночь подряд.

А я и не сомневался, хотел ответить Сигурд. Хороший это был дом. И кот в нем тоже был хороший.

8

Вечером я проснулась от тягучей головной боли. Осторожно открыла глаза, обозрела потолок, потом села, поморщившись от боли в висках. Что же — надо думать, неожиданности на сегодня успели себя исчерпать. Кругом было темно, но, проморгавшись, я определила, что комната все та же.

— Чего, проснулась? — с некоторым интересом осведомились откуда-то из дальнего угла.

— Ага... — хрипло согласилась я, опираясь спиной о стену. Одежда, хвала богам, была на месте, а сапоги виднелись возле кровати. — А ты вообще кто?

В углу хмыкнули. Запоздало вспомнив о собственном магическом образовании, я щелкнула пальцами; два пульсара почти одновременно осветили комнату. Мой, как я не без гордости отметила, был крупнее, ярче и свету давал на порядок больше.

Впрочем, это было и неудивительно. В углу, оседлав задом наперед стул, сидел давешний пацан, методично встряхивавший какую-то голубую мрысь в прочно заткнутой колбе. Мрысь бурлила, шипела и исходила крупными пузырями.

— А быстро ты очухалась, — не прекращая своего занятия, заявил мажонок. — После Лиррас Элу обычно до суток дрыхнут. Ты что, полуэльфка?

Я мотнула головой и тут же, зашипев, вскинула руки к вискам. Да. Раньше, бывало, я жаловалась на головную боль? Да раньше я вообще не знала, что это такое! В затылке немедленно шевельнулась такая пакость, что у меня ажно перед глазами потемнело.

— Я наполовину фэйри... слушай, надежда лыкоморской алхимии, что у меня с...

— Щас, — кивнула «надежда», вставая со стула. — Это у тебя защитная реакция пошла... говоришь, фэйри, да? Ну так, значит, зря Рихтер так дергался...

— Дай чего-нибудь обезболивающего, а? — взмолилась я, чувствуя, что голова вот-вот развалится на части.

Мажонок взял с тумбочки стакан с водой, откупорил зубами свою колбу и вылил мрысь в воду. Протянул мне; я взяла, с некоторой опаской глядя, как голубая жидкость с шипением мечется по стакану.

— Пей давай, — приказало юное дарование.

Я глотнула. На вкус зелье оказалось еще ничего, пивали и пакостнее. Ну а что пузырится — подумаешь, характер плохой. Так и у меня не сахар...

В три глотка я опустошила стакан. Боль, как ни странно, утихла почти сразу; мальчишка, с интересом косившийся на меня из-под длинной челки, удовлетворенно хмыкнул.

— Тебя зовут-то как? — хрипловато осведомилась я, возвращая ему стакан.

— Артур Рэгмэн, — не без гордости представился он. — А ты — Ялька, мне Рихтер сказал.

— Понятно, — оптимистически подытожила я.

Артур утвердительно кивнул, челка почти целиком закрыла его лицо. «Подстриг бы тебя кто», — невольно подумалось мне; словно прочтя эту мысль, мажонок пренебрежительно фыркнул.

— Ну что, больше спать не хочешь? — Я задумалась над этим вопросом, ибо он был весьма непрост. Но подумать как следует мне не дали: — До бани сама доковыляешь — или волчару вашего позвать? Он сегодня весь день чего-нибудь таскает — не тяпку, так... — Я заинтересованно приподняла бровь, а мальчишка почему-то замолчал, сделав вид, что такой фраза и должна быть — элегантно оборванной. «А уж не в Академию ли тебе поступать?» — вдруг осенило меня.

Голова в самом деле успокоилась. Я потрясла ею, помотала, потерла пальцами виски — на все эти провокации она отвечала весьма достойно. Кровать стояла вполне устойчиво, мироздание не делало попыток встать вверх тормашками, да и мне уже надоело валяться пластом.

Стоп! Он что-то сказал про баню?!

— Ну да, — подтвердил мажонок, когда я озвучила этот вопрос. — А чего такого? У вас в Межинграде что, не знают, что такое баня?

Я не стала ничего отвечать, просто очень быстро натянула сапоги. Е-мое, только подумайте — в мире до сих пор остались бани! Не только леса, дороги и ковенцы, дышащие в спину, но и...

Ради лохани с горячей водой и куска хорошего мыла я готова была, кажется, даже проехать еще раз через тот мерзопакостный лес.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,
в которой политика оказывается намного важнее магии, карты, эльфийские философы и «Справочник боевого мага» хором предвещают недоброе, Ялька пытается разобраться в лечебных чарах, а Эгмонт узнает много нового о женской психологии

1

Наутро резерв восстановился — почти, и это «почти», практически не налагавшее на Эгмонта магических ограничений, все же раздражало его, будто соринка, попавшая в глаз. Все остальное вернулось в норму, а краткий эмпатический экскурс показал, что и у Ялька дела обстоят гораздо лучше вчерашнего. Можно было вновь отправляться в дорогу: теперь, когда Рихтер был способен думать о чем-то, кроме собственного резерва, все его мысли крутились вокруг погони. В Листвягах КОВЕН наверняка потерял след, но его не так уж сложно восстановить. Если отправить по отряду в каждый из пограничных городов... спрятать Яльгу и раньше-то было почти невозможно, а сейчас, когда единственную возможность Эгмонт уже исчерпал, вся надежда оставалась только на скорость.

На завтрак собрались все, причем первой явилась Ялька — бледная и осунувшаяся, с синяками вокруг глаз, зато очень голодная и жизнерадостная. Эгмонт не мог похвастаться тем же. Позавчера он допустил большую ошибку, решив идти по Старому шляху; эта ошибка едва не стоила им жизни, точно так же, как и попытка уйти от преследования через гномью лавку в Листвягах. Он ошибся дважды — он, лучший боевой маг Лыкоморья! Ялька бодро уписывала вареную картошку, то и дело прикладываясь к кружке с молоком. Глаза ее блестели. Эгмонт вдруг понял, что она до сих пор едва ли осознает, во что они все ввязались.

Хорошо хоть Сигурд был старше, опытнее и умнее. Впереди лежал Драконий Хребет, одна из самых опасных горных цепей Севера, и стоило радоваться тому, что в отряде имеется знающий тамошние перевалы волкодлак. Говорят, оборотни слышат зов своего города и потому не способны заблудиться даже в сотнях верст от дома...

— Ардис, — выбрав момент, решительно сказал Эгмонт. С лекарями всегда нужно говорить очень решительно. — Спасибо тебе за помощь и кров. Я твой должник. Я был бы рад отплатить тебе добром за добро, но все, что могу сделать сейчас, — это не причинить тебе еще большего зла. Нас разыскивает КОВЕН, мы вне закона, а тебе не надо рассказывать, как карается недонесение. Сегодня мы уезжаем — я хотел бы уехать еще вчера, но прошлого не изменишь.

Артур, лишенный права голоса во взрослом разговоре, тихонько хмыкнул и тут же спрятался за самоваром. Эгмонт и сам знал, что вчера две трети их отряда не могли даже держаться в седле. Он посмотрел на Ардис, ожидая ответа; магичка аккуратно размешала ложечкой сахар, положила ее на блюдце и сделала небольшой глоток.

— Ну это как сказать, — загадочно заметила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Многое. Во-первых, кому из ковенцев придет в голову оповещать о чем-либо простую деревенскую лекарку?..

— Ты не простая и не деревенская! — возмущенно встрял Артур.

— Это детали, — отмахнулась Ардис. — Главное, что никакого сообщения о скрывающихся преступниках мне никто не передавал. Я же не главный городской маг, верно? Кроме того, медикус обязан оказывать помощь, кто бы к нему ни обратился, а понятия врачебной тайны еще никто не отменял!

Она замолчала, чтобы нарезать яблочный пирог, и Ялька немедленно купилась:

— А что во-вторых?

— Во-вторых... дай тарелку, девочка... во-вторых, я советовала бы вам проверить сумки с провизией. Вы проехали очень странные места, а с теми, кто туда суется, происходят порой совершенно невообразимые вещи.

Сигурд нахмурился. Провизия была его добычей, с чем наверняка не согласился бы тот листвягский гном.

— Сумки-то — они же в пятом измерении, что им сделается?

— Проверьте, — повторила Ардис. — Во избежание печальных неожиданностей.

Извинившись, оборотень встал из-за стола и протянул Яльге амулет хранения, который как-то незаметно перекочевал к нему от Эгмонта. Студентка начертила пальцем в воздухе руну-пароль,

и на вязаном полосатом половике материализовались две сумки — одна побольше, одна поменьше. Сигурд открыл ту, что побольше, и разочарованно присвистнул.

— Гнома жалко, — хмуро сказал он. — Зря я все это уволок — ни себе, ни людям...

Сумка почти до краев была полна легкой трухи, не имевшей ни запаха, ни цвета. Складывалось впечатление, что внутри ухоронки пролетели века, пожравшие даже плесень, даже гниль. Артур любопытно вытягивал шею, стараясь рассмотреть все в подробностях, но Ардис указала на сумку рукой и произнесла несколько слов. С легким чмоканьем труха исчезла, пустая сумка осела вовнутрь себя.

— Интересный эффект... — протянула Ялька. Эгмонт узнал хищное выражение, промелькнувшее в ее глазах, и торопливо сказал:

— А этим, студентка Ясица, вы займетесь в аспирантуре.

«Если доживете, с таким-то научным руководителем!»

— Кому-то из вас придется сходить на рынок, — подытожила Ардис. — Драконий Хребет, конечно, располагает обширной фауной, но она сама не прочь на кого-нибудь поохотиться. А вообще, Эгмонт, если тебя интересует мнение лекаря, — выезжайте завтра. Ялька пострадала гораздо сильнее, чем ты, ей необходим отдых.

— Да я... — возмутилась было адептка, но Эгмонт пресек это строгим преподавательским взглядом. С каждым разом этот прием работал все хуже, но сейчас Ялька надулась и замолчала.

— Ты — лекарь, Ардис, тебе виднее. — У Рихтера вдруг мелькнула очень ценная мысль. — А если у тебя есть зелья на продажу, я бы обновил наши запасы.

— Предлагаю обмен, — пожала плечами магичка. — С меня зелья, с тебя — помощь по хозяйству. Сходишь со мной на рынок и поможешь донести корзину, идет? Ковенские десанты до нас не добрались, а городского мага я знаю как облупленного — он из своей башни и носу не высунет. А ты, — она повернулась к Сигурду, — я тебе дам другую корзину и скажу, где на рынке второй вход. Оборотни у нас часто бывают, на тебя никто даже не посмотрит. Вот оборотень, который идет рядом с ковенцем, конечно, привлекает внимание...

Эгмонт быстро обдумал это предложение. Пожалуй, оно было вполне здравым и не таким рискованным, каким показалось ему

на первый взгляд. Еда, бесспорно, необходима, но кроме этого надлежало провести хоть какую-то разведку. Самый заметный член отряда конечно же останется дома...

— Я могла бы... — заинтересованно начала самая заметная Ялька, но во дворе вдруг звонко залаяла собачонка, и адептка смолкла на полуслове.

Ардис, переглянувшись с Рихтером, быстро встала и вышла. Когда выскользнул из комнаты Артур, никто не заметил — все бросились к окнам. Магичка разговаривала с каким-то человеком, белая псина радостно прыгала вокруг.

Хлопнула дверь — вошел Артур.

— Все нормально, — бодро возвестил он. — Это не вас арестовывать пришли, это мать к очередному болящему зазывают.

Ялька хмуро посмотрела на мальчишку, не отпуская отвернутой в сторону занавески. На ее лице отчетливо читалось желание надрать ему уши, но Артур был не из тех, кто спокойно позволяет такое делать. Его еще поймать надо.

Скоро вернулась и сама хозяйка дома. Вид у нее был озабоченный, и в ответ на вопросительный взгляд Эгмонта она только поджала губы.

— Хотела бы я знать, как... — Она махнула рукой. — Ладно, у меня, кажется, был такой амулет...

Рихтер очень мало смыслил в лечебной магии — куда меньше, чем полагалось бы боевому магу его уровня. Но кое-чему его все-таки учили, а некоторые вещи приходилось применять настолько часто, что они волей-неволей стали получаться почти автоматически. Ардис выглядела действительно озабоченной, а они были очень ей должны.

— В чем дело? Я могу тебе помочь?

— Да! — не раздумывая, сказала она. — Если, конечно, хочешь. Как твой резерв?

— В порядке, — чуть покривил душой Эгмонт. — Что я должен буду сделать?

2

Посещение пациента Ардис отложила на вечер; Рихтер смутно припомнил, что лечебная магия очень сильно завязана на конкретное время суток. Это весьма неудобно, особенно в полевых

условиях и особенно — имея дело со сложными случаями, требующими немедленного вмешательства, однако магия есть магия. В ней всегда присутствует набор ограничений.

Солец оказался несколько больше, ярче и шумнее, нежели ожидал увидеть Эгмонт. Статус вольного города явно пошел ему на пользу: даром что рыночный день ожидался не скоро, торговля на площади шла куда бойчее, чем в недоброй памяти Листвягах. Имелись даже магические ряды, которые Рихтер и Ардис, не сговариваясь, обошли стороной. Эгмонт заранее установил чары для отвода глаз и добавил к ним парочку маскирующих заклятий, но попусту рисковать было глупо. Разумный риск — совсем другое дело...

Впрочем, КОВЕН в здешних краях чувствовал себя весьма неуютно. За исключением Ардис, Эгмонт заметил только троих магов, и все они обладали довольно скромными способностями. Главный городской чародей, следуя традициям древних, почти не покидал своей башни — разумная предосторожность, ибо жители Сольца очень быстро утратили всяческое почтение к представителям администрации.

Зато с Ардис здоровался едва ли не каждый второй. Магичка то и дело останавливалась, чтобы дать пару советов или назначить приемный день, и Рихтер начал подозревать, что они вернутся домой не раньше полудня. Хорошо было то, что на мага, молча тащившего корзину, местные жители не обращали никакого внимания — очевидно, Ардис часто использовала тягловую силу своих бывших пациентов. Эгмонт очень быстро понял, почему она это делала.

Старенькая корзина, которую выдал ему Артур, была довольно сильным артефактом: в нее последовательно отправились полмешка муки, мешок сахару, четыре мешочка с разными крупами, несколько пучков лекарственных трав и неисчислимое количество разнообразных мелочей. Ардис нисколько не заботило, сколько места там еще осталось, — более того, новые покупки она ставила туда очень аккуратно, мгновенно находя для них место между прежними. Последним в корзину отправился бочонок липового меда. Недостаток у этого артефакта был только один: если объем покупок он сокращал весьма прилично, то с их весом дела обстояли уже гораздо хуже.

— Знаешь что, — вдруг сказала магичка, — я тебя потащила сюда не только, чтобы ты мне помог. Дома не хотелось говорить:

твоя девочка слишком много спрашивает... Я раскинула карты, Эгмонт. На вас троих.

— И что вышло?

— Вышло нечто странное, — Ардис усмехнулась, — ну, как и следовало ожидать. Сам знаешь, обычно карты говорят очень туманно, но сейчас рекомендации были более чем ясными. Вас нужно было рассредоточить. Дама, король и валет под одной крышей... у меня получилась «Черная Корона».

Рихтер хмуро кивнул. Логика подсказывала, что ничего приятного он не услышит.

— Что идет за вами, Эгмонт? КОВЕН, при всем моем почтении, не потянет даже на «Малый Венец». Я бы решила, что вы вынесли это из Леса, но... — она передернула плечами, — все-таки не похоже.

— Что именно означает «Корона»? — после долгого молчания спросил Эгмонт. Странно, но он почти не удивился, услышав, что за ними идет еще один недруг.

— Тьма. Опасность. Могучий враг. Это редкая комбинация, про нее почти ничего не пишут...

— Понятное дело, что редкая, — с досадой сказал Рихтер. — У нас, видишь ли, все редкое. Начиная с нас самих.

— Было еще кое-что, — перебила его Ардис. — Один из зубцов этой «Короны» направлен в сторону, в то будущее, которое случится, даже если вас на время разъединить. Пожалуй, по вашим меркам он безопасен. Как бы сказать... в общем, это нечто вроде намека, предвосхищения, предсказания...

— Конкретнее, Ардис!

— Сегодня случится *что-то*, связанное с «Короной». Не знаю, насколько оно будет заметным, — мироздание порой намекает слишком тонко... Встреча, событие, может быть, обрывок песни... Просто будь внимателен. Так или иначе, это произойдет до вечера.

— И как мне узнать, что это именно оно?

— Не знаю, — просто сказала Ардис. — Постой-ка, надо купить петрушки, а то у нас не растет...

Пока магичка придирчиво выбирала один из трех разложенных на платке пучков, Эгмонт старался проанализировать услышанное. Вообще-то классическая магия не очень доверяла картам, но Ардис есть Ардис, а опыт подсказывал, что, услышав: «Ло-

жись!» — надо сперва падать, а потом выяснять, откуда стреляли. И стреляли ли вообще.

Тьма, опасность, враг... Треугольник? Какого лешего Яльгу вообще туда занесло? Или это их личный враг, нечто вроде противовеса? Если в мире появились трое, которые суть одно, должна возникнуть уравновешивающая их сила. Логично? Вполне. Сюда вписывается и необходимость разделиться хотя бы на время...

Эта гипотеза выглядела весьма правдоподобно, но проку с нее было — как с ежа шерсти. Если этот враг действительно служит противовесом, то можно даже не пытаться угадать его природу. Чего он боится? Магии? Серебра? Или шаманских плясок с бубном?

— Мы идем домой? — хмуро поинтересовался Эгмонт, когда Ардис уложила в корзину пресловутую петрушку. Время близилось к полудню.

— Сейчас... — Лекарка уверенно направилась между рядами, и Эгмонт неохотно последовал за ней. Он предпочел бы перебрать амулеты, свериться с книгами, сделать вообще хоть что-нибудь — потому что вот так ждать нападения было выше его сил.

Прилавок, возле которого остановилась Ардис, позвякивал на ветру и сиял на солнце — на веревке, протянутой над нам, висело множество бус, цепочек, ожерелий и монист. На самом прилавке лежали серьги, броши, браслеты — венчальные в том числе — и прочая ерунда, за которой Эгмонт обычно все же признавал право на существование.

— Что из этого может понравиться Яльге? — деловито спросила Ардис.

Только женщина могла задавать такой вопрос сразу после рассказа о «Черной Короне». Эгмонт молча посмотрел на магичку, и она, вздохнув, возвела очи горе.

— У тебя в отряде интуитивный маг — это естественный катализатор. Недостаток у интуитов только один: их способности слишком завязаны на настроение. Но мне казалось, ты знаешь, что настроением, особенно женским, вообще-то можно управлять?

В ее словах было рациональное зерно, но, посмотрев на ряды браслетов, Эгмонт только покачал головой.

— Выбери сама. У тебя лучше получится.

Ардис одарила его взглядом, преисполненным не то презрения, не то жалости, но Рихтеру было не до того, чтобы размышлять о подобных вещах. Через минуту она уже расплачивалась с гномом, а Эгмонт изумленно рассматривал выбранное ею ожерелье. Это, собственно, и ожерельем было трудно назвать: так, граненые бусины зеленого цвета, нанизанные на атласную ленточку. Вся конструкция совершенно идиотским образом завязывалась сзади на бантик, концы которого тоже были украшены маленькими гранеными шариками.

Яльге Леснивецкой, которую он знал без малого год, подобная штука была даром не нужна. Будь в ожерелье хоть немного магии — другое дело...

— Вот теперь и домой можно, — с удовлетворением констатировала Ардис.

Если бы на горизонте вдруг показалась башня родного донжона, Эгмонт не обрадовался бы ей больше, нежели покосившемуся забору, ограждавшему дом Ардис. Это была точка определенности, в некотором роде — бастион; кроме того, в доме скучала Яльга, а скучающая студентка Ясица была способна создать окружающим массу мелких, но докучливых проблем.

За время, которое потребовалось, чтобы пройти от торговых рядов до дома, Эгмонт обдумал ситуацию со всех сторон и пришел к нескольким выводам. Во-первых, он решил исходить из того, что находится в засаде, — и действовать соответственно. Во-вторых, нужно было не мешкая установить защиту на всех обитателей дома, включая белую собачонку. В-третьих... в-третьих, по сравнению с неведомым врагом, КОВЕН перестал казаться такой уж весомой угрозой. Наверное, это было хорошо.

Сигурд вернулся раньше, и это было вполне объяснимо — в отличие от Эгмонта, оборотень не терял времени даром у позвякивающих прилавков. Сапоги его стояли у двери, в сенях возвышалась внушительная корзина, а из комнаты доносился веселый голос:

— И куда это он закатился?

Эгмонт переглянулся с Ардис, та пожала плечами и, отставив покупки, отворила дверь в горницу.

Глазам предстала совершенно небывалая картина.

Посреди горницы был расстелен квадратный лист пергамента — сперва Рихтер принял его за карту, потом понял, что на картах не рисуют лабиринтов, чудовищ и воителей в каких-то загадочных шипастых доспехах. Рядом валялся небольшой деревянный кубик. Но главное было не в этом. Сигурд с Яльгой, пыхтя, держали приподнятую кровать, из-под которой торчали голые пятки Артура. Послышался радостный, хотя и немного придушенный возглас:

— Нашел! Я его нашел! Можно играть дальше! — И Артур, пятясь, вылез обратно — пыльный, красный, растрепанный, но донельзя довольный. Он что-то сжимал в руке, что именно — от двери было не видно. Яльга и волкодлак поспешно опустили кровать.

— Артур, — спокойно сказала Ардис; Яльга, вздрогнув от неожиданности, обернулась, — в нынешнюю пятницу ты дважды вымоешь пол под этой кроватью, и я проверю это сама. А сейчас пойди переоденься и причешись.

Мальчишка, не изъявляя особенной скорби, выскочил из комнаты.

— Это я виноват, — запоздало вступился Сигурд. Мистрис Рэгмэн изумленно посмотрела на него, явно пытаясь взять в толк, что за связь существует между давней пылью под кроватью и только позавчера появившимся здесь волкодлаком. — Когда я там, на рынке, был, смотрю — интересное чего-то продают. Вот, а гном мне и сказал: хорошая игра, самое то, как его... развивающая! Ну я и купил, а что? Деньги все одно остались.

— Есть что-то хочется, — без всякой связи с предыдущим разговором сообщила Яльга.

Она была такая же возбужденная и растрепанная, как Артур, только пыли с паутиной не хватало. Поймав взгляд Эгмонта, она чуть смутилась и начала отряхивать рубаху, сильно измятую на животе. Рихтер представил, как эти трое, издавая азартные возгласы, ползают по полу вокруг пергамента, и только покачал головой.

— Яльга, сколько вам лет? — спросил он, отчего-то сбившись на прежнюю манеру разговора.

— Ты еще меня о возрасте спроси, — меланхолично сказала Ардис.

Эгмонт хотел было ответить, что прекрасно знает ее возраст. ведь они учились на одном курсе, но не успел. Ардис вынула то самое зеленое ожерелье и протянула его Яльге.

— Держи, девочка. Это тебе на память — и на счастье.

Яльга засветилась, как новенький золотой, еще раз убедительно доказав, что весь этот год Эгмонт обучал какую-то другую адептку, нисколько на нее не похожую. Сигурд, словно вспомнив о чем-то, поторопился выйти, и никто не стал спрашивать его, куда и зачем. Ардис увела Яльгу к зеркалу примерять ожерелье, а Рихтер остался в горнице один.

Он наклонился, подобрал кубик, подбросил его — и долго смотрел на выпавшую тройку.

3

На кухне мы обнаружили Сигурда — оборотень разгружал корзину, вытаскивая из нее все новые и новые мешки. Я тихонько хмыкнула, поняв, что заклинание пятого измерения пользуется среди магов наибольшей популярностью — куда там гламурии и защитным амулетам!..

В измерениях я разбиралась слабо — чай, не элементаль! — но даже мне было ясно, что стандартное заклинание несколько доработали. Тут Сигурд, чуть изменившись в лице, вытащил из корзины бочонок меду, и я сделала вывод, что доработка была весьма мастерской.

Ожерелье переливалось на солнце. Я подняла косу, рассматривая его с разных сторон; мистрис Рэгмэн, чуть улыбаясь, завязала концы лент бантиком. Честно? — Я сама не знала, почему так обрадовалась. Хотя, если подумать... Приятно, когда тебе дарят ножи или амулет. Но когда тебе дарят что-то красивое и в общем-то не слишком полезное...

Нет, Полин — это все-таки заразно!

Время понемногу приближалось к двум часам. Мы построгали салат, мистрис Рэгмэн извлекла откуда-то круглый чайник молочного стекла, и Артур заварил чай. Откуда-то появилась сковородка, и через каких-то десять минут мы бодро орудовали вилками.

Разговор шел исключительно о Старых Землях — Сигурд, как запомнивший больше всех, в красках излагал историю на-

ших тамошних приключений. Я изредка вставляла свои пять монеток, а Эгмонт молчал, и вид у него был самый что ни на есть магистерский. То есть мрачный, задумчивый и пугающий одновременно.

— А чего мне делать было? — повествовал волкодлак. — Вырваться-то мы, конечно, вырвались, а все одно радости никакой! Ты, Ялька, лежишь, маленькая, серенькая и холодная. Лежишь себе и не стонешь даже, и нос такой... остренький совсем. И Эгмонт не лучше...

— Что, — мрачно спросила я, — тоже серенький и холодненький?

— Какое там! — отмахнулся Сигурд. — Зеленый весь и блюет поминутно. И стонет так жалобно, аж за душу берет.

Рихтер покрылся пятнами. «Хорошо, хоть не зелеными», — тихо-тихо подумала я.

— Вот, — продолжил волкодлак, не заметивший реакции Эгмонта. — Сижу я, смотрю на вас, что делать — ума не приложу. И тут чую — вроде как паленым запахло! Гляжу — из Яльгиной сумки дымком тянет. Только открыть успел, как оттудова в руки мне книжка вывалилась...

Я похолодела. Из книжек в сумке имелись: томик стихов Лариссы, пара-тройка тетрадей с конспектами (при желании каждый мог сойти за такую ничего себе книжку) и «Справочник боевого мага». Лариссу я очень уважала, но вряд ли ее поэзия обладала усиленным оживляющим действием. Конспекты тоже можно было в расчет не брать: даже Хельги не всегда мог расшифровать, что я там такое накарябала.

— Славненькая такая книжка, удобная. И написана, главное, понятно, на греакоре.

— Как книжка называлась? — после минутного молчания осведомился Эгмонт. — «Справочник боевого мага»?

— Нет, — разочаровал его оборотень. — «Тысяча и один совет на все случаи жизни». Так вот, там прямо на первой странице и было написано, чего делать и какой эликсир надобен. И картинка такая, во всю страницу: бутылек полосатый. Полоска красная, полоска белая, полоска зеленая. И пробочкой заткнуто деревянной. Ну я и подумал: надо поглядеть, авось и найдется. Ялька — она ж хозяйственная, не может быть, чтоб у нее такого важного зелья не было! И верно, нашлось. Прям как на картинке нарисовано.

Я кивнула. Еще бы ему не найтись! Этот флакончик был мне отлично знаком, вплоть до трещины на пробке. Именно за столь необычную расцветку с Полин содрали вдвое больше денег, чем того стоил собственно эликсир. Мне же флакончик достался уже пустым, когда я в темноте сгребала с подоконника зелья. Можно сказать, перешел по наследству. Зелье в нем тоже содержалось именно то, какое надо, — из запасов Эгмонта. Другое дело, откуда об этом узнал «Справочник» — то есть, прошу прощения, «Тысяча и один совет»? И как Сигурд там смог хоть что-то прочесть, если раньше «Справочник» никому в руки не давался?

Я пожала плечами, отвечая разом и на вопросительный взгляд Эгмонта, и на собственные мысли. Может, «Справочник» почуял угрозу. Может, узнал в Сигурде друга хозяйки. Может, книга вообще восприняла волкодлака как еще одну версию меня... Кто его знает!

4

До вечера мы успели переделать множество полезных дел. Сумки, заново наполненные провизией, отправились в магическую ухоронку; набор зелий пополнился скляночками из запасов Ардис; я прояснила у нее несколько вопросов из практической алхимии; словом, все остались довольны. Наконец полезные дела закончились, и я приступила к приятным. Сама не веря такому счастью, я залезла с ногами в старенькое кресло, поерзала, уместила на коленях тяжелый «Справочник» и открыла его на первой странице.

— Значит, «Тысяча и один способ»... — как будто невзначай проронил Эгмонт.

— Завидовать нехорошо, — буркнула я.

Высоты магической науки — вещь, конечно, прекрасная, и в обычное время я непременно отдала бы им должное. Но сейчас я надеялась отыскать хоть немного полезной информации — скажем, об устройстве ковенских засад. Или о фауне, обитающей на Драконьем Хребте.

Но вместо этого книга выдала нечто эльфийское, поэтическое и весьма зловещее — по крайней мере, если судить по первой фразе. Ее я худо-бедно перевела, однако дальше дело не пошло. Мои

познания в эльфаррине были более чем скромны, а проблемы с пониманием начинались уже на уровне алфавита. Эльфы используют почти те же буквы, что и люди, зато обозначают ими совершенно другие звуки. Это здорово сбивает с толку: когда написано «ВН», как-то странно читать «БЕ».

Впрочем, первая фраза была явной отсылкой к кому-то древнему.

— Эгмонт! Откуда эта цитата: «Природа есть устрашающая сфера, центр которой — везде...»

— «...а окружность — нигде». — Рихтер подошел ко мне сзади и оперся рукой на спинку кресла. — Один из эльфийских философов позапрошлого века. Имени не скажу, что-то очень длинное... С чего это ты увлеклась философией?

— Это не я, это книга... — Я сделала движение, чтобы закрыть «Справочник» — эльфийские философы не входили в круг моих непосредственных интересов, — но Эгмонт вдруг сказал:

— Подожди-ка. Переверни страницу обратно.

Пожав плечами, я послушалась.

— «Мир есть устрашающая сфера»... — повторил маг. В отличие от меня, он не испытывал никаких сложностей с эльфийским языком; быстро пробежав взглядом страницу, он кивнул, и я перевернула лист.

— Очень интересно... — пробормотал Эгмонт на третьей странице, и я не выдержала:

— Раз так, может, хотя бы переведешь?

— Давай дальше, — потребовал маг.

Я хмыкнула, но перелистнула.

Дальше текст обрывался; вместо него имелся огромный рисунок на целый разворот. Выполненный в черно-бело-красной гамме, он изображал пресловутую сферу, перечерченную всевозможными линиями — от жирных до прерывистых — и обведенную неровными разноцветными контурами. Сбоку виднелось несколько Знаков, столь сильных, что у меня заломило кончики пальцев.

— Интересно... — повторил Эгмонт. — Яльга, да не сопи так! Это схема мира, как его представляют эльфы. А текст, если пересказывать очень кратко и опустить все подробности, в общем-то говорит о том же самом. Мир стремится к тому, чтобы быть круглым, — это идеальная форма, символ завершенности и замкнуто-

сти. Мы живем внутри этого шара. Но под воздействием внешних сил идеальная сфера деформируется, и иногда ее поверхность расходится, обнаруживая щели в пустоту.

Я немедленно вспомнила Лиса.

— И что дальше?

— Ничего. — Эгмонт помолчал и добавил: — Ничего хорошего.

5

«Справочник» ограничился «устрашающей сферой» — последующие несколько страниц были пустыми, а дальше начиналась «Презабавнейшая и интереснейшая повесть о диковинных приключениях Вильгельмуса, искусника-ваганта, и прелестной Каролине, графини Вествальдской». За неимением вариантов я начала читать жизнеописание Вильгельмуса — это помогало хоть как-то отвлечься от размышлений о трещинах в мироздании.

Но если оно и треснуло — мы-то здесь при чем?

Время шло, и когда солнечное пятно переместилось почти на потолок, диспозиция выглядела следующим образом. Я сидела в кресле и усиленно поглощала «Презабавнейшую повесть»; Ардис вязала плед, окружена добрым десятком разноцветных клубочков размером не более кулака; Эгмонт стоял у окна и размышлял о судьбах Вселенной; Сигурд с Артуром работали на огороде, и оттуда изредка доносились их голоса. Походило на то, что Сигурду нравится огород, а Артуру нравится Сигурд.

Я посмотрела на кота, неподвижно возлежавшего у самых ног Ардис, — на клубки он косился с неимоверным презрением, всем своим видом опровергая идею о том, что кошки обожают носиться за быстрыми и яркими штуковинами. Этот кот предпочитал штуковины съедобные, а возможно, просто знал, что от хозяйки может и прилететь.

Ардис щелкнула пальцами — в воздухе перед ней повисли полупрозрачные песочные часы — и, кивнув, воткнула спицы в клубок.

— Пора идти, — сказала она. — Эгмонт?

— Разумеется, — коротко ответил маг.

Я посмотрела на него, на Ардис, потом вновь перевела взгляд на Рихтера и без особой надежды поинтересовалась:

— А мне с вами нельзя?

— Нельзя, — непреклонно заявил Эгмонт, но Ардис неожиданно возразила:

— Почему же? Ей может быть полезно, во всех смыслах. Боевые маги обычно плохо владеют лечебными чарами.

Рихтер громко хмыкнул, но Ардис и не подумала смутиться.

— Это факт, — пожала она плечами. — Если бы вы хоть немного умели латать те дыры, которые создаете, в мире было бы куда меньше проблем.

— Зато и заработок у нас был бы намного меньше, — добавил Артур из-за окна.

— Иди давай, — строго напомнил ему Сигурд, прочно вошедший в роль старшего родича. Забавно, что пацаненок даже не подумал ему возразить.

Мне очень хотелось переспросить: «То есть все-таки можно, да?!» — но разум подсказывал не искушать судьбу в лице Эгмонта, несколько выбитого из роли великого наставника. Ардис отлично разбиралась в людях; я поймала ее ехидный взгляд и чуть улыбнулась в ответ. Собственно, магичка была права: лечебную магию боевой факультет изучал ровно два семестра, один — на первом курсе, второй — на пятом. Оба раза лечмаг читала Шэнди Дэнн, но даже некромантка не могла превратить два семестра в четыре, а лучше — в шесть.

И вообще, главный лозунг боевого мага можно было сформулировать приблизительно так: «Ты, главное, атакуй побыстрее, а не то до лекаря можешь и не дожить!»

Так что я, не тратя времени даром, переплела косу, набросила куртку, наскоро проверила, все ли амулеты находятся при мне, и вышла на крыльцо. Белая собачка, особенно ценимая за несоразмерно громкий лай, мирно дрыхла в старом тазу, свернувшись мохнатым клубком. Таз был предусмотрительно оттащен в тень, которую отбрасывала большая бочка.

По двору, изящно изгибая лапки, шествовал чужой черный кот. На кур он смотрел усталым покровительственным взглядом, но те все равно поспешно прятались в густую малину — сомневаюсь, правда, что это могло бы их спасти.

Солнце грело сейчас удивительно мягко, и я закрыла глаза, подставляя лицо его лучам. Вот это и было настоящее: дом, нагревшееся за день крыльцо, легкие облака в предвечернем небе, —

а КОВЕН, погоня и лесные страхи вдруг показались далекими, как полузабытый сон. Это было *странно*, иначе не скажешь, и я даже обрадовалась, когда в сенях послышались шаги и мне пришлось быстро отпрянуть, чтобы не получить по голове тяжелой дверью.

Треугольник; крупные звезды над черной ночной водой; укромные полянки, усыпанные красной земляникой; хитрая морда Лиса...

Почему меня так тянет туда, ведь я не Горана Бранка? И я никогда раньше не любила дикого леса...

Дверь отворилась, и кот на всякий случай дал деру, одним изящным движением перемахнув через высокий забор. Вышедшая Ардис держала на правой руке небольшую корзинку, из которой явственно пахло магией и совсем немного — лечебными травами. На шее у магички я заметила большой квадратный амулет — знак КОВЕНа, если судить по выгравированной руне.

Зато у Эгмонта амулетов почти не было, а если и были, то ничем себя не обнаруживали.

— Ты идешь с нами или остаешься здесь? — напомнил Рихтер, хотя в этом не было никакой необходимости. Я уже спрыгнула с крыльца и пристроилась к чародеям, всеми силами изображая заинтересованность в лечебной магии.

Проснувшаяся собачка бдительно гавкнула нам вслед.

Дом Ардис стоял на окраине — еще несколько дворов, и улица заканчивалась, а узкая проселочная дорога уводила прямо в нехороший лес. Оттуда мы и вышли позавчера... я немного напряглась и вспомнила какие-то разрозненные картинки, которым, скорее всего, не стоило доверять. Холодно, очень холодно... рядом Сигурд... кажется, цветет какая-то трава... и все.

Солнце висело как раз над лесом, и наши тени, уже довольно длинные, двигались перед нами, пересекая дорогу чуть наискосок. У перекрестка росла развесистая акация, и я, не удержавшись, сорвала с одной короткий зеленый стручок. Скусить хвостики, выдуть горошинки... я свистнула пару раз, потом вспомнила, что студентке боевого факультета надлежит вести себя достойно, и торопливо засунула стручок в карман.

Здешние края оказались чем-то вроде предместий. Деревянные дома вскоре сменились каменными, улицы сделались уже и темнее. Впрочем, Сольцу было далеко до западных городов: здесь вполне могла проехать карета или телега. Народу пока попадалось не слишком много, но то там, то сям мелькали яркие вывески. Большей частью они были на лыкоморском языке, хотя попадались и «немые», состоящие из одной картинки.

Я вертела головой, честно изображая юную провинциалку: легенда о даркуцкой княжне определенно устарела, ибо княжна с облупленным носом, выгоревшими на солнце волосами и цветными стеклянными бусами поверх простой рубахи внушает некоторые подозрения. Заодно я запоминала дорогу назад. Слева мелькнула высокая башня, сложенная из редкого серого камня, и Ардис тут же, не дожидаясь вопросов, пояснила:

— Ратуша. Недавно построили, лет пять назад. А замок князя за городом, на Змеином холме.

— Хорошо холм назвали, — хмыкнула я. Чародейка пожала плечами:

— Каков князь, таков и холм. Нам сюда.

«Сюда» оказалось трехэтажным домом с балкончиком, тщательно увитым цветами. Фасад у дома был довольно изящный, бронзовые прутья балкончика навевали мысли о гномских мастерах, но все вместе выглядело удивительно по-купечески, и я сама не могла понять, что здесь не так. Да и то сказать — какая мне разница? Денег у обитателей хватало — за так не работал еще ни один гном, — и Ардис ждал вполне приличный гонорар.

Ну а меня — внеплановое обучение непрофильному предмету.

Магичку здесь знали и ожидали. Навстречу ей вышел сам хозяин, оказавшийся очень похожим на свой особняк. Он изо всех сил пытался выглядеть по-дворянски, даже ухитрился получить патент на ношение палаша, — но даже Эгмонт, всю жизнь проживший магом и так и не успевший сделаться подлинным графом фон Рихтером, рядом с ним казался дворянином в шестнадцатом поколении. Я вспомнила Генри Ривендейла. Счастье здешнего хозяина, что вампир никогда не бывал в этих краях.

Нас проводили на второй этаж. В кресле у раскрытого окна сидел бородатый старик, колени которого, несмотря на жару, были накрыты клетчатым пледом. За креслом маячила внучка, девица утонченно-страдающего вида. Дед не был ни страдающим, ни

утонченным, по лицу его прекрасно читалась череда самых что ни на есть крестьянских предков, но я мигом поняла, кто подлинный хозяин в этом доме.

Еще мне почему-то вспомнился Эльгар Подгорный.

— Господа маги, — величественно кивнул старик. И это было действительно величественно, даром что нисколько не походило на Ричарда Ривендейла.

— Ну, я вас оставлю, — пискнул дворяноподобный субъект и скрылся в комнате. Внучка — субъекту она, наверное, приходилась дочерью — оценивающе посмотрела на Рихтера. В отличие от меня, девица тут же почуяла в нем графа.

Ардис молча кивнула Эгмонту, и я тут же выкинула дочку-внучку из головы. В своей области чародейка была настоящим профессионалом — я тому *живое* свидетельство, — и не стоило упускать шанса чему-нибудь у нее научиться. Как это я не сообразила взять мнемо-амулет? Потом можно было бы посмотреть запись...

Магичка начала сплетать заклинание, я внимательно следила за изменяющимся магическим полем. Раз, два, три... подключился Эгмонт, и поле начало изменяться сразу в двух направлениях. Насколько я могла понимать, Рихтер ничего особенного не делал, он просто обеспечивал Ардис нужный уровень силы, — но он был слишком сильным магом, и это порождало серьезные помехи. В какой-то момент я поняла, что теряю нить; Ардис, чуть прикусив губу, быстро перемещала магические токи, а я никак не могла сообразить, что, куда и зачем.

Я не была бы Яльгой Ясицей, если бы не попыталась в этом разобраться, — но для первокурсницы боевого факультета задача оказалась слишком сложной. Обидно, конечно, но ничего не поделаешь. Что ж, Яльга, тебе остается любоваться красотами интерьера...

Особенными красотами интерьер похвастаться не мог, разве что на стенке висела картина — черный мост на фоне морковно-оранжевого заката. Намалевано было грубее, чем на трактирных вывесках, зато в левом нижнем углу, аккурат под подписью автора, виднелся любовный перечень использованных красок. Насколько я понимала жизнь вообще и дворяноподобных субъектов в частности, из-за перечня картину и купили: уж больно оно солидно — сразу видно, работал подлинный мэтр.

Но школу Фенгиаруленгеддира так просто не вытравишь. За минувшие два семестра я накрепко усвоила, что боевой маг, желающий дожить до старости, должен внимательно следить за изменениями в магическом поле. Я и следила, в сотый раз перечитывая список красок от кадмия до умбры, — и сложно было не уловить момента, когда Рихтер закончил заклинание и отступил на шаг, окончательно выходя из рабочей зоны.

— Спасибо за помощь, — напряженно произнесла Ардис, — теперь идите. Я вернусь позже... и захвати этот амулет: он разряжен!

Я не поняла, о каком амулете идет речь, но Эгмонт поднял с пола тонкую каменную пластинку зеленого цвета. Внучка, на время лечения отошедшая к дальнему окну, задумчиво глянула на него через плечо. Маг коротко поклонился, я, подумав, присела в реверансе.

— Идем, — Эгмонт уже шел к лестнице, — не будем мешать Ардис.

Я быстро догнала его, затылком чувствуя недовольный взгляд девицы. Ощущение было знакомое: в последний месяц учебы, когда у меня установились неплохие отношения с Генри Ривендейлом, на меня так смотрел почти весь алфак. Эгмонт, конечно, совсем не то же самое, что наследный вампирский герцог, но в здешнюю глухомань герцогов не завозили.

— Почему мешать? Мы ж не боевыми пульсарами тут швыряемся...

— Если работа слишком тонкая, никакого пульсара не надо. Нашего с тобой магического поля вполне достаточно, чтобы исказить все что угодно.

Мы спустились на первый этаж, подошли к входной — или теперь уже *выходной*? — двери, и только там я сообразила, что в этой фразе было не так. «Нашего с тобой». Просто неясность или...

Или Лис все-таки был прав?

Спросить или не спросить? Я долго колебалась, но после вспомнила про чистоту эксперимента и решила молчать. А может, так и надо говорить. Может, когда два мага стоят рядом, их магические поля как-то перекрываются и образуют нечто новое.

Надо будет внимательно посмотреть на Эгмонта и Ардис...

Мы вышли на улицу. Особняк окаймляли аккуратно подстриженные кусты, покрытые мелкими белыми цветами. Я готова

была поручиться, что десять минут назад они почти не пахли, — а сейчас от них исходил густой сладкий запах, прочно ассоциировавшийся у меня с Ликки де Моран. Было не слишком-то людно — в основном народ гулял парочками. Мы переглянулись и быстренько замаскировались: Эгмонт взял меня под руку, я начаровала длинную шипастую розу.

— Перебор, — прокомментировал маг. Я пожала плечами: сойдет.

— Здесь что, совсем нет ковенцев? — спросила я через несколько минут.

— Почти... Это Солец, Яльга. Оплот демократии. Несколько лет назад горожане выкупили у князя свою независимость и теперь берегут ее, как могут. От прямых солнечных лучей и то, наверное, прячут. — Я улыбнулась, и Рихтер добавил: — Ну а Элландар — то еще ясно солнышко.

— Для злобного иностранца, — наставительно сказала я, — ты слишком хорошо знаешь лыкоморский фольклор...

— Злобный иностранец, — в тон откликнулся Эгмонт, — проживает в Лыкоморье вот уже двадцать лет. Он своего собственного фольклора почти не помнит.

— А я свой помню, — неожиданно ляпнула я. — И подгиньский, и ромский... странно, да?

— Странно было бы, если бы ты помнила песни Волшебной Страны.

— А может, еще вспомню!..

Впереди показалась серая башня ратуши. Я исколола розой все пальцы, но она получилась слишком удачной, чтобы вот так взять ее и дематериализовать.

— Сбежавшая княжна — это из какой-то сказки? — спросил Эгмонт, когда я совсем было решила, что тема фольклора закрыта окончательно и бесповоротно.

— Нет... это моя собственная идея. Знаешь, темней всего под пламенем свечи.

— Догадываюсь, — ехидно согласился он. — Потому и спорить не стал. Мне другое интересно: сколько времени пройдет, перед тем как княжна Ядвига...

Рихтер вдруг замолчал, оборвав себя на полуслове. Из-за башенного угла быстрым шагом вышел высокий темноволосый человек в роскошном камзоле. Я не успела еще сообразить, откуда

его знаю, — а он уже остановился, глядя на нас очень знакомыми зелеными глазами.

Зеленые глаза, каштановые волосы, очень правильные черты лица... Он казался изящным, как вампирский граф, а на вид был чуть старше Рихтера. Гений, сообразила я и вдруг испугалась. Глупо — он же ведь давно не маг...

На боку у него висела длинная шпага, напоминавшая ту, ривендейловскую. Гений — интересно, кстати, как его зовут на самом деле? — был дворянином, и явно не из последних. Вопрос на тысячу золотых: а знает ли он о наших разногласиях с КОВЕНом?

— Хендрик? — как ни в чем не бывало, удивился Рихтер. — Какая неожиданная встреча! Впрочем, о чем это я — это ведь были твои земли?

Поименованный Хендрик глянул на меня и, сняв шляпу, элегантно махнул перьями по мостовой.

— Прекрасная дамуазель, — небрежно произнес он. Я натянуто улыбнулась, поудобнее перехватывая розу. — Это *будут* мои земли, Эгмонт. Можешь мне поверить, довольно скоро.

— Кто бы сомневался! — ответил Рихтер, и оба засмеялись, будто хорошей шутке.

Гений уже надел шляпу, отбросив назад малость запылившиеся перья.

— А ты, как я слышал, все там же?

— Да, — кивнул Эгмонт. — У меня все по-прежнему.

— Кто бы сомневался! — расхохотался Хендрик, и в этот миг раздался первый удар башенных часов.

«Бом-м, бом-м!» — тяжело выпевали бронзовые колокола, которым звонко вторили маленькие колокольчики. Я насчитала семь ударов, а после в воздухе еще долго таял последний, особенно глубокий звук.

— Я рад нашей встрече, Хендрик, — Эгмонт кивнул, что можно было при желании истолковать как поклон, — но нам надо спешить. Дела не ждут... впрочем, ты это и сам понимаешь.

— О да, — заверил бывший маг. — Тем более что я и сам тороплюсь. Когда будешь здесь в следующий раз, обрати внимание на флаг — ручаюсь, он уже будет другим.

— Не сомневаюсь в твоей удаче, — дипломатично попрощался Эгмонт.

На этом мы разошлись. Хендрик, он же Гений, быстрым шагом направился к ратуше. Я проводила его взглядом, и только когда он скрылся за углом, поняла, что изранила все пальцы шипами.

— Говорил же: перебор, — заметил Эгмонт, пока я рылась по карманам в поисках платка. Розу я на время отдала ему, и маг нес ее бутоном вниз, помахивая, будто тростью.

Наконец платок отыскался, и я старательно промокнула им пальцы. Куртуазный до невозможности Хендрик оказал на меня некоторое влияние — я вдруг сообразила, что кровью, конечно, не истеку, зато почти наверняка испачкаю рубашку. А она у меня одна.

Но куда больше беспокоило другое:

— А он на нас в КОВЕН не настучит?

— Нет, — твердо сказал Эгмонт. — То есть настучал бы, конечно, и не без удовольствия, — но после той истории он порвал все связи с Межинградом. Уверен, здешних магов выжили не без его участия. А городской чародей — тот вообще забыт за плинтусом.

— Этот Хендрик — что, и есть местный князь?

— Сын и наследник. И независимости Сольца остается только посочувствовать. Я готов поставить мантию магистра, что снег еще не ляжет, когда Совет с поклонами заявится в Змеиный замок...

— Отдай розу! — потребовала я. — Надеюсь, когда он о нас узнает, мы будем достаточно далеко.

— На Драконий Хребет он за нами точно не полезет, — обнадежил Рихтер.

— Так! — До меня вдруг дошло, и я взмахнула возвращенной розой. — Слушай, а... а что он о нас подумал?

— То есть? — напрягся Эгмонт.

— Ну... это... — Я немного смутилась. — Магистр и студентка, да еще это... цветок!

— Ялька, — устало спросил Рихтер, — ты себя давно в зеркале видела? У тебя же на лице написано, причем большими буквами: ты примерная ученица, роза нужна тебе исключительно для эксперимента.

Я подумала и была вынуждена признать, что не могу придумать ни одного эксперимента, для которого требовалась бы роза. На этот счет стоило бы посоветоваться со «Справочником»; в самом деле, если роза есть, надо же с ней что-то сотворить!

Хотя можно и просто поставить в вазу.

6

Хендрик ван Траубе поправил шляпу и насвистел несколько тактов из нашумевшей оперы «Ворон». Наследник солецкого князя обладал абсолютным музыкальным слухом, а свистел и того лучше — из окошка, убранного розовыми занавесками, горшками с геранью и пустой золоченой клеткой, немедленно высунулась хорошенькая мещаночка. Хендрик улыбнулся ей и прошел мимо. Мещанки его не интересовали.

Он сам бы не поверил, что встреча с Эгмонтом Рихтером способна привести его в столь хорошее расположение духа. Однако же факт есть факт! Хендрик бодро шагал к ратуше, в голове у него роились планы, и сейчас он как никогда понимал, какого дурака свалял его почтенный отец.

Магия! Презреннейшее занятие! Род услужения, за которое платят деньги, — что может быть позорнее для отпрыска старинного рода! Матерью Хендрика была Элиза Зоффель, дочь городского мага из Крайграда, и будь у его отца хоть капля ума, он не пошел бы на такой мезальянс. Он не отдал бы наследника в Академию, потворствуя своей прихоти сделать из него чародея. Конечно, годы назад сам Хендрик тоже был рад учиться... но он был молод, неопытен, глуп.

«Так благородные девицы мечтают удрать в актерки!» — Хендрика позабавило это сравнение.

Лишившись магического дара, он поначалу был безутешен. Никогда больше Хендрик не стоял так близко к самоубийству и до сих пор помнил холодок, тянувшийся с *того* края. Но, хвала богам, порода взяла свое.

Как раз тогда старый князь совершил величайшую глупость в жизни — продал городу его независимость, превратившись в номинальную фигуру, подобную королю на шахматной доске. Видеть, как горожане задирают носы, знать, что над каждым до-

мом полощется городской флаг, помнить, что каждый год наступает День Свободы, — было оскорбительно для дворянской чести. Если отец не знает, что это за штука, значит, о ней вспомнит сын!

И вот прошло двенадцать лет. Кто такой Хендрик ван Траубе? Хендрика ван Траубе знают все; он возглавляет Совет, он вникает во все дела, его заботами город богатеет день ото дня! Он знатен, красив, любим в народе, и не сегодня-завтра город сам, по собственной воле попросится ему под руку, ибо у города не будет выбора.

И кто такой Эгмонт Рихтер?

Хендрик засмеялся, вспомнив, с какой ревностью отслеживал когда-то каждый шаг своего врага. Лучший боевой маг Лыкоморья! Безродный потрепанный пес, вот и все. Ремесленник, гильдеец... да и крапивник к тому же. И этой судьбы я когда-то желал? И этому человеку завидовал?

Он вспомнил белокурую Ангелике, свою сговоренную невесту. За ней давали два замка, а между тем женихи готовы были и приплатить: истинная дворянка, старшая дочь герцога и такая красавица, что перед ней померкла бы Лорелей. Она отстояла от рыжей молчуньи еще дальше, нежели сам Хендрик — от выскочки Рихтера. Что ж, каков ты сам, такова и твоя женщина. Те, что знатнее, красивее, умнее, обратят внимание на достойных. Этой, похоже, не из чего выбирать.

Четверо стражей отсалютовали Хендрику алебардами. Он кивнул им и легко взбежал по каменной лестнице, по ступеням которой ходили двадцать восемь поколений его предков.

Хендрик знал, что скоро к ним прибавится и двадцать девятое.

7

Через три дня в Солец прибыли ковенские эмиссары. Возглавлял их хмурый молодой человек, назвавшийся Полем Цвиртом; день выдался жаркий, но маг упрямо поднимал вверх воротник форменного плаща. У Цвирта был вид человека, ищущего, на ком бы сорвать отвратительное настроение.

Хендрик ван Траубе для этой цели совершенно не подходил.

Будущий властитель Сольца принял непрошеных гостей в Змеином замке, сидя под растянутой на стене шкурой гигантского медведя. В свое время зверя убил князь Вильгельм, прадед Хендрика, но на ковенцев медведь не произвел ни малейшего впечатления.

— Вот зачарованные пергаменты с портретами беглецов, — сухо излагал магистр Цвирт. Повинуясь движению его пальцев, на столе из ниоткуда появилось несколько свитков. Маг взял один и с поклоном — хоть на это ума хватило — протянул его молодому князю.

Со скучающим видом Хендрик развернул пергамент. Цвирт внимательно следил за его реакцией, и только поэтому князь ухитрился остаться сдержанным.

Эгмонт Рихтер. Яльга Ясица... вот, стало быть, как звали ту рыжую... Сигурд дель Арден. Интересно бы знать, что может связывать боевого мага и подданного конунга Валери...

Ах, если бы знать! Если бы только знать тогда! Но признаваться в своей ошибке перед КОВЕНом...

— Ничем не могу вам помочь, — скучающим тоном заявил Хендрик. — Эти трое не просили моей аудиенции.

— Стало быть, вы их не видели? — уточнил настырный Цвирт.

Хендрик небрежно бросил пергамент обратно на стол.

— Этого я не говорил. — Цвирт затаил дыхание. — Эгмонта Рихтера, увы, я наблюдал чаще, чем хотелось бы. Правда, было это давно...

Князь перевел взгляд на сводчатый потолок и пошевелил губами, изображая недюжинную работу памяти. Цвирт терпеливо ждал ответа.

— Да! Кажется, лет двенадцать или тринадцать назад. Надеюсь, это все? А то, знаете ли, подданные ждут.

Магистр Цвирт был умен — этого у ковенцев было не отнять. Он очень хорошо понял, как ему следует себя держать, и незамедлительно откланялся.

Хендрик встал с кресла и подошел к окну, зачарованному так, что князь мог смело рассматривать двор, оставаясь невидимым. Цвирт серой тенью выскользнул за ворота, его люди последовали за ним.

«Я поступил правильно», — с удовлетворением констатировал Хендрик ван Траубе.

Еще три года назад он снарядил бы погоню за Рихтером и его рыжей Ясицей. И чего бы он этим добился? Каждая собака в этом городе знала бы, что их князь опустился до мести какому-то безродному выскочке. Нет! Для того чтобы вынюхивать и выслеживать, существуют такие, как этот Цвирт.

Человеку все равно не под силу пересечь Драконий Хребет.

Даже если у него в отряде подданный Серого Конунгата.

• Лестница миров •

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой мистрис Дэнн и Ламмерлэйк пьют кафий с лимоном, Ялька удовлетворяет свое научное любопытство, а в маленьком городке на границе с Конунгатом сталкиваются два профессиональных долга

1

Отточенным до автоматизма движением магистр Цвирт развернул свой зачарованный свиток. За время странствий несчастный пергамент успел изрядно пообтрепаться, а от ковенской печати, висящей на трехцветном, особым образом скрученном шнурке, отломилось два или три кусочка. Вдобавок свиток немного попахивал колбасой — в сумке они лежали в соседних карманах. Счастье еще, что колбаса была упакованной.

Молодой стражник, только-только сменившийся с дежурства, недоверчиво зашевелил носом, пытаясь определить источник столь приятного аромата. Цвирт успел уже понять, что колбасы, а уж тем более — отличной межинградской ветчины «Веселая хрюшка»! — в Сольце днем с огнем не сыскать, и потому, поспешно отдернув пергамент, сурово помахал им в воздухе.

— А скажи-ка мне, любезный... — Стражник нахмурился, но Цвирт продолжал, твердо уверенный, что с народом нужно разговаривать на понятном ему языке: — Не видал ли ты, часом, кого из этих вот?

На этом его запас простонародной лексики был практически исчерпан — оставалось разве что предложить «раздавить посудину», но пока Полю недоставало на это мужества. Не то чтобы он пренебрегал лыковкой, просто в здешних краях под именем благородного напитка скрывался жутчайшей крепости самогон. Ни один Рихтер на свете не стоит таких жертв.

Стражник шмыгнул носом, еще раз бдительно принюхался, с сожалением сглотнул и всмотрелся в начертанное.

— Ну, видел, — буркнул он. — И что с того?

Цвирт подался вперед. Наконец-то его метод начал приносить несомненные плоды, тогда как идея с немагическими портретами подверглась, не побоимся этого слова, остракизму со стороны старших коллег!

— И когда? — вкрадчиво поинтересовался маг, боясь спугнуть добычу.

— Надысь, — сурово ответил словоохотливый стражник.

Поль прищурился. Он не собирался отступать.

— Э-э? Надысь — это, стало быть, намедни?

— Сам ты намедни! — вконец разобиделся стражник. — Лыкоморским языком тебе говорю — надысь! Надысь, то есть днями!

Цвирт терпеливо ждал перевода с местного на лыкоморский. Стражник потоптался на месте, с тоской глянул на свою алебарду и, поняв, что силы неравны, сдался на милость ковенского магистра.

— Ну, это... Дней пять назад, може. Или шесть. Да не, точно семь.

Маг быстро прикинул схему маршрута, по которому — предположительно — следовали преступники. Получалось, что показаниям вполне можно верить.

— И что? — ласково спросил он, сообразив, что продолжения не последует.

Стражник посмотрел на него с каким-то странным выражением.

— А? — лаконично спросил он в ответ.

— Куда пошли-то? — переформулировал Цвирт, всеми силами удерживая перед глазами картинку из учебника социопатологии. Картинка звалась «Народ» и была сермяжна, бородата и лапчата.

— Ну кудой? Тудой! — уверенно отвечал стражник. Развернувшись, он помахал рукой вдоль единственной отходившей от ворот улицы, прямой как стрела.

— А кудой именно тудой? — осведомился Поль и сам ужаснулся тому, на каком варварском наречии изъясняется.

— Да тудой же! — вновь обиделся стражник. Если бы не колбасный дух, он уже давно бросил бы болтать со столичным гостем. — К лекарке! Кудой же еще таким болезным?

И тут Поль понял, что Рихтеру от него не уйти.

Лекарка в Сольце тоже была одна, и найти ее домик не составило особенного труда. Маленький и скромный, он был, однако, очень аккуратным, как и полагается обиталищу мага-целителя.

Самой лекарки (*Ардис Урсула Рэгмэн; тридцати двух лет; дипломом с отличием; стаж работы — более двенадцати лет*) не было дома. Из-за забора ковенский отряд облаяла маленькая, на редкость лохматая и голосистая собачонка; на ее голос во двор вышел встрепанный паренек, который, вежливо поприветствовав магов, впустил их в дом.

Внутри было еще скромнее и аккуратнее, чем снаружи. Отряд из семи человек с трудом разместился в самой большой комнате, причем табуретки пришлось приносить из кухни. Цвирт оглядел вязаные половики, потрепанные корешки многочисленных книг, выцветшие картинки на стенах и хотел было прийти к выводу, что живет мистрис Рэгмэн довольно бедно, но поймал взгляд ее ученика и передумал. Не стоило портить отношения с возможным свидетелем.

— Скоро ли придет коллега Рэгмэн? — вежливо осведомился маг.

— Скоро, — еще вежливее ответил паренек.

Встав на цыпочки, он вытащил с верхней полки какую-то толстую книгу, забился в уголок и принялся за чтение. Такого похвального старания Цвирт в жизни не видывал. «Это ж до чего достойное поколение растет!» — умиленно думал он. «И какие мрысы тебя принесли?!» — хмуро раздумывал между тем представитель подрастающего поколения.

Полчаса прошло в тишине, переглядываниях и ерзанье. Наконец хлопнула входная дверь. Мальчик даже ухом не шевельнул, продолжая делать выписки в толстую тетрадь, зато Цвирт оживился и встал со своей табуретки. В комнату, на ходу разматывая вязаную шаль, быстро вошла хозяйка дома.

— А, коллеги... — без малейшего удивления сказала она. — Чем могу быть полезна, магистр Цвирт?

«Одно из двух, — мгновенно понял Поль. — Или она действительно помогала Рихтеру, или о нашей миссии знают даже сороки на заборах». Первая мысль была привлекательнее, зато вторая — правдоподобнее.

Ардис Урсула Рэгмэн, тридцати двух лет, прошла мимо ковенцев к окну, скомкала шаль и закинула ее на платяной шкаф. Она даже не соизволила кивнуть, не предложила им чаю! От греха по-

дальше Цвирт зажал ладони между коленями. Он начинал злиться, и злиться всерьез. Проклятущий Рихтер в очередной раз буквально выскользнул у него из рук, и во многом — благодаря безответственности этой конкретной лекарки, которая держится сейчас будто хозяйка положения.

— Семь дней назад, — сухо начал маг, — к вам обратились за помощью трое.

— Нет, — прервала его Ардис. — Артур, посмотри, пожалуйста: сколько зафиксировано обращений семь дней назад?

Мальчик недобро посмотрел на магистра Цвирта, из-за которого его отвлекали от штудий, и со вздохом перевернул тетрадь. На задней обложке красовалась длиннющая алхимическая формула, обрамленная россыпью мелких черных пятен.

«Что у них, одна тетрадь для всего?»

— Десять штук, — канцелярским голосом произнес малец, очевидно успевший заразиться от наставницы профессиональным лекарским цинизмом. Это ж надо — больных в штуках измерять!

— Меня интересуют только трое, — продолжил Поль, решив сделать вид, будто его и не перебивали. — Их имена...

— Их имена не имеют никакого значения, — вновь прервала его Ардис. — Как вам известно, *коллега*, всякий приступающий к лекарской практике приносит клятву о неразглашении тайны врача и пациента. Если угодно...

И она протянула Цвирту тетрадь, не обратив никакого внимания на возмущенный возглас ученика. Маг автоматически принял; он еще не успел вспомнить, о какой клятве шла речь, и оттого внимательно прочел следующие строки, начертанные корявым детским почерком:

«Больной Ш., 1 штука. Диагноз: хворь неясная. Принес воды, 6 ведер и бочка.

Больной С., 1 штука. Диагноз (далее неразборчиво). Вскопал огород.

Больной Р., 3 штуки. Диагноз (тут было написано разборчиво, но честно: «Не помню»). Не помер. Молодец!

Больная Ф., 2 штуки. Диагноз: ХН. Три десятка яиц (прим.: «А яйца-то мелкие! Вот народ!»)».

Цвирт ошеломленно перечитал это еще раз. Особенно ему понравился больной Р., единый в трех лицах. Близнецы они, что ли?

— Ничего не близнецы, — возмутился ученик. — Третий раз лечили, чего ж тут неясного?

Действительно, все было ясно как божий день. Куда подевался Рихтер сотоварищи, по-прежнему знал только он один, но, судя по тому, как ответственно подходили в этом доме к своим профессиональным обязанностям, у Рихтера было два варианта: либо срочно выздороветь, либо скоропостижно скончаться. Судя по записям, скончавшихся не было.

Больной Р.?..

Поль уже открыл рот, чтобы прояснить ситуацию, но наконец вспомнил, о какой клятве говорила мистрис Рэгмэн. Клятва, само собой разумеется, была магической. При всем желании практикующий лекарь не мог ни сказать, ни написать, ни передать телепатически — словом, выдать каким-либо образом, кто конкретно и по какому поводу обращался к нему за помощью. Власть КОВЕНа велика, но небезгранична, — и тех пределов, которые ей положены, преодолеть действительно невозможно.

Ардис Рэгмэн можно было бы обвинить в пособничестве беглецам — если бы в свое время КОВЕН информировал о них абсолютно всех провинциальных магов, вплоть до деревенских бабок-повитух. Но этого не сделали, а теперь было уже поздно.

Поль сжал в сумке свой пресловутый свиток. Учитель оказался прав: пользы от пергамента было — что кот наплакал. Даже если предъявить его Ардис, она не скажет ничего нового, потому что изображенных на пергаменте уже опознали ее соседи.

Ну да, Рихтер здесь был. Был здесь и волкодлак... вообще-то главный предмет поиска, о чем Цвирт вспоминал реже, чем надо бы. И конечно, была здесь рыжая первокурсница с факультета боевой магии. А помимо них — еще куча народу (и Ф., и Ш., и С., и, возможно, больные Р., еще две штуки).

Он все-таки вытащил пергамент, сунул его под нос Ардис и без всякой надежды спросил:

— Но почему из всех именно эти остановились в вашем доме? А не, допустим, на постоялом дворе?

Ардис пожала плечами.

— Видите ли, магистр, эти двое, — она брезгливо ткнула пальцем в изображения оборотня и мага, — были настолько глупы, что прошли через Старые Земли, и настолько безрассудны, что потащили с собой девочку. Почти ребенка! Ну разумеется, они находились в крайне тяжелом состоянии! Я удивлена тому, как они

вообще сумели до меня добраться... Впрочем, — прищурившись, она глянула на Цвирта, — что с них взять? Мужчины!.. — И она презрительно фыркнула.

«Социопатология!» — сладчайшей музыкой прозвучало в голове у Цвирта. Какой интересный случай — раньше он о таком читал, а вот наблюдать не доводилось. Тридцать два года, а она до сих пор не замужем. Логично при таком отношении к противоположному полу.

А вот если бы с ней поговорить... ну, скажем, курсом из пяти — семи бесед... динамика явно была бы положительной, а этот случай стал бы украшением его статьи, которую все никак не удается достойно завершить!

Ардис в одно мгновение разрушила все его планы:

— Но я рада, что они обратились именно ко мне. Такого интересного наблюдения в моей практике еще не было. Вчера я связалась с моим научным руководителем, и она осталась мною довольна. Теперь моя диссертация имеет все шансы на успех.

Ученик довольно ухмыльнулся, пробуя кончик пера на язык.

— Ваш научный руководитель... э-э...

— Мистрис Дэнн, разумеется, — гордо сказала Ардис.

Поль подумал, что сейчас она скажет свое коронное: «Мужчины!» — и фыркнет уже в его адрес. Следовало отступать.

— Благодарим вас за достойно выполненный профессиональный долг! — с должной мерой сердечности произнес он. Цвирт направился к дверям, и за ним потянулись его подчиненные.

— Господа маги! — неожиданно окликнула хозяйка.

Цвирт с надеждой оглянулся. Может, он все-таки заблуждался и добрая женщина предложит им чаю? Он был голоден, а в трактире кормили весьма недорого, с лихвой компенсируя цены качеством.

Добрая женщина скрестила руки на груди.

— Верните мебель на место, пожалуйста, — самым вежливым голосом попросила она.

2

Левитировать умеет любой адепт. Я научилась этому в середине первого семестра и при необходимости могла подняться в воздух на высоту собственного роста, а при сильной необходи-

мости — наверное, даже выше. Если использовать артефакт — подойдет даже грязный веник, — можно увеличить и высоту, и скорость, и длительность полета до вполне себе достойных величин. Но левитация, к сожалению, весьма энергозатратна, и ни один известный мне маг не способен взлететь выше Солнечного шпиля.

Но в былые времена, как водится, трава была зеленее, цари — справедливее, эльфы — куртуазнее, а маги — могущественнее. И какой-нибудь древний чародей, пролетая по делам над Драконьим Хребтом (ну так, молока нужно купить, а в Арре оно на медяшку дешевле), вполне мог заметить, что самая старая, загадочная и опасная из горных цепей Севера действительно похожа на дракона, распростершего крылья.

Нам же остается полностью верить карте.

...Вечером четырнадцатого грозника мы остановились на ночлег в небольшой лощинке возле реки — река эта состояла из пересохшего русла и весьма унылого ручейка на дне. Набрать воды стоило некоторого труда, зато лощинка была словно специально придумана для того, чтобы прятаться в ней от погони, — найти ее мог, наверное, только волкодлак. Но тем не менее впервые за всю дорогу Эгмонт обвел стоянку защитным кругом.

— Ты же говорил, не стоит попусту расходовать магию, — заметила я, когда Рихтер вернулся к костру.

— Попусту — не стоит. Если ты успела забыть, Ялька, это — Драконий Хребет.

— Верно, — поддержал его волкодлак. — Всякое тут случается...

— Мы пока еще только в предгорьях...

— А нам и в предгорьях жить хочется, — хмыкнул Рихтер.

Издалека эти горы казались голубоватыми — будто вереница туч у самого горизонта. Они приближались очень медленно, зато сейчас закрывали половину небосвода: черные на черном, и над раздвоенной вершиной сияла голубая звезда.

Звезды здесь были крупнее, чем внизу.

— Дай карту, Эгмонт...

Я зажгла два световых пульсара и расстелила пергамент на траве. За три с хвостиком недели я уже почти выучила, как выглядят северо-восточные владения Лыкоморья — вплоть до последней деревеньки или завитушки на пририсованной сбоку розе ветров. Но сейчас я как в первый раз провела пальцем по изогнутой линии гор, которую нам предстояло пересечь.

Драконий Хребет очень походил на дракона. Я бы сказала — слишком; и один Эллендар разберет, почему это явное, невозможное в природе сходство до сих пор не нашло себе внятного магического объяснения. Чуть изгибаясь, он тянулся через полконтинента с северо-запада на юго-восток, и «голова» была покрыта панцирем ледников, а «хвост» уходил в эльфийские леса. Имелись и «лапы», числом четыре, и «крылья» — странной формы несимметричное плато.

Западный склон не принадлежал никому. Восточный — был владением Серого Конунгата. Я представила землю, покрытую лесами, простирающуюся до самого океана. На том берегу никогда не бывали дети Младшей Крови.

Что ждет нас там? Каким окажется конунг — золотой дракон, — и что вообще значит быть золотым драконом? Конечно, мы почти в безопасности, КОВЕН вряд ли рискнет преследовать нас в этих горах... но если мы в безопасности, почему Эгмонт установил защитный круг?

Я вдруг нашла имя тому чувству, которое владело мной в данный момент, и мигом успокоилась. Да я же попросту боюсь — еще бы, ведь впереди лежит неизведанность! А если так, то любопытство куда сильнее страха.

Вдобавок рядом со мной имеется самый настоящий волкодлак!

Ну, Ялька, ты и дура! Три недели бок о бок с Сигурдом — и хоть бы догадалась задать ему несколько вопросов!

А как удачно добытый материал может лечь в мою курсовую... Конечно, придется подумать, как половчее его туда впихнуть, однако преподаватели просто обязаны оценить мою инициативу, любознательность и научный склад ума! Перед глазами поплыли заманчивые картинки на тему «Защита курсовой/кандидатской/докторской».

Так... но ведь мы еще прошли Старые Земли! Места это уникальные, до нас там магов не было, и после, я думаю, тоже не будет. Обидно, если научная общественность ничего про них не узнает. С другой стороны, объем курсовой все-таки ограничен.

Я уже и думать забыла про неизведанные земли, загадочную Валери и прочие смущающие обстоятельства. Мрыс эт веллер! — Мы вернем Сигурда его конунгу, восстановив тем самым справедливость, а уж золотой дракон точно во всем разберется. И все встанет на свои места. Мы с Эгмонтом вернемся в Академию; мне

наверняка придется сдавать сессию, а эти три недели сумасшедшей гонки в лучшем случае зачтутся как полевая практика...

Вот и решение! Что не войдет в курсовую, войдет в дневник практики. Я посмотрела на Сигурда — источник бесценной научной информации валялся у костра и жевал травинку. В последнее время он предпочитал человеческий облик, и мне это было на руку.

Подтянув к себе сумку, я вытащила оттуда тетрадь с курсовой, расправила смятые страницы и с удовлетворением перечитала уже написанные заметки.

В кармане завалялось старое перо, заряженное чернильным заклинанием. Я подновила чары и, устроив тетрадь на плоском камне, принялась записывать уникальные наблюдения. Хм, что там вообще было нехорошего? Пограничные камни, вихрь, овраг, занесенный снегом, и застывший над ним жук... Я красочно описала схватку с тамошними духами, коротко набросала то, о чем знала только со слов Сигурда, и, подумав, аккуратно вымарала абзац про зелененького Эгмонта. Вряд ли преподаватели оценят подобную натуралистичность.

На то, чтобы подробно законспектировать нашу дорогу через нехороший лес, мне потребовалось чуть больше пяти минут. Закончив, я отложила перо, размяла пальцы и уставилась на Сигурда долгим предвкушающим взглядом.

— Эй, Ялька, ты это чего? — поинтересовался оборотень, нутром предчувствуя нехорошее.

— Курсовую пишу, — честно ответила я.

Эгмонт вздрогнул и чуть не уронил на ногу котелок.

— Сигри, — ласково сказала я, не давая опомниться, — а скажи-ка мне, как именно принято у волкодлаков...

Следующие два с половиной часа были прожиты с большой пользой для науки. Сумрак сгустился, в лесу тоскливо заухала какая-то птица, но я хладнокровно сотворила третий пульсар и продолжила допрашивать Сигурда. За все это время Эгмонт не проронил ни слова, зато волкодлак вынужденно не умолкал. Однако всему имеется предел, и на сорок втором вопросе («Сигри, а какие именно узоры принято вышивать на свадебной скатерти?») его терпение лопнуло.

— Яльга! — хрипло возопил он. — Что ж ты такая занудная! У тебя совесть вообще есть?

— Не знаю. — Я пожала плечами, дописывая ответ на сорок первый вопрос. — А что, очень надо?

Оборотень возмущенно помотал головой, не находя слов для такой наглости, потом отцепил от пояса флягу с водой и сделал несколько больших глотков.

— Аж во рту пересохло... Да меня так в ковенской тюрьме не допрашивали!

Я скромно потупилась.

— Но ты же ведь все равно не хочешь спать, правда?

— Ты на небо посмотри! Время уже к полуночи...

— Правильно! — быстро согласилась я. — Поэтому мы должны действовать оперативно. Ну же, Сигри, чем быстрее ты расскажешь, тем быстрее мы заснем! А то я уснуть не смогу, все про эти узоры думать буду...

Волкодлак возвел очи горе.

— Эгмонт, — тоскливо спросил он, — они все у тебя такие?

— Ну почему все... — Рихтер отбросил веточку, которой он зачем-то шевелил угли в костре. — Эта худшая.

Я оскорбилась. Мне не нужна была чужая слава. Узнай близнецы аунд Лиррен, что не их именуют грозой Академии, моя участь была бы непредсказуема и ужасна.

— Это я-то худшая? — Разыграть праведное негодование не стоило ни малейшего труда. — Да я вообще примерная ученица, между прочим! Сессию закрыла без долгов... — Эгмонт заинтересованно приподнял брови, — ладно-ладно, почти без долгов! По твоему предмету — одни пятерки! А мгымбра мы, если что, почти в соавторстве придумали!

— Взломанная лаборатория, — весьма ядовито напомнил Эгмонт. — *Моя* лаборатория, но это, конечно, мелочи.

— Других не было, — буркнула я, однако Рихтер не обратил на это внимания.

— Лягушки, — продолжал он. — Хоровое пение под окном у Ривендейла. Стенка на олимпиаде по некромантии, из-за которой у председателя жюри глаз до сих пор подергивается. Крыша, куда кое-кто вылез в мое отсутствие. А цветок с половинчатыми листьями зачем обидела? Он-то тебе что сделал?

Я беспомощно посмотрела на Сигурда, ища поддержки, — но оборотень только усмехался, демонстрируя пресловутую мужскую солидарность.

— Ну и в довершение всего — на твоей совести Марцелл Руфин Назон. Заметь, я ничего не сказал про госпожу ле Бреттен.

— Ты так сочувствуешь Марцеллу?

— Всем сердцем, — заверил меня Эгмонт.

Я обнаружила, что успела скатать тетрадь в тугой рулончик, и принялась сворачивать ее в другую сторону, чтобы добиться хоть какой-то симметрии.

— Интересная у вас там жизнь, в Академии... — мечтательно протянул Сигурд. Как только от него отстали с вопросами, оборотень и думать забыл о том, что он собирался спать. — Мне вот так вы ничего не рассказывали...

— И ничего интересного, между прочим, — обиженно сказала я. — Подумаешь, олимпиада! Вот Эллинг и Яллинг...

— Ты еще лубки вспомни, — посоветовал Рихтер.

— Что за лубки? — потребовал объяснений волкодлак.

Я повернулась к нему:

— Лубки про жизнь студентов-магов. Весьма популярный, кстати, продукт, на всех углах продают. Так вот, тамошние главные герои — они, правда, обычно героини — всегда создают множество проблем для учителей. Они веселые, компанейские, пьют лыковку в больших количествах, совершенно не учатся, вместо этого придумывают розыгрыши и шалости. Ну, что там еще?.. Образ жизни обычно ведут... э-э...

Я точно знала, каким словом можно охарактеризовать этот образ жизни, но встретилась взглядом с Эгмонтом и внезапно вспомнила, что он мне не только друг, но и преподаватель. Пришлось переформулировать:

— У них непременно имеется насыщенная личная жизнь. По возможности — с некромантами или вампирами, а в идеале — с вампирами-некромантами. И что из перечисленного есть у меня?

Я немного лукавила. Из перечисленного у меня имелся вампир — в количестве аж двух штук — да и некромант тоже, если посчитать Валентина де Максвилля. Но все-таки они были не в зачет, потому что никакой романтики между нами не просматривалось. Исключительно деловые — или дружеские, как посмотреть, — отношения.

Эгмонт внимательно поглядел на меня поверх костра.

— То есть, иными словами, ты считаешь, что самый худший тип адепта — сильно пьющий разгильдяй творческой направленности?

Я хмыкнула так, чтобы при желании можно было счесть это за согласие. В костре стрельнул уголек, из лесу вновь заухало. Сигурд перевернулся на спину и уставился в небо, усыпанное звездами, но я по каким-то неуловимым признакам знала, что оборотень продолжает прислушиваться к разговору.

— Хочешь, поделюсь педагогическим опытом? — продолжил Рихтер. — Студенты бывают самые разные, но можно выделить две категории: предсказуемые и непредсказуемые. Состав каждой зависит прежде всего от мастерства преподавателя. Думаю, госпожа Дэнн способна просчитать любого из своих некромантов... Но что касается меня, студенты со склонностью влипать в истории — пройденный этап. Классический пример — близнецы аунд Лиррен. Вот уж кто всегда найдет и гвоздь, и дырочку, и полмешка взрывчатки. Ты им точно не конкурент.

— Ну и я о том же...

— Подожди. — Рихтер предупреждающе поднял руку. — При всем своем уважении к талантам близнецов, я повторю — их поступками легко управлять. Простой пример. Пять лет вся студенческая братия толклась возле моей аудитории, не обращая никакого внимания на значительно более интересные и опасные объекты. Поверьте мне, сту... то есть поверь мне, Ялька, их в Академии хватает. Несложная манипуляция — и мы получаем желаемый результат. И хвала всем мыслимым богам, что подобные тебе в Академии появляются крайне редко.

— Подобные мне — это те, которые приходят и взламывают? — кротко спросила я. Значит, несложная манипуляция? Так-так! И кто еще кем манипулирует, если ты вышел на такую интересную тему!

— Подобные тебе — это те, которых хлебом не корми, но дай сунуть нос в какой-нибудь старинный гримуар. Адепт, который хочет устроить пакость, в худшем случае подожжет кабинет директора Буковца. Адепт, который хочет знаний, может докопаться до тех мест, куда и Шэнди Дэнн по доброй воле не заходит. Я уже знал одного такого. Мне хватило.

Я против воли вспомнила Гения-Хендрика и Тьму, затопившую защитный круг.

— И знаешь что, Ялька? Таких, как ты, действительно не очень-то любят преподаватели. Потому что взрослому уважаемому человеку весьма не нравится чувствовать себя зеленым адептом, которому нечего ответить на заданный вопрос. И это понятно, ибо соответствует человеческой природе. Как ни странно, Ялька, преподаватели — тоже люди. На моей памяти был лишь один случай, когда магистр ответил адепту: «Мальчик мой, я не знаю ответа на твой вопрос. Но постараюсь его разыскать».

Я покивала.

— Конечно-конечно. Один мой знакомый магистр в таких случаях любит говорить: «А это, студентка Ясица, вы будете изучать на пятом курсе». Или в интернатуре. Или в аспирантуре.

— Положим, когда магистр это говорит, чаще всего он просто хочет, чтобы помянутая адептка не совала свой нос, куда ей еще рано.

— Чаще всего?

Эгмонт набрал воздуху, чтобы разразиться еще одной воспитательной тирадой, но в этот момент я бросила все тщетные попытки упихнуть тетрадку в сумку и вытряхнула книги наружу, решив, что настало время для уборки. Первым на траву выскользнул «Справочник». Ревнивым движением обложки он отшвырнул подальше от меня маленькую дрожащую книжицу в мягком переплете. Это была та самая «Магия. Руководство для начинающих», которую я купила тысячу лет назад в корчме на дороге Межинград — Арра. Книжка шлепнулась рядом с Рихтером; маг машинально поднял ее, бросил взгляд на обложку и замер.

— Ты где это взяла? — едва ли не благоговейно спросил он, осторожно пролистывая книгу.

Я недоуменно пожала плечами.

— Купила, разумеется... А что?

— Ялька, этого нельзя купить! — Рихтер поднял взгляд от книги. Глаза у него были совершенно дикие. — Скажи мне честно, как твоему декану, кого ты ограбила? Тебе ничего не будет, честное магистерское...

— Никого, — сказала я, надеясь, что тот давешний купец не слишком продешевил. Опять-таки хотелось верить, что фраза про ограбление была риторической фигурой, — я никогда не видела Эгмонта в таком состоянии, и можно было запросто поверить, что он говорит всерьез. — А что это за книжка?

— Этого нельзя купить, — повторил маг. — Эта книга бесценна! Глазам не верю!

Он долистал ее до конца, вновь открыл на середине, отлистнул с десяток страниц, закрыл, перевернул... Мы с Сигурдом переглянулись, и я пожала плечами еще раз. В поведении Рихтера не просматривалось даже самой дохленькой логики.

— Ты ее еще по корешку погладь, — посоветовал Сигурд, неоднократно видевший, как я проделывала это со «Справочником».

— И поглажу! — ответил Эгмонт, подтверждая слова действием. Неизбалованная книга доверчиво жалась к его рукам. — Сигри, ты не понимаешь — это сокровище!.. В мире осталось только три экземпляра: один у Магистра Эллендара, второй подарили на предпредпоследний юбилей учителю Тэнгиэлю...

— А третий где? В библиотеке у магистра Зирака?

— Нет, — мрачно ответил Рихтер. — Третий зачем-то забрали драконы. Яльга, тебе этот все равно не нужен.

— Тебе это кто-то сказал или ты сам догадался?

— Яльга, ну будь человеком! Что тебе, жалко, что ли? Ты мне друг или кто?

— Ладно, — уступила я. — Положим, друг. Но в таком разе, во-первых, будем считать, что я дарю ее тебе на день рождения... ты же мне сережки подарил?

— Я отдаривался, — отмахнулся Рихтер. — Ты мне мгымбра — я тебе защитные амулеты... Картина маслом, Сигри: мой день рождения, Савайн, все студенты заняты делом — празднуют, стало быть, никто не мешает. Невероятно капризный эксперимент в самом разгаре. И тут меня выдергивает директор Буковец, и все из-за чего?

— Из-за чего? — переспросил Сигурд, которому надоело быть молчаливым статистом.

— Из-за того, что одна не в меру талантливая студентка создала невесть что, почти до бесчувствия напугавшее последнего магистра бестиологии!

— Почему «почти»? — обиделась я. — Ой, так получается, у тебя день рождения в Савайн? Я учту!

— Не надо! — испугался Рихтер. — Хотя... может, у тебя есть еще такая книжка?

— Пока нет. Но я буду искать. А к вопросу о книжке — я как раз хотела тебя спросить: там на пятнадцатой странице...

— А это, студентка Ясица... — завел привычную песню Эгмонт, но я с надеждой спросила:

— Я буду изучать на пятом курсе?

— Нет, — жестоко разбил мои надежды Рихтер. — Извини, я ошибся. Когда ты будешь соискателем докторской степени, возможно, ты выберешь тему, по которой эта книга будет тебе полезна.

Я смолкла, не без смущения сообразив, что попытки разобраться в этой книге без преподавателя были в лучшем случае весьма нескромными. Но... интересно же, правда!

— Глянуть можно? — подал голос Сигурд.

После краткого морального терзания Эгмонт все же доверил ему книгу. Оборотень полистал ее, внимательно обозрел замысловатый чертеж и, быстро улыбнувшись, прочел вслух фразу поэльфийски. На эльфаррине он говорил чище, чем на лыкоморском.

— «Весенний круг», надо же... — пробормотал он. Я облизнула губы и собралась спросить, где это Сигурд учил старший из эльфийских языков, но волкодлак продолжил: — Я одного только не понимаю, Эгмонт, — ежели книга такая сложная, почему ж она тогда так называется?

Рихтер неожиданно рассмеялся.

— Тот, кто ее писал, числил начинающим даже себя. Что уж о нас говорить!

3

Этим вечером закат в Межинграде был особенно живописен. Алое зарево полыхало на полнеба, отбрасывая на древние стены розовые и золотистые отблески. Волшебное сияние окутывало все вокруг: башни, и камни, и траву под ногами, и магический фонтан, и печального белого слона. Животное вздыхало, шевелило хоботом и смутно грезило о некоем магистре Цвирте, который умел так заботливо отполировать ему бивни и омыть ноги.

Но — увы! — Поль Цвирт был недосягаем, а остальные не обращали на страдания слона ровным счетом никакого внимания.

На бортике фонтана, нежно держась за руки, сидели принц Саид и его прекрасная пери. Покуда дозволяли приличия, властитель земли Каф молча пожирал возлюбленную очами, а когда

молчать становилось просто опасно, он начинал декламировать стихи восточных поэтов. Прекрасной Полин вовсе незачем было знать, что каждый вечер после очередного свидания Саид открывал взятый у магистра Зирака том и заучивал наизусть не менее пятнадцати произведений. Зато теперь он мог не сходя с места прочесть несколько полных диванов[1].

Так любишь ты меня иль ненавидишь,
Я, хоть убей, не знаю посейчас...

Небесное создание прерывисто вздохнуло и чуть сжало руку Саида. Скромность мешала пери высказать принцу прямо, что переполняло ее сердце, но наконец она подняла ресницы, и взгляд сказал счастливейшему из смертных все то, чего не смели произнести уста.

— О смысл моей жизни, путеводная звезда! — пылко воскликнул Саид на уже вполне сносном лыкоморском. «Молодец, быстро учится», — с удовлетворением подумала Полин. После печальных событий первого дня их знакомства принц старательно избегал выражений вроде «жемчужина нашей короны» или «звезда очей наших», предпочитая не будить в прелестнице ненужных воспоминаний. — Если бы мы могли распоряжаться собой, мы остались бы жить здесь вечно, подле ваших ног! Но государственные дела призывают нас возвратиться.

— Возвратиться?! — ахнула Полин, прижав обе ладони к сердцу. Она сделала это так быстро, что принц не успел спохватиться и удержать хотя бы одну из ее нежных ручек. — Мой принц, вы покидаете нас? Ах, моя жизнь опустеет...

Сердце Саида сделало бешеный скачок. За все время их отношений властительница сердца ни разу не выказывала своего благоволения столь явно. Принц боялся спугнуть удачу, но удача, как известно, любит смелых, и он решил рискнуть, поставив на карту все. Он упал на колени, взмахнул рукой, жалея лишь о том, что у него нет приличествующего случаю букета цветов. Но в тот же миг чья-то маленькая мохнатая лапка насильно впихнула ему в ладонь толстый колючий стебель. Принц глянул — то была пре-

[1] В классической литературе Востока — сборник стихов одного поэта, расположенных строго по жанрам и в алфавитном порядке рифм по последним буквам рифмуемых слов. («Лыкоморское литературоведение», из фондов магистра Зирака.)

красная роза, белоснежная, как кобылица, и роскошная, как Полин де Трийе.

С такой розой можно было рискнуть.

— О любовь моя! — воззвал Саид с колен. Полин потянулась к розе, но принц быстренько отдернул руку. Всему свое время, как учили древние мудрецы. — Знай же, что до встречи с тобой я не знал, что такое счастье... что такое самое жизнь! Ты осветила мой путь! Ты единственная, кто может сделать меня счастливым! Молю тебя, взываю к твоему милосердию: о ненаглядная пери... — Принц зажмурился и выдохнул: — Стань моей женой!

У Полин слегка закружилась голова. «Вот сразу и женой!» — твердил какой-то нудный голосок на самом краю ее сознания. Голосок был явно знакомый; Полин прислушалась и мигом поняла, что ее альтер-эго было не кем иным, как противной Ликки де Моран. «Фигушки!» — злорадно подумала алхимичка и с придыханием произнесла заветное:

— Да...

И тут же спрятала лицо в ладонях.

Саид был еще не очень силен в лыкоморском, и ему потребовалось некоторое время, чтобы сопоставить вопрос с ответом. Еще несколько секунд он уяснял, что ответ — правильный. И на законных основаниях принц заключил невесту в объятия.

Полин прерывисто вздохнула.

«Белое платье... — плыли невыразимо прекрасные мысли. — Как в том журнале: с корсажем, со шнуровочкой и с такими миленькими оборочками! Хотя нет, оборочки будут лишними...»

«Им-то хорошо, — мрачно думал белый слон. — А обо мне кто позаботится?»

— Целуются... — довольно сообщила главная элементаль магистру Ламмерлэйк.

— Целуются, — мрачно кивнула декан алхимического. В отличие от собеседницы она прекрасно понимала, что свадьба по степени разрушительности стоит на третьем месте после ремонта и пожара. А то, может, и на втором.

Роскошная белая роза, до которой никому не было дела, лежала на бортике фонтана.

4

Таких тонких чашек, звенящих от легчайшего прикосновения, не было даже у Эллис де Трийе. Госпожа Ламмерлэйк знала это наверняка: секрет правильного фарфора, утраченный еще во времена до НТ, был восстановлен ею буквально две недели назад. Процесс работы оказался весьма увлекателен — как водится, его сопровождало неизмеримое количество сложностей, и иные из них были даже смешными, — но о них алхимичка намеревалась поведать в следующий раз.

Сейчас тон беседы был совершенно другим.

— У вас хороший чай, Эльвира. — Мистрис Шэнди Дэнн сделала небольшой глоток и с задумчивым видом покатала его на языке. — Высокогорный, разумеется. Нет, не показывайте мне упаковку! Я предпочитаю догадаться сама...

Чуть улыбаясь, госпожа Ламмерлэйк откинулась на спинку кресла. Пар, поднимавшийся от чашек, едва заметно пах жасмином.

— Глубокий зеленоватый цвет; легкая горчинка; природный жасминовый аромат... — Некромантка отпила еще немного и поставила чашку на столик. — Это «эронса»?

— Вы почти угадали. «Эронса павьена». Чуть более бархатистый вкус, немного облегченная фактура. Сорт тот же самый, но чайные листья собирают на закате, а после скручивают в этакие, знаете, гнездышки. Если попробовать совсем немного — в ложечке, непременно в серебряной ложечке! — то разница становится почти очевидной... Впрочем, мистрис, вы же не алхимик.

Мягко говоря, не каждый маг осмелился бы сказать Шэнди Дэнн о несовершенном устройстве ее вкусовых рецепторов. Элементаль, подслушивающую в двери, прошиб холодный пот. Но некромантка только рассмеялась, потянувшись за очередной вертушкой с корицей.

— У каждой профессии — свои издержки, — еще улыбаясь, сказала она. — Всегда завидовала тем, кто мог обсуждать рабочие проблемы за чашкой чаю.

— Неужели ваши подопечные в своем кругу...

— Очень редко. Дело не в нехватке цинизма. Любая жидкость, за которой закреплен определенный ритуал, входит в нашу рабочую сферу. Чай, конечно, это не вино, не кровь и даже не мед, но я

не люблю внештатных ситуаций. Разумеется, если они не придуманы мною заранее.

Она сделала несколько быстрых движений серебряной ложечкой, и пар, подозрительно сгустившийся было над ее чашкой, развеялся, издав печальный вздох. Эльвира наблюдала за этим совершенно спокойно. За *много* лет — ограничимся этой обтекаемой формулировкой, читатель! — она привыкла, как обыденно обращается с за-Предельными силами ее наставница и первый научный руководитель. Возможно, именно поэтому в свое время юная Элли ушла в алхимию: ни повторить, ни превзойти Белую Даму она не могла, а быть второй не позволяла яростная студенческая наглость.

А вот игра на грани двух наук оказалась весьма интересной...

Легкий вечерний ветерок раздувал кружевные занавеси. Чай остывал на глазах. Эльвира пошевелила ложечкой осевшую на дне гущу и бросила взгляд в угол кабинета. Там, прикрытая особой ширмой, стояла бронзовая жаровня, на которой невероятно медленно тлели листья крыжовника, смешанные с пятью пряностями и двумя солями.

Еще несколько минут, и можно приступать к гаданию.

— Однако как чувствуется отсутствие коллеги Рихтера! — Шэнди Дэнн, конечно, не могла не заметить быстрого взгляда в сторону жаровни. — Пока он не был в отъезде, в преподавательском крыле всегда пахло хорошим кафием — самыми разными сортами. Теперь здесь пахнет хорошим чаем.

— Тильда, кажется, тоже варит кафий. На днях я видела ее с джезве.

Некромантка покровительственно улыбнулась.

— Тильда — неплохая девочка, но кафий она пока варить не умеет. Заваривать чай, впрочем, тоже. В конце концов, каждый из нас в чем-то лучше, чем все остальные! Тот же Эгмонт, например, постиг в совершенстве два искусства: секрет приготовления кафия и боевую магию...

— Позволю не согласиться, — мрачно сказала Эльвира.

Белая Дама изящно приподняла подведенную бровь:

— В чем именно? В том, что Эгмонт умеет готовить кафий?

— О нет. Не два искусства, мистрис, а три. Он в совершенстве знает боевую магию, отлично варит кафий и способен из любых ингредиентов приготовить невероятно качественную взрывчатку.

Магички хором расхохотались. Они обе прекрасно помнили адепта Рихтера и его взаимоотношения с алхимической наукой.

— Но все же меня это беспокоит, — первой сказала Шэнди Дэнн. — Я не могу понять, что там происходит... оставим сессию, пускай за нее переживает коллега Буковец! Я *слушала* вчера всю ночь. Отголоски, шум, помехи — ничего!

Магистр Ламмерлэйк одним глотком допила свой чай, умело оставив на донышке всю заветную гущу.

— Вы знаете, что и у меня ничего не выходит... С другой стороны, у нас всегда хорошо получалось работать вдвоем. Это еще что такое?!

Последний возглас относился уже не к некромантке. Побледнев от возмущения, Эльвира смотрела на дверь — а оттуда, до половины спрятавшись в косяк, высовывалась перепуганная, хлопающая астральными глазами элементаль.

— Знаю, что встревать не велено! — на одном дыхании протараторила она. — Знаю, что дело важное! Ой, хозяйка! Виноватая я, но не открыть не могу!

С этими словами дверь распахнулась. Флуктуация скрылась в косяке. Госпожа Ламмерлэйк поспешно выпрямилась в кресле, а в руках у Белой Дамы из ниоткуда появились знаменитые нефритовые четки.

Коридор заполняла процессия — шумная, напирающая, сопящая и пахнущая кафием. Возглавлял ее некий бородатый тип в полосатом халате — разглядеть типа как следует алхимичка не успела, потому что он почти сразу рухнул ниц.

— О светлейшие владычицы волшебной мудрости! — воззвал тип, невероятным образом ухитрившись еще и воздеть руки. Голос у него был трубный, а вот акцента почти не ощущалось. — О благороднейшие матери народов, в разуме своем уподобленные небесной верблюдице! Смиреннейший из сыновей земли Каф, недостойный прикасаться щекой к праху из-под ваших сандалий...

Гуща грозила перестояться. В руках у Шэнди Дэнн особенно громко щелкнула какая-то бусина.

— Короче, любезный, — очень вежливо попросила некромантка.

— Я только голос! — испуганно заверил бородатый тип, не поднимая головы от ковра. — Мой принц, властитель земли Каф, желает преподнести вам изысканный подарок! А мне, смиреннейшему и недостойнейшему, остается лишь уповать на вашу возвышенную милость... Внести!

Он посторонился, и в комнату, непрерывно кланяясь, внесли некий квадратный агрегат. Агрегат был явно гномский — это выдавала какая-то неуловимая основательность, — но изысканно-

стью отделки машинка способна была поспорить со шкатулкой для украшений.

Магистры переглянулись, но это было еще не все.

По очереди перешагнув через распростертого на полу бородатого типа, в комнату вошли три слуги самой зверской наружности. Каждый бережно прижимал к груди по сундучку из темного дерева — правый сундучок был побольше и потемнее, левый — поменьше и посветлее. Средний был, как и полагается, средним. Слаженно поклонившись, слуги опустили свою драгоценную ношу на ковер рядом с машинкой.

Примерно тем же манером в комнате очутилось два мешка, от которых тотчас же повеяло ароматом отборного кафию. Стараясь не выдавать удивления, магистр Ламмерлэйк обозревала разложенную на ковре композицию, — а слуги тем временем, отвесив бесчисленное количество глубочайших поклонов, переместились в коридор. В комнате остался лишь бородатый тип, который опасливо приподнял голову над ковром, пытаясь угадать свою судьбу.

Судьба в лице магистра Дэнн шевельнула четками:

— Мы с почтением принимаем подарок его высочества и благодарим за оказанную нам честь. Хм...

Тип, похоже, прожил при дворе не один год и потому все понял как должно. Он исчез в мгновение ока, оставив владычиц небесной мудрости наслаждаться дарами кафского принца. Элементаль быстро захлопнула дверь, мазнув ручкой по чьему-то любопытному носу.

Не сговариваясь, магички принялись развязывать ближайший мешок. Как легко было догадаться, там обнаружился кафий; Эгмонт Рихтер — и тот вряд ли отыскал бы лучший. Самая большая и темная шкатулка оказалась хитроумной мельничкой. Средняя — со множеством отделений — содержала в себе ровно две дюжины видов кафских пряностей. А та, что поменьше и посветлее, доверху была полна сахару золотистого цвета и необычного вкуса.

В забытой жаровне с треском вспыхнули листья крыжовника.

— Вот и ответ на наш вопрос, коллега! — усмехнувшись, произнесла Шэнди Дэнн.

Эльвира быстро посмотрела на жаровню. На мельничку. На развязанный мешок с кафием, источавший невероятный аромат.

— Мне кажется, — медленно сказала она, — коллеге Рихтеру недолго осталось маневрировать служебными обязанностями.

Некромантка невозмутимо кивнула.

— Как насчет кафия с лимоном? — поинтересовалась она. — Позаимствуем у Тильды ее джезве?

Едва она успела произнести эти слова, как квадратный агрегат, который внесли в комнату самым первым и до которого у магичек еще попросту руки не дошли, негодующе запрыгал на месте, плюясь горячим паром. Госпожа Ламмерлэйк осторожно принюхалась — и в следующую секунду к запаху кафийных зерен добавилась нота превосходно сваренного кафия с лимоном.

На полу из ниоткуда появились две белоснежные чашечки.

Белая Дама обвела взглядом комнату.

— Мне кажется, чего-то здесь не хватает... — задумчиво протянула она.

Декан алхимического только хмыкнула, припоминая первые слова нужного заклинания.

5

Всеми забытая элементаль молча хлопала глазами. И было от чего: на ковре, среди расшитых подушек, поджав под себя ноги, уютно расположились магистры Дэнн и Ламмерлэйк. Потягивая кафий из крохотных чашечек, они вели неспешную беседу и не забывали оказывать должное почтение вертушкам с корицей.

— Люди добрые, это что ж такое деется... — пробормотала вконец ошалевшая флуктуация.

Ответа не было, да его никто и не ждал.

ГЛАВА ВТОРАЯ,
в которой выясняется, чего боится бесстрашный магистр Рихтер, древняя магия отступает перед современной техникой, а кафий продолжает свое победное шествие по городам и весям

1

Драконий Хребет оказался довольно странным местом — впрочем, каким же еще он должен был быть? Граница есть граница: там, где сходятся два мира, между ними всегда остается щель,

сквозь которую вечно дуют иные ветра. Здешняя магия не проявлялась открыто, но я кожей чувствовала ее потаенный ток.

Ночи тут были длинные и холодные, а дни — сумрачные, непогожие и совершенно одинаковые. Но никогда раньше я не *ощущала* время настолько ясно. Вся эта цепочка: «вчера — позавчера — два дня назад...» — казалась живой, медлительной и бесконечной, будто Великий Змей. Разговоры не клеились. Мы шли, шли и шли по узким тропам, мимо скал, утесов и обрывов, заросших сухой травой, и мне не оставалось ничего — только думать, чувствовать и вспоминать.

На девятый вечер нашего путешествия мы нашли небольшую пещеру. Против ожидания, в ней никто не жил — ни тебе дикого человека, ни даже захудалого медведя! — но, едва зайдя внутрь, я поняла почему. В дальнем конце пещеры темнел небольшой лаз, и оттуда отчетливо пахло затхлостью, мокрым камнем и подземными духами. Закрыв глаза, я увидела, что узкий лаз, по которому вряд ли мог протиснуться человек, обрывается вертикально вниз, в неподвижные воды черного озера.

Вода в озере была ледяной. Я мысленно потянулась вглубь, но тут глаза обожгло резкой болью, и перед ними вспыхнули оранжевые круги. Запахло знакомой магией. В следующий момент я поняла, что Рихтер замкнул лаз магической чертой.

Тихонько зашипев от боли, я потерла глаза рукой. Предупреждал бы хоть, что ли...

С Рихтером в последние дни творилось что-то неладное. Раньше он колдовал как-то... незаметнее, что ли? Когда в предгорьях он впервые окружил нашу стоянку защитной чертой, я даже не видела, где именно она проведена. А теперь она пылала синим огнем, и что ни ночь, этот огонь становился ярче. Сигурд конечно же не видел его — ну так на то он и Сигурд! Куда интереснее, почему сам Эгмонт отказался убавить мощность заклинания.

Наверное, ему-то казалось, что все в порядке. Такие вещи всегда заметны только со стороны.

Сегодня синее пламя пылало особенно нестерпимо. Смотреть на него было страшно, но я не могла надолго отвести взгляд. Внутри, под горой, жутковато молчало озеро, еще глубже текли магические потоки, и я всеми силами старалась думать о них, а не об огненном кольце, которое, кажется, сжимается вокруг.

Мои спутники давным-давно спали. Эгмонт дышал почти беззвучно; Сигурд, заснувший в волчьем облике, недавно вступил в быструю фазу и теперь, поскуливая, неосознанно скреб когтями пол. Я ворочалась с боку на бок, убеждала себя в том, что огненная граница никак не может сдвинуться с места, и в какой-то момент все-таки ухитрилась задремать.

Я еще не спала, но уже и не бодрствовала. Огненное кольцо, подземное озеро, неизведанные волкодлачьи земли — все это отодвинулось куда-то на край сознания и перестало меня волновать. Потому что где-то там, страшно давно и страшно далеко, горел ночной костер.

Огненная точка в кромешной тьме! Ветер с шелестом проносится по высокой траве; где-то вдалеке протяжно кричит ночная птица. Вокруг костра темнеют неподвижные кибитки. Спят лошади, и люди тоже спят; по небу мчатся рваные облака, похожие на клочья ткани.

У костра сидит человек, и в руках у него гитара. Эти двое отбрасывают единую тень — странную, длинную, угловатую. Лица музыканта не разглядеть; видно только, как в темноте блестят глаза да изредка отсвет костра ложится на красную рубаху. А тихая песня, которую он напевает без слов, древнее самой дороги.

Ветер налетает то с севера, то с юга. Он треплет музыку, будто мокрую юбку, но человек и гитара не сдаются. Струны звенят — то тоскливо, то бесшабашно, то с вызовом, — но музыкант не видит того, что вижу я.

Лунной дороги, протянувшейся через весь небосвод.

Всю ночь мне снился этот костер. Наутро я встала невыспавшаяся и злая. День, разумеется, выдался серый и неуютный; я клевала носом, не обращая внимания на невероятные красоты пейзажа, и вечером, когда на небе закачался тоненький серпик нарождающейся луны, мне вновь привиделась лунная тропа. Она начиналась у самых моих ног и вела куда-то далеко-далеко, мимо добра и зла, в прекрасную страну, скрытую за морем. Я завороженно смотрела на нее, но длилось это не дольше секунды, потому что Сигурд неожиданно сказал:

— Ялька, а Ялька! Закат-то какой сегодня, ты только глянь!

Я вздрогнула и на мгновение отвела взгляд. Разумеется, дорога тут же исчезла. Дверь закрылась, и вокруг меня опять сомкнулся душный и тесный человеческий мир.

— Закат самый обыкновенный, — резко бросила я. — Ничего особенного!

Сигурд обиженно моргнул, но промолчал.

...Лунной дороги, протянувшейся через весь небосвод.

По ней идет высокая женщина, прекрасная, как сид. Ее платье расшито птицами; ее длинные рукава волочатся следом, задевая звезды; в волосах ее — венец из лунного света; в руках — большие бронзовые весы. Над головой кружит ночная птица. Эльфы называют ее Арстаюн, гномы — Вальдой, а люди говорят просто: Удача.

Фэйри Высочайшего из Домов. Та, для кого люди — просто пища.

Здравствуй, бабушка...

Босой ногой женщина перешагивает круг, запретный для каждого фэйри. Свет костра ярко озаряет ее лицо. Куда исчез венец? Весы? Сова? Лицо ее темнеет, черты становятся мягче, а волосы, прежде прямые, завиваются в тугие кольца. Только глаза остаются зелеными, как и прежде.

На полувздохе замирает гитара. Женщина подходит ближе; очень тихо, почти неслышно позвякивают подвески на ее серьгах.

— Ты звал меня, — произносит глубокий голос. — И вот я пришла. Рад ли ты мне? Если не рад, скажи — и я уйду.

Человек у костра откладывает гитару и поднимается.

— Пришла все-таки. Думал, может, и не услышишь...

И я узнаю его голос.

— Ялька, что с тобой? — потребовал объяснений Рихтер.

Я только поморщилась: голова и без него раскалывалась, страшно хотелось спать, а солнце сегодня так ярко светило из-за туч!

Рихтер прошел какое-то время молча, и я понадеялась, что ему расхочется разговаривать. Впрочем, Эгмонт — он и есть Эгмонт. В жизни не встречала более занудного человека.

— Я — твой магистр, — предсказуемо сказал он. — Я твой друг, в конце концов! Ялька, я...

— Оставь меня в покое, пожалуйста, — очень вежливо попросила я.

Проходят минуты, дни и годы. Я вижу пыльную дорогу, бесконечные степи, маленькие мазаные домики, утопающие в яблоневых садах, княжеские дворцы и постоялые дворы. Все это проходит перед глазами как картинки в волшебном фонаре. И вновь появляется та женщина — сидя на земле, она укачивает ребенка, завернутого в какое-то тряпье.

У моей новорожденной матери вздернутый носик, очень цепкие пальчики и черные глаза. Еще она умеет издавать множество звуков: от довольного покряхтывания до громких возмущенных воплей. Ее зовут Ратори. Она реальна.

Мне наплевать, что все это было тридцать шесть лет назад. Я вижу их — мою бабку, моего деда, мою мать, — и они кажутся куда более настоящими, нежели Сигурд и Рихтер. Этот мир обретает плотность, тот становится все прозрачнее. Я еще помню слово «друг», Эгмонт! — но слово «магистр» мне уже почти непонятно.

Оставьте меня в покое, пожалуйста. Уберите синий огонь.

...И снова дорога, выжженная немилосердным солнцем. Катятся кибитки, подпрыгивая на ухабах; по степи гуляет ветер, а из-под колес летит желтая пыль. Кони отмахиваются хвостами от злых южных мух.

Небо будто выцвело от жары. На нем ни тучки... хотя постойте-ка! На западе, у самого горизонта, виднеется синяя облачная гряда.

— Будет дождь, да, мама? — спрашивает юная ромка.

У нее прямые брови, острый подбородок и веселый быстрый взгляд. На шее — красные бусы из сушеных ягод. Похожа ли я на нее? Не знаю. Она — человек, а я...

— Глупая ты, Ратори! — ворчит женщина.

Она сгорбилась, потолстела и постарела; в черных волосах пробилась седина, на лице появились морщины, а на руках — старче-

ские пятна. Такой я и помнила ее — не хватало только шали, вечной черной шали в крупных цветах, и трубки из вишневого дерева.

Но все это только маска; и, глядя сквозь нее, я ясно вижу прежнюю владычицу с лунным венцом на челе. Фэйри не способны меняться, особенно фэйри из Высочайшего Дома.

И глаза у нее все те же — зеленые, как весенняя трава.

— Глупая ты, Ратори! — звучат слова, сказанные двадцать лет назад. — Не облака это, а горы.

Это Даркуцкий кряж.

Это судьба.

...Ах, до чего же хорош молодой князь — так хорош, что и глаз не отвести! В плечах широк, в талии тонок; пальцами, говорят, монетку свернуть может, да сама Ратори не видела, врать не станет! Вот опять скачет по дороге от замка — на гнедом коне, в зеленом кунтуше, а волосы так на солнце и горят!

Все они, Леснивецкие, рыжие — порода такая. Но этот и вовсе огненный. Не смотри, Ратори, отвернись! Не к добру это!

Не отвернулась. Смотрит из-под руки; а князь все ближе. Что он видит оттуда, из седла? Стоит у дороги ромка; волосы черные, кольцами вьются; на шее — ожерелье из ягод, а за ухом — желтый цветок.

Проезжай мимо, ваша милость! Что же ты, красавиц не видел? Или княжон за тебя не сватали? Проезжай!

Не проехал. Остановился. Смотрит сверху вниз. Ох, глаза у девчонки! Ну и глаза! Будто два черных озера в глуши.

— Чья ты, красивая? — спрашивает пан Янош, князь Леснивецкий, воевода даркуцкий.

— Чья? — смеется Ратори. — Отца да матери!

— Яльга! Яльга, чтоб тебя! Да просыпайся уже!

Долго табор стоял у Даркуцких гор. Вот подули с севера холодные ветра, вот уж изморозью прихватило траву в предгорьях; скоро должен был лечь снег, но однажды ночью ромы снялись и ушли на восток.

Князь выслал в погоню своих людей, но люди эти вернулись ни с чем. Табор будто сквозь землю провалился — никто не видел ни ромов, ни их кибиток, ни даже пыли из-под их колес. Никто не видел девушки Ратори, а все, что осталось у князя, — это пригоршня сухого бересклета, нанизанного на суровую нитку.

Несколько недель его милость пан Янош был зол, как рысь. Челядь пряталась по углам, войско — и то остерегалось, но на тридцатый день в замок приехал лучший друг князя, пан полковник Анджей Раднеевский. Горе утонуло в бочонке белого аль-буянского, а через полгода князь женился на Агнешке Змицувне из подгиньских Змицей.

Брак оказался удачным: пани княгиня родила Яношу двоих сыновей.

...И снова все та же женщина — еще больше постаревшая снаружи, раненная изнутри. Плечи ее поникли, в руке не дымит трубка вишневого дерева. Молча — очень долго — стоит она у колыбели, в которой возится новорожденная девочка. Рыжая, как отец. Зеленоглазая, как все фэйри. В ней почти ничего нет от матери, разве что подбородок такой же острый.

Женщина снимает шаль и накрывает ею ребенка. Под ее ногами сама собой вспыхивает лунная дорога. Стены шатра распахиваются в пустоту: пахнет травой, и далеким морем, и далекой страной, равно отстоящей и от добра, и от зла. Шаг, другой, третий... чем дальше она идет, тем моложе становится, и вот уже над ее головой, возникнув из пустоты, кружит ночная птица.

А девочка в колыбели смеется, пытаясь засунуть в рот кулачок. На ее руке позвякивает подвесками простенький железный браслет.

2

Все было не так. И зачем им вздумалось идти через этот Драконий Хребет!..

Сигурд в сердцах стукнул кулаком по еловой подстилке. Волк и Арведуэнн! Будь он хоть немного поумнее белки, догадался бы, что горы можно обойти! Если сделать большой крюк к югу, попадешь в эльфийские леса. Остроухие — те еще соседи, но

своих не выдают. Все едино бы к конунгу попали, разве что на месяц попозже!..

Оборотень и думать забыл про КОВЕН, буквально наступавший им на пятки. Да что такое этот КОВЕН?! С магами можно хотя бы сразиться, а что ты сделаешь с немочью, которая одолевает Ольгу вот уже который день подряд?

Он покосился на подругу. Ольга, разумеется, спала — в последнее время она с головой заворачивалась в плащ, и Сигурд не видел ее лица. Стыдно признаться, но он был этому только рад. Оборотень считал себя храбрым, он не боялся ни живых врагов, ни мертвых, но смотреть на спящую Ольгу...

Может, именно оттого, что она не была ни мертвой, ни живой. А может, оттого, что он был бессилен это изменить.

И Эгмонт тоже хорош — проку с него шиш, а еще магистр называется! Упыря завалить — много ума не надо, для этого вполне достаточно доброй оборотничьей стали! Который день над Ольгой колдует, декоктами какими-то пичкает, — а ей все только хуже и хуже... Раньше хоть злилась да ругалась, а теперь только молчит. И не ест почти ничего, воду пьет — уже славно.

— Слышь, Эгмонт... — почти безнадежно обратился Сигурд. — Может, Ольга хоть меду поест? У меня тут есть маленько, Ардис дала... а болящим самое то, питательное...

Маг, который в последнее время приобрел отвратительную привычку пялиться в пустоту и разговаривать сам с собой, с минуту молчал, потом все-таки развернулся и мрачно произнес:

— Ты ей еще молока налей.

Ольга зашевелилась и тоскливо вздохнула во сне. Оба друга насторожились.

— Чего нет, того нет, — обиделся Сигурд. — Я к тебе по-хорошему, а ты...

Эгмонт резко поднялся на ноги и заходил по поляне.

— Она уходит, Сигри! — яростно сказал он. — Она уходит, и я ничего не могу с этим поделать! Полукровок не бывает, это закон — и вот теперь этот закон исполняется прямо у нас на глазах! С каждым мигом в ней все меньше человеческого, и я боюсь того момента, когда она откроет глаза — и они будут зелеными!

— Они у нее и так зеленые, — справедливости ради буркнул Сигурд. Он прекрасно понял, что маг имеет в виду.

Рихтер нарезал еще несколько кругов по поляне.

— Я третью ночь не устанавливаю защитного круга. Что проку опасаться фэйри, которые придут извне, когда фэйри находится рядом с тобой? Только Яльгу мучить зазря... Что мне делать, Сигурд? Что мне делать? — Он остановился и с каким-то загнанным видом уставился в небо. — Боги, драконы — хоть кто-нибудь, — укажите мне путь!

Сигурд хмуро покачал головой. Эгмонт редко обращался к богам — на памяти оборотня это вообще был первый раз — и, очевидно, плохо знал, как именно нужно складывать молитву. А уж здесь, на Драконьем Хребте, в самом сердце мира... позовешь «хоть кого-нибудь» — «хоть кто-нибудь» и откликнется.

Не приведи Арведуэнн, Яльга проснется.

И вдруг волкодлака осенило.

— Погоди-ка, — медленно сказал он. — Я всяко не бог и не дракон, но уж за «хоть кого-нибудь» точно сойду. Слышь, Эгмонт... Вот ты говоришь, молока Яльге надо. Это я и сам понимаю, у нас домовикам на ночь блюдечко тоже ставят. Но, может, есть чего, что люди пьют, а фэйри — никогда?

Эгмонт прекратил бегать и задумался. Наконец он неуверенно сказал:

— Ну, не знаю. Чай там... лыковку...

— Вот лыковки не надо, — быстро отказался волкодлак. — Яльга — она и без лыковки... того.

— Еще кафий есть. Да, кафий! — Эгмонт было оживился, но тут же сник. — Где его здесь возьмешь... Будь мы в Академии...

Сигурд пожал плечами. Догадаться же легче легкого!

— Ну так позови эту... элементарную. Яльгину из Академии. Которая нас тогда из лавки вытащила и в Крайград закинула. Кафий-то, поди, полегче доставить будет?

— Не знаю, — быстро сказал Рихтер. Как потерянный, он разглядывал Яльгу, поляну, Сигурда и костер. — Не знаю, получится ли... Но стоит попробовать. Да, однозначно стоит!

«А в чем дело-то?» — хотел спросить Сигурд, но не успел. Маг не глядя сжал один из амулетов, что болтались у него на длинной цепочке, а в следующее мгновение на поляне стало шумно и тесно.

— Ууу, довели ребенка, ироды! — в полный голос верещало полупрозрачное существо, тыча астральным пальцем то в Рихтера, то в Сигурда. Слова, которыми оно ругалось, были Сигурду совершенно незнакомы, но он кротко молчал. Все едино возразить

было нечего. — Им кого доверили, а, люди добрые? Ребенка доверили! И кому? И-издеватели! — Существо погрозило кулачком. — Ух я вас!

Тут Ялька заворочалась под плащом, и существо мигом замолчало.

— Значит, так, — сказал Эгмонт, воспользовавшись перерывом в обвинительной речи. — Как хочешь, но доставь нам кафию и мою джезве.

Существо набрало воздуху, чтобы разразиться новой тирадой, но Рихтер быстро закончил:

— Ей надо, не нам. И побыстрее. Если успеешь.

Существо внимательно посмотрело на Яльгу, к чему-то принюхалось и исчезло так быстро, что оборотень успел заметить маленькую черную дыру, схлопнувшуюся там, где оно находилось.

Воцарилась хрупкая тишина.

— Как, по-твоему, поможет? — нарушил ее волкодлак.

Эгмонт молча пожал плечами. «Мрыс это все разберет», — большими буквами было написано у него на лбу.

Прошло несколько секунд — так долго на памяти Сигурда время не тянулось даже тогда, когда мальчишкой он залез в соседский сад, оседлал весьма ненадежный сук и, уже протянув руку к яблоку, выяснил, что сосед вдруг надумал «прогуляться под... э-э... сенью древ». Неосознанно оборотень отсчитывал про себя мгновения: раз, два, три...

На шестой секунде отсчета раздался негромкий хлопок, и по поляне разлился умопомрачительный кафийный аромат. Сигурд недоверчиво принюхался — запах был одновременно и сильный, и мягкий, с едва уловимыми терпкими нотками. О таком сорте кафия оборотень только слышал, но самому встречать, честно скажем, не доводилось.

Пыхтящая элементаль плюхнула на траву огромный мешок, явно набитый кафийными зернами. Сбоку на нем виднелась гордая печать какого-то из восточных владык. Подмигнув ехидным глазом, флуктуация опять растворилась в воздухе, а Эгмонт, выглядевший несколько ошарашенным, зачем-то пощупал мешок.

— И у кого она его утащила, хотел бы я знать? — пробормотал маг, но прежде чем Сигурд успел что-то ответить, элементаль вновь вынырнула из глубин пятого измерения. На сей раз она бережно прижимала к себе всеми лапками странную штуковину, по-

хожую на причудливо разрисованный короб. Сделан он был не то из полированного дерева, не то из какого-то волшебного материала, а на передней стенке имелась ровно дюжина кнопок (причем одна была надежно заклеена пластырем крест-накрест).

— Вот! — гордо возвестила элементаль. — Ну, джезве там, магистр, — это хорошо, а вот специальная машинка для производства кафию, да еще по заказу принца Саида сделанная, для его, стало быть, прекраснейшей пери...

— Э-э? — вопросительно глянул на элементаль Эгмонт.

— Для Полин то есть, — перешла на более понятный язык флуктуация. — Работает проще простого, а делает, как изволите заметить, аж две дюжины сортов кафию.

— Как это работает? — коротко спросил Рихтер, пропустив мимо ушей все, что не относилось к делу.

— А таким вот макаром! — Элементаль засуетилась и даже на секундочку приобняла машинку. Та довольно загудела. — Вот туточки нужно сорт кафия выбрать. Их ровным счетом две дюжины, возле каждой кнопочки прописаны, вот: под и над. Для того, который под, нужно один раз надавить. Для того, который над, — дважды, но быстро. А вот на эту кнопку, — элементаль опасливо указала на заклеенную, — нажимать вообще не надобно, а то она до двух считать не обученная. Как ни нажимай, только кафий с ванилью выдает, и баста!

— Где тут самый крепкий? — пробормотал Рихтер, и он уже почти нажал на нужную кнопку, когда Сигурд вдруг сообразил, что есть и еще одна проблема.

— А в Яльгу ты как это вливать будешь — через воронку? Лучше ты его для начала молоком разбавь, с ним-то она все выпьет!

— Верно, верно! — зачастила элементаль, глядя на Сигурда с каким-то новым выражением... хм... лица, наверное. — Старшая хозяйка — она такая, она могет!

— Ладно, — сурово закончил Эгмонт, дважды нажимая на кнопку с надписью «Кофе с молоком: 1 к 1».

Машинка затряслась и выплюнула из своих недр стаканчик. В него ударила тонкая струя горячего кафию, и по поляне поплыл сказочный аромат. Даже элементаль, не удержавшись, зашмыгала длинным астральным носом. До половины наполнив стаканчик кафием, машинка исправно разбулыжила его молоком и экономно посыпала сверху каким-то коричневым порошком. Порошка

никто не заказывал, но запах он имел приятный, так что претензий не возникло.

— Яльга! — Рихтер, являя недюжинную смелость, потряс девушку за плечо. Та ответила недовольным стоном, но маг был упрям. — Яльга, а ну просыпайся — кому говорят!

— Ты мне что, приказываешь? — сонным и весьма недовольным голосом ответила Яльга. Сев на земле, она потерла лицо руками, широко зевнула и открыла глаза.

Сигурд замер, выронив то, что держал. Яльгины глаза были зелеными — страшно зелеными, будто светлый малахит, будто листья на мальве. Лицо ее тоже изменилось: черты стали правильнее и четче, а волосы, брови и ресницы из просто рыжих сделались прямо-таки огненными. Яльга проснувшаяся была куда красивее Яльги засыпавшей, но оборотень почувствовал, как по спине пробежала целая дружина мурашек.

— Чего вам нужно?

Голос у нее вроде остался прежний, но Сигурд был готов во всем выискивать страшные изменения. Неужели опоздали, о великая Арведуэнн?!

Яльга обвела поляну недоуменным взглядом.

— Что молчим? — устало и довольно зло спросила она. — Все? Конец света закончился? Я могу дальше спать?

И тут в игру вступила элементаль.

— Хозяйка! — так радостно возопила она, что Сигурд даже подпрыгнул от неожиданности. — Ой, как я рада да как я счастлива! Оюшки, оюшки! А что у меня для тебя есть-то, ты только глянь! Кафий, да на молочке, на парном, на деревенском!

Эгмонт невольно поморщился, и в чем-то Сигурд его понимал: элементаль, конечно, сильно переигрывала, зато, в отличие от прочих, она не проглотила язык! К тому же эффект был именно тот, ожидаемый. Яльга безразлично выслушала всю коротенькую тираду, но очень оживилась, услышав слово «молоко».

— Молоко? — протяжно повторила она. Вот сейчас ошибиться было невозможно: она говорила как настоящая фэйри. — Где?

«Она выглядит как фэйри и говорит как фэйри, но ведь молоко же нюхом не чует! Значит, время-то еще есть!» Возликовав, Сигурд подал Яльге стаканчик с кафием.

Девушка настороженно принюхалась. Сигурд немедленно заподозрил, что дело не в человеческом обонянии, а всего лишь в

том, что аромат коричневого порошка напрочь забивал любой молочный запах.

— Да, молоко... — почти шепотом сказала Ялька и сделала первый осторожный глоток.

Элементаль следила за ней, тревожно вытягивая шею.

А Сигурд смотрел на Эгмонта. Маг сидел, уставившись в землю, и водил по траве коротенькой сухой веткой. Направо — налево — наискосок... Он был сосредоточен, как полководец перед битвой. Оборотень нахмурился — он не вполне понимал, что происходит, — но стоило ему взглянуть на Яльгу, как его пронзила неожиданная догадка. О Арведуэнн и Старый Волк, вот хоть бы она сама не догадалась!

Ялька и в лучшие времена не стала бы пить чистый кафий, но молоко сейчас могло только навредить. Стоило ей сделать глоток, как оно оттуда исчезало... ну уж нет, сейчас лучше подумать о чем-то другом!

Волкодлак поспешно принял невинный вид. «До чего ж я люблю кафий! — изо всех сил думал он. — Свежий кафий, и какой вкусный — прям сил нету...»

Ялька подняла голову и смерила его подозрительным взглядом.

3

Вот уж чего я никогда не любила, так это кафий. Мерзкая коричневая жидкость, не то слишком горькая, не то слишком сладкая. Когда-то, помнится, мне нравился его запах, но сейчас даже запаха было многовато, и меня ощутимо подташнивало.

Хотелось спать. Эгмонт — его ведь зовут Эгмонт, да? — разбудил меня на самом интересном месте. Круг едва замкнулся, а я изо всех сил хотела лететь по нему дальше. Только пройдя до конца этот путь, можно попасть на иные дороги — те, что зовутся Зелеными, Лунными либо Дикими Тропами, и ведут, в обход добра и зла, в чудесный край на западе, за морем.

Но от чашки с кафием, которую мне подсунул беловолосый волкодлак, тянулся легчайший запах молока, а за молоко я готова была рискнуть целым миром. Его там было конечно же совсем немного, однако я прекрасно помнила, что Зеленые Тропы мне пока

недоступны, а если ходить по обыкновенным дорогам, то молока здесь днем с огнем не сыщешь.

Я опустошила чашечку пятью точно вымеренными глотками — можно было и быстрее, но кафий оказался слишком горячим. От него немного пахло магией и куда сильнее — корицей, а за молочным привкусом я почти не заметила мерзкого горького вкуса.

Может, выпить еще?

— Добавочки? — услужливо заглянула мне в глаза какая-то элементаль.

Я молча кивнула, не унижаясь до разговора с флуктуациями, и разжала пальцы. Эфирное создание мигом подхватило чашечку и защелкало астральными ручонками по какому-то механизму. Механизм был глупый, как все механизмы, но довольно красивый. Я заинтересовалась.

— Вот! — Элементаль протягивала мне чашечку, исходящую ароматным паром, и усиленно светилась от радости.

Это была уже другая разновидность кафия: вместо молока — взбитые сливки, вместо корицы — тертый шоколад. Только люди могут придумывать такие сложности. Вот почему бы не налить в стакан обыкновенное молоко?

Но через несколько глотков я подумала, что начинаю понимать человеческие вкусы. Не то чтобы кафий мне нравился... но что-то в нем было, и я захотела разобраться что. Дрессированная элементаль подала третью чашку, на сей раз — с мускатным орехом и кардамоном. Ну и с молоком конечно же.

На этой чашке я окончательно проснулась. Тумана в голове как-то поубавилось; я с любопытством осмотрелась по сторонам и опознала по очереди Сигурда, Эгмонта, собственную элементаль и нечто странное, квадратное, раскрашенное восточными узорами. Первые трое пили кафий, вразнобой отхлебывая из разнообразной посуды, а четвертое стояло спокойно, только изредка тяжело вздыхало, вздымалось и опадало, будто тесто, и выплевывало длинную струю кафийного пара.

Я помотала головой. Мир обрел некоторую стойкость.

— Ну как, хозяйка? — подлетела элементаль. Непонятное и восточное вновь испустило тяжкий вздох. — Какой тебе кафий больше глянется? Может, с лимончиком попробуешь? Или с перчиком?

— Попробую, — сказала я и прокашлялась. Голос был хрипловатый, как если бы я молчала несколько дней подряд. Сигурд с Эгмонтом вдруг встрепенулись и уставились на меня, забыв про кафий. Я смутилась и с перепугу ответила таким же взглядом. — А ты... ты вообще тут что делаешь? Я же тебя, кажется, не звала?

— Ха! — Элементаль горделиво подбоченилась. — А нас и звать не надо, мы сами придем! Вот сижу это я, стало быть, сегодня и думаю: у Полин-то все хорошо, свадьба скоро, жених-красавец на руках носит... а вот как-то там моя старшая хозяйка справляется? Не годится старшую хозяйку бросать, она у меня одна такая! И у меня, и у Полин, и у Хельги, и у Генри...

— И у Марцелла Руфина Назона, — быстро сказала я, подумав, что перечень имен может затянуться до утра.

— Точно! — взмахнула лапкой флуктуация. — А на этих положиться никак нельзя, что ж они в хозяйках-то смыслят? Вот я и собралась, машинку для кафия захватила, принцем нашим подаренную, и ка-ак махну через Драконий Хребет! Думаю, где-нибудь да встречу я наших...

Судя по лицу Эгмонта, все было немножко иначе, но я решила отложить очную ставку на потом.

— Да не части ты так! Что за ваш принц? Полин что, замуж выходит? А ты не свистишь ненароком, э?

— Я?! — оскорбилась флуктуация. — Хэй-хо! Клянусь косяком и ручкой!.. Так, держи, это кафий с солью... И дверным полотном тоже клянусь! За принца Саида Полин замуж выходит, не за кого-нибудь... Эй, да не обожгись! Ай-ай-ай...

— Что за принц? — неразборчиво сказала я, высунув ошпаренный кончик языка.

Элементаль всплеснула лапками.

— Такой принц, такой принц! — восхищенно поведала она. — Вот все при нем: и сабля, и корона, и слон... белый-белый! — Лапки описали круг максимального радиуса, пытаясь охватить размеры пресловутого слона. — Сам высокий, красивый, в тюрбане, и глаза такие... ых, страстные! Одно слово, властитель земли Каф!

Слов было как минимум три. Я отхлебнула кафию, представила страстного принца и вдруг поняла, что означает заморское слово «дежавю».

— Да уж... — тихонечко вырвалось у меня.

— Верно-верно! — Элементаль покивала. — Это тот самый, который на портретике! Говорит, как увидал во сне нашу Полин — так в нее и влюбился, и телепорт простроил... и вообще! Брильянтами ее с головой засыпал, шубу белкоблевую подарил, а она ему: мол, видывали таких, по медяшке за пучок! Ох и ходил он, ох и стонал! Слезы лил, да-с, ваша милость! — Флуктуация выпрямилась и сурово сверкнула очами, будто перед главой какого-нибудь приказа. — Зато теперь — как шелковый! Розу подарил...

Я потрясла головой, пытаясь разобраться в сумбурном повествовании. Полин не приняла бриллиантов, зато обрадовалась розе? Верилось, если честно, слабо. Покосившись на Эгмонта, я немного успокоилась: видно было, что и он ничего не понимает.

— Еще кафию? — широко улыбнулась элементаль.

Я подумала.

— Да знаешь, как-то уже не хочется...

— Надо! — вдруг сказал Рихтер. — Пей давай, Ялька, оно полезное.

— Кафий вообще-то мужского рода, — пробурчала я. Но спорить не стала.

4

Мы попробовали почти все виды кафия из двадцати четырех, предлагаемых машинкой. Любопытства ради я разобралась, как она работает; интересно было бы глянуть, как агрегат устроен изнутри, но элементаль неожиданно встала грудью на его защиту. «Мне еще возвернуть его надо! Подарок все-таки!» — сурово сказала она, и я отступилась. Выпрошу у Полин попозже, а она у принца новый закажет.

Я выслушала всю историю принца сначала; узнала про двух его «любимых братьев», тут же вспомнила, что с близнецов не стребованы три желания (три не три, а одно уже точно знаю!), и ознакомилась с душещипательной историей о том, как принц Саид пил кафий с ванилью.

— В женских журналах пишут, старшая хозяйка не даст соврать, — элементаль висела над полянкой, по-восточному свернув ложноножки и бдительно положив ложноручку на корпус машинки, — что все мужчины — ну прям как один! — просто без ума от запаха ванили.

— Точно-точно, — покивала я, пытаясь не уснуть на самом интересном месте. Восемнадцатая кружка кафия плескалась где-то в опасной близости к горлу, а первые три потихоньку собирались на выход. Где были остальные четырнадцать, оставалось только догадываться, но кафий в больших количествах оказывал на меня парадоксальное действие. Хотелось спать, и желательно без сновидений.

Сигурд, в отличие от меня, был бодр и печален. Он понимал, что после такого количества кафию ему уже не заснуть. А вот Эгмонт, как старый кафепийца, дремал с открытыми глазами. Чашку, правда, ко рту подносить не забывал.

— Это все оттого, — вещала флуктуация, — что в них дремлет память, как их матушки в детстве пекли печенья с ванилью. И, стало быть, неодолимо влечет мужчин к тем девушкам, от которых этой самой ванилью пахнет. А уж в кафии она или в духах — не суть важно. Вот меньшая хозяйка и решила проверить. А принцева матушка, видать, про ваниль и не слыхала... Берегла, наверное, для особого случая...

— Для свадьбы, например, — сонно кивнула я, посмотрев на красноречиво заклеенную кнопку. И тут меня осенило. Рядом были целых два лица мужской национальности, не охваченных социологическим опросом. — Эгмонт, а Эгмонт! Ты ваниль любишь?

— У-угм, — неразборчиво ответил маг, за что и поплатился. Мгновением позже элементаль ловко подменила его кружку кафия на стаканчик, сладко благоухающий ванилью.

Не знаю, пекла ли матушка Эгмонта хоть что-нибудь, но на запах ванили он среагировал как-то неправильно. Хотя, с другой стороны, может, это просто кафий в него уже не лез.

— Сигри, а Сигри... — начала было я, но оборотень меня опередил.

— Не пекла! — сказал он как отрезал.

— Ну и ладно, — обиделась я. — Спать давайте.

5

Сигурд обреченно вздохнул. Спать ему не хотелось и, если он хоть что-то понимал в жизни, не захочется еще много ночей подряд.

Но жертва была оправданна. Яльга тихонько сопела, крепко обняв свернутый в рулончик плащ оборотня, и на лице ее читалось выражение невероятного блаженства. Изредка она что-то бормотала, но разборчиво высказалась только один раз:

— А сахару класть не надо совсем!

После чего перевернулась на другой бок и засопела еще уютнее.

Эгмонт поднялся, поставил кружку на мох и устало побрел к краю поляны — ставить защитный круг.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
где герои узнают, что кафию все-таки может быть слишком много, а азартные игры ни к чему хорошему не приводят

1

На пятый вечер Сигурд запросил пощады.

— Дайте хоть ночь поспать спокойно! — взмолился он, с ужасом глядя на слегка закопченную медную джезве. — Видеть этот кафий уже не могу! И куда он в вас только лезет?!

— Хорошо, поделим на двоих, — не стал спорить Эгмонт и засыпал в джезве вторую ложечку сахара.

Машинку для изготовления кафия мы видели один-единственный раз: элементаль, похоже, сообразила, что Полин может обнаружить пропажу. Да и потом, в пятом измерении было не так много места, и флуктуации стоило немалого труда таскать машинку туда-сюда.

Взамен она притащила медную джезве на три персоны, хитроумную жаровню, полную отборного кафского песка, и миниатюрную эльфийскую мельничку. По бокам мельнички вилась изящная вязь. «Дорогому Эгмонту от любящей...» — кое-как разобрала я, а дальше было совсем непонятно.

Рихтер оказался большим специалистом по варке кафия. Учитывая его предыдущие кулинарные шедевры, я заподозрила, что маг только кафием и питается, изредка перемежая его приснопамятной ухой. В первый же вечер мы выслушали длинную страстную лекцию о кафии в зернах, способах его помола и чудесных

свойствах коричневой пенки, которая образуется во время варки. Я была бы не прочь сама сварить кафий — ну попробовать хотя бы, вдруг получится! — но оторвать Эгмонта от джезве было то же самое, что помешать гному во время валютных операций.

— После этого вашего кафию мрыс заснешь! — гневно высказался Сигурд и сплюнул на землю. — Всю ночь глаз сомкнуть не могу, а ежели и засыпаю, так такая гадость снится — лучше и вовсе не спать! А я тоже человек, мне тоже отдых надобен. И точка!

— Да ладно, нам больше достанется, — отмахнулся Эгмонт. — Ялька, ты с чем хочешь — с кардамоном, мускатным орехом или корицей?

— С ванилью, — сказала я и приятно улыбнулась.

Рука Эгмонта замерла над мешочком с пряностями.

Вечер был золотой — теплый и тихий. Я пристроилась поближе к Сигурду и доверчиво положила голову ему на плечо. Эту позу Полин отрабатывала на мне долгими зимними вечерами; надеюсь, у меня получилось ненамного хуже.

— А ваниль уже кончилась, — откуда-то сверху сообщил волкодлак.

— Ага, как же... — Я прикрыла глаза и подставила лицо солнечным лучам. — А то я не видела, как Эгмонт ее прошлой ночью в землю закопал и сверху камушек положил. Чтобы не вылезла, наверное...

— Остроумица... — пробормотал Рихтер.

Раздалось громкое шипение, сильно запахло кафием: маг налил в разогревшуюся джезве холодной воды.

— Спасибо вам, — сказала я, не открывая глаз. — Обоим.

— За что, Ялька? — тихо спросил Сигурд.

— Сами знаете...

— Ялька, мы... мы все понимаем, — быстро сказал волкодлак. — Это как болезнь. Главное — выздоровела. А так... мало ли что с кем может быть? Ты, Ялька, не думай, мы тебя все равно любим! Правда, Эгмонт?

— Любим, — согласился Рихтер, размешивая первую пенку. — Как же не любить? Если бы не ты, пришлось бы мне сейчас три кружки кафию пить, потому как некоторые дезертировали.

Я кривовато улыбнулась.

— Знаете... я всегда этого боялась. Правда. Я знаю, что полукровок не бывает, что все выбирают один раз и навсегда, при рож-

дении... но... полуфэйри тоже вроде как не бывает, верно? А я все равно есть...

Эгмонт второй раз снял кафий с жаровни.

— Ты — человек, Ялька, — уверенно произнес он. — Ты сделала свой выбор. Этот перекресток остался позади.

Я кивнула. Говорить дальше мне очень не хотелось, но есть слова, которые должны быть сказаны. Что бы ни говорил Эгмонт, я оставалась наполовину фэйри, и с этим мне надо было жить и — самое страшное — умереть. Просто сейчас эту часть своей сущности я могла держать под контролем.

— На самом деле я фэйри меньше чем наполовину... скорее на одну четверть. Моя бабка была из народа Высоких Фэйри. Похоже, она сама не понимала, как такое могло случиться... в общем, она полюбила моего деда. Он был ром — молодой, красивый, удачливый. Но чего в нем было особенного, знала только она одна.

Кафий как-то подозрительно забурлил и сделал попытку сбежать. Эгмонт молча щелкнул пальцами, призывая его к порядку. На моей памяти это был первый раз, когда он применил магию в деле сотворения кафия.

— У них был только один ребенок — моя мать. И она родилась человеком. Потом табор кочевал у Даркуцкого кряжа... Ты правильно угадал тогда, Эгмонт. Мой отец — князь Янош Леснивецкий, воевода даркуцкий.

— Было бы что угадывать, — хмыкнул Эгмонт. — Ялька, ты кафий тоже с закрытыми глазами пить собираешься? Мне-то все равно, а вот Сигурду, думаю, не очень. Если что, ты рядом с ним сидишь.

Я открыла глаза и посмотрела Рихтеру в лицо. Странно, но он был абсолютно спокоен, будто обсуждать сущности полуфэйри для него так же привычно и обыденно, как варить по вечерам кафий. С другой стороны, все нормальные люди варят кафий по утрам.

— Видишь ли, — продолжал маг, — мне не единожды доводилось видеть князя Леснивецкого. Он был не первым, кто по достоинству оценил винные погреба мужа моей матери. Таких рыжих поискать...

— Он же не единственный рыжий на свете!

— Как тебе сказать... — Рихтер сделал вид, что задумался. — Словом, встретишься с папенькой — сама поймешь. Вас, Лесни-

вецких, трудно с кем-то спутать. Особенно в умении найти приключения на свою... кхм... задницу. И еще кое-что, Ялька. Вы этого не проходили и, возможно, не будете проходить, но тебе, я думаю, пригодится. Человек не может быть на четверть фэйри. Их кровь такова, что количество ее не имеет никакого значения. Либо ее нет совсем, как в случае с твоей матерью, — либо твой вариант.

— Не понял, — после недолгого молчания признался оборотень. — Как может Ялька унаследовать кровь бабки, минуя мать?

— Это фэйри. — Рихтер пожал плечами. — Здесь логики можно не искать. Могу лишь предположить, что Яльгина бабка очень дорожила своим ребенком и сделала все, чтобы скрыть его от собратьев.

Вполне возможно... Я вспомнила, как встретились Ратори и князь Янош. Едва ли моя бабка могла желать этого союза. Вернее всего — она была не в силах что-либо изменить, узнав обо мне слишком поздно. Ей пришлось смириться и со смертью дочери, и с рождением внучки-полуфэйри. Люди очень упрямы и сами выбирают свои дороги...

— Ялька, так ты что, получается, сирота? — Сигурд был потрясен. — А отец куда смотрел? Да у нас в Конунгате за своего щенка...

— У вас дети рождаются реже, Сигри, вот вы их и бережете... А у князя, наверное, своих несчитано. Знаешь, как говорят: выйду на дорогу, брошу кулек конфет — детишки пробегут, может, и мои среди них окажутся...

— Я же говорю, папенькина кровь, — хладнокровно прокомментировал Эгмонт. — А ты говоришь — как узнал, как узнал...

— А дед с бабкой? — не унимался оборотень. Я представила, какие крепкие должны быть у волкодлаков родственные связи, если для Сигурда непостижимо, как могли не углядеть за одним-единственным ребенком. — А тетки там всякие, дядья?

Я отхлебнула горячего кафию.

— В ту ночь, когда я родилась... когда моя мать умерла родами... мой дед осиротел тогда дважды. Моя бабка бесследно исчезла, и никто не знал почему.

— Хорошо, — не сдавался Сигурд. — Дед-то, дед у тебя никуда не исчез?!

— Не исчез, — согласилась я. — Баро не может исчезнуть: как тогда табору жить? Просто... я, наверное, в детстве была больше

фэйри, чем сейчас. А сказки про подменышей — их везде рассказывают. И как-то ночью я подслушала...

— Можешь не продолжать, — кивнул маг. — Сбежала наутро?

— Нет. — Я ухмыльнулась, вспомнив, как ловко увела лучшую кобылу табора. Потом, правда, неблагодарная животина сбежала, но это отнюдь не умаляло моего тогдашнего мастерства. — Под утро, Эгмонт, зачем мне было дожидаться зари? Мы, подменыши, как известно, не выносим солнечного света.

— Это ж сколько тебе лет тогда было? — нехорошим голосом осведомился оборотень. Кажется, по моей вине рухнуло его доброе отношение к людям. Ничего, Сигурд — он отходчивый, он простит.

— Восемь. Сигри, ты не переживай! У нас, если что, в четырнадцать уже детей рожают.

— Вот-вот! — негодующе произнес волкодлак. — Потому-то у вас такое отношение ко всему — безответственное! Дети, чтоб ты знала, Ялька, — это очень серьезно! Разве ж можно допустить, чтоб в четырнадцать лет... Сами еще щенята! Ничего не знают, ничего не умеют! Их самих еще учить да учить! И вообще, детей — их еще заслужить надобно!

— Да не волнуйся ты так, — поспешно сказала я, пока оборотень набирал воздуху для очередной тирады. — Я пока никого рожать не собираюсь. Как только соберусь, непременно твоего совета спрошу!

— Ялька! — обиженно возопил волкодлак. — Да я же не про это!..

На помощь мне пришел Эгмонт.

— Я одного только не понял, — сказал он, выливая из джезве оставшуюся гущу. — Как звали твою бабку? Какую стихию она воплощала?

Я улыбнулась правым уголком рта и машинально потрогала браслет.

— Насчет стихии ничего сказать не могу... Но мой дед стал вдвое удачлив, когда привел молодую жену. Это все, что я могу сказать, а то имя называть все же не хочется. Или ты хочешь лично познакомиться со всеми моими родственниками?

— Да нет, наверное, — подумав, отказался маг. — Рановато. Знакомство с родственниками — слишком важный шаг в жизни мужчины. Правда, Сигурд?

2

Этой ночью спали все, включая Сигурда, — наверное, именно поэтому он наутро был таким счастливым. Когда я предложила свою помощь в приготовлении завтрака, оборотень только отмахнулся. Над поляной витал почти неуловимый запах кафия, но даже это не могло испортить ему настроения и аппетита.

Мы позавтракали и отправились в путь.

До перевала Двух Топоров, по которому проходит граница Конунгата, оставалось не так уж много, и мы рассчитывали пройти эту дорогу за один дневной переход. Пока что вокруг лежали ничейные земли. Я уже испытала на себе, что это такое, и была только рада очутиться там, где действуют хоть какие-то законы. Пускай и нечеловеческие. В конце концов, Сигурд — тоже волкодлак, а с ним-то всегда можно договориться!

В полдень мы сделали короткий привал, потому что лошадям нужен отдых. Ну и нам, наверное, тоже. Наполнив фляги водой из обмелевшей речки, мы отправились дальше.

Тропа долго вилась по краю обрыва — довольно пологого, заросшего травой, но все едино очень высокого, — и мы были вынуждены идти пешком, ведя коней в поводу. Внизу виднелась узкая долина, на дне которой извивалось высохшее русло; с другой стороны ее защищали высокие полосатые скалы, почти лишенные растительности. Еще дальше вставали могучие кряжи, чьи вершины скрывались в белесых летних облаках.

— Лан-Мэйдаррен, — тихо сказал Сигурд.

Я не была уверена, что он обращается именно к нам. Подтвердив эту мысль, оборотень прошептал что-то на греакоре. И здесь, на пыльной тропе, ведущей к перевалу, гортанные звуки волкодлачьего языка казались гораздо уместнее, чем в человеческих городах.

В чистом, пронзительно синем небе, напоминавшем перевернутую миску эльфийского стекла, неподвижно висела черная точка. Ястреб, подумала я. Или орел.

Или дракон.

Мы вышли за пределы мира людей — древнего зачарованного круга, защищающего Младших Детей от созданий старого мира. Находясь внутри, я часто досадовала на него, но сейчас отчетливо понимала, насколько одиноки мы трое посреди этой горной тишины. Мой разум как будто раздвоился: я брела по тропе, сжимая

в руке поводья, и одновременно кружила в небесах, бесстрастно рассматривая три крошечные фигурки, упрямо ползущие к перевалу Двух Топоров. Да, именно три: лошади не счет...

— Сигурд, за нами наблюдают? — спросил Эгмонт. От звука его голоса я вздрогнула и мигом пришла в себя.

— Не знаю, — хрипло откликнулся волкодлак. — Фергюс точно не мог. Но эта, новая... откуда ж мне знать?

— А где начинаются эльфийские горы? — вмешалась я, потому что невыносимо было идти и думать о том, что с каждым шагом Неизведанность становится все ближе.

Оборотень неопределенно махнул свободной рукой.

— Далеко отсюда... очень далеко, к югу. Все, что видите вокруг, уже принадлежит Конунгату.

Я посмотрела направо, туда, где за полосатыми скалами виднелись уходящие в облака вершины, и спросила, сама не понимая, что натолкнуло меня на этот вопрос:

— Совсем все? И вон те горы тоже?

— Ну... — Сигурд явно замялся. — Считается, что да, принадлежит. Но на самом-то деле... хотя кто его знает, может, и ерунда это все...

— Что все?

— Говорят, раньше там была страна драконов, — признался волкодлак. — Или даже сердце их страны. Священные места, туда никто не забредает... да и забрести-то, ежели по совести, не получится.

— Я видел старинные карты, — заметил Эгмонт. — Там часто рисовали дракона над горами.

Я невольно посмотрела вверх. Кем бы ни была черная точка, сейчас она уже исчезла.

Немного погодя тропа вильнула вбок и скрылась в широкой расселине, заросшей терновником образцовой колючести и густоты. Я загрустила — соваться туда без магии, зато с лошадью, было откровенным безумием, — но Сигурд даже не замедлил шага. Когда морда его кобылы уже почти касалась длинных шипов, ветви раздвинулись, освобождая проход. Не выказывая удивления, оборотень прошел внутрь.

Я шагнула следом, и терн зашелестел на разные голоса. Больше всего я боялась, что ветки сейчас сомкнутся, но этого не произошло. Неведомый ветер все бродил в листве, впереди виднелся круп Сигурдовой лошади, а сверху и по бокам существовали толь-

ко ветви, шипы и зеленые плоды. Сзади, наверное, шел Эгмонт, но обернуться не получалось, а в ушах у меня стоял неумолчный шелест терновых листьев.

Наконец впереди показался светлый проем — я почти выбежала туда и замерла, вдыхая свежий воздух. Только сейчас я поняла, что в ущелье стоял терпкий, очень характерный запах терновника, к которому примешивалось еще кое-что, наводившее на мысли о лунных хороводах на вершине холма. Рыжик шумно фыркал и поводил боками. Кажется, ему там тоже не понравилось.

Впрочем, Эгмонту там не понравилось куда больше: маг вышел наружу растрепанным, исцарапанным и очень злым. Его конь, как и мой, совсем не пострадал. Это место ничего не имело против оборотней и животных, зато к ковенским магам, очевидно, испытывало множество теплых чувств. Глянув на Рихтера, я поняла, что чувства были взаимными.

— Это самый короткий путь, — пожал плечами оборотень. — Если эти поганцы рискнут и полезут в горы, мы выиграем у них два дня, как не больше. Этим же вечером будем у Двух Топоров, а послезавтра, ежели на то воля Арведуэнн, уже станем с конунгом говорить.

В его речи снова слышался сильный акцент, да и фразы были построены как-то не по-лыкоморски. Сигурд, мой друг Сигурд был волкодлаком, и все те несколько недель, что мы были знакомы, я даже не предполагала, что это значит гораздо больше, нежели просто уметь перекидываться в волка.

Он был другим. Совсем другим. Как эти горы. Как это небо. Как...

Как я сама для обычного человека. Для Эгмонта Рихтера, например.

Я поежилась от подступившего холода. Да что это такое?! Я — Ялька Ясица, вот — Сигурд, мой друг, вот — Эгмонт... тоже друг, наверное... Мы трое, которые суть одно, мы замкнуты в кольцо, мы без малого единое целое...

— Ялька, что с тобой? — быстро спросил маг.

Я передернула плечами.

— Нет... ничего. Смотри!..

Дорога делала очередной поворот, плавно огибая высокий камень, заросший лохматым лишайником. Тень от валуна, прежде спокойно лежавшая на травянистом склоне, вдруг перетекла вбок. Ровная и черная, будто распяленный кусок шелка, она пере-

секла дорогу и ушла в высокую траву. Мои серьги разом нагрелись и потяжелели, и я поймала себя на том, что сжимаю рукоять одного из метательных ножей. В жизни не читала и не слышала о подобном, но ведь все фэйри боятся железа и серебра!..

Несколько мгновений стояла почти мертвая тишина — только Эгмонт очень быстро и очень тихо сплетал какую-то сложную чару. И в этой тишине, размеренно, как в театре, послышались человеческие шаги. Камешки поскрипывали под сапогами, шаги приближались — и из-за проклятого валуна вышли двое, похожие друг на друга как две капли воды.

Они не были людьми, хотя и выглядели совершенно как люди. Такими обыкновенно рисуют авантюристов или игроков: потертая одежда, длинные плащи, коричневые широкополые шляпы и пыльные ботфорты, с незапамятных пор сделавшиеся едва ли не символом искателей приключений. Но ткань, будто облеплявшая гротескно тощие фигуры, всякий раз ложилась одинаково — что у правого, что у левого. Одинаково блестели медные пряжки на шляпах, одинаково свисали коричневые перья... одинаковые тени закрывали лица — не рассмотреть.

Отступать было поздно, как атаковать — я не знала, зато твердо помнила, что нельзя заговаривать с фэйри первым.

Но если это фэйри — то какие конкретно? Сколько я ни старалась, я не могла вспомнить среди Дивного Народа никого, хотя бы отдаленно напоминающего встреченных. Из гвиллионов, признаться, я помнила одну только Старуху, из кобольдов — вообще никого, зато точно знала, что кобольды выглядят совершенно иначе. Но кто же тогда? Ганконеры? Как бы не так... те «ласковые любовники», а из этих, сразу видно, ласковость так и прет. Дуэргары? Те точно не отличались большой добротой, зато и жили в холмах, а не среди скал...

Правый из незнакомцев шагнул вперед, сдвигая на затылок шляпу. Лицо его оказалось таким же обыкновенным, как и одежда — длинное, худое, костистое, с длинным же кривым носом и узкими усами. Только одно и было в нем странным. Глаза. Я знаю, как банально это звучит; но что же прикажут мне поделать менестрели, если дело и впрямь обстояло именно так?

Глаза эти были черными. Сплошь черными, без радужки и белка; в них не было блеска, как, скажем, у Эгмонта, напротив, казалось, что темнота — нет, Тьма! — забирает в себя весь падающий на нее свет. И казалось еще, будто глаза эти — вовсе не глаза, а от-

верстия, дыры, ведущие на другую сторону; и оттуда, с той стороны, на нас смотрит Великая Тьма.

Я помнила, когда уже встречала подобное. В том сне, что снился мне из года в год; тогда, двенадцать лет назад, разъяренный маг выпустил на волю кусочек этой Тьмы. Всего один лишь кусочек, не самый-то и большой, — но его хватило на то, чтобы вычерпать силы у нас троих на двенадцать лет вперед.

— Ты помнишь нас, Сигурд? — ровно спросил незнакомец.

— Пришло время платить, — так же ровно сказал второй.

Не знаю, когда я успела метнуть нож. Рукоять его давно уже грела мне руку; сейчас, наверное, сработали те самые хваленые рефлексы, о которых поет добрая половина менестрелей. Гномья сталь сверкнула на солнце... я хорошо научилась метать ножи и ничуть не сомневалась, чем закончится дело.

Но я ошиблась. Фэйри, в грудь которого летел мой клинок, даже не шевельнулся, пытаясь защититься от удара. Непринципиально, что нож не был серебряным, железа они боятся еще больше, чем серебра... но сталь лишь беспомощно звякнула, будто ударившись о скалу. Секундой раньше вокруг второго вспыхнуло синее свечение — вспыхнуло и исчезло, как не бывало. А между тем мощи этого заклинания, тем более в исполнении Эгмонта, позавидовал бы и добрый гномий болт. С расстояния в десять шагов, из гномьего же арбалета.

— Не надо, — хрипло сказал Сигурд. — Вы все равно не причините им вреда.

Оба фэйри кивнули, подтверждая сказанное. Движение вышло таким слитным, будто его сделало одно существо.

— Кто это, Сигри? — Я впервые услышала, что голос практически мне не подчиняется. — Кто?!

— Это Игроки, Ялька, — тихо ответил Эгмонт. — Демоны удачи.

— Мы пришли за долгом. — Эмоций в голосе говорившего недостало бы и на то, чтобы растопить одну-разъединовую крохотную снежинку.

— Я знаю, — сказал Сигурд. Он был бледен, как молоко; я никогда прежде его таким не видела. Волкодлак не боялся, в этом я не сомневалась ни секунды, но было здесь что-то еще, о чем я не имела ни малейшего понятия. — Я готов.

Он спешился, двигаясь со странной скованностью. Левый протянул руку, затянутую в кожаную перчатку. Перчатка была старая, изрядно поизносившаяся; на пальцах она кое-где протерлась,

сменив природный коричневый цвет на благоприобретенный белесоватый. Я смотрела на перчатку, чтобы не смотреть на руку, — ибо фэйри протягивал ее так, как протягивает полноправный хозяин, желающий взять с полки приглянувшуюся ему вещь. И это было страшно, потому что Сигурд уже и впрямь принадлежал ему — принадлежал весь, без остатка, по праву, нарушать которое не рискуют и сами боги.

Навсегда; до тех пор, пока не минет вечность.

Что здесь вообще происходит?!

— Властью, данной мне...

Создавалось впечатление, что Правый зачитывает по бумажке давным-давно опостылевший ему текст. Он говорил настолько невыразительно и серо, что от этого становилось только страшнее. Потому что никакая, пусть и самая бесцветная, речь не могла скрыть — радости? счастья? — нет, чего-то иного, тоскливого, голодного и жадного, смотревшего из его глаз. Оно жаждало насытиться, хотя и знало, что голоду его суждено быть вечным.

— Властью, данной мне, и удачей, изменившей тебе...

С каждым словом из Сигурда точно уходила жизнь. Он отодвигался в другое место и другое время — если, конечно, там, куда он уходил, были места и времена. Он и в самом деле переставал принадлежать себе; я чувствовала, как то, голодное, тоскливое и жадное, уже тянется к нему навстречу, готовясь поглотить в себя.

Что происходит, боги?! Уж точно ничего хорошего...

— Стойте! — не раздумывая, заорала я.

Они остановились. Правый замолчал, Левый замер с протянутой рукой; он совершенно не выглядел смешным — напротив, мне было очень страшно. Оба демона смотрели на меня в упор; глаза у них были точно сверла, ввинчивающиеся в душу напрямик.

— Чего тебе надо, полукровка? — наконец разлепил губы Правый.

— Игры! — не задумываясь, выпалила я. — Я хочу игры!

И стало тихо.

3

— Игры? — медленно спросил Левый. Глаза его прошлись по моему лицу; я чувствовала на себе его взгляд, как чувствуют холод меча у горла. — Зачем?

Он выглядел совершенно безразличным. То, голодное, притаилось до поры, и сейчас никто не смог бы прочесть по лицу демона, о чем он думает. Если думает вообще.

— Пусть все решит удача! — сделав усилие, я посмотрела Левому в глаза. В голодную пустоту, глядевшую с той стороны; она уже почти забрала Сигурда, она захочет забрать и меня... Ну и что из того? Пускай попробует! Я Ярьга Ясица, Ярьга Леснивецка; и если бабка моя передала мне хоть толику удачи...

Они же ведь Игроки! А игра — это прежде всего азарт...

Ну же!..

Демон ухмыльнулся. Точнее — изобразил ухмылку; он не был человеком, он всего лишь изображал человека, и ему определенно это нравилось. Но все равно впечатление было такое, будто он дергал свое тело за ниточки, вел его, точно марионетку на ваге.

— Мы согласны, — сказал он. — Мы сыграем.

— Но не с тобой, — спокойно закончил Правый. — А с ним, — он указал на Эгмонта. — Вы согласны?

— Да, — решительно ответил маг, прежде чем я успела вставить хоть слово.

— Слово сказано, — хором, слившимся в один голос, подытожили Игроки.

— Эгмонт, ты что, с ума сошел?! — Я вдруг поняла, что сейчас случится, и мне разом сделалось холодно, как в середине зимы. Слова исчезли, я судорожно пыталась припомнить хоть одно — он не я, у него нет моей удачи! Он не сможет помочь Сигурду и погибнет сам! — Но ты... я...

— Все хорошо, Ярьга, — твердо сказал он.

И мне оставалось только замолчать. В самом деле, разве я на его месте поступила бы иначе?

Но что это меняет, мрыс дерр гаст?!

— Почему он? — все-таки попыталась я. Тьма, смотревшая из глазниц Правого, обжигала мне глаза, но я не отводила взгляда. — Почему не я?! Какая вам разница, с кем играть?!

— У тебя нет денег, — безразлично сказал демон. — А у него есть.

— Мы хотим играть на деньги, — поддержал его Левый. — Это наше право.

— Пусть он передаст их мне!

— Нет, — хором сказали демоны и Эгмонт.

— Нет, Ярьга. Играть буду я.

4

Правый хлопнул в ладоши. Негромкий звук странно откликнулся в скалах; и в тот же миг пространство изменилось, то ли расплывшись, а то ли, наоборот, собравшись в комок. Горы отодвинулись, сделавшись почти игрушечными. Посреди дороги встала комната — ее стенами были скалы, ее потолком было небо, но все это выглядело каким-то ненастоящим, как декорация, нарисованная дурным художником на старом холсте. Из-под земли вырос стол; он сразу же напомнил мне тот, за которым играли бесчисленные поколения адептов в оставленной вечность назад Академии Магических Искусств. Присмотревшись, я поняла свою ошибку: стол был другой, как будто корчемный, сколоченный на скорую руку. Одна его ножка была короче других, столешницу сплошь покрывали пятна вперемешку с надписями на всех языках. В центре стола возник массивный подсвечник — тоже грубый и дешевый, весь в подтеках старого воска. За такими столами играла, наверное, вся Ойкумена — от дальних южных стран, где солнце круглый год прокаляет землю, до чуть более ближнего Севера, где снег, говорят, не тает даже в середине лета.

— Садись, — хором приказали Игроки.

Эгмонт, невесть когда успевший спешиться, уже стоял перед столом. Стоял буквально в шаге от меня, казалось, протяни я руку — и вот он, маг, пощупать, потрогать... но отчего-то мне очень не хотелось этого проверять. Он был не здесь и не со мной. Он был в *другом месте*.

В руках у Левого появилась колода карт — новехонькая, еще в оберточной бумаге. Демон ловко содрал упаковку и быстро перетасовал карты несколько раз. Руки его так и летали; это да еще и то, как Игроки были похожи друг на друга, напомнило мне братьев аунд Лиррен. Но нет — близнецы были эльфами, живыми и настоящими, и если хорошенько поискать, можно было найти, чем они отличаются друг от друга. И ловкость их в обращении с картами была другой — как бы Эллинг и Яллинг ни любили азартных игр, ни один из них не мыслил карт как части себя. Для демона же карты были такой же неотъемлемой частью, как рука или нога. Да и то вопрос — насколько ценны ему руки и ноги...

— Во что играем? — спросил Эгмонт, неотрывно следя за быстрыми движениями Игрока.

— В дурака, — ответил тот, раздавая карты. На троих. Собрат его уже сидел рядом, аккуратно положив руки на стол.

— Чем проще игра, тем больше удача, — отметил он. — Иные потом говорили, мол, проиграли оттого, что правила были сложные...

Левый раздал карты. Он положил оставшуюся колоду возле подсвечника и не глядя вытащил из середины карту. Положил под низ; это был бубновый валет.

Перед демонами на двоих лежало шесть карт. Игроки не спешили брать их в руки, глядя на Эгмонта; он протянул было руку, но остановился, совсем немного не донеся до карт:

— Какие ставки?

— Все, чем ты владеешь, — против нашего волка.

Все, чем ты владеешь! Это и деньги, и графство, и талант...

— Все, чем я владею, кроме моей души, — твердо произнес Эгмонт.

— Пусть будет, — слитно ответили демоны.

Я встала за спиной Эгмонта, сжимая ладони в замок. На руках у мага был неплохой набор: король, туз, козырные десятка и шестерка плюс сюда же семерка пик, не столь весомая, зато пригодная для первого хода. Ею он и пошел.

Игроки отбили дамой. Карты ушли в отбой; следующий ход был за демонами.

Семерка крестей — крестовый король. Отбой. Наш ход...

Шестерка червей... Ее отбили десяткой; Эгмонт с секунду колебался, добавлять ли сюда козырную десятку. Я яростно скрестила пальцы. Лишь бы он победил...

Нет, добавлять он не стал. Следующий ход...

Восьмерка — десятка.

Семерка — девятка.

Шестерка пик — козырная шестерка.

Игра шла достаточно ровно. Никто не совершал рисковых ходов, никто не набирал себе слишком много карт: да и вообще, по-моему, за всю партию ни одной стороне не пришлось принимать. Ход — отбой, ход — отбой... я немножко расслабилась, увидев, что от Эгмонтовой восьмерки Игроки отбились козырным тузом. Теперь самая крупная карта — король бубен — оставался у мага. Помогите нам, боги...

Все. Игроки забрали последнюю карту из колоды. До конца партии оставалось от силы шесть ходов.

Первый. Второй. Третий.

В четвертый раз ходили Игроки. До того все карты раз за разом выкладывал Правый; и теперь, увидев, как Левый аккуратно опускает на стол девятку, я невольно напряглась. Еще несколько секунд, и...

Эгмонт сберег козырь, отбив дамой. И тут же Левый выложил на стол еще одну даму; маг отбил ее козырным королем, и из всех карт у него осталась только пиковая десятка.

Игроки замерли; секунда растянулась, как смола, капающая с соснового ствола. Боги, боги мои, лишь бы им было нечего положить!

Медленно, очень медленно Правый положил перед Эгмонтом козырную даму.

5

— Ты проиграл, — бесстрастно сказал Чет, собирая карты.

— Ты проиграл, — эхом отозвался Нечет, разворачиваясь к Сигурду.

Я молча переводила взгляд с одного на другого, пытаясь поверить в то, что произошло. Боги, о боги! Каких-то двенадцать часов назад мы болтали у костра, пили кафий и... Как такое может случиться — под этим чистым небом?!

— Предлагаю еще одну игру, — быстро сказал Рихтер.

Демоны одновременно обернулись.

— Твоя ставка? — жадно спросил Чет.

— Моя жизнь и моя душа.

Я чуть слышно застонала сквозь зубы.

— Мы согласны, — подвел итог Нечет.

Он ловко перетасовал карты. Его пальцы так и летали, но я знала, я была твердо уверена в том, что демоны не мухлевали. Они играли честно — потому что выиграть по закону можно только в честной игре.

Честной ли? Почему они пришли к нам только сейчас, ведь Сигурд задолжал Судьбе гораздо раньше? А если их интересовали все мы, вся наша тройка, — зачем же ждать полтора месяца, почему нельзя было прийти уже тогда? Почему...

И холодным, отстраненным знанием я вдруг поняла ответ.

Потому в этот день и в этот час, в этом мире и этом месте ни один из нас не сможет победить. Удача отвернулась от нас — буквально на миг, но мига этого достало тем, кто давно поджидал его. Под теми звездами, что стоят сейчас над головой, — нам не победить. Нет, не победить...

Но я ведь не могу проиграть! Я, Ялька Ясица, Ялька Леснивецка, я — внучка своей бабки, передавшей мне древний дар, — я не могу проиграть, хотя бы звезды и кричали об этом с небес! Если я вмешаюсь, если один великий закон схватится со вторым — кто знает, может быть, мне все-таки повезет?

Но у меня нет права вступить в игру. И денег тоже нет. Боги мои, но почему же так, почему?! Это самое страшное, что только может быть, — смотреть, как один твой друг уже практически ушел, а другой вот-вот проиграет душу. И при этом знать, что ты могла бы им помочь! Могла бы, если бы не...

О боги мои, боги! Демон раздавал уже колоду; на потертую скатерть перед Эгмонтом легла третья карта из шести. Он проиграет, он проиграет и сейчас... я уйду отсюда, а Сигурд и маг навсегда останутся здесь...

Я бешено теребила браслет, болтавшийся на левом запястье. Бабка, передавшая мне удачу, — если мы с тобой хоть сколько-нибудь одной крови, пошли разъединовый шанс!

Четвертая карта...

Пальцы сомкнулись на тонком металлическом кружке.

Это была монетка. Старинная серебряная монетка, истертая до того, что лик правителя на реверсе был уже практически неразличим. Стерлось название, стерся рисунок на аверсе; но гурт остался виден, гурт и номинал, — и это означало, что монетка была ДЕНЬГАМИ. Правом прямо сейчас вмешаться в игру.

Прямо сейчас. Пока Эгмонт не успел еще взяться за карты.

Я рванула монетку так, что на секунду испугалась порвать браслет. Но цепочка осталась целой; монетка же, отделившись так же легко, как отделяется лист от ветки, сверкнула между моими пальцами.

Шесть карт. Эгмонт протянул руку; и в этот момент, уже понимая, что опаздываю, я бросила монетку на стол.

И время остановилось.

Монетка упала точно в центр Эгмонтовых карт. Она не подпрыгивала, не звенела, не кружила по столу — упала так, будто ее

не бросили, а положили, с силой придавив тонкий картон. Маг замер, совсем чуть-чуть не донеся до карт ладони; и я видела, я готова была поручиться за то, что карты сами тянутся вверх, пытаясь дотянуться до его пальцев. Но тоненькая монетка, истертая практически насквозь, камнем придавливала колоду к столу. Она давала мне время.

Время для удара.

Несколько секунд над столом висела абсолютная тишина. А потом я услышала странный звук — сперва щелчок, а потом точно одна монета упала на груду себе подобных. Упала тяжело, подобно каменной глыбе.

А после — тихий скрип. Точно огромные шестеренки... нет, не остановились.

Замедлили ход.

— Серебро, — тихо, но отчетливо произнес Чет.

— Деньги, — точно с той же интонацией сказал Нечет.

Оба развернулись ко мне. На меня одновременно уставились четыре жерла; видят боги, в тот момент я поняла, за что Игроков назвали демонами, а не фэйри.

За это и еще за то, что, едва я помянула про себя богов, как Игроки одновременно отвели глаза.

— Что это значит? — наконец разлепил губы Чет.

— Это выкуп, — с ледяным спокойствием ответила я. Сейчас я не чувствовала ни страха, ни азарта; мир сжался до размеров карточного стола и лежащей на нем монетки, и никому, кроме меня, в этом новом мире не было места.

Делай, что должно.

Делай.

Нечет внимательно осмотрел монетку, не прикасаясь к ней руками. Я заметила, что он старался не склоняться над ней особенно низко; а еще — что верхняя карта обугливается под тонким серебряным кружком, точно к ней поднесли зажженную спичку.

Демон поднял на меня глаза. Оттуда смотрела Тьма, но теперь я уже не боялась. Ничего и никого.

— И ты считаешь, что этого хватит, полукровка?

— Да. — Голос мой был таким ровным, что я, наверное, удивилась бы — если бы могла. Ровным, спокойным и уверенным... я знаю, что в своем праве, и за право это буду сражаться до конца. — Этот человек не вернул мне долг. Если вы заберете у него жизнь и душу, как тогда он рассчитается со мной?

— Долг, — повторил Нечет. На лице его отразилось тщательно отработанное понимание. Это был мой успех; я попала в десятку, ибо, несмотря на фальшь мимики, демон понял мой аргумент. Это было доступно его разуму, ибо исчислялось в деньгах. — Ты в своем праве. Но это не дает тебе выкупать его долг.

— А я и не собираюсь. Но все, что проиграл он, на самом деле проиграла я. И последнюю партию вы будете играть со мной. На мою душу.

Игроки переглянулись — так же делано старательно, как и прежде. Перевели взгляды на меня; я выдержала их без страха, ибо этой Тьме не было места в моем хрупком мире. Кивнули.

В тот же момент карты исчезли со стола. Нечет взмахнул рукой, и Эгмонт, неподвижно сидевший последние полторы минуты, закончил начатое им движение. Но вместо карт под пальцами у него была лишь исцарапанная столешница да еще выжженный кружок, наполовину закрытый моей монеткой.

— И что это значит? — холодно спросил он практически с той же интонацией, что и Чет полутора минутами раньше.

— Ты выходишь из игры, — бесцветно ответил Нечет. — Играть теперь будет она.

— Что? — Маг перевел на меня взгляд. Я впервые увидела на его лице откровенный страх. — Яльга, и не вздумай! Я запрещаю тебе, слышишь?

— Здесь не Академия, Эгмонт, — ровно сказала я. — Мы друзья, и мы равны. Ты не можешь мне ничего запрещать.

Какое там! Судя по бешеному взгляду, не разделяй нас граница между мирами, маг продемонстрировал бы мне на практике, как и что именно может мне запретить. Но не здесь и не сейчас. Потому что в мой мир не было хода и ему.

Чет резко передернул пальцами, и я оказалась внутри очерченного демонами круга. Перед столом; стул же, стоявший рядом, был пуст — мы с Эгмонтом поменялись местами, а заодно и ролями. Теперь он вынужден был наблюдать.

Но вмешаться он уже не сумеет.

Стул оказался жестким и неудобным. Пытаясь хоть как-то обжить пространство, я поставила локти на стол и уперлась подбородком на сжатые кулаки. Азарт потихоньку возвращался ко мне; я вспомнила другую игру и другой стол, за которым впервые испытала свою удачу.

— Играем?

— Играем, — кивнул Чет. — Но не в карты. Тебя любит колода, полукровка.

Мой мир треснул, впуская внутрь обоих демонов и Великую Тьму. Не в карты...

— Истинно так, — закончил Нечет. — Сыграем в кости.

6

Из рукава камзола демон вытащил бронзовый стакан высотой в ладонь. Не знаю, как там поместился этот предмет: по мне, места в рукаве было аккурат на спрятанный нож да пару козырных тузов. Но демоны способны и на большее; сколько там бесов могут пройти через игольное ушко?..

— Я не знаю правил. — Голос, кажется, дрогнул, выдавая мой страх. Мне везло в карты — и только. На прочие азартные игры моя удача не распространялась — и демон, разумеется, отлично это знал.

— Все просто. — Нечет вытряхнул на стол шесть игральных костей. Судя по специфическим запаху и оттенку, эти крупные кубики со стертыми гранями были действительно вырезаны из чьей-то кости. — Каждый бросает по очереди. Побеждает тот, у кого выпадет больше очков. Понятно?

— А почему костей шесть? — Я уцепилась за эту ошибку, как за последнюю надежду. Нет, я не жалела, что вмешалась. Просто отчетливо поняла, что имею с Эгмонтом абсолютно равные шансы — максимально приближенные к нулю. А душа... душа была мне дорога.

Но, делай я выбор еще раз, я все равно не поступила бы иначе.

— Потому что нас двое, — ответил Чет. — И первый ход за нами.

— Ладно...

Одним движением демон сгреб кости в стакан. Потряс им в воздухе; кубики перекатывались внутри, звучно ударяясь о бронзовые стенки. Быстро, так, что я едва успела заметить, он вытряхнул их на стол.

Две пятерки. Три шестерки. Одна четверка.

Тридцать два очка из тридцати шести.

— Твоя очередь, полукровка. — Демон (я никак не могла понять, который) заново смахнул кости в стаканчик. Протянул мне;

я взяла не глядя, стараясь только не прикоснуться к кожаной перчатке. Все. Проиграла. Навечно в кабалу... что же, никто не скажет, что внучка моей бабки опозорила род!

Я встряхнула стаканчик, не прикрывая его ладонью: не хотела, чтобы кости соприкасались с моей кожей. В звуке, с которым они ударялись о стенки, мне слышался торжествующий смех.

Ты уже наша. Ты уже проиграла.

Обойдетесь!

Резким движением я выбросила кости на изрезанную столешницу.

Я вдруг увидела, ясно, как будто вживе, огромные весы с чашами, заполненными золотом. Чаши висели ровно, не качаясь, — на обеих лежало поровну монет. И ничто не могло заставить их сдвинуться с места.

Но протянулась смуглая рука — и положила на правую чашу какой-то крошечный предмет. Он сверкнул белым, и я поняла, что это — моя монетка.

Чаши покачнулись, теряя выверенное равновесие. Что-то скрипнуло. Еще раз. И еще.

И я поняла, что это был за звук.

Это двигались звезды.

7

Нечет поднял на меня глаза. Впервые в нем прорезалось что-то человеческое.

— Это... — Он запнулся. — Это...

— Это невозможно! — поддержал его Чет. — Как ты это сделала?

— Так! — Задыхаясь, я вцепилась в столешницу обеими руками. — Это игра! Раз есть проигравший, значит, кто-то должен выиграть!

— Ты смошенничала! — Демон перегнулся через стол, и его лицо почти вплотную приблизилось к моему. — Я забираю то, что принадлежит мне по праву, — а свою душу, так уж и быть, можешь оставить себе!

— Ну уж нет! — Я почувствовала, как мои губы сами по себе раздвигаются в усмешке. — Игра есть игра. А за этим столом —

либо никто не может мошенничать, либо ни одна игра не считается действительной. Слышишь меня, Князь Игры? Это *я* забираю то, что принадлежит мне по праву! И мой тебе совет — выбирай получше тех, с кем садишься за один игральный стол!

Наверное, последнюю фразу говорить не стоило, но у меня все-таки сдали нервы. Из ниоткуда раздалось очень тихое довольное хихиканье.

Мы яростно смотрели друг на друга. Прошла вечность, но я не опускала взгляда. Наконец демон — теперь-то я видела, что с нами сражалось *одно* существо — презрительно засмеялся и отвел глаза. Одним движением он смахнул кости в стаканчик.

— Договор, — напомнила я.

Все так же презрительно улыбаясь, он выплюнул одно слово:

— Подавись.

И мне на колени упал желтый листок бумаги, скрепленный двумя подписями.

— Не дождетесь, — вежливо ответила я, скручивая листок в трубочку. Теперь я была уверена, что получила весь свой выигрыш сполна.

Демон взмахнул полой плаща, и стол, стулья, пыльное небо и ненастоящие скалы — все это исчезло, словно никогда не было. Я свалилась на землю, больно ударившись тем самым местом, на которое князья Леснивецкие любят находить себе приключения.

Да уж — и правда, папенькина кровь![1]

Чет-Нечет, Князь Игры, стоял передо мной — величественный, в развевающемся плаще, прекрасный, словно сошедший со старинной гравюры. Он посмотрел на меня, как на червя в грязи, отвернулся и бросил небрежно через плечо:

— Жизнь заканчивается, полукровка, — а вот игра никогда. Гордись победой, покуда можешь!

— Все мы смертны, — скорбно сказала я. — Но иногда — неожиданно смертны. Это особенно неприятно!

Князь Игры передернул плечами и шагнул в бездну. Он оказался неожиданно разумен и не стал уточнять, что я имела в виду.

Я встала на ноги, огляделась и нервически подхихикнула. Эгмонт и Сигурд, явно не замечая друг друга, подпирали с разных сторон один и тот же обломок скалы — тот самый, из-за которого к

[1] В даркуцких краях рассказывают, будто самый первый князь Леснивецкий сумел объегорить черта.

нам явился незваный гость. Выражения лиц у них были совершенно одинаковые. Полагаю, и я не вносила разнообразия.

Ну и к кому мне первому идти?.. Я косо улыбнулась, сделала шаг и только тогда поняла, что ноги меня не держат.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой Ялька, Сигурд и Эгмонт наконец-то добираются до Арры и наслаждаются как благами цивилизации, так и общением с золотым драконом. Появляются здесь и иные интересные личности, а Эгмонт обнаруживает тот пункт, касательно которого он совершенно согласен с официальной политикой КОВЕНа

1

Падать в обморок оказалось совсем не так приятно, как это описывается в книжках Полин. Там, в обморочной реальности, не обнаружилось ни клубящейся мглы, ни розового тумана, ни прекрасного незнакомца в маске, с розой и на вороном коне. Собственно, *там* вообще ничего не было — все интересное поджидало меня здесь.

Я очнулась и несколько секунд лежала с закрытыми глазами, прислушиваясь к многочисленным ощущениям. Болело практически все, будто после практикума по боевой магии. Имейся у меня хвост, думаю, ломило бы и его.

— Ялька... — Меня осторожно потрясли за плечо. Я мрачно прикинула, что выйдет лучше: изобразить глубокий обморок или все-таки очнуться, — и выбрала второе. — Ялька, ты живая, да?

— Ага, — просипела я. — Воды дайте.

Произошло краткое шевеление; кто-то осторожно приподнял мне голову, и в губы ткнулось влажное горлышко фляжки. «И крышку открутили, молодцы какие!» Я попыталась сделать глоток, чуть не захлебнулась, облилась водой и поняла, что с открытыми глазами жить как-то лучше.

— Дай сюда...

Сигурд безропотно передал мне фляжку. Я встряхнула ею, проверяя, много ли осталось воды — по всему выходило, достаточно, — и отпила, как полагается товарищу, ровно одну треть.

Жить стало лучше, хотя и ненамного. Вернув оборотню его имущество, я приподнялась на локтях и осмотрелась.

Похоже, я пробыла без сознания довольно долго — уже смеркалось, в небе стояла бледная луна. Насколько я могла судить, мы так и не дошли до перевала. Рядом плевался искрами небольшой костер, над которым висел родной, пускай и немножко помятый, котелок. Оттуда исходил умопомрачительно вкусный запах. Я сглотнула; очень хотелось есть, и непременно — чего-то жидкого и горячего. В идеале хорошо бы еще чего-нибудь сладкого, да где ж его возьмешь?

Сигурд помаячил надо мной и сел, пытаясь закрутить фляжку. Крышка все время шла косо, и оборотень, шипя, вертел ее туда-сюда. Наконец количество перешло в качество — фляжка закрылась как надо. Тут Сигурд вспомнил, что он тоже хочет пить, и вновь открутил крышку. Я молча следила за его действиями, гадая, кто сдастся первым: оборотень или резьба.

— Сигри, дай фляжку, — подал голос Эгмонт.

Я осторожно повернулась к нему. Маг — бледный и осунувшийся — сидел слева от меня. Под глазами у него залегли такие роскошные синяки, какие у живого человека я наблюдала только один раз: в зеркале, перед последней пересадачей у Шэнди Дэнн. Допив воду, Рихтер одним точным движением закрутил фляжку и протянул ее Сигурду.

— А проку? — мрачно сказал волкодлак. — Все едино откручивать, когда воды набирать.

— Так это когда еще будет, — оптимистично ответил Эгмонт.

Сигурд молча встряхнул фляжкой. Внутри жалобно булькнуло.

— Есть хочу, — сказала я на правах самой больной и несчастной. Подумала и добавила: — Очень.

Не мне одной хотелось горячей пищи: в котелке оказался кулеш из пшенки, грибов и остатков ветчины. Мало этого, оборотень не пожалел даже шматка копченого сала, на который раньше никому не давал посягнуть. Помнится, мы с Эгмонтом еще интересовались, не из Хох-ландии ли происходят уважаемые предки Сигурда...

Я выскребла остатки своей порции и осторожно прислушалась к ощущениям. Ощущения были самые восхитительные. Тут мне

припомнился некий осенний практикум, на котором мы отрабатывали волну Эллер-Минца, и я вкрадчиво намекнула:

— Эгмонт, а Эгмонт... Эликсирчику бы сейчас! Помнишь: осень, практикум, волна Эллер-Минца? Или ты все тогда выхлебал?

— Вовсе даже не все! — оскорбился Рихтер. — Я еще нового сварил!

— А, тогда не надо, — быстро отказалась я. — Знаешь, мне что-то уже не хочется. И вообще, я только жить начинаю...

— Ну не сварил. Купил.

Я приподняла бровь.

— Подарили! — процедил сквозь зубы весь красный Эгмонт.

Мы с Сигурдом развлекались вовсю.

— Ну, если подарили... — первым бальным голоском протянула я. — Тогда так и быть, давай сюда — продегустируем!

Вообще-то эту фразу надлежало говорить четвертым бальным голоском, но успехи мои были скромны, и дальше первого я так и не продвинулась.

Рихтер вытащил откуда-то металлическую фляжку и — я обиженно фыркнула — мерный стаканчик. Не обращая на меня ни малейшего внимания, маг налил в стаканчик ровно по вторую зарубку, а сам глотнул из горла и передал Сигурду.

— Так нечестно! — завопила я. — Дискриминация по этому... как его... гендерному признаку!

— Научили на свою голову, — пробормотал Эгмонт. — Пей давай, а то там чай стынет!

— С молоком? — с надеждой спросила я.

— С медом! — отрезал Рихтер.

В горах темнеет быстро. Когда мы допивали чай, уже стояла ночь. В небе ярко горели крупные звезды. Казалось, они были рассыпаны довольно далеко друг от друга, но стоило присмотреться — и в бархатной черноте вдруг вспыхивала незамеченная искорка.

Мы находимся в самом сердце мира... Эта мысль мелькнула и пропала, не оставив после себя ничего, кроме тихого умиротворения. Прищурившись, я смотрела на огонь и думала о том, что скоро все закончится. Закончится непременно хорошо! Если таковы Драконьи Горы, то с драконами, наверное, все же можно догово-

риться. И Аррани Лерикас вряд ли выгонит тех, кто вытащил ее подданного из тюрьмы пострашнее ковенской...

Кстати, а где договор?!

— Яльга, Эгмонт... — как-то неловко начал Сигурд. Я перевела на него слегка замутненный взгляд; будто прочтя мои мысли, оборотень вытащил из-под куртки тот самый желтый лист бумаги, свернутый в трубочку. — Я хочу... я должен... да давно уже вообще-то...

— Сигри, — прервал его маг. — Здесь не то время и не то место. И потом, ты нам ничего не должен. Правда, Яльга?

Я кивнула не раздумывая. Если бы речь шла не о Сигурде, я непременно захотела бы выяснить, каков был предмет сделки, — но речь шла именно о Сигурде, и Эгмонт, разумеется, прав. Что бы ни произошло между оборотнем и Князем Игры, я знала точно: Сигурд не искал выгоды, а обстоятельства... обстоятельства бывают разными. Кому это знать, как не бывшей бродяжке!

— Дай мне это, Сигри...

Оборотень переложил договор из одной руки в другую, помедлил, но потом все же протянул его мне. Желтоватая, уже помявшаяся бумажка... я подожгла ее от костра и держала до тех пор, пока это было возможно. Дождавшись, пока сгорит последний клочок, я отряхнула руки от пепла и сказала, цитируя почти дословно:

— Мало ли что с кем может случиться! Ты, Сигурд, не думай, мы тебя все равно любим. Правда, Эгмонт?

Маг, уже привыкший к роли истины в последней инстанции, ограничился царственным кивком.

2

Всю ночь мне снилась золотая лестница без перил. Повиснув в бесконечной бархатной темноте, она уходила из ниоткуда в никуда, и никто не мог бы пройти по всем ее ступеням. Сон был странный, но именно что сон — без намека на какое-то магическое содержание. После предыдущих снов он мне даже понравился.

Перевал мы прошли как-то обыденно — утром, еще до полудня, не встретив ни демонов, ни драконов, ни поминаемой Сигурдом Великой Арведуэнн. Основной горный массив остался чуть сбоку, а мы прошли самым коротким путем. Тропа бодро побежа-

ла вниз. Лиственный лес понемногу стал сменяться хвойным. В основном это были сосны, и какие сосны! — высоченные, прямые, с красными стволами и длинными разлапистыми ветвями. В воздухе запахло смолой. Солнце просвечивало сквозь ветви, ярко обрисовывая каждую хвоинку.

— Дня через три будем в Арре, — радостно объявил Сигурд. — А я того, на секундочку...

Прежде чем мы успели что-то ответить, он сменил ипостась и нырнул в придорожные кусты — только хвост мелькнул. «Знакомиться пошел», — всплыла какая-то полузабытая цитата.

— Может, зайца добудет, — вслух размечталась я.

— Может, и добудет... потом, к вечеру. Дай человеку порадоваться: он все-таки домой вернулся.

Я глубокомысленно хмыкнула.

Некоторое время мы шли молча, искоса поглядывая друг на друга. Я чувствовала себя не в своей тарелке, но никак не могла понять почему. Несколько раз я порывалась начать разговор, но всякий раз тема казалась какой-то глупой. Мрыс, как не хватает Сигурда! Не мог до Арры потерпеть, что ли!

— Так, Ялька, — Эгмонт вдруг остановился, — погоди секундочку.

Я испугалась: и этот туда же! Махнет сейчас хвостом, и останусь я одна-одинешенька с тремя лошадьми... Но маг не стал превращаться ни в волка, ни в василиска. Он подошел к высокому кусту, раздвинул колючие ветви, и я увидела в глубине множество крупных ягод.

Это была малина — честное слово, лесная малина! Запах стоял такой, что я только диву давалась, как могла пройти мимо и ничего не заметить. Ягод здесь было столько, что хватило бы на всю Академию, и немножко осталось бы медведям.

Собирать малину вдвоем оказалось куда удобнее, чем в одиночку. Эгмонт плечом отводил колючие ветви, а я быстро обирала ягоды. Две, три, горсть... я остановилась, пытаясь сообразить, куда девать добычу, и Эгмонт молча подставил мне ладони, сложенные лодочкой.

Дело пошло гораздо веселее. Самые помятые, помятые с одного боку, чуть-чуть недозрелые, переспелые, ну и весь прочий брак я, разумеется, отправляла сразу в рот. А что? Это извечная привилегия сборщика. Потом мне стало немножко стыдно — у Рихтера руки были заняты коллективной добычей, — и я щедро сказала:

— Давай теперь я подержу!

Маг осторожно пересыпал малину из своих ладоней в мои. Как мы ни старались, а давленых ягод стало больше, и Эгмонт не преминул этим воспользоваться.

— А у вас на Западе малина растет?

— Растет, конечно. Что ей сделается!

Мы азартно объедали уже второй куст малины, когда из кустов на другой стороне тропы выбежал знакомый белый волк. Белый-то белый... я присмотрелась и поняла, что вернее называть Сигурда светло-серым. Хотя, может, если его помыть...

Да нам это всем не помешает.

— Вы, ребята, того, без фанатизма, — незнакомым голосом сказал знакомый волк. — Это ж как-никак лесная малина. Как бы не поплохело. Мне-то не жалко, вон ее сколько растет...

Я не выронила ягоду только потому, что была адепткой, — а адепты своего никогда не отдадут.

— Ну ладно, я побежал, — обтекаемо закончил волк и бесшумно исчез в кустах.

Я помотала головой, Эгмонт философски пожал плечами и продолжил собирать малину.

— Что это было? — спросила я через пару минут.

— Аборигены, — коротко ответил Рихтер.

Я подумала. Подумала еще раз. Ну и ладно! Что мы, оборотней не видели?

Малины и впрямь было много, но, похоже, мы съели всю крупную и сладкую, осталась только мелкая и кисловатая. Мы выбрались из кустов на тропинку и долго вытирали травой липкие от сока ладони. «Может, Сигурду оставить было надо?» — запоздало задумалась я, но тут же сообразила, что оборотня еще поймать для начала нужно — и по возможности нашего, правильного.

— Знаешь, о чем я все время думаю? — вдруг спросил Эгмонт. Я помотала головой. — О демоне игры. Получается, его все-таки можно обмануть?

— Ты это о чем?

— Ты сказала, что я тебе должен, и он поверил. — Маг смутился и поспешно добавил: — Не то чтобы я одобрял твой поступок, но...

«И кто из нас магистр?» — хотела вопросить я, но вовремя смекнула, что от магистра до декана один шаг, а вот тогда трудно будет оспорить его право одобрять или не одобрять мои поступки.

— С чего ты взял, что я его обманула? Сказала чистую правду.

Маг недоверчиво прищурился.

— И что я тебе должен?

— Деньги, разумеется. — Я слизнула с запястья капельку сока. — Другой ставки он бы не принял.

Несколько мгновений Эгмонт сосредоточенно вспоминал.

— Когда это я успел тебе задолжать?

Снег за окном; дрожащие огоньки свечей; эльфийский шелк, зеленый, как весенняя трава...

— А сам, значит, уже не помнишь? Так-так-так... — Я демонстративно скрестила руки на груди. — А кто мне место ассистента предлагал? Кто зарплатой соблазнял? Я, может, под эти деньги уже кредит в гномьем банке взяла!

— Так-таки и взяла?

— Почти совсем взяла!

— И на что, интересно знать? На амулеты, на книги или на очередного мгымбра?

— На улучшение жилищных условий, — гордо ответила я фразой из подслушанного разговора двух незнакомых гномов. — Под хороший, заметим, процент! Так что я никого не обманула и себя обмануть не дам! И не надейся!

Какое-то время мы шли молча. Эгмонт, судя по сосредоточенному лицу, производил в уме какие-то вычисления.

— Как только вернемся в Академию, — наконец сказал он, — я обращусь к магистру Зираку. Он точно знает, сколько я тебе должен заплатить. Но хочу вам сказать, студентка Ясица, что на означенные деньги вы сможете претендовать, только после... только если... короче, только в случае успешной сдачи сессии! Вопросы есть?

— Как скажете, магистр, — кротко ответила я. — После сессии так после сессии... даже лучше, процентик нарастет...

— Гномов у тебя в роду не было?

— Ой, не знаю... да кого там только нет!

Странные у них тут в Конунгате секундочки. Эта конкретная длилась до самого вечера. Сигурд объявился, когда мы уже развели костер и расседлали лошадей.

— Хорошо-то как! — Оборотень с размаху шлепнулся рядом со мной и, повозившись, положил голову мне на колени. — До-ома... Соснами пахнет... А что у нас на ужин?

— Заяц, — мрачно сказала я. — Ты же ведь о нас позаботился.

— Я о вас всю дорогу заботился! — отбрехался Сигурд. — На семь лет вперед ужинов наготовился! Как хочешь, Ялька, теперь твоя очередь.

— Да ладно... — Я аккуратно сдвинула оборотня и встала. — Не говорите потом, что я вас не предупреждала.

— Давай-давай, — поощрил меня волкодлак. — Я, если что, уже сытый. А Эгмонту не привыкать.

Я внимательно посмотрела на волка. Тот слегка занервничал.

— Эй, ты чего?

— Сигри, а это точно ты? То есть ты наш Сигри? А чем докажешь? Наш от еды никогда не отказывался!

— Потому и не отказывался, что сам готовил, — пробурчал волкодлак. На всякий случай он перебрался поближе к Эгмонту и уже оттуда добавил: — Вот картошки я бы поел. Круглой, со сметанкой, с солью... м-м-м...

Я мигом навострила уши.

— Эй, Сигри! А что, у вас картошка разная бывает? Ну раз круглая есть, то может, и квадратная найдется? Или... хм... треугольная?

— Сама ты, Ялька, треугольная! — оскорбился волкодлак. — Пирамидальная, мрыс эт веллер!

Эгмонт, сообразивший, что об ужине все позабыли, примирительно положил руку оборотню на холку.

— Сигурд, да городская она, что с нее возьмешь! — Из уст Рихтера это прозвучало как-то даже оскорбительно. Я насупилась. — Круглой, к твоему, Ялька, сведению, называют картошку, варенную неочищенной.

— И откуда вам, граф, это известно? А, деревенский вы наш?

Маг улыбнулся — причем было видно, что улыбается он не мне, а чему-то давно забытому. Я насупилась еще больше.

— Не всегда же у меня был свой замок. Квартировал я как-то у одной... — Эгмонт споткнулся, посмотрел на меня, на Сигурда и изящно закончил: — ...милой дамы.

— Хм, — хором сказали мы с Сигурдом.

Теперь насупился уже Эгмонт.

— Ялька, мы есть будем? — спросил он. — Или продолжаем болтать до утра? Мужчин, чтоб ты знала, иногда надо кормить. Это если ты все-таки собираешься хоть когда-то выйти замуж.

Я изумилась. И этот человек обвинял меня в непоследовательности? Да я хоть раз выказывала намерение выйти замуж? Я ж не Полин, в конце концов! Но озвучивать эту мысль вслух я не стала. Если Эгмонт захочет, он и сам прочтет. Магистр он или где?

— Будет тебе ужин, — пообещала я, извлекая сумку из пятого измерения.

Мы поужинали хлебом и сушеным сыром. Сыр был жестким, страшно копченым и связанным в косички. Эгмонт грыз и морщился — похоже, ему досталась самая соленая косичка.

— Зато питательный! — оправдывалась я.

— Молчи уж, — ответил Сигурд и ободряюще добавил, обращаясь к Эгмонту: — Ничего, Арра уж недалече! Там по-человечески поедим. Матушка у меня так готовит — пальчики оближешь!

Оставалось надеяться, что до Арры мы доживем.

Меня, что характерно, никто утешать не торопился.

3

— Ну что, далеко еще? — безнадежно спросила я, прихлопнув очередного комара.

Над ухом уже вились три других — не знаю, как в этом лесу обстояло с волкодлаками, но комарам здесь точно было раздолье. Более того, комары эти явно читывали те же трактаты по тактике, что и Генри Ривендейл. Атаковали они, во всяком случае, грамотно, по науке — пока пара-тройка тварей отвлекала мое внимание настырным зудом, остальная стая налетала с флангов и поспешно наносила противнику максимальный урон.

— Да близко уже, — бодро ответил волкодлак. Кажется, он был рад и комарам — как же, свои, родные!

— А скоро дойдем? — не отставала я.

— Минут пятнадцать.

— Сигри, меня за пятнадцать минут совсем доедят...

— Что-нибудь да останется, — резко перебил Эгмонт. — Хватит ныть, Яльга, ты уже в пятый раз спрашиваешь.

— В четвертый, — буркнула я справедливости ради и замолчала.

Сигурд недоуменно покосился на друга, тот сделал вид, что не заметил.

Я сердито прихлопнула комара. Собственно говоря, я прекрасно понимала, чем вызвано раздражение Эгмонта, — уж никак не моей надоедливостью, ибо раз уж за два семестра не прибил, так и дальше вытерпит. Наш путь был уже пройден, мы находились буквально в двух шагах от цели — цели, которую, как мне порой казалось, мы никогда не сможем достигнуть. Мы прорвались через ковенские заставы, миновали Старые Земли, прошли Драконий Хребет и одолели демонов, целых двух, а этим не каждый похвастаться может. И теперь нам предстояло узнать, не зря ли мы все это сделали.

Это Сигурд возвращался домой. Мы шли в неизвестность, и с каждым шагом неизвестность становилась все ближе. Мне... мне тоже, если честно, было несколько неуютно. Я в жизни не видела золотого дракона, да и с правителями никогда не встречалась. Разве только Ричард Ривендейл...

Понимая все это, я шла молча и не настаивала на немедленной сатисфакции, тем более что настаивать было незачем — Эгмонта я знала как облупленного и смело предполагала, что трагическая пауза затянется не дольше двух с половиной минут.

— Ты... — начал Рихтер на исходе второй минуты, но договорить не успел.

Сигурд вдруг остановился с таким видом, будто напал на след. Будь он в волчьем обличье, я сказала бы, что у него шерсть встала дыбом. Мы с Эгмонтом быстро переглянулись, и я шагнула назад и чуть вбок. Кто его знает, какая тварь может бродить в этих лесах! Правда, некрасиво выйдет, если мы примем за врага обычного волкодлака...

В ближних кустах что-то зашевелилось и зашуршало. «Медведь!» — мгновенно промелькнула у меня паническая мысль, но тут ветки раздвинулись, и на тропинку вылезла растрепанная девица лет семнадцати. Увидев нас, она издала короткий нечленораздельный возглас и принялась торопливо приглаживать волосы свободной рукой.

— Айе виргас! — обрадованно воскликнул Сигурд, соскучившийся по соплеменникам. Впрочем, покосившись на нас, он выдал перевод: — Приветствую тебя...

— И тебя также, — откликнулась девица на чистейшем лыкоморском языке. Она с любопытством покосилась в нашу сторону,

и я вдруг сообразила, что так и стою с поднятыми в атакующем жесте руками.

— Рады приветствовать прекрасную виргас, — коротко сказал Эгмонт.

Я кивнула. Девица, хмыкнув, потерла царапину на щеке. Средний палец у нее был обмотан какой-то тряпочкой.

— За прекрасную, конечно, спасибо, но обычно меня зовут Вэллари. А вы кто?

— Сигурд дель Арден, — с готовностью представился волкодлак. — Вот это — Яльга Ясица, а это — Эгмонт Рихтер. А ты — Вэллари даль...

— Так мы с тобой, получается, родственники! — обрадовалась оборотница. — И твою матушку, уважаемый Сигурд, прекрасно знаю. Сигрун даль Арден с Западного конца, верно?

— Верно. — Оборотень приосанился. Юная соплеменница оказывала на него весьма правильное влияние. — И с какой же стороны...

— В вашем доме все хорошо, — серьезно сказала девица. Она, кажется, не расслышала вопроса Сигурда, а повторять оборотень не стал.

— Как в городе? Все в порядке? Как новый конунг?

Оборотница чуть замялась. Она явно не знала, как отвечать на такие сложные вопросы.

— Да все вроде бы как надо... — неуверенно протянула она. — Гномы давеча приезжали, забавные такие...

У меня тоже имелось множество вопросов, но я благоразумно держала их при себе, решив не пугать юное создание — ей одного Сигурда хватит, с его патриотическим настроем. Но раньше мне не доводилось видеть оборотней-женщин, баек же про них ходило много, и я, не в силах сдержать любопытства, осторожно рассматривала случайную собеседницу.

Как я уже сказала, на вид ей было лет семнадцать. Среднего роста, с русыми волосами, заплетенными в косу, в простеньком платье чуть ниже колен — и как ее только комары не съели?! — она в общем-то не особенно отличалась от своих лыкоморских ровесниц. Впечатление усиливали светлые веснушки, чуть вздернутый нос и густые брови — их обладательница слыхом не слыхивала о межинградском стандарте «в ниточку». Как в любом оборотне, в ней ощущалась вторая ипостась, но ее волчица, наверное, была

лохматой, чуточку нескладной, с длинными лапами и влажным любопытным носом.

Тут я поймала взгляд девушки и чуть смутилась. М-да. Кто бы тут распространялся про любопытный нос.

— Ежели вы до Арры, так нам по пути, — сообщила она. — Травы уже все едино собрала... вон полная корзинка...

В подтверждение своих слов Вэллари — я вспомнила ее имя — помахала этой самой корзинкой, и Сигурд на лету поймал выпавший оттуда пучок трав, обмотанный синей ниткой. Оборотница быстро улыбнулась и опустила ресницы. «А времени-то она не теряет!» — не без уважения подумала я.

— Идемте, господа, — нарушил идиллию Эгмонт. — Солнце садится.

4

Вэллари шла впереди, чуть помахивая корзинкой, за ней следовал Сигурд, за ним — я, замыкал процессию Эгмонт, хмурый и недовольный жизнью. Солнце и в самом деле уже клонилось на закат, но на комаров, к сожалению, это никак не повлияло. Очень хотелось поскорей куда-нибудь дойти. Я устала, проголодалась, хотела пить и вдобавок чувствовала себя очень грязной — наверное, по контрасту с чистой и пушистой оборотницей. Спрашивать ни о чем не хотелось, даже пресловутый вопрос: «Ну скоро или нет?» — забился куда-то далеко и не подавал признаков жизни.

У Сигурда с девушкой разговор тоже не клеился. Она тихонько насвистывала, он бодро вертел головой по сторонам, и я представляла, какое довольное у него сейчас лицо. Еще бы. Столько лет дома не был, а тут вдобавок и соплеменница симпатичная. Оборотни рано входят в брачный возраст, так что девушки вроде Вэллари здесь наверняка считаются невестами...

Очень хотелось есть, и мысли о быте волкодлаков против этого почти не помогали. Мне вдруг будто въяве представилась запотевшая кружка с молоком, и я срочно стала подыскивать другую тему для мыслей. Нехорошо, если гостя слышно за полверсты по голодным воплям его желудка.

Если эта девчонка вполне нормальная — ни клыков, ни шерсти, ни кровавого блеска в глазах, — так, может, и Лерикас Арр-

ская окажется не хуже? В конце концов, я с магистром Буковцом договаривалась, а она же не магистр Буковец! Рихтер у нас — тот вообще дипломат... по крайней мере, должен быть дипломатом. Граф он или кто, я вас спрашиваю?

Я неожиданно вспомнила обложку той книги, на которой Аррани была изображена в кольчужном бикини. Стало как-то не по себе. Дыма без огня не бывает, верно?

Вэллари издала странный сдавленный звук. Я немедленно задумалась, что бы это могло означать.

Если бы не спутники, Сигурд бы помчался к дому со всех лап — места кругом были настолько знакомые, что аж сердце щемило. Под той сосной он в детстве закапывал клад. Вон под той — целовал Виленку с Нижней улицы. А вот у того камня ему пытались начистить физиономию три Виленкиных поклонника, ради такого святого дела решивших объединить усилия...

Впереди ждал дом. Ждали мама, отец, сестра и братишки. Сигурд вспомнил, как он уезжал из Арры, как гордо смотрел сверху вниз, из седла... он был тогда даже не волчонком, а щенком. Но он правильно сделал, что уехал. Мужчина и воин должен покинуть дом — хотя бы для того, чтобы потом вернуться.

Мама... Как же она обрадуется, когда он вернется! Обрадуется, а потом обязательно скажет, что все приличные люди в его возрасте давно имеют семью и волчат — ну хоть одного наверняка! — а вот ее старший сын... И будет, как всегда, права.

Сигурд не удержался и украдкой глянул на Вэллари, идущую на три шага впереди. Вон какие замечательные девушки выросли в Арре за время его странствий! Он многое повидал: и человеческих женщин, и эльфиек, — но девушки его народа, конечно, были краше всех. Взять хотя бы эту. И стройная, и крепкая, и волосы какие густые, а ресницы!.. На пол-лица тень отбрасывают. И хозяйственная — в травах хорошо разбирается. Мама бы такой помощнице только обрадовалась.

Увы, судя по тоненькому обручальному кольцу, Вэллари радовала чью-то другую мать. Но погрустнел Сигурд совсем ненадолго: он отлично понимал, что если первая встречная виргас, да еще и с кольцом на пальце, действует на него таким вот образом, — значит, ему и в самом деле пора обзаводиться семьей.

Эгмонт шел, слегка сутулясь и прихрамывая на обе стертые ноги. Раньше он был лучшего мнения о гномских сапожниках. Раньше он о многом был значительно лучшего мнения.

Он думал о том, что, если его не обманывают предчувствия — а они его до сих пор еще ни разу не обманывали, иначе какой он, к лешему, эмпат и магистр? — все скоро закончится, и закончится совсем не так, как думалось вначале.

Еще он думал, что Яльге непременно надо зачесть практику по предмету плюс еще бестиологию и историю боевой магии. А вот алхимию — нет, пускай Эльвира ее оставит на переэкзаменовку. С лечебными зельями у Яльги отношения гораздо хуже, чем с боевыми заклятиями. Это становится уже нехорошей традицией для боевого факультета, а с нехорошими традициями надо бороться.

Отпуск опять сорвался. Не считать же таковым полуторамесячные блуждания по северо-востоку Лыкоморья! Свои законные три недели он точно заслужил и выбьет их у начальства — хотя бы в конце лета. Яльга как раз закончит сдавать экзамены, можно будет свозить ее в графство, показать знаменитый донжон. Она много раз говорила, что хотела посмотреть на какой-нибудь замок.

Сигурду, наверное, донжоны не особенно интересны — он же оборотень, они существа лесные, а не башенные. Его можно пригласить немного попозже, а то его семья этого Рихтеру не простит. У Яльги семьи, помнится, нет. Или есть? Это надо выяснить подробнее.

Честно говоря, сам Эгмонт так и не успел толком обжить старый замок и ощущал себя там этаким заблудившимся экскурсантом. Но сейчас он вдруг явственно представил, как водит Яльгу по залам и лестницам, показывает шпалеры, помогает взойти на смотровую площадку, — и почувствовал что-то странное, теплое и одновременно тревожащее, не имеющее никакого отношения к историческим памятникам Западных Земель.

Опытный эмпат, он не знал, что это такое.

5

Вэллари опять издала все тот же звук, остановилась и начала поспешно рыться в корзинке.

— Ой, — сказала она, поднимая на нас невинные глаза. — Опять забыла... Но тут дорога прямая, вы ведь и сами дойдете?

— Разумеется, — весомо ответил Сигурд.

Девушка еще раз огорченно вздохнула и нырнула в кусты. Едва ветки сомкнулись за ее спиной, как мы услышали сдавленное хихиканье, а после из зарослей с обиженным звоном вылетела стая комаров. Им, наверное, не дали спокойно передохнуть после обеда. Не сговариваясь, мы прибавили шагу.

— Странная какая-то девица, — выразил общее мнение Эгмонт. — Сигурд, у вас все девушки такие... непредсказуемые?

— Ага, — подтвердила я. — Смех без причины — признак сами знаете чего...

— Да что вы понимаете! — возмутился оборотень. — Между прочим, ум женщину только портит! Вот, например, ты, Ялька, — у тебя ума явно перебор. Хотел бы я знать, какой дурак на тебе женится?

— Идемте лучше вперед, — легкомысленно фыркнув, предложила я. — Мне есть хочется. Сигри, у вас в Арре молоко есть?

— Есть, — обнадежил волкодлак. — У нас все есть — и молоко, и творог, и простокваша.

Живот взвыл совсем уж горестно.

Но Вэллари не солгала: до Арры и в самом деле было рукой подать. Тропинка становилась все утоптаннее и шире, и в один прекрасный момент за деревьями показалась широкая дорога, вымощенная желтым кирпичом. Идти стало легче, и я приободрилась.

По сторонам дороги жизнерадостно зеленела трава, красные сосны величественно вздымали ветви к небу, а солнце ярко освещало окрестности, превращая обычный лес в практически сказочный.

— Идиллическая картинка, — заметила я, почесывая очередной укус. — Только представьте: по дороге, мощенной желтым кирпичом, идет, помахивая корзинкой, девочка Вэллари, а следом за ней бежит маленький веселый песик...

— Аррский волкодав, — уточнил Эгмонт. — Чувства юмора у собачки и впрямь не отнимешь.

Но тут дорога сделала поворот, и впереди показались деревянные стены — судя по тому, как просиял Сигурд, за ними и скрывалась цель нашего путешествия. Я машинально прикинула размер соответствующего тарана и поняла, что по лесу такую махину не протащишь. Этого у оборотней не отнять — они всегда умели строить укрепления. Я разом вспомнила все легенды, связанные с Аррской стеной. Немедленно захотелось попытаться отколуп-

нуть от нее хотя бы маленький кусочек, но это было бы по меньшей мере невежливо. Судя по тому, с каким задумчивым интересом на стену косился Эгмонт, наши мысли текли в сходном направлении.

— И что дальше? — спросила я, от греха подальше сунув руки в карманы.

— Дальше? — Оборотень просто светился от счастья, а обороноспособность родных стен была для него фактом не научным, а житейским. — Дальше все просто. Я сейчас постучу, выйдут два стражника и скажут нам что-то вроде: «Чужеземцы! Вы находитесь на земле Серого Конунгата. Что привело вас в Арру?» Где-то здесь был молоток...

— Этот? — Я ткнула пальцем в бронзовую колотушку.

Сигурд гулко постучал по воротной скобе — почти сразу же рядом с воротами отворилась неприметная дверь. Я с любопытством уставилась внутрь, но тут наружу и впрямь вышли двое стражников, двигавшихся на удивление слаженно. Чувствовалось, что им явно не впервой работать в паре и, если что, каждый знает, как именно станет действовать другой.

— Вечер добрый, иноземцы, — солидно поприветствовал нас тот, что выглядел постарше. — Вы находитесь на земле Серого Конунгата. Что привело вас... — Тут он запнулся, недоверчиво уставился на нашего волкодлака, а его младший собрат недоверчиво выдохнул:

— Дядя Сигурд?!

— Эйнар, да ты теперь стражник? — радостно удивился волкодлак. — И давно?

— Два года, — приосанился Эйнар. — Ну... почти два.

— Как семья? Сестренка уже, поди, замужем?

— Да нет еще. — Стражник хитро улыбнулся. — Пока еще нет.

— Сигурд, мы тебе рады, — вступил в разговор второй волкодлак. — Но кто твои спутники?

— Мои друзья, — уверенно сказал Сигурд.

— Люди? — Стражник чуть принюхался и уверенно сказал: — Еще и маги.

— Да, люди. — Сигурд чуть нахмурился. — А что, это важно?

— Да нет вообще-то, — пожал плечами стражник. — Но ты же знаешь, так полагается. — Он повернулся к нам. — Назовите свои имена, уважаемые гости, и цель визита.

— Эгмонт Рихтер, — спокойно сказал маг, опередив меня буквально на мгновение. — Это — Яльга Ясица, моя ученица. У нас дело к конунгу.

Стражник кивнул. Было ясно, что мы не первые и далеко не единственные, у кого к здешнему конунгу образовалось какое-то дело. Сдается, эта самая конунг пользуется просто невероятной популярностью — для того и дорогу промостили! — и стражникам уже изрядно опостылели всякие чужеземцы. Ну или просто были не в новинку.

— Что же, — чуть нараспев произнес он, очевидно, фраза была ритуальная. — Мы рады приветствовать вас в Арре, господа маги. Также мы рады возвращению Сигурда. Проходите, и да сопутствует вам удача.

— Сигурд, а почему у вас ворота закрыты? — спросила я, едва дождавшись, когда мы хоть немного отойдем от стены.

Во всех городах, даже самых маленьких, ворота открыты, пока не стемнеет. Обоз, может быть, подойдет или еще чего. Впрочем, вряд ли у Арры такие бойкие торговые отношения. Да и лес рядом, чего там только не водится.

Юные девы с корзинками, например. Или злобные комары.

— Так это ж не что-нибудь! — с гордостью откликнулся волкодлак. — Это ж Главные Врата! Через них послов водят, гостей важных, ну и так далее. Как гость подойдет, так Врата и откроют. Красиво получится. А дальше на восток есть другие ворота, так они до самой ночи открытые. Только туда идти далеко, вот я и подумал: зачем оно нам надо по бурелому бродить...

— Правильно подумал, — пробормотала я и ожесточенно поскребла ногтями укушенное запястье.

Прямо от ворот начиналась улица, выстланная широкими досками. По обеим ее сторонам виднелись домики — как правило, тоже деревянные, но попадались и каменные. Палисадники, огороды, хозяйственные постройки; у заборов бродили куры, и то там, то сям слышалось заливистое кукареканье. В канаве плавало несколько утят. Судя по всему, с живностью в Арре было неплохо, но меня немедленно заинтересовал вопрос — есть ли тут коровы, а если есть, то почему улицы такие чистые? Корова не утка, в луже плескаться не станет. Ее на пастбище гонять надо, а я сильно со-

мневалась, что даже золотой дракон способен повысить коровью сознательность.

Корова, это я знала твердо, дает два продукта: навоз и молоко. Если нет признаков одного, то есть вариант, что со вторым здесь тоже проблемы.

Я хотела прояснить у Сигурда молочный вопрос, но оборотню было не до меня. Он явно сдерживался, шагая куда медленнее, чем ему хотелось, но я все равно едва за ним поспевала. Мы прошли по улице вверх, миновав два поворота, свернули на третьем к северу и остановились у первого же дома. По мне, он почти не отличался от остальных — деревянный, в два этажа, с почти лыкоморскими наличниками, у окна растет береза, — но на лице у Сигурда была написана такая невероятная смесь эмоций, что я невольно отвела взгляд. Мрыс эт веллер, завистливо взвыла какая-то крошечная часть меня. Неужели вот это и называется «вернуться домой»? Почему, ну почему у *меня* нет дома?

Помедлив, волкодлак открыл калитку и прошел внутрь. Мы с Эгмонтом переглянулись, но Сигурд нетерпеливо сказал:

— Что вас там, василиски сожрали?

Рихтер пропустил меня вперед, потом зашел и закрыл за собой калитку. Оборотень шагнул к крыльцу, но тут дверь распахнулась — и на пороге возникла девочка лет пятнадцати, отдаленно похожая на Сигурда. Еще мгновение спустя она со счастливым визгом повисла у волкодлака на шее.

Естественно, такая акустическая атака не могла не возыметь последствий. Через несколько секунд во дворе собралась вся Сигурдова семья, включавшая помимо родителей, как выяснилось, еще двоих волчат неопределенного пола, ухитрявшихся быть одновременно во всех концах двора. Когда от них потребовали сменить облик и поприветствовать брата по-человечески, волчата оказались мальчишками лет по десять—двенадцать. Они и в человеческом облике были такие же шустрые.

Справедливости ради стоит отметить, что о нас вспомнили практически сразу.

— Сигурд, — минуты через три сказала его мать, мимоходом приструнив одного из младших сыновей, — возможно, ты представишь нам своих друзей? Хильда, оставь брата в покое, он и так устал!

— Конечно. — Волкодлак осторожно отцепил от себя сестренку. — Ольга Ясица, Эгмонт Рихтер. Люди, маги. Если бы не они, меня бы здесь еще долго не было. Возможно, вообще никогда.

Виргас серьезно склонила голову.

— Мы очень рады приветствовать друзей нашего сына. Наш дом — ваш дом. Я так понимаю, все голодны? — (В этот момент мой желудок отчетливо заурчал, и я с трудом выдавила смущенную улыбку.) — Значит, так, сначала вас надо накормить. Остальное — потом.

6

...Не далее как через час я сидела за столом напротив Сигурдовой сестренки и сосредоточенно решала вопрос, войдет ли в меня еще кусочек яблочного пирога. Посреди стола стоял высокий кувшин с холодным молоком, на который я смотрела ласковым, но сытым взглядом.

Зря говорили, что оборотни — негостеприимный народ. Так хорошо меня еще нигде не встречали, и мне было даже немного неловко. Утешало только то, что в нашей компании я негласно считалась младшей, и особенно умных речей никто от меня не ждал. Да и какие могут быть речи, когда Сигурд — сын и брат — вернулся домой?

Я была чистая, мрыс эт веллер, — о, какое же это блаженство! Вчера семья дель Арден топила баню, и сегодня понадобилось только подбросить немного поленьев. Меня как девушку пропустили вперед, а после Хильда, сестра Сигурда, одолжила мне платье — короткое, по обычаю оборотниц, едва прикрывавшее колени. Я попробовала было отказаться, но мать Сигурда сурово заявила, что, может, в Лыкоморье и принято, чтобы гости после бани в простынях ходили, так пусть в Лыкоморье и ходят, а здесь приличный дом, и нечего их перед людьми позорить. Возразить было нечего, да и кто бы мне дал!

Последние несколько лет я проходила в штанах, исключая разве что эпизод на новогоднем празднике, с наколдованным шелковым платьем. А эта юбка вдобавок была самой короткой в моей жизни, так что я чувствовала себя едва ли не Ликки. Но были у этого и отрицательные стороны: я едва не ойкнула от неожиданности, когда о мою голую щиколотку потерлось что-то пушистое.

Кое-как сдержавшись, я заглянула под стол — разумеется, это был кот, большой серый зверь с белыми чулочками на передних лапах.

Хильда то и дело поглядывала на меня через стол, не очень искусно скрывая свое любопытство. Я уже успела выяснить, что рыжих оборотней не бывает, и намекнуть девочке, что замуж за ее брата точно не собираюсь. Мальчишки больше косились на Эгмонта — и правильно, я сейчас не слишком-то походила на всамделишного мага. Я лениво подумала, что его сегодня же попросят наколдовать какую-нибудь «страшнючую штуку, и чтобы огнем плевалась».

— А мы тут в лесу девушку встретили, — бодро сказал Сигурд. Все разговоры велись на лыкоморском, причем, как выяснилось, оборотни знают его куда лучше, чем мы — греакор. — Хильда, может, из твоих подружек кто? Косища до пояса, и царапина вот здесь. — Оборотень провел пальцем по щеке. — Вэллари звать. Знаешь такую?

Хильда, подумав, помотала головой.

— А про Виленку что не спрашиваешь? — хихикнула она.

— А что про нее спрашивать? Верно, замужем?

— Ага, угадал. С того равноденствия.

— И за кого... — начал Сигурд, но закончить не успел.

В дверь вежливо поскреблись, причем не рукой, а лапой. Хильда побежала открывать и вернулась с посланцем, выглядевшим ненамного ее старше. Очевидно, в человека он превратился только в сенях, ибо выглядел слегка растрепанным, а грязные руки прятал за спиной.

— Госпожа конунг Аррани Валери, — гордо возвестил он, обращаясь почему-то персонально ко мне, — желает видеть гостей Арры, у которых есть к ней какое-то дело.

Мы переглянулись и одновременно встали из-за стола.

7

Как ни странно, конунг Валери дислоцировалась не в палатах, где от века положено пребывать любому нормальному правителю, а на площади — «естественно, Главной!», как пояснил все тот же юный гонец. Дойти до нее оказалось делом пяти минут; впрочем, я не была уверена, что рискну в одиночку повторить наш

путь, — Сигурд вел нас дворами, коротко объяснив, что так получится быстрее.

На площади было довольно людно, но, заметив нас, оборотни расступились — и впереди мы увидели знаменитый каменный трон.

Он и в самом деле был каменным — черный, маслянисто поблескивавший на солнце, вырезанный, кажется, из единого монолита, — и никогда в жизни я не видела такого сильного амулета. Точка, в которой сходятся все пути, море, в которое впадают все реки, зеркало, превращающее солнечный луч в пламя. Магическое поле вокруг него было настолько ярким, что я не сразу рассмотрела собственно материальную оболочку.

Оболочка была самая обыкновенная — высокое кресло на четырех ступенях, снабженное подлокотниками, — если бы не одна деталь. Вокруг трона, обхватив его серым кольцом, лежал огромный каменный волк. В такой позе, подогнув передние лапы и приподняв голову, любил лежать Сигурд. Вот интересно, мимоходом подумалось мне, где они только взяли камень такой волчьей расцветки?

На троне сидела женщина в длинном синем платье. Солнце светило ей в лицо, и я не стала вглядываться — подойдем поближе, увидим, а этак пялиться некрасиво. Издалека была заметна только категорически непротокольная поза: ноги скрещены, одна рука лежит на коленях, другая — на голове у каменного волка.

Мы подошли, и я увидела, как конунг непонятно зачем почесала статую за ухом. Та довольно зевнула, раскрыв широченную пасть, и продемонстрировала нам белоснежные клыки весьма скульптурных очертаний.

— Фенрир! — укоризненно прошептала оборотница; волк смущенно дернул ухом, вытянул передние лапы вперед и положил на них голову, виновато покосившись на хозяйку. «Ну, чего уж теперь? Так уж оно вышло!» — читалось в его взгляде.

Я сглотнула. Размеры животного как-то отказывались укладываться в моей голове. Если бы волк — нет, Волк! — встал на ноги, он оказался бы выше Сигурда; теперь же, лежа вокруг трона, он легко мог уткнуться носом в собственный хвост, охватив трон пушистым кольцом. Хотела бы я посмотреть на того, кто рискнет его переступить.

Что? Что она сказала?

Фенрир Волк?

— Ялька, что с тобой? — испуганно спросил Сигурд: верно, я очень изменилась в лице. Впрочем, и для него животное тоже оказалось приятной неожиданностью.

— Ничего, — деревянным голосом ответила я, пытаясь представить, каких размеров окажется Волк, когда встанет на ноги.

— Ялька, это конунг, — почти прошипел Эгмонт. — Возьми себя в руки! Ты сама заказывала собачку, помнишь?

— Ага, — машинально сказала я. — Веселенькую.

— Гости Арры, мы разрешаем вам приблизиться, — звонко сказала Валери.

Голос был подозрительно знакомый; я попыталась вспомнить, где я могла его слышать, и тут до меня дошло.

Наверное, я была бы изумлена — если бы не Фенрир Волк. Он был слишком большим и одним махом исчерпал весь мой запас удивляемости на много недель вперед. Я оторвала взгляд от его пасти и посмотрела на конунга.

Сейчас ее волосы были уложены в узел, а в серебряной короне переливался звездный сапфир. Все остальное вроде бы осталось прежним: чуть вздернутый нос, россыпь веснушек, густые брови и царапина на левой щеке. Но этой женщине было уж точно не семнадцать лет. Она была вне возраста, точно мраморная статуя. И глаза ее были пронзительно-синими, как небо весной.

Это были *драконьи* глаза.

Конунг Арры — золотой дракон. Все драконы — стихийные телепаты. Вспомнив, о чем я думала по дороге в Арру, я ощутила предательскую слабость в коленках. Мама! Да за одно кольчужное бикини меня сожрут три раза подряд!

Судя по тому, какой ужас отразился на лице у Сигурда, он тоже думал о чем-то неподобающем. Маг лучше владел собой, но и он казался слегка смущенным; и я мельком заинтересовалась, о чем именно думали мои собратья.

— Мы имеем честь лицезреть конунга Арры? — чуточку сдавленно спросил Эгмонт.

— Именно так, — по-прежнему звонко произнесла Валери. — Нам хорошо известно, что подданные соседних стран считают нас строгими, но справедливыми. Однако же наши подданные полагают, что мы в куда большей степени справедливы и в куда меньшей — строги. Подойдите же ближе, о чужеземцы, и объясните, что за дело привело вас в стольную Арру?

Все это было сказано с явным наслаждением, которого Валери даже и не пыталась скрывать. Народ кругом явственно хихикал, и я всерьез заподозрила, что со своими подданными конунг общается на более пристойном языке. Представления же, подобные этому, разыгрываются специально для варваров-людей в целях поддержания образа самовластного правителя и величественного дракона.

Я попыталась что-то сказать, но запнулась на первом же слове. Видят боги, я не знала, с чего начать; конунг благосклонно взирала на меня сверху вниз, и в глазах у нее плескался тщательно сдерживаемый смех. Бедный Сигурд, как-то заверивший меня, что своего конунга он везде узнает, потихоньку приобретал все более малиновый цвет. Большего позора для волкодлака и помыслить было нельзя; очевидно, конунг подумала о том же самом.

— Когда дракон хочет, чтобы его не узнали, его никто не узнает, — чуть мягче сказала она. — Я слушаю вас, иноземцы. Насколько я понимаю, вы оба — члены КОВЕНа?

— Нет, госпожа конунг. — Эгмонт, опомнившийся первым, шагнул вперед. — В КОВЕН входил только я — и только до нынешнего лета. Это моя ученица. И мы просим у вас защиты от КОВЕНа.

На площади разом стало тише.

— Защиты? — через несколько секунд в полной тишине переспросила Валери. — Маг людей просит у конунга волкодлаков защиты от Верховного Магистра КОВЕНа? Чего же такого вы сотворили, Эгмонт Рихтер, боевой маг экстракласса?

Мрыс, дошло до меня повторно, она же все про нас знает!

— Да, собственно, практически ничего, — хладнокровно ответил Эгмонт, и я с уважением подумала, что графство определенно пошло ему на пользу. — Всего лишь выкрали из ковенской тюрьмы нашего друга и вашего подданного.

Волкодлаки начали переглядываться. Кажется, нам все же удалось произвести некоторое впечатление.

— Два дня назад я побывала в Межинграде, — не без скептичности заметила Валери. — ковенская тюрьма стоит, как стояла. Никаких признаков взлома. Зная же КОВЕН и тамошнюю систему защиты, осуществить... э-э... подобный теракт возможно, только снеся тюрьму до основания. И то еще вопрос, получится ли.

Маг пожал плечами.

— Еще древние говорили: не стоит бояться совершенства, ибо оно недостижимо. Бояться не надо, но вот «стремиться к...» — весьма похвально. О том, что и как именно мы сделали, госпожа конунг, вам расскажут ковенцы. Они, если не ошибаюсь, будут здесь завтра утром.

— Интересно, — задумчиво сказала оборотница. — Очень интересно. Так, значит, мой подданный был заключен в ковенскую тюрьму? Магическую, как я понимаю?

— Да, госпожа конунг, — без особенного энтузиазма признался Сигурд.

Походило, что ему мало хочется рассказывать своей повелительнице о столь нехорошей странице собственной биографии. Что с того, что посадили незаконно? Факт-то все равно был!

Конунг побарабанила пальцами по подлокотнику трона, потом решительно хлопнула по нему ладонью.

— Решение принято, — твердо произнесла она. — Вы просили защиты; мы вам отказываем.

Я не почувствовала ни разочарования, ни страха — просто на меня вдруг навалилась чудовищная усталость. Получается, вся дорога до Конунгата была проделана зря?.. Хотя поесть дали — тоже неплохо. Обидно, что волкодлачий конунг оказался совсем не таким, как трубят на всех перекрестках...

— Мы отказываем вам в защите, — громче повторила Валери, — ибо защита нужна *виновным*, а их я перед собой не вижу. Сигурд дель Арден! — Ее голос вновь зазвенел, но на этот раз он отчетливо ассоциировался со звоном меча о щит. По крайней мере, ручаюсь за явственные металлические нотки. — Ты волкодлак, и ты не маг. Никоим образом ты не подпадаешь под юрисдикцию КОВЕНа. Ни одна норма международного права не предусматривает твоего заключения в магическую тюрьму. Господа маги! Конунгат в моем лице благодарит вас за восстановление утраченной справедливости и напоминает, что в данный момент вы находитесь под его юрисдикцией. Сообразно вам совершенно не о чем беспокоиться. Более того, покуда стоит Конунгат, ваша помощь никогда не будет забыта. Ну а я, как заинтересованная сторона, с нетерпением ожидаю визита представителей КОВЕНа. С большим нетерпением. Ибо мне *крайне* любопытно, что они имеют сказать в свое оправдание.

По-моему, на площади похолодало — в самом прямом смысле, ну так чего еще ожидать от золотого дракона? Конунг не хмури-

лась, на лице ее оставалось прежнее собранно-спокойное выражение, но лучше бы она метала молнии и плевалась огнем. Вот сейчас я бы ни за что не назвала ее своей ровесницей — да и не приняла бы за обычную виргас. Валери была рассержена, и рассержена всерьез.

Легенды об аррском конунге не врали. Только сейчас я поняла, что имел в виду Эгмонт, когда рассказывал Сигурду о том, как три года назад Лерикас явилась с претензиями в КОВЕН. Да. На месте Великого Магистра я бы тоже не стала спорить — даже имея за собой полсотни магов высших квалификаций. Ибо разгневанный дракон есть явление стихийное, в чем-то подобное шторму или грозе. Кто осмелится шандарахнуть молнию в ответ?

Вот интересно: мне почудилось или от трона и впрямь потянуло раскаленным железом?..

«Бедные ковенцы...» — неожиданно для себя поняла я.

8

Сдается, не я одна в полной мере оценила, что такое разгневанный дракон. Какое-то время над площадью висела звенящая тишина; смотреть на конунга было страшновато, и я стала смотреть на Фенрира, в сравнении с хозяйкой потерявшего немалую часть исконной хтонической жути. Сигурд подергал меня за рукав, я кое-как сообразила, что надо поклониться и отойти.

Наверное, конунг ушла, потому что скоро напряжение спало — так вода уходит в землю, мелькнуло непрошеное, но удивительно точное сравнение. Послышались одобрительные выкрики, кто-то хлопнул меня по плечу, быстро проговорив длинную фразу на греакоре.

— Okka, ponviro[1], — машинально брякнула я в ответ.

В Академии редко можно было услышать вампирский или гномский язык, а вот эльфы, весьма компанейские от природы, быстро собирались в кучки по национальному признаку и переходили на эльфаррин. Двух семестров, прожитых бок о бок, мне хватило, чтобы существенно пополнить словарный запас, заодно и привыкнуть, что непонятная речь почти наверняка окажется каким-то эльфийским диалектом.

[1] Да, спасибо (*эльфар.*).

Вот уж не знаю, что подумал обо мне тот волкодлак, — возможно, ему ответил Сигурд, но я этого не запомнила. Только сейчас я целиком осознала, *что* сказала нам Валери, и от облегчения у меня закружилась голова. Эта дорога пройдена, мы полностью выполнили свой долг, и больше от нас ничто не зависит. А кому и довериться, если не дракону? Я внезапно поняла, что устала от ответственности и совсем не прочь ненадолго передать ее кому-нибудь другому.

— Resse alliente, ana wiera[1], — вдруг раздалось откуда-то сбоку.

Мы с Эгмонтом, не сговариваясь, развернулись туда. Не каждый день встречаешь волкодлака, который говорил бы на эльфаррине с характерным акцентом подлинного жителя старшей эльфийской столицы.

Чуть поодаль, не смешиваясь с толпой, стоял невысокий темноволосый мужчина, возраст которого определить было очень сложно, как это обычно бывает с эльфами. На эльфа он больше всего и походил — правда, глаза его были не зелеными, а скорее серыми, и чертам лица, бесспорно, тонким и выразительным, все же не хватало какой-то мелочи до истинно эльфийской завершенности. Точно не волкодлак: в нем не было и намека на волчью ипостась. Но и эльф из него получался какой-то... половинчатый.

Собственно, главный вопрос состоял не в этом. Эльф или человек, что он делает в столице Серого Конунгата?

А еще меня очень интересовало, собирается ли он переходить на лыкоморский язык. Мои познания в эльфаррине ограничивались двумя алфавитами, десятком этикетных фраз и четырьмя простенькими ругательствами, причем братья аунд Лиррен хором утверждали, что для поддержания светской беседы этого более чем достаточно.

— Госпожа конунг приглашает гостей Арры почтить своим присутствием ее дом, — на чистейшем лыкоморском продолжил потенциальный эльф, переводя взгляд с меня на Сигурда и обратно.

На Эгмонта он старательно не смотрел, и я сразу же это заметила. Рихтер, в свою очередь, весь подобрался, будто кошак перед прыжком, только что шерсть не вздыбил и уши не прижал.

---

[1] Не стоит благодарности, госпожа (*этикетная формула, эльфар.*).

— Госпожа конунг — это хорошо, — согласился Сигурд; он выглядел спокойным, но этому не следовало особенно верить. — Госпожа конунг — это, можно даже сказать, просто замечательно. А ты-то кем будешь, мил-человек? Что не воргас, я и так вижу...

Вроде-эльф улыбнулся — то ли вымученно, то ли просто устало:

— Извините. Разумеется, я должен был представиться — Эрик. Эрик Веллен.

Он замолчал и посмотрел на Эгмонта, явно ожидая, что тот продолжит. Но маг молчал, хотя чувствовалось — ему есть что сказать. А я между тем совсем не отказалась бы послушать, потому что фамилия вроде-эльфа была мне подозрительно знакома. В Академии про него упоминали, что ли?

Надо будет «Справочник» спросить. Он, в отличие от Рихтера, если имеет что сказать, говорит это непременно, а не отделывается фразами «а это, Яльга, вы будете проходить на пятом курсе».

— Я жду, — сказал воспитанный Сигурд. — И кто ты такой, Эрик Веллен?

— Да маг он, маг, — бодро заявили из-за спины.

Я чуть не подпрыгнула от неожиданности. В Арре, надо полагать, было принято подходить к гостям сзади, причем, наверное, чем тише подойдешь, тем вежливее получится.

Но оборачиваться не понадобилось — говоривший сам вышел вперед. Первое, что я отметила: двигался он просто изумительно и у него-то как раз имелась звериная ипостась. Меньше всего мне хотелось бы встретиться с ним на узкой горной тропинке.

При ближайшем рассмотрении, однако, чувство опасности, исходившее от незнакомца, как-то притуплялось. Он здорово походил на братьев аунд Лиррен, даже волосы такие же светлые. Впрочем, нет — при всей своей любви к эпатажу близнецы никогда бы не решились прокрасить отдельные пряди в нежно-розовый цвет. Смотрелось... вызывающе, но — вот ведь что интересно! — достаточно органично.

— Я — Сим, — коротко представился он, изобразив нечто вроде укороченной версии церемониального эльфийского поклона. — Местная достопримечательность. Рад приветствовать дорогих гостей... — тут его взгляд остановился на мне, — и особенно гостью. К нам, знаете ли, прелестные юные магички нечасто заезжают.

Так уж и прелестные, хм.

— Какой еще маг? — изумленно спросил Сигурд, временно пропустив «достопримечательность» мимо ушей.

— Обыкновенный, придворный, — охотно ответил Сим. — А что? У всех придворные маги есть, и у нас свой завелся. Чем мы хуже?

— Да, коллега, — медленно произнес Эгмонт, пристально глядя на Веллена. — Я всегда знал, что вы непредсказуемы и оригинальны. Но чтобы настолько...

Личный придворный маг золотого дракона хладнокровно пожал плечами. Мол, всяко бывает.

— Ну так что? — нетерпеливо поинтересовался Сим. — Мы идем или как?

— Идем, — решил за всех Сигурд.

...Значит, Эрик Веллен.

Аррани Валери была воистину непредсказуема. При всем желании Эгмонт не мог понять, на что золотому дракону вообще сдался придворный маг, и уж тем более зачем использовать на этой должности некроманта такого класса. Волчьи конунги властны над своими подданными и в жизни, и в посмертии. Кроме того, Веллен находился на очень плохом счету у КОВЕНа, и в данном случае Рихтер был полностью согласен с Эллендаром. Согласен настолько, что если бы не имя конунга, под защиту которого они пришли...

Додумать этой мысли он не успел. Яльга вдруг хлопнула себя по лбу и остановилась. Веллен, который шел на шаг впереди, обернулся, а девушка неожиданно вцепилась в некроманта обеими руками.

— Так вы... вы тот самый Эрик Веллен, да? — выпалила она, глядя на придворного мага сияющими глазами. — Вы... да я же ведь читала ваши книги!

— Что? — очень тихо спросил полуэльф.

Эгмонт сперва тоже не поверил своим ушам. Веллен, так его растак, отличался большой любовью к науке; прежде чем оказаться вне закона, он успел издать несколько пособий по практической некромантии. КОВЕН среагировал очень быстро, и пособия были занесены в список запрещенной литературы. Рихтер сам возглавлял последний рейд по книжным лавкам и до сегодняшнего дня был свято уверен, что никакой дряни там не осталось. Но

Ялька... нет, *студентка Ясица* вполне могла откопать что-нибудь запрещенное. С нее станется.

Рихтер вспомнил пролистанную некогда книжку и похолодел. Судя по реакции Ялькы, книга ее впечатлила. Веллен весьма увлекательно и вместе с тем скрупулезно описывал свои опыты, так что повторить их смог бы, наверное, и адепт. А Ялька всегда очень быстро переходила от теории к практике.

«Дайте только вернуться, я вам такой крестовый поход устрою — внукам рассказывать будете! И в Академии все перетряхну, чтобы ни единой книги из Красного списка!.. Р-развели свободу печати, мрыс эт веллер!»

Некромант тем временем тоже погрустнел и сделал робкую попытку высвободить из цепких Яльгиных пальцев если не рукав, так хотя бы руку. Не тут-то было. Студентку Ясицу, как всегда не вовремя, обуяла жажда знаний, а отделаться от нее в подобной ситуации было крайне сложно. Эгмонт глянул на Сима — тот себе ухмылялся, с интересом наблюдая за тремя магами. Кажется, только Сигурд помнил, что их вообще-то ждет аррский конунг.

— А можно, я вам несколько вопросов задам? — наступала Ялька. Эгмонт мельком подумал, что прежде не наблюдал за ней подобного интереса к некромантии. Экзамен, между прочим, едва не завалила. — Я помню, в обеих книгах есть примечания, но кое-что и оттуда неясно...

Пора было вмешиваться, иначе они рисковали остаться на этой улочке до самой ночи. Рихтер никогда не предполагал, что станет по доброй воле помогать Эрику Веллену, но у него просто не оставалось выбора. Преподавательские интонации вспомнились сами собой.

— Студентка Ясица, во-первых, отпустите коллегу Веллена... — «...он хочет в среду обитания», едва не закончил Эгмонт. — А во-вторых, поведайте нам наконец, о каких именно книгах вы говорите.

Он очень надеялся, что сумел замаскировать свою заинтересованность, чтобы второй вопрос показался заданным вскользь. Ялька, по крайней мере, послушалась, неохотно отпустив «коллегу Веллена» и сделав пару шагов назад.

— Какие книги вы читали? — напряженно повторил полуэльф.

Странно, но он тоже был встревожен. Неужели наконец дошло, что с *теми* силами не играют?

Ялька независимо хмыкнула.

— «Нордическая мифология», — гордо поведала она. — И еще монографию про разницу между троллями Нор Эгр и Длинных Островов...

Веллен вдруг рассмеялся, и Ялька замолчала, недоумевающе сведя брови. Что до Эгмонта, он постарался ничем не выдать своего облегчения. Гора родила мышь, но он был только рад. Нет, ну кто бы мог подумать, что знаменитый некромант в свое время занимался еще и фэйриведением!

— Вот как, — сказал полуэльф, все еще улыбаясь. — В таком случае я буду рад поговорить с вами о северных фэйри... если, конечно, ваш наставник не будет против.

— Он не будет, — бодро заверила Ялька, даже не глянув на означенного наставника. — Но я правильно поняла, что у вас и другие книги есть?

Ялька не была бы Яльгой, если бы не почуяла возможной добычи. Но Эгмонт уже знал, как с этим бороться.

— А это, студентка Ясица, вы будете изучать на пятом курсе, — отточенной формулировкой ответил он. О том, что изучать адептка будет интересующий ее предмет под присмотром коллеги Дэнн, Эгмонт говорить не стал. То, о чем Ялька не знает, не создаст ненужных проблем. Всему свое время, не так ли?

Эрик Веллен быстро взглянул на коллегу Рихтера, и в этом взгляде неожиданно мелькнули хорошо скрытая насмешка и злорадство.

— Ну что, теперь идти можно? — воззвал Сигурд.

Главная площадь, естественно, располагалась на территории гарда — центральной части города, укрепленной дополнительной крепостной стеной. По сути дела, это была крепость внутри крепости, последний оплот обороны, и если я хоть что-то понимала в логике градостроительства, именно она и дала начало всему городу. В Лыкоморье такую крепость называли бы кремлеником, кремельником или кремлем.

Палаты конунга находились на северо-востоке гарда и представляли собой несколько высоких бревенчатых строений довольно странной архитектуры — все они были вариациями на тему избы, только с надстройками, сенями, галереями и башенками. Они строились в разное время, и создатели уж точно не стремились к правильности и симметричности ансамбля, — но результат,

при всей хаотичности, был довольно красив. Здания частично закрывали друг друга, а мы шли достаточно быстро, и я успела заметить только стены из круглых бревен, высокие терема с зелеными восьмигранными крышами и сказочные балкончики, отделанные резьбой, с витыми столбиками и трехстворчатыми окошками.

Эрик Веллен провел нас к первому же зданию — единственному, которое я рассмотрела более-менее подробно. Оно было не то двух-, не то трехэтажное: я привыкла считать этажи по рядам окон, а в этом доме их было два, но первый находился слишком уж высоко от земли. Подумав, я все же сочла его трехэтажным. Логичнее предположить, что на первом этаже окон вообще нет, нежели представить огромный зал высотой в два этажа с окошками под самым потолком. Два нижних яруса накрывала двускатная крыша, и с северной стороны над ней виднелся третий ярус — не то сильно выдающийся чердак, не то маленькая башенка. Он тоже был накрыт треугольной крышей и потому здорово походил на скворечник.

Мы обошли дом, и я увидела, что с торца к дому пристроена высокая лестница, которая вела, очевидно, прямо на второй этаж. Она была достаточно широкой, чтобы идти по двое. Мы поднялись на крыльцо, и Веллен открыл невысокую дощатую дверь.

«Я не ошиблась», — мелькнула мысль. Дом действительно был трехэтажный, а мы находились на втором этаже, в просторном прямоугольном зале с коричневато-красными стенами, расписанными золотом. Через частые окна падал солнечный свет. Слева от входа в углу стояла высокая круглая печь, отделанная изразцами. Вдоль стен имелись лавки, а в противоположной стене виднелась вторая дверь.

Конунга в зале не было.

Я недоуменно посмотрела на того, кто оказался ближе, — это был Сим, и он молча пожал плечами. Но почти сразу же за дверью послышались шаги. В зал быстро зашла Валери, похлопывавшая по ладони каким-то свитком.

«Может, поклониться надо?» — тоскливо подумала я. Меньше моих познаний по части этикета были только мои познания в деле изготовления лечебных декоктов. Я покосилась на спутников — они просто стояли, только смущенный Сигурд не отрывал глаз от пола.

— Господа маги, уважаемый Сигурд... — Валери-Вэллари потерла свободной рукой царапину на щеке и чуть улыбнулась. На

среднем пальце, который раньше был замотан каким-то бинтом, тускло блеснуло крупное золотое кольцо. — Так уж вышло, что утром поесть мне было некогда, днем как-то не пришлось, но хотя бы раз в сутки должен питаться и золотой дракон, иначе Арра рискует вновь остаться без конунга. В общем, как насчет ужина в тихом семейном кругу? А заодно и о делах поговорить можно.

Есть мне не хотелось, думаю, что и Сигурду с Эгмонтом тоже, — но мы находились не в корчме, а в палатах аррского конунга. Ясное дело, что ужин намечался политический. Кроме того, меня очень заинтересовало слово «семейный». На Лерикас я уже посмотрела, теперь хотелось посмотреть на Нарроугарда — главным образом, чтобы сверить с той приснопамятной картинкой.

Вот интересно, а дети у них есть?

— Для нас это большая честь, конунг, — чуть поклонился Эгмонт.

Мы с Сигурдом негласно переложили на него обязанность вести с Лерикас протокольные беседы. Валери удовлетворенно кивнула и скатала свой пергамент потуже.

— Сим, — сказала она, — а ты что стоишь как неродной? Дороги, что ли, не знаешь?

Как оказалось, дорогу Сим знал хорошо. Он провел нас по сводчатым коридорам в какую-то дальнюю комнату — не такую парадную, как красно-золотой зал, зато на порядок более уютную. Стены там были просто из деревянных досок, но доски эти были так идеально вытесаны, так плотно пригнаны друг к другу и так искусно подобраны, что рисунок одной продолжался в другой. Это не бросалось в глаза, как золотые узоры, но, если бы мне позволили, я бы не один час провела, рассматривая эти стены. Даже на вид они были очень теплыми, и я едва подавила желание провести пальцем по изогнутым линиям.

Мы расселись за небольшим столом, накрытым довольно скромно, причем у Сигурда был вид человека, которого этак запросто пригласили отужинать разочек в Вальхалле или у Эгира на дне морском. Одно место осталось свободным. Лерикас и правда была голодна: пренебрегая этикетом, она не стала дожидаться опоздавшего и преспокойно наложила себе на тарелку какого-то салата. Сим разлил вино, и конунг, не вставая, подняла кубок.

— За удачу! — сказала она, внимательно глядя мне в глаза. Отхлебнула глоток и бодро стала орудовать вилкой.

Вино было густое, и я разбавила его водой. Потом подумала и осторожно надкусила маленький пирожок.

Минут через пять в комнату вошел новый персонаж — высокий оборотень с резкими чертами лица и светлыми, почти что серыми волосами. И я невольно подобралась, потому что первой, что я в нем почувствовала, была его звериная ипостась. В отличие от всех встреченных мною прежде волкодлаков.

Я ничуть не испугалась, впервые увидев Сигурда в волчьем обличье. Да что там Сигурд! — я не испугалась целой толпы волкодлаков на площади и честно считала, что все эти суеверные россказни об оборотничьей жути суть такая же чушь, как Аррани в кольчужном бикини. Но сейчас я отчетливо понимала, насколько была неправа. Сигурд — человек, который может становиться волком. Рэнтар Нарроугард — это волк, в котором слишком мало человека.

Лерикас издала уже знакомый нечленораздельный звук и торопливо проглотила ложку салата.

— Дорогой, — прощебетала она, — у нас гости. Ты не против?

Я застыла с недонесенным до рта пирожком и, только посмотрев на изумленного Рэнтара, поняла, что нас опять разыграли.

— Что ты, любимая, — в тон ответил Нарроугард. Он обошел стол и поцеловал жену в подставленную щеку. — Когда ты женат на конунге Арры, гости — это такая приятная неожиданность.

— Это ты на что намекаешь? — грозно поинтересовалась Лерикас.

Рэнтар молча пожал плечами и занял свое место.

Я наконец проглотила тот кусочек пирога и повертела в руках остаток. Больше в меня уже не лезло, и я, воровато оглянувшись по сторонам, запихнула его под край тарелки.

— Ну что, господин магистр, — Лерикас, похоже, свыклась с тем, что ответа ей следует ждать только от Эгмонта, — какое впечатление на вас произвела Арра? Надеюсь, нам удалось вас хоть чем-то удивить?

— Госпожа конунг. — Рихтер коротко глянул на Веллена, сидевшего как раз напротив. — «Удивить» — это не то слово. Я никак не могу взять в толк, для чего золотому дракону мог потребоваться некромант такого уровня. Особенно если вспомнить, что лет десять назад на его поимку КОВЕН затратил немало сил.

— Но так и не поймал, — встрял Сим.

Заинтересованная сторона, то бишь сам Веллен, упорно не вступала в разговор, интересуясь исключительно запеченным в сметане карасем. Зато я слушала очень внимательно. Так, стало быть, не только тролли и Эгиров котел? Некромантия — мрыс с ней, а вот благополучно разрешившееся противостояние с КОВЕНом... Это да. Это интересно.

Значит, и у нас есть шанс...

На секунду я представила, как возвращаюсь в Академию. Будто въяве увидела Полин, которая выговаривает мне за взятые без разрешения зелья и отдельно — за похищенный флакончик в полосочку; элементаль, подсовывающую мне что-нибудь вкусненькое; Генри Ривендейла, которого непременно надо поблагодарить за подаренные ножи; Хельги... хотя, впрочем, Хельги благодарить явно не за что. Я вынырнула из своих мечтаний и услышала обрывок фразы Лерикас:

— ...нужно учиться теоретической магии. Я послала запрос в КОВЕН, и в качестве учителя Эллендар прислал мне господина Веллена. Мы вполне довольны друг другом, хотя я боюсь, что ему пришлось куда труднее, чем мне.

— Трудно — это мне пришлось, — опять встрял Сим. — До сих пор перелинять не могу.

Я вопросительно приподняла левую бровь, от души надеясь, что достаточно точно копирую госпожу Ламмерлэйк. Конунг — о чудо — смущенно поежилась.

— Я хотела изменить цвет обивки кресла, — призналась она, — но немного напутала с вектором. А в кресле спал Сим... И вообще, — Валери повернулась к нему, — ты тогда маленький был! Я тебя просто не заметила!

— А в кого превращается уважаемый Сим? — вырвалось у меня.

Уважаемый Сим ухмыльнулся и внезапно исчез. Раздался мягкий прыжок, и ко мне подошел, высоко держа чуть изогнутый хвост, холеный кот невероятной серо-розовой расцветки.

— Хорошо, хоть цвета выбрала геральдические, — мурлыкнул он, легко запрыгивая ко мне на колени.

— Могу и поменять, — хладнокровно парировала Лерикас. — Благо теперь я знаю, как это делается. Темно-синий с золотом подойдет?

На кошачьей морде отразился совершенно человеческий ужас.

Валери вновь посмотрела на нас.

— Если многоуважаемые гости получили ответы на все свои вопросы, я полагаю, они не откажутся ответить на несколько моих. Сигурд, — (оборотень вздрогнул и чуть не выронил кубок), — какой первый вопрос задали тебе ковенцы?

Разговор тек и тек; Аррани Лерикас оказалась недурным психологом, вытаскивая из Сигурда такие подробности, которым, кажется, удивлялся и сам волкодлак. Я слушала вполуха — эта история была мне отлично знакома. Было ясно, что отдавать нас на съедение КОВЕНу здесь не собираются, и даже Эгмонт впервые за все время немного расслабился.

Сим уютно разлегся у меня на коленях; я почесывала ему то за одним ухом, то за другим, а он тихонько урчал от удовольствия. Смеркалось, но никто не приносил свечей. Я ясно видела лицо Лерикас, которая сидела возле окна, и шестым, седьмым — каким угодно — чувством ощущала присутствие Нарроугарда. Вообще-то странная они были семья. Уравновешенный и мудрый золотой дракон — и волкодлак, не то переломанный, не то искаженный. Вдвойне же странно было то, как хорошо они друг другу подходили. Рэнтара явно не волновало, что его супруга правит Конунгатом. А Лерикас, с тех пор как он вошел, уже не казалась такой пугающе... *предвечной*.

— Ну что же, — наконец сказала конунг. Она положила ладони перед собой и еще раз обвела всех нас взглядом. — Повторю: между Конунгатом и КОВЕНом нет договора об обязательной выдаче всех, кого Эллендар считает преступниками. В подобных случаях все зависит от моей доброй воли, а сейчас она скорее злая. Вам нет нужды просить меня о политическом убежище; я сама даю его вам. Живите здесь столько, сколько потребуется. Сигурд, ты — мой подданный. Я надеюсь, и Лыкоморье, и КОВЕН успели уяснить, что моих подданных дешевле не трогать. Ступайте. Я думаю, не пройдет и недели, как все разрешится. Сим, ты и дальше собираешься там лежать?

Кошкодлак, очевидно, хорошо помнил о темно-синем с золотом. Он лениво потянулся, спрыгнул с моих коленей, а с пола поднялся уже в человеческом обличье.

— За мной, господа, — бросил он через плечо. — А ты, Эрик, останься, мне не улыбается от вас двоих улицу отскребать...

Рихтер тихо хмыкнул — наверное, оценил Симову предусмотрительность.

9

Лерикас Аррская проводила гостей взглядом. Потом встала, подошла к окну и выглянула наружу. Под яблоней темнота была гуще, чем повсюду, Фенрир Волк, свернувшись в клубок, смотрел на убывающую луну.

Стоя у окна, она повернулась к Рэнтару — темный силуэт на фоне более светлого прямоугольника.

— Скажи мне, Рэнт, — мягко спросила Валери, — неужели я тогда была такой же забавной?

— Разумеется, нет, — ответил ее муж. — Их забавность делится на троих, а тебе все досталось целиком.

ГЛАВА ПЯТАЯ,
в которой домовой фыркает, сорока разговаривает, а Сигурд обижается. Напоследок выясняется, что семейные узы крепче магических

1

Что и говорить, вечер удался. Засыпая, я пообещала себе обязательно разыскать того некомпетентного мрыса, что пустил слух о том, будто бы оборотни суть мрачные, необщительные и чрезвычайно кровожадные создания, и объяснить ему, чем наука отличается от лженауки.

Вернувшись от конунга — а дело было хорошо если в десятом часу, — мы застали дом Сигурда в разгаре приготовлений к празднеству. Кажется, изначально предполагалось, что это будут скромные семейные посиделки, но сперва подтянулись соседи, потом — дальние родственники, а потом и друзья семьи, непременно желавшие поздравить Сигурда с возвращением на родину. В доме стало тесновато, и столы перенесли на улицу.

Я не люблю шумных застолий, и этот праздник не сделался исключением, — но здесь, пожалуй, мне было уютнее, чем где бы

то ни было. Слишком много народу, это верно... зато я узнала, как на греакоре будет «привет», «очень вкусно» и «нет, я не умею этого танцевать», научилась играть на деревянной флейте лыкоморский гимн и четыре раза выслушала историю наших злоключений в разных редакциях. Я посидела бы еще, но глаза отчаянно слипались, и, заметив это, мама Сигурда провела меня в дом. В маленькой комнате уже ждала застеленная постель.

Боги, о боги! Какое блаженство — вытянуться на чистой простыне, не боясь, что за тебя примутся голодные корчемные клопы! Я счастливо вздохнула, обняла подушку и заснула. Сигурд, кажется, в пятый раз рассказывал, как мы оторвались от погони в Листвягах.

Я честно собиралась спать как минимум до полудня, но проснулась очень рано. На подоконнике лежали золотые полосы света, а с кухни доносился волшебный запах свежего хлеба. Брякнула ручка ведра, я принюхалась... так-так-так, да это же парное молоко!

Все фэйри любят молоко, и я — не исключение. Откинув одеяло, я опустила ноги на вязаный коврик. На боковушке кровати висела моя высохшая одежда; я быстренько оделась и, на ходу завязывая тесемки, босиком вышла на кухню.

На столе, накрытые полотенцами, лежали круглые булки хлеба, отдельно стояли две большие миски с пирогами. Я принюхалась: пироги были ягодные. Завтракать без хозяев как-то нехорошо, верно? Призвав всю свою силу воли, я отвернулась от пирогов и немедленно увидела два ведра с молоком — одно накрытое шапкой пены, другое просто так. Хм!

Дверь на улицу была приоткрыта, и длинная, до пола, расшитая занавесь чуть колыхалась на ветерке. Я отвернула ее в сторону и увидела, как Сигурд с граблями наперевес деловито пересекает двор.

Простучали босые пятки, и в дом забежала Хильда.

— Доброе утро! — бодро сообщила она, подтаскивая скамеечку к шкафу. — А тебе Вульфгар привет передает!

Я было замялась, но тут же вспомнила, что Вульфгаром звали лохматого паренька с флейтой.

— И ему от меня тоже...

— Ага! — Хильда, в обеих руках по горшку, уже выбежала во двор.

Вместо нее на кухню просочился счастливый трехцветный кот. Не обращая на меня никакого внимания, он прошествовал к тому ведру, на котором не было пены, одним движением приподнялся на задние лапы, положил передние на край ведра и начал быстро-быстро лакать. Шугануть или не шугануть? Я смотрела, как мелькал его розовый язык, и машинально переплетала косу.

Вообще-то надо бы ее для начала расчесать...

Кот вдруг перестал лакать и метнулся под стол. В дом вошла мама Сигурда.

— Доброе утро, — почти хором сказали мы.

Я смутилась и оттого поспешила улыбнуться.

— А ты что не завтракаешь?

— Да неудобно как-то...

— Мяу, — отчетливо сказал кот, вылезая из-под стола. Он демонстративно потерся о початое ведро и добавил: — М-мя...

Хозяйка плеснула ему в блюдце, и я рассмотрела, что в ведре находилось не молоко, а обрат — предназначенный, надо думать, для теленка. Кот был умным зверем и оттого твердо знал, на что можно посягать, а на что нельзя.

— Ты какого хочешь, Ялька, парного или вечернего? Оно холодненькое...

— Парного, — подумав, выбрала я и вздрогнула: из-за печки на меня одобрительно косился домовой.

Жизнь была хороша! Я выпила две кружки молока, съела пирог — один, зато большой — и долго расчесывала волосы, стоя на крыльце. Было еще очень рано, настолько рано, что воздух не успел еще толком прогреться, и в нем чувствовалась ночная прохлада. Зато деревянные ступеньки оказались теплыми, и здорово было ощущать это босыми ногами.

С вершины березы наперебой пищали птенцы: там свила гнездо сорочья пара. По двору величаво расхаживал петух, живо напомнивший мне Гения-Хендрика. За воротами послышалось густое мычание, и Сигурдовы братишки поспешили вывести в стадо большую рыжую корову. За нею плелся угольно-черный теленок; я не разбиралась в телятах, но его морда показалась мне очень обиженной.

На горизонте, поднимаясь над зеленой полосой тайги, вставали синие очертания Драконьего Хребта. Отсюда, с востока, он

смотрелся точно таким же, как и с запада. Мне вдруг показалось, что я вновь стою в начале пути и нам еще только предстоит пройти леса, города, горы, чтобы повстречаться наконец с конунгом Арры.

— Ялька! — окликнули меня со стороны огорода.

Я обернулась, завязывая косу тесемкой. Это был Сигурд, очень довольный, хотя и без грабель.

— Я тебе чего сказать хотел... — чуть смущенно начал он. — Вы с Эгмонтом, конечно, гости, и мне бы с вами остаться надо, да летний день весь год кормит. Мои тут на покос собрались — вон погоды какие стоят! — я поеду, помогу. А то меня и так сколько лет не было...

— Сигри, да о чем речь! — Тут я сообразила, что полезные навыки, приобретенные в Арре, могут не ограничиваться наигрыванием гимна. — А мне с вами можно?

— Да можно, конечно, только ты же гос... — Оборотень запнулся на полуслове.

Я тоже почувствовала что-то нехорошее. Так, у меня все в порядке, у Сигурда тоже — что могло случиться с Эгмонтом, мрыс дерр гаст?!

Тем более здесь, во владениях золотого дракона?

— Доброе утро, — в третий раз за полчаса услышала я и обернулась.

Маг, бледный до прозрачности, стоял в дверном проеме у меня за спиной.

— Очень доброе... — настороженно согласился Сигурд. — Эй, ты это чего?

— Ялька, куда ты дела сумку с лекарствами? — с явным усилием выговорил Рихтер.

— Теми, которые Ардис?.. Под кровать, а что такое?

— Маленький стеклянный флакон. Матовый. Синий. Кажется, убран поглубже, в какой-то карман.

— Сейчас будет, — быстро сказала я, потому что у Эгмонта был вид человека, который вот прямо здесь и сейчас упадет и умрет.

По закону подлости маленький флакон синего матового стекла был засунут на самое дно, и, чтобы докопаться до него, потребовалось время. Рихтер терпеливо ждал; помирать он пока не собирался, и я решила, что паниковать раньше времени не стоит.

— Что случилось? — повторил волкодлак, когда Эгмонт вернул мне склянку.

Склянка была действительно маленькая, Полин называла такие «порционными», но маг отпил чуть меньше половины.

— Ничего смертельного... и приятного тоже. Просто голова очень сильно болит. У магов такое бывает.

Я оценивающе посмотрела на Рихтера. Вид у него по-прежнему был весьма нехорошим.

— Что-то раньше мы такого не видели...

— Раньше я не жил в одном городе с золотым драконом. Яльга, ты-то в порядке?

— Ага, но...

— Замечательно. Сигурд, где у вас можно взять воды?

— Так, — решительно объявил оборотень, когда Эгмонт, сжимающий кружку с водой, по стеночке отправился обратно в комнату. — Ты, Яльга, точно никуда не едешь. Я...

— А ты едешь, — не менее решительно сказала я. Не нужно было быть великим психологом, чтобы понять, как Сигурд соскучился по семье. — Чем ты поможешь — шаманскую пляску изобразишь? А там от тебя польза будет...

— Нехорошо получается, — стоял на своем волкодлак. — Вы мои гости, я о вас заботиться должен.

— А мы тебе мешать не должны. Давай, Сигурд, вперед! Ты же меня не с голодным василиском оставляешь!

— Это да, — вынужден был согласиться оборотень. — Но... ты точно думаешь, что так правильно будет?

Я энергично закивала.

Через пятнадцать минут в доме остались только я, Эгмонт и кот, но и тот, подумав, выскользнул в дверь и отправился куда-то по своим кошачьим делам. Оборотни, вооружившись сельскохозяйственным инструментом, отбыли на луг, а я, плеснув себе в кружку немного молока, решила посмотреть, как там оставленный на мое попечение маг.

Маг был не очень — он сидел на постели с закрытыми глазами и массировал виски, бормоча не то заклинания, не то ругательства. Походило, что жидкость из склянки не слишком-то ему помогла.

— Яльга? — не открывая глаз, спросил Эгмонт. Я зачем-то кивнула и вдруг почувствовала, как во мне нарастает ощущение беды. — Ты уже поняла, что случилось?

— Нет. — Я облизнула губы. — Ничего хорошего, верно?

— Меня исключили из КОВЕНа, — обыденно сказал Рихтер.

2

...Что такое КОВЕН?

Еще не поступив в Академию, я полагала, что это — нечто вроде цеха, профессионального объединения, которое не дает своих в обиду, требуя за это некоторого ежемесячного взноса.

Проучившись два семестра, я пришла к выводу, что это — властная структура, призванная прежде всего ограничивать и защищать: ограничивать магов, защищать от них же. Уздечка, намордник, кандалы...

В чем-то я была права. Но в основном — ошибалась.

— КОВЕН, — сухо, как на лекции, излагал Эгмонт, — есть искусственно созданная модель общего магического поля, охватывающего всех магов, прошедших соответственное посвящение. Наряду с наблюдением и контролем в его функции входит также обеспечение целостности магического общества, предоставление доступа к общему магическому фонду и... — Он замолчал и яростно потер виски пальцами. — Мрыс дерр гаст... Все гораздо проще. Сила КОВЕНа — это нечто большее, чем сумма сил входящих в него магов.

— Но я думала, тебя исключили из КОВЕНа, как только Эллендар узнал о нашем бегстве!

— Нет. Из КОВЕНа не исключают даже тех, кто заточен в Межинградскую тюрьму, — их возможности, скажем так, становятся несколько уменьшенными, но это и так понятно. Даже Веллен не был исключен из КОВЕНа, — Рихтер не то усмехнулся, не то хмыкнул, — он туда изначально не входил. Я вне закона, Ялька, и ты — вместе со мной.

— Вот как. — Я села на коврик, вытянула ноги и отхлебнула из кружки глоток молока. Странно, но я не испытывала ни малейшего волнения — напротив, чувствовала себя этаким ожившим гномским агрегатом. Ему эмоции по статусу не положены. — И что из этого следует?

— Золотой дракон — воплощение космического порядка. — Эгмонт встал и вытащил из-под кровати свою сумку. — Очутившись вне закона, мы тем самым покинули сферу влияния конунга. Будь мы ее подданными — другое дело, но мы не ее подданные, Ялька! Того, кто объявлен вне закона, вправе убить каждый, более того, это обязанность каждого, слышишь, Ялька, — каждого! — мага.

— Хорошо, — сказала я, поразмыслив. — В таком случае мы дожидаемся Сигурда и уходим... куда?

Эгмонт осторожно повернулся всем корпусом, стараясь не двигать головой, и посмотрел на меня донельзя измученным взглядом.

— Во-первых, мы уходим сейчас. Во-вторых, мы никого не ждем.

— То есть как это не ждем?! — возмутилась я. — Сами, получается, спасаемся, а Сигурда бросаем на растерзание ковенцам?

Я хотела добавить что-то про гостеприимство — с печки, свесив ножки в лапоточках, на нас осуждающе смотрел домовой, — но Рихтер перебил меня:

— Ялька, ты ничего не поняла. Это раньше мы были в опасности, потому что были с Сигурдом. Теперь все изменилось — он окажется в опасности, если будет с нами. Мы с тобой — маги, объявленные вне закона, а Сигурд — волкодлак, который вернулся в свой город, под защиту своего конунга.

Он подумал, помассировал висок и добавил, а точнее сказать — добил:

— Сдается, вся эта каша с исключением заварилась после того, как кто-то умный сообразил, каким образом мы достали Сигурда из его камеры...

Вот теперь я поняла все и сразу. КОВЕН долго обманывался насчет моей подлинной сущности, однако невозможно было вечно водить его за нос. Фэйри в мире людей — что волк в отаре овец, а сторожевым псам неизвестна презумпция невиновности. Они просто устроят облаву и разорвут меня в клочья.

Или отправят в ковенскую тюрьму. На опыты.

Ялька, детка, что тебе больше нравится?

Хорошо, что Сигурд с семейством отправились на покос...

Сборы были короткими и не такими разрушительными, как в лавке листвягского гнома. Во всяком случае, кассу мы грабить не стали, а что отлили во флягу молока — так коту и домовому там тоже немного осталось!

Во всей Арре я знала только, где находятся палаты конунга, да еще помнила дорогу до главных ворот. Но ковенцы должны были пожаловать сюда со дня на день, а нам очень не хотелось сыграть роль этакого праздничного каравая, преподнесенного на серебря-

ном блюде. К счастью, оставались другие ворота, которые Сигурд называл Рабочими, а Эгмонт, не умевший выражаться просто, вежливо именовал альтернативными. Возник вопрос, как туда пробраться; я предложила спросить у местных, но предусмотрительный Рихтер выудил откуда-то обрывок пергамента, исчерканный записями и рисунками.

— Схема маршрута, — коротко пояснил он.

Я прищурилась, пытаясь разобрать скачущие, явно детские каракули.

Ориентиры имелись следующие: «белая собака с рыжим ухом», «старая яблоня» (каждое яблоко было вырисовано очень аккуратно и красиво), «забор в полосочку», «отломанная доска». Последней вехой значилась «свинья большая, пестрая», и вот ее неведомый картограф вырисовал очень тщательно, до последнего грязного пятнышка на ухе. Оставалось, правда, непонятным, что именно заставит свинью дожидаться нас посреди дороги в луже, — но других ориентиров все равно не было.

А, ладно, где наша не пропадала! Если что, в самом деле спросим у местных. Тут, кажется, многие знают лыкоморский язык...

Подперев щеку кулачком, домовой осуждающе смотрел нам вслед.

Кем бы ни был автор раздобытой Эгмонтом карты, свое дело он знал туго. Белая собака с рыжим ухом — матерый волкодав весьма флегматичного вида — встретилась нам за первым же поворотом. Старая яблоня обнаружилась через пять минут и два перекрестка. Иначе вышло с полосатым забором: его не было, и мы уже почти заучили порядок расположения всех окрестных заборов, когда Эгмонт вдруг заметил, что один из них блестит от свежей, еще не просохшей зеленой краски.

Зато свинья нашлась именно там, где изобразил ее художник, — в огромной луже посреди дороги. Одно из двух: либо свинья из принципа никогда не покидала этой лужи, либо дожидалась именно нас.

Свернув во второй от свиньи переулок налево, мы отсчитали шесть домов, повернули еще раз — и перед нами открылась узенькая прямая улочка, в конце которой виднелись искомые ворота.

Я недоверчиво прищурилась.

У ворот в довольно живописных позах — прям хоть в путеводитель по Арре вставляй — расположились два крупных волка, и один, что посветлее, показался мне подозрительно знакомым. Но волки в принципе все похожи друг на друга; я вспомнила того, которого приняла за Сигурда в малиннике, и немного воспрянула духом. Опять же, что наш Сигурд забыл у этих ворот? Особенно когда он так нужен своей семье! Долг и Сигурд — примерно то же самое, что Яльга и молоко.

Да и грабель нигде не видать...

Я покосилась на мага — он шел, засунув руки в карманы, и с небрежным видом осматривал окрестности. Небрежность-то меня и напугала: Эгмонт с самого утра был не особо адекватен. Если несчастные волки попытаются притормозить уважаемых гостей Арры, с него станется прорываться с боем.

И как потом прикажете объясняться с Аррани Валери?

Я цепко ухватила Эгмонта под локоток и прошипела в самое ухо:

— Играем план «Б»!

— Так у нас и плана «А» нет! — возразил было маг.

— Не столь важно, чего нет! Главное — что есть!

Дальше препираться было просто опасно. Я запихнула карту поглубже в карман, ненавязчиво посвистела и жизнерадостно сказала, не глядя на волков:

— До чего же прекрасное нынче утро! Ты согласен, милый? Лучшего дня для пикника и не подобрать!

Эгмонт, возведенный в милые, отреагировал, как подобает.

— Тебе виднее, любимая, — уныло сказал он.

— Вот-вот, и я о том же! — Я невольно покосилась на волков и увидела, что правый смотрит на меня очень нехорошо, с каким-то гастрономическим интересом. А левый просто давится от хохота.

До ворот оставалось каких-то три шага, когда правый волк поднялся, встряхнулся и одним прыжком очутился возле меня.

— Пикник, значит? — мрачно спросил он голосом Сигурда. «А может, и не Сигурда! — с надеждой подумала я. — Сигурд, наверное, и слова-то такого не знает!». — Так я вас, дорогие гости, прямиком к озеру провожу. Лучшее место, стало быть, ничего для вас не жалко!

Я нервно покосилась на него, но ничего не сказала. Кажется, Сигурд был немножко темнее. Опять же, вчера баня была. Но грабли, грабли-то где?

Ладно, Сигурд или не Сигурд — там разберемся. Главное — выйти за ворота.

— Удачной охоты! — крикнул в спину второй волкодлак.

— И вам тако же, — невпопад вякнула я.

3

Дорога за воротами тоже была альтернативной: кривая, заросшая лопухами, вся в выбоинах — не сравнить с той, из желтого кирпича. Споткнувшись в третий раз, я почувствовала себя как дома. Ну наконец хоть что-то нормальное, человеческое. А то, понимаешь, чистенькие мостовые, аккуратные домики... свинья посреди улицы — и та на своем месте! «Да где ж это видано, люди добрые!» — как говаривала моя элементаль.

Вероятный Сигурд молча трусил впереди, то и дело перепрыгивая колдобины и ямы. Вокруг смыкались мрачные ели; ворота Арры давно остались позади, и к исходу третьего или четвертого часа мои нервы стали сдавать. Обещанного озера что-то не было видно, да и не сильно мне туда хотелось.

— Куда ты ведешь нас, отважный герой? — вполголоса процитировал образованный Эгмонт.

Я не знала, какому эльфийскому поэту принадлежит эта фраза, но не замедлила ответить чеканной народной формулировкой:

— Идите вы к мрысам, я сам здесь впервой! Сигурд, ты вообще Сигурд или как?

Волк остановился. Повернулся. Сел посреди дороги, аккуратно разложив хвост, и обвел нас все тем же нехорошим взглядом.

— Ну я-то, положим, Сигурд, — мрачно сказал он. — А вас, интересно, как называть?

Последовало долгое молчание в лучших традициях классического театра.

— Я к ним... ладно, опустим... со всей душой, а они? Тайком, да через задние ворота! Как я людям в глаза теперь смотреть должен? Друзья, называется!

Не выдержав, оборотень вскочил на все четыре лапы и нервно заходил по дороге. Я водила за ним глазами туда-сюда, пока Сигурд не остановился прямо передо мной.

— Ну! — требовательно сказал он. — И чем я вас так обидел? Отчего вам в моем дому не пожилось?

— Это долгая песня, Сигурд, — устало сказал Эгмонт. — И тебя она, хвала богам, не касается. Это дело мое, Ярьги и ковенцев. Кем бы я был, если бы навлек беду на твой дом и твою семью?

Сигурд тихо зарычал — впервые за все время нашего знакомства. С этим надо было что-то делать; я присела на корточки и неуверенно протянула руку к нему.

— Сигри, подожди! Я сейчас объясню, только успоко... ой!

Я едва успела отдернуть руку — клыки щелкнули у самых пальцев. Зубы у Сигурда были крупные, желтоватые, и их оказалось до ужаса много.

— Ты что, с ума спятил? — заорала я, не сдерживаясь. — Я ведь и обидеться могу!

— Ты? — оскалился волкодлак. — Ты еще и обижаешься?! Мрыс дерр гаст! Да ты!.. Да вы!.. Да я!..

Сообразив, что волчья шкура дает меньше возможностей для выражения эмоций, он быстро сменил облик, обошел меня, как пенек какой-то (хорошо хоть не перепрыгнул!), схватил Эгмонта за грудки и начал мерно потряхивать, приговаривая:

— Ваше дело, получается, да?! А кем я себя должен считать?! Хвост поджал, в нору забился, ага? За материну юбку ухватился? Друзей забыл, пущай их ковенцы жрут, пока не подавятся?! Да?! Вот, значит, за кого вы меня держите?!

Умный Эгмонт даже не пытался что-либо возразить. Я дождалась, когда оборотню надоест трясти безмолвного мага, и осторожно подергала Сигурда за полу рубахи.

— Ну?! — рявкнул волкодлак.

— Ты как знаешь, Сигри, — спокойно сказала я, — только учти: Эгмонта с самого утра тошнит. Я его своими зельями отпаивала, но пока не помогло. Мне-то что, я отойти успею...

— Тьфу на вас, — злобно высказался Сигурд, но Эгмонта на землю поставил осторожно, как стеклянного, и очень быстро отбежал в сторонку. Там он остановился, скрестил руки на груди, насупился и стал до крайности похож на бронзового князюшку подкузьминского производства.

— Есть хочу, — прибегла я к испытанному средству.

— Дома есть надо было, — буркнул Сигурд.

Эгмонт молчал, одергивая изрядно помятую куртку. Я посмотрела на него, на волкодлака и поняла, что устанавливать мир предстоит мне. Сигурд, кажется, обиделся всерьез... честно ска-

зать, я не думала, что он на это способен. Ну да, правильно. Мы же на долг гостеприимства посягнули, а это почти святое.

Печатая шаг, я подошла к Сигурду почти вплотную, сунула ему под нос кулак и сказала, прищурившись:

— Кусай!

Оборотень отшатнулся.

— Ты что, Ялька, сдурела? Чего это я тебя кусать должен?

— Кусай, тебе говорят! — Кулак последовал за ним как приклеенный. — Лучше меня кусай, а Эгмонта не трогай! Человеку и так плохо, его из КОВЕНа исключили... вот ты представь, если бы тебя из Арры выгнали! Насовсем выгнали, не по делам поехал!

Я рассчитывала на некоторую реакцию, но такого не ждала. На лице Сигурда отразился неподдельный ужас. Не обращая внимания на кулак, маячивший перед самым носом, он перевел взгляд с бледного помятого Эгмонта на меня и обратно. Я подумала и убрала кулак, зачем-то шмыгнув носом.

— Мрыс... — ошарашенно сказал Сигурд и мгновенно утратил всякое сходство с князюшкой. — Не знал. Погорячился... Извини, Эгмонт.

— Эгмонт, значит, извини? — хмуро спросила я. — А Ялька, стало быть, даже извинения не заслуживает?

— И ты, Ялька, извини... — машинально начал Сигурд. Он у нас все-таки был очень воспитанный. Но оборотень вовремя спохватился и вспомнил, о чем вообще речь: — Но тайком-то почему ушли? Мне почему ничего не сказали? Я что, получается, трус и предатель?

Я поспешно положила руку ему на плечо, надеясь избежать рецидива, но ответил оборотню Эгмонт:

— Нет, Сигурд. Дальше пойдет война магов с магами. Разве ты взял бы Яльгу в схватку на топорах?

Сигурд посопел. Аргумент был серьезный.

— Взял бы, не взял... — пробурчал он. — Какая разница? Я иду с вами. Точка! Лошадей почему не взяли?

Я пожала плечами.

— Еще спроси, почему мы корову и порося не увели. Мы тоже, между прочим, долг разумеем.

Сигурд только отмахнулся.

— Так... — Он осмотрелся, будто впервые увидав эти высоченные елки. — Куда мы идем?

— В эльфийские леса, — ответил Эгмонт, прежде чем я успела задаться тем же вопросом. — В одном из тамошних королевств у меня есть друзья. Они помогут — а там посмотрим. Может быть, придется уходить дальше, за море, например.

Оборотень поморщился.

— Ну, в эльфийские, так в эльфийские... — решительно сказал он. — Тогда нам свернуть надо будет. Земли эльфов — они дальше к югу.

— Я знаю. Нам нужно только выйти за границу Конунгата, туда, где не действует запрет на телепортацию. У меня есть необходимые амулеты.

— Хорошо, — кивнул Сигурд.

Потоптавшись на месте, он посмотрел куда-то поверх наших голов, кивнул еще раз и зашагал по дороге прочь от Арры. Я тихонько вздохнула, со скорбным лицом пропустила Эгмонта вперед и, пользуясь моментом, несколько раз приложилась к фляжке с молоком.

Фэйри я или нет, — а молоко здешние коровы дают отменное.

4

И снова дорога — извилистая грязноватая тропка, усыпанная желтой хвоей. Вот она, моя судьба: вечно бродить по дикому лесу, на окраине обитаемого мира, боясь даже кончиком сапога заступить невидимую черту! Забудь Академию, Ильга, забудь Межинград; ведь тогда, в ночь летнего солнцестояния, ты знала, что поставлено на карту!

Но между ночью солнцестояния и сегодняшним днем пролегло полтора месяца, и этого времени мне хватило, чтобы проникнуться какой-то нелепой, невесть откуда вылезшей надеждой. Вот и зачем, спрашивается, было верить, что конунг сможет все разрешить и мы вернемся туда, откуда бежали?

«В конце концов, — думала я, глядя себе под ноги, — *это не худший выбор, и уж тем паче не худшая компания. Если бы все повторилось, я поступила бы точно так же. Ха! Да кто из моих однокурсников — бывших однокурсников! — посмел бы мечтать о заморских городах? Кто из них, не считая эльфов, видел знаменитую Башню Дальней Любви — величайший телепортационный маяк*

мира, стены которого не вырублены из базальтовых глыб[1]*, а сложены из ониксовых плит и облицованы сияющим опалом?*

Тут я споткнулась и утратила куртуазность мысли. Да я буду не я, если этими Эгмонтовыми друзьями окажутся не Принцесса и Трубадур! А за возможность вживую увидеть настоящую эльфийскую принцессу Генри, Хельги, Полин — да вся Академия, включая гнома-завхоза! — согласилась бы на любые условия!

Подумаешь, КОВЕН! Да чихать мы хотели на этот ваш КОВЕН! В эльфийских лесах, может, нам и братья аунд Лиррен встретятся — у меня до сих пор три желания с них не стребовано!

Когда я дошла до трех желаний, окончательно стемнело. Мы привычно расположились на ночлег, отойдя подальше от дороги, — как сказал Сигурд, лешие в этих местах отличаются особенной строгостью. Звезды спрятались за облаками, в котелке закипала вода, Сигурд, бурча под нос, в пятый раз перебирал наши припасы.

— Нашли что взять... маги недоделанные... — донеслось до меня.

Я сделала вид, что не расслышала. Ничего, еще часик побухтит — а там все наладится.

Эгмонт валялся на траве, глядя в затянутое тучами небо. Не знаю, что там можно было рассматривать, но лицо у мага было такое сосредоточенное, словно он в любой момент ожидал нападения ковенского десанта. Я решила не отвлекать его и отвела взгляд, но Рихтер вдруг спросил:

— Вот интересно: план «Б» у нас осуществился, а каков был план «А»?

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, о чем вообще речь.

— А-а! План «А» еще проще, но я подумала, что это не подойдет. Вот, смотри... — Я умоляюще сжала ручки перед грудью и противным голоском зачастила: — Магистр Рихтер, заклинаю вас — идемте же скорей на нашу полянку! Помните, вчера мы наблюдали там прекрасный экземпляр широколистника красноперого! Я всю жизнь мечтала собирать широколистник краснопе-

[1] Ялька имеет в виду бессмертные строки Морольта ан Финденгейро: «Звезды сгорают, и рушатся глыбы базальта», традиционно толкуемые морольтоведами как описание первой телепортационной катастрофы.

рый под вашим научным руководством! На ночь я всегда читаю ваш трактат «Свойства поляночных растений в свете последних достижений метафизиологии!».

— Поляночные растения... — пробормотал, как выплюнул, Сигурд. — Нормальная трава у нас там растет, никаких тебе... красноплистников!

— Ну вот видишь! И я так подумала. Поэтому и выбрала план «Б». Представь, если бы Сигри это прямо в Арре выдал!

— Я-то ладно, — угрюмо заметил оборотень, — а вот Эрнор у нас нервный. Он от этого вашего... красноплюстника...

— Какое имя красивое! — льстиво воскликнула я. — А как переводится?

— Просто, — недовольно ответил Сигурд, — «летящий в облаках».

Я тут же представила летящего в облаках Эрнора и подумала, что ему есть отчего быть нервным. Я бы на его месте еще не такая нервная была.

— Кстати, Сигри, — беседу стоило увести подальше от опасного широколистника, — а ты-то чего возле этих ворот делал? Или тоже решил в облаках полетать?

— Вас ждал! Что ж еще?

— А откуда ты узнал, что мы куда-то идем? И грабли куда дел?

— Домовому отдал. Он мне про вас и рассказал... а уж обиделся-то как! «Восемьсот лет, — говорит, — живу, а такого позору не видывал!»

Оборотень смолк и засопел.

— Ничего, — быстро сказала я, — не переживай, Сигри! Мы ему носочки привезем, рубаху новую и лапоточки. Эгмонт, ты же не пожалеешь денег для несчастного домового?

— Чай пить пора, — хмуро сказал волкодлак. — Вон вода аж ключом кипит.

Мы легли рано — особенного настроения для разговоров ни у кого не было. Эгмонт, надо полагать, продумывал наш маршрут, Сигурд продолжал сопеть и дуться. Из-за такой тишины в голову мне лезли исключительно гадостные мысли, и я долго не могла заснуть.

Посреди ночи я поняла, что мне очень холодно, и, не просыпаясь, попыталась нащупать хоть что-то, чем можно укрыться. Рука наткнулась на что-то теплое и шерстяное; я пододвинулась по-

ближе и обхватила его руками. Теплое и шерстяное недовольно заворчало, но я прижалась к нему щекой, пробормотала: «А ногам-то как холодно...» — и теплое-шерстяное тут же смолкло, смирившись со своей участью.

«Сигри, я тебя люблю!» — подумала я и заснула.

5

Еще два дня прошло без всяких происшествий. Погода испортилась, небо сплошь заволокло белесыми облаками. Хорошо хоть дождь не шел — впрочем, под здешними елями можно было скоротать любую непогоду.

Мы шли на юго-запад, и лес понемногу становился другим. Все чаще и чаще мы выходили на открытое пространство, и если раньше то были поляны, тесно окруженные темными елями, то сегодня мы несколько часов шли по высокой траве, в которой изредка виднелись тощенькие чахлые лиственницы.

С запада тянулся слабый запах болота; карта молчала на этот счет, зато Сигурд, понемногу отошедший от обиды, объяснил, что там начинаются Клюквенные топи, место ягодное, змеиное и вообще-то гиблое. Наверное, именно поэтому каждый волчонок считал своим непременным долгом сходить туда разок-другой.

— Ну не в одиночку, конечно, — солидно объяснил Сигурд, — с товарищами, — да что это меняет? Эх, помню, было дело, пошли мы с Эрнаром за черемшой... Едва корзинки дотащили, ага. А дома нас уж поджидают: его мать — с полотенцем мокрым, моя — с отцовским ремнем...

Оборотень аж крякнул, вспоминая. «Добрый был ремень у отца», — подумала я.

— А черемшу куда дели?

— Как куда? — подивился моей наивности оборотень. — Засолили, вестимо дело! Что ж ей, пропадать, что ли? Мы потом с отцом да матерью еще пару раз туда наведались — уж больно место хорошее. Правда, я с тех пор черемши терпеть не могу.

Это был, наверное, единственный случай, когда речь зашла о том, что мы оставили в прошлом. Не сговариваясь, мы перестали упоминать об Академии, учебе, Арре и золотых драконах. О ковенцах говорили, но не чаще, чем о комарах и мелком гнусе. Вмес-

то этого мы обсуждали то, что ждало впереди, и обычно все разговоры сворачивали на эльфов.

Совершенно неожиданно выяснилось, что всезнающий Эгмонт говорит на эльфийском с жутким акцентом («Зато читаю без словаря!» — долго оправдывался маг), а вот Сигурд свободно изъясняется на обоих вариантах эльфаррина. Вдобавок оборотень знал немного норданский диалект и мог прочесть наизусть пару строф из «Весеннего круга». Последнее добило меня окончательно. Мрыс, да все это время бок о бок со мной путешествовал совершенно другой Сигурд!

Моя роль сводилась к нескольким восхищенным восклицаниям и попыткам правильно воспроизвести тот или иной эльфийский звук. Но вскоре я бросила это дело, уяснив, что мой язык просто не способен заворачиваться в спираль против часовой стрелки. Однако ничто не мешало мне выслушивать рассказы об эльфийских городах, устройстве тамошней жизни или великих войнах, которые вели между собой Перворожденные многие сотни лет тому назад.

На первом же привале Сигурд задал Самый Главный Вопрос.

— Вот скажи, Эгмонт, — прямо спросил он, — ежели нас золотой дракон защитить не смог, почему ты думаешь, что эльфы защитят?

Эгмонт ухмыльнулся. С тех пор как мы покинули Арру, это был первый раз, когда он изобразил что-то, хотя бы отдаленно напоминающее улыбку.

— А тебе приходилось бывать при эльфийском дворе? — ответил он вопросом на вопрос.

Сигурд смутился.

— Вряд ли, — продолжал Эгмонт все с тем же плотоядным выражением лица. — Так что поверь мне на слово: получить аудиенцию правящей королевской четы у эльфов — задача очень сложная. Во-первых, надлежит составить гороскоп всех членов делегации, непременно включая собачек. Это займет как минимум неделю. Потом его необходимо наложить на гороскоп королевской четы и, если повезет, вычислить по звездам наиболее подходящий для аудиенции день.

— А если не повезет? — вмешалась я.

Эгмонт пожал плечами:

— Тогда состав делегации меняется, и ровно через пятьдесят один день составляется новый гороскоп. Кто же станет рисковать

благополучием правящей королевской четы? Далее, когда дата будет установлена, нужно составить прошение по всем правилам. Их, помнится, больше шестисот, но первое и главное — прошение должно быть на официальном эльфаррине и записано Красным алфавитом.

— Однако! — восхищенно изрек Сигурд.

— Это еще не все. Каждый, кому посчастливится предстать пред августейшие очи, обязан пройти краткий курс придворного этикета — и все равно, сколько раз ты это проделывал. Никто, кроме эльфов, не в состоянии запомнить всех мелочей, как то: со сколькими подскоками и поклонами и за сколько шагов ты должен преодолеть расстояние от порога до края ковра; под каким углом и какого оттенка должно быть перо на шляпе; чей именно профиль должен быть на камее, которая... — Тут Эгмонт перевел дыхание и просто закончил: — В общем, мы всегда успеем сбежать.

— Мне кажется, — осторожно сказала я, — для того все это и придумано: пока гости стучатся в дверь, хозяева тихонько смываются через окно.

— Что-то вроде того. Правда, у эльфов это называется гораздо длиннее и торжественнее.

— Погоди-ка! А мы что, тоже будем составлять гороскопы и прошения? — Астрология начиналась в пятом семестре, и я знала о ней только то, что она стоит в учебном плане. — Этак не то что ковенцев, тут и глубокой старости дождаться можно...

— Тебе, Ялька, старость не грозит! — многозначительно сказал Сигурд.

Я задумалась, но переспрашивать не стала.

Рихтер только отмахнулся:

— Нас этикет не касается. В конце концов, мы посещаем не королевскую чету, а просто старых друзей. Нам будут рады — и, кстати, во многом благодаря гороскопам.

Он покосился на меня, и я, поняв намек, спросила:

— То есть? При чем тут гороскопы?

Сигурд, смирившийся с ролью кухонной феи, раздал нам ежевечерние кружки с горячим кафием. Я сделала глоток и обожглась, но не подала виду. Оборотень нуждался в поощрении; я припомнила Полин, подобрала слова и восхищенно сказала:

— Ах, Сигри, ты превзошел сам себя! Это не кафий, а просто... хм... бальзам какой-то! Такого вкусного кафию я ни разу не пила!

Сигурд просиял. Эгмонт внимательно посмотрел на меня поверх кружки.

— Кафий как кафий, — нейтрально произнес он. — И вчера был не хуже.

— Верю специалисту! — мгновенно нашлась я. — Сигри, завтра кафий варит Эгмонт. Будет кафий по-магистерски! Вот и сравним...

— Э нет, — решительно воспротивился маг. — Завтра будет кафий по-эльфийски, сваренный собственноручно ее величеством Рандориэлью. Помнится, туда входит пять видов цедры, шестнадцать пряностей, особенный сироп... — Он подумал и мечтательно добавил: — А вода для этого кафия берется из самого чистого в мире источника.

Я представила нечто прозрачное, холодное, со вспыхивающими на солнце брызгами и дополнила картинку юной эльфийской девой в короне и с кувшином на плече. Если такое нарисовать на пергаменте, а сверху посыпать золотой пыльцой, можно смело дарить Полин на Новый год.

— Да вы романтик, магистр, — не без ехидства отметила я.

— Эльфы, — пояснил Сигурд. — С кем поведешься...

Я припомнила другую лыкоморскую поговорку: «С оборотнем ляжешь — с блохами встанешь», — и поторопилась вернуть разговор в безопасное русло:

— Так что там насчет гороскопа?

Кафий, пускай без цедры и пряностей, был сварен вполне прилично, и потому мне уже начинало хотеться спать. Судя по всему, Эгмонту тоже — поэтому он был краток.

— Семейная жизнь у Трубадура с Рандориэлью получилась счастливая, но весьма бурная. Она — эльфийка, он — человек, зато родом из Кабреры. А попасть под брошенный сгоряча фамильный сервиз даже боевому магу не хочется. В общем, я поговорил с магистром Зираком — он первоклассный астролог, Яльга, ты не знала? — и решил наносить им визиты только в благоприятные дни.

— Для кого благоприятные? — въедливо уточнила я.

— Для правящей королевской четы, разумеется. — Эгмонт был сама официальность. — Но оба они, и Рандориэль, и Родриго, отродясь не увлекались астрологией, так что выводы сделали прямо противоположные. С вечера, допустим, они разругались вдрызг, любимая собачка королевы с перепугу изгрызла обои в тронной

зале, гномский посол выпил все запасы успокоительного — наступает утро, приезжаю я, и все разом становится хорошо. Дырку на обоях загораживают картиной (а то, что она стоит прямо на полу — так это творческое переосмысление!), собачку срочно дарят гномскому послу. Немедленно выясняется, что ночью Родриго сочинил свою лучшую кантату, которая исполнена такой любви и такого трагизма, что Рандориэль, рыдая, бросается ему на шею. Все! Все довольны.

— А у Принце... Рандориэли разве нет своего астролога?

— Есть, разумеется. И всякий раз, когда мы с ним сталкиваемся, он смотрит весьма понимающе. Один раз даже назвал меня коллегой. Но не в астрологе дело — не знаю, что сейчас с гороскопом, а вот собачки, послы и скандалы случаются у эльфов довольно часто. Нам обрадуются, как родным.

— А как пройти во дворец? Потайным ходом?

— Обычным. Меня там знают.

— Кружку давай, — сказала я, выдержав почтительную паузу.

После того как Сигурд добровольно взял на себя готовку, мне было как-то неловко отмазываться от мытья посуды. А чтобы Эгмонту было не так обидно, мы поделили эту миссию пополам. Один вечер я — один вечер он. А что? Все честно.

6

Всю ночь мне снился сон — один, зато большой и приятный. Сперва это был эльфийский лес — весь такой смутно-золотистый, с разлапистыми листьями и изломанными тенями от ветвей. В лесу почему-то пахло самыми модными духами алхимического факультета. Я бродила по каким-то бесконечным полянам, а следом за мной по деревьям прыгал отряд остроухих лучников. «Погранцы, наверное», — ласково думала я. Им только хвостов не хватало.

Потом лес как-то кончился. Посреди широкой эльфийской степи воссияла огромная стрельчатая башня. Стены ее были выложены опалом (опала я в жизни не видывала, поэтому во сне он переливался всеми цветами радуги). По высокому тонкому шпилю бегал вверх-вниз сгусток золотого сияния. «Да это же наш Солнечный шпиль!» — дошло до меня. Неужто близнецы и его сперли?

Двери башни распахнулись, и оттуда величаво выплыла эльфийка в короне. Корону я запомнила, эльфийку — нет; кажется, за спиной у нее маячил чернявый субъект с лютней, и оттуда слышалось непрерывное жалобное позвякивание.

— Добро пожаловать, гости дорогие! — сказала эльфийка, сильно окая, и в руках у нее появился поднос с хлебом, солью и кафейником.

— Ай нанэ! — неожиданно подыграл субъект с лютней.

Я вздрогнула и проснулась. Было около трех часов утра, только-только начинало светать, и лес окутывала неуютная серая дымка. Предусмотрительный Сигурд заснул в человеческом обличье и все равно лег от меня подальше. Ну и ладно, зато рядом есть Эгмонт. Он, конечно, не такой меховой, зато у него очень теплый плащ.

— Ты же поделишься плащом с несчастной адепткой? — сонно пробормотала я.

Маг не ответил, и мне удалось отвоевать около половины.

Болело ухо — я его отлежала. Спать хотелось все меньше. С этим надо было бороться, и я, закрыв глаза, представила зеленый лужок, перегородку и белых слонов, по очереди перепрыгивающих через нее. Раз слон, два слон, три слон... на пятом воображение разгулялось, и слоны стали прыгать попарно, переплетя хоботы. Третья или четвертая пара зацепила и уронила перегородку.

Я наорала на слонов и оставила их восстанавливать разрушенное, а сама тем временем принялась думать о другом.

Завтра — да нет, уже сегодня! — мы выйдем из зоны телепортационного запрета. И зачем Лерикас он сдался?.. Можно будет позвать элементаль, пускай новости расскажет. Как там Полин? Что близнецы без меня поделывают? А Хельги, а Генри, а Валентин де Максвилль? Нет, мы об этом думать не будем!

Завтра, завтра... сегодня то есть... Интересно, какая она — эта Башня Дальней Любви...

Слоны тем временем починили перегородку и терпеливо ждали, когда я про них вспомню. На пятнадцатой паре я уснула.

Наутро распогодилось, день обещал быть жарким. Через пару часов мы наткнулись на тропинку и дальше пошли по ней — я тихо радовалась, потому что прогулки по нехоженому лесу мне изрядно надоели. Солнечная ладья медленно плыла по небу, и я

загадала — когда она встанет над вон той далекой сопкой, Эгмонт уже закончит строить телепорт.

Внезапно послышалось хлопанье крыльев; я подняла голову и чуть не получила по носу длинным, черным с прозеленью хвостом. Над нами пронеслась донельзя наглая сорока; впрочем, сперва я увидела только черно-белый росчерк, а рассмотрела птицу, лишь когда она опустилась на закачавшуюся еловую лапу.

— Нахалка какая, — пробормотал Сигурд. У оборотней сорок тоже не особенно уважали. — Кыш!

Сорока переступила по ветке розовыми лапами и повернула голову. Блеснул круглый черный глаз. «Это не птица, это птиц», — мелькнула странная мысль.

Сорок открыл клюв, но вместо стрекотания совершенно по-человечески прокашлялся.

— Магистр Рихтер, — сухо сказал он, — у меня крайне мало времени, но я обязан выполнить свой профессиональный долг. За вами следует Тьма. Мне неизвестно, каково ее имя, кто ее выпустил, следовательно — я не могу сказать, как с ней бороться. Но кто предупрежден, тот наполовину вооружен. Будьте осторожны.

— Передайте мою благодарность конунгу, Эрик, — еще суше и официальнее ответил Эгмонт. Он был совершенно невозмутим — можно подумать, каждый день сороки разговаривают!

— Непременно, — кивнула птица, а через мгновение в ней что-то неуловимо изменилось. Застрекотав, она взлетела и скрылась среди деревьев.

— Что это было, Эгмонт? — не утерпела я.

— Сеанс магической связи. Это, адептка Ясица...

— Знаю-знаю, — закончила я, — на пятом курсе.

Повисло молчание. Я ждала, когда маг и волкодлак зададут вопрос: о какой такой Тьме говорил аррский некромант? И тогда мне придется рассказывать о том, что следит за мной, о том, что чуть не догнало нас с Полин... Так это из-за меня мы все в опасности?

Тогда нужно рассказать, конечно. Но до чего же не хочется, о боги! Можно хотя бы не сейчас, а? Вечером, на привале... то есть в эльфийском дворце?

— Ладно, — нарушил тишину Сигурд. Почему-то он прятал глаза. Я глянула на Эгмонта — то же самое. — Пойдем, что ли. Еще немного осталось.

7

В дверь стучали, и, похоже, достаточно давно. Эрик Веллен открыл глаза и потратил несколько секунд на то, чтобы приноровиться к человеческому зрению. За это время он узнал о себе много чего интересного — Сим отличался любовью к точным формулировкам, особенно когда поблизости не было конунга.

Некромант бросил взгляд на дотлевающую кучку, в которой никто не узнал бы отличный амулет-преобразователь (двенадцать золотых; полторы недели...), но тут раздался жалобный треск: стул не выдержал. Дверь распахнулась, и в комнату влетел разъяренный кошкодлак. Для его праведного гнева тут было слишком мало места, поэтому Сим нарезал несколько кругов, рыкнул на портрет Ансегизела Мудрейшего и, сжав кулаки, сквозь зубы процедил:

— Придворный маг аррского конунга! И долго ты собираешься сидеть здесь и пялиться в огонь? Я... я долблюсь сюда уже полтора часа, все дятлы обзавидуются! Мрыс эт веллер! Я же не птицедлак, в конце концов!

«Полторы минуты», — привычно перевел Эрик.

— Конунг меня звала?

— Нет! Это я развлекаюсь! Соскучился, понимаешь! — Тут взгляд Сима упал на оплавленную массу в жаровне, и тон его изменился. — Ты что, колдуешь втихомолку?

— Нет, — язвительно сказал Эрик. Он страшно устал, и Сим начинал его раздражать. — Я закрылся на стул, чтобы в одиночестве полюбоваться на Ансегизела Мудрейшего.

Кошкодлак с сомнением осмотрел портрет.

— Ага, как же... — Он опять глянул на жаровню. — А ты вообще... Ладно, понял, это твое дело! Но конунг хотя бы знает?

— Тебя это не касается, — отрезал некромант. «И конунга тоже», — подумал он, но говорить не стал.

Зрение, кажется, перестроилось, насчет остального не стоило и думать: амулет был очень хорош, его хватило до самого конца разговора. Он встал, придержавшись за стол, и пошел к двери. Сим двинулся следом.

— Слушай, — почти миролюбиво сказал кошкодлак, когда они зашагали по коридору. — Давно хотел тебя спросить...

Насколько Эрик знал жизнь, «давно» у Сима означало максимум пять минут.

— Что это значит: прервать телепорт?

8

Эгмонт долго возился с телепортом, разложив перед собой с десяток амулетов и вычерчивая в воздухе самые разные знаки. Я попыталась помочь, выслушала краткое: «Брысь отсюда!» — и обиженно сопела до самого конца. Сопение сопением, но и посматривать на телепортационную решетку я не забывала. Там, у эльфов, если найдется свободный часик, нужно будет позаниматься по «Справочнику». Или пускай Эгмонт меня потренирует — учитель он или кто?

Контуры телепорта отливали радужным, в точности как опаловая башня в том сне. Я сочла это хорошей приметой и, ступая в телепорт, не стала закрывать глаз.

Мир исчез, растворившись в безоглядной темноте. Секунда, другая, третья... на моей памяти это оказалась самая длинная телепортация, и мне скоро стало скучно. Я развлекалась мыслью о том, что в эльфийском лесу нужно непременно выяснить, правда ли слово «эйквернет», так любимое близнецами, означает «достойный старший товарищ, мудрый друг». Они очень рекомендовали использовать его в личном общении с преподавателями, но сами почему-то стеснялись. Ну и много чего еще надо узнать!..

На этой мысли телепортация завершилась — как всегда, мягко. Даже слишком мягко, наверное.

Мы стояли посреди огромного возделанного поля. Куда ни падал взгляд, всюду зеленели низкорослые бодрые кустики, усеянные маленькими белыми, розовыми и сиреневатыми цветками. Под ногами почавкивала жирная земля.

— Картошка! — ошарашенно констатировал Сигурд.

Я только плечами пожала. Какие нынче пошли интересные эльфийские леса!

Рихтер не отрываясь смотрел куда-то вдаль. На фоне курчавых облаков виднелся небольшой дворец — этакая летняя резиденция. Архитектура была изящная, но никак не эльфийская, да и башенок, пускай и декоративных, я насчитала штук шесть.

— Это, стало быть, и есть Башня Дальней Любви? — со странным выражением спросил волкодлак.

— Эгмонт... — медленно сказала я, заподозрив неладное. — Только не говори, что это твой фамильный замок! Это же... это... Донжон куда дели?!

«Снесли к лешему!»

— Нет, — обреченно произнес маг. — Все гораздо хуже. Это владения барона Хенгернского.

Мы с Сигурдом недоумевающе переглянулись.

— Мужа моей матери, — закончил мысль Эгмонт.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,
в которой продолжается вечная тема отцов и детей, винные погреба барона Хенгернского подтверждают свою заслуженную славу, а Поль Цвирт наконец получает шанс выполнить задание Магистра Эллендара

1

Картофельное поле было огромным, но небесконечным. Мы шли след в след, стараясь как можно реже наступать на цветущие кустики. Шесть сапог почавкивали в унисон, и за нами тянулась цепочка отчетливых, глубоко пропечатавшихся следов.

Наконец мы добрались до изгороди — разумеется, живой и довольно колючей. Она тоже цвела и благоухала; вокруг синих цветков вились три или четыре бабочки. Сперва я восхитилась, потом случайно укололась и преисполнилась искреннего патриотизма. Все не так в этих Западных Землях! То ли дело у нас в Лыкоморье! Был бы здесь покосившийся заборчик из серого от дождей горбыля — не перепрыгнули бы, так уронили, все едино разницы никакой!

Перепрыгивать это колючее великолепие было себе дороже. Дружно чавкая сапогами, мы прошли почти по всему периметру поля и нашли небольшой прогал в изгороди. Самое грустное, что буквально в десяти шагах начиналась цепочка знакомых следов.

Изгородь была невысокая, но верхние ветки накрепко переплелись над прогалом, образовав самую настоящую арку. Я-то прошла без особых проблем, а вот Сигурду пришлось сложиться едва ли не вчетверо. Очевидно, все здешние воры были ребята габаритные, выросшие на свежем воздухе и парном молоке.

Про молоко я вспомнила не просто так — рядом знакомо позвякивали колокольчики. Невдалеке, на зеленом лугу у леса, прогуливалось пять коров: шоколадные, с белоснежными пятнами

(мылом их моют, что ли?), не очень большие, зато — даже отсюда видно — молочные. Я сглотнула слюну и с тоской вспомнила о пустой фляжке.

Сразу за изгородью обнаружилась проселочная дорога. Я очистила один каблук о другой, придирчиво осмотрела сапоги и решила, что сойдет. Тут главное, с кем сравнить: если с Эгмонтом, так можно и не стараться, а если с Сигурдом — вполне прилично получается. Для собственного спокойствия я выбрала Сигурда. Замок виднелся на холме слева, и я никак не могла понять, к нему мы идем или совсем наоборот. С одной стороны, в замке родственники. С другой — мне ли не знать, чего стоят кровные связи?

— Эгмонт, — решилась я наконец, — а у тебя с этим бароном что — война или дружеский союз?

— Мы — одна семья. — Маг был на удивление краток. Я не отставала:

— Ну это мы уже уяснили, правда, Сигри?..

Речи о высоком были прерваны самым прозаическим образом: мимо нас, бодро цокая копытами, поскрипывая и распространяя запах свежего дегтя, проехала груженная сеном телега.

— Guten Abend, Herr Egmont![1] — Возница, переложив вожжи в левую руку, правой почтительно приподнял шляпу.

— Guten Abend! — пискнуло с самого верха копны дите неопределенного пола.

— Guten Abend, — ответил Herr Egmont.

Оборотень посмотрел на него долгим внимательным взглядом.

— О, magistre, — восхитилась я, старательно выговорив дрожащее «р». — Mais vous etes polyglotte![2]

— Я родом из этих мест, — пожал плечами Рихтер, проигнорировав мой сарказм. — Кстати, ma mere est araniesse[3]. Так что араньенский язык я тоже знаю неплохо.

Я обиженно хмыкнула. Ну хоть когда-нибудь, ну хоть один разочек я могу быть лучше этого надутого мрыса?

— Значит, так, — вмешался Сигурд, прервав зарождающийся международный конфликт. — Еще одно слово — и вы у меня будете греакор изучать! И оба эльфаррина, старший и младший. Язык

[1] Добрый вечер, господин Эгмонт! (*аллеманск.*)

[2] О, магистр, да вы полиглот! (*араньенск.*)

[3] Моя мать — араньенка (*араньенск.*).

у нее не заворачивается, ишь ты! Такое «р» не каждый волк прорычит. Лодырь ты, Ялька, вот что!

— А я что говорю! — поддержал его маг.

Я опешила. Вот от Сигурда я такого не ожидала.

— Сигри! И ты туда же? А я к тебе — со всей душой, почти как к родному! Что бы сказала твоя достойная матушка, Сигурд дель Арден?

— Что эльфаррин пора изучать! — упрямо буркнул оборотень. — Это, между прочим, язык международного общения!

— А мне казалось, мы с ней и так прекрасно друг друга понимали... — заметила я как бы вскользь.

Сигурд несколько смутился и больше к этой скользкой теме не возвращался.

— Обратите внимание, — ни к селу ни к городу произнес Эгмонт, — на удивительную архитектуру этого замка. Издалека он кажется почти игрушечным, но на самом деле еще никому не удавалось его взять.

— А что, много было желающих?

— Еще бы! Да одни винные погреба чего стоят! Им больше шестисот лет, и говорят, что целы еще бочки, которые помнят самого первого барона Хенгерна. Четыре века назад, во времена Сорокалетней войны...

Никогда раньше не замечала за Эгмонтом любви к истории и спиртным напиткам. «Что с человеком делает визит в родные края!»

Дорога между тем поднималась в гору, и совершенно непостижимым для меня образом мы вдруг очутились прямо перед замком. Вблизи он еще сильнее напоминал пряничный домик — я видела такие в витринах дорогущих лавок, особенно зимой, под Новый год. Башенки оказались ненастоящими: так, изящные островерхие надстройки над боковым фасадом. Но красная крыша! Резные балкончики! Вразнобой торчащие дымовые трубы!

Я не понимала только одного: каким образом сие прелестное сооружение смогло пережить столько войн и сберечь винные запасы. Одно из двух: либо я чего-то не понимаю в фортификации (я в ней и впрямь почти не разбиралась, но такие выводы, кажется, может сделать и полный профан), либо со времен войн и набегов замок успели несколько раз перестроить. Но, присмотревшись, я поняла, что ошиблась дважды. Замок был стар и отнюдь

не беззащитен. Его окутывала тончайшая сеть магической защиты, и мне не стоило труда узнать стиль отдельных заплат.

Передний фасад замка был спрятан за небольшим садом. Я почему-то считала, что во всех приличных замках садики разбивают во внутреннем дворе, да и то для сугубо практических надобностей — целебные травы, пряности, яды. Во всяком случае, так писалось в тех трактатах, к которым нас отсылал уважаемый кем-то волхв Легкомысл. Но темная зелень неподстриженных деревьев так странно контрастировала со светлой, почти песочного цвета стеной, что я просто смотрела, забыв про все и всяческие трактаты.

Дорожка была посыпана не то невероятно крупным песком, не то очень мелким гравием. Мы поднялись почти на самую вершину холма, когда навстречу нам из-за деревьев выбежал мальчик лет девяти в красной курточке. За ним, изрядно отставая, торопился пожилой господин в длинном просторном одеянии, на котором не хватало разве что вышитых комет.

— Луи! — горестно взывал он. — Луи! — И далее непонятно, потому что араньенский я знала в строго очерченных пределах.

— Эгмонт! — Не добежав нескольких шагов, мальчик остановился, тоскливо глянул через плечо на субъекта в балахоне и скороговоркой выдал: — Приветствую-вас-уважаемый-старший-брат-и-его-спутники! — На этом он счел свой долг выполненным и радостно добавил: — Это я вас первым заметил! Я!

К моему искреннему облегчению, мальчик говорил на лыкоморском — с невероятным акцентом, но вполне разборчиво.

Подбежавший субъект несколько минут пытался справиться с одышкой, после чего выдал длинную укоризненную тираду. Она, похоже, не предназначалась для посторонних ушей и потому была без перевода. Привычный Луи только передернул плечами.

Я смотрела на него и вспоминала вечное развлечение всех сирот-побродяжек — выдумывать себе хитроумную родословную, благородных родителей, горюющих об утраченном чаде, и богатый дом (в скобочках — замок, в скобочках — нужное подчеркнуть). Реальный родитель, пускай и благородный, и с замком, меня категорически не устраивал: я знала жизнь и смело полагала, что он отнюдь не горюет. Но сейчас я понимала, что завидовать было особенно нечему. О боги мои! Так что, меня бы тоже так вырядили? Я представила себе себя же — с завитыми, красиво уложенными волосами («Не дергайтесь, фройляйн, эта шпилька ни-

чуть не колется! Зато прическа совсем как у супруги вашего папеньки!»), в пышном платье мытого бархату с выступающими из-под кружавчатых нижних юбок панталончиками, в ажурных чулочках и туфельках, расшитых жемчугом. Стало как-то не по себе. А ведь носила бы, куда денешься!

Луи было немного проще — ни кружавчики, ни панталончики ему не грозили. Да и жемчуга на его туфлях не имелось. Однако с лихвой хватало и того, что есть: коротенькая бархатная курточка, нежно-кремовая рубашка с пышным кружевным жабо, темные кюлоты с шестью крупными пуговицами по боковым швам, белоснежные — да уж, не повезло — чулки плюс туфли с крупными пряжками. Завершал картину бархатный берет с пером неведомой птицы.

В этот момент я поняла, почему Эгмонт так редко бывает у родственников.

Впрочем, сам Луи был совершенно нормальным ребенком. Правая пряжка болталась буквально на одной нити, чулки на коленках были выпачканы в травяной зелени, а на курточке не хватало пуговицы — третьей сверху.

На старшего брата, кстати, Луи совершенно не походил.

— Эгмонт! — Он аж подпрыгивал на месте от радости. — Ну идемте скорее в замок! Я должен поскорее... э-э... cette... — Наставник смотрел выжидающе, и Луи быстро нашелся: — Доставить матушке эту радостную весть! А у нас такие новости! Ты вне закона, да? А Аннелизе замуж выдают! А Курт на войну собрался, только войны пока нет, но это ничего, правда?

Он сделал паузу, чтобы набрать воздуха, и продолжил в том же темпе:

— А у Матильды опять щенки! Пока такие вот. — Он показал в воздухе размеры. — Все рыженькие, а один черненький, и над глазами такие пятна желтые! Девчонки говорят, мне не дадут, а отец говорит, что я почти совсем уже взрослый, так что посмотрим! Эгмонт, а ты надолго? А ты меня с собой в Академию заберешь? Эгмонт, ну пожалуйста! Ну ты же обещал!

Я окончательно запуталась, кого выдают замуж, а у кого уже есть щенки, и при чем здесь волкодлаки, и кому что должны дать. Только десятью шагами позже до меня дошло, что Матильда, скорее всего, не имеет отношения к оборотням. Все-таки у братьев имелось кое-что общее — например, способность вцепляться в собеседника не хуже аль-буянских бычьих псов.

А интересная, должно быть, у Эгмонта матушка!

Но тут Эгмонт выдал такое, что мне разом стало не до матушек и не до собак.

— А вот это, Луи, — сказал он, легко перекрыв поток новостей, — мои друзья, Ялька Ясица и Сигурд дель Арден. Сигурд — волкодлак, он из Арры. А Ялька — моя ученица, будущий боевой маг. Кстати, она тоже очень любит собак. Только говори с ней полыкоморски.

«Вот мрыс!» — успела подумать я.

То ли оборотень в здешних краях — наискучнейшая обыденность, то ли аррские волки не интересовали будущего барона Хенгерна, но мальчик не обратил на Сигурда почти никакого внимания. Зато на меня он смотрел будто на ожившее изваяние князюшки.

Вот тут-то и проявилось незаметное прежде фамильное сходство. Совершенно эгмонтовскими движениями Луи выпрямился, расправил плечи, незаметно одернул курточку и, невольно копируя интонации старшего брата, произнес очень светским тоном:

— А какую охоту предпочитает фрой... госпожа Ясица? Я, к примеру, очень люблю псовую.

По глазам было видно, что ему куда интереснее было спросить про боевую магию, но Рихтеры, пускай они даже Хенгерны, по сути совершенно одинаковы. Они прекрасно помнят, что такое долг и этикет.

— Последний раз я охотилась на василиска, — скромно ответила я. Шедший впереди Эгмонт споткнулся на ровном месте. — Ваш брат может поведать вам все подробности. Не так ли, магистр?

— Позже, — пообещал маг. И я тут же задумалась. Интересно, кому из нас он это сказал?

Мальчик сосредоточенно придумывал следующий вопрос. А может, просто переводил его на лыкоморский.

— Знаете что, Луи, — опередила я его, — будем друзьями! Зовите меня просто — Ялька. У нас, боевых магов, не приняты излишние церемонии...

— Правда? — просиял Луи. — Я так и думал!

В этот момент мы вступили в тень разросшихся деревьев. Они были действительно старыми, каждое — не меньше чем в два обхвата, и земля бугрилась от толстых корней. Их крона дробила

солнечный свет и заслоняла замок — поэтому то, что находилось впереди, оказалось для нас с Сигурдом полной неожиданностью.

Это было сердце здешнего садика — небольшая композиция из стриженого букса, этакий зеленый лабиринт, выполненный в виде эльфийского узлового узора. В центре располагался небольшой фонтан. Его мраморный бортик был сделан как немного упрощенная копия общего узора, а из середины била высокая прозрачная струя.

По дорожкам, посыпанным цветным песком, прогуливались две женщины в длинных платьях на небольших кринолинах. У правой дамы платье было насыщенно-изумрудным, у левой — светло-бежевым. Ко всему прилагались чепчики, зонтики, кружевные перчатки и длинная собачка шоколадного цвета. Зеленая дама говорила, бежевая слушала, собачка носилась по аллеям и пыталась пролезть в буксовые заросли. Ветер доносил до нас обрывки разговора, но я различала только отдельные слова: повторяющееся «Аннелизе», «варенье», «сливы» и совершенно непонятно к чему «господин».

— Я побегу к матушке? Эгмонт?

Не дожидаясь позволения, Луи со всех ног помчался по дорожке. Наставник, вздохнув, возвел очи горе. Эгмонт что-то сказал ему по-аллемански; тот поджал губы и следующую тираду выдал таким тоном, что я даже опешила. Стало быть, и магистра Рихтера могут отчитывать как нашкодившего мальчишку? Но Эгмонт только рассмеялся в ответ.

Луи с разбегу налетел на зеленую даму и затараторил что-то понятное без всякого перевода. Собачка плюхнулась на землю и уставилась на нас. Наверное, она тоже поняла по-араньенски — а может, просто решила передохнуть. Дама в бежевом сказала что-то строгое и укоризненное, а дама в зеленом, напротив, рассмеялась и поправила мальчику берет.

Мы подошли уже достаточно близко, и Луи, ловко вынырнув из-под материной руки, указал на нас кивком:

— Это друзья нашего Эгмонта, матушка! Госпожа Яльга Ясица — она боевой маг, и собак любит, и на василиска охотилась! — и господин Сигурд...

— Дель Арден, если я не ошибаюсь, — закончила дама на превосходном лыкоморском. Голос у нее был довольно низкий и напоминал по тембру кошачье мурлыканье — свойство, общее для большинства араньенок.

Оборотень молча поклонился, не задавая ненужных вопросов.

Дама смотрела на нас из-под зеленого бархатного чепца. Ей можно было дать около сорока лет, но путем простого арифметического расчета я пришла к выводу: больше. Гораздо больше. Если Эгмонту тридцать два... хм. Какая разница, сколько ей лет, если она и сейчас была очень красива? Широкие скулы, чуть заостренный подбородок, слишком широкие, как сказали бы в Межинграде, брови. Глаза у нее были чуть раскосые, очень большие и темные — в них не отражался свет, и я впервые поняла, что имела в виду Полин, когда говорила «бархатный взгляд».

Вторая же дама, та, что в бежевом, при ближайшем рассмотрении оказалась барышней — она вряд ли была старше меня. И, наверное, поэтому изо всех сил старалась казаться как можно более взрослой. Именно она сказала, поигрывая зонтиком:

— Представьте же нас, брат...

Эгмонт с видом человека, выполняющего опостылевшую повинность, произнес:

— Господа, имею честь представить вам — моя матушка, баронесса фон Хенгерн, урожденная маркиза Эрмина д'Армион. И старшая из моих младших сестер, Аннелизе фон Хенгерн. Извини, Аннелизе, имени твоего жениха мне пока не сказали.

Аннелизе перестала изображать каменную статую с зонтиком и приятно порозовела.

— Кстати, Эгмонт, — баронесса изящно шевельнула левой бровью, — твоя популярность становится уже просто неприличной. С этим надо что-то делать. Какое-то время назад нам нанесли визит твои коллеги — помнится, человек пять или около того. Тот, что был у них за старшего, привез с собой рулон плакатов, нарисованных весьма посредственно. Представь себе, один из них он даже пытался прикрепить на стену нашего замка! Впрочем, — она остро глянула на нас с Сигурдом, — нельзя сказать, чтобы они вовсе не имели сходства с оригиналом...

— Имели, — не особенно натурально вздохнула я. — И где теперь эти... коллеги?

— А пес его знает, — непринужденно сказала баронесса. — В последний раз кто-то из челяди видел их... мм... да, две недели назад. Это было еще до того, как барон предложил им экскурсию по нашим винным погребам. Барон полагает, еще пять дней они продержатся там на печенье и сыре, а после можно будет отправить мужиков на поиски.

Эгмонт быстро взглянул на мать:

— Надеюсь, их соседство не повредит той бочке мадеры в предпоследнем левом тоннеле?

— Вряд ли, — отмахнулась она. — Туда без карты не дойти, а эти и с картой не доберутся.

«Не доползут», наверное, было бы точнее. Но я не стала учить госпожу баронессу лыкоморскому.

Эрмина фон Хенгерн наклонилась и привычным движением подхватила проносившуюся мимо длинную собачонку. Та протестующе тявкнула и потрепыхалась, но скоро смирилась и повисла этакой муфточкой. «За что мне все это?» — горестно вопрошали ее глаза цвета очень темного шоколада.

— Аннелизе, — баронесса повернулась к дочери, — ступайте в дом и отдайте надлежащие распоряжения. Вы уже взрослая и знаете, что нужно делать.

Старшая из младших сестер Эгмонта молча присела в реверансе.

2

Телепорт оказался маленьким и тесным, но построен он был очень профессионально. На несколько мгновений семерых ковенских магов накрепко притиснуло друг к другу так, что никто не мог даже вздохнуть, однако когда мрак исчез, они очутились точно перед воротами Арры. Направо и налево простиралась знаменитая деревянная стена, которую не брал магический огонь. Впереди возвышалась островерхая воротная башня. Сзади настороженно молчал сосновый лес.

«Делай что должно, и пусть случится то, чему суждено!» Магистр Цвирт решительно оглядел подчиненных, кивнул и выступил вперед.

В тот момент, когда он сделал шаг, створки ворот дрогнули и беззвучно распахнулись. На той стороне стояло несколько человек — семеро, каким-то непонятным чутьем понял Цвирт. И среди них была одна женщина.

В груди у магистра екнуло. Он не ожидал увидеть конунга так скоро, и все слова положенных приветствий, которые он зубрил по длиннющему свитку, разом вылетели у него из головы. Все, на что его хватило, — это молча поклониться. Он не ви-

дел, что делают его люди, но страстно надеялся, что они последуют его примеру.

— Арра приветствует вас, люди КОВЕНа! — с заметным акцентом сказала женщина. Она чуть растягивала гласные, а сдвоенный «р» прозвучал как низкое ворчание. У нее были черные блестящие волосы, светло-карие глаза и темная родинка над верхней губой. На плечах висел тяжелый темно-красный плащ, расшитый золотыми узорами. — Я — Ланна даль Вирг, а вы — магистр Поль Цвирт.

«Я знаю», — чуть не брякнул маг. От облегчения у него в прямом смысле потемнело перед глазами. Кем бы ни была Ланна даль Вирг, что бы ни значило ее одеяние, она не золотой дракон. У него еще есть время.

— А я — Сим, просто Сим! — Из-за плеча Ланны вывернулся подвижный молодой человек с серо-розовыми волосами. Он улыбнулся, излучая невиданное гостеприимство, и Цвирту вдруг почудился радостно оскалившийся пардус. — Будем знакомы! Как мы рады, как рады! Да не стойте вы так, дорогие маги! У нас в Арре гостей на пороге не едя... э-э...

— Брысь! — прошипела женщина, почти не разжимая губ.

Молодой человек исчез, послав магам извиняющуюся улыбку.

— Прошу вас, — убедительно сказала Ланна. — Следуйте за мной, я проведу вас в палаты конунга.

Они шли по улицам Арры в следующем боевом порядке: впереди Ланна и Цвирт, следом его отряд, а замыкали цепочку остальные шестеро волкодлаков. Серо-розового Сима нигде не было видно, но Поль постоянно чувствовал на себе чей-то нахальный взгляд. Может быть... да нет, вряд ли... какое отношение мог иметь к нему, допустим, тот лохматый кот, что пялился на них с толстой яблоневой ветки?

Ланна молчала. Дул небольшой ветер, и ее красный плащ, приколотый двумя золотыми пряжками, шевелился как живой. Цвирт украдкой покосился на ее чеканный профиль — женщина не была красавицей, но черты имела поразительно правильные — и, стараясь справиться с волнением, стал припоминать события последних дней.

После того разговора с Ардис Урсулой Рэгмэн (точнее сказать — с Ардис, ее учеником и их замечательной тетрадью) дело почти не сдвинулось с мертвой точки. Цвирт был уверен, что беглецы рискнули пересечь Драконий Хребет, чтобы просить защи-

ты у конунга волкодлаков. Тем более что Рихтер ввязался в эту авантюру и втянул в нее адептку лишь с одной целью: устроить оборотню побег из ковенской тюрьмы.

Но полезть в эти горы мог только сумасшедший — или магистр Эгмонт Рихтер, что, как убедился за шесть недель Поль Цвирт, есть почти одно и то же. Скорее всего, тела обоих магов, занесенные снегом, лежат где-нибудь на западном склоне Драконьего Хребта. Или стали добычей тамошней живности, весьма и весьма многочисленной. Но оборотень, подданный Арры, имел все шансы дойти до города живым. Один — это хуже, чем трое, но лучше, чем совсем никого.

Поразмыслив, Цвирт пришел к непростому решению. Хочешь не хочешь, а надо было отправляться к Аррани Валери. В конце концов, КОВЕН находился в своем праве, а найденный при Ардене артефакт был опасен и для оборотничьих земель. Вопрос лишь в том, как объяснить конунгу, почему никто не удосужился рассказать ей о преступлении ее подданного...

Вечером восемнадцатого грозника Цвирт изложил свои мысли в докладе Эллендару. Почтовая гарпия улетела в ночь, а в восемь часов утра уже вернулась с ответом. Великий Магистр КОВЕНа был совершенно согласен и обещал сегодня же начать переговоры о встрече.

Они затянулись на две недели.

В первые несколько дней Цвирт маялся от вынужденного безделья. Он даже подумывал, не нанести ли визит белому слону, но потом его осенила мысль, показавшаяся, прямо сказать, гениальной. В два счета собравшись, Поль телепортировал в Листвяги и прямым ходом направился в тамошний филиал «Ильмариненс и Лериэ».

Поначалу банк произвел на него самое благоприятное впечатление. Цвирт любил, когда соблюдают традиции, а здесь все было так по-гномски: и заговоренные камни с родных гор, и часы (ну непременно — с равными стрелками!), и огромная роза в цвету. Маг предъявил свою бляху, и его провели в отдельную комнату, окна которой были завешены непрозрачными белыми шторами. Там ждал начальник отделения, поразительно молодой гном, всеми силами старавшийся произвести впечатление серьезного и делового.

— Чем могу служить? — спросил он, по обычаю предложив кафию, чаю или вина на выбор.

Цвирт очень хотел попросить голубого чаю — такая редкость! — но он понимал, что тогда делового разговора не получится. Пришлось отказаться, но гном оценил это скорее со знаком «плюс».

— КОВЕНу стало известно, — при этих словах гном откинулся на спинку стула, а его зеленоватые глаза приняли совершенно непроницаемое выражение, — что пятого числа сего месяца и года в вашем отделении банка побывал Эгмонт Рихтер. Мы предполагаем, что он желал обналичить часть своих средств. Однако же не вполне понятно, почему сотрудники банка не сообщили об этом в КОВЕН, — хотя каждому известно, что Эгмонт Рихтер со спутниками находятся вне закона...

— Хм, — вежливо сказал гном. Глаза у него были как зеркало: сколько Цвирт в них ни всматривался, он видел лишь свое отражение. — Прошу вас, магистр, взглянуть вот на эту стену.

Цвирт послушно взглянул. Стена была бежевая, и на ней висела небольшая табличка в темно-зеленой рамке. «Клиент всегда прав!» — безапелляционно утверждала она.

— Банку «Ильмаринен Лериэ» совершенно все равно, кем является тот или иной клиент. Нас не интересует его имя, биография, жизненные неурядицы — только то, имеет ли он доступ к счету. Если имеет, значит, он будет обслужен. Полная анонимность! На этом, дорогой магистр Цвирт, зиждется вся наша система! Никто не скажет, что «Ильмаринен Лериэ» имеет какой-то интерес, кроме финансового. И КОВЕН не раз был благодарен этой особенности нашей фирмы.

Гном встал и поклонился. Разговор был закончен. На обратном пути Цвирт машинально взял красочный проспект с рекламой банка — так лучезарно улыбнулась ему кудрявая эльфиечка за стойкой. Очутившись на улице, он опомнился и, смяв проспект, хотел было выбросить его на помойку, но разум быстро взял верх над эмоциями. Чего он мог добиться от этих гномов? Поймать Рихтера они все равно не помогут (да и ловить, скорее всего, уже некого), а вот услугами банка вполне можно воспользоваться. Если они так блюдут интересы клиента... Цвирт отнюдь не собирался освобождать узников ковенской тюрьмы, но жизнь может преподнести самые разные сюрпризы.

Первый сюрприз она преподнесла ему вечером. Почтовая гарпия доставила сообщение от Эллендара, в котором Магистр спешил обрадовать Цвирта: он прилагает все усилия, чтобы выхлопо-

тать Полю командировку в Арру. Ах, это такая удача — редкий маг видел те края!

Цвирт не хотел становиться редким магом. Он полагал, что его часть работы уже выполнена, и выполнена более чем достойно. Ну да, Рихтера не поймали, и что с того? Зато удалось избежать многочисленных жертв! А бывшим коллегой пускай занимается магистр Дэнн, это теперь по ее части.

Но спорить с Магистром Эллендаром мог только Т'ари аунд Велленсдар — и все знали, чем это кончилось. Значит, такова судьба. И Поль мужественно принял этот ее удар.

За полторы недели, потраченные КОВЕНом, чтобы уломать капризного золотого дракона Арры, Цвирт, как полагается настоящему мужчине и боевому магу, уладил свои мирские дела. Он раздал долги — все до единого, даже заплатил квартирной хозяйке. Та мигом почуяла неладное, но деньги взяла и тут же спрятала в комод. Он написал прощальное письмо матери и братьям, в котором завещал им все свое имущество: книги, одежду, мешочек с серебром и кота. Оставалось последнее — попрощаться с Алехандриной. Это было труднее всего.

Будучи подлинным рыцарем, Поль понимал, что не может оставлять девушку в такой двусмысленной ситуации. Ведь он внушил ей некоторую надежду, и она может считать себя обязанной! Вдруг она будет ждать его всю жизнь и никогда не выйдет замуж? Перед внутренним взором Цвирта отчетливо встала исхудавшая, но по-прежнему прекрасная Алехандрина, с осунувшимся бледным лицом, в черной кружевной мантилье... Этого он допустить никак не мог!

Следовало подарить ей на память нечто достаточно ценное и мягко, чтобы не поранить ее нежной души, сказать, что все кончено. Но все деньги ушли на оплату долгов, и Поль с ужасом понял, что дарить ему нечего, кроме книг, одежды и кота. С минуту Поль всерьез обдумывал кандидатуру кота, но тот как раз заорал, требуя еды, и маг решил, что не стоит обременять прекрасную девушку столь грубой животиной.

У него, правда, было кольцо... Он купил его в гномьей лавке и хотел подарить месяца через два... или три... когда их отношения станут действительно серьезными. Но жизнь не оставила ему этих двух или трех месяцев. Что же! Он все объяснит, она не поймет превратно...

Они встретились в центральном парке, возле клумбы, где цвели прекрасные белые розы самого знаменитого сорта. Алехандрина была так свежа и прекрасна, что у Поля в горле встал комок. Он запомнит ее навсегда такой, а она запомнит его. И может быть, старшего сына она назовет в его честь...

Ну или хотя бы внука!

Он нащупал в кармане бархатную коробочку, и это придало ему смелости.

— Алехандрина! — начал он заготовленную речь. — Дорогая! Мне нужно о многом с вами серьезно поговорить. Но сперва прошу вас, примите это от меня...

Он хотел добавить: «На память», — но не успел. Алехандрина Родригес Диас, пылкая и порывистая, как всегда, в одно мгновение надела кольцо на палец и кинулась Цвирту на шею. Поль сам не понял, как это вышло, но через пару минут обнаружил себя страстно целующимся с Алехандриной.

Отступать было поздно. Все заготовленные речи теперь никуда не годились. Он только что скомпрометировал доверчивое юное создание на глазах всего парка.

— Алехандрина, — быстро проговорил Поль, уворачиваясь от очередного поцелуя, — вы... станете... моей... женой?

Последнее слово он буквально вытолкнул из горла.

— Конечно, amore mio!

А что еще могла ответить ему бедняжка?!

3

— Что это ты такая радостная, mi pajarito? — ворчливо поинтересовалась синьора Паола Диас Фернандес. Ее дочь, напевая, кружилась посреди кухни. — Неужто твой Поль наконец...

— Ах, мама! Да, да! Он сделал мне предложение! — Довольная Алехандрина продемонстрировала матери кольцо. — И он подарил мне это! А ты знаешь, сколько оно стоит?

— У меня хорошая память, — невозмутимо ответила синьора Паола. — Как-никак, mi pajarito, ты твердишь мне об этом уже четыре месяца подряд. Твой гном мог бы взять и подешевле! Ведь стоимость этого кольца вычитается из вашего будущего семейного бюджета! Тебе нужно быть серьезнее, Алехандрина, ты теперь почти что замужняя женщина!

— Ах, мама, я так счастлива, так счастлива! — Алехандрина схватила руки матери и на мгновение прижала их к своему лицу. — А все благодаря вам!

Синьора Паола довольно улыбнулась. Год назад она настойчиво порекомендовала своей неразумной дочери обратить внимание на молодого, но весьма многообещающего ковенца. По здравом размышлении она пришла к выводу, что этот юноша, попав в руки достойной женщине, сможет достичь очень многого. Единственное, что огорчало и мать и дочь, — это вполне понятная робость будущего супруга. «Мужчины — такие робкие создания! — думала порой синьора Паола, вспоминая всех своих четырех мужей. — Они не боятся ни василисков, ни драконов, но просто сказать девушке: «Te quiero!» — они страшатся больше всего на свете...»

Как хорошо, что у ее Алехандрины есть такая разумная мать!

4

Цвирт смотрел на комплекс сарайчиков, отчего-то гордо именуемый «палатами аррского конунга», и всеми силами старался скрыть свое разочарование. Здесь не было ни эльфийской утонченности, ни совершенства гномской отделки, ни броской роскоши, так любимой во дворце лыкоморского государя (да, бывали, бывали!). Здесь вообще ничего не было, кроме деревянных домиков, почти черных от времени, которые никто не удосужился даже покрасить. Маленькие оконца; купола-луковки; бывшая в моде еще до начала времен узорчатая резьба.

Чем тут восхищаться, скажите на милость?

Но все же он смотрел, прикрывая глаза от солнца, смотрел на темный шестигранный купол, четко вырисовывающийся на фоне летнего неба. Как это... странно, наверное, да... Он вдруг ощутил, что эти домики, небрежно разбросанные внутри высокого частокола, стояли здесь еще в те времена, когда корабли людей блуждали в Предвечном Океане, следуя за Вечерней Звездой. Время бурлило вокруг них, как море вокруг прибрежной скалы, — но даже в самый сильный шторм этот камень не оказывался под водой.

В тот момент Цвирт понял, почему золотой дракон появился именно здесь. Легко было представить, как над той башенкой, что кажется светлее прочих, вспыхивают на солнце огромные крылья.

— Эта башня посвящена Арведуэнн, — раздался рядом низкий, чуть хрипловатый голос той, кого звали Ланна даль Вирг. «Арведуэнн»... Два звука «уэ» она слила в один, и слово прозвучало совсем не по-лыкоморски. Женщина тоже смотрела на башню, не щурясь против солнца, и глаза ее казались черными, как эти деревянные стены.

— Я впечатлен, — осторожно признался магистр Цвирт. Большего он сказать не мог, но этого и не требовалось.

Остальные молчали — и люди, и волкодлаки. Они стояли рядом, однако не смешивались, будто вода и масло. «До чего все-таки нам ближе эльфы и гномы! — вдруг подумал Поль Цвирт. — Казалось бы, оборотень — это человек и волк. Если убрать волка... а вот его-то убрать как раз не получается!»

— Идемте, — тише и мягче сказала Ланна. — Конунг ждет.

Она провела их по длинной наружной лестнице, взбиравшейся по стене сразу на второй этаж, и отворила узкую дверь. Маги прошли через анфиладу комнат, похожих друг на друга как две капли воды, несколько раз спустились-поднялись по невесть откуда взявшимся коротким лестничкам, а под ногами все тянулся и тянулся бесконечный ковер темно-красного цвета. Гномский он, что ли? Кажется, на нем были вытканы какие-то сюжеты, и Цвирт совершенно не понимал, зачем топтать такую красоту; но вот ковер кончился, и процессия остановилась перед высокой стрельчатой дверью со стеклянными витражными вставками.

Цвирт глянул на свою провожатую. Та отступила, вежливым кивком дав понять, что на этом ее миссия окончена. Кивнув в ответ, маг положил ладонь на узорную медную ручку. Она оказалась теплой — почти горячей. Нажать, чуть повернуть... дверь распахнулась от толчка, будто подхваченная порывом ветра, и изнутри дохнуло такой магической силой, что Поль машинально вскинул локоть, защищая лицо от яростного драконьего жара. Одновременно ему почудилось, что он идет ко дну и высоко-высоко над его головой сомкнулись темные воды.

Наваждение налетело на него как порыв ветра — и так же внезапно пропало. Поль медленно опустил руку и встряхнулся. В нем проснулось что-то вроде боевой злости, кровь быстрее побежала по жилам. Золотой дракон, стало быть! Ну а за ним — вся мощь КОВЕНа!

И где здесь этот хваленый аррский конунг?

Сжав зубы, Цвирт сделал шаг — первый, потом второй. Он ежесекундно ожидал нового магического шквала, но если то, что билось сейчас у него в голове, можно было выразить словами, они прозвучали бы так: «Я в своем праве!» Да, я не конунг и не дракон; что с того? Я выполняю свой долг! Я пришел не для того, чтобы подмахнуть какой-нибудь договор о правах Лыкоморья на сопредельную скирду! И Сигурд дель Арден — не пушистый щенок, обиженный злыми магами из КОВЕНа!

Я в своем праве!

Как только эта мысль кристаллизовалась из общего эмоционального сумбура, Цвирт вдруг пришел в себя. И первое, что он почувствовал, — это три источника силы, пульсирующие каждый на расстоянии трех-четырех шагов. Три? Но...

Через мгновение он понял, в чем дело.

В комнате находились сразу три дракона из высшей девятки.

Первый небрежно развалился в плетеном кресле, вытянув длинные ноги едва не на середину комнаты. На вид ему было не больше двадцати пяти лет, и лицо его, узкое и насмешливое, одновременно казалось неподвижным и *колеблющимся*, будто язык пламени. В нем действительно было что-то огненное — хотя бы волосы: темно-рыжие, довольно длинные и сильно растрепанные. Он не принадлежал по рождению к Старшим Расам, но и назвать его человеком было как-то неправильно. Чуть улыбаясь, он поигрывал деревянной пластинкой, в которой Цвирт с изумлением узнал плохонький мнемо-амулет.

Вторая — тоненькая эльфийка с упрямой линией рта — сидела на широком подлокотнике вполоборота к двери. Треугольное лицо, глаза болотного оттенка, выцветший шрам на подбородке слева — она совсем не была безупречной, и Цвирт видывал женщин много красивее. Но естественность порой стоит дороже безупречности. Она сидела на подлокотнике, как птицы сидят на ветке. Золотистые волосы были заплетены «колоском», и кончик косы покачивался над самым полом.

Третьим источником силы оказалась девушка лет двадцати, очень уютно устроившаяся в кресле с ногами (ноги были босые, как удивленно отметил магистр Цвирт). Из всех троих она выглядела самой младшей и самой простой: загорелое лицо, россыпь веснушек, русые, чуть растрепанные волосы уложены немудрящей корзинкой. Опустив ресницы, она почесывала у кота за ухом,

будто и не заметив, что в комнату кто-то вошел. Кот довольно щурился, не отрывая взгляда от кончика эльфийкиной косы.

Впрочем, Цвирт не страдал от недостатка внимания: два других дракона разглядывали его так открыто, что он немедленно ощутил себя чем-то вроде белого слона. Это сбивало с толку, но Поль уже начал припоминать, с какими словами полагается обращаться к дракону, когда девушка вдруг подняла глаза. Они оказались синими — синее, чем эльфийские сапфиры, чем небо весной, чем легчайший шелк с Медовых Островов.

Золотой дракон Арры смотрел на Цвирта, продолжая поглаживать серо-розового кота. И Поль забыл все. Время остановилось. Он падал, падал, падал в эту бесконечную синеву; перед его глазами росла трава, светила луна, неуклюже приплясывали лесные тролли, а уши слышали рев огня, шум листвы, тихое жужжание нити, ложащейся на веретено...

А потом Лерикас отвела взгляд, и Цвирт понял, что не покидал этой комнаты, ярко освещенной вечерним солнцем.

— Мы рады приветствовать вас в Арре, магистр Цвирт, — сказала она, легко преодолев многочисленные «р». — Пусть ваши люди заходят, стоять на пороге — плохая примета... А кресел в Конунгате хватает.

Поль почувствовал, как что-то легко толкнуло его под колени. Это и было кресло — подпрыгивая на коротеньких ножках, оно прямо-таки настаивало воспользоваться разрешением конунга.

— Драконы готовы выслушать КОВЕН, — многозначительно сказала эльфийка, когда все маги заняли свои места. — Я — Фириэль аунд Ларе. Это — Корин из Херьянгс-фьорда.

— Я — Поль Цвирт, — по обычаю представился маг, хотя все его существо возражало против такой рискованной формулировки. Он был уверен, что все трое и так знают, как его зовут. Однако эта фраза была чем-то вроде той соломинки, за которую хватается утопающий. Его речь — его прекрасная, звучная речь, построенная по всем правилам риторического искусства! — увы, не предусматривала наличия двух незапланированных слушателей. Двух незапланированных драконов из высшей девятки.

Незапланированные драконы продолжали рассматривать Цвирта. Особенно старался Корин из Херьянгс-фьорда, совершенно непохожий на фьординга: ни бороды, ни секиры, ни возгласа «Да будете вы добычей троллей!». А может, он и сам — тролль?

Точно прочтя эту мысль, дракон ухмыльнулся и резко сдул рыжую прядь, упрямо падавшую на глаза. Из его рукава высунулась острая крысиная мордочка; мелькнул блестящий черный глаз. Кот на коленях у Лерикас насторожился, но конунг молча положила руку ему на спину. Нос и глаз исчезли — крыса благоразумно поспешила забраться поглубже, и ее путь был прекрасно виден стороннему наблюдателю.

Цвирт хмыкнул, кашлянул, смутился и вдруг опять почувствовал ту самую боевую злость. Драконы! И что из того? Если бы магистр Поль Цвирт самолично пришел разговаривать с аррским конунгом, он, конечно, мог бы смущаться, побаиваться и не знать, как выдавить из себя хотя бы слово. Но сейчас он не просто какой-то магистр. В нем, можно сказать, воплощен весь КОВЕН! И КОВЕН восстановит справедливость, потому что для того он и существует!

Закон един для всех, и все перед ним равны — и дракон, и маг, и простой человек, и подданный Серого Конунгата. Уж кто-кто, а волкодлаки должны помнить об этом лучше прочих! Нарушившие Закон во время той, древней, войны, они были наказаны столь сурово, что чуть вовсе не исчезли с лица земли. И если их конунг, пришедшая, как говорят, с далеких звезд, забыла об этом — что ж, он напомнит!

Цвирт ответил ухмылкой на ухмылку и откинулся на спинку кресла, начиная чувствовать удовольствие от грядущей схватки. Пауза затянулась ровно на столько, насколько нужно; выдержав ее до конца, он положил руки на резные подлокотники и заговорил — спокойно, взвешенно, но намеренно очень жестко.

— КОВЕНу известно, — этикетные формулировки опустим, сейчас не до них! — что золотой дракон Арры укрывает от Закона беглых опасных преступников. Их имена: Сигурд дель Арден, Эгмонт Рихтер, Ялька Ясица. — Поль, не глядя, протянул руку, и в нее тут же лег тугой свиток. «Молодец, Конрад, быстро реагирует; надо упомянуть в докладе Магистру Эллендару...» Цвирт развернул пергамент и продемонстрировал слушателям изображения беглецов. Рыжий Корин наконец-то перестал ухмыляться. «Ага, проняло и тебя!»

«Видела бы меня Алехандрина!» — мелькнула непрошеная мысль.

— Эгмонт Рихтер вдвойне виновен перед КОВЕНом. Используя в преступных целях свои способности, равно как и способно-

сти своей ученицы, он помог Сигурду дель Ардену сбежать из ковенской тюрьмы. Полагаю, драконам, входящим в Совет Девяти, не нужно объяснять, какую страшную угрозу представляет собой человек, обладающий *такой силой*. Или — вступивший в сговор с *такой силой*! — Цвирт выделил последние слова, как наставляли когда-то на семинаре по риторике. — И вместо того чтобы начать борьбу против общего врага, золотой дракон Арры всячески мешает поимке преступников и предоставляет им убежище!

Он осмотрел аудиторию, пытаясь понять, какое впечатление произвела его речь. Лерикас не сводила глаз с кота — может быть, чувствовала вину? Хорошо бы, но это вряд ли. Необходима хорошая заключительная фраза, и Цвирт с размаху бухнул:

— КОВЕН готов выслушать, что могут ответить драконы!

— В свое оправдание? — лениво предположил Корин.

Концовка речи все-таки получилось смазанной. Цвирт сжал зубы — не следовало отвечать на провокацию.

Лерикас наконец оторвала взгляд от кота.

— Вот так и приходит старость, — прохладно констатировала она.

— В смысле? — живо заинтересовался фьординг.

— В том самом. Сперва они всем КОВЕНом двадцать лет не могли поймать одного-разъединового некроманта — и ловили бы до сих пор, если б ему самому это не надоело. — С каждым словом ее голос казался все холоднее, а в комнате, наоборот, становилось все жарче. — Потом они не разглядели, что такое Т'ари аунд Велленсдар. Потребовалась гибель одного из моих городов, почти развязанная война, угроза моей жизни и моей Арре! — В глазах конунга вдруг вспыхнул синий огонь, но она мгновенно опустила ресницы. Запахло раскаленным металлом. — Нет, и этого было мало! Оказывается, для решения проблемы, которую сам КОВЕН и породил, необходимо пройти Дорогой Королей, стать золотым драконом и... — Она замолчала, резко оборвав фразу.

— Лериэ... — осторожно сказала эльфийка.

— Я помню, — кивнула Валери даль Арден. — Но суть не в этом. И теперь они приходят к нам и требуют от нас отчета, почему-то упорно забывая упомянуть, по какому праву они засунули в магическую тюрьму существо, вовсе лишенное магического дара! Или Элландар решил, что он может судить и карать *моего подданного*, над которым *я одна* властна в жизни и в посмертии? Впервые я встречаю таких наглых воров!

Эти слова прозвучали так, как и должны были прозвучать, — жутко. Поль Цвирт съежился и похолодел. Забавной девушки, с ногами забравшейся в кресло, здесь больше не было — остался только разъяренный дракон, на собственность которого посмели посягнуть. «Матушка, как ты могла родить такого идиота? — мысленно воззвал несчастный маг. — Как я мог забыть, что драконы — абсолютные собственники!»

— Да уж, — сочувственно сказал рыжий Корин. Он как раз вытаскивал упирающуюся крысу через ворот рубашки, и это как-то смягчило жуткую торжественность момента. — Пещерку-то обнесли, а, Лериэ?

Цвирт почувствовал к нему необъяснимую симпатию.

Лерикас сплела пальцы и замолчала, глядя исключительно на кота. Кот мурлыкал как заведенный, — видимо, улучшал ауру собрания, а может, собственную защиту.

— Магистр Цвирт! — В беседу вступила эльфийка, и она, кажется, была здесь самой разумной. — Меня интересует другой вопрос. Отчего для поимки столь опасных преступников, обладающих невероятной магической мощью, Эллендар отправил такой немногочисленный отряд?

Она прищурилась, и Цвирту показалось, что его взвесили на каких-то весах и прикрепили бирочку.

— Я не спорю, — спокойно продолжала Фириэль, — у всех есть некоторый потенциал, а вы, магистр Цвирт, при должном старании можете вырасти в весьма незаурядного мага. Однако я еще помню настоящие ковенские облавы. Ну, взять хотя бы ту, о которой упомянула Лериэ. Магистр Веллен, бесспорно, оказался весьма изворотлив, но и КОВЕН был тогда гораздо активнее. Чем вы объясните это?

— Госпожа Фириэль, — спокойно ответил Цвирт, и дорого ему стоило это спокойствие! — Не знаю, как принято в высшем совете драконов, но у нас в КОВЕНе знают, что такое дисциплина и что такое субординация. У нас не принято обсуждать действия старших и отчитываться перед младшими. Мне отдали приказ — я его выполняю.

— Понимаю, — медленно сказала эльфийка. В ее зеленоватых глазах появилось уважение. — Это достойный ответ.

Цвирт молча кивнул — на большее его уже не хватило.

Лерикас подхватила кота под живот и передала его Фириэли — животное свисало, как тряпочка, не рискуя даже выпустить

когти. Встала, отряхнув подол от шерсти. Обвела взглядом ковенский отряд. Она стояла на деревянном полу — босая, в простеньком полотняном платье, с распушившимися волосами, — и Цвирт почему-то не отрываясь смотрел на ее ступни. Тонкие щиколотки; розоватые пятки; пять пальцев. То есть десять. Боги, о боги! Он сам не знал, что пугает его больше: ярость дракона или то, как успешно этот дракон прикидывается обычной двадцатилетней девчонкой.

Это, наверное, и есть страх перед оборотнем...

— Так слушайте же меня, люди КОВЕНа! — заговорила Лерикас Аррская. В ее глазах сияла вечная синева, а голос был голосом дракона. — И запоминайте, что услышали, ибо это — слово в слово — вы передадите своему Эллендару и своему Совету. КОВЕН, как и всегда, оказался слеп. В очередной раз вы спутали причину и следствие. Эти трое, за которыми вы гонитесь от самого Межинграда...

Она резко взмахнула рукой, и в воздухе появились три огненных руны. Люди почти не знали гааарда, но это слово было известно любому уважающему себя магу.

«ДРАКОН» — гласили покачивающиеся языки пламени.

— Что? — подала голос Анджелина, магичка из отряда Цвирта. Все обернулись на нее: сложно было представить, что кто-то еще способен задавать вопросы. Но женское любопытство оказалось сильнее чувства самосохранения. — Аррани! Вы хотите сказать... но ведь такого не бывает! Или они — это сразу три дракона?

— Я сказала то, что хотела сказать! — отрезала Лерикас. — Эти трое суть одно, суть дракон! Золотой дракон — нет, золотой драконенок! И чтоб я никогда не поднялась в небо, если я дам его в обиду!

Цвирт закрыл глаза. Ему отчетливо представился золотой драконеныш о трех головах: вот он бредет, спотыкаясь, по осколкам скорлупы, вот неловко переваливается через Драконий Хребет... голова дель Ардена между тем корчит жуткие рожи, адептка Ясица показывает язык, а Рихтер говорит страшное: «Адепт Цвирт, к красной черте!»

— Но Тьма! — все-таки выдавил он. — Амулет! Зеркало!..

— Причина и следствие, — едва ли не с удовольствием повторила Лерикас. — Птенец, только что вылупившийся из яйца, — желанная добыча для хищника. А вы, вместо того чтобы оберегать его, создаете еще больше проблем!

— Этот дракон скоро инициируется, — вставила Фириэль. — Вам ведь известно, как это происходит?

Цвирту было известно. Десятью минутами ранее Лерикас огласила полный список обстоятельств, сопутствовавших ее инициации.

— Они должны победить то, что хочет их сожрать, — произнес Корин из Херьянгс-фьорда, поглаживая крысу согнутым пальцем. — Дракон — это явление стихии, вроде вулкана или новой звезды. Нет ничего удивительного, что появление нового, да вдобавок еще золотого, — это проверка для мира на прочность. В наших общих интересах сделать так, чтобы мир это пережил.

— Что конкретно я должен сделать?

— Не мешать! — почти спокойно сказала Лерикас. — Догоните их. Успокойте. Объясните, что произошла... мм... нестыковка. Ведь для вас нестыковки — это обычное дело? Если им потребуется помощь — помогите. Но в основном постарайтесь не путаться под ногами!

— Я объясню вам все.

Фириэль легко поднялась на ноги. Более приятных в общении эльфиек Цвирт никогда не встречал. Интересно, она замужем? Это чисто научный интерес!

Корин из Херьянгс-фьорда издал какой-то сдавленный звук. Хотя, впрочем, это могла быть и крыса.

— Давайте выйдем! — поспешно предложила эльфийка. — В саду сейчас очень хорошо! Цветут георгины...

— Иди отсюда, георгин, — еле слышно пробормотал рыжий тролль.

5

Едва дверь закрылась за последним из ковенцев, Сим принял человеческий облик. Он пересел в оставленное Фириэлью кресло, побарабанил пальцами по подлокотникам и хитро посмотрел на хозяйку.

— Знаешь, Лериэ, — нейтрально сказал Корин, — мне почему-то казалось, что это будут мирные переговоры.

— Мне тоже *казалось*. — Конунг Арры подошла к окну и глубоко вдохнула яблочный запах. — Но, видно, я никогда не прощу

КОВЕНу ни Шайнгарда, ни Рэнта. Потому что Шайнгард — мой город, а Рэнт — мой муж.

Сим с интересом покосился на Корина. У того явно вертелась на языке какая-то ехидная фраза, но он, как умный дракон, знал, когда можно говорить, а когда лучше помолчать.

— Слышь, Эрик! — позвал кошкодлак. — Кончай прятаться, они уже ушли! Можно не бояться!

— Ну, раз ты так говоришь... — откликнулся некромант. Он стоял в *тени*, и Сим был уверен, что ни один ковенец его не заметил. — Тебе верю. Ты у нас по страху точно специалист.

Сим хмыкнул. Он был уверен, что все к лучшему: фьордингская составляющая Эрика таких шуток просто не понимала, зато эльфийская ценила хороший ответ выше хорошего удара.

— А вообще, это была отличная мысль — позвать еще драконов! — Сим подмигнул Корину, тот ответил ленивой усмешкой. — А то были бы мы сейчас с тобой — погорельцы.

— Ну, усы я тебе и сейчас подпалить могу, — сказала Лерикас, не оборачиваясь.

— Молчу-молчу! — торопливо проговорил Сим. Но все понимали, что гроза миновала.

Запах горячего металла понемногу выветривался, и комнату заполнял кисловатый яблочный аромат.

6

«Это становится нехорошей традицией!» — мрачно думала я, пока горничная с трудновыговариваемым именем Станцерль бодро застегивала многочисленные крючочки на моем новом платье. Пальцы у нее были ловкими, но я привыкла одеваться сама, без посторонней помощи, и чувствовала себя донельзя нелепо.

Как там было в лыкоморских сказках? Накорми, напои, в баньке попарь и спать уложи? Родственники обоих моих друзей придерживались другого алгоритма, и выглядел он приблизительно так: «Поймай Ольгу — отмой Ольгу — выдай ей что-нибудь юбчатое, — а потом, ежели доживет, можно и покормить». Я в принципе была не против. Но видят боги, до чего же оборотничья мода была удобнее западной!

Хотя бы тем, что она не предусматривала корсета.

Я попыталась вздохнуть и тут же поняла, что это плохая идея. Корсет — настоящий корсет, а не та тряпочка, которую называла этим словом Полин! — ужал меня так, что для воздуха внутри почти не осталось места. Вся конструкция, снабженная косточками, жесткими швами и металлической пластинкой спереди, гораздо больше напоминала хитрые потайные латы, чем деталь дамского туалета. Больше всего досаждала проклятая пластинка — она лишила меня всякой возможности наклониться вперед, и я на собственном опыте поняла, откуда у благородных дам берется такая царственная осанка.

Что касается самого платья, то оно оказалось длинным, кремовым и сплошь обшитым кружавчиками. Они были везде: на подоле, на рукавах, в вырезе лифа, на многочисленных оборках... Юбки стояли колоколом, покачиваясь при каждом шаге, на рукавах болтались какие-то ленточки, зато грудь волшебным образом приподнялась и увеличилась. В лифе ей было, во-первых, тесно, во-вторых, холодно: вырезы здесь носили довольно глубокие.

Зато каблуки были не в почете.

Станцерль, невольно переименованная в Стасю (она говорила только на родном языке, а мой аллеманский не включал названий деталей туалета), удовлетворенно прицокнула языком и подвела меня к зеркалу. В зеркале наблюдалась бледная рыжая особа весьма испуганного вида. Э нет, не годится! Я поспешно поджала губы и высокомерно задрала подбородок. Вот так-то лучше!

Станцерль-Стася поправила локон, специально вытащенный из моей прически, и добавила пару шпилек для пущей устойчивости. Я улыбнулась, покивала и шагнула к выходу, но Станцерль, всплеснув руками, издала возмущенный возглас. Схватив со столика какую-то коробочку, она быстро и чрезвычайно аккуратно извлекла оттуда пару перчаток и изъявила жестами готовность их на меня надеть. Однако я решительно воспротивилась. Боевой маг, одолевший василиска, уж точно в состоянии справиться с какими-то кружевными перчатками.

«Занесло же нас в эти края!» — уныло размышляла я, следуя по длинным коридорам, вымощенным черно-белой плиткой. По детской привычке я старалась не наступать на черные и под конец начала напоминать себе шахматного слона. Платье шуршало, покачивалось, лезло под ноги и всеми силами старалось отравить мне жизнь.

Наконец впереди показалась изящная арка, за которой виднелся обеденный зал. Я прибавила ходу, уже привычно поддерживая подол. Хвала богам, у двери не имелось лакея с жезлом; приятно улыбаясь, я вплыла в столовую и тут же увидела страшное.

Посреди длинной комнаты, оформленной в светло-золотистых тонах, стоял длинный стол. На столе имелась скатерть (одна штука, белоснежная), букеты цветов (три, кажется, но одинаковые), и неисчислимое множество всяких столовых приборов. Ложки, вилки, ножи, нечто и вовсе не вероятное... Госпожа баронесса, сидевшая во главе стола, послала мне обворожительную улыбку, и я, старательно сияя, заняла указанное место.

Напротив меня сидела Аннелизе в платье цвета морской волны. Место слева от нее пустовало, а дальше расположилась весьма живописная группа: Сигурд в окружении двух девушек лет шестнадцати. Та, что сидела справа, выглядела скорее худощавой, с очень живым лицом и блестящими светло-карими глазами. Непослушные волосы были заколоты костяными гребнями — интересно, не из того ли василиска, что мы на пару с Эгмонтом завалили в Драконьих горах? Та, что слева, немного напоминала Полин в период перед очередной диетой, но в отличие от нее ничуть по этому поводу не страдала. Волосы она заплетала в две косы, украшая роскошными шелковыми лентами, и каждая из этих кос была чуть толще, чем моя одна. Я было завистливо вздохнула, но вовремя вспомнила про корсет. Все трое вели оживленную беседу, и Сигурд выглядел очень довольным жизнью.

Вблизи приборов оказалось еще больше, чем издали. Я насчитала возле своей тарелки пять разновеликих вилок и затосковала. Вообще-то на запястье у меня болталась крохотная дамская сумочка, а в сумочке обретался верный «Справочник», на сей раз именовавшийся «Отрадой дамуазели». Размера он был карманного, в пол-ладони, но я плохо представляла, как листаю его на глазах у изумленной баронессы, пытаясь определить, которым ножичком и под каким углом полагается пилить жаркое. Добро бы я еще сидела с дальнего края, так ведь нет — как почетную гостью, меня усадили по левую руку от хозяйки!

С другой стороны от меня сидел Луи, едва не подпрыгивавший на стуле от восторга. Я вспомнила, что успела прочесть в «Справочнике»... то есть «Отраде дамуазели»! — и заподозрила будущего барона в намерениях объявить меня дамой сердца.

— А у нас сегодня консоме! — таинственным шепотом поведал он. — Ильга, вы любите консоме?

— А как же! — браво ответила я. Знать бы еще, что это такое, а самое главное — чем его едят. «Эгмонт! — подумала я так громко, как только могла. — Где тебя мрысы носят?! Твои это родственники или чьи? Будь человеком, выручай!»

Разумеется, Эгмонт не откликнулся. Желудок, сдавленный корсетом, издал приглушенное попискивание, и чтобы заглушить этот звук, я торопливо обратилась к Луи:

— А вы мне не поможете... как будущий коллега? Я пока знакома только с вашей матушкой и самой старшей из ваших сестер...

Будущий коллега смутился и просиял.

— Да... да я... с удовольствием! — быстро нашелся он.

Вскоре я уже знала, что:

— ...девушка справа от Сигурда — это Аннедоре, ей семнадцать, и она хоть и девчонка, но вполне ничего. Она любит стрелять, фехтовать, охотиться и, — Луи понизил голос, хотя это было почти невозможно, — прекрасно играет в кости!

— ...вторая собеседница оборотня — Аннерозе, они с Аннедоре близнецы, но не слишком похожи, хотя и родились в один день. От нее нигде нет спасения: курточку одерни, волосы расчеши, вечно норовит пирожок подпихнуть, и хоть бы мышей боялась, что ли! Никакой от нее радости. Да еще женихи эти! Если жених ей нравится, значит, туда-сюда с записочками бегать придется, а если нет — думай, как отвадить! Брат ты или кто?

— ...самую младшую из сестер, сидевшую по левую руку от Луи, зовут Аннегрете... то есть это Курт ее так зовет, а все остальные зовут Гретхен. Но Курт — он в нее влюблен, так что ему можно. Когда он совершит подвиг, так сразу и признается, а пока Гретхен ничего и не знает. А вообще, от нее тоже лучше держаться подальше: она сильно ботанику любит — не успеешь оглянуться, а тебе уже всучили совок и корзинку.

— ...а Аннелизе играет на арфии, и ее собачку зовут Максимилиана. Сначала, правда, ее — собачку то есть! — назвали Максимилиан, но потом выяснилось, что ошиблись, после того как в доме прибавилось пять новеньких Максимилианчиков.

— ...а жених Аннелизе — офицер, и его зовут Георг; а еще...

Но тут Луи был вынужден замолчать: в столовую, на ходу одергивая парадный камзол, вошел Эгмонт. Вид у него был крайне недовольный, зато я почувствовала себя гораздо лучше. Выхо-

дит, не мне одной страдать от изысков здешних мод! А к этому костюму только пудреного парика не хватает...

Эгмонт, склонившийся над рукой матери, бросил на меня испепеляющий взгляд.

— Ну что же. — Госпожа баронесса обвела взглядом стол. — Теперь, кажется, ждать нам больше некого. Можно начинать. Хотя...

Она перехватила мой отчаянный взгляд и, знаком подозвав слугу, коротко отдала ему какое-то распоряжение. Сказано было по-аллемански, и я ничего не поняла, зато у невозмутимой Аннелизе брови медленно поползли вверх.

Слуга поклонился, куда-то исчез и почти сразу же вернулся. Теперь его сопровождал поваренок, торжественно тащивший огромную корзину. Пока корзина добиралась до кресла хозяйки дома, баронесса отложила в сторону вилку, ложку, нож и маленькую ложечку. Все остальные столовые приборы — сверкающая серебряная кучка — оказались небрежно отодвинуты к краю стола.

— Карл, уберите все лишнее, — самым светским тоном распорядилась баронесса.

У Аннелизе, кажется, немного дрожали губы. Она смотрела на исчезающие со стола приборы с видом ребенка, впервые заметившего луну на дневном небосводе. «Так не бывает!» — отчаянно думала она. Честное слово, я не собиралась подслушивать ее мысли, но это разобрал бы даже глухой.

Слуга прошел вокруг стола, «убирая лишнее». Сигурд и близняшки даже не заметили перемен: им было не до того. Луи пребывал в совершеннейшем восторге. Курт доказывал Гретхен, весьма старательно выговаривая лыкоморские слова, что дорогой... э-э... фройляйн не следует мочить свои маленькие ножка и свои... хм... чистые ручка, а необходимый лопух он доставит ей сам. Аннегрете — этакий белокурый цветочек — улыбалась знакомой рихтеровской улыбкой, не сулившей собеседнику легкой жизни. Периодически она поправляла Курта, напоминая о склонениях, спряжениях и падежах.

Консоме оказался крепким бульоном, к которому прилагались на выбор маленькие пирожки трех видов. Я печально грызла тот, что с сыром, — корсет, ужавший меня почти в полтора раза, не оставлял свободы для маневра. Бульон еще хоть как-то, но просачивался. Я покосилась на Эгмонта — маг был по-прежнему мрачен, что ничуть не отразилось на его аппетите. Вот ведь гад! Громко подумав все, что хотела сказать о западной моде вообще и жен-

ской западной моде в частности, я с усилием заглотила пирожок и перевела взгляд на Сигурда.

Вот уж кто не испытывал ни малейших неудобств! Оборотень ел за нас обоих — его тарелку наполняли сразу с двух сторон — и при этом ни на миг не прерывал беседы. С Аннедоре он обсуждал тонкости охоты на зайцев, Аннерозе надиктовал чуть ли не целую поваренную книгу, Аннегрете пообещал выслать при оказии парочку отростков, а Аннелизе от души поздравил с предстоящим замужеством.

— Любой был бы счастлив взять в жены дочь такой достойной матери! — с пафосом закончил Сигурд, убив сразу двух зайцев.

Аннелизе приятно зарумянилась, а госпожа баронесса улыбнулась оборотню, как родному. Только Эгмонт не разделял общего счастья. Медленно положив вилку на тарелку, он слегка наклонился и внимательно посмотрел на волкодлака. Тот ответил совершенно невинным взглядом.

— А как в Арре принято справлять свадьбу? — спросила белокурая Аннегрете.

Следующие два вида жаркого, один большой пирог и три маленьких, а также легко проглатываемый салат Сигурд вещал практически соло. Все это была уже известная мне информация, поэтому я с чистым сердцем слушала другого рассказчика.

Луи тоже не интересовали свадьбы. Его интересовала Академия Магических Искусств, а особенно — факультет боевой магии, и об этом он был готов рассказывать часами.

— Когда мне будет тринадцать, — увлеченно говорил он, не забывая, впрочем, поглядывать на мать, — я тоже сбегу из дома! Только это большая тайна. Вы ведь меня не выдадите, правда?

— Что вы, Луи, — ответила я, ухитрившись не измениться лицом. — Среди боевых магов это не принято. А почему «тоже» и почему именно в тринадцать?

— Ну как же... — Мальчик явно не ожидал, что я не знаю таких простых вещей. — Эгмонт убежал из дома в тринадцать лет, и я убегу! И поступлю на боевой факультет, и стану боевым магом, и буду странствовать и сражаться с чудовищами!

Я с тоской проводила взглядом аппетитного фазана, которого как раз проносили мимо, и с некоторым опозданием поняла, что сказал Луи. Эгмонт сбежал из дома? Зачем? Что-то не похоже, чтобы он был здесь несчастным сироткой!

— Тринадцать не подходит, — ответила я, потому что это первым прыгнуло на язык. — Теперь на первый курс принимают с девятнадцати лет.

И тут же пожалела, что сказала.

— Но... но... Ялька, как же так? Ведь Эгмонта приняли! Я это точно знаю! А до девятнадцати лет мне еще... целых одиннадцать! И это же почти совсем старость!

— Такова жизнь, — скорбно сказала я. Мимо проносили фаршированного поросенка.

7

Весь замок пропах съестным. Даже в моей комнате пахло молоком и пирожками. Станцерль ловко расшнуровывала платье; едва дождавшись, когда она с ним закончит, я освободилась от корсета и вздохнула полной грудью.

— Стася, ну как они все это носят?

— Ya, Fraulein! — ответила понятливая Стася.

Я плюхнулась на постель и горестно вздохнула, вспоминая поросенка, фазана и все остальное, чего мне так и не довелось попробовать. За ужином мы не перемолвились с Эгмонтом и парой слов, но я была уверена, что надолго мы в баронстве не задержимся. Завтра нас здесь уже не будет, и хочется верить, что на этот раз телепорт сработает без сюрпризов.

Позавтракать бы успеть! И больше никакого корсета!

Пирожками пахло все сильнее. Я недоверчиво принюхалась и тут же поняла: запах идет не из-за двери, а из-под большой салфетки, смутно белевшей на подоконнике. Да неужели?..

Я спрыгнула с постели и босиком бросилась к подоконнику. Так и есть! Под салфеткой обнаружилась тарелка поджаристых пирожков и кувшин молока. В два укуса заглотив пирожок, я запила его молоком прямо из кувшина и только тогда заметила, что на подносе стоит изящный бокал с вензелем «ЭА».

Если этим вечером кто-нибудь гулял по парку — скажем, Курт, отыскивающий редкостный лопух, — он мог бы видеть на фоне окна рыжую девушку в ночной рубашке. Девушка торопливо поедала пирожки, доливала и доливала молока из кувшина и выглядела, сдается, не особенно куртуазно. Зато чувствовала себя совершенно счастливой. Почти как Сигурд, наверное...

Вспомнив светского волка Сигурда, я фыркнула и едва не облилась молоком.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,
в которой фигурируют виверна, Чет с Нечетом и таинственный дар земли гномов. Помимо этого здесь стучат сапоги, лязгает оружие, бегают многочисленные собаки, а Ялька Ясица узнает много нового из биографии Марцелла Руфина Назона

1

Всю ночь надо мной летал комар, одинокий и очень несчастный. Сложно сказать, чего он хотел больше — то ли поужинать, то ли просто пожаловаться на жизнь, — но, просыпаясь, я всякий раз слышала тоненькое зудение, исполненное мировой скорби. Под утро комар утешился (а может, просто наелся), и я поспешила заснуть, пока он не передумал.

Когда я проснулась, время близилось к полудню. Едва осознав этот факт, я резко села на постели. Мы что, жить тут останемся или все же попытаемся телепортироваться еще раз? Винные погреба барона Хенгерна, конечно, способны вместить еще три-четыре ковенских отряда, но вдруг какой-нибудь маг окажется непьющим?

На спинке стула, обитой розовой тканью в цветочек, висело вчерашнее платье. Сейчас оно выглядело довольно безобидным, но боевому магу не следует дважды наступать на одни и те же грабли. Злорадно поглядывая на корсет, я быстренько надела штаны, затянула шнуровку на рубашке и долго лазила под кроватью, отыскивая свои сапоги. Чутье не подвело: там они и стояли. Правда, хитрая Стася отодвинула их подальше, к стене, а вот туфельки поставила у самого края.

Из открытого окна доносился цветочный аромат — в поисках заветного лопуха Курт все же не рискнул посягнуть на клумбы баронессы. Я скоренько переплела косу и выскользнула в коридор.

За первым же поворотом я нос в нос столкнулась со Стасей. Завидев меня, горничная всплеснула руками и разразилась серди-

той тирадой по-аллемански. Я ответила лучезарной улыбкой, бочком-бочком проскользнула мимо и отправилась прямиком на кухню, ориентируясь в основном по запахам. Не откажутся же они покормить голодную гостью!

Сегодня в замке царило оживление. Туда-сюда бегали слуги, всюду слышались распоряжения, под ногами шныряли многочисленные собаки — я все боялась оттоптать лапы Матильде или кому-нибудь из ее потомства. Дважды на меня налетали с подносами, и оба раза я спасалась только благодаря навыкам, полученным на практикумах у Эгмонта. Теперь я понимала, где он их приобрел.

На кухне у меня сразу разбежались глаза. Это был не какой-нибудь там закопченный закуток, о нет! В большущем зале пылали очаги, и в одних шкварчало жаркое, в других булькали соусы, а в третьих на огромных сковородах жарились пироги и пирожки. На столе возвышался огромный пирог, вокруг которого суетились разом четыре поварихи. Всем этим руководила невысокая кругленькая гномка в белоснежном накрахмаленном чепце и длинном фартуке с торчащими оборками.

Я остановилась на пороге, пытаясь понять, так ли уж сильно хочу получить свой завтрак. Но тут меня заметили. Ближайший поваренок схватил меня за рукав, усадил за маленький столик, пристроившийся в дальнем углу, и уже через пять минут я вовсю орудовала вилкой. Фаршированные поросята то ли уже кончились, то ли еще не начинались, однако миска рагу, кусок ягодного пирога и две кружки молока окончательно примирили меня со здешней кухней.

Я лениво отковыривала ложечкой присохшие к тарелке ягоды, когда на кухню быстрым шагом вошел Эгмонт. Он тоже был одет по-дорожному.

— Так и думал, что ты здесь, — вместо приветствия сообщил маг, ногой пододвигая себе табуретку. Столика хватило как раз на нас двоих, и я подумала, что, если придет Сигурд, кто-то окажется лишним. И я даже знаю кто.

— И тебе доброе утро... Когда мы отбываем?

— Через час с четвертью. — Эгмонт жестом пресек все попытки поставить на столик еще одну миску. — Я все утро вычислял траекторию телепорта. Не знаю, могу ли я хоть что-то гарантировать, но, во всяком случае, я сделал все, что от меня зависело.

— Если не можешь гарантировать ты, то кто же тогда может? — философски заметила я, допивая молоко. — И потом, если даже твой телепорт перекосило, что уж говорить о ковенских?

Прежний Эгмонт непременно сделал бы мне замечание о нарушении субординации и цеховой солидарности. Нынешний же довольно хмыкнул.

Четыре поварихи торжественно пронесли пирог через всю кухню. Гномка бдительно следила за тем, как его ставят в печь, и прикрикивала, когда ей казалось, что подчиненные действуют слишком неаккуратно.

— А в честь чего праздник? — поинтересовалась я.

Эгмонт пожал плечами.

— Это не праздник, — равнодушно сказал он. — Так, небольшое торжество в узком семейном кругу. Барон вернулся, с ним Георг... жених старшей из моих младших сестер.

— Аннелизе, — быстро сказала я. — Я помню.

До нас никому не было дела: все сгрудились вокруг печи, внимательно разглядывая пирог. Момент был самый подходящий, и я, поколебавшись, спросила:

— Эгмонт, а зачем ты вообще отсюда сбежал?

Маг глянул как-то странно, и я поторопилась объяснить:

— Знаешь... я бы, наверное, не сбежала. Семья, мать, сестры... отец неродной, ну и ладно...

— Луи проболтался, — уверенно сказал Эгмонт.

Я сделала совершенно непонимающее лицо.

— Допустим, сестер тогда еще не было... — Рихтер вдруг улыбнулся. — Слушай, Ялька, да мы, похоже, одни и те же книги читали! Кого-кого, а бедного несчастного маленького бастарда, которого шпыняют все кому не лень, здесь отродясь не водилось. Здесь водился вероятный наследник барона, которого оный барон всеми силами воспитывал, как надлежит. Ты же видела мою мать! Это сейчас у нее четыре дочки на выданье, а представь, каково мне было двадцать лет назад? Короче, мне это изрядно надоело, и я сбежал.

Я не читала книг, но это было непринципиально. Образ страдающего внебрачного сына нещадно эксплуатировался менестрелями, а в каждом из нас все-таки живет своя маленькая Полин де Трийе. В конечном счете история Эгмонта выглядела куда логичнее, но чего-то все-таки не хватало. Романтичности, может быть?

— Пошли, Сигурда поищем, что ли...

— А что его искать? — удивился Эгмонт. — На заднем дворе с бароном на мечах рубятся. Сейчас кафию попьем — и в дорогу.

2

Когда мы вышли на площадку для телепортации, я не удержалась и уважительно присвистнула. Эгмонт не соврал, сказав, что все утро провел за вычислениями, — каждый камень был исчерчен магическими знаками, и большую их половину я видела только в учебниках для старших курсов. Меньшая и вовсе была мне незнакома. Некоторые руны шевелились, некоторые вспыхивали, некоторые лениво курсировали в пределах очерченного мелом круга — мы осторожно пробирались между ними, боясь наступить на какой-нибудь крохотный хвостик.

— Ну, если и это не сработает... — пробормотал себе под нос Эгмонт. Кажется, он до сих пор не пришел в себя от предыдущей неудачи.

Мы встали в самом центре, и Эгмонт, сосредоточившись, начал читать заклинание. Его не стоило отвлекать, и я решила смотреть только на Сигурда.

Оборотень выглядел довольным и разочарованным одновременно. По всему выходило, что поместье Хенгернов ему понравилось: и хозяйка, и хозяйские дочки, да и барон оказался совсем неплох. Наше с ним общение ограничилось «Здравствуйте — до свидания», и этого мне хватило, чтобы понять: Луи вряд ли дадут сбежать, но это и к лучшему.

Второго Эгмонта Академия точно не переживет...

Мир начало заволакивать знакомой дымкой. На сей раз она сгущалась очень медленно, постепенно вырастая из контуров телепорта. В какой-то момент все руны налились неярким золотым сиянием. Где-то очень высоко вспыхнула Собачья Звезда, и на нас наконец-то рухнула долгожданная темнота.

Еще до того как она рассеялась, я почуяла знакомый запах леса. Под ногами пружинила мягкая земля. Оставалось только выяснить, водятся ли в этом лесу какие-нибудь эльфы...

Темнота рассеялась, и вопрос отпал сам собой.

Мы стояли посреди глухого мрачного ельника, где отродясь не ступала не то что нога эльфа — но даже лапа волкодлака.

— Мрыс! — прошипел сквозь зубы Эгмонт. — Да что же это за проклятие такое!

Я осматривалась. Кругом были только елки, упиравшиеся вершинами в серое сумрачное небо.

— Мы вообще где? — задал ожидаемый вопрос Сигурд.

Эгмонт огляделся с таким видом, будто надеялся увидеть за елкой того гада, который раз за разом сбивает ему телепорт. Но гад успешно маскировался. Выругавшись еще раз, теперь уже на эльфаррине, маг вытащил из кармана амулет в виде шарика на длинной красной нитке. Покачавшись в воздухе наподобие маятника, шарик ожил, забормотал, выдал несколько невнятных картинок и затух.

— Все понятно, — бодро сказал Эгмонт. — Нам туда.

На мой взгляд, это «туда» ничем не отличалось от любого другого. Но возражать я как-то не рискнула. Если Эгмонту хочется верить, что он держит ситуацию под контролем, лучше ему в этом не мешать. В любом случае лучше идти, чем топтаться на месте.

Главное, чтобы на первой же поляне нас не поджидал ковенский отряд. А на этот случай у нас есть очень злой Рихтер, так что еще не факт, кому придется хуже...

Какое-то время Эгмонт вел нас в неизвестность — шарик молчал, не реагируя на потряхивание и подергивание. Но потом Сигурду это надоело, и он сменил облик.

— Дайте-ка я пройду, — рыкнул он. — Этак мы всю одежу на кустах оставим.

Эгмонт молча посторонился, пропуская его вперед.

3

Чем дальше, тем гуще становился лес. Под конец мы уже продирались через густой кустарник, переплетенный с буреломом; я порвала рубашку, чуть не оставила косу на особенно колючей ветке и едва не снесла огромную паутину, заботливо растянутую между двумя дуплистыми вязами. Ее почти не было видно — только капли дождя, повисшие на тонких полупрозрачных нитях.

Здесь было холодно. Влажно. Неуютно. Под ногами скользила мокрая трава, из которой то там, то здесь поднимались высокие стебли папоротника, — хвала богам, зацветать он не собирался, Литов день давным-давно миновал. Белок я не заметила, из птиц

слышала только ворон, а ветви смыкались так плотно, что почти закрывали небосвод. Кажется, снова собирался дождь, вдобавок начинало смеркаться. Заночевать здесь, под деревьями, было просто невозможно: на то имелся ряд причин — и бытовых, и магических. Я вообще не слишком любила леса, предпочитая степи и пустоши, а уж в этой чащобе не прижился бы, наверное, даже правильный эльф.

Сигурд, легко скользивший впереди — прежде мне казалось банальным сравнивать волка с «серой тенью», — остановился и принюхался. Мы с Эгмонтом тоже невольно остановились. Маг, тихо шипя что-то под нос, собирал с куртки паутину.

— Долго еще, Сигри? — отрывисто спросил он.

— Нет, не очень, — рыкнул волкодлак. Даже он выглядел настороженным — значит, не я одна слышала, что этот лес нам не рад. — Вперед!

Я осторожно отвела в сторону тонкую ветвь дикой малины. Как назло, в голове крутились абзацы из учебника бестиологии, а там черным по белому было прописано, насколько уютно чувствуют себя в таком лесу самые разнообразные твари. Василиска мы могли не опасаться — он большой, ему здесь будет даже хуже, чем нам, — зато прочая нежить легко восполняла эту недостачу.

— Вот и в прошлый раз мне здесь не понравилось, — сквозь зубы выговорил Эгмонт.

Сигурд внезапно остановился и сел, обвив лапы хвостом. Вид у него стал едва ли не растерянным, и я почувствовала, как сердце с тихим еканьем проваливается в сапоги. Если мы тут заблудились... мне немедленно представились три печальных призрака, с завыванием бродящие по этим краям. Стало совсем нехорошо.

— Погоди-ка, Сигурд, — медленно сказал Эгмонт. Он озирался по сторонам, с каждым мгновением делаясь все увереннее. — Я, кажется, помню эти места. Там, — он указал в сторону садящегося солнца, — должен быть малинник. Так или нет?

Оборотень добросовестно принюхался.

— Так, — мгновением позже подтвердил он.

— А вон там, — Рихтер развернулся на северо-запад, — лощина. Неглубокая, но довольно широкая, а по дну течет ручей. Так?

— Так! — повторил Сигурд. — А...

— Отлично! — бодро возвестил Эгмонт, не дав ему закончить. — Выше нос, граждане маги, и не только! Сегодня я вам обещаю роскошный ночлег почти что в царских покоях.

— Не надо в царских покоях, — жалобно попросила я. — Там, говорят, душно, жарко и клопами воняет.

— Клопами-то почему? — не понял наивный Сигурд.

— А ты ее больше слушай, — отмахнулся Рихтер.

— Ну не клопами. Коньяком. Какая разница? Все одно воняет.

— Вот коньяку не обещаю, — серьезно сказал Эгмонт.

Дальше беседа как-то завяла сама собой. Мы вновь пошли вперед, продираясь сквозь колючие ветки, но идти стало как-то веселее, и я даже прибавила шагу. Эгмонт шел впереди, всем своим видом изъявляя такое твердое намерение отыскать обещанный ночлег, что на месте здешних тварей я бы отползла подальше и не отсвечивала.

Сигурд остановился, потому что почуял неладное. Эгмонт остановился, потому что знал, чего ждать. Я остановилась, потому что успела уяснить: в иных ситуациях лучше брать с друзей пример, а потом уже спрашивать, что вообще произошло.

Мы стояли на краю оврага — самого глубокого и широкого оврага, какие мне только доводилось видеть. Наш склон был довольно пологим, противоположный, напротив, обрывался почти вертикально. По его дну, кажется, бежал мелкий ручей, но вода едва блестела меж кустов и травы. В десяти шагах от нас овраг перегораживало упавшее дерево, но оно казалось таким трухлявым, что я не рискнула бы даже шагнуть на него.

— Спускаемся, — спокойно приказал Эгмонт. Именно приказал — в нем буквально на глазах пробуждался магистр Рихтер, и не могу сказать, чтобы мне это слишком нравилось. Впрочем, он тут же разрушил впечатление, бодро добавив: — Ну, Ялька, чего ждем?

— Объяснений, — хмуро сказала я. В овраге было еще хуже, чем наверху, — здесь хотя бы ручья не имелось. — Ты, часом, не про подземные гномские палаты говорил, э?

Эгмонт молча приподнял брови.

— Так какого мы туда полезем?!

— Обещал хороший ночлег — будет хороший ночлег. Кончай кобениться, Ялька, я тоже устал!

Магистр Рихтер таких слов не употреблял, стало быть, это все же Эгмонт. Эгмонту я могла простить многое и потому не стала кобениться, а молча полезла в овраг. По ходу дела я здорово измазалась в глине и порезала ладонь о какую-то траву.

Маг спустился куда быстрее и без приключений. Зато Сигурд, не раздумывая, оттолкнулся от края всеми четырьмя лапами, перекувырнулся в воздухе — и приземлился в шаге от Эгмонта уже человеком.

— Вот, — сказал он, одарив нас сияющей улыбкой.

— И что означают эти акробатические этюды? — сурово поинтересовался маг, который едва успел отшатнуться. Я представила, что должен чувствовать тот, на кого с размаху обрушится... сколько там весу в Сигурде? Не суть, все равно мало не покажется — от меня, наверное, и вовсе осталось бы только мокрое пятно.

— Раньше со всей нашей улицы так только Рейнер мог, — гордо поведал оборотень. — А теперь и я могу.

Вид у него был такой донельзя счастливый, что сердиться не было решительно никакой возможности. «Мужчины, — подумала я. — Ну прям как дети...»

Вслух же, естественно, сказала совсем другое:

— Есть хочу. Эгмонт, где там твои палаты?

Вместо ответа маг развернулся и зашагал по оврагу налево — кажется, на восток. Я последовала за ним, с несказанной радостью ощущая, как мои сапоги шлепают по мокрой земле. Ручеек, на наше счастье, был совсем узкий — даже разлившись после дождя, он едва струился среди кустов.

Мы шли, шли и шли. Потихоньку стал накрапывать дождь; пахло влажностью, прелой листвой, грибами и мокрым Сигурдом. Стенки оврага понемногу сужались, и над ним начали маячить длинные ветки. Один раз нам пришлось перелезать через лесину, много лет назад обрушившуюся верхушкой в овраг. На ее стволе вовсю росли поганки.

С каждым мгновением пейзаж все больше напоминал мне что-то весьма нехорошее, и я хмурилась, пытаясь вспомнить, что именно. Но Эгмонт, боевой маг с весьма приличным опытом, спокойно шел вперед. Едва ли я знала что-то, о чем бы он не имел понятия... тут я наконец вспомнила, в каком учебнике видела похожую иллюстрацию, и все-таки испугалась.

— Эгмонт, скажи-ка... а логова виверны тут неподалеку нет?

— В точку, — откликнулся маг очень довольным голосом. — Я все ждал, когда сообразишь.

М-магистр мрысов! Мне вполне хватило одной личной встречи с виверной, и о повторной я как-то не мечтала. С другой сторо-

ны, все равно наверняка когда-нибудь да придется — так лучше сейчас, когда рядом и маг, и волкодлак.

— А учебный поединок ты тоже уже предусмотрел?

— Логово здесь было, — после недолгого молчания сказал Рихтер. — И виверна была. Но они кончились еще восемь лет назад, так что сейчас все спокойно. А вот если кто-то скажет, что *это* уступает царским палатам, он может смело спать под дождем.

Он отошел в сторону, и я поняла, о чем речь. В стенке оврага темнела узкая неровная дыра, которую подошедший Сигурд окинул весьма хмурым взглядом.

— Что, мне обратно превращаться надо?

— А это уж на твое усмотрение, — пожал плечами Эгмонт. — Хочешь внутрь — превращайся, не хочешь — настаивать не будем. Правда, Ялька?

— Сговорились, — уже за моей спиной вздохнул волкодлак.

Я нырнула в лаз и, согнувшись в три погибели, прошла по нему несколько шагов. Под ногами вдруг громко зашуршало, и я запоздало щелкнула пальцами, призывая магический свет. Над правым плечом вспыхнул крошечный голубой светлячок.

Да. Обещанные Эгмонтом палаты на деле оказались действительно уютной, хотя и небольшой пещеркой с земляными стенами и потолком. После узкого лаза она расширялась так, что при желании внутри могли разместиться мы трое, если Сигурд обернется волком. На полу ровным слоем была насыпана сухая листва, а у дальней стенки виднелась небольшая темная груда. При ближайшем рассмотрении она оказалась запасом сухих дров.

Разжигать здесь костер было неразумно — места и так впритык, немудрено задохнуться в дыму. Но сухие дрова означали, что никому не придется лезть наверх в поисках хвороста — и вполне возможно, мы успеем поужинать до серьезного дождя. Поразмыслив, я решила, что это место давно облюбовали боевые маги, и оно сделалось чем-то вроде сторожки в лесу. Каждый, кто приходит, может воспользоваться кровом и теплом, однако должен что-нибудь оставить следующим гостям.

— Ялька, ты там что, жить осталась? — долетел снаружи голос Сигурда.

— А что? — громко ответила я, прикидывая, как половчее перетащить дрова наружу. — Тепло, хорошо... все, что надо, есть...

— Все, что надо? — эхом откликнулся Эгмонт. Что-то он сегодня плохо соображает. Устал, наверное. Опять же — кто сказал, что

магистр не может устать? Магистр — он тоже человек, и ничто человеческое ему не чуждо[1]!

— Да подождите вы, сейчас я вылезу!

Хвала богам, ход был достаточно широк, чтобы решить проблему с дровами просто: сперва я подтащила всю кучу поближе к выходу, а потом стала выкидывать по одному полену. Послышался негромкий характерный стук, за которым последовало шипение и обрывки странных гномийско-эльфийских выражений в западной обработке.

«Эгмонт», — догадалась я. Не сообразил увернуться. И что это с ним такое?

Надо будет «Справочник» спросить...

Едва я успела вывалиться из лаза, Сигурд сунул мне в руки котелок и жестом указал на ручей. Я вздохнула, устало помотала головой, но спорить не стала. Рихтер, на лбу которого наливалась приличных размеров шишка, злобно покосился на меня, но ничего не сказал.

Как выяснилось через некоторое время, спорить было незачем: ручей оказался куда глубже и чище, чем мне показалось на первый взгляд. Пару раз скребнув краем по дну и замутив воду, я сообразила, как нужно делать, и вернулась с полным котелком.

Эгмонт, лишний раз подтвердив свои хорошие отношения со стихией огня, уже развел вполне себе приличный костер. Сейчас, кажется, он легко подпалил бы и замок — боевому магу такого класса несколько непривычно получить в лоб поленом. Зато Сигурд, как всегда, не заморачивался по мелочам. Он буквально выхватил у меня котелок и повесил на ветку, закрепленную в раздвоенных концах костровых палок. Сдается, есть здесь хочу не я одна...

Вода забулькала, и Сигурд насыпал туда сухих грибов, потом подумал и щедро добавил крупы. Эгмонт хмыкнул, с подозрением посматривая на загустевающую смесь, но оборотень пресек это дело одним косым взглядом.

Еда, между прочим, получилась вкусная — густая, сытная и горячая. Мы по очереди зачерпывали ложками из котелка, пока он не опустел, а после я опять отправилась за водой. Смеркалось, все сильнее пахло близящимся дождем, но мы успели сварить чаю и

[1] Ялька демонстрирует эрудицию, цитируя слова известного эльфийского комедиографа Теренциэля Сладкозвучного.

разлить его по кружкам. Сигурд, бормоча что-то про дискриминацию, выпил свою в несколько глотков, превратился в волка и шмыгнул в дыру. Мы с Эгмонтом потушили огонь и, прихватив кружки, отправились следом.

Втроем в пещерке было немного тесновато, но воздуха хватало, а остальное не так уж и важно. При каждом движении листья отчаянно шелестели; в полутьме я почти не видела ни Сигурда, ни Эгмонта, зато отлично ориентировалась по теплу и запаху. Если... если мы все-таки выберемся из этой передряги, я первым делом отправлюсь в оборотничью баню. Или хотя бы залезу в речку, часа так на полтора.

Здесь было довольно холодно, несмотря на толстый слой листьев, и скоро мы сбились в кучку: я прижалась к Эгмонту, а Сигурд-волк положил голову мне на колени. Учитывая, что в руках у меня была кружка с горячим чаем, я надеялась, что оборотень не станет неожиданно срываться с места.

Коленям было тепло, правому боку — тоже. Левый я старательно закрыла плащом. Снаружи шумел дождь, и я вдруг вспомнила, что каких-то девять недель назад точно так же сидела в избушке Гораны Бранки, греясь о Генри Ривендейла. Между прочим, тоже правым боком. Окажись сейчас на месте Рихтера Ривендейл или тот же Сигурд, я положила бы голову ему на плечо, но это был Эгмонт, и я почему-то смутилась.

Да и полено как-то не способствует установлению дружеских отношений. И как это его угораздило? Я подумала, не достать ли из сумки какой декокт, но потом решила, что острых ощущений нам на сегодня уже достаточно.

Что-то подсказывало, что дело не столько в полене, сколько в пресловутом мужском самолюбии — про него я много читала в журналах Полин. Теперь самое время применить полученные знания на практике — когда еще такой случай представится? Я зажмурилась, вспоминая журнальные советы. Так-так-так...

Глянцевые издания хором утверждали: лучше всего уязвленное мужское самолюбие исцеляет предоставленная объекту возможность показать себя в наиболее выгодном свете. Ага!

— Эгмонт... — позвала я самым сладким голоском, на какой была способна.

Маг сделал попытку отодвинуться, но я была начеку. Сигурд, прекрасно помнивший о чашке горячего чаю, осторожно шевельнул ухом.

— А ты бывал здесь раньше? — продолжала я, остро жалея о невозможности наивно похлопать ресницами.

— Бывал, — осторожно ответил маг. — И что?

Последовала пауза, во время которой я судорожно пыталась придумать следующий вопрос. Вообще-то журналы утверждали, что объект начнет исцеляться сразу же, не отходя от кассы, но у нас, похоже, случай был запущенный.

— А какая она была... эта виверна? Наверное, очень большая? А как ты ее победил? Эгмонт, ну расскажи! Ну пожа-алуйста! Ну у кого же мне еще спрашивать — не у магистра же Назона в конце концов!

Кажется, я попала в десятку. На фоне бестиолога Рихтер — даже с десятью шишками — по-любому будет выглядеть лубочным богатырем. Или рыцарем в белом доспехе.

— Это будет очень длинная история, — медленно сказал Эгмонт.

— А мы никуда и не торопимся, — неожиданно поддержал меня Сигурд. — Правда, Ялька?

Я не удержалась и почесала оборотня за ухом.

4

За три года преподавания в Академии Рихтер успел уяснить несколько элементарных правил. Самым элементарным из них было следующее: труднее всего работать с адептами первого и пятого курса. Именно они ухитряются создать для магистра уйму интересных, разнообразных и почти нерешаемых проблем.

Ярче всех это правило подтверждал адепт Марцелл Руфин Назон. На свое счастье, Эгмонт не застал его первокурсником, но Назон-пятикурсник являл собой наилучший пример не то грамотного выбора будущей профессии, не то рихтеровской педагогической неудачи. Как боевой маг он не стоил вообще ничего. Между тем бестиологам жизненно необходимо располагать некоторыми боевыми навыками, — ибо грифон, йель или альфин не станет спрашивать у мага ни схемы собственного кровообращения, ни методики грамотного изничтожения. Он вообще ничего спрашивать не станет.

Эгмонт старался, как мог, но все усилия пропадали даром. Оставалось лишь надеяться, что жизнь окажется более талантли-

вым учителем, — да и адепт Назон, демонстрируя похвальную осмотрительность, предпочитал теоретические выкладки личному общению с бестиями.

Прошел изок, миновала пора выпускных экзаменов. Еще полтора месяца пролетели почти незаметно, как это всегда и бывает с отпуском. Наступил зарев-месяц, и девятнадцатого числа Эгмонт приехал в Академию на ежегодную летнюю конференцию. Предполагалось, что магистры станут обсуждать, чего нового случилось в магической и педагогической науках, обмениваться опытом и выстраивать стратегию работы на ближайшие два семестра.

Все шло как обычно — преподаватели рассаживались по секциям, два деловых гнома и юная эльфийка развешивали на доске какие-то плакаты, а магистры Дэнн и Ламмерлэйк, сидевшие вопреки правилам на соседних скамейках, склонившись друг к другу, листали красочный журнал по вязанию. Но открылась дверь, и в нее практически впорхнул директор Буковец, счастливый как зубная фея.

— Коллеги! — невероятно бодрым голосом заявил он. Магистр Дэнн скептически покачала головой и указала на какую-то черно-белую схему, состоявшую из различным образом закрашенных квадратиков. — *Уважаемые* коллеги! У меня для вас есть сюрприз. — Слушатели насторожились, ибо довольный вид директора однозначно предвещал большие неприятности. — Позвольте представить вам нашего нового магистра бестиологии, который выиграл именной грант царя-батюшки и целый месяц провел у наших коллег на Аль-Буяне! Коллега Назон, прошу вас, не стесняйтесь!..

— Марцелл Руфин Назон, если не возражаете, — поправили из-за двери подозрительно знакомым голосом. — И вовсе я не стесняюсь...

— Да-да, прошу вас!.. — Буковец посторонился, и новый магистр бестиологии прошел в зал.

— Кгхм, — тихонько сказала госпожа Ламмерлэйк.

— Кгхм, — согласилась Белая Дама.

— Э-э... — послышалось из дальнего угла, где сидел магистр Фенгиаруленгеддир.

— Ой! — сказала юная эльфийка с плакатом. — Эйлер, ты мне на ногу наступил!

— Мы рады приветствовать молодого коллегу, — подытожил учитель Тэнгиэль.

Следующая встреча с коллегой Назоном произошла примерно через месяц. В том семестре учебная нагрузка была невелика, а учитель Тэнгиэль все прозрачнее намекал, что пора начинать думать о соискании степени. Эгмонт нашел три перспективные темы для будущей научной работы, но на этом процесс застопорился. Спрашивать совета у учителя было бесполезно, у Шэнди Дэнн — небезопасно, а у магистра Ламмерлэйк — совершенно бессмысленно, потому что алхимический аспект Рихтера категорически не привлекал.

Оставался Фенгиаруленгеддир — гном, как и подобает специалисту по общей магии, обладал прекрасными аналитическими способностями и мог вычислить что угодно.

Или — кого угодно.

Словом, Рихтер договорился с гномом о встрече и в назначенное время подошел к двери его кабинета. Знакомая элементаль осмотрела мага с головы до ног, загадочно ухмыльнулась во все сто сорок четыре астральных зуба и, насвистывая, спряталась в косяке.

Эгмонт открыл дверь.

Первым, что он увидел, оказался студент... то есть магистр Назон. Стоя в классической позе лацианского ритора — одна нога чуть вперед, правая рука пафосно воздета на уровень головы, — бестиолог величественно вещал, и единственное, чего ему не хватало, — это лаврового венка.

— И я требую доказательств, коллега! — возвышал он голос на особенно страстных периодах. — Где доказательства, спрашиваю я вас? Где? Я не увидел до сих пор ни единого аргумента, а значит — это утверждение голословно, и не более того!

— Я бы так не сказал, — суховато возразил гном.

— Вот как? — Назон был поражен. — И что это, по-вашему?

— Это аксиома, — отрезал Фенгиаруленгеддир. — Она по определению не нуждается в доказательствах.

Назон презрительно фыркнул, пожимая плечами:

— И что с того? В научном мире, коллега, не принято принимать все на веру. Я вас спрашиваю, кто решил, будто это аксиома? Этак можно любую теорему обозвать аксиомой, вместо того чтобы доказывать ее, как и надлежит!

— Что, понял? — проскрипели над ухом. Эгмонт посмотрел туда — из косяка, сложив лапки на груди, высунулась ехидная

элементаль. — Иди-ка ты отсюда, пока и тебе не объяснили, каким пульсаром бьют, а каким в рулончик заворачивают!

В этот момент Рихтер вышел из ступора и понял, что еще немного — и рефлексы возьмут свое. Марцелл сам напрашивался на неприятности, но бить слабого нечестно, да и обстановку кабинета следовало пожалеть. Эгмонт попросту кашлянул, привлекая к себе внимание, — и оказался свидетелем практически идеального перемещения из позы ритора в первую защитную стойку. «Надо же, — не без удивления понял он. — А ведь чему-то я его все-таки научил...»

— Магистр Фенгиаруленгеддир, я вижу, вы заняты. Возможно, мне следует прийти позднее?

— Отчего же позднее, — светским тоном откликнулся Марцелл Руфин Назон, которого, между прочим, не спрашивали. Тон тоном, однако защитной стойки он не покидал. — Мы с коллегой можем продолжить дискуссию в другой раз.

Он небрежно кивнул и вышел из кабинета, постаравшись обойти Рихтера по самой широкой дуге.

Эта сцена была воистину великолепна, но бестиолог не намеревался останавливаться на достигнутом. Магистра Зирака он учил, как правильно систематизировать книжный фонд, директору Буковцу прочел длинную лекцию о контроле и администрировании, а Муинну аунд Лайквалассэ осчастливил инструкцией по тому, как надлежит подготавливать праздники и вообще работать над самодеятельностью. Учителя Тэнгиэля благоразумный Назон обходил своим вниманием — вполне возможно, просто потому, что учитель был, как всегда, неуловим. И Эгмонт благодарил всех богов, что бестиолог не взялся учить его боевой магии, — терпения могло не хватить, и вместо одного большого магистра Назона в Академии появилось бы множество маленьких.

Красивее всех из ситуации вышла мадам Эльвира. Не моргнув глазом, она преспокойно выслушала тираду о том, что короткие волосы идут далеко не всякой даме, а лично ей, госпоже Ламмерлэйк, с ее типом лица, стрижка лесенкой категорически противопоказана, — кивнула и исчезла в самом прямом смысле слова, скрывшись в моментальном телепорте.

Месть, настигшая бестиолога спустя два или три дня, оказалась воистину изощренной. Рихтер шел из Некромантической башни в библиотеку, когда вдруг услышал за спиной сдавленное хихиканье и неразборчивый шепоток. Повеяло цветочными духа-

ми. Не оборачиваясь, он понял, что это студентки с алхимического, и с трудом подавил малодушное желание прибавить шагу. Алхимички в тот год подобрались такие, что, повстречайся они с василиском, Эгмонт не поставил бы на того и медной монетки. Все первое занятие по боевой магии они хихикали, перемигивались, сверлили Рихтера взглядами, обменивались записочками и вообще не изъявляли ни малейшего уважения ни к магистру, ни к изучаемому предмету. Последнее было хуже, но и первое не радовало. Впрочем, управу на них Эгмонт нашел очень быстро.

Тут впереди показалась сутуловатая спина магистра Назона, и девицы хором издали звук, более всего напоминавший кафский боевой вопль.

— Вот он! — хищно пискнула какая-то студентка, но ее голос заглушил звонкий цокот доброй полусотни каблучков. Рихтер сам не понял, когда успел прижаться к стене. Стайка девушек, все сильнее напоминавшая стайку пираний, целенаправленно пронеслась мимо него; не прошло и мгновения, как Назон оказался взят в кольцо и зажат в угол. Это было проделано так быстро и качественно, что Эгмонт ощутил прилив профессиональной гордости. Не зря учил, мрыс дерр гаст!

Назон было попытался вырваться наружу, но девушки уже теребили его за рукава, тянули в разные стороны, заглядывали в глаза и требовали немедленного ответа на животрепещущие вопросы. Причем каждая считала, что ее вопрос важнее прочих.

— Магистр Назон! Вы и только вы знаете, какой сорт краски для волос мне следует выбрать! Что модно в этом сезоне: медный, рыжеватый или медовый?

— А из чего вы посоветуете шить сарафаны и платья? И вы полагаете, это будет носиться?

— А я вот видела на улице такую штучку, ну абсолютно неземного покроя! Цветастая, недорогая, и оборка — ну прям у самой земли! А? Что скажете?

— Окажите мне помощь, почтенный! Как коротка должна быть моя юбка — короче на ладонь, на локоть или вот так?

Как именно «вот так», Рихтер не видел, но отлично мог представить. По голосу, по гортанному акценту и по манере строить фразы он узнал говорившую. Это была иностранная адептка, приехавшая по обмену с далекого юго-запада, из земель, где женщины искони были воительницами, властительницами и стратегами. Климат в тех краях был жаркий, и тамошние амазонки отсчиты-

вали длину юбки не от пола, а где-то от пупа. Эгмонт еще не забыл жалоб госпожи Ламмерлэйк, каких трудов стоило объяснить этой конкретной студентке, что в Лыкоморье мужчины не привыкли к зрелищу столь совершенных ног.

Сдавленный хрип Назона подтвердил предположение.

— А что вы думаете по поводу эйтанских мод, магистр Назон? — Бестиологу приходилось действительно туго, ибо в игру вступила лучшая студентка курса. Во всех смыслах это была достойная ученица госпожи Ламмерлэйк: даже в толпе однокурсниц ее ни с кем нельзя было спутать. Толстая каштановая коса едва не до пояса, узкие темно-синие штаны и широкий вязаный балахон с таким потрясающим вырезом, что Эгмонт давно отчаялся понять, как эта штука до сих пор не сваливается. Вероятнее всего, у девушки с меньшим бюстом такой номер бы не прошел. Для Назона было достаточно и этого, но помимо внешних достоинств адептка обладала редкостным сочетанием педантичности и широты мышления, а также способностью задавать изумительно сложные вопросы.

— Как, по-вашему, можно ли судить по установившемуся господству лилового явственное влияние галлиэнских мод? Или, возможно, это связано с традиционными кимранскими мотивами? Не могли бы вы также сказать, что станут носить на Эйа в будущем бальном сезоне?

— А какова ваша точка зрения по поводу последнего показа королевской охотничьей коллекции мод в Аль-Буяне?

Назон повторно пошел на прорыв, но алхимички сами расступились, и перед магистром возникла одна из самых красивых и родовитых адепток Академии. Она была чистокровной эльфийкой, но дела это не меняло. Назон замер, глядя на девушку, как кролик на удава, а она, пленительно улыбаясь, протянула ему лоскуток тонкого — разумеется, эльфийского! — шелка. «Контрабанда, — наметанным глазом определил Эгмонт. — Как только элементали пропустили?» Но ему отчего-то совсем не хотелось вмешиваться.

— Прошу вас, — у эльфийки был глубокий, воистину чарующий голос, — рассудите наш спор. Какого цвета эта ткань: бедра испуганной нимфы либо же блохи в родильной горячке?

— Первое, — быстро ответил Назон.

Столь утонченное создание было несовместимо с блохами — как здоровыми, так и в родильной горячке.

— Браво! — восхитилась эльфийка и захлопала в ладоши, лучась восторгом. — Магистр, вы должны знать: согласно условиям нашего спора, выигравшая в качестве платы должна вам ровно один поцелуй. — Назон воспрянул духом и даже подался вперед, но эльфийка лукаво погрозила ему пальчиком. — Брюн, дитя мое, прошу тебя! Магистр ждет!

— Слово и дело! — сурово ответили ей.

Эльфийка скользнула в сторону, и перед ошеломленным Назоном воздвиглась Брюнхильд Олафдоттир из Дроттнинг-фьорда. Северянка смотрела на магистра свысока, что было неудивительно при их разнице в росте. Ей отчетливо не хватало не то секиры, не то крылатого коня.

— Дай-ка я тебя поцелую! — пророкотала она, и несчастный бестиолог лишился чувств.

Северянка и эльфийка переглянулись и хлопнули друг друга по ладоням.

— Есть! — выразила общее мнение лучшая студентка курса.

Рихтер немного подумал и исчез, пока о нем никто не вспомнил.

Неделю и три дня после этой психической атаки магистр Марцелл Руфин Назон был тише воды ниже травы. Но переделать человека, увы, не под силу даже ученицам Эльвиры Ламмерлэйк. Наступила суббота, и Эгмонт спешил в трактир «Под пентаграммой», где его ожидал хороший ужин в приятной компании.

Компанию должен был составить бывший однокурсник, по специальности — бестиолог, с которым они почти не общались во время учебы, зато неожиданно близко сошлись в бытность в аспирантуре. Гюи, как и сам Эгмонт, был фанатом выбранной профессии и знал о своих тварях даже то, чего они сами о себе не подозревали. Окончив аспирантуру, он вежливо, но твердо отклонил предложение директора остаться преподавать и отбыл на северо-запад изучать повадки драконообразных. По немногим непроверенным слухам, доходившим в столицу из той дали, он был совершенно счастлив.

Временами Эгмонт ему тихо завидовал. Студентообразные были ничуть не лучше, об их повадках наука знала до обидного мало, а ему приходилось совмещать это с регулярной полевой практикой. Кроме того, Гюи находился на достаточном расстоя-

нии от учителя Тэнгиэля и не выслушивал каждый вечер нотации вроде: «Эгмонт, мальчик мой, я запамятовал — ты закончил первую часть диссертации или уже приступил ко второй?»

На фоне учителя, диссертации и адептов частые, но нерегулярные боевые рейды казались почти что праздником души. Тамошних противников хотя бы можно было с чистой совестью встретить добрым пульсаром. С учителем такой номер явно не пройдет, а что касается адептов — придется дождаться государственных экзаменов.

Рихтер как раз вернулся из очередной командировки, когда в его окно постучалась почтовая гарпия. Гюи писал, что приезжает на два дня в Межинград, и предлагал посидеть «Под пентаграммой», как в старые добрые времена. От письма отчетливо пахло разогретой василисковой чешуей. Гарпия, похоже, прекрасно учуяла этот запах, ибо, сохраняя внешнюю невозмутимость, все-таки ухитрилась донести до Эгмонта всю степень своего негодования. Досталось и адресанту (приличные люди с василисками не якшаются!), и адресату (приличные люди таких писем не получают!).

У подведомственных Рихтеру адептов суббота была библиотечным днем. Маг порадовался удачному совпадению и отправился «Под пентаграмму», по дороге производя нехитрые арифметические вычисления. Денег было не так уж много, но — с другой стороны — Гюи приезжал в Межинград далеко не каждый день. Старые друзья разъехались по городам и весям (большей частью города и веси были эльфийские), а Эгмонт при всем желании не мог предположить, что сидит «Под пентаграммой» с кем-нибудь другим. Не с Белой же Дамой!..

Он ярко представил, как магистр Дэнн отхлебывает пиво из местной тяжелой кружки, довольно крякает и благосклонно принимает у магистра Назона очищенную вяленую рыбешку, — и поспешно поставил максимальный телепатический блок. У госпожи некромантки, вероятно, имелось чувство юмора, но проверять это не хотелось. Ну а откуда взялся Назон, Рихтер и сам не знал — вероятно, для соблюдения загадочного лыкоморского принципа: «Коли уж соображать, так токмо на троих».

Видение было до того правдоподобным, что Эгмонт зажмурился, потряс головой и строго сказал себе, что он не пифия и становиться ею не собирается. По одному он открыл глаза — и еле сдержался, чтобы не помянуть разом мрыса и всех его присных.

На расстоянии вытянутой руки от Эгмонта стоял коллега Марцелл Руфин Назон — хвала богам, без пива, рыбы и Шэнди Дэнн. Бестиолог рассматривал Рихтера с нехорошим профессиональным прищуром, слегка наклонив голову набок.

— Вам нехорошо, коллега Рихтер? — ласковым голосом поинтересовался он.

«Было хорошо, пока тебя не было!» — мрачно подумал Эгмонт, а вслух произнес:

— Спасибо, все в порядке. Просто неожиданно закружилась голова.

Это было весьма правдоподобно, ибо с последнего рейда Рихтер вернулся с огромным синяком под глазом.

— Не знаю, не знаю, — с сомнением протянул Назон. — Даже если так, я все равно не могу бросить вас на произвол судьбы! Кроме того, моя вторая специальность — врачебное дело, это и в дипломе написано. Так что, хотите вы или нет, но я вас провожу!

Эгмонт открыл было рот, но Назон опередил его:

— Это не обсуждается! — Потом, наверное, все-таки опомнился и добавил тоном ниже: — Коллега Рихтер.

Четко обозначив свою позицию, он клещом вцепился в локоть Эгмонта и не отпустил его, даже перешагнув порог трактира «Под пентаграммой». Бестиолог не столько поддерживал, сколько путался под ногами, но не лупить же его боевым пульсаром!

Трактирщик, увидев эту пару, ничуть не удивился, а просто что-то шепнул служанке. Так что когда Эгмонт чуть ли не в обнимку с бестиологом поднялся по узкой винтовой лестнице на второй этаж, в отдельную залу, он застал там Гюи, с изумлением наблюдавшего, как служанка кладет на стол еще одну салфетку и ставит третий прибор.

После этого избавиться от Назона стало совсем уж невозможно.

Эгмонт представил Гюи и магистра Назона друг другу, но беседа почти сразу увяла сама собой. Подали горячее. Все были голодны, и Рихтер, зарабатывавший в то время не так уж много, подумал, что все к лучшему: одному такой обед обошелся бы слишком дорого, двоим — дороговато, а на троих — самое оно.

Утолив обычный голод, Назон вспомнил про голод информационный.

— Коллега, — сказал он, изящно накалывая на вилку кусочек жаркого, — и чему мы обязаны счастью видеть вас?

«Тому, что кое-кто вовремя не послал тебя далеко и без хлеба», — хмуро подумал Эгмонт. Все же Марцелл Руфин был тут совершенно не к месту.

Гюи оказался вежливее — возможно, он просто хотел посоветоваться с собратом по бестиологической науке. Он отставил бокал и начал объяснять — а Эгмонт, чем дальше, тем больше понимал, что дело и вправду серьезное.

Смысл того, что сказал Гюи, сводился к следующему. В Рембьерском лесу завелась виверна; само по себе это было не слишком-то радостно, но эта конкретная бестия оказалась редкостно умной и хитрой. Она обходила ловушки, она не оставляла следов, и не было никакого представления о том, где находится ее логово. Те, кто ее видел, рассказать об этом уже не могли, и определить, что округу терроризирует именно виверна, удалось лишь по манере поедать добычу. Рембьерский лес — довольно темное место, и тамошние крестьяне, повидавшие немало всяких тварей, не спешили отдавать свои кровные заезжему магу-бестиологу. Как их отцы и деды, они по-простому устроили облаву. Из тех, кто ушел в лес, не вернулся никто. Тем же, кто поспешил им на помощь, повезло немного больше — или не повезло, как посмотреть. Один из охотников обнаружил ухоронку твари, где она хранила главное свое лакомство — оторванные головы. По этой примете Гюи понял, что охотится на виверну.

— Денег им было жалко, но оставлять семьи без кормильцев — еще хуже. Я провел в лесу без малого три недели и понял: эта тварь мне не по зубам. Всех моих умений и навыков хватило лишь на то, чтобы уйти от нее живым. Нужна экспедиция КОВЕНа, с боевыми магами в том числе. Эгмонт, да она играла со мной, и это доставляло ей удовольствие! Самое страшное, что ее интеллект ничем не уступает человеческому... Я боюсь подумать, что будет, если она успеет вывести потомство.

И тут пробил звездный час Марцелла Руфина Назона. Как потом выяснил Рихтер, на втором курсе он писал о вивернах курсовую и с тех пор был свято убежден, что знает о них абсолютно все.

— То, что вы сказали, — совершенно нелогично, непрофессионально и антинаучно! — убежденно произнес Назон, сверкая очами. — Любому третьекурснику известно, что виверна не обладает даже зачатками интеллекта! Достаточно заглянуть в атлас, чтобы убедиться: ее мозг чуть больше кулака взрослого мужчины! А

умение справиться с виверной входит в перечень необходимых практических навыков для получения диплома бестиолога! Это не настолько крупный хищник, чтобы создать дипломированному специалисту такие трудности. Я понимаю, если бы речь шла о василиске! И потом, что касаемо экспедиции КОВЕНа, — таковая экспедиция уже была осуществлена тремя годами ранее, в результате чего Рембьерский лес и прилегающие окрестности были полностью — я подчеркиваю, полностью! — очищены от виверн! Так что, даже если предположить, что какая-то кладка была уничтожена не полностью, то достигнуть полной зрелости выживший детеныш не успел бы!

Если бы Эгмонт не знал, что три года назад Марцелл Руфин Назон был всего-навсего адептом третьего курса и о событиях в Рембьере знал исключительно из лекций, он бы предположил, что перед ним — организатор и предводитель этой экспедиции. Но Назону крупно повезло, что в непрофессионализме он обвинил не Рихтера, а Гюи. Бестиолог был более воспитанным человеком. Взглядом предупредив желание Эгмонта высказать, что тот обо всем этом думает, он вежливо, но очень холодно сказал:

— Я уважаю вашу точку зрения, *коллега*, но ехал я в Межинград не ради беседы с вами. И даже не ради этого ужина, бесспорно, прекрасного. Меня куда больше интересует, что скажет по этому поводу учитель Тэнгиэль. Также мне очень важно узнать мнение Магистра Эллендара и — в особенности — айлэ Вивианны.

Помянутая айлэ Вивианна — магистр аунд Келлет — возглавляла кафедру бестиологии и была старейшим преподавателем Академии (не считая мистрис Дэнн, разумеется; но рассуждать о возрасте некромантки Эгмонт поостерегся). По странному стечению обстоятельств, айлэ Вивианна на дух не выносила коллегу Назона ни в бытность его адептом, ни в нынешнем его агрегатном состоянии, и не считала нужным этого скрывать.

Назон вспыхнул, как майская роза, с негодованием отодвинул стул, громко сообщил, что его ждут неотложные дела, и был таков. Трактирщик подал десерт и счет — как легко догадаться, на троих. Недостающую сумму Эгмонт восполнил двумя неделями позже, сразу после получения зарплаты.

События между тем развивались все быстрее. Тем же вечером Гюи подал докладную Эллендару; Магистр принял его через два часа, хотя на дворе вообще-то стояла ночь. Утром в воскресенье Рихтер получил приказ готовиться к экспедиции — и узнал, что,

во-первых, точно такой же приказ получил Назон, а во-вторых, Гюи уже отбыл обратно в Рембьер.

Экспедиция была назначена на вторник: следовало подготовить снаряжение и амулеты, кроме того, распределить обязанности и выработать тактику. Все это говорило о том, что Эллендар в отличие от Назона воспринял сообщение Гюи более чем всерьез. Но в понедельник утром Гюи, израненного до такой степени, что было непонятно, как он до сих пор жив, доставили в ковенский госпиталь экстренным телепортом.

В два часа пополудни экспедиция уже была в Рембьере.

Обычно крестьяне относятся к магам весьма настороженно, но в тамошних краях уже успели понять, что на вилы и топоры тварь чихать хотела. Лагерь разбили недалеко от деревни, и довольно скоро Эгмонт выяснил, чего ради Гюи, уже договорившийся насчет экспедиции, отправился в одиночку в лес. Обвинение в непрофессионализме задело бестиолога куда сильнее, чем он хотел показать.

Собственно, что-то подобное Рихтер и подозревал. Когда Назон в очередной раз подвернулся ему под руку, Эгмонт сдержался только потому, что рядом совершенно из ниоткуда возник учитель Тэнгиэль. Бестиолог, однако, оказался исключительно понятлив — он исчез еще до того, как учитель успел открыть рот.

— Я прекрасно понимаю тебя, мой мальчик, — задумчиво сказал Тэнгиэль, глядя Назону вслед. — Гюи мне тоже не чужой... — Эгмонт припомнил, что его друг приходится учителю не то троюродным внуком, не то внучатым племянником, и несколько устыдился. — Но давай решать проблемы по мере их поступления. Не Марцелл порвал нашего Гюи на лоскутки. И пока мы здесь будем сражаться друг с другом, виверна продолжит пировать. А разве ты этого хочешь?

Хорошо, хоть он не сказал: «Разве этого хотел бы Гюи?» Значит, шанс все-таки был. Немного остыв, Рихтер буркнул:

— Но, учитель, пусть он мне лучше не попадается.

— Посмотрим-посмотрим! — успокаивающе пробормотал Тэнгиэль и исчез ничуть не хуже помянутого Назона.

Через полчаса Эгмонт узнал, что лес поделен на сектора, а маги — на пары. Только в этот раз его напарником был не Арлаутар аунд Элдер, а... впрочем, удивляться Рихтер не стал. В последнее время Марцелл Руфин Назон был практически везде.

Отправляясь с этим недоразумением в лес (недоразумение, надо отдать ему должное, виновато сопело, периодически глубоко вздыхало и плелось сзади с невероятно несчастным видом), Эгмонт утешал себя тем, что ему ничего делать и не придется: уж если эта гадина накромсала на ломтики Гюи, то Марцелл Руфин станет для нее чем-то вроде легкого десерта. Эта, бесспорно недостойная, мысль здорово поднимала ему настроение.

Благоразумия Назона хватило ненадолго — часа на три или четыре. Сперва стихло сопение, потом до Эгмонта стало доноситься тихое неразборчивое бормотание, и маг с большим исследовательским интересом ждал, чем все закончится. Он уже понял, что понятия «Марцелл» и «теория» почти синонимичны, а Марцелл и практика — абсолютные антагонисты. Горожанин до мозга костей, бестиолог спотыкался о каждый корень, брезгливо шарахался от каждой паутины и только чудом не вписался в роскошный полуметровый муравейник.

— Все! — наконец взбунтовался он. Рихтер оглянулся через плечо: загнанный бестиолог, всклокоченный, с красным лицом, с трудом переводил дыхание и даже не думал вставать в ораторскую позу. — Я отказываюсь повиноваться вашему произволу! Любому хоть сколько-нибудь грамотному специалисту ясно, что никакой виверны здесь нет и быть не может! Вы... вы отыгрываетесь, и это недостойно мага!

— Да, — неожиданно спокойно ответил Рихтер. Только что он был рад порвать бестиолога на клочья, а сейчас вдруг нашел куда более результативный ход. — Разумеется, я отыгрываюсь на вас, коллега. Но меня извиняет одно — я в хорошей компании. Я, Магистр Эллендар, учитель Тэнгиэль, айлэ Вивианна и еще с полсотни наших с вами коллег — все мы составили против вас коалицию. А Гюи ради этого дал изранить себя почти до полусмерти. И все для того, чтобы вы смогли совершить эту милую прогулку по лесу. Действительно, какой кошмар!

Марцелл Руфин Назон надулся, удивительно напомнив Эгмонту виденную в заезжем бестиарии импортную жабу, которая называлась не то «угу», не то «ага» и была, к слову сказать, жутко ядовитой.

— Если бы на него напала виверна — настоящая, а не этот плод крестьянских баек! — вы хотите сказать, что он смог бы остаться в живых? Смею вас заверить, любой человек, хоть сколько-нибудь менее безграмотный в бестиологии, нежели вы... хотя вас, конеч-

но, извиняет то, что вы боевой маг, а не бестиолог... так вот, любой бы понял, что вашего драгоценного Гюи изранили волки, которых в этом лесу превеликое множество!

В подтверждение его слов послышалось жалобное поскуливание. Волки, сколько бы их тут ни водилось, явно пребывали в не самом боевом состоянии духа. Точки зрения магистра Назона они не разделяли, но что с них возьмешь — у них-то не было диплома бестиолога!

Хотя бы и одного на всех.

Рихтеру вдруг стало скучно. Ему совершенно не хотелось тратить время на бессмысленные препирательства со своим бывшим адептом, и потому он просто пожал плечами:

— Поступайте, как знаете. В конце концов, вы такой же магистр, как и я.

Он повернулся и пошел в чащу, где меж густых ветвей мелькала какая-то подозрительная тропинка. Несколько веток было сломано, но никаких других следов здесь не имелось. И все же это был шанс... Краем уха Рихтер услышал, что покинутый Назон топчется на месте, громко сетуя на жизнь, судьбу и необразованных коллег. Скоро ему это наскучило, и он повернул назад, с треском продираясь через почти непроходимые заросли дикой малины.

Мгновением позже раздался особенно громкий треск, послышался короткий вопль и звук, с которым обыкновенно падает с высоты тяжелый мешок. Рихтер обернулся, уже зная, что увидит. Среди кустов зиял широкий пролом, сквозь который виднелась противоположная стенка оврага. Разумеется, Назон запутался в трех соснах.

Было очень соблазнительно тут его и оставить, но Эгмонта вдруг пронзила быстрая мысль. Он подошел к краю, чтобы убедиться. Да, все оказалось именно так, как надо. Овраг был очень глубоким, в два человеческих роста, по дну его бежал ручеек, а сверху наклонялись длинные ветви. Сыро, душно, темно. Если в этом лесу есть виверна, то девяносто из ста, что ее логово именно здесь.

Правда, не факт, что сейчас виверна дома... В таком случае можно устроить засаду. Да и не мешает проверить, как там насчет кладки.

Внизу громко возмущался Марцелл Руфин Назон. Падая, он сломал себе ноготь на мизинце левой руки, и эта травма окончате-

льно вывела его из себя. Мокрый, грязный, с головы до ног вымазанный желтой глиной, он был разозлен настолько, что, не задумываясь, высказал бы свое недовольство хоть айлэ Вивианне, хоть учителю Тэнгиэлю.

И вдруг Рихтер ощутил слабый, но очень знакомый запах: полгода назад он охотился на василиска, и в его логове пахло очень похоже. Назон еще ругался, воздевая к небу перемазанные не понять в чем руки, — он ничего не понял, в очередной раз показав, сколько смыслит в бестиологии.

Если виверна не оглохла, она уже вылезает из логова. На то, чтобы подать сигнал, времени не оставалось, и Эгмонт начал быстро спускаться, держась за кусты и ветки. Мало будет проку, если он сломает себе шею...

Марцелл вдруг замолк на полуслове, будто подавившись фразой. Он метнулся туда-сюда, отпрянул к противоположной стене, отвесно уходившей наверх, и попытался вскарабкаться по ней, но почти сразу бесславно скатился обратно.

Кусты кончились, до дна оврага оставалось чуть более метра, и Рихтер спрыгнул вниз, постаравшись сгруппироваться. Назон оказался в двух шагах перед ним; вжавшись в стенку, бестиолог с ужасом наблюдал, как в дальнем краю оврага неторопливо покидает логово та самая виверна, которой нет и быть не может.

Эгмонт быстро огляделся. На противоположной стороне виднелось небольшое отверстие. Виверне туда не пролезть, а вот магистр Назон вполне поместится. Если же там и обитает кто-то маленький, то, хочется верить, дипломированный бестиолог сможет его победить.

Не тратя времени на объяснения, Рихтер ткнул Назона в дыру, и бестиолог, проявив похвальную сообразительность, подтянулся и скрылся внутри. Только подметки мелькнули. Из дыры послышался чей-то недовольный визг, но очень быстро все стихло.

Впрочем, магистру Эгмонту Рихтеру теперь было не до Назона.

Виверна приближалась, чуть расправив красноватые крылья. Судя по их оттенку, тварь была достаточно стара — даже странно, что она дожила до этих дней, а не оказалась сожрана своими же сородичами. Одну из лап виверна заметно подворачивала вбок, хотя это и не мешало ей передвигаться с завидной ловкостью. Стало быть, когда-то она была подранена... но сейчас не время для догадок.

Зубы, когти и крылья. Нельзя дать ей подобраться слишком близко — от таких челюстей магия не защитит. Но атакующий слишком рано не причинит ей никакого вреда, а только разозлит еще больше... Виверна прыгнула, распрямившись в воздухе, как пружина, Эгмонт встретил ее заклятием снизу вверх и тут же слевитировал, уворачиваясь от когтей. Задел или нет?.. Одним толчком она взмыла ввысь, Рихтер вновь едва успел увернуться; он ударил ножевым заклятием ей под подбородок, но чары скользнули по чешуе, выбив несколько искр. Тварь отбросило на землю, крыльями вниз. Зашипев, она мгновенно вскочила на ноги — однако Рихтер успел заметить, что одно крыло она старалась беречь.

Удача или охотничья хитрость старой опытной твари? Виверна стояла в атакующей позе, приподняв крылья и опустив голову. Рихтер лихорадочно заканчивал сплетать заклинание. Помимо зубов и когтей у драконообразных было еще одно оружие — они исподволь вытягивали магический резерв, оттого так ценна их чешуя. Эта тварь была слишком старой и ловкой. Встретившись с ней взглядом, Эгмонт отчетливо осознал, что шансов на победу у него немного, а шансов остаться в живых нет вообще.

Он плел заклинание и понимал, что сейчас она прыгнет, — а времени не хватало, катастрофически не хватало. Еще можно было переделать все на защитную сферу, но долго она не продержится, а второго шанса виверна ему не даст. Сил на вторую попытку точно не хватит. Если бы сейчас у Рихтера был напарник... но напарник, свернувшись калачиком, трясся от ужаса в земляной нише. А виверна уже взлетела, резко взмахнув игольчатым хвостом.

Дальше все происходило очень быстро, и позже Рихтер пришел к выводу, что обязан жизнью везению чистейшей воды. Виверна успела привыкнуть к своей неуязвимости, а он — маленький, мягкий, вкусно пахнущий — причинил ей немалую боль. Ослепленная яростью, на какую-то долю секунды она потеряла бдительность.

Но все это он понял потом, а в тот момент увидел лишь жемчужно-серый треугольник в основании шеи, обычно надежно закрытый подбородочным щитком. И Эгмонт ударил туда, вложив в чары весь остаток резерва. Ему показалось, что вместе с заклинанием из него ушло все: ярость, ненависть, сила и возбуждение схватки.

Отдачей его отбросило на несколько шагов, и это спасло ему жизнь — умирающая виверна рухнула на то место, где он прежде

стоял. Все же она успела дотянуться до мага передней лапой, но боли Эгмонт не ощутил. При прямом контакте виверны высасывали непосредственно жизнь.

Рихтер очнулся в ковенском госпитале. На соседней койке лежал Гюи, которого как раз кормили с ложечки бульоном. Бестиолог давился, ругался тихим шепотом, но пил. «Живой», — непонятно про кого подумал Эгмонт и поскорее провалился в вязкое забытье, пока сиделка с бульоном не вспомнила, что в палате имеется еще один некормленый больной.

Потом к нему пришел учитель. Он рассказал, что маги в разных концах леса почти сразу услышали возмущение магического поля, но на помощь прийти попросту не успели; что для того, чтобы достать Марцелла Руфина, пришлось расширять лаз, ибо бестиолог сам не помнил, когда успел забраться так глубоко; что к моменту коллективной высадки магов в овраге виверна была уже мертва, а Эгмонт немногим от нее отличался; что в логове кладки, по счастью, не было; и что, наконец, шкуру виверны обработали должным образом, и на кафедре бестиологии появилось прекрасное новое чучело. Адептам очень нравится.

— Айлэ Вивианна, — напоследок сказал Тэнгиэль, — передает тебе, мой мальчик, что у нее совершенно неожиданно нашлась одна очень интересная тема. Что-то об особенностях применения боевой магии против драконообразных... да она тебе сама объяснит, я в бестиологии не силен.

Он застенчиво посопел, потом выудил откуда-то из-за спины нечто закутанное в шерстяной клетчатый шарф, размотал его, и глазам Рихтера предстала небольшая округлая кастрюлька, до краев полная куриного бульона.

— Лежи, мой мальчик, — заботливо сказал учитель, предупредив движение Эгмонта. — Я уже позвал сиделку.

И уступил ей место.

5

— Хороший у тебя учитель, — весомо сказал Сигурд. — Правильный. Вот, помню, наставник Ардиэр...

Уж не знаю, что он там вспомнил, но шерсть на загривке ощутимо встала дыбом.

— Вот, помню, магистр Рихтер... — в тон откликнулась я, осторожно приглаживая вздыбившееся. — Сперва прибьет почти до смерти, а потом сам же эликсиром отпоит...

— А ты бы чего хотела? Бульона? — огрызнулся Эгмонт.

— Кафию, — серьезно сказала я, и Сигурд невольно вздрогнул.

Дождь шумел и шумел. Спать не хотелось — еще даже не смеркалось, — но говорить было, кажется, не о чем. Я допила чай и отдала Эгмонту кружку; пахло мокрой травой, и молчание становилось все глубже и глубже.

Прервал его Сигурд.

— В общем... это... — он отодвинулся от меня и сел, по-собачьи обвив лапы хвостом. — По-доброму давно рассказать надо было, да все как-то не к слову приходилось. А кто знает, может, и вовсе никогда не придется? Эх, да чего врать! Стыдно рассказывать, вот и все! Да надо...

— Ты про Игроков? — спокойно спросил Эгмонт, а я одновременно сказала:

— Да ладно, Сигри!..

— Какое там «ладно»! — рыкнул было Сигурд. Спохватившись, он продолжил спокойнее: — Из-за моей дурости вы оба чуть жизнью не поплатились. Ты, Эгмонт, — маг; ты, Ялька, — полуфэйри. Может, что полезное узнаете. Короче, дело было так...

Четыре года назад некий молодой волкодлак шел через Драконий Хребет по самой короткой тропе. Стояло жаркое лето; до солнцестояния оставалось не больше трех дней, и волкодлак торопился, надеясь миновать горы до того, как Собачья Звезда достигнет своей высшей точки.

Только люди почему-то верят, что оборотни гуляют через Драконий Хребет туда-сюда, как им вздумается. На самом деле, наверное, здесь хорошо только гномам да драконам. Всем остальным, будь то человек, оборотень или эльф, следует не забывать об осторожности. И думать как следует, делая выбор между короткой тропой и безопасной.

Но Сигурд дель Арден был молод и самонадеян. Он полагал, что у него есть причины выбрать короткий путь, — ведь ему доверено такое важное задание, и не след заставлять конунга ждать! Торговые переговоры, да вдобавок с человеческим городом... ха, тот щенок, кто не знает, что это означает!

Очередной вечер застал его на землях гномьего клана Анбургшэн-аддир. То есть земель как таковых здесь не было, а были одни только скалы да пропасти между ними. Ну и тропа, конечно же узенькая, но верная. Можно было пройти еще немного и напроситься к гномам на ночлег, но под вечер Сигурд наткнулся на необычайно удобную пещерку. Она была сухой, достаточно просторной и, что характерно, в ней давно никто не жил. Оборотень развел костер, приготовил себе ужин и совсем было собрался лечь в левом углу пещеры, как вдруг его будто что-то толкнуло, и он расстелил свой плащ в правом, самом дальнем от входа.

Засни он в волчьем обличье, и все сложилось бы иначе. Но тогда, четыре года назад, Аррани Лерикас еще не явилась на землях Конунгата, и проклятие продолжало тяготеть над потомками древних клятвопреступников. Оборот давался очень нелегко, он занимал не меньше трех-четырех минут, и Сигурд, как и многие, прибегал к нему только в случае прямой необходимости.

Он спал и не слышал, как глубоко под горой зарождается страшный низкий гул, недоступный человеческому уху. Гул нарастал, поднимаясь оттуда, от корней гор; он проходил через слои гранита, и слои базальта, и пещеры, и рудные жилы...

На глубине нескольких лиг под пещерой всколыхнулись воды черного озера. В этот момент Сигурд дель Арден резко проснулся. Почуяв опасность, он бросился к выходу, но подземные силы уже почти выбрались на поверхность. Пещеру встряхнуло, оборотень потерял равновесие и рухнул на каменный пол. Позже он готов был поклясться, что базальтовые глыбы ходили ходуном.

Гора пела, и это была воистину страшная песнь. Завороженный ее голосом, придавленный к земле, Сигурд даже не слышал страшного грохота, раздавшегося у входа. В пещере потемнело, оборотень закашлялся от каменной пыли...

И внезапно все прекратилось.

Сигурд не сразу пришел в себя. Дрожа, как после немыслимого напряжения, он сперва сел, потом встал и обернулся, пытаясь понять, куда это запропастился вход. Камень, камень... длинная извилистая трещина...

И громадная куча камней, глубоко вдавшаяся внутрь пещеры: крупные глыбы, щебенка, медленно оседающий песок...

Выход завалило. И раскопать его не сможет даже бывалый гном.

Не веря своим глазам, Сигурд подошел ближе. Как всякий оборотень, он прекрасно видел в темноте и быстро понял, как обстоят дела. Даже если у него хватит сил отвалить три основных глыбы — а куда их девать, в пещерке и так места мало! — внутрь немедленно хлынет лавина щебня. Это верная смерть. Оборотень так ярко представил эту картину, что у него перехватило дыхание.

Дом, семья, конунг — все осталось там, по другую сторону завала. Сигурд находился с горой один на один, и очень скоро к ним должен был присоединиться третий — та, молчаливая, в красных одеждах, что приходит за каждым в назначенный богами срок. Сигурд дель Арден не боялся смерти, но умереть вот так, подобно крысе!.. А мама...

Не удержавшись, оборотень застонал сквозь зубы. Она провожала его, она шутила и смеялась, потому что женщина не должна плакать — нет хуже приметы! А он еще пообещал, что вернется! Какой лесной тролль подслушал его слова?!

Волкодлак и не думал благодарить богов — хотя было за что. Его не засыпало щебнем, не придавило случайной глыбой, потолок пещеры не обвалился... словом, Сигурд остался жив и невредим. Возможно, обратись он к Старому Волку, или к Вэйлезарре, или к Арведуэнн — лучше всего к ней, ведь она тоже мать! — все окончилось бы куда благополучнее. Но есть законы, которых не нарушают даже боги. Сигурд не звал, и без зова к нему никто не пришел.

Некоторое время он стоял в темноте, глядя на завал, и пытался осознать, что жизнь кончена. Умирать отчаянно не хотелось. Сигурд разжал кулаки, провел ладонью по лицу и неожиданно для себя выпалил:

— Мрыс эт веллер! Да я все отдам, чтобы только отсюда выбраться!

Звук его голоса пометался под сводами пещеры, и вновь воцарилась тишина. Резко выдохнув сквозь зубы, Сигурд отвернулся от завала. И первое, что бросилось ему в глаза, — это узкий черный лаз, открывшийся в стене пещеры. До землетрясения в дыру могла пробраться разве только змея, но сейчас она стала шире. Значительно шире.

Сигурд колебался недолго. Опустившись на колени, он закрыл глаза, сосредоточился, и через несколько минут, наполненных дикой болью, с грязного пола поднялся грязный волк.

Сразу за дырой начинался узкий туннель. Даже в волчьем обличье Сигурду приходилось наклонять голову. Но через десяток шагов потолок резко поднялся вверх, под лапами стали поскрипывать мелкие камни. Оборотень присмотрелся и понял, что такие же камни, только крупнее, все чаще и чаще попадаются в стенах туннеля: темно-красные, какого-то грязноватого, неопределенного цвета, они глубоко сидели в основной породе. Пару раз попадались целые гнезда, но в них камни были скорее сиреневатые. Эх, сюда бы гнома, а еще лучше — целый клан Анбург-шэн-аддир! Хотя нет, не надо сюда никого, и самого Сигурда — тоже не надо...

Откуда-то спереди повеяло прохладой, и Сигурд преисполнился надежды. Он побежал быстрее, не забывая, однако, прислушиваться и принюхиваться, но в туннеле было тихо. Сколько прошло времени, он не знал: может, час, может, больше.

Неожиданно туннель чуть изогнулся, расширился и превратился в настоящую пещерку — правда, очень маленькую. Из нее вело два выхода, и из обоих тянуло свежим воздухом. Поколебавшись, Сигурд шагнул направо, и под лапой у него что-то звякнуло. Он уже привык наступать на самые разные камни, но этот был каким-то гладким, скользким и необыкновенно холодным.

Вернувшись, Сигурд внимательно обследовал этот участок. Когда волкодлак что-нибудь ищет, он всегда это находит — даже если лучше бы и не находил. Почти сразу он ткнулся носом в небольшой круглый медальон, наполовину засыпанный мелкими каменными осколками.

Действуя передними лапами, как какой-нибудь нашкодивший кот, Сигурд откопал и медальон, и цепочку. Бросить находку было немыслимо: оборотень не мог даже представить, сколько веков пролежала здесь эта вещь. Она ждала, когда за ней вернутся, — и за ней вернулись! Ее следует непременно отдать конунгу!

Подумав это, Сигурд вдруг понял, что уже ничуть не сомневается в том, что скоро ему удастся выбраться наружу. Вправо или влево?

Из правого лаза неожиданно послышались неясные, но энергичные проклятия, и в пещерку, один за другим, соскользнули два грязных до невозможности человека. Один тут же вскочил на ноги, другой щелкнул пальцами, зажигая магический светильник. От их фигур протянулись длинные черные тени.

— Вот так удача! — хрипловато воскликнул тот, что зажег свет. — Теперь мы точно найдем дорогу, брат! Сударь, вы ведь волкодлак из Арры?

Сигурд молчал, настороженно глядя на неожиданных собеседников. Ничего хорошего он от них не ждал, а медальон на всякий случай придерживал лапой.

Тот, который стоял, снял с пояса флягу и с наслаждением сделал глоток. Второй вытащил из-за спины потрепанную котомку. Оттуда немедленно явилась треснутая глиняная миска, которую первый, не скупясь, наполнил водой из фляги.

— Выпейте-ка, сударь, — дружелюбно предложил он. — А то от этой пыли уже горло дерет!

Фляга Сигурда осталась в пещере, погребенная под огромным валуном. С самого пробуждения оборотень не сделал ни глотка, и теперь он не мог удержаться. В конце концов, этот тоже оттуда отпил! Наклонившись к миске, Сигурд вдохнул запах воды и сам не понял, когда начал быстро-быстро ее лакать.

— Мы-то солецкие, — говорил тем временем тот, который был с флягой. — Мы сюда для чего, значит, полезли? Нам один гном карту загнал — говорит, тут редкая жила проходит. Вот ведь дураки оказались, а, брат? Еще и сделку с кланом заключили... как там его? Шервург-ан... Да это имечко ни один человек не выговорит! Сидели бы на равнине и не высовывались! Нет, в пещеры нас понесло! Видите ли, сударь...

— Благодарю, — сказал Сигурд, в этот момент как раз опустошивший миску. — Значит, и вас это землетрясение застигло?

— В точности! — мрачно кивнул тот, который поддерживал магический свет. Только так, по поступкам, их и удавалось различить: гости были похожи друг на друга, как две сосновые иголки. — Мы ночевали в пещере, вон там, — большим пальцем он указал себе за плечо. — Как загрохотало, полезли в лаз. Ну а здесь...

Он сделал неопределенный жест рукой, понимая под этим, наверное, и Сигурда, и пещерку, и неожиданную встречу.

Оборотень внимательно посмотрел на него, потом перевел взгляд на второго. Худые, темноволосые, в грязной изорванной одежде, они все же сохраняли некоторое достоинство, а главное — хранили хладнокровие! Авантюристы конечно же. Гномы часто заключают с такими сделки, но мало кто из людей возвращался с Драконьего Хребта...

Сигурд вдруг ощутил боль в израненных лапах. Ему захотелось хотя бы немного передохнуть.

— Меня называют Сигурд дель Арден, — представился он и сел, предварительно расчистив на полу достаточно места. — И мне тоже надо в Солец.

Они разговаривали не меньше получаса.

Сигурд знал не так уж много людей — то есть, конечно, каждый народ называет себя людьми, но... да вы поняли, что он имел в виду! — и много раз слышал, что им не стоит особенно доверять. Но эти двое не вызывали ни малейших подозрений. Они были рисковыми, они, не скупясь, разделили воду на троих, они даже не попытались отнять медальон, хотя и поняли всю его ценность. Один из них надел медальон Сигурду на шею и все повторял, какой ювелир сможет провести наиболее правильную оценку.

Но оставаться здесь долго было невозможно.

— Пора идти, — сказал Сигурд и первым поднялся с пола. Подушечки лап кое-где были ободраны до крови, но, в конце концов, он мужчина, а не щенок! — Я пойду вперед, а вы — за мной.

— Правильно! — почти хором согласились люди. — Во-первых, ты удачлив, волк! А во-вторых, в этом облике ты меньше, чем любой из нас.

Из правого туннеля появились эти двое, из того, что сзади, вылез сам Сигурд. Таким образом, оставался один-единственный левый туннель. Туда оборотень и запрыгнул.

Ход то расширялся, то сужался, но ни разу не доходило до того, чтобы человеку, а уж тем более волку, нельзя было проползти. С каждым шагом запах свежего воздуха становился сильнее, и в какой-то момент впереди замаячило смутное светлое пятно. Сигурд едва не задохнулся от радости.

Он побежал быстрее, споткнулся и больно зашиб плечо о выступ. За ним спешили эти двое; Сигурд вдруг вспомнил, что они так и не назвали ему имен, но... это все потом, потом! Пятно росло, становилось все ближе и ярче, и Сигурд навсегда запомнил момент, когда перед ним вдруг распахнулось ночное небо, полное мелких звезд. Среди всей этой россыпи гордо сияла голубая Собачья Звезда.

Лапы вдруг отказались ему служить. Сделав последнее усилие, Сигурд буквально вывалился наружу. Он кубарем покатился вниз, по заросшему колючим кустарником склону, но даже не по-

чувствовал боли. Он успел вовремя остановиться — чуть ниже была пропасть, бездонная, как все пропасти на свете.

Кое-как он выбрался на безопасное место и сразу же огляделся. Лаз — темное неровное пятно — виднелся на высоте в полтора человеческих роста. Оттуда не доносилось никаких звуков. Никто не катился по склону, никто не высовывался из дыры, и оборотень забеспокоился. Может, с ними что-то случилось? Может, им надо помочь? Они ведь люди, а он — аррский волкодлак!

— Эй! — на всякий случай окликнул он, стараясь сильно не шуметь. — Вы там где?

— Здесь, — ответил ему знакомый голос.

Они вышли из-за скалы — прямые, тонкие и одинаковые. Коричневые плащи, широкополые шляпы, высокие сапоги — все старое, потрепанное, но целое и сравнительно чистое. Да разве в этом было дело?! *Они* не были людьми, только и всего.

Эльфами, гномами или оборотнями — тем паче.

— Ты сказал, а мы услышали! — произнес Правый. — Твое желание исполнено. Ты выбрался оттуда.

— Ты назначил цену, — сказал Левый. — Мы вправе забрать у тебя все, что сочтем нужным.

Сигурд оскалился. Люди они или нет, но без боя он им медальон не отдаст! Это его добыча!

— Оставь свою игрушку себе, — презрительно сказал Левый. — Нам не нужна такая мелочь. Мы заберем то, что ты нам должен, тогда, когда нам этого захочется. А пока радуйся жизни, волк, — если сможешь!

Они начали растворяться, выцветать, когда Сигурд хрипло выкрикнул:

— Но чего же вы хотите?

Правый обернулся и бросил через плечо:

— Подумай сам. В тебе не так много ценного.

И все исчезло.

6

Дождь и не думал прекращаться — кажется, он даже усиливался. Снаружи ощутимо потемнело. Стоило мне подумать об этом, как темноту озарила яркая вспышка; я принялась отсчитывать секунды, и на пятой над лесом прогремели раскаты грома.

Рассказывая, Сигурд понемногу отодвигался от меня все дальше и дальше. Может, ему так было и уютнее, а вот мне — вовсе даже нет! Я проникновенно хлюпнула носом, подтянула плащ повыше и подергала оборотня за шерсть.

— Сигри, ляг обратно! Холодно, в конце концов!

Сигурд неохотно послушался.

— И что было дальше? — поинтересовался Эгмонт.

— Я все-таки дошел до гномов, — ответил волкодлак. — Еле-еле их нашел: они-то землетрясение заранее почуяли, вот и попрятались... Оказалось, зря про горных гномов говорят, мол, чужаков не любят, скупые... Какое там! И отогрели, и одежу дали — да что одежу, меч подарили! Жалко его, очень хороший был. Теперь где-то в КОВЕНе пылится.

— Ну почему пылится? — по привычке возразила я. — Может, им кто-нибудь даже пользуется...

— Знаю я, как маги мечами пользуются, — пробурчал Сигурд.

— Имущество, изъятое у подозреваемого, находится на временном хранении, — казенным голосом оповестил Эгмонт. — Пользоваться им никто не вправе. Так что твой меч наверняка отдадут конунгу.

— Ну и хорошо, — вздохнул оборотень. Ему, кажется, и впрямь было жалко меча.

— А дальше-то что?

— А дальше все было еще проще. Я вам уже и рассказывал. Через день я был в Сольце, нашел того купца, про которого отец говорил... маг, ковенцы... да вы это знаете не хуже меня.

Я покивала, вспомнив тот вечер, казавшийся теперь невероятно далеким. Когда же он был? Всего-то в середине изока! Мы сидели на кухне в доме Эгмонта, визгливый амулет молчал себе в тряпочку, а Сигурд... как же он тогда выразился, а?

— Дар земли гномов, стало быть? — кротко поинтересовалась я. — Да ты у нас, Сигри, дипломат!

Дипломат Сигри пробормотал что-то неразборчивое. Я предпочла не вслушиваться.

— Значит, это был медальон, — со странным выражением сказал Эгмонт. — Серебряный, тяжелый, размером со среднее яблоко. На задней крышке — царапина, а на передней...

— А на передней такая разлапистая черная штука вделана, — хмуро закончил Сигурд. Он уже ничему не удивлялся, а вот я насторожилась. — Что, и тебе его принесли?

— Это не штука, Сигурд, — все тем же тоном ответил маг. — Это знак черного солнца. Только не говори, что ты пытался его открыть!

— Пытаться-то пытался. — Оборотень дернул ухом, будто отгоняя муху. — Только все одно не открыл. Да и ладно, он и закрытым мне столько удачи принес! В землетрясении выжил, от демонов ушел, до гномов добрался...

— И к КОВЕНу попал, — не выдержала я.

Факультатив по символике, разумеется, читался только третьему курсу, но некоторые знаки нам дала и истолковала госпожа Ламмерлэйк. Черное солнце — знак ночного светила, сияния, вывернутого наизнанку, первичной, необработанной материи... какая уж тут удача, мрыс дерр гаст!

— Твое счастье, что ты его не открыл, — поддержал меня Рихтер. — Воистину, Сигурд, твоя удача еще больше Яльгиной! Я и не думал, что кому-то может *так* повезти...

— Что там было? — резко спросил волкодлак.

Эгмонт, кажется, усмехнулся.

— Твоему народу повезло еще больше, — сказал он, и мне вдруг стало не по себе. — Если бы ты принес это в Арру, где еще не было золотого дракона... возможно, Лерикас вам бы уже не понадобилась. Там было зеркало, Сигурд. Осколок черного зеркала.

Он помолчал и добавил:

— Ты его видела, Яльга. Помнишь, у меня в лаборатории?

— Помню, — сказала я, не сообразив, что следовало отпереться. — Только, знаешь... по-моему, это был далеко не осколок!

— Осколок, — уверенно произнес маг. — Все равно, как он выглядел. Его размеры ограничены размерами волшебной рамки, на изготовление которой ушло немало лунного серебра.

— Эгмонт, но тебя же нет в Академии! Оно никому не навредит?

— А как ты думаешь, почему моя лаборатория так защищена? Только чтобы адепты не пролезли? Она полностью замкнута. Без моего разрешения никто не войдет и никто не выйдет.

— Но я-то вошла!

— Ты — в какой-то степени я. Надеюсь, твой взлом удался тебе не с первой попытки?

Я передернула плечами. Говорить было не о чем.

— Значит, я зря его оттуда вынес... — медленно сказал Сигурд. — Лежал он себе и лежал. Может, его туда специально засунули. Эгмонт! А ты раньше такие штуки видел?

Маг кивнул.

— Ему пришло время выбраться на поверхность. Если бы ты прошел мимо, его нашел бы кто-то другой. Вообще, вещи, выходящие из земли, — это отдельная категория, и говорить о ней вот так, к ночи... Давайте лучше спать. Завтра трудный день.

Если верить Эгмонту, каждый следующий день был труднее предыдущего. Но разговор и впрямь должен был быть закончен — я понимала это очень ясно. На языке вертелись тысячи вопросов, но я приказала себе молчать. В самом деле, к ночи...

Уже засыпая, я поняла, что одна мысль все же не дает мне покоя. А, ладно!

— Сигри, а Сигри! — Я осторожно потыкала оборотня пальцем. — А если ты знал, что за тобой в любой момент могут прийти демоны, почему ты так спокойно пошел с нами? Может, они просто облик изменили...

Волкодлак приподнял голову и посмотрел на меня, как на несмышленыша.

— Сама подумай, — посоветовал он. — Где же ты найдешь демона, который спервоначалу в ковенскую тюрьму залезет, а потом из нее еще обратно выйдет?

— И то верно, — согласилась я.

7

Мне снилась Полин. Мы гуляли с ней в каком-то странном месте — на заднем плане виднелись башенки, полуразрушенные стены и строительные леса, — и алхимичка страстно умоляла меня не выходить замуж за принца Саида. Принц бродил где-то неподалеку и подозрительно походил на Генри Ривендейла. Я пообещала Полин подумать еще раз и проснулась.

Ночь едва перевалила за середину. В пещерку падал лунный свет, но до нас он недотягивался, и я почему-то обрадовалась этому. Там, во сне, тоже светила луна... что же это за стройка такая знакомая? Или вообще не стройка?

Я перевернулась спиной к выходу и честно постаралась заснуть. Где-то под утро мне это удалось.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой выясняется, что родственники у героев еще не закончились. Пан Богуслав Раднеевский хватается то за саблю, то за пистоли, Лерикас, как всегда, оказывается права, а дело едва не доходит до второй ковенской войны

1

Когда я проснулась, было совсем светло — насколько в принципе может быть светло в крохотной земляной пещерке. Снаружи доносились негромкие голоса, побрякивал котелок, изредка раздавалось птичье чириканье. Пахло мокрой землей, и пшенной кашей, и волчьей шерстью — к последнему, впрочем, я давно уже успела привыкнуть.

В пещерке было сухо, но холодно. Мне отчаянно не хотелось вылезать из-под нагретого плаща — из-под двух нагретых плащей, как выяснилось при детальном осмотре. Впереди маячила неизбежная перспектива очередного марш-броска через лес, день занимался серый и неуютный, и несколько минут я с удовольствием думала, как же мне все это надоело. То ли дело там, в Межинграде, — сессию уже сдали, все гуляют довольные, у Полин вон вообще личный принц завелся...

Но тут звяканье стихло, и у самого входа в пещерку раздался голос Сигурда, бодрый настолько, что у меня аж зубы заныли, как после холодной воды:

— Слышь, Эгмонт! А я вот слышал, что, ежели кто много спит, еда ему уже без надобности...

— Точно! — еще бодрее подтвердил Рихтер. — В котелке, помнится, еще осталось немного каши? Давай ее на пару доедим, а Ельгу и вечером покормить можно...

Котелок многозначительно звякнул, намекая, что каши осталось и впрямь немного.

«Гнусные провокаторы! — думала я, на корточках выбираясь из пещеры. — Каши человеку пожалели! Ужо я вам!»

Большой мир встретил меня порывом ветра. Честное слово, там было еще гаже, чем я могла предположить. Над оврагом угрожающе поскрипывали елки. Низкое серое небо уже начинало темнеть, недвусмысленно намекая, что вот-вот пойдет дождь. Земля между тем еще даже не успела как следует просохнуть, а вчераш-

ний ручей и вовсе превратился в миниатюрное подобие Ойслы. По нему наперегонки плыли веточки, щепочки, еловые иголки и прочая лесная мелочь; для пущего сходства с главной водной артерией Лыкоморья не хватало только парочки солидных гномских кораблей.

Но костер горел на прежнем месте — бодрый, веселый и зеленый, как весенняя трава. Пламя подпрыгивало вверх, плевалось искрами, стреляло угольками и почти не давало дыма. Я уважительно покосилась на Эгмонта, подергала свою растрепанную косу и пришла к выводу, что на нее никто не посягает. Можно позавтракать и незаплетенной.

— А мы уж подумали, что ты здесь зазимовать решила, — доверительно сообщил мне Сигурд. — Времени, вишь, уже девятый час, гроза собирается...

— Так разбудили бы, — пробормотала я. Окончание фразы смазал зевок.

— Так хотел я, хотел... — Сигурд сделал большие честные глаза. — А Эгмонт говорит: ежели кто не выспавшись, медведь там или Ялька, к нему лезть опасно, пущай лучше спит.

— Я тоже вас люблю, — сказала я подобающе мрачным тоном и забрала котелок. — Ух ты! Еда! Тогда я вас и вправду люблю...

Еда выглядела странно, на вкус была еще страннее: нечто пестрое, сладковатое, с вкраплениями морковки и изюма. Плюс от нее ощутимо пахло корицей — тот листвяжский гном хранил в лавке немаленький запас пряностей. Национальная кухня волкодлаков? Но что бы это ни было, оно оказалось довольно вкусным.

— Что дальше делаем? — спросила я, дожевывая остатки.

— Сначала ты моешь котелок, — хладнокровно ответил маг. — Спокойнее, Ялька, спокойнее. Есть такое правило: кто ест последнюю котлету, тот и моет сковородку.

— Согласна! — быстро вставила я. — Давайте сюда вашу сковородку с моей котлетой!

— А ну доедай быстрей! — посоветовал Сигурд.

Для очистки совести я поскребла ложкой по стенкам котелка. Ничего не отколупывалось. Честно говоря, котелок был почти чистым, и я сильно сомневалась в необходимости его мыть. Но ежику понятно, мыть все равно придется.

— А ты не увиливай, Эгмонт! — строго сказала я, смирившись с необходимостью. — Дальше мы куда? Что-то этот лес мало похож на эльфийские кущи.

— Тонкое наблюдение, — съязвил маг.

Я погрозила ему ложкой.

— Выбор у нас непростой, — вмешался Сигурд. — Покамест ты, Ялька, сопела себе в пещерке, мы уже сто раз все прокрутить успели. А чего тут крутить, честно-то говоря? Вариантов у нас всего два, и оба весьма нехорошие. Первый: собираем манатки и идем через лес напрямик. Крюк мы, конечно, дали большой, но недели за две, ежели посчастливится, доберемся до наших эльфов.

Я посмотрела наверх. Елки скрипели, стонали и всячески выражали свое неудовольствие. Мне разом припомнился учебник по фэйриведению, тщательно законспектированное пособие «Лесные духи», а также несколько картинок из «Справочника боевого мага». Что вы будете делать, студентка Ясица, если на лесной тропинке вам повстречается мужик, сидящий на корове лицом к хвосту? И что вы ответите, если он пообещает сперва закончить с белками, а потом вернуться и задавить вас?

Этому лесу мы явно пришлись не по душе. А я уже успела уяснить, что лучшая схватка — это та, которой удалось вовремя избежать.

— Второй вариант — это телепортация? — спросила я, нарушив многозначительную паузу. — А нас не вынесет, случаем, на самый ковенский двор?

— А я знаю? — Эгмонт раздраженно щелкнул пальцами. — После двух последних телепортаций я даже не поручусь, что мы все в итоге останемся живы. Ялька, мрыс! Я магистр, я без пяти минут член Совета КОВЕНа! Я заявляю со всей ответственностью: ни один человек не в силах проделать такое с телепортами! Одно дело — общая сеть перехвата, совсем другое — такие точечные вмешательства...

— Ты уверен, что это именно вмешательства?

— Разумеется! — Рихтер встал и заходил по овражку, не обращая внимания на разлившийся ручей. — Знать бы еще, чьи!

— Да, неплохо было бы, — согласилась я. — Особенно если вспомнить наш с тобой прошлый визит на Драконий Хребет.

— Вы бывали на Драконьем Хребте? — вмешался Сигурд. — А зачем?

— Не зачем, а почему, — мрачно сказал Эгмонт. — Кое-кто искал приключений на свою задницу и, как ты догадываешься, получил их по полной. Хорошо хоть здесь василиски не водятся.

— Здесь виверны водятся, — жизнерадостно напомнила я.

Эгмонт помрачнел еще больше.

— Давайте решать, — твердо сказал он. — Кто за пеший переход?

— Я! — нагло пискнуло откуда-то сверху.

Ухитрившись не вздрогнуть, я посмотрела наверх, но там уже никого не было. Только покачивалась высокая трава.

— Заяц, — уверенно сказал Сигурд. — Ох и обнаглели...

Я передернула плечами. В законспектированном пособии не было ни слова о говорящих зайцах, но я предпочла верить оборотню, а не пособию.

— Давайте-ка телепортировать, вот что, — подвел итог волкодлак. — Ты, Эгмонт, строй телепорт... А ты, Ялька, чего сусликом стоишь? Котелок уже плесенью подернулся, вот-вот тоже разговаривать станет!

— И где это ты, интересно, видел говорящую плесень? — пробормотала я, примериваясь к котелку с мокрым песочком.

Сигурд только хмыкнул.

— Где-где — в ковенской тюрьме! — чуть свысока пояснил он.

2

Если предыдущий телепорт был построен с соблюдением всех существующих и несуществующих правил, то нынешний оказался сооружен в рекордно короткие сроки: я даже не успела напоследок ополоснуть котелок. Мир моргнул, на мгновение налился зеленым сиянием, в котором потонули и ручей, и овражек, и хмурое небо, а потом меня выбросило во что-то мягкое и колючее.

Я выждала несколько секунд, как учил Фенгиаруленгеддир, и открыла глаза. Надо мной простиралось небо поразительной чистоты и безмятежности. Где-то вдалеке заливались птицы. Эльфами даже не пахло, а пахло свежескошенным сеном и теплой землей.

Ощущения были, прямо скажем, знакомые: мне не раз доводилось ночевать в стогу. Я села и, стряхивая с рубашки налипшие травинки, огляделась вокруг.

Насчет сена я не ошиблась; насчет эльфов, кажется, тоже. Пейзаж вокруг был до того лыкоморский, что я не удивилась бы, выйди сейчас из-за деревьев царь-батюшка собственной персоной, в

мантии, короне и лапоточках. Позади виднелся густой лес, впереди просвечивал луг, а мы находились на небольшой поляне, где то там, то здесь росли тоненькие березки. Между березками гордо торчали копешки, одна из которых, полагаю, была изрядно разворошена, а буквально в двух шагах — я похолодела — возвышался настоящий стог, увенчанный тремя жердями. Если бы кого-нибудь из нас выкинуло на эти жерди...

Так, а где, вообще, Сигурд с Эгмонтом?!

Я забарахталась, но все-таки выкарабкалась на свободу. Тут же выяснилось, что приземление Эгмонта было далеко не таким мягким, а хуже всех пришлось Сигурду, на которого маг и свалился. Но оборотень оказался более сдержанным: прислушавшись, я узнала лишь несколько новых выражений, да и те — от любимого наставника. Правду говорят: внимательно слушайте ваших магистров и откроются перед вами невиданные горизонты новых знаний!

Пока помятое выправлялось, а испачканное отряхивалось, я, прищурившись, смотрела на юго-запад. Там, у самого горизонта, клубились синие облака; дул ветер, но они оставались неподвижны, и эти застывшие неровные очертания казались очень знакомыми.

...И снова дорога, выжженная немилосердным солнцем. Катятся кибитки, подпрыгивая на ухабах; по степи гуляет ветер, а из-под колес летит желтая пыль. Кони отмахиваются хвостами от злых южных мух.

Небо будто выцвело от жары. На нем ни тучки... хотя постойте-ка! На западе, у самого горизонта, виднеется синяя облачная гряда.

— Будет дождь, да, мама? — спрашивает юная ромка. У нее прямые брови, острый подбородок и веселый быстрый взгляд. На шее — красные бусы из сушеных ягод. Похожа ли я на нее? Не знаю. Она — человек, а я...

— Глупая ты, Ратори! — ворчит женщина. Она сгорбилась, потолстела и постарела; в черных волосах пробилась седина, на лице появились морщины, а на руках — старческие пятна. Такой я и помнила ее — не хватало только шали, вечной черной шали в крупных цветах, и трубки из вишневого дерева.

Но все это только маска; и, глядя сквозь нее, я ясно вижу прежнюю владычицу с лунным венцом на челе. Фэйри не способны меняться, особенно фэйри из Высочайшего Дома.

И глаза у нее все те же — зеленые, как весенняя трава.

— Глупая ты, Ратори! — звучат слова, сказанные двадцать лет назад. — Не облака это, а горы.

Это Даркуцкий кряж.

Это судьба.

— Это судьба, — шепотом повторила я. Круг замыкался; змея кусала свой хвост, и я чувствовала, как что-то большое надвигается на меня и избежать этого уже невозможно.

— Вспоминай подгиньский, Эгмонт! — усмехаясь как можно достовернее, я повернулась к магу. Он был встрепан и крайне недоволен. — Здесь, в Даркуцких горах, аллеманский как-то не в ходу.

— А... — начал было Сигурд.

— Нет, — весомо сказала я. — На эльфаррине тут тоже почти никто не разговаривает.

За поляной находился луг, за лугом — озеро, за озером — дорога, при дороге — корчма. Это была длинная темная изба с шестью маленькими окошками; из трубы валил дым, у коновязи стояли лошади, а в огромной луже у крыльца важно плавали белоснежные гуси. Стоило нам приблизиться к луже, как старший гусак злобно зашипел, но я пригрозила хворостиной, и он поспешно отступил. К счастью, гусак не знал, что хворостина была иллюзорной.

Внутри было темно, дымно и душно. Пахло едой, пролитым пивом и много чем еще, но об этом я старалась не думать. В конце концов, и мы не эльфийскими духами благоухаем. С потолка свисали толстые колбасы, окорока и чесночные плетенки. Почти всю комнату занимал длинный дощатый стол, вокруг которого теснились тяжелые скамьи. В дальнем конце, у противоположной входу стены, гуляло сановнее панство. Среди прочего я заметила на столе хорошо прожаренного поросенка и немного воспрянула духом.

Мы скромно сели с краю, постаравшись не привлечь ненужного внимания. Любому известно, что подгиньские паны задиристы,

как бойцовые петухи, а мы находились не в той ситуации, чтобы выяснять, кто сильнее. Конечно, Эгмонт мог бы раскатать эту корчму по бревнышкам, а Сигурд — нарубить всех соломкой, но это было бы как-то... не ко времени, что ли.

Расторопная служанка притащила нам глиняную мису, полную гороха с салом, и три ложки. Эгмонт в очередной раз решительно отказался от пива — вместо него перед нами плюхнули три кружки с грушевым взваром. Взвар сильно отдавал горелым, но я решила не привередничать.

Что-то коснулось моей ноги, и я немедленно заглянула под стол. Там обнаружилась отродясь не мытая дворняга, от которой изрядно разило псиной. С другой стороны, чем еще от нее могло разить? Встретившись со мной взглядом, пес вежливо гавкнул, завилял лохматым хвостом и высунулся из-под скатерти, положив передние лапы на край скамьи. «Вы же щедрые, правда, пановe? — читалось в его глазах. — Вы же не пожалеете голодному барбосу пару косточек? А не то помру прямо здесь и вонять буду еще сильнее...»

Эгмонт вхолостую клацнул зубами, едва не откусив половину пустой ложки.

— Я могу хотя бы раз в день поесть по-человечески? — рявкнул он. — Убери это сейчас же или я за себя не отвечаю!

Умный пес нырнул под стол и был таков. Я оскорбленно фыркнула, но ответить мне не дали. Стол содрогнулся, миска подпрыгнула, рассыпая горох и шкварки, из кружек плеснуло взваром. Смолкли паны, пировавшие на другом конце стола.

Я мигом определила источник сотрясения — то был шляхтич в кунтуше зеленого сукна, расшитом золотыми шнурами. В корчемном чаду сложно было рассмотреть что-то, кроме этих шнуров; я заметила только, что усы у шляхтича торчат едва ли не выше носа, а сам он смотрит на Эгмонта не добрее той рыси, из какой была пошита его шапка.

Сощурившись, он еще раз со всей силы жахнул кулаком по столу. За секунду до этого опытная шляхта похватала свои кружки.

— Ах ты, песий сын! — выразился шляхтич, грозно топорща усы. — Да как смеешь ты обижать столь достославную панну? Да неужто ты думаешь, ракалия, что некому за нее заступиться?! Ха! Сгори я в огне, ежели тебя, мерзавца, приличному обращению не научу!

Шляхта, торопливо глотнув из кружек, одобрительно загудела. «Вот ведь влипли!» — только и подумала я.

Эгмонт осторожно положил ложку на край мисы и начал медленно подниматься из-за стола. Надо было что-то делать, но ничего дельного в голову не шло. Напугать? Сотворить иллюзию? Похлопать ресницами, как учила Полин? Последнее точно не выгорит, да и первое, если вдуматься, тоже.

— А панна-то, панна! — растроганно добавил один из панов. — Кротости-то она, по всему видать, голубиной! Хоть бы словечко поперек сказала! Не то что моя... эх... Катержина...

«Пить надо меньше!» — злобно подумала я и что было силы дернула Эгмонта за камзол. Не ожидавший от меня такой подлости, маг плюхнулся обратно на скамью. Чего-чего, а голубиной кротости я в себе сейчас точно не ощущала. Вместо нее на свет явился наследственный гонор.

— А с чего твоя милость решила, будто я панна? Может, я и вовсе девка черная?

Шляхтич встал, оперся на столешницу и еще раз внимательно оглядел нас троих. Усы его топорщились все воинственнее.

— Да не будь я пан Богуслав Раднеевский, коли в панне панну не узнаю! Ха! Кровь-то не скроешь! — Он посмотрел на меня еще раз, просиял и торжествующе произнес: — А за такую панну, родичку Леснивецких, я кого хочешь шаблюкой изрублю! Да я за тебя, моя панна, всю кровь по капле отдам!

Дело принимало серьезный оборот. Я представила зарево пожара над крышей корчмы, схватку Эгмонта с паном Богуславом и панну голубиной кротости, лежащую в глубоком обмороке под сенью древ. Сигурд не вписывался в общую картину, и, наверное, для него это было хорошо.

Но тут пана Богуслава осенила новая мысль.

— А может, эта холера еще и роду низкого? — подозрительно осведомился он, присматриваясь к звереющему Рихтеру. — Тогда, конечно, драться с ним не можно, урон моей чести выйдет. Но ты не печалуйся, моя панночка, я его просто так зарублю! А? Что скажет твоя милость?

Моя милость крепко держала Эгмонта за рукав и подбирала правильные аргументы.

— Поклон тебе, пан Богуслав, и вечная моя признательность! — начала я правильно, но вот с продолжением были проблемы. — Таких, как ты, рыцарей теперь уж и не сыщешь: и ли-

цом ты пригож, и духом отважен, и вежество знаешь, как подобает...

— Это да, — скромно согласился пан Богуслав. — Что есть, то есть.

— Так вот, пан. — Я значительно посмотрела на шляхтича. — Надобно тебе знать, во-первых, что спутник мой сам роду знатного и в родстве состоит с хенгернскими баронами. А ведет он себя непотребно не по злому умыслу, а единственно из неразумия... — Эгмонт подавился тем, что хотел сказать, а я злорадно продолжила: — Видишь ли, пан рыцарь, он магикус не из последних, и, спасая меня от лютых врагов, сотворил волшебство, на которое истратил все силы и все вежество. Сейчас он как дитя неразумное. Сам суди, твоя милость, уместно ли шляхтичу за такое саблей карать? А по благородству твоему должен ты его простить! И никак иначе!

Пан Богуслав открыл было рот, подумал и закрыл. Было видно, что ему смерть как хочется подраться, тем более — за прекрасную панну из рода Леснивецких. Может, он рассчитывает на княжескую благодарность? Как же, два раза и с горкой...

— Так неужто ты, панна, и вправду хочешь, чтоб я его простил?

— За-ради меня, пан Богуслав! — упростила я задачу. — Единственно за-ради меня!

Пан Богуслав посопел, принимая трудное решение, и торжественно кивнул. Даже перо цапли на его шапке колыхнулось особенно значительно.

— Так тому и быть, панна! Доброе у тебя сердце! Пускай живет твой магикус! Но прощенья пускай попросит прямо сейчас!

Шляхта облегченно выдохнула и застучала кружками по столу.

Вряд ли Эгмонт согласился бы целовать мне ноги, даже будь они не такими грязными. Мы сошлись на усеченном варианте извинений. Я мотивировала это девичьей скромностью: княжеским родственницам не полагается демонстрировать голые ножки в корчмах. «Не обнажай в корчме», — мелькнула цитата из стародавней эльфийской поэмы. Аргумент был весомый, и пан Богуслав капитулировал.

В знак примирения он потребовал еще вина — «и получше, для панночки!» — тут подоспели заказанные раньше колбаски с капустой, а в углу заиграла скрипка. Веселье пошло полным ходом, то-

лько Эгмонт, временно произведенный в неразумные, злобно ковырял ножом свою порцию колбасок.

Поросенок перекочевал на середину стола. Панство — как я поняла, не такое уж и сановнее, так, мелкие шляхтичи из застянков — принялось козырять обходительностью. Как это делается, оно толком не знало, так что пан Богуслав быстро захватил инициативу в свои руки. Он подсел ко мне, взялся подливать вина в кубок и одобрительно смотрел, как я расправляюсь с добрым ломтем поросятины. Подгиньское королевство — это вам не Западные Земли, корсетов тут и в страшных снах не видали, а местные красавицы, как правило, обладают хорошим аппетитом, бойким нравом и тяжелой рукой. Такая если даст пощечину, то звон будет слыхать до самой Черной горки. А голубиный нрав, надо думать, предполагает способность не дать в морду прямо на месте, а припомнить после, при случае.

Поросятина была выше всяческих похвал. Правда, вместо вина я предпочла бы молоко, но говорить об этом пану Богуславу было несколько неразумно. Фэйри есть фэйри, и вряд ли на Даркуцком кряже они неожиданно пристрастились к березовому соку.

Пан Богуслав, как и полагается учтивому рыцарю, развлекал меня разговорами ни о чем, но было видно: как только поросятина закончится, он непременно задаст много интересных вопросов. Например, к какой ветви рода Леснивецких изволит принадлежать высокочтимая панна? Или, того хуже, а чего это вдруг высокородная девица разгуливает в неподобающем виде и с неподобающей свитой, состоящей, заметим, исключительно из мужчин?

От отчаяния я даже придумала захватывающую историю о том, как злые люди похитили меня из родного дома (люди были злые, но приличия блюли, так что со мной похитили и гувернантку). На помощь мне пришли, естественно, благородные Сигурд и Эгмонт; одолев врага в кровавой схватке, они все же не смогли спасти несчастную наставницу, и та скончалась у нас на руках, заповедав доставить меня до каких-нибудь родственников...

Но, внимательно поглядев на пана Богуслава, я решила, что он еще недостаточно пьян, чтобы поверить в этот малохудожественный бред.

Собственно говоря, ситуация складывалась довольно забавная — если, конечно, смотреть на нее со стороны. Несколько недель назад, на пути к Конунгату, мы выдавали меня за даркуцкую

княжну, отчаянно надеясь, что никто не раскусит этого обмана. А сейчас никто не сомневается в моем родстве с Леснивецкими, но от этого, напротив, одни неприятности!

— Позволь, панна, я тебе еще вина подолью, — прервал мои размышления пан Богуслав. Вид у него был как у кота, облюбовавшего хорошую кринку, но мне было как-то неуютно чувствовать себя в роли сметаны. — Хотя разве ж это вино? Кабы принимал я тебя, панна, в своем поместье, то уж точно отыскался бы бочонок белого аль-буянского! Да не один...

Я загрустила. До того как-то никто не подозревал во мне склонности к распитию спиртного в таких масштабах. Но белое аль-буянское, измеряющееся в бочонках, натолкнуло меня на какое-то воспоминание. Я сосредоточилась и поняла, о чем речь. А что? Между прочим, может и сработать!

Отложив вилку, я повернулась к пану Богуславу, послала ему самую лучезарную улыбку и небрежно поинтересовалась:

— А не в родстве ли твоя милость с паном полковником Анджеем Раднеевским? Та же удаль, та же стать... — «та же любовь к белому аль-буянскому», — чуть не добавила я, но не стала выходить из образа.

Пан Богуслав просиял пуще прежнего, но тут же спохватился.

— То мой старший брат, — чуть настороженно ответил он. — Но откуда панна с ним знакома?

— Да разве много на Подгини таких отважных рыцарей? — всплеснула я руками в лучших традициях романов Полин, но поняла, что перегнула палку: пан Богуслав как-то закручинился. Сложив два и два, я поспешила исправить ситуацию: — Однако знаешь, пан, как говорят: плох тот хорунжий, который не мечтает стать полковником...

— Твоя правда, панна, твоя правда! — воспрянул духом мой собеседник. Не давая ему опомниться, я ласково продолжила:

— А расскажи мне, пан, какова усадьба твоя? Многими ли землями ты владеешь? Не поверю я, чтобы наш добрый король не отметил наградами столь доблестного воителя...

Имени доброго короля я, как назло, не помнила. Впрочем, они менялись так быстро, что упомнить каждого мог, наверное, только волхв Легкомысл. Да и то навряд ли.

Если я хоть что-то понимала, сейчас пан Богуслав должен был пуститься в пространное описание своих земель и угодий, а там можно было переходить на историю рода, герба, девиза и

прочих прекрасных вещей. Где-нибудь можно было вставить ненароком невинный вопрос типа: «А далеко ли до эльфийских земель?», «А нельзя ли прикупить в округе пару лошадок?» или «Что, пан Богуслав, в здешних краях по-прежнему каждую ведьму норовят сжечь для острастки?» Самое главное, чтобы такой вопрос не оказался последним в беседе, ведь, как учат нас мудрые книги, запоминается именно последняя фраза. И пан Богуслав, буде ему придется разговаривать с ковенцами, сможет честно ответить, что панну княжну интересовало исключительно белое аль-буянское.

Но, к сожалению, разговор свернул совсем в другое русло.

— Эх, панна-панна... — Раднеевский издал тяжелый вздох и сокрушенно покачал головой. — Всем хороши мои земли, да лежат они далеко! А замок родича твоего, князя-воеводы, — рукой подать. Но будет греть мое сердце надежда, что когда-то достанется мне счастие принимать тебя, светлая панна, на моей земле!

А вот это было уже некстати. Встреча с безутешным родителем совершенно не вписывалась в наши жизненные планы. Я покосилась на Эгмонта, но маг, повернувшись ко мне спиной, сбрасывал под стол объедки. Из-под стола слышалось довольное хрумканье. Нет, и этот человек упрекал меня в нелогичности!

— Я уж к князю-воеводе и человека послал, — продолжал между тем пан Богуслав. — Да вот и он! Эй, Ендрусь, что там князь-воевода? Сыскал ты его?

— Сыскал, пан хорунжий! — басом откликнулись от двери.

Я прикрыла глаза, понимая, что в очередной раз угодила в яблочко, не целясь.

Пан Богуслав опустошил свою чару и громко стукнул ею по столу.

— Ну что, панове, а не засиделись ли мы? — громко спросил он. — А ну, в дорогу! Проводим ясновельможную панну до князя-воеводы! Готовы ли кони?

— Готовы, пан хорунжий! — ответствовал все тот же Ендрусь между двумя быстрыми глотками из ковша.

Я увидела, как закаменела спина Эгмонта. Только Сигурд сидел с прежним вежливым выражением лица — он ни слова не понимал по-подгиньски. Но выхода не было. Это судьба, Ялька; от судьбы не уйдешь!

В конце концов, всегда было интересно узнать — каков он, князь Янош Леснивецкий.

3

Получасом позже мы уже скакали по узкому пыльному шляху. Слева от нас зубчатой стеной стоял темный ельник, справа простирался луг, по которому, как заплатки, были разбросаны маленькие березовые рощицы. Пан Богуслав, учтивый кавалер, находился от меня по левую руку. Понимая, что светлая панна всей душой рвется к любимому родичу, он не докучал мне разговорами. Я была этому только рада.

Что теперь делать, спрашивается? И кой мрыс вообще понес нас в эту корчму? Неужели телепорт не мог исказиться куда-нибудь в другое место — не к эльфам, так к гномам, к вампирам, к герцогам Ривендейлам! На Аль-Буян, если судьбе угодно пошутить! Да хоть в пределы земли Каф!

Там хоть кафий растет...

С другой стороны, не четвертуют же нас за родство с князем-воеводой? Если даже совершенно посторонний пан Богуслав мигом опознал во мне его родичку, так, наверное, и пан Янош не отвертится! Живы будем, не помрем. Хватит ныть, Ялька, и не такое видели! Через Старые Земли — прошли, Драконий Хребет — миновали, и от вас, гайдуки пана Леснивецкого, мы тоже уйдем!

Впереди показалась серая громада замка. Да. Это был не пряничный домик баронов Хенгерн, чья защита основывалась исключительно на магии. В даркуцких краях предпочитали надеяться на силу рук, на руки друга и вбитый крюк — желательно, чтобы крюк был вбит в стену вражеского замка, а не твоего собственного. Магов здесь отродясь не любили и воевали с ними на равных.

Но до замка было еще очень далеко. Я приподнялась в стременах, чтобы рассмотреть его получше, и увидела, как из-за поворота, один за другим, появились три всадника. За ними на значительном расстоянии следовал небольшой отряд.

Мне отчаянно захотелось телепортироваться куда подальше, можно даже вместе с лошадью.

Пан Богуслав придержал коня, подкрутил ус и послал мне ободряющий взгляд.

— Вот и князь-воевода, — доверительно поведал он. — Ишь, как торопится — видать, давненько тебя поджидает!

«Давненько, — мрачно подумала я. — Лет так двадцать, не меньше!»

Честно сказать, мне сейчас было не до пана Богуслава. Крепче перехватив поводья, я выпрямилась в седле и медленным шагом поехала навстречу. Так, Ольга. Не торопись. Спокойно.

Я вдруг поняла, что шляхта, Сигурд и Эгмонт давным-давно остановились и я еду в полном одиночестве. Было очень тихо, только из леса доносился голос кукушки. До чего погожий день, мелькнула совершенно посторонняя мысль.

Всадник, что скакал первым, резко натянул поводья — конь, всхрапнув, присел на задние ноги. Несколько мгновений мы молча рассматривали друг друга. Не знаю, что он увидел; а я поняла, что двадцать лет ни для кого не проходят бесследно.

Нынешний Янош Леснивецкий был жестче и властнее прежнего. Он раздался в плечах, рыжие кудри уже не были такими огненными, а на виске появился шрам. Да разве это важно, в конце концов?

Я выпрямилась еще больше и произнесла холодным ровным тоном:

— Долгих лет тебе, князь Янош!

Князь, словно не расслышав, помолчал еще немного и неуверенно произнес:

— Ратори...

— Я не Ратори, — так же ровно ответила я. Помнит, значит. Уже хорошо.

Князь досадливо дернул плечом и повторил:

— Ратори... Она жива?

«Надо же, какой любознательный!» — злобно подумала я.

— Нет. Она умерла двадцать лет тому назад, в ту ночь, когда я появилась на свет.

В повисшей тишине к нам подскакали два других всадника — оба рыжие, в отца, старшему лет шестнадцать, а младшему не больше тринадцати. Фамильное сходство было налицо, и не только фамильное: старший смотрел на меня такими же добрыми глазами, как я сама — на князя-воеводу.

— Как назвала тебя твоя мать? — нарушил тишину князь.

— Ольгой.

— Ольга, — повторил он, будто пробуя имя на вкус. — Ядвига, значит. Ядвига Леснивецкая, как моя мать.

Глаза у старшего из моих младших братьев — привет, Эгмонт! — разом стали еще добрее. Хотя казалось, дальше уже неку-

да. Я не успела ничего возразить, потому что в этот момент к нам подъехал пан Богуслав с компанией.

Пан Янош бросил через плечо:

— Михал, Ежи — это сестра ваша старшая, ясновельможная панна Ядвига Леснивецкая. И надлежит вам любить и почитать ее, как любят и почитают старшую единокровную сестру.

«Ага, как же!» — читалось в глазах новообретенных братьев, но вслух никто ничего не произнес.

— Пан Богуслав! — (Раднеевский воинственно встопорщил усы.) — Я вечный твой должник. Ты принес мне великую радость — и великое горе. Но то не твоя вина. Поскачем же в замок!

Возражать было глупо, да и кто бы стал меня слушать!

«Хвала богам, родственники на этом должны закончиться! — хмуро думала я, зажатая между двумя любящими братьями. — Хотя, с другой стороны, где-то кочует не охваченный нами табор...»

Аррани Лерикас молча усмехнулась и потянулась за вязанием.

4

Весь ужин Ежи просидел как на иголках. Мир не то чтобы перевернулся, но как-то рискованно накренился — в точности как фрегат на картине в отцовском кабинете. Еще утром здесь не было никаких посторонних Ядвиг, а тут гляди-ка — откуда ни возьмись объявляется неведомая панна! И нате, пожалуйста, — любите и почитайте ее, как надлежит любить и почитать старшую сестру!

Ежи был твердо уверен, что ни в каких сестрах он точно не нуждается. Если судьбе было угодно послать им нового родича — уж лучше бы это был брат, и желательно младший. А тут все наоборот. Опять же Михал — слепому видно — куда как недоволен, а он все-таки старший...

Хотя подождите-ка!

Это что же получается? Если она — старшая (а ей, похоже, не меньше двадцати), — то нет никакого старшего брата! Стало быть, Михалу пора перестать задирать нос! И потом, если приглядеться, то из всех возможных сестер эта была не худшей. Начать с

того, что говорит мало, ни о каких кружавчиках не заикается, и собачки при ней нет. Ежи еще помнил белого пуделя панны Марыси, которого даже пнуть при случае было нельзя — а так хотелось! Клятая псина тогда здорово изгадила ему сапоги...

Опять же, если посмотреть, платьев она не носит — Ядвига то есть, не собачка. Прибыла, по всему видать, из далеких земель. Много чего повидала... может, она и море видела? А почему нет! Да и спутники у нее странные, тоже, видать, люди бывалые. Один волкодлак чего стоит! Не зря же пан Богуслав с ним так милостиво беседовал!

А раз старшая, так пускай исполняет свой долг и расскажет младшим братьям, где была, чего видела... А если Михалу неинтересно, так пускай и не слушает!

Придя к такому выводу, Ежи несколько повеселел, но тут и ужин закончился. Ежи со вздохом вылез из-за стола и вслед за братом подошел к отцу. Тот посмотрел на них очень внимательным взглядом. Братья переглянулись и нестройным хором сказали:

— Покойной вам ночи, панна Ядвига.

— Покойной ночи... э-э... сестра.

— И вам добрых снов, — душевно пожелала панна Ядвига.

Михала ощутимо передернуло, но он справился с собой и холодно кивнул в ответ, после чего развернулся на каблуках и, едва не печатая шаг, отправился в свои покои.

Ежи шел на два шага впереди и строил планы на завтрашний день. А день обещал быть интересным.

Покои у братьев были одни на двоих. Этим красивым словом обозначалась небольшая комнатка с двумя лежанками, большим сундуком и тем немногим, что потребно воину. Никто не скажет, что князь-воевода растит из своих сыновей изнеженных панночек! Ежи поудобнее улегся на жестком тонком матрасике и с любопытством принялся наблюдать за братом.

Михал отрывистыми движениями налил себе полный стакан воды и выпил его залпом.

— Нет, только подумать! — Стакан громко стукнулся о поднос. Михал заходил по комнатке взад-вперед. — Это — панна Ядвига Леснивецкая! Да это позор всего рода Леснивецких! Да мы в родстве с королями! Хотя что я говорю — это короли в родстве с нами! Хотел бы я знать, из какой дыры вылезла эта *ясновельможная панна*!

Последние слова он выговорил с таким великолепным пренебрежением, что Ежи ощутил острый укол зависти. Но тут же возразил, как подобает хорошему сыну:

— Отец сказал, она нам сестра. Значит, так тому и быть. Плохой мы ей будем защитой, если первые ее осуждаем...

— Защитой?! — взвился Михал, словно укушенный тем самым пуделем. — Да я... я же об отце и думаю! Ему ж еще эту... панну замуж выдавать надо! Хотел бы я знать, кто ее возьмет!

— Да хотя бы пан Богуслав! — безмятежно ответил Ежи.

Михал остановился как вкопанный.

— Пан Богуслав? — недоверчиво спросил он. — С чего ты взял?

— Сам слышал! — обиделся брат. — Такая, говорит, панна — всем паннам панна! Глаз не отвесть, вот как! А еще сказал, мол, породу сразу видать: нраву горячего, а с другой стороны — сердце доброе. И обхождения требует особого, не то что наши панночки... — И Ежи от себя добавил: — С пуделями!

— Ну, если пан Богуслав... — тоном ниже сказал Михал.

На том и порешили.

В эту ночь сон долго не шел к Михалу Леснивецкому. Ежи давно спал безмятежным сном, а Михал все ворочался и ворочался. Пан Богуслав — это, конечно, argumentum, но и своей головой думать надо. Пану Богуславу Ядвига не сестра.

Любому понятно, что отец прижил ее вне брака. До брака, точнее говоря. Ничего особенного в этом нет, Михал как мужчина прекрасно его понимал — красивых крестьянок в округе хоть отбавляй. Но признавать законной дочерью эту Ядвигу? Ставить ее на одну доску с ними? А как же честь их покойной матери?

За этими, бесспорно, сложными рассуждениями Михал както упустил одну незначительную мелочь: раньше он твердо был уверен, что долг благородного человека — отвечать за свои поступки. И если у него, Михала Леснивецкого, обнаружится незаконный сын, то он непременно признает дитя. Не то что князь... не будем называть имен! Но одно дело — абстрактный младенец, жалобным плачем взывающий к отцовскому долгу, и совсем другое — взрослая рыжая нахалка, явившаяся на все готовенькое!

Так это что, и наследство теперь на троих делить будут?!

Поразмыслив еще немного, Михал пришел к выводу, что его долг как брата — поскорее выдать Ядвигу замуж за пана Богуслава, пока тот не передумал. В конце концов, приданое не наследство, переживем. А породниться с Раднеевскими — не так уж и плохо. Для девицы из рода Леснивецких, конечно, это не партия, но для незаконнорожденной — невиданная удача.

На этом Михал наконец заснул, но сон его был беспокоен. Ему снился целый выводок старших сестер, и при каждой имелся если не злобный колдун, так уж точно беловолосый волкодлак.

Я проводила братьев задумчивым взглядом. Не сказать чтобы они мне сильно понравились, но, когда они ушли, разом сделалось неуютно. При сыновьях князь точно не стал бы выяснять семейных отношений, а мне как-то не хотелось общаться с папенькой на этот счет. Мне вообще с ним разговаривать не хотелось — хотя бы потому, что я не знала, как себя держать.

Я прекрасно жила без него все эти двадцать лет. И еще столько же прожила бы. С другой стороны, и он вряд ли горит желанием заключить меня в отеческие объятия и пролить над моей беспутной головой скупую мужскую слезу. Но... боги мои, я запуталась, я окончательно запуталась! В конце концов, он меня признал! А ведь скорее было бы ожидать, что он прикажет гнать плетьми самозванку!

И тут я вспомнила про КОВЕН. Мрыс дерр гаст! Здесь, на восточных отрогах Даркуцкого хребта, его власть была слабее, чем в Лыкоморье или на настоящем Западе, — но нам все равно следовало остерегаться. Нет, даже не так — нам стоило сматывать удочки, вострить лыжи, сваливать по-тихому, и все это в направлении эльфийских земель.

Каким бы ни был князь-воевода, но мы сидим за его столом и едим его хлеб. И было бы подло втянуть его в наше противостояние с КОВЕНом.

Осознав эту мысль, я немного приободрилась. Теперь я знала, о чем именно буду говорить с Леснивецким, — а то, что разговора не избежать, понятно даже старшему из моих младших братьев: Как его там? Кажется, Михал?

Здешнее панство любило гулять со вкусом, а обретение утерянной дочери — да, за это никак нельзя не выпить! Я сидела почти во главе стола, по правую руку от князя, и моим глазам от-

крывался просто превосходный вид на все застолье. Особенно интересно было наблюдать за паном Богуславом — отсюда было плохо слышно, но он, кажется, успел найти с Сигурдом общий язык. И это при том, что оборотень ни слова не знал по-подгиньски! Я хмыкнула и после недолгих колебаний рискнула покоситься налево.

И тут же встретилась взглядом с князем-воеводой.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Потом он кивнул и поднялся из-за стола. Я ожидала чего-нибудь в духе: «Вы пируйте, паны рыцари, за все уплачено, а мы с дочкой пока потолкуем по-родственному!» — но князь молча подал мне руку. Я мигом вспомнила, как поступали в аналогичных случаях местные панны, и изящно оперлась о нее кончиками пальцев. Краем глаза я поймала изумленный взгляд Эгмонта и едва удержалась, чтобы не показать ему язык. Но так местные панны уж точно не поступали.

А кроме Эгмонта, никто и не заметил нашего ухода. Веселье в зале било ключом — только успевай уворачиваться.

Мы вышли из зала и, прошествовав по полутемному коридору, освещенному факелами, стали подниматься по широкой лестнице. На шаг впереди шел старый слуга с подсвечником. Лестница свернула вбок; узкий коридорчик, темная зала с охотничьими трофеями, еще один коридор — и наконец слуга распахнул перед нами тяжелую темную дверь.

В камине горел огонь — несмотря на лето, в замке было довольно зябко. Слуга обошел кабинет, зажигая свечи, поворошил угли в камине и молча посмотрел на князя.

— Ступай, — сказал воевода. Он стоял, заложив руки за спину, и смотрел в окно.

Слуга вышел. Я огляделась. У камина стояло два небольших кресла, между ними — круглый низкий столик. Возможно, мне стоило бы дождаться, пока князь предложит сесть, — но, в конце концов, я все-таки дама. Я села, придвинув кресло поближе к огню, и заметила, что на столике возвышается оплетенная бутыль вина, а рядом — ваза с яблоками. Подумав, я выбрала себе небольшое, чуть зеленоватое яблочко с румяным боком. Теперь главное — не хрустеть слишком уж нахально.

— Твоя мать тоже любила яблоки.

Князь развернулся ко мне, по-прежнему стоя у окна.

Я опустила руку с яблоком на колени. Вдруг стало очень обидно — он знает, что она любила, а мне даже на память ничего не осталось. Если бы не те несколько ночей на Драконьем Хребте, я не знала бы, как она выглядела, какой она была! Хорошо, что я не успела откусить — кусок непременно встал бы в горле.

— Яблоки, значит. — Я будто со стороны слышала собственный голос. — А что еще?

— А ты, значит, ее совсем не помнишь?

Кажется, я уже говорила ему, когда умерла моя мать.

— Можно и так сказать...

Разговор стремительно сворачивал не в то русло, и не в моих силах было что-то изменить. Ни за что на свете я не прервала бы этого разговора, ибо это был мой единственный шанс узнать хоть что-то о матери. Мрыс! Мне двадцать лет, и лет с восьми я не считала себя ребенком; куда же девается сейчас и насмешливость, и столь тщательно сберегаемый цинизм?

Князь-воевода подошел к массивному шкафу черного дерева, выдвинул ящик и достал оттуда маленькую квадратную шкатулку. Ее углы были оправлены в металл. Медленно он подошел к камину, опустился во второе кресло и поставил шкатулку на столик. Мы сидели довольно близко, и я увидела, что крышка была изрядно поцарапана. Повозившись с замком, князь открыл шкатулку — шарниры не заскрипели, но крышка поднялась так неохотно, что стало ясно: шкатулку давно никто не открывал.

— Это все, что у меня от нее осталось, — ровно сказал он. — Прости, но больше ничего нет.

Он пододвинул шкатулку ближе ко мне, и я заглянула внутрь.

Фиолетовый бархат, которым она была выложена изнутри, потемнел и обтерся от времени. На нем тускло мерцали какие-то серьги и — вот тут у меня впервые перехватило дыхание — лежала свернутая в кольцо нить с нанизанными на нее темными шероховатыми комочками. Когда-то эти комочки были ягодами — красновато-оранжевыми ягодами шиповника. Кто из девчонок не делает себе таких бус?

Осторожно я дотронулась пальцем до высохшей ягодки. Если бы можно было достать эти бусы, подержать на ладони!.. Но, вероятнее всего, они просто рассыплются в пыль.

— Спасибо, — искренне сказала я и отодвинула шкатулку. Вот уж не ждала от себя такого, — но сейчас я действительно была благодарна князю Яношу Леснивецкому. За то, что помнил, за то,

что сохранил эти бусы на память о ней. За то, что понял, насколько это важно для меня.

Князь бросил на меня какой-то странный взгляд, немного поколебался и осторожно, чтобы не повредить бус, достал из шкатулки те серьги. Я готова была побиться об заклад, что Ратори их в жизни не видела, и потому сперва не обратила на них особенного внимания.

— Я заказал эти серьги ей в подарок, — негромко сказал Лесниевецкий. — Из-за них я и промедлил тогда. Возьми. Они твои по праву.

Я не шелохнулась, и тогда он повторил:

— Возьми, Ядвига. Доставь мне радость.

Он правда собирается отдать их мне? Почти недоверчиво я протянула руку, и князь положил серьги мне на ладонь. Это была гномская работа, не стоило и сомневаться: никто, кроме гномов, не мог сделать камни настолько... живыми. Серьги были в виде ягод шиповника, с веточкой и крохотным листочком червонного золота. Я рассматривала их и так, и эдак, а князь терпеливо ждал.

«Спиритусом бы их протереть!» — мелькнула первая дельная мысль за весь вечер. Но из спиритусосодержащих рядом имелось только вино в бутыли, а воспользоваться вином было бы как-то... негигиенично, что ли? Поэтому я просто сняла обережные сережки, защелкнула их на цепочке с прочими амулетами и осторожно вдела подаренные серьги в уши.

— Благодарю, — сказал князь негромко.

И тут мне стало как-то нехорошо. Я разом вспомнила все: то, о чем собиралась предупредить, то, о чем раздумывала весь вечер... Если подло было бы подставить человека, просто принявшего нас в своем доме, — то вдвойне невозможно втемную использовать того единственного, кто до сих пор чтит память моей матери. Ни в уме, ни вслух я не могла выговорить коротенькое слово «отец». Ну извини, князь Янош, так уж вышло.

— Есть еще одно, — решительно сказала я. — Видишь ли, князь, мы для тебя — гости опасные. Не сегодня-завтра под стены твоего замка явится ковенский отряд. И тебе придется либо выдать нас, либо принимать бой. Первого ты не допустишь, а второго я не хочу.

Я хотела еще много чего сказать — про то, что это наша война, про то, что свои проблемы я привыкла решать сама, возможно,

про то, из-за чего начался весь сыр-бор, — но князь перебил меня, причем так властно, что я не успела вякнуть ни словечка.

— А вот это хорошо! — заявил он и, встряхнувшись, разом стал моложе лет на десять. Ну на пять как минимум. — Давненько у нас доброй схватки не было! Повеселимся!

Я посмотрела на стену и встретилась взглядом со старинным портретом — предок, наверное, кто же еще? Сложно сказать, было это заслугой художника или в том следовало винить прыгающий свет, но в глазах у предка стояло ровно то же выражение хищного веселья. «А и повеселимся, панове!» — ясно говорил его взгляд.

Мне отчего-то стало жаль незадачливых ковенцев.

— Ступай-ка ты спать, панна Ядвига, — бодрым голосом распорядился князь Янош. — Добрых снов тебе. Эй, там — проводить панну в ее покои!

— И тебе добрых снов, — ответила я, чувствуя, что повторяюсь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,
в которой магистр Цвирт осаждает замок, Эгмонт Рихтер обращается к своим алхимическим талантам, а Ялька Леснивецкая испытывает насущную потребность в гламурии

1

Комната, которую мне отвели, находилась на втором этаже. Там был камин — и дрова в нем почти прогорели, — но большую часть помещения занимала огромная кровать под пологом. На такой кровати можно было спать не только вдоль, но и поперек. А я улеглась наискосок.

Под одеялом лежала грелка — такая горячая, что всякий раз, прикоснувшись к ней, я быстренько отдергивала ноги. Да, за окном стояло лето; но, во-первых, ночи у Даркуцкого хребта недаром слыли холодными, а во-вторых, замок есть замок. Каменные стены и сквозняки не добавляют тепла.

Я долго лежала без сна, слушая, как в трубе свищет ветер. В комнате стояла абсолютная темнота — я погасила свечу, прежде

чем лечь, — но понемногу предметы вырисовывались из мрака. Особенно четко был виден силуэт стрельчатого окна.

Мыслей было много — слишком много, и потому я старалась на них не задерживаться. Спать, надо спать; завтра, чует мое сердце, произойдет много всего интересного. Как там любит говорить Сигурд? «Завтра будет трудный день». Эту фразу оборотень повторял чуть ли не каждый вечер.

...Но если где и столкнуться с КОВЕНом в открытую, то лучше этого замка места не найти. Для здешних обитателей война и есть сама жизнь, а магов здесь никогда не любили, и для них наверняка припасено немало сюрпризов...

Не успев додумать эту мысль до конца, я заснула. Но снились мне не маги, не замки и даже не ясновельможный пан Богуслав Раднеевский. Мне снилась опушка какого-то леса, и я собирала там ромашки. Ромашке этак на двадцатой из-за цветущего куста вышел давешний знакомый Лис. Он поманил меня лапой и указал куда-то в глубь кустов. Я послушно подняла колючую ветку и замерла. Прямо передо мной была распахнута дверь, и там, в темном прямоугольном проеме, висела бесконечная золотая лестница. Лестница из ниоткуда в никуда.

В лицо мне ударил горячий ветер. Я отшатнулась. Лес, небо, полянка с ромашками — все это уже отодвинулось и выцвело, превратившись в скверно нарисованную картинку. А вот пустота за дверью с каждым мгновением становилась все ближе и ближе.

Меньше всего мне хотелось оказаться на этой лестнице в одиночку — впрочем, вместе с Эгмонтом и Сигурдом тоже. Я попыталась отодвинуться, нащупать дверь или хотя бы косяк, но меня неумолимо затягивало внутрь. Вот уже одна нога соскользнула с порога, и...

— Панна Ядвига, панна Ядвига! — откуда-то из-за спины позвал меня Лис тоненьким девичьим голоском. — Ну панна Ядвига, ну просыпайтесь, сделайте такую милость...

Лис всхлипнул и добавил со слезой в голосе совсем уж не к месту:

— А меня выпороть обещали, ежели вы и сейчас не спуститесь...

«Так тебе и надо, предателю!» — подумала я, но все-таки проснулась.

Вместо Лиса у моей кровати стояла совсем молоденькая девушка с длинной светло-русой косой. И на меня она смотрела так,

что я почувствовала себя герцогом Ривендейлом. «Бедный Генри!» — с неожиданной теплотой подумалось мне.

— А вы точно проснулись? — дрожащим голоском осведомилась девушка. — Так я вам умыться подам?

— Куда уж точнее... — пробормотала я. Может, спать и хотелось, но возвращаться на давешнюю полянку не было ни малейшего желания.

У девицы слова не расходились с делом: она уже держала серебряный кувшин. «Порядочные люди из таких вино пьют, а не по утрам умываются!» Но что поделать, привыкай.

Главное, чтобы в кружавчики не обрядили.

— А водичка у нас ключевая, пользительная... — на одном дыхании выдала девица и щедро плеснула на меня пользительной водичкой.

Из последних сил я сдержала то, что очень хотелось сказать: водичка была и впрямь ключевая, то есть очень холодная. Но герцогини... тьфу ты, ясновельможные панны таким словам не обучены.

Нет, долго я здесь не протяну. И где там этих ковенцев мрысы носят?!

— Не погневайтесь, панна Ядвига, вам бы поспешить! А то все уже собрались, а пан воевода сильно кушать хотят.

Аргумент был весомый. Я как-то упустила из внимания, что замок — это не комната в общежитии и здесь принято садиться за стол одновременно. Еще один плюс тому, что я не задержусь у Леснивецких надолго.

Когда мы уже торопливо шли по каменному коридору («Коротким путем!» — пояснила моя провожатая, которую, как выяснилось, звали Кшисей), мне пришла в голову другая мысль.

— А почему меня раньше-то не разбудили?

Кшися печально вздохнула:

— Так будили же, панна! Как не будить! Целых два раза и будили! Вы у нас, панна, хорошая, добрая, плохим словом никого не обругали — ну ни разочка. Всякий раз говорили, что уже прямо сейчас и встаете, а потом глядишь — вы уже опять спите... Забывали, наверное...

— Наверное... — машинально сказала я и спохватилась: — Но подожди, я про это ничего не помню!

Кшися покивала.

— А будить вас в третий раз все забоялись. Вы же, говорят, чародейству обучены, а вдруг спросонья разгневаетесь! — Тут она поняла, что сболтнула лишнего и замолчала.

— Понятно, — хмуро произнесла я. — А ты у нас, выходит, самая храбрая?

— Не-э! — возразила справедливая Кшися. — Просто младше меня на кухне одни поварята.

И то верно. Их жалко. Им еще жить да жить.

Вопрос в другом: откуда народ разнюхал, что я магичка? Я не колдовала, книг не показывала, Эгмонт с Сигурдом тоже, думаю, проболтаться не могли...

— А вы и вправду волшебница? — Кшися, похоже, решила, что терять ей уже нечего, и пошла напролом.

— А тебе для чего?

Девушка смутилась и начала теребить косу.

— Ну... а вот говорят, мол, можно зелье сварить... такое, что любой тебя полюбит...

— Можно, — весомо сказала я. Перед глазами встала методичка для пятого курса алхимического факультета, за которую Полин заплатила тройную цену. — Но дорого выйдет.

«Причем для всех», — хотела добавить я, но промолчала.

Кшися печально похлопала ресницами и надолго умолкла. А я шла и думала, что ясновельможная панна должна быть щедрой. Еще ей полагается заботиться о своих подданных. А такая храбрость — пойти будить сонную магичку! — бесспорно, достойна вознаграждения.

— Я тебе лучше другое зелье сварю, — решилась я. — Будешь такая красивая, что словами не высказать. Хочешь?

— Как не хотеть — хочу! — выпалила Кшися, не задумываясь. — А... а... что сделать мне за это надо будет? Я много чего умею, вы не подумайте! Мне не надо для всех, мне надо... чтобы для одного!

— Будет тебе для одного, — твердо сказала я. — А что делать — там поглядим.

Кшися вздохнула не то радостно, не то обреченно. Но разбираться было некогда — я уже стояла на пороге обеденной залы, откуда на меня добрыми голодными глазами смотрели мои друзья и родственники.

— Всем приятного аппетита! — великосветски пожелала я, изящно присев на отведенное мне место.

— И тебе того же, дорогая сестра, — чуть слышно скрипнув зубами, произнес сидевший как раз напротив Михал.

Завтрак прошел в теплой семейной атмосфере — можно сказать, я купалась в лучах братской любви. Как назло, Михал сидел напротив и смотрел так, что я всерьез опасалась какой-нибудь неприятности. Ну там вилка у меня расплавится, вино в бокале закипит или жареная перепелка, хлопая крыльями, улетит куда подальше.

Однако вскоре мне надоело дергаться по пустякам. Нравится это Михалу или нет, но я его старшая сестра. Меня, между прочим, тоже никто не спросил, желаю ли я обрести разом отца и двух братьев. Меня вообще ни о чем не спрашивали — и ничего, сижу себе в платье с кружавчиками, орудую вилкой и ножиком и не сверкаю глазами, будто трагический актер в пятом акте эльфийской пьесы. Михалу, по крайней мере, хотя бы кружавчики не грозят.

С Ежи все было проще. То ли он оказался более послушным сыном, то ли просто не понимал по малолетству, что сестра ему досталась какая-то... неправильная, с изъянцем, как выражаются гномы. Младший сын князя-воеводы смотрел на меня вполне дружелюбно, пытался поддерживать светский разговор на безопасные темы, болтал ногами и все норовил дотянуться до перечницы. Но Михал был настороже.

За столом нас было семеро: кроме увеличившегося семейства присутствовали Сигурд с Эгмонтом и неизвестный мне шляхтич, обладатель длиннющих усов и весьма примечательного носа. Разговор шел размеренный, степенный; Эгмонта расспрашивали о знаменитых винных погребах барона Хенгерна, Сигурд многозначительно молчал, а мне полагалось хотя бы изредка вставлять свои пять монеток. Но на меня, хвала богам, обращали не больше внимания, чем полагалось. Усато-носатый шляхтич был несказанно рад свести знакомство с «паном графом»: оказывается, несколько лет назад ему довелось пивать хенгернское вино, и он явно был не прочь повторить сей приятный опыт.

Разговор принимал все более увлекательный оборот. Эгмонт уже закончил рассказывать об особенностях вина прошлого уро-

жая и намекнул, что звезды обещают удачный год, когда его прервал негромкий почтительный стук. Практически одновременно дверь распахнулась, и в обеденную залу бодрым шагом вошел пан Богуслав Раднеевский. Михал замер с недонесенной до рта вилкой, усатый шляхтич тоже смотрел ошарашенно. А вот князь был совершенно спокоен.

Почуяв неладное, я быстро глянула на Эгмонта. Маг выглядел чуть настороженным — значит, на самом деле приготовился к худшему.

Пан Богуслав поклонился, правой рукой прижимая шляпу к груди. Глаза у него сверкали, усы топорщились, и даже короткий плащ ухитрялся лежать исключительно воинственными складками.

— Не изволь гневаться, князь-воевода, — произнес Раднеевский, смело глядя тому в лицо. — Знаю, что недолжно это, а не утерпел! Уж больно весть у меня радостная!

Князь едва заметно усмехнулся в усы. Я была уверена, что этого больше никто не заметил. Михал зачарованно смотрел на пана Богуслава, а все остальные сидели слишком далеко.

— И что же за весть ты нам принес, пан хорунжий?

— Явились, песьи дети! — чуть ли не с любовью проговорил Раднеевский. — Встали в виду замка лагерем, костры разожгли, мороком отгородились — да что нам тот морок! Дозволь, князь-воевода, саблей их чуток пощекотать!

«Мрыс эт веллер!» — чуть не выпалила я, и остановил меня только предостерегающий взгляд Эгмонта. Значит, КОВЕН нас все-таки догнал!

Ой, что теперь будет...

— И впрямь вести хороши... — протянул князь. — Саблей, говоришь, пощекотать? То доброе дело... А сперва садись-ка с нами, пан. Эй, там — вина!

Вино уже лилось в серебряный кубок — Яношу Леснивецкий не слушал лекций почтеннейшего Легкомысла и едва ли знал хоть что-то о природе всеобщего равенства. Так что слуги у него были вышколены отменно. Пан Богуслав сел за стол, бросил шляпу рядом с собой на скамью, одним глотком осушил кубок и закусил подовым пирогом с зайчатиной.

Первым не выдержал Ежи.

— Отец, скажите... — замирающим голосом спросил он, — а это что... настоящая война, правда? И мне тоже можно будет...

Тут он заново обрел дар речи и выпалил:

— Отец, вы говорили, я почти взрослый! Вы ведь дозволите мне ехать с паном хорунжим? Отец!

Старший брат снисходительно усмехнулся. Ему-то уж точно никакого разрешения не требовалось.

— Не сейчас, — весомо сказал князь-воевода. — Мужчина знает, что такое воинский долг. Пока твой долг — охранить сестру. Слабой женщине никак не можно без рыцаря.

Пан Богуслав поспешно проглотил остатки пирога.

— Многие паны позавидуют этой доле! — произнес он, взирая на меня страстными очами.

Это не помешало ему, впрочем, ловко ухватить второй пирог.

2

С крепостной стены открывался просто замечательный вид: луга, холмы, излучина реки, темный лес вдалеке, освещенный ясным летним солнцем. Синие, словно нарисованные, горы на горизонте.

И лагерь ковенцев, окруженный радужной дымкой.

Утро выдалось ветреным и прохладным; я куталась в широкий плащ и тихо радовалась, что по-простому заплела волосы в косу, а не поддалась соблазну соорудить на голове что-нибудь эдакое. Справа от меня молча стоял князь-воевода, которого, кажется, даже ветер огибал стороной. Слева перетаптывался обремененный ответственностью Ежи Леснивецкий. Изредка оттуда доносились тяжелые вздохи.

Эгмонт и Сигурд стояли чуть в стороне, словно отгородившись невидимой завесой. Я вздохнула, невольно покосилась на печального Ежи и решила смотреть только на луг.

А на лугу между тем становилось все интереснее и интереснее. Из-за леса наконец появился небольшой конный отряд. Впереди летел неукротимый пан Раднеевский — его легко можно было опознать по общей воинственности и по золотым шнурам, сияющим на солнце. Следующим был, как легко догадаться по наследственной рыжей шевелюре, старший из моих братьев. Остальные человек двенадцать—пятнадцать держались кучно и следовали чуть позади.

— Глядите, сестра, — тронул меня за локоть Ежи, — как держится в седле пан хорунжий! А конь как его слушается! Какая стать, какая выправка! Многие, многие панны желали бы обрести это сокровище! — Тут Ежи многозначительно посмотрел на меня.

«Коня?» — чуть не ляпнула я, но вовремя сообразила, что речь идет о всаднике. Это что же: Ежи пытается сосватать мне пана Богуслава? Мне неожиданно стало смешно, и не только мне — князь-воевода изумленно покосился на сына, но ничего не сказал.

— Смотрите, сестра, смотрите! — Ежи ткнул пальцем точнехонько в направлении лагеря ковенцев. — Отгородились, песьи дети, думают, будто их не видать!

Не видать? Я недоуменно глянула на Ежи и еще раз посмотрела на вражеские палатки, над которыми мерцала радужная дымка. Дымка?! Е-мое, да это же Щит Невидимости!

Но если так, что же оно просвечивает, будто казенная простыня?

Ежи Леснивецкий наклонился вперед, с хищным выражением рассматривая ковенский лагерь. Было ясно видно: чихать он хотел на этот Щит, да и на прочие мажьи штучки — тоже. А судя по тому, как целенаправленно вел отряд наш отважный хорунжий, и ему заклинание было не помехой. Интересные дела творятся на подгиньской земле!

Правда, Эгмонт?

В лагере между тем сообразили, что их видно, и засуетились. Радужная дымка потемнела, замерцала и стала плотнее на вид; то там, то здесь по ней пробегали отдельные сполохи.

— Защиту установили, — не обращаясь ни к кому конкретно, обронил маг.

— То правда, — кивнул князь Янош, — каждый воюет, как умеет.

Я закуталась в плащ, понимая, что ничего не понимаю. Почему эти люди, не обладая магическим зрением, могут отслеживать работу заклинаний? Как они ухитряются смотреть через Щит Невидимости? И что, спрашивается, может поделать обычный человек против мага, особенно если этот маг стоит за защитной чертой?

Последний вопрос отнюдь не был риторическим. *Здешние* обычные люди явно обладали множеством интересных навыков.

Рассыпавшись по равнине, всадники взяли лагерь в кольцо и, по одному подлетая к защитному кругу, принялись громко выкрикивать что-то оскорбительное. При этом они зачем-то размахивали саблями. Я прищурилась, но рассмотреть детали со стены было невозможно.

— Князь, — вежливо спросил Эгмонт, — могу ли я воспользоваться магией и приблизить к нам картину сражения, чтобы лучше насладиться... хм... зрелищем?

Леснивецкий, подумав, кивнул.

Все разом сделалось ближе и четче, и я увидела, как один из гайдуков пронзил саблей защитную сферу. Точнее, он сумел проскочить между двумя сполохами, между слоями заклинания. *У человека не может быть такой скорости, такой реакции!..*

Может, Ялька, может.

Но если таковы обычные гайдуки, то каков же в бою пан Богуслав Раднеевский, защитник обиженных панночек? Я поежилась, на мгновение представив себе поединок пана хорунжего с лучшим боевым магом Лыкоморья. По всему выходило, что поединщиков мне пришлось бы собирать по частям.

Пан Богуслав, подбоченившись, выехал вперед и громко осведомился:

— Как смели вы, ракалии, осквернить собой земли князя-воеводы Яноша Леснивецкого? И ведомо ли вам, что всем врагам князя и его семьи есть только одна честь — смерть от моей руки?

Эта краткая, но выразительная речь произвела должный эффект — магов аж перекосило от злости. Спокойными остались немногие, и один из них, молодой и бледный, подошел к границе Щита, стараясь, впрочем, не приближаться на длину клинка.

— Я магистр Поль Цвирт, — громко и холодно произнес он. — И я действую по приказу верховного Магистра Эллендара. Мы не враги ни вам, ни вашему князю, ни тем более его семье! Выдайте нам тех, кого по незнанию вы удерживаете, и даю вам слово, что конфликт будет забыт.

Пан Богуслав рванул ворот своего кунтуша.

— Ах ты, рыбий охвосток! — выдохнул он. — Это *я* даю тебе слово — ты будешь молить о смерти и получишь ее, только ежели панна Ядвига того пожелает!

Поль Цвирт изумленно уставился на Раднеевского. Он явно хотел объяснить неистовому хорунжему, что тот ошибается, что никакой панны Ядвиги он знать не знает, но говорить это было уже некому. Пан Богуслав, не слушая более ничего, резко развернул коня и поскакал к замку, а его отряд поспешил следом.

— Война... — почти благоговейно произнес забытый всеми Ежи. — Настоящая война!

«Твою... некромантию!» — мрачно подумала я.

3

Война намечалась серьезная — подгиньские паны собирались развлекаться по всем правилам. Оттого подойти к этой кампании надлежало основательно. Через два часа после вылазки в Малой зале был созван военный совет.

Возглавлял его, разумеется, князь-воевода. Вторым по значимости выступал тот самый шляхтич с выдающимися усами, которого, как выяснилось, звали пан Казимеж Городкевич. Помимо них до совета были допущены пан Богуслав, оба княжича (младший — с изрядным скрипом), Сигурд с Эгмонтом и ясновельможная панна. Ясновельможной панне пришлось еще труднее, чем Ежи: она прорвалась на совет буквально с боем, использовав все ухищрения, как то: лесть, шантаж, подкуп и даже две попытки зарыдать в голос.

Сия коварная тактика принесла свои плоды. Для панны в Малую залу принесли небольшое креслице, низенький столик и корзинку с рукоделием — чтобы юное создание не заскучало от грубых мужских разговоров. В корзинке лежало несколько клубков, спицы, крючок и начатая вышивка. Вязать я не умела, вышивать, впрочем, тоже, но мне осторожно намекнули, что права голоса у меня все равно нет, а сидеть на совете без дела не полагается даже княжне.

И я принялась изучать вышивку, не забывая прислушиваться к грубым мужским разговорам.

Сдвинув в сторону все несущественное, на столе расстелили огромную карту. Края пергамента свешивались с обеих сторон и все норовили свернуться; для верности их придавили бутылкой вина и миской с орехами. Для орехов нашлось и другое применение — пан Богуслав набрал целую горсть и, тщательно вымеряя

расстояния, отмечал ими расстановку наших и вражьих сил. Вражьи, конечно, были на порядок мельче и неказистее. Себя наш скромный хорунжий обозначил самым крупным орехом, метнув при этом в мою сторону очередной пылкий взор.

В этот момент я услышала требовательное мяуканье и почувствовала, как о мою ногу трется что-то мохнатое. Это оказался большой серый кот. Не задумываясь, я подхватила его под пузо, усадила себе на колени и принялась гладить. Вышивка была забыта. Панна занята делом — панна гладит кота. А что! Кто-то против?

Кот, по крайней мере, был абсолютно «за».

Отвлекшись на глажку кота, я, кажется, пропустила что-то важное. Пан Богуслав, оставив орехи, увлеченно вещал об атаке огнем, о том, что лучшая защита — это нападение, и о потайных ходах под замком. Пан Казимеж, пощипывая усы, намекал на плачевное состояние порохового склада. Пан Михал — тьфу ты, просто Михал! — стоял за испытанный дедовский метод «шаблюку наголо и вперед!». Сигурд, которому запасливый Эгмонт выдал амулет-переводчик, сосредоточенно вслушивался в подгиньскую речь и периодически шевелил губами, беззвучно проговаривая отдельные слова.

Эгмонт и князь молчали. Но молчание это было совершенно разным.

Князь стоял, склонившись над картой, и его пальцы отстукивали по краю столешницы какой-то незамысловатый мотивчик. Он выглядел совершенно спокойным, даже немного рассеянным, — но что-то неуловимое подсказывало, что так будет продолжаться лишь до тех пор, пока не подойдет время для решающего слова. Тогда это слово будет сказано. Ну а сейчас нужно оценить обстановку, выслушать подчиненных... пододвинуть на полпальца откатившийся в сторону орех.

Эгмонт молчал совсем иначе. Я прислушалась и ощутила, как в нем нарастает отчаяние. С одной стороны, мы оказались припертыми к стенке и другого выхода, кроме как сражаться, нам не оставили. С другой же, воевать ему придется против своих друзей, против своих учеников, против своих коллег.

Мне немедленно вспомнилась та магичка в Листвягах, что загнала нас в гномью лавку. При всех его недостатках, Эгмонт всегда был хорошим учителем. А хороший учитель не может допустить, чтобы убивали его учеников.

А что, лучше, если нас на ленточки покромсают?

Думай, Ялька, думай!

— Что ж, панове, — негромко сказал князь. Я вздрогнула и поняла, что в очередной раз пропустила что-то важное. — Быть по сему. Встретим их завтра в поле. Готовься, пан Богуслав, ты людей поведешь. Тебе, пан Казимеж, — пороховые склады и подземные ходы. Проверь... да что тебя учить!

— А я, отец? — выпалил Михал.

Князь помолчал, рассматривая сына так, будто видел его впервые в жизни.

— Заряды закладывать, — наконец сказал он.

Ежи завистливо покосился на брата, но смолчал.

Кот, пригревшись, дремал у меня на коленях. Жалко было его будить, но военный совет уже подошел к концу. Я осторожно ссадила животное на пол; оно смерило меня оскорбленным взглядом, выразительно задрало хвост и удалилось. «Неблагодарная ты зверюга!» — подумала я, собирая клубки и вышивку обратно в корзину.

Пан Богуслав сворачивал карту, Ежи хмуро хрустел ореховой скорлупой. А Михал как-то странно передернул плечами, подошел к моему креслицу и решительно взял меня за руку. Я едва не выронила клубок от изумления.

— Не бойтесь, сестра! — пламенно сказал сын князя-воеводы. — Здесь найдется кому вас защитить!

После чего смутился, убрал руку и торопливо вышел из комнаты.

4

— Ну что, Поль? Теперь, надеюсь, вы довольны? И с этими людьми... с этими варварами вы собирались о чем-то там договориться?! Письмо Великого Магистра! Да с чего вы взяли, что они вообще умеют читать! Клянусь бронзовым котом на крыльце КОВЕНа, эти дикие люди не отдадут наших друзей живыми! О нет, они нам их даже мертвыми не отдадут! Ах, Поль! Я уже чую запах гари! Анджелина, скажите мне — они еще живы?

Поль Цвирт обреченно вздохнул. Матильда ле Бреттен, которую он взял с собой в последний момент, причем исключительно

из жалости, успела надоесть ему хуже горькой редьки. Какое там — горькой редьки! Хуже Эгмонта Рихтера!

Достойная у него подрастает смена!

Или это профессиональное?

— Они живы, Тильда, — утомленно ответила некромантка. — Точнее, они еще не мертвы. И не находятся при смерти, если вас это устроит.

Матильду это устроило, но немного не так, как хотелось бы Цвирту.

— Вот видите! — еще более пылко воскликнула она. — Где-то там, в лапах этих диких, необузданных людей томятся и страдают наши друзья! А ведь среди них — юная девочка, совсем дитя, адептка первого курса моего факультета! Когда я думаю об этом, у меня замирает сердце! Поль, у вас нет сердца! Как можно быть таким нерешительным?!

— Если это дитя пережило общение с Рихтером, то оно и варваров переживет! — не выдержал Цвирт. — Мы начнем штурм не раньше, чем тщательно подготовим все необходимое!

— Не знаю, как вы, а я не собираюсь ждать! — возвестила Матильда и, взмахнув роскошной белокурой гривой, решительно направилась к границе защитного контура. — Эгмонт, друг мой, я иду к вам! Помощь уже близко!

— Кто-нибудь, остановите ее, — очень вежливо попросил Цвирт, стараясь сдержаться и не стукнуть барышню... скажем, сонным заклинанием. — Иначе, мрыс дерр гаст, я за себя не ручаюсь!

Из палатки, очень кстати оказавшейся на пути у неистовой аспирантки, выскочил Жоффруа Ле Флок. Приятно улыбаясь, он обнял девушку за плечи, послал Цвирту предупреждающий взгляд и произнес так ласково, как это умеют только араньенцы:

— Тильда, счастье мое, оставим этих скучных людей! Я припоминаю, что бывал в этих краях. И я твердо знаю, как можно проникнуть в замок, не привлекая внимания! Идемте, я покажу вам мой план...

«Налью коньяку, угощу конфетами», — мысленно закончил Цвирт. Он старался думать как можно тише, но Ле Флок — телепат первой категории — все прекрасно расслышал. «Шиш тебе, а не коньяк!» — раздалось в мозгу у Поля.

— Итак, — суховато сказала Анджелина, провожая их взглядом. — Теперь, когда Тильда... э-э... занята делом... э-э... переключила свое внимание... словом, пока у нас есть время, давайте обсудим детали.

— Штурм начнем в девять часов. О распределении боевых магов вам, должно быть, уже известно? Я буду у западных ворот, код моего телеамулета вы знаете... Будьте осторожны, Анджелина, не лезьте под удар. Здешние люди, похоже, знают о магии что-то, чего не знаем мы...

— Зачем их вообще сюда понесло? — с досадой спросила некромантка. — Я плохо знаю Рихтера, но лезть дракону в глотку...

— Давайте не будем о драконах! — торопливо произнес Поль. Он даже глянул на небо, чтобы лишний раз убедиться, что у горизонта не маячит жуткая крылатая тень. А вдруг Лерикас решит, что именно КОВЕН загнал несчастных беглецов в этот замок?!

— Как бы то ни было! — не отступала Анджелина. — Хуже, чем здесь, магу не может быть нигде. Рихтер полез сюда сам и потащил за собой адептку. Я не знаю, кем надо быть, чтобы сделать такое!

— Вот вы его об этом и спросите, — ехидно проронил стоявший ближе всех гном. И добавил: — А потом расскажете всем нам. Если, конечно, в живых останетесь.

— Если мы все в живых останемся, — закончил мысль Поль. — А сейчас — всем отдыхать!

5

Летнее утро дышало миром, покоем и сонной негой. Голубоватая дымка окутала лес; на траве поблескивала роса, и утреннее солнце, робко выглядывая из-за идиллически-пушистого облачка, озаряло лагерь ковенцев.

Спали все.

Нахмурив брови, спал суровый магистр Цвирт. Спал героический Жоффруа Ле Флок, вконец измученный араньенской литературой и гвидахаррасским коньяком; одной рукой он бдительно придерживал аспирантку ле Бреттен, а во второй неосознанно сжимал бутылку коньяка, оставленную на утро. Спала, свернувшись калачиком, усталая Матильда: от стихов, коньяка и удиви-

тельнейших приключений Ле Флока она забыла обо всем, включая и Академию, и Рихтера. Тихонько посапывала молодая, но очень перспективная некромантка Анджелина — изредка она вздрагивала и, не просыпаясь, чертила пальцем знак от сглаза.

Спали все остальные магистры.

Впрочем, замок Леснивецких тоже напоминал сонное царство. Спал неистовый пан Богуслав; ему снилась Прекрасная Дама. Спали Ялька, Сигурд и Эгмонт; им не снилось ничего хорошего. Спали братья Михал и Ежи, видевшие на двоих один и тот же сон: битва, княжий стяг, сабля в руке и враги, отступающие с жалобными воплями. Спал даже сам князь-воевода Янош Леснивецкий, а кто ему снился, мы говорить не станем, потому как нечего лезть человеку в душу.

Спали караульные, выставленные с вечера обеими враждующими сторонами. Спали четыре деревеньки, разбросанные по окрестностям; спали егеря на охотничьей заимке, смолокуры в далекой лесной избушке и одинокий браконьер в девяти шагах от медвежьей берлоги.

Шел десятый час утра.

Ближе к одиннадцати часам сонная мара потихоньку сошла на нет. И первым, как полагается старшему по званию, проснулся магистр Цвирт. Несколько мгновений он благодушно прислушивался к щебетанию птичек и пытался сообразить, почему сон уже кончился, а в палатке по-прежнему пахнет гвидахаррасским коньяком. Потом он как-то сразу понял, что время движется к полудню.

К полудню!

Мрыс дерр гаст!

Неужели он проспал сражение?!

Поль в ужасе вылетел из палатки, на ходу застегивая манжеты. Он ожидал увидеть все что угодно — начиная от развалин замка, над которыми бодро реет ковенский флаг, и заканчивая Матильдой ле Бреттен, закованной в кандалы и беззвучно умоляющей о помощи.

Но действительность оказалась хуже самого жуткого ночного кошмара.

Медленно-медленно Цвирт оглядел ровные ряды палаток. Из каждой доносился если не откровенный храп, то осторожное посапывание; в каждой спали, видели сны и наверняка чуяли тонкий запах лучшего гвидахаррасского коньяка. Чувствуя все нара-

стающую ярость, Поль быстренько закрыл глаза, досчитал до двадцати, припомнил все ругательства на эльфаррине, какие знал, и понял, что ни одно из них не в силах выразить его подлинного отношения к коллегам и к миру.

...Через пять минут лагерь был уже на ногах. Цвирт, непривычно молчаливый и злой, как кобра, только наблюдал, как сонные маги мечутся туда-сюда и разве что не роняют палатки. Честная Анджелина косилась на начальство очень виноватыми глазами, но даже не пыталась подойти и объясниться. Заметим в скобках, она была права.

— Я не виноват! — получасом позже оправдывался Жоффруа Ле Флок. Встрепанный, помятый и атакованный Матильдой, араньенец вызвал бы сочувствие у кого угодно, но Цвирт был беспощаден. — Магистр, да у меня просто не хватит силы, чтобы накрыть сонным заклинанием весь лагерь! Меня и на Матильду-то едва хватило!

— А это, Ле Флок, вы будете рассказывать Магистру Эллендару! — рыкнул Поль, удивляясь собственным начальственным интонациям. — Ваше счастье, что нас не успели атаковать! И помнится, я просил успокоить госпожу ле Бреттен, но ни слова не говорил о том, что вам следует успокоиться самому! Тем более с применением гвидахаррасского коньяка! Вас что, не учили, как алкоголь влияет на способности телепата?!

Жоффруа хмыкал, кивал, ковырял землю носком сапога и всячески изображал раскаяние. Но втайне его распирало от гордости. Ха! Да он раньше и не подозревал, что обладает таким талантом! Охватить целый лагерь — такого радиуса охвата нет даже у мэтра Буковца! И если ради того, чтобы необычные способности наконец-то проснулись, нужно было всю ночь пить коньяк с не самой адекватной из аспиранток — что же, игра стоила свеч!

— Как по-твоему, Лериэ? Стоила? — Корин из Херьянгс-фьорда щелкнул пальцами, сворачивая изображение в маленький квадратик.

— И нечего ехидничать, — ответила Лерикас. — Между прочим, у него в самом деле роскошный потенциал. Я только чуть-чуть... — Она замялась, подыскивая нужное слово.

— Подтолкнула, — подсказал Сим.

— Поспособствовала, — не согласился Корин.

— Ускорила процесс, — отрезала Лерикас. — А коньяк... ну, это уже он сам. Тут и способствовать не надо было.

День решающей битвы начался для меня очень поздно — я проснулась только к полудню, кое-как выкарабкавшись из липких сновидений. В голове было пусто, как перед экзаменом, а на душе скребли даже не кошки — тигрусы.

Замок, однако, начинал входить во вкус. Выглянув из окна во внутренний двор, я увидела там большую телегу, на которую как раз заканчивали грузить не то плитки, не то кирпичики желтовато-коричневого цвета. Работа кипела, и руководил ею лично неугомонный пан Богуслав. Его начищенная кираса так и сверкала на летнем солнышке.

— Вот же мрыс, — высказалась я, торопливо завязывая ленты на туфлях.

Но едва я успела выйти из комнаты, как навстречу из-за поворота выскочил Эгмонт. Не говоря ни слова, он буквально втолкнул меня обратно, окинул бдительным взглядом пустой коридор и плотно прикрыл за собой дверь.

— Значит, так, Ялька! — с ходу заявил он знакомым магистерским тоном. — Времени у нас мало, так что сейчас сиди и слушай. Все вопросы задашь потом.

Я удивленно принюхалась. От Эгмонта отчетливо пахло смесью специй, и сильнее всего, как ни странно, был нежный запах ванили. Мне очень хотелось узнать, что это означает, но маг уже заходил по комнате туда-сюда, заложив руки за спину. Это уже был не Эгмонт — это был магистр Рихтер, а для полноты картины не хватало только доски, указки и парочки наглядных пособий.

— Ровно через сорок минут, — излагал он, — состоятся одновременно две атаки: КОВЕН нападет на замок, а пан Богуслав нападет на КОВЕН. В наших интересах не допустить излишнего кровопролития и в то же время избежать встречи с заботливыми коллегами. Поэтому мы поступим так. Ровно за минуту до столкновения произойдет небольшой взрыв — порох уже заложен, все под контролем. Это будет нашим прикрытием. В тот же самый момент сработают два телепорта. В один — затяжной, легко читаемый и прекрасно заметный — я брошу амулет-обманку. Второй —

практически неразличимый, след от которого можно обнаружить только в течение суток — переправит нас троих в эльфийские земли. Я знаю Цвирта: он не из тех, кто любит военные столкновения. Как только маги почуют след телепорта — ложный след конечно же я имею в виду — Цвирт свернет все боевые действия и отправится в погоню. А мы тем временем решим, куда двинемся дальше: на Аль-Буян, к норданам... там разберемся.

Он остановился и впервые посмотрел на меня.

— Вопросы есть?

— Есть! — решительно сказала я. — Во-первых, ты уверен, что мы попадем именно к эльфам? Мне бы не хотелось навещать еще и родственников со стороны матери...

— При чем тут родственники? — не принял шутки Эгмонт. — Все должно получиться лучшим образом. КОВЕНу сейчас уж точно не до того, чтобы мутить телепортационное поле.

— А это КОВЕН нам его мутил?

— Кто же еще? Мрыс! — Он вдруг со всей силы ударил по подоконнику. Я аж вздрогнула. — Ялька! Я ничего не могу гарантировать, но это лучший план, какой у меня есть! Я исключен из КОВЕНа, но я *маг*, и я не хочу... нет, я не могу...

— Я все поняла, — быстренько сказала я.

Эгмонт замолчал. Я немного подумала и предположила:

— А если симулировать нашу смерть?

— А некроманты, думаешь, за что деньги получают?

— Точно... Хм... А откуда в замке взялся порох? Вчера, помнится, князь-воевода говорил, что с взрывчаткой проблемы...

— Я сделал, — коротко ответил Рихтер.

Повисло молчание. Я смотрела на Эгмонта, Эгмонт смотрел на меня. Нужно было что-то сказать, желательно — что-то хорошее, но ничего на ум не шло.

— Я думаю, все получится, — банально, конечно, зато правда. — Конечно, получится, как не получиться! И...

Тут я поймала себя на том, что давно уже дергаю тесемку на рукаве: кривоватый бантик не выдержал и развязался. Завязывать его одной рукой было то еще удовольствие, поэтому я протянула руку и сказала:

— Чем страдать тут, помоги лучше! Видишь, сама справиться не могу...

Эгмонт послушно принялся завязывать тесемку. И за этим увлекательным занятием нас застал Сигурд.

— Кхм, — произнес волкодлак, глядя на нас как-то странно. — Я... не помешал?

— Нет, конечно! — почти хором ответили мы.

Я показала свободной рукой на стул. Рихтер как раз закончил с тесемкой, и я интересу ради сравнила оба рукава. Мой бантик, как и следовало ожидать, был красивее. Ну хотя бы аккуратнее.

Оборотень выставил на столик маленькую чернильницу и положил рядом кусок пергамента и перо.

— Сигри, ты это чего? Завещание писать собрался, что ли? Так рано, я тебе со всей ответственностью говорю!

— Тьфу на тебя, Ялька! — привычно обиделся волкодлак. — Это я о тебе позаботился, между прочим.

— Да мне тоже пока еще не надо...

— Надо! — неожиданно рявкнул Сигурд. — Письмо давай пиши! А то знаю я тебя, сама небось и не догадаешься! А отец потом опять двадцать лет тебя искать будет!

— О чем писать-то? — ошарашенно спросила я, все-таки берясь за перо.

— О чем... — Сигурд задумался, но ненадолго. — Мол, оставаться более не можешь, долг тебя призывает. Допиши: долг чести! А как только с ним разберешься, так сразу дашь о себе знать. Написала? А теперь подпишись! Да не Яльгой, а Ядвигой...

— Может, Ягенкой? — ехидно предложила я, но оборотень только рукой махнул. Я подула на пергамент, чтобы чернила побыстрее подсыхали, а Сигурд подошел ближе и удовлетворенно прочитал написанное.

— Так! — сказал он. — Теперь его чернильницей придави, чтобы сквозняком не унесло... Ну что, Эгмонт, пошли, что ли? Чего зря время тянуть!

Судя по всему, времени и впрямь оставалось очень мало. Слуги так и носились по замку; я заметила давешнюю знакомую Кшисю, которой, похоже, не судьба была дождаться своей гламурии. Когда мы вышли во внутренний двор, тяжелогруженая телега, отчаянно скрипя колесами, уже заворачивала за угол. Воздух был наполнен ароматами корицы и ванили. Я принюхалась и внимательно посмотрела на Эгмонта.

— Что? — невозмутимо спросил он.

— Помнится, госпожа Ламмерлэйк упоминала о некоем адепте, который мог приготовить взрывчатку из любых компонентов...

— Между прочим, это очень древний рецепт! — оскорбился Эгмонт. — Говорят, порох вообще был изобретен поваром, который искал подходящее сочетание пряностей!

— Ну если так... — многозначительно протянула я. Что-то подсказывало, что в состав этой конкретной взрывчатки входили далеко не одни только пряности.

— Сестра! — окликнули меня сзади.

Я вздрогнула, но обернулась. Мне навстречу шел сияющий Ежи, облаченный в вороненую кольчугу. В одной руке он важно держал шлем, другой придерживал саблю. «Этот-то куда лезет?!» — мелькнула мысль, но я тут же вспомнила князя-воеводу и поняла, что здесь ничто не будет пущено на самотек. В конце концов, ему видней, как воспитывать сына.

— Сестра! — повторил счастливый до невозможности Ежи. Мои акции, как сказал бы гном, выросли до небес: с моим появлением в эти края пришла война, которую младшему Леснивецкому пришлось бы ждать еще лет пять как минимум. — Я отправляюсь в бой! Не бойтесь, сестра, мы с Михалом сумеем вас защитить!

Михал, следовавший в некотором отдалении, молча кивнул.

— Э-э... — сказала я, не зная, что ответить на это изъявление братской любви.

И тут как нельзя кстати явился пан Богуслав.

Он был великолепен: сверкало все, что могло сверкать, начиная с кирасы и заканчивая самой незначительной пряжкой. Позвякивая шпорами, он подошел к нам, неожиданно рухнул на одно колено и с мольбой протянул ко мне обе руки. Я не попятилась только потому, что сзади стоял Ежи.

— Панна, панна моя! — с придыханием выговорил он; краем глаза я отметила, как насторожился князь-воевода. — Краше тебя нет панночки на Подгини! Окажи мне великую честь, ясновельможная панна Ядвига, — стань моей...

Тут голос изменил пану Богуславу — а может, он просто забыл, что хотел сказать. Князь Леснивецкий нахмурился пуще прежнего, Михал навострил уши, а я всерьез заподозрила, что жить моему герою осталось недолго.

— Панна моя! — продолжил герой. — Окажи мне эту честь, стань моей дамой! Я умру за тебя, моя панна, я отдам за тебя всю кровь по капле, я...

— Не нужно, — мягко произнесла я, пытаясь осторожно вызволить подол своей юбки из рук пана Раднеевского. Одни боги зна-

ют, когда он успел в нее вцепиться. — Умирать не надо, мой рыцарь, я не позволю вам умереть! Я составлю нужные эликсиры и сама перевяжу ваши раны!

Сигурд издал невнятный возглас.

— Только не это! — выдохнул он. — Что угодно, Яль... Ядвига, только не это!

Пан Богуслав вскочил, обернулся к волкодлаку и схватил его обеими руками.

— Пан! — вскричал он. — Ты истинный рыцарь, так стань же моим братом! Давай же обнимемся, брат!

С этими словами он заключил Сигурда в объятия. Тому ничего не осталось, как обнять маленького хорунжего в ответ. Чуть позже, когда названые братья все-таки отпустили друг друга, выяснилось, что кираса пана Богуслава чуть помята в трех местах, а у Сигурда треснула по шву рубаха. Но кому интересны эти мелочи!

— Ленту! Ленту ему повяжи! — прошипел мне в ухо знакомый голос Михала Леснивецкого.

Я пренебрежительно дернула плечиком: мол, сама знаю. Однако же лента у меня была всего одна, и выплетать ее из косы у всех на виду княжеской дочке никак невозможно. Покосившись на Эгмонта, я сунула руку в мешочек на поясе, сплела необходимую чару и вытащила наружу новенькую голубую ленту. Правда, она получилась несколько кривоватой и изрядно помятой, — но пан Богуслав обрадовался и такой. Я собственноручно повязала ленту рыцарю на рукав и подумала, что теперь мне есть чем похвастаться перед Полин.

До атаки, взрыва и телепорта оставалось не более двадцати минут.

6

Эгмонт позаботился обо всем: он приготовил взрывчатку, заколдовал ее нужным образом, составил сложное многокомпонентное заклинание с несколькими радикалами и даже усложнил амулет-обманку, чтобы тот, выгорев, превратился в точное подобие использованного мнемо-талисмана. Единственное, о чем он не догадался подумать, — это о завтраке.

Времени было мало, но я не зря училась в Академии целых два семестра. Голодный адепт — это очень быстрый адепт, и я в две минуты заглотила вчерашний пирог, каким-то чудом избежавший пристального внимания пана Богуслава. Мелькнула мысль, а не переодеться ли, но ее я с сожалением отвергла как неконструктивную. Княжна не может расхаживать по отцовскому замку в штанах, так что хочешь — не хочешь, а драпать придется в юбке. Что тут драпать-то, в конце концов? Прыгнуть в телепорт, а там уже эльфийские земли...

Хочется верить, что не полузабытый табор.

Время шло как-то странно, рывками: то мне казалось, что оно и вовсе замерло, а то я вдруг вспоминала, что нам осталось пятнадцать... двенадцать... нет, уже восемь минут! Так сильно меня не трясло даже перед второй пересдачей у Шэнди Дэнн. Я изо всех сил старалась держать марку, но получалось, скорее всего, не очень: почти каждый, кто меня видел, останавливался на секундочку и заверял панну Ядвигу, что здесь есть кому за нее постоять. Чтобы она не боялась и не думала, будто всякие там колдуны могут ее хотя бы пальцем тронуть. Э нет! Не так заведено на Подгини!

Я улыбалась, благодарила, кивала — и испытала невероятное облегчение, когда Эгмонт наконец сказал:

— Ну что... У нас есть три минуты. Вперед!

Бояться стало некогда — наступало время действовать. Мы поднялись на смотровую площадку, и Эгмонт вытащил из кармана кусок пергамента, исписанный рунами с обеих сторон. Мы переглянулись. Я обеими руками вцепилась в мешочек на своем поясе — там, подвергнутые сложным чарам, лежали все мои книги, в том числе и «Справочник боевого мага».

Эгмонт начал читать заклинание.

Я закрыла глаза.

Мне вдруг отчетливо представился небольшой подземный ход: начинаясь под стеной замка, он пересекал луг, проходил в нескольких метрах под дорогой и изгибался дальше на восток. Он заканчивался слепо, а сейчас его дополнительно маскировал пышный стог, находящийся буквально в нескольких шагах от ковенского магического щита.

И там, в конце этого узкого земляного туннеля, лежало несколько плиток изготовленной Эгмонтом взрывчатки. Они были плотно примотаны друг к другу тонкой бечевкой, а на стене над

ними был едва заметен крошечный магический рисунок. Сейчас этот рисунок начинал наливаться голубоватым свечением.

Вот проявилась одна линия, другая, третья... Я только дивилась тому, как Эгмонт ухитрился выцарапать это на стене под бдительным взглядом здешней немаголюбивой стражи. Сиял уже весь рисунок — в нем невозможно было различить отдельных штрихов. Еще немного, еще совсем немного — и взрывчатка рванет! Раз... два... три...

Я открыла глаза — и вдруг встретилась взглядом с...

Не знаю, что это было. Меня будто пронзил ледяной клинок; я протяжно закричала, слыша свой крик со стороны. Вокруг заклубилась тьма, и я была одна, совсем одна, и было так холодно, холодно, о боги, а мне только двенадцать лет, и кругом чужаки, и я толком не понимаю их языка, и...

И нет никакой магии, не будет никакой Академии, в снежном буране скрылись башни Межинграда! Хельги, Генри, Полин, близнецы — я никогда не видела их, никогда Эльвира Ламмерлэйк не учила меня варить зелья, никогда магистр Зирак не давал мне книг, и Эгмонта — насмешливого, чересчур уж властного, понимающего если не все, то почти все... своего! — я тоже никогда не встречала...

Кто такой Сигурд? Кто такая Лерикас Аррская? Кругом был только снег, только маленькие заснеженные дома, только злые псы, надрывающиеся от лая, — мне суждено было замерзнуть тогда, и я замерзала, безнадежно сворачиваясь в комок, прижимаясь щекой к холодным коленкам...

Но что-то во мне рванулось наверх, будто огонь свечи. Я сжала пальцы так, что ногти вонзились в ладони; я — Ярьга Ясица, Ярьга Леснивецкая, я боевой маг, я полуфэйри; я не из тех, кто так просто дает себя убить.

Я — одна из трех... есть и остальные!

Я опять закричала и опять услышала свой крик — низкий, нечеловеческий вопль, разорвавший и тьму, и снег, и неподвижный холод полузабытого чердака. *Давным-давно мои родичи кричали так над горами, и эхо повторяло их голоса...* Шло время, и шел снег; стояла тишина, но потом откуда-то из-за грани мира я услышала отклик. Один... и еще один.

Мое пламя вновь рванулось ввысь. Я почувствовала, как раскалились руны, начертанные у меня на животе. Огонь, тепло, движение, жизнь! В мире не было ничего — ни Академии, ни магии,

ни единой живой души, — но огонь горел, и этого оказалось достаточно. Я прыгнула сквозь ледяную тьму, будто сквозь черную воду. Что там, внутри, — и есть ли там что-то, кроме мрака?

Я висела в пустоте, не видя даже собственных рук. Как понять, движешься ли ты, если нет никаких ориентиров? А может, я просто застряла здесь, как муха в янтаре, и когда огонь погаснет...

Он не погаснет!

В темноте передо мной вспыхнули глаза Лиса. Они прищурились, оценивающе рассматривая мое положение; из последних сил я бросилась вперед и неожиданно вырвалась из мрака.

Я очутилась на огромной лестнице, поднимавшейся в никуда из ниоткуда. Стояла абсолютная тишина. Я посмотрела налево, потом направо — ступень продолжалась в обе стороны, и было ясно, что конца ей не будет.

Когда я вновь посмотрела перед собой, воздух чуть замерцал, и из пустоты медленно проявилась дверь.

Это была самая обыкновенная дверь, каких в Академии полно: старенькая, крашенная в белый цвет, с медной ручкой-шариком. Вместо цифры, правда, к ней была прикручена какая-то руна, значение которой было мне неизвестно. Что еще? Замочная скважина, петли, поцарапанный косяк...

Дверь была приоткрыта.

Я вновь огляделась по сторонам. Тихо и пусто. Идти по лестнице вверх или вниз мне было страшно, и потому я потянула дверь на себя. Она оказалась неожиданно тяжелой.

Дверь распахнулась, и на меня дохнуло жаром, будто от рассерженного дракона. В узкий четырехугольный проем была видна багряная пустыня под черным небом, в котором висели две синие луны. Меня вдруг качнуло вперед; я едва успела вцепиться в косяк, потому что попадать внутрь у меня не было никакого желания. Из последних сил оттолкнувшись, я упала на ступень, и дверь громко захлопнулась, будто от порыва ветра.

— Ялька! — вдруг услышала я. Голос был знакомый, но я никак не могла вспомнить, как зовут того, кому он принадлежит. Приподнявшись на локтях, я увидела, что ко мне бежит огромный белый волк. На бегу он кувырнулся через голову и превратился в высокого человека.

— Ты в порядке? — спросил он, помогая мне встать. — Эй, чего молчишь?

Он встряхнул меня так, что моя голова резко мотнулась, и я от неожиданности вспомнила его имя.

— Си... Сигурд? — Язык не слушался, как если бы я не открывала рта несколько лет.

Человек — волк? — оборотень! — быстро закивал.

Я закрыла глаза, постаравшись успокоиться. Огонь, проснувшийся во мне, сейчас горел очень ровно, и понемногу снежные тучи безумия разошлись, открывая небо. Я заново вспомнила себя, от начала и до конца.

— Сигри... мрыс... что это было? Где мы?

— Я не знаю, — взволнованно ответил волкодлак. — Эгмонта бы найти, магам-то про такие штуки наверняка все ведомо...

— Хочется верить, — осторожно сказала я.

Голос звучал немного странно, однако я не могла понять, изменился он или нет. Сейчас я как вспоминала себя заново — словно шла знакомой дорогой, но смотрела на нее совсем другими глазами. И я смутно припоминала, что такое со мной уже случалось, причем совсем недавно. Да! Ночью летнего солнцестояния, когда мы трое, еще почти не знавшие друг друга, шли по пояс в мокрой траве...

Мир опять провернулся вокруг нас. Все опять стало с ног на голову. И я опять понимаю, что мне никогда не бывать такой, как прежде.

Откуда-то из-за спины вдруг раздались энергичные ругательства на эльфаррине, и я облегченно выдохнула. Какие бы кунштюки ни выделывало мироздание, непременно должны быть вещи, которые остаются неизменными. Что-то вроде точки опоры посреди бесконечного хаоса. Яльга Ясица любит молоко; Сигурд дель Арден тоскует по дому; Эгмонт Рихтер говорит по-эльфийски с жутчайшим акцентом.

Я обернулась. Эгмонт стоял парой ступенек ниже и выглядел, надо признать, весьма живописно. На левой щеке у него виднелось пятно сажи, правый рукав был прожжен в двух или трех местах, а нос украшала длинная ссадина. Складывалось впечатление, что маг вынырнул из самой гущи боевых действий, и мне сразу представилось, как следом за ним на лестницу, толкаясь и переругиваясь, вываливается целый ковенский отряд.

Эгмонт тщательно договорил последнюю, особенно зубодробительную фразу и, свирепо сверкнув на меня глазами, произнес:

— И не вздумай спрашивать меня, что это значит!

-- Да ни за что на свете! — быстренько согласилась я. — Я лучше Сигурда спрошу. Если у нас кто и знает эльфаррин...

Оборотень усмехнулся. Что-то подсказывало мне, что он явно не был настроен делиться со мной сокровищами эльфийской культуры.

— Ты права, — глухо сказал Эгмонт. — Я ничего не могу. Я не в состоянии построить элементарный телепорт; вместо того чтобы заботиться и охранять тебя, я раз за разом втягиваю нас в новые неприятности. Я не знаю, как мы сюда попали, где мы сейчас находимся и, самое главное, как отсюда выбраться... Да что говорить, я даже эльфаррин знаю хуже Сигурда!

Эгмонт сел на ступеньку и обхватил голову руками. Я изумленно повернулась к Сигурду — от спокойного и уверенного в себе Рихтера как-то сложно было ожидать подобной реакции. Надо было что-то делать, и я, потоптавшись, села рядом и свесила ноги в пустоту между ступенями.

— Ты вообще-то много чего не умеешь, — бодро сказала я. — Шишки, например, свадебные печь. И что? А Сигурд не умеет наколдовать даже простейший морок, а я до сих пор не научилась пеленать младенцев. И ничего, все еще живы! Слушай, Эгмонт, разве сейчас это так уж важно?! Самое главное, что мы есть друг у друга! И потом, если бы не ты, разве я когда-нибудь смогла обрести семью?!

Произнося последнюю фразу, я несколько покривила душой. Собственно, я прекрасно могла бы жить и без князя Леснивецкого с сыновьями... Вот только — шкатулка... бусы из ягод шиповника... серьги, которые мой отец купил для моей матери...

Я невольно коснулась серег и повторила:

— Если бы не твой телепорт, этого бы не было! Да я тебе всю жизнь буду благодарна за это!

Эгмонт посмотрел на меня недоверчивым взглядом, но ничего не ответил. Я продолжила:

— А то, что ты не знаешь, куда нас занесло, — так этого, боюсь, вообще никто не знает. Сигри, а ты что молчишь?

Волкодлак молча сел рядом. Было очень удобно сидеть, свесив ноги в пустоту, правда, если не вспоминать, что там в самом деле *ничего* нет. Я поболтала ногами.

— Значит, так, — весомо произнес Сигурд. — Коли мы сюда смогли забраться, то уж выбраться наверняка сумеем. Не бывает так, чтобы вход был, а выхода не было. Выход есть всегда!

— Слышал? — подергала я за рукав Эгмонта. — И вообще, ты ведешь себя... — Я чуть было не ляпнула: «Не по-мужски», — но вовремя сообразила и закончила: — Некузявно!

— Как? — переспросил маг после короткой паузы.

— Некузявно! — со вкусом повторила я. — А это, магистр Рихтер, я объясню вам потом. Ну, скажем, после ужина. Так что пошли искать, как отсюда выбраться, а то еще немного — и я есть захочу. Здесь, похоже, кормить нас не будут.

Сигурд был прав: у нас было как минимум три выхода. Можно было прыгнуть в пустоту, простиравшуюся с обеих сторон от лестницы. Можно было открыть какую-нибудь дверь — стоило только присмотреться, как они оказались не такими уж и похожими. Ну и, конечно, можно было продолжать сидеть на ступеньке и ждать, пока на нас не свалится еще кто-нибудь.

Мы единодушно отказались от последнего варианта и, немного посоветовавшись, все-таки отвергли первый. По идее никакая пустота не может быть бесконечной, и внизу непременно должно обнаружиться хоть что-нибудь, но проверять это на собственной шкуре нам совсем не хотелось. Ну, если другой возможности не останется, тогда, конечно, да, а так...

Оставались двери: бесчисленное множество дверей, по две на каждой ступени. Мы пошли вверх, решив открывать те, что справа.

Первую — тонкую резную дверь светлого дерева, из-за которой доносилась негромкая музыка, — нам открыть не удалось. Вторая — выкрашенная в белый цвет и облупившаяся от времени — открывалась на себя, но на ней не было ручки. Третья, тяжелая, в каких-то сучках, поддалась неожиданно легко, но я захлопнула ее раньше, чем сообразила, что делаю. Потом были еще и еще, но все они либо слишком хотели *впустить* нас, либо категорически отказывались сделать это.

Я устала. Лестница все никак не заканчивалась, подходящей двери не находилось; я даже не знала толком, какая она, эта подходящая дверь. Здесь было весьма неуютно, и особенно мешал сквозняк, которым тянуло откуда-то сверху.

Это было странное место. Нехорошее место, скажем прямо — хуже всех, в какие только заносила нас Судьба. И Старые Земли, и Драконий Хребет, и Слепой треугольник принадлежали наше-

му миру, а эта лестница... Мне не хотелось рассуждать, какие места она соединяет, но волей-неволей приходилось признать: она лежит вне нашего мира. Вполне возможно, это его Изнанка.

Но очередная дверь заставила меня остановиться. С нее, ехидно улыбаясь и высунув язык, смотрела гротескная бронзовая маска. Гротескная, но отнюдь не злобная. Я невольно улыбнулась, потом подошла ближе. Кажется, такие рельефные изображения называются маскаронами...

Маска показалась мне знакомой. Но удивительнее всего было не это.

Дверь была приоткрыта, и именно из нее тянуло тем самым неуловимым сквозняком.

Я осторожно дотронулась до двери кончиками пальцев, и она заскрипела, отворяясь от легчайшего прикосновения.

— Эгмонт? Сигурд? Может... вот эта?

— Посмотрим, — проронил волкодлак.

Я толкнула дверь сильнее, и она распахнулась. С той стороны на нас никто не собирался нападать. На голубом небе светило яркое солнце, а посреди густой травы цвели ромашки. Над ними мелькали синие стрекозы. Солидно жужжа, пролетел по своим делам тяжелый шмель.

Легкий ветерок пошевелил выбившуюся из косы прядь. Я вдохнула запах разогретой травы и поняла, что никуда не хочу отсюда уходить.

— Попробуем? — Я оглянулась на Сигурда и Эгмонта. — Или... пойдем дальше?

— А какая разница? — хмуро поинтересовался маг. Отодвинув меня, он первым перешагнул порог и пошел дальше, раздвигая траву руками.

Я шагнула туда, в летний полдень. Здесь, *внутри*, ветер был чуть сильнее, а запах разнотравья — ярче; до самого горизонта, сколько можно было видеть, расстилались поля цветущих ромашек. Захотелось лечь прямо в траву и лежать, ни о чем не думая, просто лежать и смотреть в небо, такое чистое и сказочно голубое...

Что-то промелькнуло и исчезло, какой-то блик, пятнышко, соринка... С трудом я оторвала взгляд от колышущегося моря цветов и пригляделась внимательнее, а поняв, закричала не своим голосом:

— Бежим!

Не было бескрайних просторов. Была до ужаса маленькая полянка, со всех сторон окруженная высокими, до самого неба, зеркалами. И отражения в этих зеркалах уже начинали плавиться, плыть, стекать полупрозрачными каплями, подобно воску. Эта волна начиналась вдалеке, но неумолимо шла на нас.

А дверь на лестницу, которую Сигурд оставил открытой настежь, дрогнула и стала закрываться. Я рванулась назад, уже понимая, что мы не успеем, — боги, о боги, когда же мы успели отойти так далеко?! Плавились уже не только отражения. Ромашки, иван-чай, подорожник — все сминалось, перемешивалось, текло, а зеркала, отражаясь друг в друге, повторяли этот ужас бесконечное количество раз. Во всем мире не было ни единой точки опоры, ничего постоянного и незыблемого. Вот уже эта волна докатилась до самых моих ног...

Не думая, я схватилась одной рукой за Сигурда, а другой — за Эгмонта. Маг и оборотень замкнули круг, взявшись за руки; тьма накрыла нас, и последнее, что я услышала, — это глухой возглас Сигурда:

— О великая Арведуэнн!

И пала тьма.

7

— Глупая девчонка, бездарнейшее из созданий земли! Или ты и впрямь думала, что сгодишься на что-то большее, чем воровать яблоки и чистить котлы? Ты — никто и всегда будешь никем! Твоя мать отдала жизнь, чтобы произвести тебя на свет, — и чем ты отплатила за эту жертву? Да и тебя ли она родила? Не утащили ли истинную Ялыгу злые духи, оставив взамен нее собственное отродье — подменыша, бревно, которому черные чары наскоро придали человеческий облик?!

— Отродье фей, подкидыш и обманка! Как бы ты ни старалась прикинуться человеком, ты никогда не смогла им стать! И все чуяли твой обман. Вспомни, разве тебя хоть кто-нибудь любил? А ты — ты разве хоть кого-нибудь любила? Ты всегда считала себя выше всех, лучше всех! «Ах, у меня нет друзей — одни приятели!» Да последний неудачник лучше тебя — ибо он не врет, а ты врешь всегда! Своим видом, своим именем, своими ничтожными попытка-

ми колдовать. Ты — фальшивка, у тебя нет ни родины, ни матери, ни имени. Тебя — нет!

— Тебя нет. Тебя никогда не было. Ты — ошибка на пергаменте мира. И сейчас я беру нож — смотри, как он остер! Я подчищу тебя, а поверх впишу правильную букву. И никто даже не заметит подмены...

...Холодно. Как здесь холодно. Кругом, сколько видит глаз, — одни снежные пустоши, белая пустыня под черным небом. Пустыня? Нет, белый лист! На мне красная одежда, будто на приговоренной к смерти. Я — буква, заглавная буква на странице, и сейчас...

Холодно.

Холодно.

Холодно.

Это даже не смерть — это небытие.

...Но в правой ладони — рука Сигурда. А в левой — рука Эгмонта.

И в этот момент я вспыхиваю яростным огнем.

— Это ложь! — кричу я туда, в безумное небо. — Ты всегда лжешь! Я — живая, я — настоящая! Это тебя не было и нет! Я люблю Эгмонта! Я люблю Сигурда! Я люблю Академию, и Полин, и Генри, и Хельги, и... У меня есть семья, и ее я тоже люблю! Убирайся прочь, лживая тварь, я — тебя — не боюсь!

Я вся — единый язык пламени, и белая пустота вокруг меня понемногу начинает обгорать. Она не хочет сдаваться, она пытается сжаться вокруг меня, погасить меня, уничтожить меня — ну, это вряд ли! Я горю, я рвусь вверх, я отдаю этому пламени всю себя... так не может длиться долго, когда-нибудь огонь погаснет...

Он не погаснет!

Страница горит, чернеет и скручивается. Я становлюсь все больше, я грозно трещу, бросаюсь искрами, взлетаю вверх... дайте, дайте мне попробовать на вкус это черное, пустое, плоское небо! Я — огонь, я была всегда и буду всегда!

Я свободна!

Я свободна...

— Ты маленький ублюдок, Рихтер. Ты всегда был вторым, а сказать по совести — и вовсе десятым. Ты пролез сюда, как вор! Тебя взяли из жалости, тебе дали возможность учиться здесь, как по-

дают нищему, чтобы отвязался и не клянчил больше. Но ничто не изменилось. Ты был никем — ты никем и остался!

Тонкая усмешка трогает красивые губы. Он стоит там, у самой черты — красивый, холеный, не знающий, какой кровью, каким трудом достается Эгмонту то, что ему достается даром. И ненависть захлестывает Эгмонта с головой; ах, как хочется стереть эту усмешку, вбить ее обратно вместе с зубами, изуродовать, исковеркать, смять! Что ты там говорил?! Я — никто?! Ну, так, значит, тебе ничто не грозит!

Заклинание.

Подсечка.

Увернуться и отбить.

Сила хлещет через край. Эгмонт понимает, что больше ему никогда не придется доказывать, кто здесь лучший. Да! Да! Значит, ты боевой маг?! Получи вот это! А это? Что, не выходит? Да ты — раздавленная лягушка, Хендрик ван Траубе! Это ты — ничтожество и пыль на моих сапогах!

Все кончается быстро, слишком быстро. Эгмонт чувствует разочарование. Сила бурлит в нем и требует выхода. Но Хендрик уже не двигается. Бесформенной кучей, грудой окровавленного тряпья он лежит у самой черты, и мало-помалу Эгмонт понимает, что живой человек так лежать не может.

— Эгмонт! — громко и отчетливо произносит учитель Тэнгиэль. — Ты убил его! Как же ты теперь собираешься жить дальше?

Эгмонт оглядывается. Вокруг — тесное кольцо тех, с кем он учился все эти годы. Он узнает лица: Родриго, Гюи, Рандориэль... Он пытается поймать чей-нибудь взгляд, но люди отшатываются от него как от прокаженного.

Холодно. Как же здесь холодно!

И сила, которая сжигает его изнутри...

Он может нести только зло. Он может только убивать. Кого и чему он хотел научить? Как он вообще взялся учить — он, умеющий только ломать и калечить? Ольга, беги от меня... Ольга! Я принесу тебе только беду!

Где-то далеко-далеко он держит Ольгу за руку. Надо отпустить, хотя пальцы и не хотят разжиматься. Пусть живет. Пусть будет счастлива. Она такая юная... в ней столько жизни...

Ялька вдруг спотыкается. Ее пальцы слабеют. Она еще пытается ухватиться за руку Эгмонта, но ее ладонь потихоньку выскальзывает. У нее уже не остается сил, и она зависает над пустотой. Еще миг — и ее не удержать.

Потом, все потом! Каков бы он ни был, без него Ялька не выжить! Он — ее защита, ее последняя надежда на спасение.

— Ялька, не бойся! Я лучший боевой маг Лыкоморья! Я сумею спасти тебя!

Эгмонт Рихтер крепче сжимает ладонь.

И сила, дотоле сжигавшая его изнутри, неожиданно вырывается наружу языком чистого белого пламени.

Сигурд дель Арден, спотыкаясь, идет по полуразрушенной мостовой. Доски давно прогнили, и между ними растет трава. Позади слышен мерный скрип, это ворота — нет! — единственная оставшаяся створка качается туда-сюда на ветру.

Арры больше нет.

Город мертв. Сигурд заглядывает в каждый дом, хотя сразу видно, что там никто не живет. Но он отчаянно надеется встретить хоть кого-то, увидеть хотя бы собаку... хоть что-то живое!

Тишина.

Яркий полуденный свет.

Вокруг — владения смерти.

Он никогда не думал, что сможет напугаться леса, но деревья, прорастающие через окна мертвых домов, внушают ему ужас. Арра мертва, потому что нет и никогда не было никакого золотого дракона, конунга Арры. Фергюс умер, и город умер вслед за ним.

Сигурд один. У него нет никого. Он один на всем белом свете. Вокруг него, на север и на юг, на запад и на восток, простирается немая жуткая тайга. Он зовет богов, но боги не откликаются, ибо они умерли вместе со своими детьми.

Смерть! Богиня в красном, собирающая жатву и приходящая к каждому в свой срок! Здесь правит не она. Здесь прошло нечто иное, более древнее, более ужасное... настолько неправильное, насколько неправилен весь этот мир...

Он подходит к палатам конунга. Черные, истлевшие стены; обрушившиеся купола; слепые окна. А во дворе, ухмыляясь одинаковыми улыбочками, стоят Чет и Нечет.

Стоит Князь Игры.

— Ты мой, — говорит он, и два голоса сливаются в один. — Час пробил, волкодлак! Теперь ты не уйдешь от меня, не спрячешься за бабью юбку. Все вокруг принадлежит мне. Твой город, твой род, твой конунг...

И тут на Сигурда накатывает злость.

Он был верен Фергюсу, потому что Фергюс был его конунгом! И не так важно, мертв тот или нет, — если Сигурд жив, его верность жива тоже! И не так важно, существует ли на самом деле Аррани Валери! Даже если она есть игра его воображения — Сигурд верен ей! Сигурд любит ее!

И не грязному духу осквернять обитель конунгов Арры!

Выхватив меч, Сигурд бросается вперед. В нем горит ярость, чистейшая ледяная ярость; пламя отражается в его клинке, пламя поднимается над мертвой Аррой — священный очистительный костер! Пусть сгорит весь этот обман, вся эта пустая обертка! Арра жива, всегда жива, она не может умереть! А там, над ней, в высокой небесной траве, вечно бродит Старый Волк, отец всего сущего! Вечно играет на флейте синеглазый Вэйлезарре! Вечно прядет, чуть улыбаясь, великая Арведуэнн!

Левой рукой он чувствует Ялыгу. Правой — Эгмонта. Его друзья всегда с ним. Его род — всегда в нем. Его Арра — незыблема, вечна, прекрасна!

Так будет всегда.

8

Обе ладони сводило от боли — я почти не чувствовала пальцев. Под ногами опять была мягкая земля, пахло разнотравьем, и где-то поблизости серьезно жужжал тяжелый шмель.

Я открыла глаза.

Мы стояли на том же самом лугу: ромашки, анютины глазки, иван-чай... С травинки на травинку перепархивали изящные стрекозы. Но зеркала исчезли, во всем чувствовались уверенность и равновесие, а посреди луга...

Я осторожно вытянула ладонь из Сигурдовых пальцев и потерла глаза.

Нет, не привиделось.

Посреди луга сидела Лерикас Аррская и увлеченно доплетала венок из ромашек. Вплетя туда последний цветок и замкнув круг, она довольно оглядела дело рук своих, надела венок и, перекинув косу на спину, легко встала с травы.

— Ну что вам сказать? Молодцы! — Она улыбнулась и вдруг покосилась на Сигурда. -- А тебе отдельное спасибо! Приятно знать, что меня любят, даже если меня нет...

Сигурд устало кивнул. Лерикас подошла ближе.

— Идемте, — мягко сказала она. — Теперь все будет хорошо. Все объяснения — потом, когда отоспитесь.

А дверь оказалась совсем близко.

9

Радости Ежи Леснивецкого не было предела.

Он сам не помнил, как оседлал коня, как вместе с братом и хоругвью пана Богуслава выехал за пределы замка; он просто скакал на врага, и ветер развевал ему волосы, а кольчуга сверкала на солнце! И хоругвь неумолимо надвигалась на лагерь подлых магикусов, посмевших злоумышлять против его, Ежи, сестры...

Уж он им покажет! Он им всем покажет!

Да, Ежи Леснивецкий был абсолютно счастлив. Но счастье его длилось ровно до тех пор, как впереди показалось странное белое пятно. Кони мчались во весь опор, пятно приближалось, и вскоре Ежи разглядел, что это было.

Белая свадебная рубаха Поля Цвирта реяла на ветру, привязанная к палке за один рукав. Нет, Алехандрина Родригес Диас не сказала бы жениху ничего хорошего, узнай она, как именно тот использовал ее первый презент! Но что поделать, если во всем лагере не отыскалось ни единого белого лоскута?!

Строй смешался. Пан Богуслав отдавал какие-то команды, но Ежи не слушал. Во все глаза он смотрел на проклятущую белую тряпку и чувствовал, что вот-вот позорно расплачется. Так нечестно! Так нельзя! Раз в жизни взяли в настоящую атаку, а враги сдаются! Кто ж так воюет?!

От горя у Ежи потемнело в глазах. Неведомо откуда взявшийся ветер чудом не смел его из седла. Конь шарахнулся, и, справившись с ним, Ежи поднял голову, чтобы взглянуть на небо. Он буквально оцепенел, и было отчего.

Прямо над ними, заслонив солнце огромными крыльями, парил дракон — настоящий дракон! Солнце сверкало на золотой чешуе. Он был... он был...

Он был прекрасен, вот как!

Магикусы, конечно, перепугались. Что ж, Ежи их понимал — тут любой испугается, ну, кроме его отца, его брата и пана Богуслава. Да и он, Ежи, разве испугался? Ни капельки!

Дракон отлетел немного поодаль, сел, ловко поджав ноги, и выдохнул клубы дыма. Мелькнул проблеск пламени, а когда дым рассеялся, навстречу воинам по полю шла невысокая девушка с длинной русой косой.

Золотой дракон Арры почтил Даркуцкий кряж официальным визитом.

• Дракон и зеркало •

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой все наконец встает на свои места. Ялька сдает сессию, Эгмонт выплачивает долги, Мароу ди Бертолли становится семейным человеком, а королевская свадьба — готовится петь и плясать

1

Я почти не помнила того, что происходило после нашего возвращения: так, отдельные куски, движущиеся картинки... Вот Ежи, в кольчуге и шлеме, с саблей в руке, восхищенно озирается по сторонам. Вот грозный Михал громко спорит с каким-то молодым магом: оба перемазаны в саже, только глаза сверкают. Вот Сигурд бережно держит на коленях сомлевшую... кого-кого?! От изумления у меня даже немного прояснилось в голове, и в сомлевшей барышне я безошибочно узнала Матильду ле Бреттен. Одной рукой оборотень придерживал аспирантке голову, второй махал каким-то платочком перед ее лицом. От платочка исходил резкий запах. Чуть поодаль, бросая на эту пару мрачные взгляды, стояла худощавая магичка, в которой безошибочно угадывалась некромантка. Она рылась в большой кожаной сумке, явно отыскивая зелье для страдалицы.

Госпожа ле Бреттен изредка бросала на Сигурда маловразумительные взгляды, но не забывала вовремя стонать: в меру жалобно, в меру мелодично.

Сигурд здесь, а где Эгмонт? Я огляделась, постаравшись кое-как сфокусировать взгляд. Маг обнаружился неподалеку, возле разворошенного стога; он разговаривал по-араньенски с каким-то молодым ковенцем, причем говорил большей частью ковенец, а Эгмонт слушал, и на лице его недоверчивость понемногу сменялась облегчением. Я разобрала «Эллендар», «Тэнгиэль», «колле-

ги», а потом поймала взгляд Рихтера и сразу же вспомнила, что подслушивать нехорошо.

И над всем этим безумием реяла белоснежная рубашка с кружевным жабо, криво привязанная за рукав к сучковатой палке.

— Ясновельможная княжна... — возник откуда-то пан Богуслав.

Он, кажется, говорил что-то еще, но я не слышала. Звуки гасли, мир отъезжал все дальше и дальше, и последнее, что мне суждено было запомнить, — как распахнулись ворота замка и оттуда, чуть прихрамывая, вышел князь-воевода Леснивецкий.

...Выспаться как следует мне не дали. Ранним утром кто-то легонько прикоснулся к моему плечу и сказал:

— Ялька, хватит спать! Через два часа телепорт в Межинград. Э-эй! Если ты решила насовсем остаться с отцом и братьями, то, конечно, можешь спать и дальше. Кое-кто этому очень даже обрадуется...

«Панна, панна моя!» — отозвалась память голосом пана Богуслава. Я вздрогнула и проснулась.

Было еще очень рано, над лесом едва-едва занималась заря. В кресле темного дерева сидела с ногами Лерикас Аррская; на полу стояли сброшенные сандалии, состоявшие из деревянной подошвы и множества ремешков. В полупрозрачном утреннем сумраке ее глаза казались особенно яркими.

— А... сколько времени? — спросила я и прокашлялась.

— Почти пять.

Мрыс эт веллер! Уныло зевнув, я села на постели и увидела приготовленную для меня одежду. Настроение сразу прыгнуло вверх: вместо юбок, корсажа и лент на стуле скромной кучкой лежал мой старый дорожный костюм. «Мелочь, а приятно!» — подумала я, завязывая тесемку штанов.

— Ты уже поняла, что значат эти руны? — вдруг спросила Лерикас.

Я машинально глянула на татуировку. Она как будто сделалась ярче.

— Нет...

— Ну, значит, позже поймешь.

Она спустила ноги и принялась нащупывать сандалии. Я смотрела на это и пыталась осознать, что нахожусь в одной комнате с конунгом оборотней и золотым драконом. Но если разум соглашался и готовился трепетать, чувства утверждали, что я разговариваю с равным. Ну... со старшим равным, вроде Эгмонта.

А может, Лерикас самой этого хочется?

Мне вдруг припомнилась полянка, усеянная ромашками, плавящиеся зеркала и холод, пронзавший меня до костей, — но сейчас тот ужас уже не казался таким ужасным. Даже нет, не так. Его как будто вообще не было на свете.

— Скажи... те... — неловко начала я, но Лерикас предложила, не отрываясь от шнурков:

— Давай лучше на «ты», если не против.

— Хорошо, — выпалила я, торопясь задать все вопросы, пока они не разбежались. — Что за лестница? Что за двери, ромашки, зеркала?.. И... — Лерикас внимательно смотрела на меня, — почему мне кажется, конунг, что вокруг нас складывается единая мозаика? Может, это странно звучит, но... каждое событие будто притерто к предыдущему, все ложится одно к одному...

Оборотница прикусила нижнюю губу. Она явно раздумывала над ответом.

— Я немногое могу тебе сказать, — наконец произнесла она. — Но подумай хорошенько: когда началось то, о чем ты говоришь?

— Когда мы встретились с Сигурдом, — брякнула я и тут же поняла, что ошиблась. — Нет... когда я увидела Эгмонта! Или нет, еще раньше...

Я отчетливо вспомнила то, что случилось двенадцать лет назад в последний день зимы, и уверенно сказала:

— Когда Хендрик выпустил Тьму на волю.

— Подумай об этом, — предложила Лерикас и резко изменила тему разговора: — Но вы молодцы, Ялька, — вы просто молодцы! Я в общем-то почти не сомневалась, что так все и выйдет. Но знаешь, все едино страшно следить за этим со стороны...

Я кивнула, мало что поняв из последней фразы. Ну да, мы молодцы — на лестнице не заблудились, из ромашек вылезли, пана Богуслава не покусали, хотя порой очень хотелось. Но при чем здесь Хендрик? Доплетая косу, я все пыталась сопоставить отдельные кусочки мозаики между собой — в существовании этой мозаики не могло быть никаких сомнений. Хендрик — Тьма — мы трое — почему-то вспомнился Слепой треугольник...

Лерикас, как и Лис, предпочитала говорить загадками.

— Сумку только не забудь, — совершенно незагадочно напомнила оборотница, когда я шагнула было к двери.

Мы спустились по лестнице. Светлело на глазах; издалека донесся хрипловатый, но возмутительно бодрый петушиный крик.

— А почему так рано? — рискнула я.

Лерикас фыркнула.

— Ты вообще знаешь, сколько спала?

Я подумала и помотала головой.

— Три дня, — просветила меня Лерикас. — Причем изредка просыпалась, ела, разговаривала, сообщала, что очень хочешь спать, и опять отключалась. Что, не помнишь?

— Нет, — честно сказала я. — Совсем.

— Спроси у Эгмонта, если мне не веришь.

— А что случилось за эти три дня?

— Сигурд уехал, — буднично сказала оборотница. — Ты, между прочим, помахала ему из окошка, а до того долго передавала приветы и обещала приехать навестить. Особо просила передать привет Вульфгару — дескать, он не успел научить тебя играть на флейте...

— То есть... как это уехал? — тупо переспросила я. За эти недели я так привыкла к волкодлаку, что не могла и представить, как можно жить без него.

Лерикас окинула меня очень внимательным взглядом.

— Знаешь, — нейтрально сказала она, — в сущности, от Межинграда до Арры не так уж далеко.

— Ага, — подтвердила я. Но на душе все равно было погано.

Сигурд!.. Большой, лохматый, добрый и очень хитрый — я не знала ни одного, кто умел бы так мастерски прикидываться валенком... Он был первым моим другом. И сейчас...

Нет, не надо об этом. Если наши проблемы закончились, это вовсе не значит, что закончилась и наша дружба.

В конце концов, у него есть Арра и есть семья.

Мы вышли во внутренний двор. Поверх старых плит горели очертания будущего телепорта. Возле стены стоял Эгмонт, который — я почувствовала определенное дежавю — опять разговаривал с тем молодым ковенским магом. Теперь, чувствуя себя относительно хорошо, я не могла не отметить, что маг мне нравится. Худощавый и невысокий — на голову ниже Рихтера, — тем не менее он держался очень свободно. Я припомнила, что даже тогда, после взрыва, он ухитрялся не выглядеть неряшливым, хотя было видно, что досталось ему не меньше прочих. Ну а сейчас это был самый натуральный араньенец, как на картинках рисуют: темные волосы заплетены в коротенькую косичку, на камзоле ни пылинки, правая рука привычно лежит на эфесе шпаги.

От него исходило какое-то ощущение спокойствия, уверенности в том, что все будет хорошо. Я вдруг поняла, что хотела бы узнать, как его зовут.

— Доброе утро, — бодро сказала Лерикас.

— Доброе утро, — чуть вразнобой откликнулись маги.

Эгмонт посмотрел на меня, и глаза его чуть сузились.

— Жоффруа, это Яльга Леснивецкая, адептка первого курса. Яльга, это...

— Жоффруа Ле Флок, к вашим услугам, — перебил араньенец, целуя мне руку. Хоть убей, я не помнила, когда успела ее подать. — Сегодня вы мне нравитесь гораздо больше, мадемуазель! Когда мы виделись в прошлый раз, вы, кажется, не вполне очнулись после магических изысканий...

Глаза у него были черные. Вполне так себе ничего.

— Я рада нашему знакомству, — наконец нашлась я и осторожно вытянула руку. — А как насчет позавтракать? Телепорт же только через два часа?

— С удовольствием составлю вам компанию, — живо откликнулся магистр Ле Флок.

Эгмонт скрестил руки на груди.

— Помнится мне, Жоффруа, вы говорили, что с утра вас тошнило.

Тот легко отмахнулся:

— Истинная красота, мой друг, способна спасти мир, не то что исцелить от какой-то тошноты!.. Идемте, мадемуазель, — заговорщицки прошептал он, увлекая меня со двора. Учитывая, что увлекал он на кухню, я решила не сопротивляться. — Я свел короткое знакомство со здешней кухаркой, и она выставит для нас все, чего вам захочется...

— Мрыс знает что! — пробормотал Эгмонт, провожая парочку взглядом.

— Он хороший эмпат, — невпопад ответила Лерикас. — Он чует силу. И это нормально.

Она вдруг усмехнулась.

— И потом, он мужчина, а Яльга, согласись, — очень привлекательная девушка, уж не говоря о том, что княжна. Чему тут удивляться?

Рихтер покосился на нее, но ничего не ответил.

Мы не торопясь позавтракали и вернулись на внутренний двор.

Уже совсем рассвело. Небо стало чистым и голубым, только на востоке пока виднелась размытая розоватая полоса. В тени было холодно, на солнце — почти тепло, а во дворе резко прибавилось народу.

Это были провожающие, и я почувствовала, как в животе у меня сжалось что-то очень холодное. Пан Богуслав — ну ладно, здесь как-нибудь разберемся. Ежи и Михал — уже сложнее, но пару слов для них я, наверное, отыщу. Но что я могу сказать пану воеводе?!

Я оглянулась на замок и поняла, что наша сумасшедшая дорога и впрямь подходит к концу. Мы возвращаемся туда, откуда ушли; круг замкнут, змея кусает свой хвост, но нам уже никогда не сделаться прежними. Слепой треугольник; северные города; Старые Земли; Драконий Хребет; Конунгат; Хенгернский замок...

Даркуцкий кряж.

Мне не влезть в сброшенную кожу. И это, наверное, к лучшему.

— Панна моя... — первым заговорил отважный хорунжий.

На плече его виднелся бантик — кривоватый, чуть припачканный и прожженный в нескольких местах. Бантику здорово досталось на поле несостоявшейся битвы. «Вот чара пролетела, и ого!» — вспомнилась мне старая песенка. Ну что же, здесь горы, а в горах бывает эхо, так что «ого» могло не раз повториться...

— Я вас никогда не забуду, мой отважный рыцарь, — честно пообещала я, поправив сбившийся бантик, и повернулась к Ежи и Михалу. Братья выглядели немного разочарованными, и я не понимала почему. Радоваться же надо: я уезжаю!..

— Ну... до встречи, сестра! — солидно произнес Ежи.

Михал молча кивнул. Я хотела сказать что-то серьезное, но не сдержалась и выпалила:

— Если где-нибудь наметится подходящая война, я вас сразу извещу!

— Спасибо! — хором просияли младшие Леснивецкие.

Мы с князем посмотрели друг на друга.

«Ну, что тебе сказать?! — тоскливо подумала я. — Я ведь даже отцом тебя назвать не могу — не потому что не хочу, а просто

врать некрасиво! Пообещать, что вернусь? А оно тебе вообще надо?»

Князь молчал. Он тоже не знал, что сказать. И я уже готова была ляпнуть любую глупость, чтобы только прекратить это затянувшееся молчание, когда он вытолкнул:

— Божьи мельницы мелют медленно. Чему суждено случиться, то случится.

Я коснулась сережек и невпопад ответила:

— Спасибо...

— Ялька, пора! — негромко сказал Эгмонт.

Я преисполнилась к нему самой горячей благодарности.

— Нам... и правда, пора.

— Пора, — повторил князь.

Жоффруа Ле Флок подал мне руку, и я легко запрыгнула внутрь телепортационного контура. Эгмонт молча взял меня за локоть и подтащил чуть поближе, чтобы сумка не высовывалась наружу. Я вдруг поняла, что, может быть, никогда не увижу этого замка, и посмотрела наверх, туда, где в прозрачную синеву уходил бронзовый флюгер.

Мир заволокло зеленоватой дымкой, земля ушла из-под ног.

Нас ждали Межинград и Академия Магических Искусств.

2

Еще не открыв глаз, я поняла, что нас опять выбросило не туда. Конечно, Академия никогда не считалась тихим и спокойным местом, но даже там никогда не творилось такого гама. Вокруг нас все орало, лаяло, мычало, блеяло, надсадно скрипело и долбило металлом по металлу. Мелькнула мысль: а не угодили ли мы в родной табор?

Глаза распахнулись сами собой.

Первым, что я увидела, оказалась печальная верблюжья морда. Верблюд был белый, довольно мохнатый; в глазах у него отражалась вся мировая скорбь, но едва я решила пожалеть животное, как оно, вздохнув, метко плюнуло в самого горластого торговца. Торговец привычно уклонился, ни на секунду не прекращая расхваливать «этот божественный ковер».

— Ладно, мне пора, — улыбнулась Лерикас. Ободряюще коснувшись моей руки, она скользнула вперед и, прежде чем я успела

хоть о чем-то ее спросить, беззвучно растворилась в воздухе. Не было ни заклинаний, ни жестов, ни знаков; я не почувствовала даже малейшего запаха магии. Впрочем, вряд ли я могла сейчас что-то унюхать: в двух шагах топталась торговка пряностями с открытым лотком.

Я ошарашенно оглядывалась. Кругом, куда ни посмотри, пестрели зонтики, занавески, шатры и шали. Неподалеку нахваливали плетеные сундуки, чуть дальше продавали на развес соленый жареный арахис. Отовсюду неслись вопли самое меньшее на двенадцати языках; прислушавшись, я худо-бедно поняла, что здесь торгуются, ругаются, проклинают конкурентов, зазывают покупателей и уговаривают заморского попугая произнести хотя бы словечко. «Пиастр-р-р-ры! — хрипло смилостивилась птица. — Р-р-ром! Тур-р-р-булентность!» Издалека доносился запах свежего кафия.

Я подняла взгляд — и увидела знакомый серебряный шпиль.

Мы были у ворот Академии.

Все разом отодвинулось на второй план. Конечно, мне хотелось узнать, откуда в Межинграде взялась вся эта экзотика, кто хозяин верблюда и почему у животного такой несчастный вид, — но это потом, потом, все подождет! А сейчас я вернулась туда, куда и не чаяла вернуться!

— Мадемуазель, — меня осторожно взяли за локоть, — позвольте, я покажу вам, как здесь пройти. За время вашего отсутствия многое изменилось. Кстати, имейте в виду — у верблюда отвратительный характер...

— У меня тоже, — рассеянно сказала я.

— В отличие от вас, — возразил куртуазный магистр Ле Флок, — это совершенно неблагодарная скотина. Чем бы вы его ни угостили, он непременно в вас плюнет, причем попадет не куда-нибудь, а в новый плащ. Его продают уже шестую неделю, но кому он нужен?

— Тому, кто разбирается в боевых верблюдах, — сухо ответил Эгмонт. — В кафском языке, Ле Флок, слова «красота» и «верблюд» происходят от одного корня и звучат почти одинаково...

— Господин! — Из-за верблюда выскочил какой-то маленький человечек в огромной чалме и длинных туфлях с загнутыми носами. Судя по тому, как покосился на него верблюд, это и был нынешний его хозяин. Нас с Ле Флоком человечек не удостоил даже взглядом, зато Эгмонту тут же отбил целых четыре поклона. —

Как тонко чувствуете вы прекрасное! Я сразу распознал в вас истинного знатока! Это животное воистину обладает семьюдесятью семью достоинствами и способно озолотить своего владельца! Этот верблюд могуч и прекрасен, его горбы возвышаются, как два бархана, — взгляните, какие они ровные! А шерсть, господин мой! Какая шерсть! Да она белее молока, белее роз, нежнее поцелуя возлюбленной!

Я с сомнением покосилась на серую клочковатую шерсть. Может, верблюда надо вымыть и тогда он снова станет белым? Тут мне представился Эгмонт с тазиком и мылом, и я поскорее прогнала ужасное видение. А торговца было уже не остановить:

— Взгляните ему в глаза, господин! Это глаза чистопородного верблюда, принца среди верблюдов — величиной с ладонь, а ресницы длиною с палец!

Принц среди верблюдов испустил тяжелый вздох и с надеждой покосился на Эгмонта.

— Зачем тебе верблюд?! — не выдержала я.

— В самом деле, это непрактично... — встрял Ле Флок.

— Как это зачем?! — возмутился торговец. — О женщина, имя тебе — неразумность! Этот верблюд станет вожаком большого стада, прародителем тысяч длинноногих породистых верблюжат! Он пересечет любую пустыню, вступит в схватку со всеми, кто попытается помешать ему, защитит своего господина от...

— Я беру его, — коротко бросил Эгмонт.

Верблюд перестал жевать и уставился на мага. Вот сейчас у него точно глаза были не меньше ладони — а то и больше, гораздо больше.

Хозяин коротко взвыл и кинулся на колени.

— О небо! — вскричал он и добавил что-то еще на непонятном мне языке.

— Меня зовут Эгмонт Рихтер, — известил маг, отворачивая воротник. — Вот мой знак. Я забираю этого... принца среди верблюдов. Но ты не назвал цену.

Предыдущий хозяин верблюжьего принца перестал взывать к небесам, обхватил сапоги Эгмонта и проникновенно посмотрел на него снизу вверх.

— Господин, небо свидетель — я взял бы с тебя немало звонких монет, но не сейчас! Только что ты даровал мне свободу, ибо таково было условие! Клянусь печатью и... другой печатью, я твой должник, Эгмонт Рихтер! А теперь отвяжи своего боевого верб-

люда, проведи его в верблюжатню и вели своим рабам хорошенько заботиться о нем! Да будут благословенны твои дни, и полон твой дом, а жены твои кротки и нежны! А если я понадоблюсь тебе, просто позови, и я тотчас же явлюсь!

С этими словами он вытащил из шаровар начищенную до блеска лампу, ласково провел по ней ладонью и растаял, обернувшись тонкой струйкой дыма. Дым быстро втянулся в лампу, та покачнулась и в свою очередь растаяла у нас на глазах.

Эгмонт невозмутимо принялся отвязывать верблюда.

— Вот это удача! — не скрывая зависти, выдохнул Жоффруа Ле Флок. — Джинн...

— Совершенно согласен, коллега, — ответил Эгмонт, и в голосе его послышались ледяные нотки магистра Рихтера. — Не каждый день удается купить такого прекрасного верблюда.

— Пойдемте, а? — жалобно сказала я. — К рабам, в верблюжатню... да хоть в гарем!

— Ваше слово — закон, мадемуазель...

Без Жоффруа Ле Флока нам пришлось бы худо: рынок, как вода, просочился во все углы и закоулки. Мы могли бы проплутать там весь день, а так дорога заняла не более пятнадцати минут.

Эгмонт и верблюд составляли удивительно гармоничную пару: оба не шли, а шествовали сквозь толпу, высокомерно оглядывая окружающих. Особенно старался верблюд. Он даже не снисходил до того, чтобы в кого-нибудь плюнуть, — видно, берег стратегические запасы для врагов своего господина.

«Кажется, теперь я знаю, как будет выглядеть отработка», — тихонько подумала я.

Рихтер даже не обернулся.

Мы вошли во двор Академии. Там, по счастью, все оставалось прежним, не считая огромной клумбы, на которой буйно цвели алые тюльпаны. Во взгляде верблюда появилась ностальгия.

— И не думай, — шепотом предупредила я.

Верблюд всей мордой выразил презрение.

— Я хотел бы сказать вам... — начал было Жоффруа, но Эгмонт перебил его:

— Магистр Ле Флок, я хотел бы заметить, что резиденция КОВЕНа находится в другом месте. Полагаю, вам не нужен провожатый.

«И начальное ускорение», — без труда додумала я. И чего Эгмонт так взъелся, спрашивается? В конце концов, Жоффруа — выпускник нашей Академии...

«Начальное ускорение — это замечательная мысль, хозяин!» — читалось в прекрасных глазах принца верблюжьего племени.

— Отнюдь, — спокойно ответил араньенец. — Видите ли, у меня небольшое дело к магистру Буковцу. Он мой научный руководитель, и я хотел посоветоваться с ним насчет последней части моей диссертации. Я собираюсь соискать кандидатскую степень.

Он повернулся ко мне и осторожно взял за руку.

— Итак, мадемуазель, я не прощаюсь. Помнится, вы упоминали, что желали бы посетить Дворец оперы и балета?

Ни о чем подобном лично мне не помнилось, но я кивнула — исключительно назло верблюдовладельцу. А вообще, с каждой минутой магистр Ле Флок нравился мне все больше. Дворец оперы и балета? А почему нет? Девушка я или кто? За всеми ухаживают, вот и меня наконец-то пригласили в приличное, заметим, место!

— Магистр Ле Флок, — мрачно сообщил Эгмонт, — адептке Ясице надлежит сейчас думать о несданной сессии, а не о походах в увеселительные заведения. Это я вам как ее декан говорю!

Араньенец отмахнулся от него как от назойливой мухи.

— Ваша лучшая адептка не может не сдать сессии, Рихтер, уж я-то это знаю! И поверьте, Ядвига, жизнь не состоит из одних только лекций! — «Верно, — подумала я, — есть еще и практикумы». — За мной давно оставляют отдельную ложу в опере, так что я обещаю вам билеты на все премьеры этого сезона. До скорой встречи, мадемуазель!

Бросив на меня последний взгляд, магистр Ле Флок откланялся и поспешил навстречу директору Буковцу. Я посмотрела ему вслед и обернулась к Эгмонту.

— Кстати, я что-то запамятовала — а где у нас верблюжатня?

— Где я скажу, там и будет, — отрезал маг.

Тут до меня дошло, почему у него такое отвратительное настроение. Конечно, будешь тут недовольным, когда Сигурд уехал! Вот он и верблюда купил — верблюд не Сигурд, но некоторую пустоту заполнить может. И я совсем было собралась хлопнуть Эгмонта по плечу и сказать, что на ближайших выходных мы непременно побываем в Арре, что я его прекрасно понимаю и совсем не злюсь, что мне тоже не хватает Сигурда... но не успела. Главная

элементаль услужливо распахнула двери, и на мраморной лестнице появились магистры Шэнди Дэнн и Эльвира Ламмерлэйк.

Еще через минуту во дворе стало тесно от магов. Эгмонт смеялся, что-то говорил насчет расписания и отработок, а я постояла-постояла и осторожно выбралась из толпы. Адептке нечего делать среди преподавателей. А верблюд как-нибудь и сам разберется.

Меня ждали друзья. Ну, наверное, ждали.

На самый худой конец, у меня есть элементаль.

3

Теплым летним вечером, когда над горизонтом плыла романтическая розовая заря, а в саду сладко пахло виноградом, во двор поместья ди Бертолли вкатил роскошный лакированный фаэтон. Его влекли четыре гнедых коня, украшенных розетками из желтой бумаги и пышными султанами в тон. Выглянувшая на шум Злата Бржезовая оценила и розетки, и лошадок, и саму карету, — но более всего ее заинтересовал герб, нарисованный на обеих дверцах. Герб был подозрительно знакомый, но у Златы была очень коротенькая память.

За это, отметим в скобках, ее ценили отдельно.

Карета остановилась, подняв тучу мелкой пыли. Лакей мигом отворил дверцу и помог выбраться наружу весьма представительной даме в желтом шелковом платье. Дама была, скажем так, среднего возраста и обладала золотистой кожей, роскошными иссиня-черными волосами, пышными формами и просто отвратительными манерами. Едва ступив на черно-белые плитки двора, она похозяйски огляделась кругом, потрогала расцветающий бутон на ползучей розе, оплетавшей колонну, хмыкнула, передернула плечами и решительно направилась к террасе.

Злата отпрянула от окна и замерла в грациозной позе, пытаясь понять, не позвать ли синьора ди Бертолли. Но ей нравилось самой встречать гостей, и танцовщица, натянув длинные перчатки, поспешила выйти на террасу.

Когда Злата выпорхнула из двери, к даме уже присоединились две ее дочери — помельче и посмуглее — и орава слуг, продолжающая вылезать из второй кареты. Деревенского вида особа в полосатом платье и огромном чепце укачивала младенца — мальчик то был или девочка, Злата не поняла, ибо из вороха кружев видне-

лась только упитанная розовощекая мордашка, выражавшая крайнее недовольство жизнью. Дочери обмахивались одинаковыми веерами и с деланым равнодушием рассматривали дом. Зато слуги, кто побойчее, уже окружили мраморного льва и восхищенно тыкали в скульптуру грязными пальцами.

Двор невероятно быстро терял привычный лоск, и Злата поспешила вмешаться.

— Чем могу быть полезна пани? — суховато спросила она, застегивая миниатюрную пуговку на левой перчатке.

Дама повернулась к ней, колыхнув бюстом, и смерила Злату нехорошим взглядом с головы до ног.

— Это дом синьора ди Бертолли? — осведомилась она глубоким оперным контральто.

— Это поместье богатейшего магната пана Мароу ди Бертолли! — с достоинством ответствовала Злата.

Но собеседница уже утратила к ней всяческий интерес. В черных глазах ее вспыхнул боевой огонь, и, обернувшись, танцовщица увидела на террасе самого хозяина дома. Мароу ди Бертолли, в домашнем халате, колпаке и шлепанцах с загнутыми носами, казался растерянным до невозможности.

— Лючия, дорогая... — только и пролепетал он.

Злата прищурилась.

— Это что еще за Лючия, любимый? — проворковала она, поправляя жемчужную сережку. — Я чего-то не понимаю, или...

Она еще продолжала говорить, но вдруг перестала слышать собственный голос. Все пространство террасы заполнило контральто синьоры Лючии, по сравнению с которым голос первой оперной примы показался бы жалким писком ослабевшей от долгого голодания мышки.

— Это что еще за финтифлюшка?! — гремела она, указывая на съежившуюся от неожиданности Злату. Так царица Навсикая в опере «Иоланда» обличала своего аманта во лжи. — Ах, Мароу, ах, мерзавец! Твоя жена и дети пухнут с голоду, над кланом ди Бертолли смеются от Мраморной бухты до Тихой — а ты тут жируешь со всякими профурсетками?! Говорила мне мама: «Лючита, детка, этот человек загубит тебе жизнь!» Ты пустишь семью по миру, оставив меня в одной юбке! С кем еще ты изменял своей супруге, коей клялся в верности и любви перед алтарем?!

— Папаша, вы мерзавец! — выпевали дочери одинаковыми колоратурными сопрано.

И даже младенец, поддерживая их длительными воплями, вопил исключительно громко и музыкально, ни на шаг не отступая от заданного метра и такта.

— Джулия, успокой Ромео! — на мгновение отвлеклась дама.

Синьор ди Бертолли торопливо выдохнул и стер со лба пот.

— Он хочет кушать! — непререкаемо заявила кормилица в полосатом.

— Так покорми его!

— Прямо здесь, синьора?

— Лючия, любовь моя...

— Ах, как смеешь ты называть меня по имени?! — Голос синьоры ди Бертолли взмыл к трагическим высотам и тут же опустился до патетического шепота: — Мароу, предатель! Как рвалась к тебе моя душа, а ныне...

— Мы спешили! — хором исполнили дочери. — Мы так торопились, папаша!

— И что явилось нашим взорам?

Тихо-тихо, на носочках, Злата Бржезовая прокралась обратно в дом. Пока во дворе а Kapella звучал божественный голос синьоры ди Бертолли, она шмыгнула в свои покои, накрепко заперла за собой дверь и достала из-под кровати маленький, но вместительный баульчик. Будучи девушкой предусмотрительной, Злата понимала, что в мире ничто не вечно, и заранее продумала возможные пути отхода. Конечно, даже она не могла предположить, что у ее обожаемого Мароу имеется законная супруга, но... что с того? Злата хорошо знала жизнь, и этого было достаточно.

Баульчик, сделанный специально по ее заказу, содержал небольшой кусочек пятого измерения. О, Злата была скромна в своих желаниях! Она вовсе не собиралась подражать героиням известной баллады и уносить с собой синьора Мароу ди Бертолли. Но в баульчик вошли все меха, все кружева, все украшения, все золото, две картины в дорогих рамах, шелковые платья и пятьдесят четыре серебряные ложки. Злата долго вздыхала, глядя на любимое резное креслице гномской работы, но потом, подумав, решила ничего не оставлять. Да, и нельзя же бросить на произвол судьбы это бюро! Подумать только, что может сделать эта ужасная женщина с ее обожаемой мебелью!..

Ровно через десять минут — часы в гостиной как раз пробили восемь, и им вторили ходики из баульчика — Злата щелкнула хитроумным талисманом, и сумка, выдвинув три колесика, покорно

покатилась рядом с хозяйкой. Балерина еще раз похвалила себя за предусмотрительность и умение правильно вкладывать капитал. При всей тренированности Злата не смогла бы оторвать баульчик от пола. Но и оставить его здесь было бы выше ее сил.

Проходя по коридору, Злата увидела маленького бронзового слона и, смахнув слезу, вызванную воспоминаниями, быстренько сунула его в боковой кармашек. Баульчик охнул, слегка покосился на одно колесо, но все же покатился дальше.

Они вышли из дома через черный ход. Злата прислушалась: с другой стороны здания до сих пор доносились фиоритуры. Восхищенно покачав головой, она направилась в сторону оперного театра.

Не прошло и трех минут, как Злата уже сидела в карете, а у ног ее тихо вздыхал перегруженный баульчик. На козлах переводил дыхание кучер, польстившийся на плату в три серебрушки и нежный взгляд знаменитой балерины. До сегодняшнего дня он полагал актрис неземными созданиями, не способными поднять ничего тяжелее букета.

Злата печально вздохнула и расправила складочки на платье. Жизнь продолжается. Мароу уже не вернуть, но это и к лучшему: впереди ее, несомненно, ждет еще много приятных приключений.

...Этим же вечером, едва сумерки спустились на Межинград, из городских ворот с грохотом вылетело несколько карет. Стражники, как раз собиравшиеся закрыть ворота на ночь, едва успели посторониться. Впрочем, они были вознаграждены: из последней кареты вылетело несколько серебряных монет и одна золотая. Серебрушки поделили легко и быстро, за золотой завязалась небольшая драка, но едва общественность решила сообща пропить его в кабачке, как на шум явился десятник, и проблема исчезла сама собой.

С тех пор никто в Лыкоморье ни разу не слышал о синьоре ди Бертолли.

4

За время моего отсутствия Академия почти не изменилась. Я шла знакомыми коридорами, вглядываясь в каждую трещинку, — и узнавала даже то, что, казалось бы, было давным-давно забыто. Вот фикус, за которым я пряталась от Фенгиаруленгеддира. Вот

плакат о вреде гламурии (сбоку подписано мелкими буковками: «Выполнила адептка де Моран, 1 курс»). Вот перила, по которым я проехалась в первый же учебный день...

А вот и родная дверь.

Она была точно такой, какой я ее запомнила, — темная, исцарапанная, с медной девяткой. Я не успела взяться за ручку: у косяка материализовалась наша элементаль, которая, издав нечленораздельный вопль, кинулась меня обнимать. Тот, кого ни разу не обнимали флуктуации, никогда не поймет, что это такое: в тебя вцепляются сразу всеми конечностями, выплескивая при этом бешеное количество энергии, и через полторы секунды я поняла, что сейчас взорвусь.

— Хозяйка, хозяйка моя! — приговаривала элементаль, а я пыталась слить лишнюю энергию в амулеты. Хвала богам, они были полностью разряжены. — Оюшки! Вот счастье так счастье привалило! Хозяйка! Вернулась! А я знала, я-то всегда знала, что так и будет! А худая-то какая! Одна кожа да кости! Изголодалася вся, измучилася вконец...

Когда она отпустила меня, из моих волос вылетали маленькие синие молнии, а перегруженные амулеты начинали предупреждающе потрескивать.

— Хозяйка! — Элементаль вновь попыталась меня обнять, но мне отчаянно хотелось жить, и я быстренько сказала:

— Есть хочу! А...

Тут дверь распахнулась, и на пороге возникла Полин.

Я не успела даже оценить ее на предмет возможных изменений — алхимичка, ахнув, тоже кинулась мне на шею. Вот это было излишним: щелкнуло, сверкнуло, запахло паленым, а распущенные волосы Полин немедленно завились мелкими кудряшками.

— А я покрасилась! — тут же заявила алхимичка.

— Вижу, — осторожно сказала я. Теперь Полин была радикальной брюнеткой. — Тебе идет.

— Да? Правда? Ты ведь не сильно есть хочешь? Ой, это ничего, что в комнате не прибрано? Понимаешь, мы вас ждали, но не думали, что вы явитесь прямо сегодня! И...

— Ничего. — Я великодушно махнула рукой, решив, что пыль можно и завтра протереть. — Есть я хочу не так сильно... сильно — это я мыться хочу...

Но тут Полин распахнула передо мной дверь, и я сусликом застыла на пороге.

Что-то в этой комнате было мне отдаленно знакомо — например, дверь. Или куча учебников в дальнем углу, едва просвечивающая через прозрачную кисею. Ну, еще портрет принца, теперь обзаведшийся новой рамой. Но роскошное ложе под балдахином?.. Но ковер, в котором нога утопала самое меньшее по щиколотку?.. Но огромная люстра эвксиерского хрусталя, позвякивающая подвесками?..

И вообще, насколько я помнила, наша комната была немного меньше — раза этак в четыре!

Главная причина увеличения площадей стояла у боковой стены. Это был гардероб розового дерева, размерами напоминавший среднего слона. Рядом притулился туалетный столик, заставленный флаконами и притираниями, дальше шла низенькая тахта с аккуратной горкой подушек и что-то бесформенное, заваленное кучей нераспакованных подарков. Присмотревшись, я опознала в бесформенном собственную кровать.

Полин, немного смутившись, быстренько перетащила подарки в угол. Я осторожно прошла мимо гардероба, столика, тахты и комода, мимоходом заглянула в трельяж, полюбовалась на огромное батальное полотно, висевшее как раз на том невыдергиваемом гвозде, и с удобством расположилась на кровати. Полин прилегла на ложе, приняв непринужденную позу, и выжидающе посмотрела на меня.

— У тебя шампуня не найдется? — спросила я.

Алхимичка тут же ойкнула, подскочила и поволокла меня в ванную. Я в общем-то была готова ко всему и потому даже не спросила, куда делась наша старая лохань и каким образом сюда втащили это розовое чудовище о четырех бронзовых лапах. Все сверкало новеньким кафелем, с полотенец улыбались купидоны, а стоило Полин повернуть крошечный золотой краник, как в ванну хлынул поток душистой пены.

— Вот, — скромно сказала алхимичка. — Я думаю, этот аромат тебе подойдет.

— Ага, — слабо сказала я.

Дальше по плану шел пеньюар с кружавчиками, но вместо него мне удалось отвоевать длинный халат, расшитый диковинными цветами. Как выяснилось, Полин было не жалко для меня как минимум пятнадцати разновидностей шампуня; я выбрала первый попавшийся, и не прогадала.

Восточные принцы хорошо действуют на лыкоморских барышень. Я ждала, что Полин не даст мне вымыться спокойно: женского любопытства еще никто не отменял. Но прошло пять минут, семь, потом — десять; вода остыла, подогрелась заново, пена сменила цвет, запах и размер пузырьков, а Полин терпеливо ожидала меня в ком... в покоях. В будуаре.

— Может, спинку потереть? — предложила заботливая элементаль.

Наконец я с сожалением вылезла из ванны и, облачившись в халат (он оказался коротковатым), проследовала в комнату. Там, возле низенького столика, в компании с удивительно знакомым кафийным автоматом, коротала время будущая принцесса земли Каф.

— Рассказывай! — потребовала она прежним полининским тоном, поднимая взгляд от крохотной фарфоровой чашечки.

— Дай поесть человеку! — строго произнесла элементаль.

Я с ногами забралась на постель. Следовало собраться с мыслями, чтобы вспомнить все наши приключения, — а времени у меня было ровно столько, сколько нужно, чтобы выпить чашечку кафию. Больше бы в меня все равно ничего не влезло.

Пока не влезло.

А там посмотрим.

— Ялька, ну скажи честно: он за тобой ухаживал? — Полин затаила дыхание, перестав намазывать масло на хрустящий малокалорийный хлебец.

Я многозначительно пожала плечами. Полин сощурилась.

— Ты это о ком?

— Какая разница, о ком? — искренне удивилась алхимичка. — Обо всех! Ну, скажем, этот... как его, Сигурд? Или, может, Рихтер? — Полин оживилась, и глаза ее заблестели. Будучи воспитанной барышней из хорошей семьи, она прекрасно понимала, что у порядочной девушки не может быть двух возлюбленных одновременно. Ну, во всяком случае, они не должны так явно пересекаться.

Я задумалась, подставляя чашечку под струю кафия. С одной стороны, скрывать было нечего, и я гордилась нашей дружбой, но рассказывать о ней кому бы то ни было, даже Полин...

И тут мне вспомнился пан Богуслав.

— Какой там Рихтер! — небрежно сказала я. — Вот, помню, в отцовском замке...

— Ты была среди кицунэ?! — ахнула Полин. Вот ведь память у человека! Я уже и сама давно забыла, что наплела ей при нашем знакомстве...

— Нет! — торопливо сказала я, прикидывая, как половчее вывернуться. — Тот, который кицунэ, — он мне не настоящий отец. А настоящий — даркуцкий князь, очень богатый и знатный. Я у него единственная дочка.

Полин недоверчиво прищурилась. В историю с кицунэ ей верилось гораздо больше, но я, заметим, в этот раз ничуть не соврала. Конечно, единственная! Больше-то дочек у него, надеюсь, нет...

Во всяком случае, мне о них ничего неизвестно.

Чтобы отвлечься от восточных фэйри, я начала рассказывать про пана Богуслава. Когда я дошла до момента присвоения мне должности Прекрасной Дамы с торжественным повязыванием ленточки, Полин ахнула и потребовала рассказать все еще раз, с начала и поподробнее. На словах: «Я отдам за тебя, моя панна, всю кровь по капле», — мною был замечен мгымбр Крендель, который скрупулезно записывал мой рассказ. Изгнать Кренделя не получилось, зато на шум в нашу комнату завернул грустный Хельги. Вампир молча предъявил шоколадку; в обмен ему выдали пуфик, обитый лиловым шелком, и велели сидеть тихо и не перебивать.

Дальше дверь почти не закрывалась. К нам заходили какие-то алхимички, среди которых мне померещилась Викки, на удивление тихая и в юбке; некроманты, из которых я знала только Валентина де Максвилля; среди некромантов затесались близнецы аунд Лиррен... Последним явился герцог Ривендейл. Шоколадки он не принес, зато принес роскошную белую розу на длинном стебле. Стебель был серьезный, не хуже дубины: похоже, роза была боевая.

Мне пришлось рассказывать все сначала, и не с пана Богуслава, а с похода в ковенскую тюрьму. Кое-что я все-таки опустила, но под конец мне начало нравиться, я говорила разными голосами за разных персонажей и сама мало верила, что все это случилось со мной на самом деле.

— Спать пора, — напрасно взывала к нашей совести элементаль. — Человек с дороги, понимать надо!

— Человек, ты спать хочешь? — спросили близнецы аунд Лиррен.

Я помотала головой, и веселье продолжилось.

5

Утром стало ясно, что элементаль, как всегда, была права.

— А я говори-ила... — неразборчиво неслось из косяка. — А я предупрежда-а-ла! Утром-то завсегда спать хочется! А легли-то когда? А? Что, думаете, ежели я в двери, так я и не слышу?

Я сидела на кровати, мрачно пила воду и пыталась кое-как продрать глаза. Получалось плохо: последние алхимички покинули нашу комнату в четвертом часу утра, а в восемь пришла коротенькая записка от Рихтера, очень некстати вспомнившего о своих профессиональных обязанностях. Из записки следовало, что студентке Ясице ровно к девяти часам надлежит быть в лаборатории ее декана. Присмотревшись повнимательнее, я поняла, что девятка нарисована поверх тщательно затертой восьмерки — значит, у Эгмонта сохранились некоторые остатки человеколюбия. Хотя, быть может, ему самому лень вставать так рано.

Каюсь, у меня скользнула мысль малодушно проигнорировать сей эпистолярный шедевр. Но элементаль прозрачно намекнула, что не стоит лишний раз дергать василиска за хвост — тем более в преддверии сессии. Я еще раз посмотрела на записку, оценила тон и лаконичность, вспомнила, от кого зависит, зачтут мне практику или нет... Похоже, мой друг Эгмонт остался на поле боя под стенами фамильного замка Леснивецких, а в Академию вернулся магистр Рихтер, которому совершенно все равно, хочу я спать или нет.

Я быстренько оделась и умылась, чуть не заблудившись в наших роскошных интерьерах. Автомат поплевался паром, но выдал мне чашку кафию. Правду говорят, что кафий усиливает умственную деятельность! Как раз на последнем глотке до меня дошло, что не только я что-то должна деканату. Деканат мне тоже задолжал — заметим, немаленькую сумму! Как ассистенту Рихтера на практике — раз; за вредные условия труда — два; за участие в военных действиях — три; за участие в заграничной экспедиции — четыре; за бесценные научные сведения, добытые с риском для жизни, — пять...

И я уже не говорю об оплате за моральный ущерб! Особенно если учесть вредность характера начальника экспедиции!

Нет, что вы, в мои планы вовсе не входило опустошить казну Академии до дна. Я вполне согласна взять положенное — заработанное непосильным трудом! — частями.

К лаборатории я подходила в прекрасном расположении духа. Утро светлое, солнечное, в Академии пахнет летом, то есть известкой и краской. Экзамены я сдам — первый раз, что ли? Денег, которые даст мне Рихтер, вполне хватит на приличное платье и даже, может быть, на туфли. Полин уложит мне волосы, а за это можно попросить Жоффруа поставить для нее лишний стул в ложе...

Дверь была приоткрыта, но для порядка я побарабанила пальцами по косяку, мимоходом погладив высунувшуюся элементаль. Довольная флуктуация помурлыкала мне в ладонь и спряталась обратно.

— Не стойте на пороге, студентка, денег не будет! — донеслось откуда-то из глубины лаборатории. Интонации были до боли знакомыми.

— И вам доброго утра, магистр Рихтер, — вздохнула я, заходя. — Что это вы говорили о деньгах? Я, кстати, тоже хотела поговорить об этом самом...

За время отсутствия хозяина лаборатория почти не изменилась. Кажется, она стала просторнее; с другой стороны, в ней определенно прибавилось книг. Всюду возвышались неустойчивые стопки специальной литературы. Я наклонилась, прочла темные буквы на корешке: «Трансгастральная холецистолитостомия в условиях ранее наложенного холедоходуоденоанастомоза», — и заподозрила, что магистры просто сволокли в пустующую лабораторию все, что могло помешать ремонту. Эгмонт, конечно, многоплановая личность и полифункциональный специалист, но не до такой же степени!

Стопка, в основании которой лежала «Трансгастральная холецистолитостомия», опасно покачнулась и неожиданно завалилась на меня. Я едва успела подхватить ее, для надежности прижав верхнюю книгу подбородком. Возможно, это был знак судьбы, но я не планировала заниматься ни холецистостомиями, ни холедоходуоденоанастомозами. Для счастья мне вполне хватало василисков, виверн и магистра Назона. Я огляделась, прикидывая, куда бы пристроить эти сокровища мысли.

Чуть дальше на полу виднелся свободный прямоугольник, не занятый никакими книгами. Там, кстати, даже ковра не было —

значит, можно оттащить всю стопку разом, а не возиться с отдельными книжками. Привычно придерживая научную литературу, я начала отодвигать ее вбок, но тут меня неожиданно схватили за плечо. Я дернулась от неожиданности и рассыпала все книги.

— С ума сошла? — рявкнул Рихтер. — Не видишь, что будет? Глаз у тебя, что ли, нет?

— Мрыс эт веллер! — ответила я. Но с деканом в таком тоне не разговаривают, поэтому я добавила, тише и, по возможности, спокойнее: — Откуда мне знать, магистр? Это же ваша лаборатория!

— Извини, — сказал Эгмонт, тоже тоном ниже. — Я думал, ты поймешь. Давай их сюда...

Он забрал у меня книги. А я внимательно посмотрела туда, куда собиралась их передвинуть. Ну и ничего особенного, незачем было так... орать: неровный пол, заново выкрашенный в желтый цвет, тут пятно, там вмятина. И...

— У окна есть кресло, студентка Ясица, — напомнил о себе Эгмонт. — Сядьте туда и постарайтесь не сбить по дороге все остальные книги. Некоторые из них обладают дурным характером.

Мне очень хотелось повторить вчерашнюю фразу про то, что мой характер все равно хуже, но магистр Рихтер — это совсем не то же самое, что Жоффруа Ле Флок. Поэтому я молча прошмыгнула между стопками зубодробительной литературы и села на шаткую конструкцию из четырех ножек и продавленного сиденья. Назвать это креслом мог только очень вежливый человек.

— Итак, адептка, — сам Эгмонт благоразумно предпочел стоять, — как ваш декан я обязан позаботиться о выполнении вами учебного плана. Здесь, — он продемонстрировал мне увесистый свиток, — перечислено все, что вам надлежит выполнить *до* сдачи сессии, *во время* сдачи сессии и *непосредственно после* сдачи сессии.

Я потянулась за свитком, но маг сделал вид, что не заметил этого, и продолжал:

— Еще раз заостряю ваше внимание: все перечисленное здесь надлежит выполнить до начала следующего семестра. Только в этом случае ваша летняя практика будет считаться зачтенной, а сессия — успешно закрытой. С вытекающими отсюда последствиями.

Я кротко сложила ладошки на коленках и нежно улыбнулась магистру, глядя на него снизу вверх.

— Последствия — это вы очень кстати! Я как раз хотела поговорить о... денежном эквиваленте последствий. Помните наш разговор в конце прошлого года?

Эгмонт насторожился.

— Должность ассистента, — напомнила я. — Заработная плата. Кстати, мне еще стипендию за три месяца не заплатили! Как мой декан вы должны помнить, что голодный студент — это плохо обучающийся студент...

— Насчет стипендии разбирайтесь сами. Обратитесь к завхозу, напишите заявление... я полагал вас достаточно взрослой, чтобы решать подобные вопросы без моего непосредственного вмешательства!

— Согласна, — не отступала я. — А насчет зарплаты — это тоже к завхозу?

Рихтер чуть слышно скрипнул зубами.

— Как всегда, деньги по этой статье придут не раньше середины осени.

— Магистр, а жить я на что буду?!

— Обратитесь к близнецам аунд Лиррен, — посоветовал Эгмонт. — Ближайшие друзья принца Саида наверняка не откажут своей подруге в такой мелочи. К тому же, по моим агентурным данным, вам еще не отдали все выигранные обеды.

«А платье?! — мрачно подумала я. — А туфли? А прическа? Хотя, с другой стороны, Жоффруа еще не видел меня в том платье зеленого шелку...»

— Ознакомьтесь с расписанием, — быстро сказал Эгмонт и сунул мне пресловутый свиток. — Особо обратите внимание на то, что записано на оборотной стороне.

Я взвесила свиток на руке и поняла, что в ближайшие три недели опера мне не светит. Хотя... это как посмотреть. Будем живы, не помрем.

— Я вас более не задерживаю, — сухо сказал Эгмонт и посторонился, давая мне пройти. Стопка книг шустро выскочила у него из-под ног.

Уже у двери меня догнало:

— Да, я запамятовал!.. Вас хочет видеть магистр Ламмерлэйк. Она крайне огорчена результатами ваших алхимических изысканий. Вы найдете ее в теплицах.

«Яблочко от вишенки!» — злобно подумала я и закрыла дверь.

Благодаря совместным усилиям магистров, день пролетел незаметно. Я, как савраска, бегала по всей Академии, отыскивая то Белую Даму, то нервного Марцелла, то печальную и неразговорчивую госпожу ле Бреттен (последняя держалась за виски и жадно пила холодную воду). Уже в сумерках я завернула в библиотеку; магистр Зирак просмотрел огромный список литературы, присвистнул, вручил его гноменку, вытянувшемуся за лето, и увел меня в отдельный кабинет — пить чай с молоком и смородиновым листом. К чаю полагалась яблочная шарлотка.

Я рассказала нашу историю в очередной, семьдесят девятый раз, напилась чаю и преисполнилась к магистру Зираку самой искренней любовью. В отличие от коллег он не имел ко мне никаких претензий: без разговоров подмахнул бегунок, поставил штампик в читательском билете, подписал характеристику и предложил забрать остатки шарлотки с собой.

Полин еще не было. Я ехидно подумала, что кое-кто гуляет кое с кем под луной, и отправилась в ванную, где долго нежилась в пене. У принца Саида было много достоинств, и первым номером значилась щедрость к прекрасной пери.

Свиток отправился под кровать, а я — под одеяло. И в последний раз за это лето мне приснился странный сон.

Во сне я шла по Академии — пустыми гулкими коридорами, в которых шевелилась темнота. Все вокруг было окрашено в оттенки коричневого, будто на старых гравюрах. Я шла мимо закрытых дверей, мимо опустевших аудиторий и знала, что, кроме меня, во всей Академии нет ни единой живой души.

Впереди я увидела приоткрытую дверь и подошла ближе. Это была лаборатория Рихтера. Сквозь узкую щель был виден краешек стола, уставленного книгами, приборами и какими-то странными инструментами.

Дверь дрогнула и беззвучно распахнулась. Не знаю, было ли это приглашением, но мне очень хотелось войти. Внутри все оставалось таким же, как в ту осеннюю ночь: столы, никаких «Холецистолитостомий» и прочих «Анастомозов». Посреди комнаты стояло нечто, завешенное черной тканью.

Что это? Я изо всех сил пыталась вспомнить, понимая, что от этого знания зависит все мое будущее. Перешагнуть порог, сдернуть черную тряпку... но я все же стояла на месте, до боли вцепившись в косяк. Стой, Ялька, стой, где стоишь. Иначе...

Раздался легчайший шелест, и черная ткань начала сползать под собственным весом. Это был шелк — эльфийский шелк, непроницаемый для любых видов чар. Ткань сползала, черной лужицей стекала на пол. Мгновение — и я увидела зеркало в причудливой раме. Поверхность его была черной; там отражался косогор, усыпанный ромашками. Удивительно знакомые места.

Среди тишины, неподвижности и коричневых тонов это зеркало казалось живым черным пятном. Оно как будто было неподвижно, но мне казалось, что стекло дрожит от усилий, пытаясь освободиться из рамы. Так, как оно избавилось от шелка. Так, как оно вышло из медальона. Так...

Этого не будет!

Я опять испытала то странное, дикое и прекрасное чувство — огонь рванулся ввысь, я вся превратилась в сгусток пламени. Черная поверхность отразила языки огня. Раздался треск, и зеркало *потекло*, капля за каплей впитываясь в эльфийский шелк. Вскоре от него осталась одна пустая рама.

И несколько пятен на неровном полу.

6

Но некогда было думать о странностях и снах. У меня были дела поважнее: во-первых, сессия, во-вторых, свадьба. Впрочем, обо всем по порядку.

Наутро я еще раз просмотрела свиток и поняла, что реальность страшнее самого кошмарного сна. Выполнить все, чего хотел от меня Эгмонт, можно было при одном условии: я не буду ни есть, ни спать, а только учиться и сдавать, учиться и сдавать, как завещал лыкоморской молодежи покойный государь.

— А другая-то сторона, слышь, хозяйка!.. — напомнила элементаль.

Я перевернула пергамент, вчиталась в мелкие буковки и окончательно убедилась, что этим летом мне не светят ни опера, ни балет.

Сессию бы пережить, что ли!..

Вздохнув, я подошла к стопке учебников и сдернула с них кисею. За время моего отсутствия книги покрылись пылью; из-за толстого тома «Рубедо — техника безопасности» торопливо выбе-

жал маленький паучок. Я опустилась на колени и принялась перебирать книги, сортируя их на несколько кучек. Это сдать, это повторить, это вернуть хозяину... а это что?

Из старой пожелтевшей «Истории тайных орденов» торчал какой-то листок пергамента, покрытый неразборчивыми каракулями. Я вытащила его наружу и мигом идентифицировала каракули как свой почерк, а листок — как список должников, обязанных накормить меня обедом. Возле некоторых имен стояли крестики, но больше половины еще не вернули мне долг чести.

Жизнь сделалась немного приятнее. По свежеобретенной привычке я перевернула листок и увидела на обратной стороне крупную запись красными чернилами. «Три желания с близнецов!» — напоминала она.

Я поймала себя на коварной улыбке. Ага!

Сколько можно сидеть на шее у Полин? Помнится, уговор звучал как «один обед каждый день в течение года». А если народу в списке гораздо меньше, чем дней в году, значит, скоро я пойду по второму кругу. Так или иначе, но до середины зимы мне можно не задумываться о питании, а просто отлавливать тех, кто попадется.

Но пока лучше двигаться по списку. Я постучала ногтем по имени «Хальдред из Хьорна». Интересно знать, на каком факультете учится Хальдред. Помнится, на некромантическом. Это было бы неплохо, потому что Шэнди Дэнн собирает своих студентов задолго до начала семестра...

— Яльга, оставь ты книжки! — подала голос Полин. — Пойдем попьем горячего шоколаду! Мне с тобой поговорить надо! Ой...

Я подхватила падающую вазочку с печеньем и ногой отодвинула кучки учебников подальше к стене.

В понятие «попить горячего шоколаду» Полин вкладывала несколько иное содержание, нежели все остальные. Туда входило несколько видов булочек, масло, мармелад, странный белый сыр, который можно было намазывать ножом, гренки ну и, разумеется, этот самый шоколад. Элементаль витала рядом, то и дело выхватывая из особенно поджаристой гренки ее астральную сущность. Полин утверждала, что от этого гренки становятся еще более диетическими.

— Кстати, давно хотела тебе сказать. — Алхимичка глянула на меня поверх кружки, на которой резвилось с десяток пушистых котят. — Ты будешь моей свидетельницей. Саид уже согласен, так что можешь не волноваться.

— Мне надеть нечего, — быстро сказала я, проглотив фразу, что это Саиду лучше начать волноваться.

— Ничего, найдешь, — беззаботно махнула ручкой Полин. Сверкнули бриллианты и бриллиантики.

— У меня сессия!

— У меня тоже, — парировала алхимичка. — И вообще, Яльга, нельзя быть такой эгоисткой! Тебе пора начинать думать в государственном масштабе!

— Мне-то зачем? Это же не я выхожу замуж за принца!

Полин решила зайти с другой стороны. Она отставила чашку, встала, обняла меня за плечи и сообщила доверительным голоском:

— Не грусти, Яля, мы и тебе кого-нибудь подыщем! Я сегодня же попрошу Саида, чтобы он познакомил тебя с каким-нибудь своим другом! Ты знаешь, у них там такие теплые отношения... Так что будем дружить семьями!

— Не надо друга! — выпалила я и запнулась, поняв, что рассказывать Полин про Жоффруа Ле Флока мне почему-то очень не хочется. — Меня Сигурд тогда убьет! У них знаешь как все серьезно? А он меня уже с семьей познакомил!

— Правда? — Полин посмотрела на меня с подозрением. — А почему он тогда тебе ничего не подарил?

— Как это не подарил? — тут же нашлась я. — А боевой верблюд?! Видела, какой пушистый? А ресницы какие? Да это принц среди верблюдов!

— Так он же вроде рихтеровский...

— Это мы так просто сказали, чтобы завхоз место под верблюжатню выделил. А то ты же знаешь правила: домашнее животное нужно держать в комнате...

Полин поежилась, но так легко сдаваться не собиралась. Похоже, идея дружить домами захватила ее всерьез. Хорошо хоть домами, а не гаремами!

— И все равно! Зачем он тебе такой скупой? Еще не муж, а уже на тебе экономит! Додумался, что дарить девушке! Он бы тебе еще боевой амулет подарил! Кстати, где те сережки, которые от

Рихтера? Тебе они очень идут, я хочу, чтобы ты надела их на мою свадьбу...

«Проще согласиться», — поняла я. Мне определенно уготована какая-то роль, и лучше быть подружкой невесты, чем невестой друга.

— Значит, так! — Полин вернулась на свое место и долила себе шоколаду. — Что тебе надеть на свадьбу — это моя забота. Нет, это дело государственной важности, и мы не можем пустить его на самотек! А теперь слушай, в чем заключаются твои обязанности...

— Подожди, — печально сказала я, щелчком подзывая сумку. — Я буду конспектировать.

7

Обязанностей было много, но все они были приятные. Труднее всего оказалось втиснуть их в мое расписание — большая часть времени уходила на бдения в библиотеке и лихорадочную сдачу зачетов. Экзамены приближались, курсовая росла, как на дрожжах, и конца-края всему этому было не видать. Магистры хором похвалили меня за ценные наблюдения во время странствий (Шэнди Дэнн особо отметила склонность к ведению дневника), но автоматов мне почему-то никто не предложил. Я даже догадывалась, кого должна за это благодарить. Вся Академия, весь Межинград знал, что приближается событие государственной важности! Одному Рихтеру было начхать на все, что выходило за рамки учебного процесса.

А мне еще нужно было подумать о подарке!..

Полин прозрачно намекнула, что хочет получить что-нибудь необыкновенное. «Ну, в твоем стиле!» — безмятежно заявила она, и я провела остаток вечера, пытаясь сообразить, в чем состоит этот неведомый мне стиль. Замуж выходят один раз в жизни (по крайней мере, Полин рассчитывала, что будет именно так), поэтому тортиком с розочками здесь не отделаешься. Но что можно подарить невесте кафского принца, чтобы и ее порадовать, и его не обидеть, и дипломатических отношений не испортить?!

Последнее меня особенно беспокоило. Не стоило подрывать дружбу с основным поставщиком отменного кафия.

За этими мрачными мыслями я сама не заметила, как сдала первый экзамен, — это была некромантия, и если бы не свадьба, мрыса с два я отделалась бы так легко. Погруженная в тягостные размышления, я рассеянно написала ответ на три вопроса, выполнила практическое задание и пришла в себя, только увидев в зачетке аккуратное «отлично». Справедливости ради надо сказать, что билет мне достался простой, а от изумления я отходила весь последующий вечер. Кажется, для Белой Дамы мои успехи тоже были приятной неожиданностью.

Лечебную магию мы сдавали зачетом, и это было хорошо. Рихтер сдал меня с потрохами, и на консультации Шэнди Дэнн долго и язвительно расспрашивала меня о том, как лечится пищевое отравление. Под конец я готова была спрятаться от нее под партой. Что-то нехорошее подсказывало, что на экзамене я не получила бы больше тройки, но недифференцированный зачет милосерднее к нерадивым адептам. Я сдала тест, получила свое «зачт.» и отправилась готовиться к экзамену по алхимии.

Вот он обещал быть весьма интересным. В первом семестре алхимия давалась мне легко, и во втором я позволила себе расслабиться — зачем учить формулы, если можно их вывести? Понемногу этот тезис приобретал другие формы. Сперва это было: «А зачем мне готовиться заранее, если все то же самое можно сделать утром перед парой?» К концу весны он окончательно оформился и стал выглядеть так: «А какого лешего вообще что-то делать, если конспекты можно глянуть у Полин, теорию прочесть в учебнике одним глазом, а все остальное умная талантливая Ялька выведет прямо здесь и сейчас?»

И вот теперь настал час расплаты.

Вечером накануне экзамена я решила немного расслабиться и забралась на кровать с книжкой «Золотой Лев». Это была иллюстрированная история алхимии, начинавшаяся с тех самых времен, когда эту почтенную науку вовсю скрещивали с философией, а от банального магистериума требовали не только превращать свинец в золото, но еще и давать ответы на все вопросы бытия. Книжку мне порекомендовал магистр Зирак, и он, как всегда, оказался прав — я прочла ее на одном дыхании и легла спать, только перевернув последнюю страницу. Однако наутро вместо формул в голове прыгали одни символы. История науки — это, конечно, прекрасно, но Эльвира — это вам не волхв Легкомысл. Я прекрасно понимала, что вряд ли выеду на Красном Владыке, Королев-

ской Свадьбе и Прочих Прекрасных Вещах, Которые Пишутся Исключительно С Большой Буквы. Обычно дело обстояло как раз наоборот: я знала предмет с практической точки зрения, могла порассуждать о теории, но впадала в панику от вопроса: «А скажите-ка, студентка, кто из основоположников нашей науки, монстров и зубров магической мысли изображен на этой прекрасной гравюре?»

Сейчас я сама могла нарисовать парочку гравюр, пусть и не таких качественных. Меня клонило в сон, от развешанных по стенам таблиц веяло неизъяснимым ужасом, и, увидев разложенные на столе билеты, я отчетливо поняла, что сейчас завалю экзамен и отправлюсь паковать вещи. «Папа, папа, здравствуй, папа! Я к вам насовсем!»

— Тяните билет, адептка Ясица, — вздохнула госпожа Ламмерлэйк. Похоже, у нее уже не осталось иллюзий касательно моих талантов.

Я обреченно посмотрела на нее и ткнула пальцем в ближайший листок.

— История алхимии, — глядя мне в глаза, сказала магичка. — Ранние алхимические школы. Философская подоплека, символика и инструментарий.

— Фу-ух, — облегченно вздохнули на заднем плане.

Кажется, это был Келлайн, который, как все нормальные адепты, боялся истории предмета пуще самого предмета. Это был первый билет, состоявший из одного-единственного вопроса, но весь курс был готов отвечать на три вопроса плюс практика — лишь бы избежать разговора о зеленом драконе, трансмутации духа и Философском Яйце.

Я недоверчиво схватила листок и всмотрелась в расплывчатый шрифт. Что?! Да не может быть!

Госпожа Ламмерлэйк наблюдала за мной с очень странным выражением лица.

— Адептка Ясица, — наконец произнесла она. — Вы знаете, что я никогда этого не делаю, но... У каждого есть предел возможностей. Если желаете, можете взять любой другой билет.

— Нет! — воскликнула я, пылко прижимая драгоценный листок к груди. — Ни за что на свете!

Алхимичка изящно приподняла брови.

— О? — только и сказала она.

— Ага, — неизящно подтвердила я, чувствуя, что расплываюсь в счастливой улыбке. Меня прямо-таки распирали полученные накануне знания.

Я прихватила пять или шесть дополнительных листов пергамента и села за переднюю парту. Гравюры, говорите. Символы, говорите.

Нет, шести листов определенно будет недостаточно...

Оставался только один экзамен, и то профильный. И у меня был заготовлен коварный план.

В прошлом семестре, готовясь к очередной практике по истории, я вычитала в анналах Академии, что у адепта, претендующего на высший балл, есть одна особая привилегия. Он может потребовать у преподавателя право ответить на все экзаменационные вопросы — и преподаватель не может ему в этом отказать. Как там говорила Лерикас? «Я в своем праве»? Держитесь, магистр Рихтер; вы хотели, чтобы ваша студентка занималась делом, вот она им и занялась!

Ничто так не радует человека, как мелкая пакость, сделанная ближнему. Утром в день экзамена я проснулась с прекраснейшим настроением. В зачетке красуются две пятерки, стипендия, заметим, повышенная, практически в кармане, меня ждет самый настоящий триумф, а магистра Рихтера — воистину тяжелый день. Я заранее предвкушала, как расскажу любимому преподавателю содержание трехсот пятидесяти восьми книжек из списка дополнительной литературы и непременно упомяну о том замечательном свитке, в котором жило привидение с мерзким характером...

Мы зашли в аудиторию дружной сплоченной толпой. Основная масса адептов не разделяла моего оптимизма, но Рихтер был всего один, а нас — гораздо больше. Кургорм комкал в кармане справочник по шпаргалкам — самих шпаргалок было около семидесяти, и они были рассредоточены по всему Кургорму самым хитрым образом. Из-за этого эльф передвигался очень плавно и величаво, как и подобает представителю такого древнего рода. Генри Ривендейл предложил мне фляжку с клюквенным морсом; я поблагодарила и отпила пару глотков, предвкушая длительное выступление.

— Если хочешь, Яльга, возьми ее совсем, — неожиданно предложил вампир.

— Ты всем фляжки даришь или это Яльга такая замечательная? — незамедлительно влез Хельги.

— У тебя шансов все равно нет, — ответила я, рассеянно поглядывая на дверь. Ну где носит этого мрыса... то есть... внимательного слушателя? А морсик очень кстати, триста пятьдесят восемь книжек рассказать — у кого хочешь горло пересохнет. Молодец, Генри, сразу видно — настоящий товарищ! Не то что некоторые...

— Видишь ли, Ульгрем, — с великолепной надменностью ответствовал Генри, — если я начну дарить подарки юношам, это может дурно сказаться на моей репутации.

Хельги уже готов был приступить к практическому применению основ боевой магии, но в аудиторию быстро вошел магистр Рихтер. Остановившись на пороге, он оглядел нас всех, неожиданно ласково улыбнулся — все насторожились — и прошел к столу.

— Можете сесть, господа адепты, — разрешил он.

Вообще-то стоял один Хельги Ульгрем, который поспешил выполнить указания руководства.

Эгмонт тем временем разложил билеты, приготовил экзаменационный журнал и вытащил из ящика стола какой-то листок.

— Адепты Ривендейл, аунд Финдэ, аунд Дарру и...

— Который аунд Дарру? — раздалось два похожих голоса.

— Адепт Куругорм аунд Дарру, — ответил Рихтер, не отрывая взгляда от листка. Куругорм побледнел еще больше. — Да! И адептка Ясица. Ваши зачетки.

Я насторожилась. Что этот мрыс задумал?

— Давай зачетку, — шепнул Генри, — я отнесу.

Я кивнула, предчувствуя неладное.

Рихтер вышел вместе с зачетками, оставив нас в недоумении. Келефин на цыпочках прокрался к его столу, перевернул крайний слева билет и разочарованно сказал:

— Пустой...

— А ты как хотел? — рыкнул Хельги. — Чтоб Рихтер тебе билеты без присмотра оставил?

— Ха! — отчетливо произнес билет.

Младший аунд Дарру сравнялся в бледности со старшим.

Едва он успел шмыгнуть на свое место, как Рихтер вернулся в аудиторию. Он прошел за кафедру, уселся и красноречиво постучал зачетками по столу. Повинуясь этому эмпо-призыву, мы четверо на неверных ногах подошли к магистру. Рихтер не глядя раздал нам зачетки, но тут случилось страшное. У Куругорма что-то

переклинило, громко щелкнуло, и из обоих рукавов прямо на преподавательский стол потоком хлынули шпаргалки.

Эльф покраснел, позеленел и принял уже привычный бледно-желтый вид.

Рихтер поднял одну, развернул и вчитался.

— Однако, — уважительно произнес он. — Вы проделали титаническую работу, студент аунд Дарру. Было бы жестоко лишить вас возможности высказаться. Верните зачетку.

Кургорм, ничего не понимая, покорно протянул зачетку декану.

— А вас троих я не задерживаю. Можете быть свободны.

И тут я обрела дар речи.

— Что... Как это свободны? А экзамен?!

— Так у вас же автомат, студентка! — радостно сообщил мне любимый наставник. — Равно как и у адептов Ривендейла и аунд Финдэ.

Кургорм, только сейчас понявший, чего лишился, горестно взвыл на всю аудиторию.

— Тягу к знаниям следует поощрять, — наставительно высказался Эгмонт, окинув нас прямо-таки отеческим взглядом.

Я была готова взвыть горше Кургорма. Ну почему я не догадалась прихватить хотя бы одну шпаргалку?! Такой план пропадает!

— Идем отсюда, Ильга. — Ривендейл потянул меня за рукав. — Не стоит портить Рихтеру настроение. Людям ему еще экзамен сдавать.

— Верное наблюдение, — с удовольствием подтвердил Эгмонт.

Кургорм, одновременно лишившийся и автомата, и стратегического запаса шпаргалок, проводил нас скорбным взглядом.

8

— Так мы, получается, что — все сдали?! — первым сообразил Келлайн. — Йо-хоу! Мы свободны! Все лето наше!

— Какое лето? — возмутилась я. — Зарев на дворе, и тот кончается!

— Все равно! — отмахнулся эльф. Он был счастлив. — Ладно, ребята, я побежал! Дела, дела!..

И он в самом деле умчался по лестнице вниз, перепрыгивая через две ступеньки. Дела, как же. Я с такими делами в одной комнате живу и алхимию у них списываю.

Ривендейл повернулся ко мне. Он ощутимо нервничал.

— Вот фляжка, — быстро сказала я. — Еще раз спасибо! Жаль, не пригодилась...

Генри непонимающе уставился на фляжку, потом улыбнулся.

— Оставь, забирать подарки назад — дурная примета.

— Ну, если примета... — Я с чистой совестью убрала фляжку обратно. Надо бы узнать, где Генри заправляется таким прекрасным морсом.

— Яльга, слушай... — Он быстро облизнул губы. — Это ведь такая удача — сдать сессию на одни пятерки, да еще автомат у Рихтера...

— Удача, — осторожно согласилась я, не понимая, к чему он клонит. Вампиры, конечно, крови не пьют, но кто его знает.

— Такую удачу нельзя не отметить! — решительно заявил Ривендейл. — Пошли посидим где-нибудь. Я, кстати, один кабачок знаю — очень приличное место, мне Валентин подсказал...

В прошлом семестре я наверняка бы отказалась — в местах, которые герцог Ривендейл полагает приличными, нечего делать рыжим оборванкам. Но после наших летних приключений, а особенно — после корсета с кружавчиками, я была готова к любым испытаниям. Даже к консоме. К тому же Ривендейл — не Аннелизе, у него, если что, всегда можно спросить совета.

— А пошли! — легко сказала я.

И вдруг меня осенило.

— Стой, где стоишь! — сдавленным шепотом приказала я.

Вампир замер. Его рука легла на рукоять фамильной шпаги.

— Что такое? — напряженно спросил он.

— Отвечай быстро и не задумываясь... — Я набрала побольше воздуха и скороговоркой выпалила: — Генри, ты петь умеешь?

ГЛАВА ВТОРАЯ,
в которой звучат свадебные марши, завязываются новые отношения и рушится старая дружба, а невест оказывается больше, чем ожидалось

1

Существует множество мнений насчет того, что именно является лучшим подарком. Некоторые утверждают, что это книга. Другие, вроде принца Саида, делают ставку на бриллианты, брил-

лианты и еще раз бриллианты, а в промежутке, чтобы нескучно было, обращаются к золоту и белкоблевым манто. В конце концов, существует классическая формулировка: «Лучший твой подарочек — это я!» По слухам, автором этого афоризма был некий вампирский граф, забывший поздравить жену с годовщиной свадьбы. Жаль, история не сохранила ответа графини — вампирши, особенно благородные, отличаются редкой кротостью и незлобивостью.

Мы с Генри Ривендейлом решили подарить Полин песню.

Конечно, это было не так уж оригинально: едва ли алхимичка забыла бессмертное «ай нанэ!». Но, во-первых, она сама просила что-нибудь в моем духе. Откуда я знаю, что она считает «в моем духе»? А во-вторых, я смело полагала, что великолепный герцог Ривендейл, поющий о любви, станет лучшим подарком для любой невесты. Другое дело, что к невесте прилагается жених, и жених ревнивый...

Складывалась забавная ситуация, напоминавшая старинную задачу про волка, козу и капусту. Если выпустить Генри на сцену в одиночку, то можно уже начинать продумывать, чем именно оглушить разъяренного Саида и как потом заново налаживать поставки кафия в Лыкоморье. Если мы с Генри споем хором, то ревновать, скорее всего, станет Полин. И вряд ли у меня получится доказать, что я вовсе не набиваюсь в младшие любимые жены.

На первый взгляд, задачка решалась очень просто. Нам нужен был дуэт, причем такой, где исполнители признаются в любви друг другу, а не вымышленному собеседнику. Желательно, чтобы он оказался не очень сложным (сразу отметались все эльфийские арии, ариозо и ариетты), не очень длинным (увы, пришлось отказаться от гномских баллад) и чтобы в финале все были счастливы (пункт самый трудный и практически невыполнимый). Мы перерыли груду книжек, свитков и глиняных дощечек, но нужная песня никак не находилась. А день свадьбы между тем становился все ближе и ближе.

Я уже начинала подумывать, не написать ли клятый текст самой (до Лариссы-Чайки мне далеко, но в лирических песнях главное — это завывать погромче). Саида однозначно ждал культурный шок. Ситуацию спас Генри, отыскавший в каком-то манускрипте текст древней вампирской народной песенки.

— М-да, — сказала я, ознакомившись с текстом. — Ну неплохо вроде бы. Очень даже неплохо. Опять же о цветах говорится. Можно будет в подходящий момент вытащить из шляпы букет и преподнести невесте...

— Кто будет преподносить? — заинтересовался Генри.

— Ты, конечно. — Я пожала плечами. — А я рядом постою, чтобы наш принц тебя не... того.

Вампир задумался. Он явно представил, как вручает букет Полин, по ходу дела отбиваясь шпагой от охраны принца.

— Может, все-таки ту альбу споем? — с тоской предложил он. — Помнишь: «Беседуя, лежал в объятьях милой рыцарь...»

— Не надо лежачих объятий, — решительно сказала я. — На сцене наверняка будет грязно. Вдобавок там еще есть голос рассказчика, а где мы найдем третьего солиста? Разве что Хельги взять...

Генри презрительно фыркнул.

— Так уж и быть. Оставим альбу в покое.

Я забралась на подоконник с ногами и еще раз перечитала текст. Да. Сразу было видно, что песню создал братский вампирский народ. Лирический герой пылко объяснялся своей девушке в любви, убеждая, что она достойна всего на свете, и еще немножко. При этом он дарил ей облака, острова и звезды, то есть вещи прекрасные, романтические и абсолютно бесплатные. Самой большой его тратой, которой и была посвящена песня, стал букет из белых роз — количество цветков благоразумно не уточнялось. Неизбалованная девушка была так поражена, что восторгалась несчастным букетом буквально через слово.

Над словами были подписаны странные хвостатые значки.

— Это ноты, — с готовностью пояснил Генри. — Понимаешь...

Я честно помотала головой.

Последующие пятнадцать минут вампир честно пытался мне объяснить сущность нотной системы. Кое-что я поняла, но главное оставалось тайной: каким образом можно запомнить, какой закорючке соответствует тот или иной звук?! Моя тренированная память, из которой еще не вылетели сорок пять билетов по боевой магии, напрочь отказалась воспринимать все, что не связано с учебой, наукой или Рихтером лично.

— Ладно, — сдался наконец герцог. — Я тебе лучше так... напою.

Действительно, так оказалось гораздо лучше. По крайней мере, понятнее.

Когда мы худо-бедно домурлыкали текст и оторвались от листочка, на нас в молчании смотрели все флуктуации Академии.

2

Время шло. День свадьбы приближался с пугающей скоростью. Каждое утро Полин, ахая, зачеркивала квадратик на самодельном календаре; каждый вечер она, с ногами забравшись на кровать, фантазировала о своем счастливом будущем. Нет — об *их* счастливом будущем! Я узнала о принце Саиде столько мелких подробностей, что могла бы уже начать рисовать биографические лубки. Я знала, что он любит есть на обед, каких кобылиц предпочитает, с каким именно племенем враждовали его предки и сколько когтей у геральдического льва на его стяге.

Каждый день мы с Генри репетировали наше выступление.

Вампир все лучше входил в роль. Его пение приобретало невероятную страстность и пылкость; когда в финале он опускался на одно колено, протягивая воображаемой Полин воображаемый букет, пронимало даже меня. Ну если Полин и это не понравится!..

Дня за три до премьеры я решила устроить себе выходной и прогуляться по Межинграду. Погода стояла отличная. Я купила пирожок с земляничным повидлом, побродила по историческому музею и тайком от служительниц потрогала пальцем знаменитые доспехи князя Мечеслава Лыко-в-Строку. Дальше в программе значились мост, балаганчик и букинистический магазин.

Едва я успела выйти из музея, как послышался зычный вопль:

— Ольга!

Я чуть не споткнулась на ровном месте.

— Где ж это тебя носит, хотел бы я знать! — Удивительно знакомый гном стоял у меня на пути, уперев руки в боки. — Ищу ее, ищу, с ног сбился, нигде нетути! В эту, как ее... експидицию, говорят, отбыла. В дальние, говорят, страны уехала. А мне как быть, спрашивается? — Гном воздел руки к небесам.

Я присмотрелась. По всему выходило, что это мой прежний работодатель, который прошлой зимой рассчитал меня за отсутствие сертификата. Сейчас-то ему чего от меня надо?

— И долго ты еще стоять столбом собираешься? — осведомился гном. — Или денег тебе уже не надобно?

Неверно расценив мое молчание, он сменил тон на более ласковый и предложил:

— Я, ежели что, добавлю, ты не сомневайся! Такой... специалистке да не добавить! Разве ж можно? Ну что, по рукам?

— Подожди, — осторожно сказала я. — Ты что, меня обратно зовешь? Так у меня ж чер... сертификата нет! Сам же говорил, что без него никак...

Гном сморщился и махнул рукой.

— Э-э, когда это было! Таперича, ежели не на полный рабочий день, то и без энтой бумажки можно. Главное, чтоб жетон был, да справка, что долгов у тебя нету, что учишься исправно... А мы и не будем на полный день! На полный у меня есть кому работать, мне на немного надобно. Так ты как, согласна?

Я задумалась. Заработать лишним не будет, это факт, вопрос только в наличии свободного времени. Я припомнила свиток с заданиями и поежилась. Вряд ли Рихтер резко подобреет в следующем семестре. С другой стороны, может у меня быть хоть какая-то жизнь, кроме учебы?

— Ну... по субботам можно, — осторожно сказала я. — Субботы у меня пока свободны. Пойдет?

— Пойдет! — просиял работодатель.

3

Я должна была приступить к работе с началом учебного года — даже гном не смел посягать на законные студенческие каникулы. А деньги между тем таяли на глазах. Впрочем, время уходило еще быстрее. Вот уже Полин в предпоследний раз съездила на примерку свадебного платья, вот уже ей доставили наряд для официальной кафской церемонии, вот юркий эльфенок из лучшей обувной лавки принес коробку с атласными башмачками, расшитыми розовым жемчугом... От мелькания нарядов рябило в глазах, и однажды утром я не выдержала. Где там были мои новенькие, даже не штопанные еще, штаны?..

Полин листала журнал и с интересом смотрела на меня поверх страниц. Я с некоторым трудом влезла в штаны — они были эльфийские, со шнуровкой по боковому шву, и сидели плотно, будто

вторая кожа. Сверху я надела широкую рубашку, завязала волосы лентой и смело сочла, что выгляжу достаточно экзотично.

— Неплохо, — кратко оценила Полин. — Интересненько так. Чувствуется народный лыкоморский колорит.

Я с сомнением покосилась на соседку. Как-то иначе представлялся мне народный лыкоморский колорит.

— А обуть ты что собираешься?

Я красноречиво показала на свои единственные туфли. Они прилагались к платью, подаренному Рихтером на Новый год, и устраивали меня всем, кроме высоты каблуков. Но других все едино не было, так что я, не заморачиваясь, села на обитый лиловым бархатом пуфик и принялась возиться с застежками.

— Нет-нет, это не подойдет! — Алхимичка отбросила журнал и соскользнула с тахты. — Нужно что-нибудь полегче, в таком... этническом стиле... подожди-ка!

— В каком стиле? — не поняла я, но Полин было не до того, чтобы отвечать.

Щелкнув пальцами, она заставила боковую стенку гардероба раствориться в воздухе, и моим глазам предстали ряды полок, уставленные обувью. Принц Саид не терял времени даром и штурмовал сердце возлюбленной с разных позиций.

— Так-так-так... — Полин пробежалась взглядом по обуви и задумчиво потерла подбородок. — Ну, эти не годятся, каблук высоковат. Эти по цвету не подойдут... эти замшевые, ты их махом обдерешь, тут сноровка нужна... А если...

Она быстренько подтащила второй пуфик, взлетела на него и, сияя, сняла с верхней полки узкую коробку.

— Вот, примерь! Тебе должно подойти, если только это твой размер.

Я сняла крышку и вытащила из коробки простенькие босоножки, чем-то напоминавшие сандалии аррского конунга. Они состояли из плоской подошвы и нескольких ремешков, украшенных небольшими зеленоватыми камешками.

— Примерь! — потребовала алхимичка.

Поколебавшись, я так и сделала. Отрегулировать ремешки оказалось несложно; босоножки сидели вполне привычно, по крайней мере, пальцы из них не высовывались.

— Прям как на тебя сделаны, — гордо сообщила Полин. — Носи на здоровье!

— Ну, даже не знаю, — растерянно сказала я. — Неудобно как-то...

— Где неудобно? — насторожилась Полин. — Давят? Давай ремешок ослабим!

— Нет! — Я мотнула головой и почувствовала, как экзотично-эльфийско-этническая лента начинает понемногу сползать с волос. — Я хотела сказать...

Неожиданно послышалось довольное хихиканье, и у двери материализовалась наша элементаль.

— А к тебе гость идет, хозяйка! — доложила она и хищно потерла ложноручки. — Молодой, красивый, с цветами...

— Саид? — вспорхнула Полин.

— Какой Саид? — удивилась флуктуация. — Саид — он к тебе ходит, а ты — *младшая* хозяйка! Лыкоморским же языком сказала — просто хозяйка! К Яльге то есть идет.

Полин смерила меня нехорошим взглядом.

— А зачем это мой Саид идет к Яльге?

— Тьфу на тебя! Да не Саид это! Как там его, то бишь... Сейчас сама увидишь!

Полин, мрачнее тучи, скрестила руки на груди. Послышались шаги, гость остановился, но не успел он постучать, как дверь сама открылась перед ним, не издав ни малейшего скрипа. «Ай да элементаль!» — подумала я, пытаясь вспомнить, когда в последний раз смазывала петли.

На пороге стоял Жоффруа Ле Флок. И в руках у него был небольшой букет желтых роз.

— Добрый день, мадемуазель! — бархатным голосом произнес араньенец, перешагивая порог. Молодец, правильно понял: если ждать, пока тебя пригласят, так и до вечера недалеко. — Ядвига, это вам. Надеюсь, вам нравится желтый цвет?

— У нас говорят, что желтые цветы — это к разлуке, — не подумав, брякнула я. Никто никогда не дарил мне цветов — ни желтых, ни полосатых, так что я была несколько ошарашена.

— Да? — ничуть не огорчился Жоффруа. — А мне просто понравились эти розы. У вас найдется куда их поставить?

— Конечно-конечно! — пропела Полин. В одно мгновение она раздобыла вазочку, ловко выдернула у Ле Флока букет, и вскоре цветы уже красовались на подоконнике, будто какой-то тайный шпионский знак.

Этого времени мне хватило, чтобы вспомнить о политесе.

— Полин, это магистр Ле Флок...

— Жоффруа Ле Флок, к вашим услугам, — поправил меня араньенец.

— А это Полин де Трийе, — продолжала я. — Она невеста кафского принца.

— Очень приятно, — нежно улыбнулась алхимичка.

— Мадемуазель, — Ле Флок чуть поклонился в сторону Полин, — я с удовольствием задержался бы дольше, но день обещает быть жарким. Я хотел бы, чтобы мы вышли пораньше. Ядвига — я надеюсь, я могу вас так называть? — очень удачно, что вы уже одеты. Как насчет небольшой прогулки, которую вы мне обещали?

«Какой куртуазный!» — просигнализировала мне бровями Полин. Но тут за окном запели трубы, а это, как я успела узнать, всегда предваряло визит кафского принца к своей нареченной. Алхимичка побледнела. Если Саид застанет в ее чертогах чужого мужчину, то сначала убьет всех, до кого дотянется, а уже потом будет разбираться, кто к кому и зачем пришел.

— Яльга, брысь отсюда! — прошипела она. — Давай-давай, дверь вон там!

Выскакивая из комнаты, я успела заметить, как Полин быстренько прячет розы под кровать.

А утро и впрямь выдалось замечательное. Солнце заливало весь город, заглядывало под каждую крышу; все предметы отбрасывали четкие тени, а на скамейке, рядом с забытым ведром, лежал и загадочно щурился большой черный кот. День обещал быть жарким. Я даже пожалела, что не надела никакой косынки. Но тюльпаны уже отцвели, вместо них на клумбах распустились роскошные бархатцы; ягоды на рябине начинали краснеть, а в зеленых кронах берез появились первые желтые пряди.

Скоро осень. Лету не длиться вечно.

Мы вышли за ворота Академии и сразу окунулись в пеструю шумную суету. Предусмотрительно взяв меня под локоть, Жоффруа миновал множество лотков и прилавков, отмахнулся от четырех гадалок и указал мне на невысокий каменный домик, из открытой двери которого доносились умопомрачительные запахи.

— Ядвига, — заговорщицким тоном поведал телепат, — хозяин этого заведения готовит превосходнейший кебаб. Вы же еще не завтракали?

Я не успела ответить — Жоффруа уже провел меня внутрь, вывел во внутренний дворик и усадил за небольшой деревянный стол. Рядом тихонько журчал фонтан в виде простой каменной чаши.

Хозяин заведения больше всего напомнил мне ифрита, как их рисуют в научно-популярных изданиях для детей младшего возраста (ну или воина из личной охраны принца Саида, что в принципе почти одно и то же). Он был выбрит налысо, мрачен и зловещ настолько, что я не сдержалась и проверила, из кого сделан наш кебаб, — может, из предыдущих несговорчивых покупателей? Мясо оказалось бараниной и такой вкусной, что я сама не заметила, как исчезла моя порция. Но ифрит уже спешил со следующей.

— Жоффруа, я...

Договорить мне не дали. Ифрит, оскорбленно воздев руки к небесам, произнес что-то страстное и неразборчивое.

— Он говорит, — перевел Ле Флок, — если его еда так плоха, что юная девушка отвергает ее, значит, он опозорен навеки. Лучше ешьте, Ядвига, не то сейчас случится страшное. А кебаб просто великолепен, правда?

— Правда, — согласилась я, — просто мне хочется пить. Это не будет оскорблением для хозяина?

— Что вы!

И Ле Флок в двух коротеньких фразах перевел мою просьбу. Ифрит просиял, выругал себя по-кафски и убежал на кухню.

— Жоффруа, делайте что хотите, но третья порция в меня не войдет, — быстренько прошептала я. — Иначе страшное случится уже со мной!

По счастью, третьей порции не полагалось. Взамен хозяин принес закопченный пузатый чайник, тонкие, почти прозрачные белые чашки и большое блюдо сладостей. Я попыталась расплатиться, но Ле Флок так оскорбился, что я быстренько спрятала деньги и на всякий случай извинилась.

— Я достаточно обеспечен, чтобы угостить даму небольшим завтраком! — серьезно заявил он, и на этом тема была исчерпана.

Мы вышли обратно на торговую площадь. Башенные часы пробили полдень. А я-то думала, мы провели у фонтанчика не меньше двух часов!

Я посмотрела на Жоффруа, и он поймал мой взгляд. Несколько мгновений мы молчали, потом я отчего-то смутилась и опусти-

ла глаза. Так! Надо быть осторожнее. Все-таки я имею дело с телепатом.

Ле Флок взял меня под руку и осторожно отодвинул с дороги. Мимо нас продребезжал невероятный гибрид лыкоморской телеги и кафской арбы.

— Ядвига, — произнес мой спутник, — в свое время я неплохо изучил Межинград. Мне было бы приятно показать его вам таким, каким вы вряд ли его знаете. Если, конечно, вам этого хочется!

Я задумалась. Хочется ли? А с другой стороны, что я в Межинграде видела, кроме ковенской тюрьмы да еще пары общеизвестных мест? И почему я не могу прогуляться с человеком, чье общество мне приятно? Ну или хотя бы не досаждает? Это по-любому лучше, чем болтаться по Академии и не знать, чем заняться...

— Я согласна, Жоффруа. Только я хотела бы попросить вас об одной услуге...

— Все, что в моих силах, Ядвига. Чем я могу вам помочь?

— Жоффруа, если уж мы друзья... Мои друзья не говорят мне «вы».

— Тогда вперед? — Он улыбнулся так, будто был не дипломированным магом, а обыкновенным студиозусом. — Начнем со старых казарм!

...Нет, я не прогадала. Тот Межинград, где я прожила без малого год, не имел ничего общего с городом, который мне открывал Жоффруа Ле Флок. Мы блуждали по узеньким улочкам и неожиданно выходили на блистательные проспекты; мы видели дворцы, и маски, и статуи, когда величественные, а когда смешные. Перед Ле Флоком распахивались многие двери и многие решетки; мы побывали в старинных внутренних дворах, где время будто остановилось, видели стены, покрытые мозаикой, и стены, разрисованные забавными, чуточку наивными сюжетами. Кто мог догадаться изобразить на фасаде собственного дома солнышко, небо, облака и двух щенят?

В букинистической лавке, затертой между двухэтажными домиками, было прохладно и темно. Пахло книжной пылью. Мы с упоением рылись в книгах, перебирая разноцветные корешки; у нас с Жоффруа были совершенно разные интересы, и это оказалось очень удобно — не нужно драться за понравившуюся книгу. Как бы я стала делить, например, с Рихтером эту замечательную «Историю боевой магии Темных веков»?

Из переплетения улочек мы выскочили на просторную площадь, где тоже вовсю шла торговля. Самым большим спросом пользовались товары, связанные со свадебной тематикой, и сувениры. Кажется, весь Межинград решил срочно вступить в брак!

— Зайдем? — Жоффруа уже распахнул передо мной дверь очередной, ничем особенным не отличавшейся лавочки.

Над запыленным окном висела стершаяся вывеска. Внутри царила уже привычная полутьма, перечеркнутая яркой солнечной полоской: длинные шторы неплотно прилегали друг к другу. Под ноги мне немедленно сунулось что-то подвижное, теплое и мяучащее. Второе такое же, только полосатое, важно лежало на груде книг и при виде нас зевнуло, продемонстрировав розовую пасть и острые маленькие клыки.

На полках красовалось множество сувениров. Я присмотрелась и вдруг с изумлением обнаружила почти родного подкузьминского князюшку. Компанию ему составляла куколка поменьше, рыжая и конопатая, судя по платью происходящая из окрестностей Даркуцкого кряжа.

— А у вас неплохой вкус, госпожа, — лениво заметил эльф-продавец. Он стоял у соседней полки и задумчиво водил по огромной расписной вазе крохотным батистовым платочком. Было видно, что ваза изрядно ему надоела, но он еще не уверен, что поговорить со мной окажется занимательнее.

— Мм? — выказала я заинтересованность.

Эльф аккуратно свернул платочек, положил его в карман и снял с полки одну из рыжих паненок.

— Это последние экземпляры, — поведал он и дунул на статуэтку. С нее полетела пыль. — Расходятся как горячие пирожки. Не успеваем подвозить.

Я недоверчиво приподняла бровь. Сложно было представить, чтобы в этой лавчонке хоть что-то происходило быстро, — жизнь будто обтекала ее, не рискуя заглядывать за плохо пригнанные занавеси. Эльф прекрасно меня понял. Он насмешливо прищурился, покрепче облокотился о полку и напрочь сразил меня неожиданным потоком красноречия. Через пять минут я уже знала, что:

— я держу в руках скульптурное изображение легендарного подкузьминского князя, основателя лыкоморской династии, великого воителя, мудрого мага, известного картографа и просто хорошего человека, с которым эльф был знаком лично;

— девица, идущая с ним в комплекте, — вовсе никакая не девица, а законная подкузьминская княгиня, Ядвига Ольгердовна, дочь подгиньского князя и сильнейшая магичка;

— на Подгини же испокон веков самыми красивыми считаются рыжие. И если бы госпожа, для примера, съездила к Даркуцкому кряжу, она убедилась бы в этом на собственном опыте;

— впрочем, госпожу и здесь никто не назовет некрасивой — вот хотя бы господин маг подтвердит. Правда, господин маг?

Господин маг подтвердил — а куда бы он делся?! Эльф удовлетворенно кивнул и отправился упаковывать статуэтку Ядвиги Ольгердовны в подобающий пакет. Он долго обвязывал его куском бечевки, потом вручил мне покупку, молча получил от Жоффруа несколько серебряных монет и с чувством собственного достоинства ушел в глубину лавки. Правда, по дороге он не глядя подхватил под пузо очередного кота, пробиравшегося меж раскрытых музыкальных шкатулок.

Из лавки сувениров мы отправились к каруселям и там крутились до упаду, едва не выронив фарфоровую княгиню из открывшейся сумки. Потом мы стреляли из луков по мишеням, и я каким-то чудом ухитрилась выиграть маленький приз — петушка на палочке, которого сразу же засунула в рот. А вечером зашли в кафийню, где кафий варили в раскаленном песке и подавали в крошечных чашечках.

Когда мы вернулись в Академию, уже начинало темнеть. Голоса духов, живущих в фонтане, звучали призрачнее и громче. Жоффруа проводил меня до лестницы на жилой этаж. Я поднялась на две ступени, а он остался внизу и смотрел на меня с неуловимой, чисто араньенской улыбкой.

— Спасибо, — сказала я и тоже вдруг улыбнулась. Позади был замечательный день; весь вечер я буду рассказывать о нем Полин, а потом стану вспоминать сама, и...

Тут за фикусом послышалось сдавленное ойканье, и я увидела краешек шелкового платья. Алхимички!..

— Что вы, Ядвига, — церемонно сказал Жоффруа; глаза его смеялись, и я была уверена, что он тоже заметил подсматривающих магичек. А, разумеется, как я могла забыть — он же телепат! — Это я должен вас благодарить. Если позволите...

Мгновением позже я поняла, что протягиваю ему руку, а Жоффруа с самым серьезным видом целует мне кончики пальцев. За кадкой ахнули; маг приподнял голову и неожиданно подмигнул.

— Кгхм, — сухо раздалось сверху.

Даже не вздрогнув, я посмотрела туда. На верхней ступеньке стоял магистр Рихтер собственной персоной — весь в черном, мрачный, как привидение, с тремя или четырьмя книгами под мышкой — и сверлил нас взглядом.

А чего, собственно, такого? Моя личная жизнь никого не касается!

— Добрый вечер, магистр Рихтер! — пропела я вторым бальным голоском. От неожиданности мне даже удалось не сбиться на первый. Ого! Да Полин может мной гордиться!

— Здравствуйте, коллега, — небрежно кивнул Ле Флок и вновь повернулся ко мне. — Ядвига... В субботу дают новый спектакль. Вы... Ты не возражаешь, если я заскочу за тобой пораньше — часам, допустим, к десяти?

Он продолжал держать мою руку. Я зачем-то шевельнула пальцами и пришла к выводу, что освобождаться пока не хочется.

— К десяти — это слишком рано. Давай лучше к половине одиннадцатого.

Когда я посмотрела наверх, Рихтера там уже не было.

4

Первое свадебное утро началось еще затемно. Когда меня растолкала взволнованная элементаль, не было даже пяти часов. Полин уже носилась по комнате — растрепанная, в одном халатике и с выражением невероятного ужаса на лице. Она хваталась то за одно, то за другое, все время что-то роняла, пыталась что-то найти, находила и тут же теряла.

Вчера мы легли очень поздно — от переживаний Полин долго не могла заснуть, и мы говорили, говорили и говорили, пока элементаль не пригрозила, что вот прямо сейчас она позовет магистра Ламмерлэйк и кому-то будет очень-очень стыдно. После этого мы убрали пульсар и забрались под одеяла, немножко поболтали шепотом, но все-таки уснули.

И вот теперь нужно было действовать... хуже того, нужно было думать, а голова напрочь отказывалась соображать.

Я вздохнула, прошлепала босиком в ванную и умылась холодной водой. Предстояла тяжелая миссия: успокоить Полин, запихнуть ее в свадебное платье номер раз и сдать готовенькую невесту

с рук на руки жениху. На этом мои сегодняшние обязанности исчерпывались, и я смело могла возвращаться в кровать. В полтретьего меня, правда, ждал Жоффруа... Но ведь это же будет только в полтретьего!

Три чашки кафию сделали свое дело. Втроем с Полин и элементалью (Полин, правда, только мешала и сеяла панику) мы разыскали четыреста пятьдесят восемь важных мелочей, расправили все складочки, подцепили булавкой оторвавшуюся оборку, отчистили то крохотное пятнышко на левой туфельке и с громадным облегчением встретили куафера. Куафер, разумеется, был эльфом, и эльфом бывалым: от него сразу повеяло таким спокойствием, что Полин махом прекратила подскакивать и причитать. За каких-то четыре часа он превратил обыкновенную алхимичку в сказочное создание — такое воздушное и невероятно прекрасное, что в нее просто невозможно было не влюбиться. Заметим, ни капли гламурии! Вот что значит высокое искусство!

«А может, и мне замуж сходить?» — подумала я и тут же ужаснулась. Боги, как я могла так низко пасть!

Новая Полин не носилась по всей комнате — она неподвижно сидела в кресле и не отрываясь смотрела в зеркало. Я успела убрать все лишнее, навести на комнату хоть какой-то лоск и даже переодеться.

Снаружи привычно завыли трубы. Полин нехотя отдала мне зеркало и перевела взгляд на дверь. Я открыла, поулыбалась всем, начиная с принца и заканчивая маленьким церемониальным попугайчиком, и с огромным удовольствием передала жениху его сокровище. На жениха страшно было смотреть — он просто светился от счастья и, похоже, завидовал сам себе. «Ничего, — злодейски подумала я, — это на тебе теперь будут испытывать все новые эликсиры!»

Полин отбыла во дворец, а я с чистой совестью вернулась в постель.

Бракосочетание Саида Кафского и Полин де Трийе состояло из двух частей — лыкоморской и кафской. Лыкоморская в свою очередь подразделялась на торжественный прием во дворце царя-батюшки, народные гуляния с хождением новобрачных в народ (по слухам, царю это не понравилось, но он смолчал) и, наконец, вечеринку для своих. Все это должно было длиться не менее неде-

ли. Покончив с лыкоморскими традициями, молодожены отправлялись в Каф, где их еще раз соединяли узами брака — наверное, для надежности. И только после этого их ожидало свадебное путешествие.

Самое интересное, что по законам земли Каф Полин давно уже пользовалась всеми правами законной супруги — с того самого момента, когда у шатра принца поставили ее шатер. Саид мог безнаказанно любоваться ее красотой, проводить с ней сколько угодно времени в приятных беседах и советоваться по важным делам, не посягая, однако, на большее. Это время — не меньше месяца — дается невесте, чтобы привыкнуть к новой роли, обжиться в чужой семье. Если девушка за «время невесты» приходила к выводу, что ее решение было поспешным, она была вправе расторгнуть брак, при этом не несла никаких моральных и материальных потерь. То есть все свадебные подарки по умолчанию оставались за ней.

Поэтому женихи вели себя весьма благоразумно, а замужние дамы впоследствии вспоминали это благословенное время со светлой грустью.

Не знаю уж, что происходило во дворце, но не заметить народных гуляний было просто невозможно. Лыкоморцы — основательные люди, и Межинград гулял, что называется, на широкую ногу. Были песни, пляски, игрища, дармовое угощение..Утверждали, что два часа в сутки — один час до полудня и один час после — один из фонтанов бьет чистейшей лыковкой, так что у межинградцев неожиданно появилась новая традиция: каждый час обегать все фонтаны, зачерпывая из каждого ладонью. Предприимчивые гномы выдавали желающим чарки и ковшики — разумеется, незабесплатно.

Но самое веселое началось во второй день. Принца Саида ждало знакомство со свадебными обычаями Лыкоморья.

Я дорого бы дала, чтобы посмотреть, как он преодолевает препятствия, — их выдумывал весь алхимический факультет, далеко славящийся изощренностью ума. Самым простым испытанием было подняться по лестнице, на каждой ступеньке называя какое-то качество, за которое он любит Полин. Все бы ничего, но ступенек было сто двадцать шесть. По слухам, принц заранее узнал об этом от своих тайных агентов, скрывающихся под псевдонимами

Э. и Я., и требуемые качества выдумывали всем двором. Однако на сто двадцать четвертой ступеньке кончились воображение и словарь.

Увы, мне было не суждено увидеть все это своими глазами. Я играла совсем другую роль и томилась в маленькой комнатке вместе с Полин, Шэнди Дэнн, незнакомой девочкой лет пяти и белой пушистой кошкой. На всех, исключая кошку, были длинные белые платья. Кошке пришлось довольствоваться роскошным бантом. У каждой из нас на руке или лапке была повязана длинная розовая лента, тянувшаяся в коридор. Принцу предстояло вытащить себе невесту и жениться на ней — либо откупиться, если получится.

Полин нервничала, Белая Дама поправляла бант у девочки, та норовила вырваться и потискать кошку. Издалека доносились почти неразличимые голоса; понемногу они приближались, и можно было различить взрывы смеха, веселую скороговорку алхимичек и серьезные (а как иначе?) ответы жениха.

— А теперь, Саид, ты можешь выбрать себе жену! — кокетливо сообщила Викки, у которой неожиданно прорезались таланты свахи. — В Межинграде много красивых девушек! Может, ты не всех еще видел? Может, еще тебе кто по нраву придется? Выбирай, нам не жалко!

Саид точно не знал, в чем здесь подвох. Секрет нашей задумки хранила Шэнди Дэнн, а в ее случае фразеологизм «нем как могила» имел самое прямое истолкование. Ленты были заколдованы, и Полин должна была появиться во всем великолепии самой последней.

Первой задрожала лента на моем запястье. Я встала, поправила шуршащие юбки (спасибо близнецам, кружев здесь было не просто много, а невероятно много!), попыталась подтянуть корсаж повыше и решительно вышла из комнаты невест. По контрасту коридор показался мне очень ярким и шумным; впрочем, шум моментально стих.

На лице Саида появилось очень довольное выражение. Он смотрел на меня как-то... оценивающе, что ли? Я немного занервничала. А ему вообще объяснили, что я — не добавочная жена, а просто средство розыгрыша?

Пауза затягивалась. Я уже физически начинала ощущать напряжение, исходящее из комнаты невест, но тут вмешались аген-

ты Э. и Я. С двух сторон сунувшись к принцу, они быстренько заговорили:

— Вот, Саид! Если это твоя невеста — значит, забирай и пошли скорей отсюда, будем пировать! А если нет, то ты должен откупиться, дать бедной девушке приданое, чтобы она смогла найти себе другого достойного мужа! Пусть и не такого... хм... качественного, как ты!

— А что, двух не... — на чистейшем лыкоморском пробормотал принц.

Я в панике оглянулась. Где-то на заднем плане виднелись преподаватели, в том числе и Рихтер. Он-то меня точно Саиду не отдаст — через неделю уже выходить на учебу, какая тут свадьба?!

Близнецы, тоже почуявшее неладное, подсунули Саиду ларец с украшениями. Принц с негодованием произнес что-то по-кафски, и ларец тут же заменили на другой, побольше и потяжелее. Эллинг что-то шепнул Саиду, тот кивнул, распорядился — и мне всунули что-то продолговатое, завернутое в тяжелую шаль.

— Возьми это, о достойная дочь своей матери, радость наставников и украшение... — Тут Саид запнулся, махнул рукой и протянул мне ларец. Руки были заняты, так что я, не задумываясь, сунула продолговатое под мышку, подхватила тяжеленный ларец и ответила, как договаривались:

— Ты щедр и благороден, и я не держу на тебя зла!

Саид опечалился, но ненадолго. Ему уже подсовывали вторую ленточку.

Вторым номером шла кошка, от которой откупились золотой миской, полной сливок. Животное, которого с вечера никто не кормил, не стало привередничать и сразу припало к миске. Третьей была девочка — ей подарили кошку, миску и тот ларец, который изначально предназначался мне. Но гвоздем программы стала Шэнди Дэнн. Когда она явилась нашим взорам, в коридоре повисло натуральное гробовое молчание.

Она была не просто красива — она была невероятно красива. Четкая в каждой линии, исполненная чего-то темного, женского, изначального и почти змеиного. Ее красота завораживала, как темная вода. Бедный принц!..

— Я не люблю тебя, но мне придется взять тебя в жены, — сказал Саид, и я с ужасом поняла, что он не шутит. — Ибо я не знаю ничего, что было бы достойно тебя, женщина. Я подарил бы тебе золото, много золота, но что значит золото для такой, как ты? Ска-

жи мне, чего ты хочешь, — если оно в моей власти, я дам тебе это, если нет — я женюсь на тебе!

— Чего может хотеть женщина? — негромко спросила Шэнди Дэнн и вдруг улыбнулась. — Я хочу магистра Буковца — в праздничной упаковке и с бантиком! Вот с *этим* бантиком. — И она протянула Саиду свою ленту.

Магистра Буковца быстренько вытолкнули из рядов сплотившегося преподавательского состава. Директор был красный как рак, но особенно не протестовал. Саид торжественно связал руки Шэнди Дэнн и Ирия Буковца нелепой розовой лентой.

— Как властитель земли Каф, — нараспев произнес Саид, — я отдаю тебе, женщина, этого человека в мужья. И союз ваш отныне будет нерушим. Я сказал!

— Горько! — нестройным хором выкрикнули близнецы, но под ласковым взглядом Шэнди Дэнн тут же спрятались за спину Саида.

Некромантка улыбнулась и, подняв свободную руку, щелкнула пальцами. В тот же миг ее платье стало темно-зеленым. На ней больше не осталось ни единой белой нитки — по крайней мере там, где это было заметно.

Счастливую пару тут же обступили коллеги. Послышались поздравления и пожелания семейного счастья. Про Саида и Полин все как-то позабыли, и их можно было понять — пожелай Шэнди Дэнн, ей точно так же вручили бы любого другого, хоть Фенгиаруленгеддира, хоть Рихтера, хоть гнома-завхоза. Хотя нет, Рихтера — это вряд ли. Он все же как-никак лучший боевой маг Лыкоморья, да и скрываться от закона ему уже не привыкать...

Даже удивительно, как среди всего этого шума мы услышали скрип отворившейся двери. Саид медленно тянул за последнюю оставшуюся ленту, и шаг за шагом к нему подходила самая прекрасная из всех невест.

Разумеется, Саид не сразу получил свою нареченную: в коридор набился почти весь алхимический факультет, а тамошние девицы отлично знали, как развести жениха на выкуп. Но принц остался на высоте. Он одарял девушек золотом направо и налево, справедливо рассудив, что украшений много не бывает. Барышни ахали, вскрикивали и бойко уступали место товаркам. Кое-где уже начинали образовываться отдельные группки: там обменива-

лись кольцами, если те оказались не по размеру, и прочими финтифлюшками, если те пришлись не по сердцу.

Я бы с удовольствием посмотрела, что будет дальше, но нужно было спешить. Через двадцать минут нам с Генри уже нужно быть на сцене, а мне предстоит сменить одно платье на другое, еще раз пробежать глазами текст и, если получится, повторить выступление. Будь моим партнером Хельги Ульгрем, я добавила бы пункт «найти этого клятого вампира и отлепить его от алхимички», но Генри был почти безупречен. По крайней мере, на него можно было рассчитывать.

Скрывшись в комнате, я честно постаралась сама распустить шнуровку. Но уже через минуту стало ясно: без помощи тут не обойтись. Утром мне помогла Полин, однако сейчас, по понятным причинам, она была далеко. Я представила, как поворачиваюсь к Генри спиной и прошу расшнуровать мне платье, и поняла, что этот вариант оставлю как запасной. Если иначе не получится.

Но тут мой взгляд упал на дверь, и я вспомнила, как здорово наша флуктуация управлялась со вполне себе материальными жареными курицами.

— Помоги, а? — Я красноречиво подергала плечами.

Элементаль побурчала, но все-таки взялась за шнуровку.

Она управилась с ней куда быстрее, чем Полин: не прошло и минуты, как я выскользнула из одного платья и сразу же кинулась к другому. Стоило поторопиться, потому что Генри был уже на подходе.

Разобравшись с кучей юбок, прозрачных, полупрозрачных, кружевных, атласных и газовых, я еще раз пережила процесс зашнуровывания. Платье мне обеспечили близнецы, и я отлично представляла, с какими ухмылками они его выбирали. Помимо бешеного количества юбок оно отличалось длинным шлейфом и ослепительным декольте, открывавшим спину до лопаток, а грудь — до верхней границы приличия. Лямок там не водилось, и лиф выглядел так, будто он вот-вот с меня соскользнет. Наверное, как раз на этот случай к платью прилагался воздушный газовый шарфик.

— Ить сюдой! — прикрикнула элементаль, и я послушно отошла от зеркала. Не переставая бурчать, она укрепила у меня в волосах двенадцать серебряных звезд. Весь вчерашний вечер я потратила на то, чтобы уменьшить их вес, насколько это воз-

можно. И все-таки не стоило двигать головой без крайней необходимости.

Я посмотрела на себя еще раз. Да. В таком виде выступать было уже не страшно. Вряд ли кто-то будет меня слушать: мужская часть, скорее всего, попытается понять, куда дели настоящую Яльгу и кто это говорит Яльгиным голосом, а женская заключит пари, на какой минуте из меня посыплются эти клятые звездочки.

А вообще-то девица в зеркале и впрямь почти не походила на ту Яльгу Ясицу, которую я знала уже двадцать лет. Это была скорее уж вельможная панна Ядвига Леснивецкая. Поколебавшись, я достала мнемо-талисман и, чувствуя некоторую неловкость, создала автопортрет. Ну и плевать, что это нескромно. Зато когда у меня будет плохое настроение, я достану талисман, вспомню этот вечер и порадуюсь.

Или не порадуюсь — зависит от того, как мы исполним наш будущий хит...

Генри все не было. Я перечитала текст и, напевая, подошла к окну. Внизу шел весьма оживленный обмен — жениха и невесту давно уже поджидали дети. Всем и каждому известно: если ребенок поздравит невесту и преподнесет ей цветы, то брак будет крепким, а потомство — здоровым и многочисленным. Невесте взамен полагалось одарить дитятю конфетами. Далеко не у всех местных детишек были деньги на цветы, а если и были, то тратить их так глупо было просто немыслимо. Поэтому палисадники Межинграда подверглись массовому набегу юных вредителей. Дети, выстроившись в очередь, вручали Полин астры, георгины, гладиолусы, наломанные ветки какого-то кустарника, сплошь усыпанные мелкими сиреневыми цветочками. Полин зачерпывала конфеты из огромной вазы обеими руками и высыпала в подставленные подолы рубашек и платьиц.

Саид с умилением наблюдал за этой картиной, не забывая подгонять слуг с новой порцией сладостей.

Если пожелания хотя бы малой части дарителей сбудутся, у него, похоже, будет десятка два наследников...

Полюбовавшись на предприимчивых детишек, я вдруг вспомнила про честно заработанный ларец с украшениями. Звезды звездами, но шарфик прикрывал не все, и декольте просто вопияло. Покопавшись в ларце, я отыскала там самое скромное ожерелье из белого золота. Я защелкнула замочек перед зеркалом и почувствовала себя немножко более одетой.

— Перчатки! — сурово напомнила элементаль. — И веер не забудь! А то знаю тебя!

Я досадливо хмыкнула, не рискуя передергивать плечами. Флуктуация разгадала мой секретный план: не зная, что делать с веером, я собиралась ненароком забыть его в комнате.

Когда я расправляла краешек второй перчатки, раздался быстрый стук. Элементаль не глядя открыла дверь, и в комнату вошел Генри Ривендейл.

Вот теперь передо мной стоял настоящий герцог. Фрак цвета горького шоколада, столь любимого нашей невестой; шейный платок в тон; узорчатый жилет теплых коричневых оттенков и белоснежная рубашка, из которой был виден один только жестко накрахмаленный воротничок. Жилет меня впечатлил, брюки и туфли — не особенно. Я очень настаивала, чтобы Генри надел сапоги, — ему романтического героя играть, а я помнила, что все романтические герои в книжках Полин изображались в сапогах и распахнутой мокрой рубашке. Однако герцог наотрез отказался и от того, и от другого. Памятуя о Саиде, приходилось признать: в чем-то Генри был прав. Ему, наверное, хотелось пережить эту свадьбу.

— А ну иди сюда! — скомандовала я.

Вампир подошел к зеркалу, и я придирчиво изучила наше совместное отражение. Ну, что сказать... Смотрелись мы неплохо, а кремовый оттенок моего платья отлично сочетался с цветовой гаммой герцогского костюма. Белые розы сюда вообще прекрасно подойдут. Кстати, где они?

— В запасниках, — успокоил меня Генри. — Я установил морозильное заклинание, чтобы раньше времени не повяли...

— Нет чтобы девушке чего приятное сказать! — донеслось из косяка. — И чему только этих герцогов учут!

Вампир очень серьезно посмотрел мне в глаза.

— А я не знаю, что сказать, — негромко произнес он. — Я даже не думал, что ты можешь быть такой... прекрасной.

Я быстро глянула в зеркало. Генри смешался.

— Банально, да? — чуть усмехнулся он.

— Не банально, а справедливо, — отрезала я. — И вообще, честность — вот главное достоинство дворянина! Если девушка прекрасна, ей прямо так об этом и надо сказать! Сразу, как увидел — так и сказал!

Издалека донеслись знакомые фанфары.

— Мрыс дерр гаст! — вырвалось у меня. Герцог посмотрел на меня с немой укоризной. — Генри, бежим скорее! Там же без нас начнут, а Полин мне этого вовек не простит!.. А-а, мрыс, куда же этот шлейф...

— Ялька, — мягко, но убедительно сказал вампир. — Ты, конечно, прекрасна, но постарайся выбирать выражения. Барышни в подобных платьях просто не знают таких слов.

Я осторожно кивнула, перебрасывая шлейф через руку. Где там этот мрысов веер? И чем, спрашивается, мне придерживать газовый шарфик?!

5

Свадьба праздновалась под открытым небом: на площади возле Академии, где раньше вольготно раскинулся восточный базар, всю неделю устанавливали шатры, столы, цветочные арки и прочую праздничную атрибутику. Последние работы заканчивали этой ночью, поэтому как мы ни торопились, а все-таки не могли сдержаться и с любопытством оглядывались по сторонам.

В центре площади стоял огромный стол в форме подковы («На счастье!» — авторитетно утверждал эльф-оформитель). Стол был обширен, как просторы Лыкоморья, и покрыт снежно-белой скатертью с серебряными узорами. Вокруг него уже толпились приглашенные. Молодожены еще не появились: Полин собиралась выходить замуж только один раз и потому желала получить от этой свадьбы максимальное удовольствие. Сейчас они с Саидом, как обычные жених и невеста, бросали монетки в фонтан с олененком (на счастье), гладили сверкающее правое ухо кошки перед зданием городской ратуши (так полагается, Саид, и не спорь!), и прочее, прочее, прочее... Как я узнала позже, больше всего принцу понравился обычай вешать замок на Мосту Любви с последующим выбрасыванием ключа в реку. Счастливые новобрачные елеле смогли найти свободное место.

Список достопримечательностей оказался обширен, как свадебный стол, а Полин, в отличие от гостей, сегодня была сыта любовью. Поэтому гостям оставалось только уповать на голодных и оттого весьма убедительных близнецов аунд Лиррен.

Вообще-то мне, как подружке невесты, полагалось быть сейчас вместе с ней. Но в этом случае я не успевала подготовиться к выступлению. И Полин пришлось пойти на эту жертву.

Поддерживаемая Генри Ривендейлом, я поднялась на сцену по семи («А как же, счастливое число!» — утверждал все тот же эльф) ступенькам, застеленным красным ковром. Сцена располагалась как раз напротив мест жениха и невесты. Я проскользнула за кулисы, вытащила из-за корсажа листок с текстом, перечитала еще пару раз, переговорила с Муинной, отвечавшей за музыкальное сопровождение, и выслушала восемь комплиментов и один совет сменить платье на розовое. Или сиреневое, на самый худой конец.

Наконец снаружи послышался оживленный шум. Я выглянула и удостоверилась, что молодые уже выходят из кареты. Можно начинать.

И торжество началось.

Эллинг и Яллинг, в одинаковых элегантных костюмах, одновременно управляли ходом праздника и бодро уничтожали всю провизию, до которой только могли дотянуться. Радиус охвата у среднего эльфа составляет длину руки и еще немножко, а братья аунд Лиррен ни в чем не были средними. Я выглянула из-за кулисы и поняла: если мы хотим успеть к свадебному столу, стоит поторопиться.

К Полин между тем давно уже тянулся ручеек дарителей. Тут тоже существовал определенный ритуал: гость вручал невесте подарок и получал взамен специально испеченную булочку в виде сосновой шишки. Как объясняла Полин, булочка символизировала богатство, здоровье, удачу и что-то там еще, «ну, в общем, додумаешь сама». Не знаю, додумывали гости или нет, но все выглядели довольными.

Наконец близнецы объявили о нашем подарке.

Заиграла музыка. Мы с Генри переглянулись и вышли навстречу друг другу из разных кулис. В зале — тьфу ты, за столом! — постепенно установилась тишина, только изредка доносились странные сдавленные звуки: это самые голодные из гостей торопливо доедали свой салатик.

Проигрыш закончился. Генри повернулся ко мне и с чувством пропел начало своей партии — первые три строки. В зале стало совсем тихо, и я понимала отчего. Роль романтического героя, как и ожидалось, полностью захватила нашего герцога. Незамыслова-

тые слова песенки в его устах прозвучали как какое-то откровение — возможно, потому, что услышать от Ривендейла причудливо срифмованное: «Ты моя, ты любимая», — мечтала половина алхимического факультета. А уж если учесть, что на лице у Генри отражалась вся гамма необходимых чувств, как то: страсть, нежность, обещание скорого совместного светлого будущего... «Одной мне лучше пока не гулять!» — трезво подумала я, глядя в ласковые глаза подружек невесты. Как бы так понезаметнее сделать знак от порчи?..

Следующие три строки были моими.

— Мне так мало в жизни надо! — с выражением пропела я, мысленно обращаясь не к Генри, а к Хельги. Вот уж поистине девушка его мечты!

Припев мы исполнили хором.

На втором куплете я зачем-то глянула на Саида и похолодела. На лице у принца было печатными буквами написано, о чем он думает. А думал он о том, что две жены — это куда лучше, чем одна, и очень удобно, что они уже подружились. Можно немного сэкономить на свадьбе. Принц, конечно, человек щедрый, но и о государственном бюджете подумать надо. Вообще все прекрасно получается: одна жена красивая, другая — умная! А если прекрасная пери будет ревновать, то он построит два дворца, один побольше, один поменьше...

Пока я в панике решала, что делать (может, хотя бы сфальшивить, а?!), Саид глянул куда-то вбок и изменился в лице. «Нет-нет, — теперь читалось в его взгляде. — Оно мне надо — две жены! Да мне и одной пока за глаза хватит!»

С чувством растягивая последнюю строчку, я посмотрела туда, куда смотрел Саид. Там сидел очень мрачный Рихтер, который внимательно рассматривал окружающее поверх бокала с вином.

Музыка закончилась. В моих руках сам собой материализовался роскошный букет белых роз, но не успела я сделать и шагу к заветным семи ступенькам, как что-то щелкнуло, скрипнуло, и музыка заиграла по новой. Я сразу узнала начальные аккорды нашей песни.

Генри, не растерявшись, запел первый куплет. Страсть, нежность и обещание неба в алмазах со второго раза удались ему еще лучше.

Когда мы во второй раз пели первый припев, вампир чуть заметно кивнул и спустился со сцены. Мы так не договаривались,

но он уже протянул мне руку, и ничего не оставалось, как пойти следом. До сих пор не понимаю, как мне удалось спуститься, если одной рукой я держалась за Ривендейла, в другой сжимала букет, а чем-то нужно было придерживать шарфик, шлейф и злосчастный веер.

«Хоть бы она на третий круг не пошла!» — подумала я, медленно приближаясь к новобрачным.

Но проигрыш закончился, и музыка стихла. Я посмотрела на стол и поняла, что мне придется либо залезать на него, либо попростому перекинуть букет Полин в руки. Но это как-то нечестно получается. Это она тут невеста, это она должна кидать букет незамужним девицам...

— Э-э... — сказала я, на ходу вспоминая подходящее заклинание.

Два белоснежных голубка, сотворенных прямо из воздуха, спустились ко мне и подхватили клювиками букет. Полин восхищенно всплеснула руками. Птицы, слаженно работая крыльями, доставили розы по назначению, под шумок стащили по крекеру из огромной вазы и исчезли туда, откуда явились.

Успех был ошеломительный. Полин стояла, прижав цветы к груди, и в глазах ее были слезы. Саид косо поглядывал на великолепного Ривендейла, но все-таки произнес краткую энергичную речь по-кафски. Его никто не понял дословно, но поддержали все.

— Горько! Горько! — закричали близнецы, в совершенстве изучившие человеческий свадебный этикет.

Мы с Генри, как те голуби, прихватили свои подарочные шишки и смылись под шумок.

Впрочем, «смылись» — это сказано так, для красного словца. Кто бы дал смыться подружке невесты и наследнику герцога Ривендейла!.. Для нас были приготовлены лучшие места. Так что слева от меня сидел парадный, отутюженный и очень недовольный жизнью Рихтер. Я с большим интересом косилась в его сторону — что-то подсказывало, что не скоро мне доведется увидеть любимого декана в праздничном камзоле и при шпаге. Шпага ему отчаянно мешала, но деваться было некуда. На *этой* свадьбе его сиятельство граф фон Рихтер был обязан соблюдать этикет.

Место справа изначально предназначалось Жоффруа. Я специально договорилась об этом с Полин, и невеста, как никто другой понимающая обычные человеческие желания, устроила все лучшим образом. Но в последний момент вмешались судьба и

Магистр Эллендар. Жоффруа срочно отправили с секретной миссией в дальние страны. А пустующее место досталось двадцать первому герцогу из рода Ривендейлов.

Я отпила белого вина из тончайшего бокала, заела это дело тарталеткой и огляделась. Здесь было за чем — и за кем! — понаблюдать.

Вот магистр Цвирт с молодой женой — бледный, официальный и немного настороженный. Когда мы встретились с ним взглядами, он вздрогнул, нахохлился, но тут же выпрямился и сделал вид, что мы незнакомы. Госпожа Цвирт дотронулась до его плеча изящной ручкой, затянутой в кружевную черную перчатку, и ковенец немедленно забыл о всяких там рыжих Ясицах. Алехандрина Родригес Диас Цвирт знала толк в кружевах. Ее черная мантилья, закрепленная на ажурном черепаховом гребне, вызвала шквал зависти у наших алхимичек.

— Ка-акие кружавчики... — томно выдохнула Ликки де Моран. — Энджи, мне пойдет такая? Только цвет мрачноват...

Госпожа Цвирт сверкнула на Ликки черными южными очами. Чтобы заслужить право надеть мантилью *черного* цвета, ей пришлось выйти замуж за Поля Цвирта. Кроме того, назвать такое кружево кружавчиками... Да что!.. Да как!..

Услышь это ее маменька — свадьба очутилась бы на грани срыва. Но госпожа Цвирт знала, какие обязанности на нее накладывает ее новое положение, и училась владеть собой. Вместо того чтобы затеять скандал, она сказала мужу, что хочет танцевать, а уж в танце постаралась несколько раз пройтись мимо этой юной незамужней нахалки, чтобы та в полной мере оценила красоту гребня и изысканность кружева, спадающего сзади почти до колен.

Дальше, за отдельным наборным столиком, располагался Магистр Эллендар в компании двух коллег. Одним был ветхий старичок, жестикулировавший настолько живо, что на него было боязно смотреть — а вдруг развалится. Другой — хрупкий до прозрачности эльф — пил чай и снисходительно улыбался. Эллендар и старичок о чем-то азартно спорили и громко хохотали, не забывая, впрочем, поднимать бокалы за молодых. Вино им доливал ученик в черной подпоясанной хламиде. То и дело он откидывал на спину длинную тоненькую косичку. Эта косичка определенно заинтриговала половину алфака, и вскоре молодой человек мог похвастаться множеством полезных знакомств.

Не знаю, чем меня так зацепила эта троица, но я наблюдала за ними несколько минут и потом, не выдержав, повернулась к Рихтеру:

— Магистр, подскажите, пожалуйста, — а кто это вон там, рядом с Магистром Эллендаром? А то Генри интересуется, а я никак вспомнить не могу...

Выдержке Генри Ривендейла можно было только позавидовать. Он даже бровью не повел. Рихтер косо посмотрел на меня; я улыбнулась еще умильнее, но на всякий случай сделала под столом знак от сглаза.

Высокий шейный платок по моде Западных Земель — этакая многослойная удавка, для надежности закрепленная булавкой, — выглядел, спору нет, весьма сообразно. Но двигать головой в полном объеме Рихтер уже не мог. Он развернулся всем корпусом, как волк, несколько мгновений смотрел на хохочущих магов и кратко ответил:

— Это Арлаутар аунд Элдер и учитель Тэнгиэль.

— Кгхм, — вот и все, что я смогла ответить. В этот момент я как раз сделала глоток и чуть не захлебнулась белым аль-буянским.

— О, — уважительно произнес Генри, как всегда оказавшийся на высоте.

Свадьба потихоньку перетекала в ту стадию, когда основной поток дарителей уже иссяк, гости разбиваются на группки, где-то звучат песни, где-то — разговоры относительной задушевности, а где-то начинаются игры и конкурсы для желающих. Среди последних я вдруг увидела подозрительно знакомого мальчишку. Он только что выиграл какой-то приз и теперь со всех ног мчался показать его матери.

— Мистрис Рэгмэн? — ошарашенно пробормотала я.

— Ну да, — прохладно подтвердил Эгмонт. — Чего здесь такого?

И тут я аж подпрыгнула от неожиданности. Рядом с Ардис уверенно стоял не кто-то там, а Сигурд дель Арден! Даже отсюда было видно, что он никому не даст посягнуть на эту женщину.

— Эгмонт! — забывшись, я вцепилась в его руку. — Ты смотри, и Сигри здесь! Ты же ведь знал, да? Так мне почему не сказал?! Так нечестно, Эгмонт!

Не удостоив меня взглядом, Рихтер высвободился и холодно произнес:

— Знаете ли, студентка, свадьба — это прекрасно, но обращаться к своему декану по имени — признак дурного тона. Вам стоило бы помнить, что я не поощряю фамильярности.

Значит, вот так. Ну что же, магистр, как скажете.

— Прошу прощения, ваше сиятельство. — Я улыбнулась краешками губ. — Я забылась. В самом деле, мне надлежит знать свое место. Благодарю вас, что вы сочли возможным напомнить мне об этом.

«Я говорю слишком много», — мелькнула отстраненная мысль. Эгмонт... магистр Рихтер, чтоб ему! — все так же смотрел перед собой, и я испытала огромное, ни с чем не сравнимое желание разорвать его в клочья прямо здесь и сейчас. Вот ведь гад. Испоганить такое настроение...

Ну нет, испортить себе праздник я не позволю ни одному Рихтеру на свете!

— Какая замечательная музыка, Ялька! — Генри был очень смелым человеком: меня прямо трясло от бешенства. — Пойдем потанцуем?

Желающих потанцевать было не так много: на лужайке кружилось три или четыре пары. Я была так зла, что даже не подумала, как буду танцевать, но Генри всегда оставался прекрасным партнером. Танцевать с ним оказалось еще приятнее, чем петь.

— Между прочим, тебе удивительно идет этот цвет, — прошептал мне вампир. — Нет, правда! Я думал, тебе подходят только яркие цвета, но этот мягкий тон... С ума можно сойти!..

— Ты правда так думаешь? — тоном ниже спросила я.

— А зачем мне врать?

Я немного посопела. Слышать такое от Ривендейла, признанного знатока по части женской красоты, было очень приятно.

Когда мы натанцевались до упаду, предусмотрительный вампир повел меня к специальным скамейкам и предложил соку. Я уже немного отошла, поэтому смогла выдать улыбку, а не оскал. Генри улетучился, я глянула на Полин — и поняла, что изумилась бы, не утрать я уже эту способность. К молодоженам как раз подходили запоздавшие гости, и среди них была Лерикас Аррская с супругом. Хвала богам, она была не в том коротеньком платьице, но все равно — явление золотого дракона Арры должно было вызвать невероятный переполох!

— Если золотой дракон хочет, чтобы его не узнали, его не узнают, — прозвучал у меня в голове негромкий голос. Я машинально кивнула. Ваша правда, конунг, — ведь не узнают!

Рэнтар тем временем вручил Саиду их подарок — настоящую аррскую колыбель. Ручная работа, эксклюзив и все такое прочее.

«Интересно, — мелькнула шальная мысль, — Рэнтар ее сам делал, или как?»

Лерикас обернулась и кивнула. Похоже, все-таки сам. Однако!

«Как же так? — напряженно думала я. — Ведь по ним же сразу видно, что они волкодлаки! Ладно Лерикас, но Нарроугард — в нем же волка даже больше, чем человека! Если никто не видит дракона, это еще куда ни шло. Но почему никому даже в голову не приходит спросить, что в столице Лыкоморья забыла эта оборотничья ячейка общества?!»

Лерикас вновь посмотрела на меня. Взгляд можно было расценить как приглашение. Она явно была не прочь поговорить, и я вдруг поняла, что настроение, испоганенное господином графом, резко пошло в гору. Да пусть он лесом идет, этот господин граф. У него своя свадьба, у нас своя.

— Ялька, вот ты где! — подскочили близнецы аунд Лиррен. — А кто мне танец обещал? Вот и верь после этого женщинам! Все танцы, говорит, твои — а сама после этого от Ривендейла не отходит! Конечно, где нам равняться с герцогами...

...Я дважды танцевала с каждым из близнецов, потом — с Валентином, потом набралась храбрости и пригласила Рэнтара Нарроугарда. Лерикас, кажется, веселилась от души, зато ее муж несколько опешил, но отказываться не стал. И правильно — не каждый день его приглашают девушки в таких платьях! Дотанцевав с волкодлаком, я посмотрела на невесту и поняла, что Полин тоже отчаянно хочется веселиться. Но принцесса Кафская уже не принадлежит себе, и оттого Полин оставалось только смотреть, как развлекаются другие. Это непорядок! Это ее день, ее праздник.

Я пошептала на ухо Генри, и мы подошли к новобрачным. Как я и думала, Саид не смог отказать мне в такой пустячной просьбе, а после того, как он пошел танцевать со мной, то запретить Полин танцевать, допустим, с близнецами было уже как-то нелогично.

Потом Полин пригласила Эллендара.

Потом мы станцевали парный танец: мы с Генри и Полин с Саидом. Пару раз мы менялись партнерами, и принца всякий раз раздирали самые противоположные чувства.

Но это пустяки. Главное, что Полин была счастлива, правда?

За опустевшим преподавательским столом, как монумент самому себе, восседал его сиятельство граф Эгмонт фон Рихтер. С каменным выражением лица он ковырял вилкой в почти нетронутой тарелке. Шпага лежала рядом, на освободившемся стуле.

6

А букет невесты поймала Матильда ле Бреттен.

Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.

Гум-ил-Лев,
солнце лыкоморской словесности

ЭПИЛОГ

1

Так закончился первый свадебный день. Но был еще второй, и третий, и четвертый — принц не жалел денег, лыковка в фонтанах все не кончалась, и дружба братских народов крепла на глазах. Академия вдобавок прекрасно помнила, что еще немного — и начнется учебный год, а там уж будет не до праздников. Словом, гуляли про запас.

Про молодоженов, естественно, уже на второй день все и думать забыли. Они не возражали. Однако когда в последний вечер Саид вдруг потребовал слова, почти все гости ухитрились вспомнить, кто он такой и почему говорит с таким забавным акцентом.

— Мы приготовили гостям небольшой сюрприз, — старательно выговаривал принц, а Полин тихонечко поправляла его, когда он путался в грамматических категориях. — Для каждого из вас приготовлен подарок. Он зачарован так, чтобы узнавать...

— Узнать, милый...

— ...чтобы узнать только своего владельца. Найденное сокровище обрадуется вам так же, как вы обрадуетесь ему. Но если оно узрит в вас чужака...

— Загрызет на месте... — шепотом закончил Хельги Ульгрем.

Я недовольно покосилась на вампира: из-за его слов я не расслышала, что хотел сказать Саид.

Молодой супруг сделал поистине царский жест.

— Ищите! — повелел он.

И все кинулись искать.

Поиски длились до самого утра. Самые везучие нашли свои подарки на этажах Академии; невезучим пришлось обшарить и чердаки, и подвалы, и подсобки, и прилегающую территорию, которая в ведомостях значилась как «лесопарк». То и дело раздава-

лись яростные вопли: «узрев чужака», подарок ругался во весь голос, жалуясь на бандитов, пиратов, грабителей и прочих преступных элементов, падких до чужого добра.

Хуже всех пришлось Хельги. Он искал свой подарок до шести утра. Всю ночь его печальная фигура появлялась то там, то здесь, и каждый новый подарок, к которому он с надеждой протягивал руки, считал своим долгом возмутиться громче и визгливее, чем предыдущий.

— Убери свои грязные ручонки, Хельги Ульгрем! — слышался очередной пронзительный вопль. — Я не твой подарок! Я подарок несравненной Ликки де Моран — и не говори, что не знаешь такой!

Ликки (Анна, Катрина, Валентин де Максвилль — имя и фамилия, понятное дело, всякий раз были разными) — немедленно кидалась туда, откуда слышался этот крик. А печальный Хельги с тяжелым вздохом шел дальше.

Было шесть часов утра, когда я, поднимаясь по боковой лестнице, услышала следующий диалог:

— Дорогой подарок! Ты... ты... вы...

— Да твой я, твой! — рявкнул подарок и тут же смолк. Зашуршала оберточная бумага, послышался счастливый вздох.

— Ты просто чудо! Мы созданы друг для друга... — прерывающимся голосом поведал миру вампир.

Но до самого Нового года близнецы аунд Лиррен, едва завидев вампира, слаженно заводили:

— Убери свои грязные ручонки, Хельги Ульгрем! Я не твой подарок... эй, Хельги, ты куда?

Вампир был готов растерзать эту парочку, но эльфов было двое, а он — всего один. Вдобавок они лучше знали боевую магию. Поэтому Хельги предпочитал спасаться бегством.

Время шло. Все возвращалось в свою колею. С первого числа мы вышли на учебу; я долго не знала, как вести себя с Рихтером, и отмалчивалась на практикумах. Я обиделась на него — действительно, сильно обиделась. Но целый месяц я жила в комнате одна, и по вечерам у меня не было другого занятия, кроме как думать. Мысли лезли самые разные, большей частью — довольно грустные, но однажды я приказала себе собраться и подумать логически.

Ничто не остается неизменным. Где та девушка, которая поступала в Академию, создавала мгымбра, взламывала рихтеровскую

лабораторию? Все меняется, и все меняются; что толку пытаться повернуть время вспять?

Нас было трое. Поначалу, когда я вспоминала о том сумасшедшем путешествии от Межинграда до Даркуцкого кряжа, в горле вставал комок. Нас было трое, мрыс дерр гаст!.. И мы были одно. Такое больше никогда не повторится.

Но прошлое прошло, и нужно учиться жить дальше. Наши дороги на какое-то время пересеклись, а потом вновь разбежались в разные стороны. Боги мои, боги! Что общего может быть между волкодлаком, магистром и студенткой? Если вдуматься, то магистра и студентку разделяет даже больше, нежели, например, студентку и волкодлака...

У каждого из нас — свой путь, своя жизнь, свой выбор. Так что Эгмонт, наверное, был прав, хотя и жесток. Нечего цепляться за прошлое; нечего лезть друг другу в душу.

Я, знаете ли, тоже не поощряю фамильярности.

И у меня теперь был Жоффруа Ле Флок.

Да! Я такая же девушка, как и все; у меня есть личная жизнь, мне дарят цветы, водят в театр и кормят мороженым. Мы целуемся в укромных уголках, говорим друг другу глупости, ссоримся и миримся... Что там еще нужно делать?

Если уж говорить о личной жизни, у Сигурда тоже все налаживается. У него есть мистрис Рэгмэн. А у магистра Рихтера нет ничего, кроме преподавательского гонора и боевого верблюда. И поделом!..

В середине осени к воротам Академии подкинули маленького белого верблюжонка. На шее у него висел кожаный футляр для писем. Верблюжонка, разумеется, отдали Рихтеру. Письмо вручили ему же, однако через неделю вся Академия знала, что на подходе еще тридцать два верблюжонка, которые, по достижении сообразного возраста, тоже будут переданы законному владельцу. Гном-завхоз расширял верблюжатню. А Рихтер каждый день ездил выгуливать своих питомцев. Для него установили стационарный телепорт, и вскоре зрелище «магистр Рихтер верхом на боевом верблюде уезжает по делам» сделалось привычным, как игры фэйри в фонтане.

Прошел месяц — из свадебного путешествия вернулась Полин. Она загорела, в совершенстве освоила восточный макияж и в разговоре то и дело сбивалась на кафский. Она тоже изменилась — неуловимо, но отчетливо. Взять хотя бы макияж: то, что смотрелось слишком вычурно на лице у Полин де Трийе, выглядело уди-

вительно гармонично у принцессы Кафской. При этом на все про все у Полин по-прежнему уходило не более семи минут.

Теперь алхимичка увлекалась Востоком и учила сразу два языка. По вечерам она хватала пергамент, подсаживалась ко мне и начинала рисовать самые разные иероглифы, на ходу объясняя их значение. Все эти черточки, палочки и крючки моментально вылетали у меня из головы, но Полин не сдавалась и упорно объясняла, что вот это «весна», это «человек», а это «маленькая глупая Ялька, которая не понимает своего счастья».

Самым сложным оказалось отучить ее говорить о себе во множественном числе. Поначалу я не могла понять, о чем это она: «Мы думаем, что...» — или: «Мы полагаем, будто...» Через неделю мы кое-как расправились с этим. В качестве компромисса пришлось согласиться на формулировку «наш муж». С этим бороться было бесполезно.

Наш муж навещал Полин каждые выходные, если его не задерживали дела государственной важности. В этом случае принцесса отбывала в Каф к супругу, пользуясь все тем же рихтеровским телепортом.

Неделя за неделей пролетали с невероятной скоростью. По будням — учеба, по субботам — подработка, по воскресеньям — Жоффруа Ле Флок. Телепат считал своим долгом грамотно организовывать мой досуг, и за несколько месяцев мы последовательно изучили весь оперный, балетный и драматический репертуар столичных театров. Когда театры наконец-то закончились, Жоффруа переключился на музеи, литературные гостиные и выставки современного искусства.

Потом кончились и музеи. Начались семейные торжества.

У Жоффруа обнаружились весьма обширные родственные связи. Каждые выходные кто-то из Ле Флоков рождался, умирал, женился или отмечал юбилей. Я познакомилась с матерью Жоффруа, его отцом, тремя старшими и одним младшим братом, а также многочисленными кузенами, кузинами, двоюродными племянниками и троюродными тетками. Вскоре я могла уверенно нарисовать все их родословное древо и понемногу начинала подозревать, что Жоффруа совсем не против добавить к этому древу новую веточку. Впрочем, пока он об этом не заговаривал.

И то хорошо.

Я долго собиралась написать Сигурду, но мыслей было так много, что они просто не помещались на пергамент. Несколько черновиков отправились в мусорную корзину, еще парочку я сгоряча спалила малым боевым пульсаром (Полин долго проветривала комнату, а ворчала потом еще дольше). Дело кончилось тем, что Сигурд сам мне написал. Он был краток.

«Здравствуй, Ялька, — незамысловато начинал волкодлак. — Чего не пишешь? Хотя, может, тебе и писать некогда. Эгмонт вон все грозился тебе показать, где раки зимуют. У нас все хорошо. Капуста в этом году уродилась — загляденье, а не капуста! Мать уже все кадушки засолила. И половинками, и четвертушками, и с мочеными яблоками, и со свеклой, и просто так. Так что приезжай к нам, Ялька, покуда еще хоть что-то осталось. А то ведь съедим, так и не попробуешь. Ждем вас с Эгмонтом на выходных. Сигурд».

Я дважды перечитала этот гимн волкодлачьим соленьям и сглотнула слюну. Рот аж свело, так хотелось попробовать капусту половинками, четвертушками, с мочеными яблоками, со свеклой и — мрыс с вами со всеми! — хотя бы просто так. Ради этого я согласна была даже вытерпеть Рихтера. К тому же после того разговора на свадьбе Полин прошло уже достаточно времени, и мы успели привыкнуть к заново очерченным границам.

Но все оказалось гораздо проще. В четверг Рихтер выдал нам задание в три раза больше обычного, а в пятницу на стенде с расписанием появился небольшой листок, сообщавший, что на ближайшую неделю пары магистра Э. Рихтера у адептов отменены, но непременно будут восстановлены, когда преподаватель вернется из командировки. Освободившееся время адептам надлежит использовать для самообразования.

«Чтоб тебя там виверна сожрала!» — без особенной надежды подумала я.

У Сигурда было... хорошо. Хвала богам, уж он-то не был моим преподавателем, и мы долго-долго вспоминали прошлогодние приключения, заедая их половинками, четвертушками и мочеными яблоками. Оборотень напрасно меня стращал: капуста и впрямь уродилась на славу и в случае голода Арра могла дотянуть до весны на одних капустных запасах.

Очень удачно, что Эгмонт отбыл в командировку. Арра была не тем местом, где можно сохранять официальные отношения. А общение в неформальной обстановке тяготило бы нас обоих.

На следующие выходные я ловко откосила от встречи с Ле Флоками, объяснив это необходимостью заняться самоподготовкой. «Рихтер вернется — мне мало не покажется! — честно сказала я Жоффруа. — Ты ведь меня понимаешь, правда? Я очень хочу, но...»

Жоффруа понял, хотя выглядел он весьма разочарованным. А я благополучно не стала уточнять, чего именно очень хочу.

Через неделю у Полин состоялось новоселье в ее кафском дворце. Разумеется, мне, как ее лучшей подруге, необходимо было там присутствовать. «Протокол, Жоффруа! — еще честнее сказала я. — Ну ты ведь понимаешь, правда?» Ле Флоку совсем не обязательно знать, что новоселье являлось чисто формальным и по справедливости должно было называться «праздник по случаю ремонта левого флигеля южного крыла».

К следующим выходным из командировки, верхом на боевом верблюде, вернулся Рихтер, и мне на самом деле стало не до Ле Флоков.

Так прошел месяц. Семестр понемногу заканчивался, я готовилась к сессии, а по Академии ползли слухи о том, что на Новый год адептов ожидает нечто необыкновенное. Но до Нового года еще нужно было дожить. Я дописывала курсовую работу, спала на ходу и едва не ночевала в библиотеке.

В то воскресное утро я проснулась очень рано и долго лежала, задумчиво глядя в потолок. Этот день был моим! Я работала всю неделю как проклятая и вот теперь наконец смогу отдохнуть. Через заиндевевшее окно ярко светило солнце; я видела краешек неба, по-зимнему бледного, но очень ясного. Вот сейчас я разбужу Полин, позавтракаю с ней и завалюсь обратно еще на пару часиков. Потом проснусь, почитаю книжку, может быть, схожу прогуляюсь...

И тут меня осенило. Какое там «завалюсь», какое там «прогуляюсь»! Сегодня же именины тетушки Софи, на которые мы с Жоффруа непременно должны пойти!

С тихим стоном я уткнулась лицом в подушку. И ведь нельзя отвертеться — я и так прогуляла три семейные встречи...

В комнате было холодно — несмотря на все усилия Полин, из щелей нещадно дуло. Я завернулась в одеяло, прислонилась к стене и мрачно посмотрела на тумбочку. Там стоял небольшой букет глициний — в этом сезоне глицинии были самыми модными и дорогими цветами. Правда, я все равно предпочитала розы...

Я увидела себя как будто со стороны -- и поняла каким-то холодным, действительно отстраненным знанием, что моя жизнь уже давно не принадлежит мне. По какому праву Жоффруа Ле Флок решает, что мне делать, с кем встречаться, что любить? Я сама позволила ему это. Я ошиблась. Что ж, значит, мне эту ошибку и исправлять.

Приятный выходной летел в тартарары, но это не имело никакого значения. Решившись, нужно идти до конца. Я оделась, тщательно причесалась и написала Жоффруа короткое письмо. Я думала, что буду размышлять над каждой строчкой, но слова сами собой ложились на пергамент. Конечно, есть вещи, которые правильнее говорить лично, а не в письме. Но для этого нужно было найти Жоффруа, а выяснять отношения в доме престарелой именинницы — все-таки не лучшая идея.

Особенно если учесть, что Жоффруа — ее любимый племянник, а темпераментом боги не обидели ни меня, ни его, ни тетушку Софи.

Уже через час мы с Ле Флоком сидели в вестибюле, и я перебирала бусинки собственного браслета, выслушивая, как я несправедлива, как сильно маг меня любит и как глупо поддаваться минутному капризу. Каприз добил меня окончательно, да и бусинки кончились.

Я встала, прервав араньенца на середине фразы:

— Извини, мне правда пора идти. Я благодарна тебе... действительно, очень благодарна. Но этого мало, Жоффруа! Нам обоим этого мало...

— Мало, — согласился араньенец. — Но, быть может, ты все-таки скажешь, в чем дело? Я чем-то обидел тебя? Я был невнимателен? Неучтив? Ялька! Да скажи наконец, что я сделал не так! Нам же было хорошо с тобой!

Он был бледнее обычного и очень четко выговаривал каждую фразу. Не нужно было прибегать к телепатии, чтобы понять, что он обижен, рассержен и ровным счетом ничего не понимает. Он же все делал по правилам: ухаживал, дарил цветы, водил в приличные места, даже с семьей познакомил! И вот девушка, которая еще вчера была со всем согласна, вдруг ни с того ни с сего объясняет, что он, магистр Ле Флок, — ее приятное, но прошлое!

Мне было жаль его. Но лучше пусть я буду жалеть его, чем свою загубленную жизнь.

— Ты прав, Жоффруа. Нам действительно *было* хорошо. А я хочу жить дальше.

Я сняла с пальца кольцо, которое Ле Флок подарил мне месяц назад. Такое кольцо означает, что вскоре тебе сделают предложение. Месяц назад мне это понравилось. Сейчас у меня уже не было права носить его.

Араньенец отшатнулся от меня, словно я его ударила.

— Зачем ты так? Я могу понять и принять твой отказ, но для чего ты меня еще и унижаешь? Неужели ты считаешь меня таким... таким...

— Извини, — быстро сказала я. — Тогда я оставлю его на память, хорошо? Я... честно, я не хотела тебя обидеть.

Последние дни старого года выдались очень тягостными. Мне, кажется, никогда еще не было так одиноко. Я не жалела о разрыве с Жоффруа, но раньше мне хотя бы было с кем поговорить. Полин — это хорошо, и очень хорошо, но, когда два человека живут в одной комнате, время от времени им нужно отдыхать друг от друга. Иначе дело кончится зверским убийством.

Новогодний бал почти не отличался от прошлогоднего. Наученная горьким опытом, я заранее позаботилась о платье, прическе и украшениях. Правда, на уроки танцев времени уже не хватило. Но женщина без недостатков — это не женщина, а гомункулус. Решив не изображать из себя гомункулуса, я танцевала как умела. На отдавленные ноги, во всяком случае, никто особенно громко не жаловался.

В два часа ночи мы высыпали на улицу зажигать фейерверки. Под моими туфлями скрипел снег; все небо было усыпано мелкими звездами, и мороз стоял такой, что смерзались ресницы. Впрочем, обогревающего заклинания хватило, чтобы досмотреть фейерверк до конца.

Вернувшись в зал, я первым делом кинулась к стойке, где наливали глинтвейн. Заклинание — это прекрасно, но горячее вино со специями, да еще в новогоднюю ночь, — это почти святое. Рядом со мной стоял Генри Ривендейл; мы чокнулись кружками с горячим глинтвейном, пожелали друг другу счастливого Нового года, а потом, допив вино, отправились танцевать.

Все было хорошо, и ничто не предвещало беды. В пятом часу утра, когда у меня протерлась подметка, вампир вызвался проводить меня до комнаты. Мы прошли по темным коридорам, смеясь и болтая о всякой чепухе, но, немного не доходя до нашей двери, Генри остановился.

С самым серьезным видом он вынул из внутреннего кармана небольшой футляр темно-зеленого бархата. Внутри у меня все похолодело, но я решила, что надо бороться с начинающейся паранойей.

— Вот, — красноречиво сказал вампир. — С Новым годом, Ялька. Надеюсь, тебе понравится.

Предчувствуя нехорошее, я медленно открыла футляр.

Да. Интуиция не подвела. Внутри, на специальной подушечке, лежал эльфийский серебряный гарнитур — серьги и кольцо, украшенные зеленовато-золотыми камнями. Хризолиты, кажется. И топазы...

А как все хорошо начиналось...

Я теряла хорошего, надежного друга — возможно, лучшего из моих друзей, не считая Сигурда. Но Сигурд — это почти что я. А Генри — это совсем другое дело!

— Нравится? — с надеждой спросил вампир.

— Нравится, — обреченно сказала я. — Но знаешь что, Генри...

— Не надо, — перебил меня Ривендейл. Он все прекрасно понял. — Не говори сейчас ничего. Это просто подарок на Новый год — и ничего более. Я все понимаю, и я подожду. Я буду ждать долго, Ялька, — столько, сколько потребуется. Только не говори мне сразу «нет». Договорились?

Я отрывисто кивнула. Ничего другого мне не оставалось.

На этом, хвала богам, мои любовные приключения исчерпались. Каникулы прошли, наступил второй семестр. Теперь я работала еще и по воскресеньям, выторговав у гнома-корчмаря двойную оплату. Денежки шли, знания накапливались, а зима тем временем сменилась весной. А там уже недалеко и до лета.

2

Лето выдалось какое-то бестолковое: не то жаркое, не то мокрое, а главное — донельзя суетливое. Дождь шел чуть ли не каждую ночь, и я привыкла, что наутро весь Межинград превращается в одну большую лужу. К полудню лужи обычно высыхали: жара стояла такая, что даже мухи куда-то попрятались. Но ближе к вечеру небо вновь затягивало тучами, и над городом будто поворачивали невидимый кран.

В это время я как раз проходила производственную практику в небольшой северной деревеньке и дважды в неделю телепортировала в столицу, чтобы отчитаться перед непосредственным руководством. Руководство намекало, что не прочь видеть меня немного реже, но я откровенно маялась от скуки. В эту деревеньку каждый год засылали адептов-практикантов, и вся местная нежить успела понять, что связываться с нами еще хуже, чем со взрослыми магами. Кто там был опасен — так это мухи: здоровенные оводы размером с полпальца, которым было глубоко начхать на все мои заклинания.

К концу практики я вспомнила, что должна вести дневник, и, почесываясь, перелистала методичку по боевой магии. Так. Упыри, болотники, порча, залом...

Всю ночь, при свече, я писала дневник. Перед моим внутренним взглядом проплывали картины великих битв, иллюстрации к учебнику, отрывки из хрестоматий и прошлогодние воспоминания. К утру дневник был готов. Я перечитала его, почистила кляксы и поняла, что одна эпическая поэма «Битва с упырем в болотах у деревни Большие Телушки» достойна высшего балла и благодарственной надписи в диплом.

С другой стороны, было немного боязно. Врать я умела, но врать так нагло мне раньше не доводилось.

К моему огромному облегчению, смешанному с некоторым разочарованием, руководитель практики даже не открывал дневника. Он задумчиво посмотрел на мои искусанные руки и посоветовал хорошую мазь от зуда.

— А что с зачетом? — рискнула я.

— Зачет зачтен, — меланхолично ответил преподаватель. — Кстати, не хотите ознакомиться с материалами предыдущих практикантов?

Я неуверенно пожала плечами, и он вынул из тумбочки две огромные растрепанные папки.

— Читайте, — все с той же задумчивостью посоветовал он и ушел пить чай.

Я открыла чей-то дневник и с первой же страницы погрузилась в мир суровых воинов, жутких тварей и кровавых сражений. «Упырь пер на меня, размахивая задушенным петухом, — смачно излагал какой-то бывший второкурсник. — Но я вспомнил практикум номер двадцать шесть от седьмого стужайла прошлого года и применил заклинание двух зеркал...»

Если верить папкам, деревня Большие Телушки была самым опасным местом в обитаемых землях.

В начале грозника я вернулась в Академию — там меня уже ждало письмо, запечатанное фамильным перстнем Леснивецких. Я вскрыла конверт из чистого любопытства: расставались мы со вновь обретенными родственниками на довольно радостной ноте, не испытывая ни малейшей печали от предстоящей разлуки, и я совершенно не представляла, для чего братья могут мне написать.

Сказать, что я была удивлена, — значит ничего не сказать. В письме, написанном несколько коряво, зато чистосердечно, братья выказывали обиду на то, что за целый год я ни разу не приехала под отчий кров. «Отчий кров» добил меня окончательно. «Людям в глаза стыдно смотреть, — писал Михал. — Что ж мы за гады такие, коли нас даже единокровная сестра видеть не хочет? Ежели чем провинились, ты уж прости нас, потому как не дело это, коли в семье разлад!»

Я долго думала, как мне поступить. Помощь пришла от Генри Ривендейла. Как выяснилось, земли Леснивецких и земли Ривендейлов располагались не то чтобы сильно близко, но и недалеко. В итоге сначала мы с Генри заехали в маеток Леснивецких, где состоялось повторное единение семьи, а потом отправились к родителям вампира, где меня встретили тоже очень хорошо. Единственное, что немного напрягало, — это то, как внимательно рассматривала меня матушка Генри, многоуважаемая герцогиня Ривендейл. После я, как и обещала, вернулась к братьям и провела целую неделю — правда, не столько под отчим кровом, сколько на лоне природы. Получилось нечто вроде дополнительной практики, но никто не возражал: народ только радовался появлению такой замечательной панночки, которая, ежели что, и корову подлечит, и упыря в могилу загонит. Кстати, упырь был дохленький, не успевший толком набраться сил, но после его усмирения братья зауважали меня еще больше прежнего.

На счастье, пан Богуслав Раднеевский был отправлен князем-воеводой с посольством. Я не выясняла, куда именно, — главное, что далеко и надолго. Третьего объяснения в любви за год я могла и не пережить.

Обратно я вернулась в начале зарева — одна, без Ривендейла, который обещал приехать в Академию приблизительно в двадца-

тых числах. В принципе я была рада немного побыть одна — кроме того, за время тесного общения с вампиром выяснилось, что у него имеется одна, но очень странная привычка: замолкать на полуслове и смотреть на меня внимательным проникновенным взглядом. Вероятно, у Ривендейлов это было фамильное.

Словом, лето удалось.

Академия встретила меня запахом краски, олифы и прочих строительных жидкостей. По коридорам сновали бригады гномов-маляров, таскавших ведра, кисти, складные лестницы и матерчатые мешки, в которые можно было запихнуть боевого слона. Пару раз на меня опрокинули ведерко с краской, и только чудом я успевала слевитировать ее обратно. Полин еще не вернулась; честно говоря, во всей Академии обреталось от силы два или три адепта.

Зато преподаватели присутствовали в полном составе — и каждый, наткнувшись на меня в коридоре, считал своим святым долгом выдать студентке какое-нибудь Особо Важное Поручение. Единственным исключением была Эльвира Ламмерлэйк. Как-то раз я встретила ее недалеко от теплицы; алхимичка медленно шла по направлению к подземельям, удерживая в воздухе силой мысли разом семь горшков. В каждом имелся цветок, который необходимо было подбодрить и успокоить.

— Магистр Ламмерлэйк, вам помочь? — благородно предложила я. Все равно делать мне было нечего.

В коридоре было темно, и Эльвира, занятая семью цветками одновременно, не сразу сообразила, кто именно предлагает ей помощь. Магичка радостно встрепенулась, но цветы, которым не надо было никого подбодрять и поддерживать, мигом просекли, кто стоит перед ними. Как по команде, они свернулись в шары и втянули листья, так что снаружи было видно только плотное переплетение стеблей.

— Что это с вами тако... — Эльвира подняла глаза, увидела меня и невольно сделала защитный жест. — Нет-нет, студентка Ясица, благодарю вас, не надо!

Ближайший ко мне цветок сотрясался от мелкой дрожи. Я растерянно шагнула к стене, и магичка прошла мимо. До меня донесся слитный облегченный вздох; посмотрев ей вслед, я увидела, что вокруг горшков сияет радужная пленка защитного купола.

«Однако», — не без уважения к себе подумала я.

— А если вы хотите помочь, студентка Ясица, — донеслось из-за поворота, — лучше идите в библиотеку! Магистр Зирак разыскивает вас с самого утра.

Совет был неплох, и я отправилась куда сказали.

Там и верно для меня нашлось немало работы. Я помогла снять книги с полок, разбавила краску олифой, сбегала за кисточкой, подкрасила подоконник, вбила в стену гвоздь, съездив себе молотком по пальцам, нашла, куда исчезла кисточка за те две минуты, которые потребовались на воссоединение гвоздя со стеной, и с удивлением узнала, что вбивать его надо было совершенно в другое место. Гномёнок Ригли, вытянувшийся за лето, бодро покрывал новые полки лаком; время подходило уже к восьми часам, и Зирак, вбив гвоздь куда надо, отпустил меня восвояси.

Насвистывая под нос старую эльфийскую песенку, начинавшуюся со слов «Нас вечер встречает прохладой...», я бодро выскочила из библиотеки — и буквально столкнулась с Рихтером. Вот это было... нехорошо.

В последнее время преподаватели встречались мне кто часто, кто редко, но, так или иначе, за день я пересекалась почти что со всеми. Даже с бестиологом, который прилагал все усилия, чтобы по максимуму избегать этих встреч. Единственным, с кем мне ни разу не удалось пересечься, был Эгмонт. Иногда я видела, как он торопливо сворачивает за угол, иногда слышала в отдалении его голос. С одной стороны, было немного обидно, что декану нет никакого дела до того, как его студентка провела такую интересную практику... вдобавок мы же все-таки друзья — ну или были друзьями! Несмотря ни на что, мне отчаянно не хватало тех времен, когда нас было трое и мы были одно. Но что прошло, того уже не воротишь. Нынешний Эгмонт разительно отличался от того, каким он был когда-то. Каждая встреча только добавляла сложности в мою и без того не слишком легкую жизнь. Теперь он окончательно потерял представление о том, что способна сделать студентка второго курса, а что находится выше сил человеческих. Ну — или не совсем человеческих, но все равно выше.

Поэтому, выскочив из библиотеки и столкнувшись с деканом нос к носу, я не испытала никакой радости. Зато Рихтер, как ни странно, обрадовался.

— Студентка Ясица, вы очень кстати, — заявил он, глядя куда-то мимо меня. — Директор только что сообщил мне, что сегодня вечером в столицу с официальным визитом прибывает Аррани Валери.

Год назад я бы радостно завопила: «Эгмонт! Что, правда Лерикас приезжает?!» Сейчас я стояла, хмуро смотрела в окно и ожидала дальнейших инструкций.

Рихтер подергал себя за ухо — появилась у него такая привычка.

— Собственно, она прибудет уже через полчаса. Я сейчас буду немного занят, так что встречать ее придется вам. Короче, вы ее встретите и проводите...

Тут он запнулся и яростно дернул ни в чем не повинное ухо. Ухо медленно наливалось красным. Я с интересом наблюдала за процессом и гадала, что случится раньше: ухо оторвется или Эгмонт сообразит, что запасного у него все-таки нет. Он же не василиск из глазной серии.

Но тут до меня дошло, о чем речь, и я едва не подпрыгнула на месте. Где я встречать буду Лерикас — в резиденции царя-батюшки? Меня ж туда не пустят! Эгмонт что, совсем свихнулся?

Все это, правда в чуть более мягкой форме, я выложила Рихтеру.

Тот уставился на меня непонимающими глазами. Было заметно, что маг борется с желанием постучать себе по лбу (в скобочках — мне, в скобочках — нужное подчеркнуть).

— Что с вами, адептка? — устало спросил он и повторил, подчеркивая каждое слово: — Аррани Лерикас — приезжает! В Академию, к нам, а не к царю-батюшке. Она же конунг! С каким еще визитом она может приехать, кроме как с официальным?

— Понятно, — быстро сказала я, чтобы он не сомневался в моих мыслительных способностях. — Лерикас, приезжает, уже через полчаса. Где встретить и куда проводить?

— Встретить на границе зоны телепортации, а проводить в... — Эгмонт вновь запнулся, но я уже сообразила и закончила за него:

— В вашу лабораторию. Я права?

— Да. Да. Конечно. В лабораторию... — Рихтер кивнул, потом улыбнулся, потом добавил: — Ладно, я пошел, дел еще много... — И исчез за поворотом.

Я недоуменно посмотрела ему вслед. Магистр, вы знаете, есть такие травки — валерьянка, например...

Значит, Лерикас приезжает. Это... это здорово, честное слово! Я улыбнулась, чувствуя, что настроение рывком полезло вверх. Может быть, и Сигурд приедет? Хотя... это вряд ли. У него наверняка хватает своих дел. Вполне возможно, что он уже женился; дом, семья, дети — что может быть выше этого для правильного волкодлака?

У Сигурда семья, у Эгмонта нервы... Я подергала себя за ухо, потом спохватилась — вот гад, еще и студентку дурной привычкой заразил! — и отправилась искать братьев аунд Лиррен. Не торчать же одной на границе телепортационной зоны!

Лерикас приезжает. Интересно, почему я сразу решила, что теперь все будет хорошо?

В девять часов вечера мы втроем стояли на границе зоны, свободной для колдовства, и зоны, свободной от колдовства. Стояли и ждали, когда перед нами наконец вспыхнут зеленым светом границы телепорта. Время шло, однако Аррани не появлялась. Близнецы тихонько жаловались на жизнь, я демонстративно любовалась окрестностями.

Собственно, здесь было чем любоваться. В последние дни по вечерам небо затягивало облаками, и, пробиваясь сквозь них, заходящее солнце окрашивало все вокруг удивительно мягким розовым светом. Между заново выложенными в том году камнями — увы, слонов наша мостовая не пережила — пробивалась пока еще робкая трава. Стояла тишина, на улицах не было ни одного человека, и именно этим объяснялись непрекращающиеся жалобы близнецов.

Дело в том, что эльфы всем сердцем жаждали оказаться там же, где находилась сейчас добрая половина населения Межинграда, — в открывшейся десять минут назад корчме «Под хмельком», где в честь открытия каждую пятнадцатую кружку обещали наливать бесплатно. А тому, кто приведет с собой друга, полагалась и бесплатная закуска к этой самой пятнадцатой кружке. Хотя лично я сомневалась, что кому-либо к указанному моменту понадобится закуска. Близнецы не замедлили бы туда отправиться — но нельзя же было упустить шанс своими глазами увидеть владычицу Конунгата!

Эти два несовместимых желания просто разрывали братьев напополам, и надежда оставалась лишь на то, что Валери поторопится, Эллинг и Яллинг получат свои впечатления, а после успеют добежать до корчмы и предъявить права на бесплатные кружки и закуску.

Но Лерикас запаздывала, что было на нее непохоже.

Неожиданно послышался чуть слышный звук шагов. Из-за поворота выскользнула огромная серая тень. Завидев нас, она перешла на шаг, и близнецы завороженно уставились на громадного

волка. Лерикас взяла с собой Фенрира?.. Он шел, опустив морду к самой земле; одно ухо заинтересованно торчало вверх, другое обвисало тряпочкой. За прошедший год он еще вырос и, как ни странно это звучит, повзрослел.

С неба мягко струился ровный красноватый свет; где-то я уже видела все это... В следующий момент до меня дошло, и до близнецов, кажется, тоже. Мы переглянулись и, давясь хохотом, заговорили, перебивая друг друга:

— Конец света!.. Предсказание вельвы!..

— Никому не скажем! Ой, мама!..

— Ой, не могу...

Наверное, мы догадались бы и раньше, если бы и в этот раз смотрели на город сверху. Теперь же ракурс был иным, и нам потребовалось время, чтобы совместить в сознании две картинки. Впрочем, к нашей чести, — не так уж много времени.

Мы еще не перестали хохотать, хлопая друг друга по плечам, когда рядом раздался слегка удивленный хриплый голос:

— Конунг, а чего это они?

Казалось, говоривший произносит слова с некоторым трудом, словно проталкивая их через непослушную глотку. Наверное, так оно и было, потому что на моей памяти Фенрир Волк говорил впервые. Он стоял в двух шагах, забыв опустить поднятую было переднюю лапу, и смотрел на нас, скажем так, несколько обескураженно. Близнецы разом замолчали: похоже, они не ожидали, что Фенрир заговорит. Я немного смутилась — объяснять нашу реакцию пришлось бы довольно долго, — но тут прямо из воздуха, без зеленого света или хлопка, появилась Аррани Лерикас. Через плечо у нее была переброшена дорожная сумка.

— Это же эльфы, Фенрир, — объяснила она, перебросив назад чуть растрепавшуюся косу. — Они всегда себя так ведут.

— Да? — подозрительно уточнил Волк.

— Ну, кроме Эрика, разумеется, — но он же полуэльф... О, Яльга, здравствуй! Добрый вечер, господа маги...

— Здравствуйте, — чуть ошарашенно согласился Эллинг.

Яллинг же, которому определенно пошло на пользу давнее проклятие Эгмонта, сорвал с головы несуществующую шляпу и изобразил с ее помощью элегантный поклон.

— Госпожа конунг, разрешите представиться: Яллинг аунд Лиррен, а это — мой брат Эллинг. Вы, быть может, помните нашего брата, юного Тиллета...

— Его забудешь! — хмыкнула Лерикас.

— Конунг! — вмешалась я. Возможно, это было не очень вежливо, но у меня имелся жизненно важный вопрос. — А Сигурд... он с тобой не приехал?

Оборотница чуть улыбнулась.

— Он приедет чуть позже, — мягко сказала она. — У него небольшие неприятности, но думаю, что он сумеет с ними разобраться. И вскоре уже будет здесь.

Разумеется, Лерикас приехала налегке: кроме сумки, с ней не было никакой поклажи. Это немало огорчило близнецов аунд Лиррен, ибо, имейся у Валери хотя бы один чемодан, его можно было бы донести и под этим предлогом проводить ее до комнаты. На пальце у конунга поблескивало обручальное кольцо, но, во-первых, братья не видели Рэнтара вживую, а во-вторых, вряд ли их планы простирались так далеко. Просто золотой дракон — он и есть золотой дракон. К нему тянет всех, и эта тяга пересиливает даже обаяние бесплатной пятнадцатой кружки.

Распоряжения декана надо выполнять, но где же сказано, что их надо выполнять дословно? Да и что взять с Эгмонта, в последнее время отнюдь не отличавшегося адекватностью? Я поймала завхоза, узнала, что он прекрасно осведомлен о прибытии конунга Арры, выяснила, которую из гостевых комнат ей отвели, и проводила Лерикас туда. По пути мы встретились по меньшей мере с пятью строительными бригадами, а Волк то и дело чихал, проходя мимо очередной свежевыкрашенной стены.

— Вот, — бодро сказала я, широким жестом указывая на дверь. — Здесь ты будешь жить. Можешь, конечно, жить здесь или здесь, — я по очереди ткнула пальцем в двери справа и слева, — но разницы никакой. А в остальных идет ремонт.

— Понятно, — кивнула Лерикас. — Ремонт — это святое. Но что-то мне не верится, что студенты ложатся спать в девять вечера.

— Ну, чаще бывает, что в девять утра... Запомнила, как сюда идти? В двери есть элементаль, если будут вопросы — она все объяснит.

Флуктуация, явно стесняясь, тихонько сидела в косяке.

— Где ты будешь жить, я показала, а теперь пошли к Рихтеру в лабораторию. А то декан — он такой, он ждать не любит.

Тебе хорошо, ты золотой дракон, а мне у него еще три года учиться...

Лерикас внимательно посмотрела на меня и немножко сквозь — так, будто она видела то, что происходит у меня внутри.

— Да, — немного не в тему сказала она. — Кажется, я вовремя приехала.

Возразить было сложно: во-первых, она была права, а во-вторых, так или иначе, но золотому дракону не скажешь: «Что-то не вовремя ты приперся, дружок!» Так что я улыбнулась, развернулась на каблуках и пошла вперед, указывая гостям дорогу.

Надо сказать, что лаборатория Рихтера не стала для студентов меньшей тайной. Я отлично знала, что первокурсникам Эгмонт прочитал классическое внушение на тему того, что не стоит даже пытаться ее взломать. Пару раз за минувший год я слышала за спиной уважительный шепоток: «Видишь, вон рыжая пошла? Это та самая, ага, та самая, которая Рихтерову лабораторию взломала!» Легендой быть приятно, но речь не о том.

Скорее всего, не будь ремонта, судьбоносная встреча с конунгом Арры произошла бы в деканате. Но ремонт был и диктовал свои условия. В деканате красили стены и меняли пол, и, даже если удастся выгнать оттуда гномов-ремонтников, все едино это никак не то помещение, в котором надлежит принимать конунга.

Я распахнула незапертую дверь и первая зашла внутрь. Да... места маловато. Стол был отодвинут к окну, на нем вперемешку стояли приборы, накрытые какой-то тканью, и книги, сложенные в не слишком-то аккуратные стопки. Книги лежали и на полу; по углам валялись свитки, а в единственном кресле, отодвинутом к стене, красовалась целая охапка карт, свернутых в тугие и не очень рулоны. Оглядевшись, я решительно выгребла эти рулоны и запихнула их под шкаф. Оттуда не запищало. Странно. Для завершения колорита не хватало только мышей.

— Садись, ты у нас гостья... — Я внимательно присмотрелась к подоконнику, смахнула с него ладонью обрезки пергамента и решила, что сяду здесь. А Рихтер пускай устраивается где хочет. Хоть на шкаф залезает.

— Да-да, госпожа конунг, чувствуйте себя как дома! — Элементаль, высунувшись из косяка, в прямом смысле сияла от радости. — Располагайтесь поудобнее, мы всегда рады вас видеть!

«Подхалимка», — хмуро подумала я. Когда это, спрашивается, она еще могла видеть конунга до того, как та приехала в Академию? А с другой стороны, чего это я? Не всякой элементали выпадает такое счастье — чтобы к твоей двери прикоснулся золотой дракон. Даже я понимаю, что Лерикас в драконьем обличье не просто змея с крылышками, а уж флуктуации...

На мгновение мне представилось, как Лерикас целенаправленно идет по Академии, по порядку открывая каждую дверь, и я кашлянула в кулак, стараясь скрыть улыбку.

Конунг, усмехнувшись, погладила элементаль — так люди гладят кошек, — и флуктуация, заурчав, опять подсунулась под ее ладонь. Во все стороны брызгами летели искры; одна из них упала на переднюю лапу Фенрира Волка, и он тихонько рыкнул. Элементаль, осознав всю недопустимость своего поведения, ойкнула и моментально скрылась в косяке.

— Я правильно поняла, они живут у вас в каждой двери? — Лерикас посмотрела на свою ладонь, потом — на косяк. Кажется, элементаль ей понравилась. — Что-то вроде замены замку с кнопочками?

— Почти в каждой. Но есть и исключения. — Я благоразумно не стала спрашивать, зачем на замке нужны кнопочки. Что, разве он без них не работает?

Конунг все никак не могла оторваться от двери. Она тихонько побарабанила когтями по косяку, и мне почему-то представилось, как она, не прилагая ни малейших усилий, засовывает руку по локоть в пятое измерение и вытаскивает оттуда за хвост какую-нибудь хищную флуктуацию. Саламандру, например. А саламандра, поджав лапки, честно пытается изобразить, что она тут совсем ни при чем и вообще так... мимо пробегала.

Видя такую заинтересованность, Фенрир тоже обнюхал косяк. То ли случайно, то ли намеренно он ткнулся носом в ладонь Валери. Конунг рассеянно потрепала свисающее ухо и, щелкнув когтем напоследок, зашла в кабинет. Фенрир просочился следом, и внутри разом стало тесно. Несколько мгновений он топтался на одном месте, прикидывая, как ему можно улечься между стопками учебной литературы. Я изящно взмахнула рукой и самая высокая стопка величаво отплыла к дальней стене. Волк лег на освободившееся место и уложил голову на лапы.

— Ремонт? — понимающе спросила Лерикас. Я кивнула. — Яльга, а они... элементали как-то размножаются?

Я задумалась. Эта сторона вопроса меня почему-то никогда не интересовала: возможно, мне просто не приходилось испытывать нехватки в элементалях. Обычно их было даже чуть больше, нежели требовалось для спокойной жизни.

— Ну... этого мы еще не проходили. Я думаю, Эгмо... то есть магистр Рихтер! — должен знать наверняка. Эту же он откуда-то взял!

Лерикас задумчиво провела пальцем по нижней губе.

— Как ты думаешь, — нейтрально спросила она, — Академия согласится выделить мне одну? Или двоих, чтобы им не скучно было?

— Да ты и с одной не соскучишься, — хмыкнула я, а от порога добавили:

— А Академия скажет конунгу большое спасибо. И поинтересуется, не хотят ли подданные оного завести себе такое же экзотическое животное.

— Какое еще животное?! — возмущенно возникла элементаль, но, покосившись на Рихтера, тут же залезла обратно. Впрочем, из косяка еще долго доносилось неразборчивое бормотание, что-то вроде: «Живо-отное, тоже скажут...»

— Ну не растение же, — философски пожал плечами Эгмонт. — Здравствуйте, Лерикас.

Он закрыл за собой дверь и, аккуратно перешагнув через Волка в самом его невысоком месте, подошел к окну. Я быстро слезла с подоконника; среди книжных завалов мелькнула табуретка, и я, пока ее еще кто-нибудь не заметил, поспешила заявить на нее свои права. Рихтер открыл окно; ветер качнул створку, маг заложил ее стопкой книг, той самой, которую я слевитировала к стене, и развернулся к нам.

На несколько мгновений воцарилась неловкая тишина, которую Хельги, случись он рядом, охарактеризовал бы метким выражением «Стражник родился». Я слышала, как за окном воркуют голуби, как Фенрир Волк тихонько скребет когтями по полу и как Эгмонт пытается сообразить, чего бы сказать, призывая на помощь весь графский опыт. Неожиданно в сумке у Лерикас что-то завозилось, и скрипучий голосок недовольно произнес:

— Ну да, конечно, элементаль мы погла-адили... чужую, между прочим! Волка погла-адили... ну ладно, он свой! С этими... магами, — последнее слово голосок угрожающе подчеркнул, — поздоровались, хотя они-то с которого боку свои?! А про Скупидонуса

никто и не вспомнил! Конечно, дождешься тут, чтобы погладили или здоровья пожелали!

В этот момент Фенрир вдруг одним скользящим движением поднялся на ноги и метнулся вперед. Он сделал это так быстро, что я не успела ничего разглядеть: по комнате будто промелькнула смазанная серая тень. Рихтер машинально вскинул руку, но тут же, вспомнив, сжал пальцы, заглушая вызванное было заклинание. Скупидонус смолк, а Валери, нахмурившись, как будто к чему-то принюхивалась.

— Что случилось? — быстро спросила я, переводя взгляд с Волка на Эгмонта, а с него — на владычицу оборотней. Та пожала плечами:

— Не знаю... Фенрир?..

Волк, по-охотничьи сгорбившись, обнюхивал какое-то место на полу. На первый взгляд, ничего особенного там не было, но, присмотревшись, я увидела на досках две неглубокие вмятины — здесь стояло что-то тяжелое, и убрали его сравнительно недавно. Что-то мелькнуло у меня на краю памяти, но тут Фенрир прижал уши к голове и очень тихо зарычал. Возможно, волки не рычат, но я не могла подобрать другого слова. Не знаю, как там Лерикас, но я мгновенно поняла, что у меня есть не то шерсть, не то подшерсток, — как бы то ни было, оно встало дыбом. Это был голос охотника, почуявшего дичь. Судя по всему, очень опасную дичь... но если она опасна для него, то что же говорить о нас?

Эгмонт напряженно смотрел на *это место*, и я чувствовала, что он в любой момент готов ударить. На всякий случай и я начала разминать пальцы; но тут Лерикас встала и, быстро подойдя к Фенриру, положила ладонь ему на голову, между ушами.

— Успокойся, мальчик, — негромко произнесла она. — Его здесь уже нет. Его вообще больше нет. Он здесь был, и его уничтожили. Это всего лишь запах, след, отголосок... и он никому больше не сможет повредить.

В ее голосе не было ничего особенного, но в тот миг я отчетливо поняла, за что Валери даль Торрант называется конунгом. Мир стал прежним; тень, которая на него легла, исчезла под лучами солнца. Исчезла, чтобы больше никогда не появиться.

Рычание мало-помалу стихало, но Волк еще долго не мог успокоиться. Через какое-то время он позволил увести себя; Лерикас вернулась в свое кресло, а Фенрир лег вокруг, живо напомнив нам тот день, когда мы впервые увидели конунга Арры на централь-

ной площади города. Правда, любимое кресло Эгмонта было немного меньше каменного трона, и это позволило Фенриру положить голову Лерикас на колени. Что же сумело так его напугать?

Кстати сказать, перемещаясь по лаборатории, ни конунг, ни Фенрир не уронили ни единой книги.

Тут сумка опять заворочалась и завздыхала. Не вставая, Валери подняла ее с пола и сообщила нам, возясь с хитроумной гномийской застежкой:

— В самом деле, нехорошо получается. Скупидонус же приготовил вам подарок...

Фраза была совершенно невинной, но Эгмонт почему-то вновь напрягся. Впрочем, как раз это меня и не удивляло. Я плохо действую на преподавателей. К примеру, ума не приложу, как это еще жив бедняга-бестиолог. Хотя ему еще два года нам лекции читать...

А вот директор после кафских слонов стал относиться ко мне немножко теплее. Вероятно, оттого, что из-за меня не пришлось заново мостить все прилегающие к Академии улицы.

Пока не пришлось.

— Ну, забирайте. — Конунг встряхнула сумку, переводя взгляд с меня на Рихтера.

Но Эгмонт по-прежнему стоял, намертво вцепившись в подоконник, и я поспешила воспользоваться моментом. Прикоснуться к легендарной Сумке Скупидонуса... ха, да близнецы за это дали бы себя обстричь если не налысо, то очень и очень коротко, а Генри Ривендейл согласился бы всю жизнь ходить кудрявым!.. Упускать такую возможность я не собиралась и потому быстренько сунула руку внутрь.

«Внутри» оказалось куда глубже, чем я предполагала; рука ушла туда по локоть, но почти сразу мне в ладонь толкнулось что-то толстое и прямоугольное. Почти одновременно я ощутила прикосновение маленькой мохнатой лапки, которая мгновенно ощупала всю мою руку целиком и каждый палец в отдельности. Чувствовался недюжинный профессионализм, и я оторопела.

— Скупидонус, — сладким голосом сказала Лерикас, — она колец не носит. Пока. И я не поняла, кто кому тут подарки дарит?

-- А я что? Я ничего! -- заторопилась сумка. — Я так, любуюсь! Красивые пальцы, музыкальные... А вообще, чего это она колец не носит, а, конунг? Самое время!

Я оторопела повторно, Рихтер еще крепче вцепился в несчастный подоконник. Лерикас быстро глянула на него и прикусила губу.

— Я тебе потом объясню, — мягко пообещала она. — А раз уж ты кольцами интересуешься, так я слышала, что здешний клан ювелиров готов заключить выгодную сделку...

Последние слова она договаривала уже в пустоту, вслед исчезающей сумке. Когда Скупидонус построил для своего обиталища телепорт, не заметил никто, включая, кажется, и золотого дракона. Вот что значит чувство долга, не без уважения подумала я. Всегда на работе!

Я посмотрела на то, что осталось у меня в руке. Это была книга — и впрямь довольно упитанная, но все равно не способная составить конкуренции среднему труду по боевой магии или алхимии (правда, магистр Зирак?). Сверху на обложке тонкой эльфийской вязью были выведены имена двух авторов. Ну да эльфы на то и эльфы — поодиночке не ходят, книги и то вдвоем пишут. Ниже более крупным шрифтом золотыми буквами было выведено название. Я прищурилась и разобрала среди цветочков и завитков: «Фортуна избирает златокудрых». Ничего не понимаю...

Между авторами и названием располагалась картинка. Я уставилась на нее, пытаясь хоть как-то прояснить ситуацию.

На картинке были изображены трое: девица и двое лиц предположительно мужской национальности. Если рассуждать логически, девица и была той самой Фортуной; вопреки названию, она никого не избирала, а, дико вытаращив глаза, пялилась в какой-то фолиант. Не знаю, что она там увидела, — но вряд ли заявленных златокудрых. Волосы у девицы были художественно растрепаны, брови подведены черным карандашом, а губы умело подрисованы дорогой эльфийской помадой. Шею украшала золотая цепочка сложного плетения с какой-то висюлькой. На висюльке было что-то изображено, но что именно — я не разглядела.

Со всех сторон девицу окружали стопки растрепанных пергаментов, а сбоку, под левой рукой, стояла мисочка с воткнутой туда ложкой. Мисочка определенно напоминала мне алхимические тигли, но какой же дурак будет совать ложку в зелье? И каким должно быть зелье, чтобы ложка стояла дыбом?

Чуть подальше от девицы располагался встрепанный молодой человек в зеленом кафтанчике. Руки его были вскинуты в защитном жесте, глаза — уже знакомо выпучены, и складывалось впечатление, что юноша отбивается из последних сил, не надеясь уже доказать героине, что он не златокудрый. С рук его во все стороны летели искры.

Еще дальше в полумраке едва виднелась чья-то, не побоюсь этого слова, харя. Была она черна, нос зловеще изгибался крючком, а глаза и клыки сверкали весьма кровожадно. Немного подумав, я решила, что девица, наверное, студентка, а существо на заднем плане — не кто иной, как Сессий, злой дух экзаменов. А глаза у девицы выпучены от усердия. Хотя, может, она гражданина в зеленом все пытается превратить в златокудрого — а получается только то, что нарисовано!

Тогда она может таращиться и от испуга.

— Ты книжечку-то переверни, — посоветовала мне Лерикас.

Все еще ничего не понимая, я послушно перевернула — и окончательно выпала в осадок.

На переднем плане художественно распласталась уже совсем другая девица — светловолосая, коротко и неровно обстриженная. Одета она была в обтягивающие штаны неизвестного мне покроя и кружевную прозрачную кофточку, которую я назвала бы весьма провокационной, если бы девице было чем провоцировать. Увы, судьба ее обделила: бедняжка была плоской как доска. В руке у нее горел сгусток пламени, создавать который умеют только выпускники, да и то, если верить Рихтеру, не все. От сгустка тянулся длинный огненный шлейф, каковой, причудливо изгибаясь, находил свой конец в глазу у какой-то длинной сплющенной твари. Сплющенная тварь — вероятно, ей пришлось протискиваться через очень узкую щель — вылезала на поверхность из непонятной лужи, разевая клыкастую пасть. К зубам я присмотрелась не без профессионального интереса; клянусь «Справочником», тут не надо быть дипломированным магом, чтобы понять: несчастное животное страдает от желудочного недуга, ведь с таким набором клыков технически невозможно закрыть пасть. Вероятно, это было единственной причиной, почему девица до сих пор оставалась в живых.

В некотором отдалении виднелся коренастый мужчина, наполовину лыкоморец, наполовину эльф: в рубахе до колен, подпоясанной ремешком, но с длинными светлыми волосами. Вскинув руки и растопырив пальцы, он задумчиво взирал на животное — не то замерял пропорции, не то с безопасного расстояния показывал степень своей крутизны. Первый вариант мне нравился больше. А что, историческое полотно... и название можно придумать хорошее, например «Дева и Змей».

Тут я вспомнила, что уже читала книгу с таким названием. Книга была хорошая; ладно, пускай этот... лыкоэльф придумывает другое название. И чтобы без плагиата!..

Помотав головой, я раскрыла книгу и прочитала первую строчку: «Прекрасная златокудрая Иальга хищной упругой походкой приближалась к дверям резиденции магов. «Не-эт, — на ходу думала она. — От меня еще живым никто не уходил!». Совсем ничего не понимая, я прочла эту строчку вслух — и вот тут-то мне стало нехорошо.

А вот Лерикас, похоже, было совсем неплохо. Покосившись на Эгмонта, она провела в воздухе рукой, и перед нами повисла цветная картинка с задней обложки, увеличенная в несколько раз.

— Это, Ялька, ты. — Конунг ткнула пальцем в растрепанную девицу. — И то скажи спасибо, что тебя не в кольчужном бикини нарисовали. А это — магистр Эгмонт Рихтер, боевой маг и...

— Реконструктор, очевидно. — К чести Эгмонта, он отреагировал довольно сдержанно. — А чешуйчатое — это, надо думать, гельминт?

— Нет, — Лерикас приятно улыбнулась, — василиск. — Отобрав у меня книжку, она быстро зашелестела страницами и, отыскав нужное место, с выражением процитировала: — *Горный* василиск! Надо же, какие странные у нас в Конунгате горы! — Я покосилась на ровную лесистую долину, посреди которой одиноко торчал валун. — Верно говорят, все у оборотней не так, как у людей. Горы — и те по пояс!

— Зато берилл красивый, — вступилась я за книгу.

— Где берилл? — заинтересовался Рихтер.

Я молча ткнула пальцем в камень, украшавший обложку фолианта — того самого, который заставил меня... то есть Иальгу! — так вытаращить глаза.

Я продемонстрировала обложку, но мы сидели едва ли не в разных углах комнаты, а берилл был слишком мелким.

— Лучше дай посмотреть.

Эгмонт протянул руку ладонью вверх, и я отпустила книгу, прошептав короткое заклинание. Я немного не рассчитала траекторию, но маг легко поймал книгу, сделав шаг вбок. Несколько секунд он внимательно рассматривал обложку. Лерикас с ехидным видом ждала продолжения.

— Это не камень, — припечатал Рихтер после краткого осмотра. — Это глаз. Надо думать, тот самый, запасной.

Я фыркнула, вспомнив коробку, полную ярких книжек.

— Ага... а это вы, студентка Ясица. Зело разноплановая особа. Так... а этот, в зеленом, тогда кто? На мгымбра не похож...

— Это Марцелл Руфин Назон, — ответила я, постаравшись придать лицу самое уважительное выражение.

Эгмонт только хмыкнул.

— А сзади, — закончила я, — одно из двух: либо Генри Ривендейл, либо сам Сессий. Причем Сессий мне нравится больше. Как вариант.

— Да, — согласился Рихтер. — На адепта Ривендейла это как-то не тянет.

Он открыл книгу посредине и с выражением зачитал вслух:

— «Прекрасная златокудрая Иальга величавой поступью вступила в бальную залу. Музыка тотчас же смолкла, так велика была сила ея красоты. Сам Игемондус Ужасный пал жертвой чар Иальги. Не теряя ни мгновения, подскочил он к юной деве и увлек ее в вихре танца...»

Мы с Лерикас переглянулись. Оборотница уважительно приподняла бровь.

— Думаю, близнецы аунд Лиррен, как авторы сего произведения, согласятся признать это черненькое... хм... Сессием. Потому что вряд ли они задолжали Ривендейлу так много, чтобы расплатиться с ним столь изысканно.

Эгмонт произнес эту фразу, не отрываясь от чтения.

— Это те двое, что встретились нам у границы? — Лерикас с невозмутимым видом почесывала у Фенрира за ухом.

Я кивнула, испытывая непреодолимое желание прямо сейчас поговорить с близнецами по душам.

— Весьма перспективные молодые люди, — прокомментировала конунг.

— Более чем, — согласился их декан. — Смотри-ка... где это оно тут было... Ага! «Роковой сумеречный красавец Сигизмунд, запрокинув голову, неотрывно смотрел на полную луну. Какой зов будила она в его мрачной, смятенной душе? «Интере-эсно, — затаив дыхание, робко подумала Иальга, — каков он, таинственный поцелуй волкодлака?» Но ей не суждено было познать его этой ночью...»

Да, подумала я. Хорошо, что в комнате нет рокового красавца Сигизмунда. Близнецы, конечно, быстро бегают и неплохо маскируются, но от Сигурда, как от Иальги, никто еще живым не уходил.

Тут подул ветер, принесший запах свежей олифы, и Фенрир в очередной раз чихнул.

— Не вовремя я приехала, — озабоченно сказала Валери.

Я открыла было рот, удивленная такой непоследовательностью, но конунг быстро взглянула на меня, и я прикусила язык. Рихтер, по-прежнему уткнувшийся в книгу, ничего не заметил.

— Э-э... ремонт, — подумав, осторожно сказала я.

— А погода такая хорошая, — мечтательно продолжила Лерикас. — Последний летний месяц, всего лишь четыре недели... Хорошо бы сейчас выехать за город, а то от краски аж голова кружится...

Я изрядно сомневалась, что у золотого дракона может кружиться голова — от краски или от чего бы то ни было другого. Но оборотни тоже хищники, и конунг только что вышла на охоту, а мне меньше всего хотелось вставать поперек ее гона.

Воцарилась тишина, которую нарушил Эгмонт.

— В принципе, — очень независимым тоном сказал он, — у меня вчера начался отпуск. Может, нам всем съездить в Рихтер? Дождаться Сигурда и уехать, как в старые добрые времена?

Фенрир вновь чихнул, определенно воздействуя нам на совесть.

— Яльга, ты как? — Лерикас обратила ко мне совершенно невинное лицо.

— Ну... — Я запнулась. Рихтер отложил книгу на подоконник и тоже смотрел на меня. — Ну... в самом деле, почему бы нет? У вас там этот, как его, донжон...

— Мы же вроде как перешли на «ты»? Еще прошлым летом...

— Но учебный год...

Магистр пожал плечами:

— Так он же еще не наступил!

Да уж. Рихтер был сама нелогичность. Я вспомнила, как он рявкнул на меня прошлым летом, но отчего-то решила промолчать. В самом деле, Лерикас творила чудеса. Здесь не хватало только Сигурда, чтобы все стало совсем как надо. Странное дело — мы полчаса провели с Эгмонтом в одной комнате, а я не чувствую и капли того напряжения, которое раньше появлялось уже через пару минут!

— Отлично, тогда договорились! — Лерикас хлопнула в ладоши и поднялась на ноги. Фенрир, вовремя убравший голову, тоже встал с пола. — Сигурд, я думаю, будет завтра или послезавтра... — Она зевнула, прикрывая рот обеими ладонями. — Так спать хочется! — извиняющимся тоном объяснила оборотница. — Спокойной ночи.

Она выскользнула за дверь, прежде чем кто-либо из нас двоих успел ее остановить. Фенрир, разумеется, последовал за своим вожаком.

«Интересно, а он-то где спать будет?» — мелькнула совершенно нелепая мысль. Но тут же явился и ответ: не иначе как на коврике у двери.

— Встречу близнецов — убью! — кровожадно пообещала я, нарушив воцарившееся молчание.

— Ну зачем же так... — Рихтер положил книгу на стол и, подумав, сел на подоконник. — Если уж убивать всех, к этому причастных, то начать придется со Скупидонуса. А на него даже у нас троих вместе сил не хватит. А по-другому нечестно выйдет.

Я немного подумала. Звучало убедительно.

— А с чего вы... ты взял, что этот опус сочиняли именно они?

Эгмонт пожал плечами:

— Будем рассуждать логически. Во-первых, книга явно написана человеком, хорошо знающим Академию, тебя... ну и меня, кажется, тоже. Все ключевые события того года описаны достаточно достоверно: и мгымбр, и история с лягушками, и ваше перемещение в Треугольник... По стилю, кстати, четко видно, где записано на основе собственных впечатлений, а где — по твоим рассказам. Ну и, наконец, сами близнецы по тексту появляются достаточно редко, а уж если появляются, то невероятно лучезарные и пресветлые...

— Ага, — хмуро поддакнула я. — Остановись, виденье, ты прекрасно!

— Вот-вот, видишь, ты все сама поняла. Ну и потом, не припомню я за братьями аунд Лиррен такой любви к альма-матер. До начала учебы еще целый месяц, а они уже три дня здесь ошиваются. Спрашивается, зачем?

Это был весомый аргумент. Единственное, что могло подвигнуть братьев на такой подвиг, — это переэкзаменовка, но я твердо знала, что на четвертый курс близнецы перешли без каких бы то ни было хвостов. Просто потому, что иначе перейти было невозможно: переэкзаменовки разрешались только до третьего курса включительно. Дальше — либо с первого раза, либо никак. Так что Эллинг с Яллингом попросту ждали, когда издательство «Эльфокнига» выпустит в свет их первую печатную работу.

— Но нельзя же это оставить просто так!

— Нельзя, — согласился Эгмонт. — Я и не оставлю. Вот прямо сейчас пойду и возьму у них автограф.

— И что, ты думаешь, они тебе напишут? «Игемондусу Ужасному от любящих учеников»?

— Ну почему же. — «Игемондус» хищно улыбнулся. — Можно иначе: от жертв, например. В скобочках — будущих, в скобочках — нужное подчеркнуть. Как там, кстати, «Справочник» поживает?

— Это был не «Справочник»! — очень натурально возразила я.

Эгмонт покивал.

— А можно еще вот так, — предложил он, к счастью не останавливаясь на такой скользкой теме. — «Авторам от Игемондуса Ужасного и прекрасной Иальги. На долгую память, в скобочках — вечную».

— «В скобочках — нужное подчеркнуть», — хором закончили мы.

Вообще-то близнецов стоило пожалеть. Неизвестно, насколько близки они были к вожделенной пятнадцатой кружке, но хмель выветрится из них уже на второй минуте беседы с... хм... жертвой авторского произвола. Рихтер всегда жил по правилу «никогда не откладывай на завтра, кого можешь съесть сегодня».

— Ладно, меня в автографе они могут не упоминать. — Я встала с табуретки и попыталась вспомнить, где она стояла раньше. — Я тоже спать пойду... Кстати, потом дашь мне этот труд почитать?

— Разумеется. — Рихтер спрыгнул с подоконника, сдернул с головы воображаемую шляпу, сделал глубокий поклон, подметая воображаемыми перьями пол, и патетически вопросил: — Разве найдется в этом мире смертный, который в чем-либо сумеет отказать прекрасной златокудрой Иальге...

— Игемондус, — буркнула я.

— ...чья красота, подобно стреле, пронзает сердца навылет? — Рихтер не выдержал и расхохотался.

Я сосредоточенно придумывала, что сказать в ответ. Но в голову ничего не приходило, и потому я просто ткнула пальцем в висевшее изображение:

— Надеюсь, ночью мне это не приснится. Иначе вы с Лерикас имеете все шансы не дождаться меня за завтраком.

Эгмонт щелкнул пальцами; изображение исчезло. Я пододвинула ногой табуретку к стене и вышла из лаборатории. Уже закрывая дверь, я увидела, что магистр усаживается в любимое кресло и раскрывает книгу на первой странице.

Эльфы могли еще долго пировать: Рихтер явно собирался прочесть все до конца.

3

Когда наутро я заглянула в столовую, то сперва решила, что ошиблась дверью. Пахло сытно, но вкусно. У котлов суетились целых три поварихи. Выстояв очередь, я взяла миску гречневой каши с мясом, щедро политой подливой, стакан молока и большую, еще горячую плюшку, посыпанную сахаром. Возможно, Полин сочла бы мои действия кощунством — летом надо питаться легкой, растительной пищей, по преимуществу соками и минеральной водой! — но в нашей столовой редко удавалось достать нормальной еды. На моей памяти это вообще был первый раз.

Я доедала кашу, когда в столовую вошла Лерикас — как ни странно, одна, без Фенрира. Я помахала ей рукой, и конунг, махнув в ответ, пристроилась в хвост гномской очереди, успевшей немного сократиться. В лицо ее не узнали, и, кажется, конунг была этому только рада.

Еще минуты через три явился Рихтер. Вот его не узнать было куда сложнее; гномы расступились, уважительно косясь кто на Эгмонта, кто на табличку «Преподаватели обслуживаются вне очереди». Я отнесла миску к грязной посуде и вплотную занялась булочкой.

— А где Фенрир? — поинтересовалась я, когда мы все собрались за столом.

Конунг пожала плечами.

— Охотится, наверное...

Я слегка напряглась.

— На кого охотится?

— На фэйри. Больше тут все равно не на кого... не на вас же! Вы все так пропахли магией, что даже надкусить не хочется.

— Это он тебе сказал?

— Нет. Личные наблюдения. — Лерикас с невинным видом уткнулась в кружку чая.

— О, какие эльфы...

Рихтер, чуть прищурившись, смотрел на очередь. В конце ее переминались с ноги на ногу две прекрасно знакомые мне личности. Вид у обоих был усталый и малость помятый; очевидно, вчера братья добрались-таки до заветной халявной кружки.

Почувствовав на себе знакомый взгляд, Эллинг вздрогнул и обернулся. Я нежно улыбнулась, постукивая по столу отросшими ногтями. Эллинг толкнул Яллинга локтем в бок. С полминуты

братья непонимающе созерцали нас с Эгмонтом, а потом я сделала жест, будто расписываясь в воздухе гусиным пером. Близнецы позеленели еще больше и, бочком-бочком выбравшись из очереди, поспешили покинуть столовую. Гномы сочувственно смотрели им вслед.

— Так, — сказал Эгмонт, проводив их взглядом. — Мы с Лерикас отправляемся в графство. Твоя задача — дождаться Сигурда, а он будет не сегодня-завтра, и телепортироваться к нам.

— А телепорт я сама строить буду? — обрадовалась я.

Рихтер вздрогнул.

— Ну уж нет! — решительно возразил он. — Мне одного раза хватило. Василиски — животные редкие... — Маг достал из воздуха кусок пергамента и протянул его мне. — Здесь матрица телепорта, тебе останется только активировать ее.

— Ты мой наставник, — обиженно напомнила я. — Ты должен поощрять во мне стремление к самостоятельной работе.

— А ты и будешь действовать самостоятельно. Сигурд тебе вряд ли чем-нибудь поможет.

Сигурд появился в Академии в четыре часа пополудни. К этому времени я успела уже перенести два стула из кабинета общей магии (четвертый этаж) в кабинет некромантии (подвалы), сбегать проверить, как там смотровая площадка Башни Изысканий, и попытаться покормить директорского ворона по кличке Кар-Рокэ. Последний — ворон, а не директор — едва не прокусил мне палец, и я была, мягко скажем, далека от любви к братьям нашим меньшим.

Однако и Сигурд не был преисполнен благодати. Когда я увидела его, то едва удержалась от желания присвистнуть: под левым глазом у оборотня наливался лиловым внушительный синяк.

— Это где ты так ухитрился?

— Поскользнулся, — сквозь зубы ответил волкодлак.

— И об кого, если не секрет?

— На ровном месте! И все из-за вас, из-за женщин! Правильно говорят: все зло от баб...

Я оторопела. Услышать такое от Хельги — куда ни шло, но от Сигурда... нет, от любого волкодлака!..

— Эй, что все-таки случилось? Может, я помочь могу?

Сигурд меньше всего был настроен изливать кому бы то ни было душу, но рассказать все-таки пришлось. Мало-помалу картина сделалась ясной.

Дело было так. Вчера вечером, едва только мать успела подоить коров, в дом родителей Сигурда заявился соседский Эйнар. («Ну ты помнишь, стражник, мы его еще встретили, когда входили в Арру!») Пришел, стало быть, и заявляет так нахально, что он желает взять в жены Хильду!

— Сигурд, а ты-то тут при чем? — удивилась я. — Хильда же тебе сестра, а не дочь!

Волкодлак чуть помялся.

— Отец был в отъезде, — признался он. — Так что я был старший мужчина в доме!

— Ну, и как старший мужчина в доме ты...

— А что я? Я сделал все как должно! — Сигурд машинально потрогал синяк. — Врезал ему, как следует, чтобы впредь думал, чего говорит! Хильду ему в жены, разбежался! Она ж еще ребенок совсем, я ее вот на этих руках носил. — Сигурд предъявил ладони, и я отшатнулась, испугавшись, что в следующий момент оборотень покажет, как именно он ее носил. — Пеленки стирал! А он — в жены!..

— Так это что, он тебе засветил? — Представить себе, как Сигурд учит Эйнара уму-разуму, я вполне могла. А вот вообразить, что оборотень бьет морду почти что шурину... Нет, на это не хватило бы ничьей, даже самой наглой, фантазии.

Судя по всему, волкодлак понимал это не хуже меня.

— Понимаешь, — смутившись, начал объяснять он, — врезал я этому... от души, сгреб за шкирку да и выкинул во двор, чтобы шел себе подобру-поздорову! А тут откуда ни возьмись эта вылетает... невеста! И ка-ак хрясь сковородкой! Чуть глаз не выбила... «Я его, — кричит, — люблю больше жизни! И замуж за него пойду! И ничего ты мне, брат, не сделаешь! А что лет немного — так конунг вон не шибко-то и старше была, и что с того?» Я ей в ответ: «Вот станешь конунгом, так и выходи на здоровье!» Любит она его, понимаешь!.. А тут как раз мать от соседей вернулась...

— Боевая у тебя сестренка, — осторожно признала я.

— Еще какая, — расплылся в улыбке оборотень. — Вся в меня! Маленькая еще, но боевая!

— Какая ж она маленькая? Ей уже шестнадцатый год...

Волкодлак мигом вызверился по новой:

— И ты туда же! Сама вон не замужем, как я погляжу!.. А ты-то всяко постарше будешь!

— Не за кого, вот и не замужем. — Про Генри Ривендейла, Жоффруа Ле Флока и пана Богуслава Раднеевского я решила не вспоминать. — Ты же меня замуж не берешь? Вот, и я о том же! А Нарроугард уже женат. Разве что за Эгмонта выйти...

— Ну а он чем тебе плох?

Я не к месту вспомнила Игемондуса Ужасного.

— Чтоб за Эгмонта выйти, сначала Академию закончить надо. А потом еще раз, но уже по специальности «алхимия», чтобы зелья успокаивающие варить. И эти, как их... декокты.

Волкодлак недоверчиво хмыкнул, но все-таки немного успокоился.

— Тут, стало быть, мать вернулась, — продолжил он рассказ. — Посмотрела на все и сказала: «Спасибо тебе, старший сын, что честь семьи настолько крепко блюдешь, но мой дом покамест еще не сирота, и есть в нем хозяйка. Ступай и переоденься, чтоб не говорили люди, что тебе рубаху порванную некому зашить! А ты, Хильда, брату умыться подай да сковородку спервоначалу на место положь! Эйнар, а ты иди, отца с матерью приведи, потому как серьезное дело решать будем!» Ну и вылетел он, как будто пятки ему поджаривали. Так вот оно все и вышло...

— А дальше чего решили?

— Привел он, стало быть, родителей своих. Сидим мы в горнице за столом: я с одного конца синяком отсвечиваю, Эйнар с другого. Хильда ближе к печке жмется и на сковородку поглядывает. Я сижу молчу, потому что старшие говорят. «Жениться, — говорят, — Эйнар, надумал? Хорошее это дело! А куда, — спрашивают, — жену молодую приведешь? Ты дом срубил? Дерево посадил?»

Я чуть было сдуру не ляпнула: «Сына вырастил?» — но вовремя сдержалась.

— «А коли нет, так чего ж ты седины наши позоришь? Теперь ты, Хильда. Вестимо, для девушки главное дело — замуж выйти, мужа любить-почитать, детей ему нарожать, чтобы порядок был в дому. Так что тут мы тебя понимаем и поддерживаем». Я сижу, зубами скриплю, но молчу, потому как слова мне покамест никто не давал. «А есть ли у тебя, Хильда, — спрашивают, — приданое?» Сестренка аж засветилась вся: еще бы, она ж у нас рукодельница, каких поискать! Подскочила к сундуку, крышку откинула и давай показывать...

Я мрачно подумала, что мне показывать было бы нечего. Разве только конспекты по боевой магии и то, как замечательно я умею плести «кошачью колыбельку», но это, скорее всего, пошло бы не в зачет.

Может, тоже начать потихоньку собирать? Там, глядишь, и жених появится...

Впрочем, на худой конец остается Генри Ривендейл. Он-то меня точно возьмет, даже с конспектами.

Голос Сигурда вернул меня к реальности.

— Показывает она, стало быть, радуется, а они ей и говорят: «Славная ты девушка, Хильда, не зря тебя наш сын выбрал... — Он, понимаешь, выбрал!.. — ...И приданое у тебя для девушки твоих лет подходящее. Все бы ничего, кабы ты замуж не собралась. Потому как ежели замуж, то этого мало будет. Известное дело, за голый стол гостей не усадишь, скатерть надобна». У нас, Ялька, гостей на свадьбу не зовут — кто хочет молодым счастья пожелать, тот сам приходит. И садятся все за *один* стол, и скатерть на нем *одна*. И должно хватить, даже если придет вся Арра. Вот эта скатерть и есть главное в приданом. «А где, — спрашивают, — твоя свадебная скатерть, Хильда? А коли нету, так садись и шей! Вот как сошьешь, а он тем временем дом построит, вот так вас и поженим! Чтоб все было по справедливости. Правда, Сигурд?» На том и порешили. Дали этим... молодым да ранним... три года сроку, чтоб Эйнар дом построил, окна-двери прорубил, крышу сладил, да во дворе все, что полагается, возвел, дерево посадил...

— А дерево зачем? — все-таки не выдержала я.

— Как зачем? — не понял вопроса Сигурд. — Дерево посадит, и видно будет: если хороший человек, так будет оно расти и зеленеть, а если так себе, то зачахнет. Правда, я ни разу еще не видел, чтоб не росло. Но все одно полагается — значит, должен сделать, и точка. А Хильда за это время скатерть сделать должна. Ну не одна, конечно, потому как одной этого не осилить, подружки там, родня, соседки, но Хильда больше всех. Она ведь невеста, не кто-нибудь! А если и через три года они поймут, что правильным было их решение, тогда сыграем свадьбу. Хорошо решили, правда?

Я согласно покивала головой и оценивающе посмотрела на волкодлака. Синяк сиял... то есть вопиял.

— Слушай, Сигурд, давай я тебе синяк эликсиром смажу? А то как-то перед Лерикас неудобно выйдет!

Я благоразумно не стала упоминать, что Валери заранее знала о проблемах в семействе Сигурда. Впрочем, она конунг, ей положено.

Имя Лерикас подействовало безотказно. Сигурд без возражений дал себя исцелить, хотя после совместных странствий он приучился с большой осторожностью принимать медицинскую помощь из моих рук. Но это, во-первых, было год назад — чему-то я все-таки научилась! А во-вторых, эликсир готовила не я, а Полин. А у Полин был диплом за первое место на олимпиаде по лечебным чарам.

Надо сказать, что Рихтер честно шпынял меня весь год, утверждая, что порядочный боевой маг должен уметь оказать необходимую помощь как себе, так и товарищам по несчастью. Но ближе к летней сессии в нем все же проснулась совесть — а может, он вспомнил, что и сам гораздо лучше делает дырки, нежели их латает.

После пары-тройки бутербродов с холодным мясом и доброй кружки взвара, принесенных заботливой элементалью, Сигурд был готов путешествовать дальше. Я захватила дорожную сумку, рихтеровскую схему, и мы отправились строить телепорт подальше от ворот Академии.

Мы вышли через внутренний двор. Ремонт и там оставил свои следы: подачу воды в фонтан перекрыли, а куда девали тамошних фэйри, знал один директор Буковец. На мраморном бортике сидела, склонившись над гитарой, эльфийка Гудрун; дергая то одну, то другую струну, она честно пыталась настроить свой инструмент. Гитара не собиралась сдаваться просто так и, похоже, успела попортить Гудрун немало крови. Когда мы проходили мимо, эльфийка безразлично скользнула глазами по мне и окинула Сигурда оценивающим взглядом.

— Гудрун, это Сигурд. Сигурд, это Гудрун, — не сбавляя шага, я непреклонно увлекла волкодлака наружу.

Телепорт по матрице, созданной Эгмонтом, сработал как часы, и буквально через пару минут мы с Сигурдом стояли под раскидистым дубом. Неподалеку виднелся замок — надо полагать, фамильное гнездо графов фон Рихтеров.

— Ну что, пошли? — бодро спросила я, засовывая пергамент в карман.

Сигурд не двинулся с места.

— Яльга, кто это был... была... то есть, я хотел сказать, кто эта девушка?

— Какая девушка? — Я огляделась вокруг. Кроме меня, в обозримом пространстве девушек не наблюдалось. — Какая еще девушка, Сигурд?

— Ну... та, с гитарой, в Академии? — Оборотень смотрел на меня так, будто от меня зависело все счастье его грядущей жизни.

— Сигри, во-первых, она эльфийка. Во-вторых, перешла на пятый курс факультета боевой магии. И в-третьих, я точно знаю, что свадебной скатерти у нее нет!

— Это хорошо, — обрадовался волкодлак. — Значит, ее пока еще никто не просватал!

Я не нашлась что ответить, и мы молча побрели к замку.

— А скатерть... что скатерть? — вдруг сказал Сигурд, когда мы уже ступили на мост. — У мамы попрошу — она свою даст. Тоже мне проблема!

Он помолчал и зачем-то добавил:

— Вон у Ардис тоже скатерти нет, и что с того?

4

Замок графов фон Рихтеров, конечно, входил во все существующие списки культурного наследия — насколько я знала Эгмонта, он наверняка решил обезопасить свою собственность еще и таким образом. На воротах был прибит крошечный металлический щит, покрытый синей эмалью, — знак страхового общества «Гномья секира», связываться с которым не пожелал бы и сам король Эккехард. Словом, было видно, что владелец замка — человек прогрессивный, не отстающий от веяний эпохи.

Но стоило пройти первую линию укреплений и взглянуть на старый донжон, как становилось понятно: этот замок не по зубам ни времени, ни королям, сколько бы их сюда ни явилось, ни даже безалаберности предыдущих владельцев. Пять башен образовывали вершины неправильного многоугольника; его сторонами были высокие стены, сложенные из серого камня. Кладка выглядела старой, но в щели между камнями нельзя было просунуть лезвие ножа. Некоторые из камней казались гораздо темнее остальных, и я немедленно заподозрила, что это легендарный драконий камень. Но как Рихтеры могли его заполучить?!

Вспомнив, что мы не в музее, я совершенно открыто поковыряла пальцем стену башни. Стена держалась крепко. Я задрала голову и увидела узкие бойницы, карниз и голубя, поворачивавшегося ко мне хвостом. Я решила не искушать судьбу и быстренько шмыгнула за Сигурдом.

Уже стоя в дверях, я обернулась. День был пасмурный, серое небо хмурилось, раздумывая, не поделиться ли дождем. Вход в донжон располагался на уровне второго этажа, и со своего места я видела весь внутренний двор с его хозяйственными постройками, флюгеры на шпилях дальних башен и внутреннюю галерею, тянущуюся вдоль стены. Да. Здесь было на что посмотреть и где полазить. Я удовлетворенно кивнула и поспешила за волкодлаком.

Мы очутились в огромной зале с нереально высоким потолком. Я запрокинула голову и чуть не упала — движение получилось слишком резким. Но меня вовремя поддержали за локоть. Это был не Сигурд, а местный житель — не то дворецкий, не то экскурсовод.

— Фройляйн, — убедительно сказал он на чистейшем лыкоморском, — если вы желаете насладиться красотой потолочной резьбы, не следует откидывать голову назад. При этом пережимаются сосуды, питающие голову, и вы можете упасть без чувств. Надлежит медленно, с достоинством отклонить стан кзади, повернув лицо кверху, и этого окажется вполне достаточно.

И он продемонстрировал, как именно надлежит отклонять стан «кзади». Конец красного капюшона, завязанный узлом, почти коснулся пола.

— Благодарю вас, — ответила я, поняв, что Эгмонт в свободное от основной работы время проводит для персонала занятия по боевой магии. Именно таким движением он учил нас отклоняться от летящего в лицо пульсара. — Мы впервые в гостях у господина графа.

Потенциальный экскурсовод обреченно вздохнул.

— Где вы желаете разместиться? — осведомился он. — Обычно *гости* предпочитают специально отведенные для них покои наверху. Оттуда открывается прекрасный вид на галерею и окрестности.

Я прикинула высоту этого зала, вспомнила, что это всего лишь второй этаж, и несколько оторопела. Впервые я слышала, чтобы гостей селили под самой крышей. Наверное, чтобы раньше времени не сбежали.

Наш благодетель тем временем продолжал:

— Однако если по здравом размышлении вы сочтете, что более привычны к цивилизованным условиям, то за ту же сумму мы можем предложить вам номера в гостинице неподалеку от замка. Там вам предложат полный пансион. В стоимость проживания включены завтрак и обед, ужин можно заказать за отдельную плату. Вы желаете осмотреть спальный этаж прямо сейчас?

Я переглянулась с Сигурдом и поняла, что ничего не знаю о людях. Нет, конечно, аллеманцы — очень экономный и предприимчивый народ, но чтобы Эгмонт требовал с нас денег за ночлег и селил рядом с голубями, в неотапливаемых помещениях?!

— Меня зовут Ядвига Леснивецкая, — сделала я последнюю попытку поселиться на халяву. — Или Ялька Ясица. Впрочем, возможны варианты: студентка Ясица, адептка Ясица...

«...эта рыжая поганка, которая в очередной раз испортила настроение своему декану», — мысленно закончила я. Но на лице аллеманца и без этого отразилась нещуточная работа мысли.

— Очень приятно, — наконец выдавил он. — Вайс, к услугам фройляйн.

— Фройляйн поселится в зеленой комнате, — прервал его размышления знакомый голос. — А мой друг Сигурд, я думаю, предпочтет комнату рядом с моей. Я сам ознакомлю их с достопримечательностями, Йохан. Вы можете быть свободны.

Следующие полчаса мы обживались на новом месте. В моем случае это выглядело так: сбросив плащ на скамью, я отправилась бродить по залу, замирая перед каждым необычным предметом и остро жалея об оставленном в Академии мнемо-амулете.

В замке Леснивецких все было устроено иначе, а уж про пряничный домик баронов Хенгернов и упоминать нечего. Этот донжон и впрямь был очень старым. Я и подумать не могла, что люди до сих пор так живут.

Под высоким резным потолком танцевали пылинки; там гуляло бы и эхо, но оно, наверное, просто заблудилось среди бесчисленных занавесей, холстов и шпалер. Занавеси, холсты и шпалеры висели здесь не просто так — они разделяли единое помещение на отдельные комнаты. Можно было отвернуть краешек гобелена и заглянуть, например, в библиотеку или рабочий кабинет (при условии, что хозяина нет поблизости, а то однажды я уже заглянула в лабораторию). Стены — настоящие каменные стены — были

обтянуты коврами, прорезанными вокруг оконных и дверных проемов.

Я прошла к окну, встала коленями на скамью и посмотрела вниз. Падать отсюда было бы высоко и жестко. Внизу простирались поля, луга и прочие угодья. Сверху все это выглядело как лоскутное одеяло. Я присмотрелась и различила у кромки леса длинный домик под красной черепицей. Из трубы, несмотря на летнее время, валил дым. Ага. Стало быть, это и есть та замечательная гостиница с полным пансионом и отдельно оплачиваемым ужином...

Кстати об ужине — он же обед.

Я повернулась спиной к окну и опять оглядела зал. Так. Стол вижу, камин вижу... роскошный, кстати, камин — вытяжной колпак украшает огромный щит, поддерживаемый двумя бронзовыми львами... Взгляд зацепился за деревянный буфет с выставленной напоказ посудой. Если тут есть посуда, значит, гостей хотя бы изредка, но кормят.

К вечеру погода испортилась. Похолодало, с востока неотвратимо наползала туча, и в воздухе пахло дождем. Я честно собиралась полюбоваться закатом из окна старинной башни, но закат выдался не ахти — бледный, печальный и как будто напуганный предстоящей грозой. Скоро мне надоело смотреть на робкое золотистое сияние, вдобавок наполовину скрытое фиолетовой тучей, и Эгмонт закрыл ставни.

В зале разом сделалось еще уютнее. В трех серебряных подсвечниках горели настоящие восковые свечи, обработанные каким-то хитрым алхимическим составом. Они почти не оплывали, не коптили, давали в четыре раза больше света, зато и стоили еще дороже, чем обычные. Рихтер обозвал их «энергосберегающими». Впрочем, после близкого знакомства с королем Эккехардом наш владетельный граф мог позволить себе еще и не такую прихоть.

Совместными усилиями стол перетащили поближе к камину. Так было теплее, уютнее и романтичнее. Дрова потрескивали («А они, часом, не энергосберегающие?» — невинно поинтересовалась Лерикас), отблески огня прыгали на бронзовых фигурах щитодержателей. Эгмонт уже прочел одну краткую лекцию о геральдике и теперь примеривался ко второй.

Я вдруг поймала себя на том, что вслушиваюсь в мерный шум дождя за окном. Когда же он начался? А кто его знает... Дальняя стена зала терялась в полутьме, портреты многочисленных Рихтеров загадочно смотрели на нас из рам, и все было таким хорошим, теплым и родным, что я едва не заснула прямо здесь, в кресле с подставочкой для ног.

Неожиданно послышался шум крыльев и громкий стук. С меня разом слетел весь сон. Гарпия! Это что, новости из Академии?

Эгмонт щелкнул пальцами, и ставни распахнулись. На мгновение в окне повис странный темный силуэт, раздался клекот, и на подоконник тяжело опустилась крупная гарпия. Дождь снаружи шел стеной. На подоконник немедленно натекла изрядная лужа. Закапало и на пол.

— Примите почту, — хрипло произнесла гарпия. Ее форменную шапочку с зеленой кокардой смело можно было выжимать. Но оба пакета, и большой, и маленький, выглядели абсолютно сухими.

Мы посмотрели на Эгмонта. Эгмонт посмотрел на гарпию. Гарпия посмотрела на кастрюльку с глинтвейном.

— Окажите нам честь, дэспинис[1]... — Маг огляделся, пытаясь сообразить, что можно предложить гарпии в качестве сиденья. Лерикас хлопнула в ладоши, и вопрос решился сам собой. Возле стола появился прекрасный, просто-таки образцово-показательный насест.

— Благодарю, — коротко сказала гарпия. Она покосилась на Лерикас, но ничего не добавила.

Сигурд налил даме глинтвейну, а Эгмонт принялся распаковывать почту. Как и полагается, он начал с той посылки, которая была больше.

Это оказалась картина — точнее, мнемо-образ, перенесенный на полотно.

Баронесса фон Хенгерн сидела на изящной скамеечке возле розовых кустов. Подле супруги стоял барон. В обеих руках он держал по младенцу, которые походили друг на друга как две капли воды. Хотя, с другой стороны, до определенного возраста все дети одинаковые. Младенцы таращились на зрителя, как им это и полагается, то есть бессмысленно, но уже сейчас в них чудилось что-то неуловимо рихтеровское.

[1] Вежливое обращение к незамужней гарпии (а другие в гарпочте и не работают).

Вид у барона был счастливый донельзя.

Все остальное семейство, похоже, в мнемо-амулет не вошло.

— Мрыс эт веллер келленгарм! — сказал Эгмонт с совершенно непередаваемым выражением лица.

Я отобрала у него второй пакет, справедливо решив, что там должно быть письмо. Так оно и оказалось. Рихтер отдал полотно Лерикас, та показала Сигурду и гарпии, а мне пришлось довольствоваться видом того, как Эгмонт читает письмо из материнского дома.

— Мрыс эт веллер, — повторил он, дочитав до конца. — Сигри, плесни мне немного...

Я ничего не сказала, просто вовремя подсунула кружку.

— Друзья! — Эгмонт откашлялся и поднял кружку. — Я только что узнал удивительную новость. Госпожа баронесса фон Хенгерн подарила своему мужу двоих сыновей. Их назвали... — для верности маг сверился с листком. — Их назвали Зигфрид и Зигмунд. Сигри, насколько я понимаю, одного назвали в твою честь.

— Виват! — воскликнула я. За лето я изрядно пополнила словарный запас подгиньского.

Мы выпили за Зигфрида, Зигмунда и их достойную матушку, и Лерикас задумчиво сказала:

— Очень удобные имена, между прочим... Крикнешь: «Эй, Зигги!» — кто-нибудь да прибежит...

Гарпия переступила лапами на насесте и приняла от Сигурда новую кружку.

— Это их первые птенцы? — добродушно спросила она, отхлебнув глинтвейну.

— Нет, — мрачно сообщил Эгмонт. — Первый птенец — это я.

Гарпия смерила его взглядом сверху вниз и снизу вверх.

— Достойное гнездо, — проронила она и занялась глинтвейном вплотную.

5

Назавтра выяснилось, что у благородных графов есть не только права, но и обязанности. Раз в месяц Эгмонт должен был вершить над своими подданными справедливый суд, и уже с утра во дворе замка собралось человек этак двадцать взыскую-

щих правосудия. В основном это были крестьяне, как я поняла — арендаторы.

Мы торопливо позавтракали, и Эгмонт решительно выставил нас с Лерикас из зала. Сигурд остался: ему было интересно посмотреть, как выглядит юстиция в исполнении сеньориального суда. Я бы тоже не отказалась, но пресловутый суд, состоявший из Эгмонта, его сенешаля и еще двоих дворян, хором заявил, что это не женское дело. Лерикас хмыкнула и пожала плечами. Я тоже не стала спорить.

— Ничего в этом интересного, — убежденно сказала оборотница, когда мы вышли на лестницу. — Иногда скучно, иногда сложно... Пошли лучше наверх, я тебе То-Самое-Окно покажу.

— Давай! — обрадованно кивнула я. То-Самое-Окно из баллады Риэнталя Хвостика Эгмонт обещал показать нам еще вчера, но его постоянно что-то отвлекало.

Узкая винтовая лестница была сделана так, чтобы предоставить как можно больше преимуществ защитникам замка. Для тех, кто поднимался по ней, столб оказывался по правую руку — не слишком-то удобно для размахивания мечом.

Зал на втором этаже был разделен на три комнаты. В самой большой находилась библиотека; увидев количество книг, я со сдавленным стоном кинулась к полкам, но предусмотрительный Эгмонт уже поставил вокруг них защитное заклинание. Наверное, Лерикас смогла бы взломать его мизинцем, но предлагать аррскому конунгу подобные вещи было как-то совестно. Да и вообще странно осуществлять взлом библиотеки на втором этаже, когда на первом вершится правосудие.

—...и четыре коровы... — донесся снизу монотонный голос секретаря.

Я печально посмотрела на книжные полки и прошла следом за Лерикас в другую комнату.

Там располагалась гардеробная. Вдоль стен стояли большие сундуки, покрытые резьбой. Из любопытства я приоткрыла один и присвистнула — внутри лежала груда металла, которую при некотором воображении можно было принять за доспехи. Я немедленно проверила два других, но в одном лежали ткани, купленные про запас в соседнем городе, а в другом — постельное белье.

Оружия здесь не было. Всю свою коллекцию Эгмонт держал в доме на острове.

Последняя комнатка была спальней. В углу стояла огромная кровать — из-за полога, накрывающего ее с трех сторон, и резной деревянной спинки она сама казалась комнатой в комнате. Сейчас полог был поднят и подвязан толстым золоченым шнуром.

— Ты здесь спишь? — зачем-то спросила я.

— Ага, — кивнула Лерикас. — Я вообще-то хотела расположиться этажом выше. Там воздух свежий и к небу ближе. Но Эгмонт был очень против.

— Верхний этаж предназначен для туристов, — вспомнила я слова экскурсовода.

— А-а. Ну поднимемся — увидишь. А вот это, собственно, и есть То-Самое-Окно.

То-Самое-Окно, на мой взгляд, ничем не отличалось от остальных. Узкое и длинное, застекленное (и я даже знаю, за чей счет!), изнутри оно закрывалось ставнями. Под ним стояла деревянная скамья с обитым узорчатой тканью сиденьем. Я представила сцену объяснения и решила, что если скамья тоже сохранилась с тех легендарных времен, то это ей, а не окну, нужно было посвящать баллады. По собственному опыту и по наблюдениям за Полин я знала, что влюбленные вечно захватывают самые удобные лавочки.

Отдав должное Тому-Самому-Окну, мы поднялись на третий этаж. Да. Вот чего-чего, а свежего воздуха здесь было предостаточно — в окнах не было даже слюды, даже пузыря. Ветер свободно гулял меж старых кресел, скамей и прочего барахла, которое давно нужно выбросить, да рука не поднялась.

— А туристов-то они куда складывают? — вырвалось у меня.

— Во-он туда. — Лерикас безошибочно указала на узкую щель между полуразвалившимся буфетом и бывшей кроватью. — Стелют на пол шкуру, дают плащ и пару подушек. Незабываемые впечатления гарантированы...

— Раньше весь этот этаж занимали воины, — говорила оборотница, пока мы поднимались на смотровую площадку. Она даже не запыхалась, хотя лестница оказалась очень крутой. — Но теперь в замках стараются разделять личное и... хм... сеньориальное. Крепости превращаются в усадьбы... хотя, конечно, этот процесс займет еще немало времени...

Мы вышли наверх, и холодный ветер отбросил мою косу назад. Я зажмурилась от неожиданности. День сегодня выдался ясный,

но холодный, и здесь, на самом верху, отчетливо недоставало если не плаща, так хотя бы куртки.

К полудню распогодится...

Лерикас подошла к самому краю и встала между зубцами.

— Ты боишься высоты, Ялька?

— Нет, — подумав, сказала я. Отсюда все казалось очень маленьким, но больше всего меня поразило, как раздвинулся горизонт. Я видела заливные луга за лесом, а вдалеке серебрилась на солнце гладь озера.

— Ты ничего не чувствуешь? — с намеком спросила оборотница.

Я насторожилась.

— Холодно, вот и все...

— Да? — Лерикас прищурилась.

Я посмотрела на дорогу, ведущую к замку. По ней как раз скакал какой-то путник — сверху был виден его серый плащ и то, что лошадь была вороная.

— Смотри, еще кто-то правосудия захотел...

Лерикас присмотрелась, придерживая развевающиеся волосы.

— Это не к правосудию, это ко мне! — Она обернулась, вдруг подмигнула и спрыгнула с башни.

Я чуть не прыгнула следом. Но в лицо мне ударила волна горячего воздуха — золотой дракон Арры облетел вокруг донжона и, расправив крылья, резко спикировал вниз.

Огромная тень накрыла дорогу. Всадник спокойно поднял голову, остановил лошадь и спрыгнул на землю. В следующее мгновение он уже обнимал свою жену.

— Рэнт, это Эгмонт, мой друг. Эгмонт, это Рэнт, мой муж. Ну что, можно считать, что вы знакомы?

— Э-э... — сказал Эгмонт, машинально пожимая протянутую волкодлаком руку. — Очень приятно. Я много о вас слышал.

— Я тоже, — серьезно ответил аррский принц-консорт. — Эрик часто на вас ссылается. Чаще он упоминает только два слова...

— Подождите, — медленно произнес Эгмонт, — я попытаюсь угадать какие.

Он посмотрел куда-то вбок и вверх и предположил:

— «Книги»? Э-э... «старые книги»? «Много книг»? Хотя нет, для Веллена много книг быть не может...

Мужчины дружно расхохотались.

— Располагайтесь, как сочтете необходимым. В этом замке нечасто видели волкодлаков.

— Замок — это хорошо, — вставила Лерикас. Минуту назад она о чем-то оживленно шепталась с Сигурдом. — Но вряд ли стоило проделывать такой путь из Межинграда, чтобы сидеть в четырех стенах! Лето уже на исходе. Как насчет легкой прогулки? Говорят, Эгмонт, у вас просто замечательная рыбалка...

— Точно, — весомо произнес Сигурд. — А знаете, конунг, какую превосходную уху варит наш Эгмонт?

Мы с Рихтером переглянулись. Значит, не только мне показалось, что оборотни выступают против нас единым фронтом. Складывалось впечатление, что Рэнтара позвали еще и для того, чтобы у них оказался численный перевес.

Но, с другой стороны, чего опасного может быть в рыбалке? Разве что комары нас сожрут — так спасибо руководителю практики, у меня еще полбанки мази осталось! Я представила, как мы пятеро будем сидеть на берегу реки и уплетать уху по-эгмонтовски. И где еще, мрыс дерр гаст, у меня будет возможность поговорить с Рэнтаром Нарроугардом в теплой, почти домашней обстановке?!

Опять же будет о чем рассказать Полин...

— В самом деле, Эгмонт, — как будто со стороны услышала я свой голос. — Я весь год вспоминала твою уху... — Вспоминала незлым тихим ласковым словом, но это к делу не относится. — Да и вообще — сколько их осталось, теплых летних дней? Всего ничего!

Теперь нас стало четверо против одного. Хотя нет, пятеро — на нашей стороне было чувство долга хозяина, принимающего гостей. И Рихтер капитулировал.

Тем же вечером мы отправились на рыбалку. Как и ожидалось, у Эгмонта («Запасливый ты наш», — долго ворчал Сигурд) нашлось все необходимое. Спустившись с холма, на котором стоял замок, мы пересекли небольшой лесок и вышли к реке. Я немедленно вспомнила рассказ магистра Зирака: именно здесь утопили предыдущего графа, сводного брата Эгмонта. Но мага, похоже, это не слишком-то огорчало.

Лерикас, как полагается конунгу, немедленно начала руководить. Сигурд, как полагается подданному, безропотно выполнял указания. Он установил палатку, подготовил кострище и собрал целую

груду хвороста, а потом был милостиво отпущен искупаться. Эгмонт с Рэнтаром тем временем поделили реку на участки и принялись выяснять, чей способ рыбалки лучше. Маг предпочитал удочку, а волкодлак, следуя традициям, по-простому ловил рыбу руками.

Я сидела на пригорке и наблюдала за процессом, подбадривая то одну, то другую сторону. Стороны не слишком-то нуждались в подбадривании, зато они нуждались в зрителях. Мне все равно было нечем заняться: Рэнтар объявил, что рыбалка есть чисто мужское дело, а женщина должна украшать собой компанию. Я не стала сражаться за права женщин, потому что никому в здравом уме не хочется чистить рыбу и мыть посуду.

Солнце спряталось за лес, и от земли потянуло холодом. Но в реке еще отражалось розовое закатное сияние, и все: замок на фоне темнеющего неба, плеск воды, азартные возгласы рыбаков — вдруг показалось каким-то сказочным, прекрасным и печальным одновременно. Отсюда до обычной жизни было еще дальше, чем от Арры до Межинграда.

— Вы там что, всю рыбу выловить решили? — не выдержала Лерикас. — Нечего экологию нарушать! И вообще, Эгмонт, в это время в замке ужин дают!

— За отдельную плату! — тоненьким противным голоском подтвердила я.

— Туристы — главная статья нашего дохода!

— Оно и видно... Ай! — Рядом со мной встряхнулось что-то большое, лохматое и мокрое насквозь. — Сигри!..

Только присутствие декана с одной стороны и конунга с другой удержало меня от иных выражений.

...В состязании традиций и прогресса последний потерпел полное фиаско. Вся крупная рыба в этой реке плавала исключительно вокруг Рэнтара. Судя по его улову, выстроилась целая очередь рыб, желавших посмотреть на настоящего волкодлака. А Эгмонт со своими удочками надоел им хуже горькой редьки.

Маг отыгрался на ухе. Оценив размеры котла, я поначалу немного испугалась — если сложить компактно, то туда и меня можно было запихнуть. Но мы съели все, и Сигурд, как дежурный по кухне, печально потащил котел к реке. Рэнтар отправился с ним из мужской солидарности, а Лерикас — чтобы проконтролировать процесс помывки котла.

Мы с Эгмонтом остались вдвоем. Я сидела, привалившись к старой березе, а маг стоял возле костра и шевелил угли.

От реки подул холодный ветер. Я поежилась, и тогда Эгмонт молча снял куртку и набросил ее мне на плечи.

— Так лучше? — спросил он.

— Ага. Спасибо...

Куртка была знакомая — из черной кожи, с серебряными талисманами на рукавах. От нее даже пахло знакомо. Я закуталась в нее поплотнее, на мгновение зажмурилась и поняла: да. Так в самом деле гораздо лучше.

— А ты как? — для очистки совести уточнила я.

— Нормально, — отмахнулся Эгмонт.

Переговариваться через костер было неудобно. Рихтер сел рядом, и мы стали молча смотреть на костер.

Языки огня то поднимались ввысь, то опадали, выбрасывая в темноту целые пригоршни золотых искр. Вокруг костра плясали серые мотыльки, и оттого граница огня и мрака казалась зыбкой и странной. Но на душе у меня было удивительно спокойно. Я не чувствовала ни раздвоенности, ни надлома, ни противоречия — все казалось цельным, в мире властвовала гармония. Мне давно уже не было так... хорошо.

— Эгмонт, — очень тихо позвала я, и маг обернулся, — скажи — почему всегда не может быть *так*? Почему мы делаем не то, что хотим, а то, чего хотят от нас? Зачем мы отгораживаемся от тех, кто... — Я запнулась и несколько мгновений подыскивала нужное слово. — От самих себя? Кому от этого лучше? Ведь жизнь у нас всего лишь одна, и кто может сказать, сколько времени нам осталось?

Я сказала и пожалела об этом. Наверное, я все испортила. Сейчас Эгмонт снова превратится в магистра Рихтера и напомнит, где он, а где я. Но он молчал; мы смотрели друг на друга, и пауза становилась все длиннее, длиннее, длиннее... Я вдруг поняла, что не выдержу второго раза, и, сунув Эгмонту куртку, едва ли не побежала к реке.

Трое волкодлаков азартно спорили — снаружи или изнутри правильнее начинать мыть котел.

6

С утра зарядил дождь. Оборотням он не страшен, и конунг увела свою маленькую стаю поохотиться в здешних угодьях. А я дезертировала наверх и стояла у Того-Самого-Окна, наблюдая,

как капли сползают по стеклу, оставляя за собой длинные мокрые дорожки.

На душе было странно. Я пыталась разобраться в том, что чувствую, но почти сразу потерпела сокрушительное поражение. Ничего такого раньше со мной не случалось. Жоффруа Ле Флок... да при чем тут Жоффруа Ле Флок!

Я нашла недостающую часть себя — и тут же ее потеряла. И что теперь делать, и как дальше жить? Ни в одном романе Полин не встречалось подобных вопросов...

Я машинально поковыряла пальцем раму Того-Самого-Окна и вспомнила, как Лерикас спрыгнула с башни. Жалко, что ни один маг не может повторить подобного. Я вдруг поняла, о чем тогда она говорила, — голубое или серое, небо одинаково прекрасно. Если было бы можно расправить крылья и...

Но чего нет, того нет. Ладно. На худой конец можно спросить Лерикас, что она думает по поводу полетов на драконе...

Ну в виде исключения!.. С научной целью!..

Я вновь посмотрела в окно. Утро было довольно сумрачным, вдобавок шел дождь, и стекло смутно отражало очертания комнаты. За моей спиной кто-то стоял. И я даже знала кто.

— Эгмонт? — не оборачиваясь, окликнула я.

— Ядвига... — начал Эгмонт и сбился. Это было совсем на него не похоже. — Ялька... — поправился он и опять замолчал.

Я покосилась на него через плечо и зачем-то сказала:

— Дождь...

— Дождь, — быстро согласился маг. — Здесь вообще часто бывают дожди.

Больше говорить было не о чем. Мы стояли и смотрели в окно, а за серой стеной дождя почти ничего не было видно.

— Ты, кажется, что-то хотел сказать... — развернувшись, напомнила я.

Эгмонт набрал побольше воздуха, словно хотел выпрыгнуть в это самое окно, но, вопреки ожиданиям, не произнес ни слова. Он шагнул вперед и крепко обнял меня. Я уткнулась носом в какой-то колючий амулет.

Сердце бешено колотилось где-то в горле, но мне отчего-то стало удивительно легко. Да пропади они пропадом, все слова на свете! Сколько можно спорить, доказывать и убеждать!

Где-то там, вдалеке, шел дождь, трое волкодлаков гоняли зайцев, а четверо несчастных туристов мокли на чердаке. Но до всего этого мне не было ровным счетом никакого дела.

7

Я проснулась в середине ночи и приподнялась на локтях, сразу же почувствовав что-то необычное. В ногах у меня горел волшебный светильник, накрытый стеклянным колпаком, за окном шел дождь, в комнате тикали часы и шуршали мыши. Но что-то заставило меня проснуться.

В лесу заухала сова. Полог приподнялся, и знакомый голос ворчливо произнес:

— Второй раз я прихожу к тебе, девочка, и второй раз нахожу тебя в его доме. Да скажи же ему наконец, чтобы перестал цеплять на дверь эту рябиновую дрянь!

Я не глядя сдвинула подушки и села. Удивляться уже не получалось.

— Можно? — галантно осведомился мой ночной гость.

— Разве есть варианты? — засмеялась я. — Если я скажу «нельзя», ты развернешься и уйдешь?

Лис чуть наклонил голову, но это нельзя было принять за согласие.

— А ты изменилась, — одобрительно произнес он, запрыгивая на постель. Я пододвинулась, чтобы освободить ему место. Впрочем, на этой кровати можно было свободно улечься поперек. — Поняла, что ты интересна мне не меньше, чем я тебе!

Вот он ничуть не изменился: та же острая морда с белой полоской, те же темные, затягивающие глаза. Я потянулась к столику за кубком с водой (стаканов в замке не водилось, но я намеревалась это исправить), однако тут же отдернула руку. От воды ощутимо тянуло болотом, а на поверхности расцвела миниатюрная желтая кувшинка.

— Как ты сюда пришел? Здесь ведь не твои земли!

— Все земли принадлежат мне, ровно так, как я принадлежу им. — Пушистый рыжий хвост шевельнулся и замер. — Мы свободны, сестренка. Хотя, быть может, лучше сказать: мы вернулись к себе.

— Это значит, — медленно начала я, — что Треугольника больше нет?

— Как это нет?! — оскорбился Лис. — Даже мы должны где-то отдыхать! Кроме того, вас, магов, постоянно нужно держать под контролем. А так вам всегда есть над чем поломать голову...

«Где-то я это уже слышала...» — подумала я. А вслух сказала:

— Твоя лаборатория охраняется гораздо лучше...

— У меня и опыта больше, — снисходительно заметил Лис.

Мы помолчали. Я с любопытством потрогала кувшинку пальцем. Она была настоящая — влажная и холодная.

— Мы ушли, и мы вернулись, — опять заговорил Лис. — Раны заросли, мир снова стал цельным. Мне кажется порой, что мы вернулись в ту древнюю весну. Ха! Да я как будто начинаю ностальгировать!

— Это радостная весть. — Я изо всех сил пыталась ощутить, что за изменения произошли в мире. Но все вроде как осталось прежним. — Как же это произошло?

— Ты спрашиваешь меня об этом? Ты? — Лис лукаво прищурился. — Мрыс дерр гаст, как любите говорить вы, люди, — это *я* явился к тебе, чтобы узнать, как вам это удалось!

Да. Мир действительно изменился — чтобы Древние Силы задавали вопросы смертным?! Прежде все было как раз наоборот, и я на мгновение ощутила себя этакой девой озера перед смущенным рыцарем. «Меч, говоришь? Граф, говоришь? Остров, говоришь?»

— Но-но! — возмутился Лис. — Палку-то не перегибай! Какой еще граф?

— Это я так, о своем, о девичьем. Ты не отвлекайся.

Лис резко дернул ухом.

— Я хочу увидеть мир, как видишь его ты, — прямо сказал он. — За это я расскажу тебе все, что ты хочешь знать.

— Сперва расскажи, — потребовала я, чувствуя, что нахожусь в своем праве. — Что мы такое? Что за Тьма шла за нами? Куда она делась? Что случилось в то утро в замке Леснивецких? И...

— Тише, тише, — проворчал он. — У этого... графа... ты тоже так частишь? Тогда понятно, для чего он от тебя рябиной отгораживается...

— Отвечай же! — сказала я и быстро добавила: — И вовсе он не от меня отгораживается. Просто рябина красивая!

— Ага. Питательная. — Лис метко сплюнул на пол обгрызенную веточку и облизнулся тонким темным языком. — Откуда мне начать? С сотворения мира или раньше?

— Начни с причины.

— А ты действительно изменилась... — повторил он. — Итак, причина. Много лет назад, во времена Нахождения Тверди... а Твердь, я думаю, искали очень долго, ибо Предвечный Океан поистине велик!..

Я терпеливо ждала. Причиной пока и не пахло.

— Пропустим этот кусок. — Лис одарил меня недовольным взглядом. — В конце концов, в следующий раз тоже о чем-то придется рассказывать. Ладно, полукровка! Ты должна знать, что вскоре после появления Младших в мире началась первая война. Серый Конунгат, значительно более могущественный, нежели сейчас, терпел недолго. Оборотни атаковали людей чарами, а те ничем не смогли защитить себя. Есть законы, нарушать которые не дано никому. Мир треснул, и через трещины к нам потянулась Пустота.

— Тьма?

— Ты видишь ее черной, а я — *никакой*. Но суть от этого не меняется. Она пуста, и единственное ее желание — наполниться. Но этой способности у нее нет, и потому все, до чего она дотягивается, проваливается в нее навечно. Это... — он запнулся, — это страшно, девочка. Мы все тогда испугались. Казалось, что проще избавиться от треснувшего мира, чем пытаться залатать дыры. Но нам, как ты знаешь, не дали этого сделать.

— Вы ушли, — негромко сказала я. Волшебный огонек метался под колпаком, и наши тени прыгали по пологу. — Но что случилось потом?

— Главная щель находилась в горах Конунгата. Именно поэтому он распался; именно в этом заключалось его проклятие. Ты никогда не думала, почему оборотни всегда держались так обособленно? Им не было дано покидать пределы своих городов, потому что иначе Пустота проникла бы дальше и со временем пожрала бы весь мир.

— Но Конунгат же она не сожрала?

— Седрик даль Арра добровольно отдал жизнь за свой народ. Этим он заставил *ее* отступить на время. А там уже подоспели драконы. С тех пор они всегда живут в этих горах. Конунгат в са-

мом деле стоял над бездной, но у оборотней были конунги, и это помогло им продержаться до прихода Ариаланн.

— Лерикас? — неуверенно сказала я.

— Да. Это подробности. Так или иначе, самая большая дыра была закрыта. Но Пустота никогда не отступает. Осталось множество мелких трещин — слишком незначительных, чтобы она могла пролезть туда по своей воле. Но *она* ждет, вечно ждет с той стороны, и как только один из вас поддается слабости, щель становится шире.

— Хендрик, да?..

— Не только. Он был одним из многих, кто расшатывал кирпичи, просто именно его удар оказался решающим. Знаешь, за что была проклята Белая Дама? А почему твой граф так не любит Эрика Веллена? Причина одна, и теперь она тебе известна. Как это у вас говорят? «Ошибки молодости»... То, что призвал Хендрик, то, что нашел Сигурд, то, что напало на тебя тогда, — все это одной природы.

— Но почему оно не напало раньше, когда я не могла защититься?

— Тебя защищает твоя кровь. Но в тот час, наверное, в тебе было слишком много человеческого.

Я вспомнила пакет с зелеными штанами, кивнула и закашлялась.

— Кгхм-кхм... Да что ж такое! Кхм-м!

В горле пересохло, но пить воду из кубка я не стала бы ни за какие коврижки.

Лис сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил:

— Мы ушли, но от этого стало только хуже. Мы и эта земля — одно, я это уже говорил. Мир медленно умирал, но у него еще осталась одна неиспользованная возможность. У него были вы трое.

— Что мы такое? — выпалила я, забыв про пересохшее горло.

Лис рассмеялся.

— Посмотри на свой живот, полукровка. Как читаются эти знаки?

«Тебе виднее!» — хотела ответить я, но вдруг поняла, что странные, прихотливо изогнутые линии на самом деле складываются в руны. И руны эти всегда были мне известны.

— «ДР...» — неуверенно начала я.

— А теперь руки!

На обеих моих ладонях высветились серебристые знаки.

— «ДРАК...» О боги!

Я все поняла, но для чистоты эксперимента взглянула в единственное зеркало, которое у меня было, — в глаза Лиса. В черном зрачке отразилась маленькая встрепанная Ялька с недостающей руной на щеке.

— Вы — дракон, — спокойно подтвердил Лис, и руны начали таять. — Слово прочитано, и более они не нужны.

Я закрыла глаза и откинулась на спинку кровати. Какой кошмар. Нет, правда! Мне представилась наша дальнейшая тройственная жизнь. Вот мы, например, прыгаем с башни и летим в Межинград: я отвечаю за левое крыло, Сигурд — за правое, а Эгмонт злобно плюется огнем, ему не привыкать.

Лис довольно похихикал.

— Да не бойся ты, — покровительственно сказал он. — Лерикас привыкла, и ты привыкнешь. Все будет совсем не так. Дракон — это не только ящерица с крыльями. Не ломай голову, девочка, когда придет время, ты все поймешь.

— Ага, — слабо сказала я. — Можно я пойду с донжона спрыгну?

— Еще успеешь. Или, может, тебе уже неинтересно?

— Интересно. Давай дальше.

— А чего дальше? Дальше все просто. Чтобы стать драконом, нужно пройти две инициации. Первая случилась в ночь летнего солнцестояния на холме у Межинграда. Мы почувствовали это... все это почувствовали, и Пустота тоже. Она всячески пыталась дотянуться до вас, но получилось только в отрогах Драконьего Хребта. Вторая инициация — это маленькая смерть. Дракон должен исправить ту неправильность, которая вызвала его к жизни. Вы сделали и это. Вы загнали Пустоту обратно... а вот дальше началось непонятное.

— Ну? — нетерпеливо сказала я, когда он сделал очередную тщательно рассчитанную паузу.

— Ваше появление — залог нашего возвращения. Вы очистили раны, нам должно было их заживить. Но ран не было! Ни единой трещинки, ни единой царапинки! Земли у Сольца, кафские соляные пустоши, трясины в Хэльвсдаре, Рембьерский лес... всего и не перечислить. Мы проверили каждую пядь. Там, где были сочащиеся гноем язвы, не осталось даже рубцов. Теперь мой черед спрашивать, *дракон*, — что вы такое и как вы это сделали?

— Ты выполнил свою часть уговора, — медленно сказала я. — Ты хотел увидеть — смотри.

Я не успела заметить, как он это сделал, — но ткань мироздания вдруг сделалась прозрачной, и мы увидели наш мир со стороны. Это было похоже на огромный планетарий. По причудливым орбитам мчались звезды, планеты, спутники, астероиды... Все было единым и живым. Все пронизывали тонкие, почти невидимые связи.

Вот летит парочка планет. Если присмотреться, то станет понятно — это близнецы аунд Лиррен. Сейчас, кажется, спят и видят во сне очередную пакость. Рядом с ними — связь чуть слабее, но она все равно есть! — их родители, их младший брат, их друзья... О, а это кто? Генри? Ага, точно... вот герцог Ривендейл, вот госпожа герцогиня, а вот и...

Вот и я сама.

Мы оказались тройной звездой, и, хотя от каждого тянулись свои собственные нити, то, что связывало нас троих, было крепче всего во вселенной.

Я моргнула, и все вернулось на свои места.

— Значит, вот так... — прошептал Лис. Он выглядел ошеломленным. — Значит, это и держит мир... Так просто... Кто бы мог подумать...

— Новая игрушка? — не выдержала я.

Он поднял на меня глаза.

— При чем здесь это? Я видел *нас*. Я никогда не думал, что...

И он исчез. Я подождала несколько минут — а вдруг надумает вернуться? — но Древние Силы, похоже, удалились обдумывать увиденное. На кровати остались только обгрызенные веточки. Стряхнув их на пол, я подтянула поближе подушку и мгновенно заснула.

8

Я проснулась с твердым решением сегодня же спрыгнуть с башни. Вот прямо сейчас — пойду позавтракаю и спрыгну. Не получится с первого раза — получится со второго. Донжон высокий, слевитировать я всегда успею.

Не мне одной этой ночью снились странные сны. И Эгмонт, и Сигурд были какие-то взъерошенные и невыспавшиеся. Мы косились друг на друга, и я никак не могла понять, что в них не так. Чешуя не отросла, когтей тоже не видать...

Тут я присмотрелась к Эгмонту и присвистнула.

— Да-а, магистр, теперь меня точно алхимички загрызут...

— То есть? — насторожился мой без пяти минут нареченный.

— Видишь ли, — с наслаждением произнесла я, — я открою тебе одну страшную тайну. Раньше ты был просто роковой брюнет. Теперь ты роковой брюнет с синими глазами. Весь алхимический факультет упадет к твоим ногам!..

— Кто бы говорил, — отмахнулся «роковой брюнет». — Не боись, прорвемся.

Синеглазый Сигурд тем временем спокойно поедал колбасу.

ГЛАВА ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ, *последняя*

1

Свадьбу Эгмонта Рихтера и Яльги Леснивецкой сыграли в конце лета. Конечно, по размаху ее никак нельзя было сравнить с памятным всему Межинграду бракосочетанием Полин де Трийе и кафского принца, — но лучшее есть первый враг хорошего. На празднике гуляло все графство и прилежащие к нему земли.

Изначально планировалось скромное семейное торжество. «Ну для своих... ты ведь понимаешь?» — изящно сформулировала госпожа будущая графиня. «Ага, — не стал спорить господин граф. — Кто составляет список?»

Составлять список не хотелось ни Яльге, ни Эгмонту, поэтому своих оказалось непредвиденно много. Приехали даркуцкие родственники невесты и хенгернские родственники жениха. Приехал печальный пан Богуслав Раднеевский, страдавший ровно до того момента, как на его пути не повстречалась новая прекрасная дама — эльфийка Гудрун с боевого факультета. Приехал веселый бестиолог Гюи — он привез в подарок какую-то глазастую и ушастую тварь, которая обреченно копошилась в картонной коробке. Тварь не хотела быть свадебным подарком, но ее никто ни о чем не спрашивал.

Вместе с Гюи приехал учитель Тэнгиэль, вместе с учителем — айлэри Арлаутар, вместе с Арлаутаром — Эллендар Четвертый и весь преподавательский состав Академии. Видели среди гостей и магистра Цвирта под руку с супругой.

Отдельно пировала небольшая, но сплоченная гномья диаспора.

От Конунгата на свадьбе официально присутствовали Аррани Лерикас, Рэнтар Нарроугард и Фенрир Волк — разумеется, это не считая Сигурда! Но отдельные гости утверждали, что видели как минимум восемь волков разных мастей и размеров. В конце концов, Сигурд, как любой волкодлак, отнюдь не был сиротой.

Братский эльфийский народ представляли принцесса Рандориэль и принц-консорт Родриго, известный среди своих под прозвищем Трубадур. Разумеется, их сопровождала свита. Эльфы, сколько бы их ни было, всегда создают впечатление толпы. То там, то здесь мелькали светлые макушки братьев аунд Лиррен.

Из официальных лиц остается упомянуть принцессу Кафскую — ее царственный супруг прибыл только на второй день, зато привез в подарок белого слона.

Все остальные присутствовали неофициально и оттого не подлежали пересчету. Ни один адепт не упустит шанса погулять на свадьбе декана — непринципиально, своего или не своего. Да об этом можно будет потомкам рассказывать! «Не верь им! Добрый Рихтер существует — я сам его видел!»

Ардис и Сигурд сидели рядом, и оборотень сиял, не обращая внимания ни на каких эльфиек. Артур успел подраться, помириться и еще раз подраться с наследным эльфийским принцем и только после этого озаботился узнать, как того вообще зовут.

Чуть поодаль, в окружении четырех северных эльфов, расположилась Ларисса-Чайка. К ее столику тянулся этакий смущенный ручеек поклонников; каждый робко кашлял, протягивал перо и пергамент и просил расписаться «вот здесь, пожалуйста». Ларисса расписывалась, улыбалась и обещала непременно спеть. Одного из ее спутников — высокого рыжего нордана — это явно нервировало, зато другой, хрупкий, черноволосый и неприметный, искоса поглядывал на все это и ухмылялся, когда думал, что его никто не видит.

В самый разгар празднования за столом аррского конунга обнаружились еще два гостя. К тому моменту почти все волкодлаки отправились танцевать, а эти двое пододвинули поближе бочонок с элем, обнялись по-братски и, размахивая кружками, запели древнюю фьордингскую песню:

Мы стойко бились, —
на трупах врагов
мы — как орлы

на сучьях древесных!
Со славой умрем
сегодня иль завтра. —
никто не избегнет
норн приговора!

Получалось пусть не очень музыкально, зато душевно.

— Это что, Эрик Веллен? — изумленно пробормотал жених.

— Да, кажется, — приглядевшись, ответила невеста. — Помнишь, ты же ему сам приглашение подписывал! Еще Лерикас попросил проконтролировать, чтобы он точно не отвертелся... Как это ты говорил? Он такой скромный, тихий... почти что книжный червь...

— Да уж, — сквозь зубы прошипел жених. — Да уж.

Вдруг лучи
блеснули у Логафьелль,
прянули молнии,
ярко сверкавшие:
девы в шлемах
с просторов небесных
мчались в кольчугах,
обрызганных кровью,
свет излучали
копья валькирий...

Этот куплет Эрик допел в одиночку. Сим, пыхтя, подкатывал к столу новый бочонок на смену опустевшему.

Вечером, когда все певцы, начиная с Эрика и заканчивая Трубадуром, выдохлись и охрипли, неприметный черноволосый нордан тяжело вздохнул и вышел вперед.

— Айлэ и айлэри, воргас и воркас, дамы и господа! — привычно начал он. — Меня зовут Морольт ан Финденгейро. Я рад поздравить друзей нашего дома...

Остальные его слова заглушили восторженные вопли разом протрезвевших морольтоведов и морольтолюбов. Одним движением руки нордан остановил кинувшуюся к нему лавину почитателей.

— Это потом, — несколько свысока сказал он. — А сейчас позвольте мне все-таки спеть. Кайлендаро, арфу!..

Младший нордан скривился, нарисовал в воздухе руну, и перед великим — нет, величайшим! — нет! а-ах! — словом, перед Морольтом ан Финденгейро возникла его арфа.

2

Как известно, все имеет оборотную сторону. Гулять на свадьбе было легко и приятно, но проблемы начались уже через несколько дней.

По возвращении в Академию магистр Марцелл Руфин Назон категорически отказался вести занятия у третьего курса боевого факультета. Объяснять свое возмутительное поведение он отказался, да этого и не требовалось. Именно на третий курс была успешно переведена студентка Ясица, вот уже четвертый день как откликающаяся на фамилию Рихтер.

— Марцелл, возьмите себя в руки, — пытался успокоить несчастного Ирий Буковец. — Вы преподаете этому курсу уже два года, и никаких серьезных проблем! В конце концов, вы опытный преподаватель!

Лесть на бестиолога не подействовала. Он был тверд и непоколебим как скала. Найти же нового магистра за два дня до начала учебного года было не просто трудно — невозможно.

Но Марцелл Руфин Назон *боялся.*

Студентка Ясица являла собой неприятную, но вполне терпимую ситуацию. С ней можно было примириться и даже как-то сосуществовать. Другое дело — графиня Рихтер, жена декана факультета боевой магии, близкая подруга Аррани Валери и много кого еще! Что с ней прикажете делать? А если она зачет завалит, что тогда?!

— Коллега Назон, вам не о чем беспокоиться, — очень убедительно сказал магистр Зирак. — Вы же знаете, что для Рихтера, — при упоминании страшной фамилии Марцелл вздрогнул, — нет ничего важнее долга. Так что теперь, наоборот, у нас будут дополнительные рычаги воздействия на эту конкретную студентку.

— Это раньше для Эгмонта не было ничего важнее долга! — запальчиво возразил Марцелл. — Вы просто не знаете, что может женщина сделать с человеком! Вы — мужчина, откуда вам знать, что такое женщина!

Парировать Зираку было нечем. Уж кем-кем, а женщиной он точно не был. Магистр Ламмерлэйк переглянулась с магистром Дэнн и ласково, как к тяжелобольному, обратилась к бестиологу:

— Марцелл, вы совершенно правы, коллега Зирак не знает, что такое женщина. Не спорьте, Зирак, это вопрос принципиальный. — Гном, открывший было рот, закрыл его, но на бестиолога смотрел по-прежнему нехорошо. — Зато я это знаю пре-вос-ходно. И как специалист в данной области смею вас заверить: проблем с Яльгой будет значительно меньше. Больше всего сейчас она будет стараться не подвести мужа, оказаться взрослой и серьезной. Вспомните, дети всегда к третьему курсу становятся взрослее и ответственнее. Как правило, основные шалости заканчиваются к концу четвертого семестра. Вы сталкивались с этим уже не единожды!

Магистр Назон хотел было возразить, что со студенткой Ясицей — тьфу ты, уже Рихтер! — он сталкивается в первый и, хочется верить, в последний раз, но ему этой возможности не дали.

Рука Эльвиры мягко, но настойчиво легла ему на плечо, и Марцелл почему-то промолчал. «Интересно, — мелькнула и исчезла разумная мысль, — как она это делает?»

— И потом, вы упоминали, что вас нервирует привычка Яльги сидеть на лекциях в первом ряду.

Лишенный возможности говорить, бестиолог быстро закивал.

— Тогда вы можете читать лекции в новой аудитории. Помните, она вам так понравилась? А Эгмонт передаст Яльге наше настойчивое пожелание садиться... хм... подальше. Со слухом у нее проблем, кажется, нет, со зрением — тоже, так что этот вариант, я думаю, всех устроит. Правда, Марцелл?

На том и порешили.

3

Мы сидели на заднем ряду большой поточной аудитории. Аудитория была новехонькой, сверкавшей ремонтом недельной давности: от стен до сих пор пахло краской, а от парт — свежим деревом и лаком. Их поверхность все еще оставалась девственно-чистой — ни у кого рука не поднялась испортить ее рисунком или надписью. Хотя чесались-то руки у многих, и у меня в том числе.

Итак, аудитория была поточной, выстроенной в форме амфитеатра. Где-то далеко внизу у большой, во всю стену, доски бегал маленький, но очень деловитый Марцелл Руфин Назон. Иногда он забегал на кафедру, но долго устоять на одном месте не мог. На

доске висел цветной плакат, изображавший внутреннее строение виверны. Виверна, с вывернутыми наизнанку внутренностями и совершенно целой головой, смотрела на гадов-студентов такими глазами, что хотелось стукнуть кулаком по парте и выкрикнуть что-то вроде: «Долой опыты на животных!» Даже портреты бестиологических светил, развешанные по стенам, смотрели на плакат с немой укоризной.

Новая аудитория нравилась всем без исключения. Педагогов радовала вместимость: сюда легко можно было загнать один, а то и два курса. У студентов же были свои радости. Во-первых, здешние скамейки были рассчитаны отнюдь не на двоих — они тянулись полукругом от стены до стены, а откидывающиеся крышки парт были прикреплены к спинкам скамеек нижестоящего ряда. Кроме того, от кафедры, если особенно не присматриваться, преподаватель почти не видел задних, то есть верхних, рядов. А в общении с бестиологом это был большой плюс.

Конечно, скамейки были не цельными — они состояли из отдельных секторов, но все равно так было куда удобнее и тому, кто списывает, и тому, у кого списывают. Кстати, на один сектор помещалось человек шесть. Вот и сидели мы вшестером: я, Генри, Хельги, Валентин де Максвилль и близнецы аунд Лиррен. Последним здесь было делать нечего, но братья объявили, что, во-первых, их настигла ностальгия, во-вторых, про эту аудиторию все говорят, а им тут ничего не читают, и, в-третьих, у них все равно свободная пара.

Не знаю как насчет аудитории, но вот ностальгию определенно следовало утолять в другом месте. Марцелл бегал, тыкая указкой изображение виверны то с одной, то с другой стороны; я отчаянно зевала, Хельги любовно глядел на длинную шипастую розу, лежащую рядом с ним на скамье, Генри был мрачнее тучи, но к этому я как раз уже привыкла. Честный де Максвилль контролировал записывающее заклинание, потому что на этот раз была его очередь снабжать конспектами остальных. Близнецы ерзали, пихали друг друга локтями в бок, громко шептались — словом, пытались развлекаться, как только могли.

— Слышь, Ялька, — наконец не выдержал Эллинг. — Ну, ты хоть это... расскажи нам — как оно, в графинях-то?

— Странно, — честно сказала я.

Генри покосился на меня с неожиданной надеждой, наверное, рассчитывая на более подробное продолжение. Я пожала плеча-

ми, вспомнив, как то же самое из меня пыталась вытянуть Полин. Хотя их тоже можно понять: я ж не за кого-нибудь вышла замуж, а за Рихтера, и никаких тебе до того романтических ухаживаний.

— Да, Ялька, что ни говори, а хорошо мы погуляли! — благодушно сказал Хельги и похлопал меня по плечу. Впрочем, вампир почти сразу же отодвинулся, насколько позволяла скамейка. — Молодец ты у нас, давно праздников не было...

— Слышь, госпожа графиня, а с колдовством-то у них как? — продолжил настойчивый эльф. — Я тут читал, раньше маги там сильные были, заклинания, говорят, круче, чем катапульта. Если по деревням поискать, наверняка можно много чего интересного нарыть...

— Да мрыс с ним, с колдовством, Элле, какой у них там фольклор! Я две тетради исписала, а там еще писать и писать... Вот, смотри! — Я щелкнула пальцами, и на парту плюхнулась толстая общая тетрадь с разлохмаченными листками. Генри глянул на нее зверем, и я сообразила, что на простенькой зеленой обложке крупно выведено: «Ялька Рихтер». Элементаль постаралась: я тетради подписываю всегда с внутренней стороны.

— Вот, держи! — Я торопливо сунула тетрадь Эллингу.

Валентин де Максвилль с интересом переводил взгляд с меня на Ривендейла и обратно.

Эльф пошелестел страницами и совсем было собрался что-нибудь зачитать, как из тетради вдруг выпорхнул небольшой обрывок пергамента. Яллинг наклонился за ним, и его брат тут же заинтересованно уставился на поднятое.

На листке был виден корявый рисунок, изображенный детской рукой. В нем смутно угадывалось некоторое сходство с основными магическими знаками, но прямого повтора я не обнаружила — иначе бы не стала прятать листок в тетрадь по фольклору. Чуть ниже моим почерком, меленько и со множеством сокращений, шел текст самого заклинания, записанный под диктовку.

Венчало все это огромное шоколадное пятно.

— Это что? — Эллинг встряхнул листочек. — Чары?

— Нет! — Я улыбнулась, вспомнив, как замечательно помог наладить контакт с детьми кулек шоколадных конфет, украденных со свадебного стола. Собственно, благодаря этому кульку речь и

зашла о предмете заклинания. — Это схема для вызывания Матного Гномика.

— Мятного? — переспросил воспитанный де Максвилль.

— Ой, может, и Мятного... — Я смутилась и выхватила у эльфа листок. — Может, даже Магного, тут непонятно написано.

— Нет такого слова, — авторитетно заявил Яллинг. — Сойдемся на Мятном.

— А мне Матный нравится больше, — ухмыльнулся Хельги, но его прервали.

— А для чего его вызывают? — с любопытством спросил Валентин.

Я спешно освежила в памяти все фольклорные познания.

— Ну, дети любят все таинственное... — Фраза была осторожная, потому что точного объяснения я не помнила. — Вроде как возможность соприкоснуться с таинственным миром магии и духов... А, вспомнила!.. Если он Мятный, значит, то же самое, что Конфетный. Его конфетой угостить надо, и он тогда что-нибудь расскажет. Вот, здесь написано...

Тут влез Яллинг, предпочитавший словам действия.

— Да что мы голову ломаем?! — заявил он, отбирая листок. — Хельги, гони конфету, щас мы его живо вызовем!

— Да у меня... — начал было вампир, но эльф перебил его:

— Элен обойдется, давай сюда!

Недовольный Хельги полез в карман — судя по всему, бездонный — и вытащил оттуда конфетку в пестрой обертке. Эллинг выдернул ее у вампира из пальцев, и, прежде чем я успела сказать, что все это детские игры и полная чушь с магической точки зрения, эльфы хором зачитали текст с листа.

Раздался негромкий хлопок, и над партой в воздухе появился гномик. Был он мал, размером приблизительно с локоть, имел длинную бороду, нос картошкой и весьма недобрый взгляд. Откуда бы мы его ни вытащили, там определенно остались значительно более важные дела.

— Работает... — восхищенно выдохнул Эллинг.

Гномик медленно обвел нас взглядом и нехорошо прищурился. На конфету он, что характерно, не обратил никакого внимания. У меня появилось весьма нерадостное предчувствие: есть вариант, что Элен следовало сказать всем нам большое спасибо, потому как если даже конфетный гномик не в восторге от угощения, это о чем-то да говорит.

Тут конфетный дух перебрал ножками на одном месте, упер руки в боки, открыл рот и высказал все, что он о нас думает, таким отборным лыкоморским матом, что странно было слушать его из уст западного по сути своей существа. Гномик, точно прочтя эту мысль, перешел на эльфийский, и у Эллинга с Яллингом одновременно загорелись глаза и уши. Один из братьев даже потянулся за пером, но тут благородный Ривендейл вышел из ступора — первым, как и подобает наследнику древнего герцогского рода. Вампир взмахнул рукой, пытаясь ликвидировать гномика, и это оказалось стратегической ошибкой.

Сделав изящный пируэт, гномик легко ушел от чары, осыпав Генри фейерверком ругательств на его языке. Хельги даже закашлялся, а гномик помчался вдоль ряда, взбежал вверх по стене и оказался на потолке, вверх тормашками. Далее он просто нарезал круги, все наращивая скорость и с каждым разом приближаясь все ближе к застывшему от изумления магистру Назону.

Адепты бросили писать и ошарашенно внимали безднам родного языка, неожиданно открывшимся перед ними. Аунд Лиррен упоенно строчили, забывая лишний раз обмакнуть перо в чернила, Ривендейл шел пятнами, явно набираясь злости, чтобы предпринять вторую попытку, — пока что его останавливало внимание преподавателя. И тут аудиторию озарила алая вспышка.

Гномик заорал благим матом и помчался еще быстрее. Теперь мои глаза даже не замечали самих его перемещений: по полу, потолку и стенам мелькала цветная смазанная полоса. Зато вопли зазвучали громче — кажется, гномик обиделся. Еще бы, когда тебя ни с того ни с сего лупят боевым заклинанием...

Боевым?!

И тут до меня дошло. Сжав парту, я уставилась вниз, на магистра Назона, — а он, приняв классическую стойку, чуть прищурившись, швырял одно за другим мощнейшие заклятия по практически недосягаемой цели. Мысль в голове была только одна, да и та, похоже, выжимка из учебника: что-то насчет того, что в экстремальных условиях в человеке пробуждаются давно забытые навыки и умения.

Рядом громыхнуло особенно сильно. С потолка посыпалась известка. Заклинание срикошетило, и я автоматически выставила Щит. Оглянувшись, я заметила, что его поддерживают все пятеро сидевших рядом.

— Ялька, ложись!! — вдруг не своим голосом завопил Генри, и в следующий момент я очутилась под партой. Там было тесно, ибо мгновением раньше туда нырнули все остальные.

Сверху доносился шум битвы и запах гари. Не походило, что у Марцелла заканчиваются силы, наоборот, с каждым мгновением он входил во вкус. В воплях гномика прорезалась боевая тональность.

— Вот интересно, кто ж его так качественно боевой магии учил? — выразил общее мнение Хельги, озабоченно рассматривающий обожженную руку.

Генри хмуро глянул в мою сторону.

— Да мне только один такой известен, — заявил он. — Учитель...

Чувствовалось, что вампир хочет кое-что добавить, но паузу с успехом заполнил гномик, как раз в этот момент очень удачно проносившийся неподалеку.

Народ озадаченно замолчал, проводя несложные вычисления.

— Эй, Ялька, — дернул меня за рукав Яллинг, — это ж сколько тогда твоему мужу лет? Неплохо он сохранился!

— Сколько-сколько... — Я попыталась вспомнить. — По-моему, тридцать пять.

— А он тебе не наврал, а? — Пол дрогнул, с грохотом обрушилась доска. — А то стиль-то... э-э... чувствуется.

— Ну что, Ялька... — Голос Генри прямо-таки сочился ядом. — Теперь у тебя нет сомнений, как этот... гномик называется?! Мятный, значит, конфетно-мармеладный! Лыкоморским же языком написано было: Матный! Как в твоем возрасте можно быть такой наивной?!

Кажется, последнее слово он хотел заменить другим, но в последний момент решил поберечься. И правильно: когда сверху прицельно лупит Марцелл, а снизу добавлю я, мало никому не покажется.

На помощь мне пришел Валентин.

— Ну, Генри, — примирительно сказал он. — Она просто поверить не могла! Добро бы кто еще, а то — дети!

Над партой со свистом пронеслась очередная комета, взорвавшаяся двумя-тремя рядами выше. Сидеть там никто не сидел, потому обошлось без жертв, если не считать того, что шальная искра прожгла Генри дырку на штанах.

— Какие ж это дети?! — злобно возразил он, рассматривая дыру. — Это ж сволочи!

Миролюбивый де Максвилль пожал плечами. Возражений он, похоже, не имел.

Я тоже не ответила, прислушиваясь к обстановке снаружи. Взрывы и раскаты не прекратились, но стали заметно реже, а к запаху гари вдруг добавился тонкий цветочный аромат. Хельги вдруг ткнул пальцем в сторону: в просвете между сиденьем и партой виднелись две стройные ножки в эльфийских чулках и башмачках из василисковой кожи, на высоченных каблуках, выточенных из кости горгульи.

Твердые ногти выбили по крышке парты быструю дробь. Я осмелилась выглянуть наружу.

Магистр Ламмерлэйк щелкнула пальцами, призывая отвергнутую гномиком конфету, зашуршала оберткой — а миг спустя раздался еще один хлопок, и гномик исчез, прерванный на середине особенно заковыристой фразы.

Марцелл Руфин Назон по инерции выпустил еще серию боевых пульсаров, и в аудитории повисла звенящая тишина. Один за другим адепты выбирались из-под парт и осматривали учиненное побоище. Не уцелел ни один портрет, а в воздухе кружились хлопья сажи, которая еще недавно была свежей покраской и побелкой. Единственным уцелевшим наглядным пособием был плакат с виверной, которая все так же кротко и жалобно смотрела в аудиторию.

Я села на покосившуюся скамью. На ней, чудом пережив такую атаку, лежала моя тетрадь и чуть поодаль — несколько подкопченная роза Хельги. По очереди из-под парты вылезли и остальные. Я прижала тетрадь к себе и затосковала. Не далее как вчера я дала Эгмонту честное слово, что на занятиях у Марцелла буду тише воды ниже травы. Кто же поверит, что это не моя вина?

С другой стороны, клочок с вызовом сгорел, эльфы не признаются, ну а в вампирах я вообще была уверена, как в себе самой. Де Максвилль происходит из династии банкиров, а они умеют молчать еще лучше, чем мы все, вместе взятые. И кто теперь дознается?..

— Неплохо, неплохо, — нейтрально сказала Эльвира, и я вздрогнула, лишь потом сообразив, что ее слова относятся не к гномику, а к конфете. Алхимичка задумчиво рассматривала обертку, которую она уже успела свернуть в аккуратный квадратик.

— Адепт Ульгрем... — Хельги, горевавший над розой, быстро поднял голову. — Я настоятельно рекомендовала бы вам впредь не экономить на конфетах и цветах, ибо экономия есть исключительно женская прерогатива.

— Я хотел купить две розы, — брякнул Хельги, не подумав. — Но... денег не хватило!

Близнецы, переглянувшись, тихонько сползли обратно под парту. Алхимичка приподняла бровь:

— О... Тогда уж экономьте.

С этими словами она развернулась на каблуках, легко спустилась вниз, подхватила под руку застывшего сусликом Марцелла, и оба они исчезли самым прозаическим образом — через дверь.

— Дети, мр-рыс дерр гаст... — еще раз повторил Ривендейл. Он нагнулся и поднял с пола крошечный обрывок пергамента, обугленный по краям, но все-таки уцелевший. Я узнала его с первого взгляда, и сердце рухнуло куда-то под плинтус.

— Генри, дай сюда, это улика!..

Вампир, не отвечая, перевернул листок и с выражением зачитал:

— «На прощанье не забудьте поблагодарить гномика, не то он обидится и больше никогда не вернется!» — Он выдержал паузу. — Какой ужас, Ялька, мы же его не поблагодарили!

Я погрозила вампиру кулаком.

— Никогда себе этого не прощу... — выдохнул Эллинг.

Яллинг бережно прижимал к себе тетрадь с подробным конспектом.

— Весьма познавательная лекция, — подытожил Валентин.

До меня только сейчас дошло, что он так и не выключил записывающего заклинания.

Молчал только Хельги. Он страдал над розой — похоже, никак не мог решить, дарить ее или все-таки выбросить.

4

После побоища аудиторию поспешили проветрить, но дым уже успел расползтись по всему этажу. Отовсюду слышалось недовольное покашливание. Я сглотнула, энергично помахала ладонью, разгоняя дым, но это не помогло. В горле вдруг резко запершило.

— Кхм-кхм, — недовольно сказала я. Стало только хуже. — Кгхм-кхм-хм! Мрыс! Кх-х-хм! Ой!..

Объявление о спешном переносе занятий из аудитории № 308 вдруг вспыхнуло и осыпалось сиротливой кучкой пепла.

— Т-твою... э-э... некромантию... — выдавил Валентин де Макс-вилль, первым сообразивший, что произошло.

Близнецы переглянулись.

— А сокровищница у тебя уже есть? — зачарованно спросил Хельги.

— Кхм, — скромно ответила я.

И выдохнула целое облачко искр.

Омск — Евпатория — Омск
2010 — 2011

СОДЕРЖАНИЕ

СЕВЕРНЫЙ ТРАКТ 9
ЛЕСТНИЦА МИРОВ 229
ДРАКОН И ЗЕРКАЛО 473

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!
Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения присылать по адресу:
125565, Москва, а/я 4,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»
или по e-mail: mvn@armada.ru
Информацию об издательстве и книгах
можно получить на нашем сайте в Интернете:
http://www.armada.ru

Литературно-художественное издание

Мария Алексеевна Быкова,
Лариса Ивановна Телятникова

ПУТЬ К ЗОЛОТОМУ ДРАКОНУ

Трилогия

Заведующий редакцией
В.Н. Маршавин

Ответственный редактор
Т.А. Стельмах

Художественный редактор
Н.Г. Безбородов

Технический редактор
А.А. Ершова

Корректор
Н.А. Карелина

Компьютерная верстка
П.Э. Кутепова

Подписано в печать 25.07.11. Формат 84x108/32.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 40,00. Тираж 8000 экз.
Изд. № 6107. Заказ № 5045.

ООО «Издательство АЛЬФА-КНИГА»
125565, Москва, а/я 4; ул. Расковой, д. 20

Отпечатано по технологии CTP
в ИПК ООО «Ленинградское издательство»
195009, г. Санкт-Петербург, ул. Арсенальная, д. 21/1
Телефон / факс: (812) 495-56-10.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛЬФА-КНИГА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Эдуард Катлас

Трилогия в одном томе

Акренор

Акренор. Затерянное королевство фронтира человеческого мира во времена, когда маги могли играть сущностью вещей, а воины — становиться бессмертными. Во времена, когда колдуны поднимали мертвых из могил, а древние демоны сражались на стороне живых. И каждый вздох был важен, потому что мог оказаться последним. И каждый рассвет встречали молитвами, потому что к кому-то он мог и не прийти.

Отряд, созданный наследным принцем, попадает в самую гущу событий, влияющих на судьбы королевства и людей в нем. Их битвы проходят в тени, сражения — скрыты от чужих глаз, а победы остаются неизвестны.

Они будут сражаться. До конца. До победы. Война для них — обыденность, а мир — всего лишь мечта.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛЬФА-КНИГА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Анастасия Парфенова

Трилогия в одном томе

Танцующая с Ауте

В Небесах твоего мира появились странные существа, называющие себя людьми. Навязали войну, чуть не истребили твой народ, убили возлюбленного. Ты не осталась в ответе, но вот цена возмездия оказалась слишком высока...

Чтобы не допустить войны, той, что носит титул Танцующей с Ауте, пришлось отправиться в миры врагов. Антею тор Дериул ждут губительная паутина чужой цивилизации и непримиримые столкновения с собственным народом. Сплелись в танце судьбы магия и технология, меч и память, ярость и любовь.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АЛЬФА-КНИГА
ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Мария Куприянова

Тетралогия в одном томе

Анделор

Жизнь непредсказуема. Еще сегодня ты обычный человек, а завтра учишься сражаться в далеком враждебном мире. История изменчива. Еще секунду назад ты был в одном шаге от победы, а сейчас летишь в пропасть неизвестности, и тебе придется выжить там, где ломаются и гибнут остальные. Тени прошлого, враги настоящего, отблески будущего сплетаются в один клубок, разобраться в котором и не совершить ошибки почти невозможно. Но тебя поведет вперед ненависть гворра, и ты будешь крушить все на своем пути. И тебя не одолеть безжалостному врагу, потому что рядом верные друзья, а в руках смертоносный меч отца. Тебе есть ради чего жить и бороться, потому что в душе бьется решимость защитить родной Анделор ради той, которую полюбил всем сердцем. И ты исполнишь свое предназначение, отдав за победу все, что у тебя есть. Потому что смерть отступает перед долгом, потому что долг — это битва. Потому что битва — это твоя судьба.

Волкодлак, человек, полуфэйри. Нет, не то. Беглый преступник, боевой маг, адептка первого курса. Тоже не совсем так. Хорошо: Сигурд, Эгмонт, Ялька. Их путь лежит на северо-восток, в земли Серого Конунгата, под защиту золотого дракона Арры. Не сказать, чтобы им особенно этого хотелось, но куда еще податься угодившему в беду оборотню? Что ждет их там? О чем промолчал Лис из Леса? И что, мрыс эт веллер, значит этот белый слон?

А по следам беглецов уже идет ковенский отряд...

ISBN 978-5-9922-0958-7